

ф а з и л ь
Искандер

с о б р а н и е

д е т с т в о ч и к а

собрание

фазиль

ИСКАНДЕР

детство чика

МОСКВА

2004

ББК 84.7
И86

*Издательство выражает благодарность
Александру Леонидовичу Мамуту
за поддержку в издании книги*

*Макет и оформление, иллюстрации
Валерий Калныньш*

ISBN 5-94117-091-2 (общий)
ISBN 5-94117-083-1

© Ф. Искандер, 2004
© В. Я. Калныньш, 2004
© Издательский дом «Время», 2004

путь из варяг в греки

созвездие козлотура

детство чика

сандро из чегема 1

сандро из чегема 2

сандро из чегема 3

софичка

человек и его окрестности

козы и шекспир

паром

НОЧЬ И ДЕНЬ ЧИКА

— А тебе, Ясон, — спросил Чик, — приходилось убивать человека?

Чик лежал на высокой бабушкиной кровати и, приподнявшись, смотрел в противоположную сторону залы — так называли эту комнату. Там почти в полной темноте лежал Ясон. Ясон курил, и огонек папиросы, когда он затягивался, озарял его впалую щеку, коротенький нос и большие губы.

Между Чиком и Ясоном на своем обычном месте лежал дядя Коля, сумасшедший дядюшка Чика. Ставни среднего окна были открыты, и свет уличного фонаря слегка озарял постель и бритую голову дяди Коли.

В столовой спала тетя Наташа, дальняя родственница Чика. Больше в доме никого не было, все уехали в деревню на похороны...

Обычно Чик спал у себя дома, внизу, на первом этаже. Но сегодня бабушка оставила его здесь, чтобы он присматривал за дядей. Сам-то дядя предпочел бы, чтобы Чик за ним не присматривал, потому что в таких случаях Чик редко удерживался, чтобы не подразнить его.

Правда, сейчас Чик, занятый разговором с Ясоном, не собирался его дразнить. Дело в том, что Ясон был вором. Это все знали. Во всяком случае, знали все родственники. Изредка он заходил к ним домой, иногда оставался ночевать и всегда уходил рано утром.

Задав вопрос, Чик напряженно прислушивался, чтобы не пропустить ни одного слова. Прислушиваясь, он поглядывал сквозь среднее окно на уличный фонарь, вокруг которого толклись мотыльки и мошки.

Ясон не спешил с ответом, зато в тишине без умолку раздалась песенка дяди Коли. Такие песенки собственного сочинения, без всяких слов, вернее, с выдуманными словами, он всегда пел перед сном, если у него было хорошее настроение.

Иногда он прерывал песню и, приподнявшись, тревожно смотрел в сторону Чика, чтобы вовремя перехватить его очередную проделку. То, что Чик до сих пор ничего не выкинул, беспокоило его, казалось признаком особого коварства.

— Вижу, вижу, — приговаривал он, делая вид, что разгадал замысел Чика и достаточно сурово покарает, когда это будет необходимо.

Еще один оттенок легко улавливал Чик в его предупреждении. Он как бы выманивал его из засады — мол, давай, если ты такой храбрый, действуй побыстрее, а там я с тобой разделаюсь, и мы оба освободимся друг от друга. Иногда он поглядывал на Ясона, стараясь предугадать, чью сторону примет этот неизвестный человек в случае столкновения с Чиком.

Собственно говоря, Чик собирался подбросить ему кошку. С этой целью он взял ее к себе в постель, но сейчас, увлекшись рассказами Ясона, забыл о своих планах. Кошка спала, уютно устроившись на простыне, которой укрывался Чик.

Кошек и собак дядя Коля не переносил. Он испытывал к ним яростное отвращение. Было похоже, что он не видел между ними особой разницы. Во всяком случае, и тех и других он обобщенно называл собаками.

Предупредив Чика, что его тайные приготовления не остались незамеченными, дядюшка на время успокоился и снова затянул свою бесконечную мелодию, иногда подражая каким-то музыкальным инструментам, совершенно неведомым Чику, а может быть, и всему остальному человечеству.

— Он что, всю ночь будет так скулить? — неожиданно спросил Ясон, не отвечая на вопрос Чика.

— Это он поет, — ответил Чик, несколько обиженный за дядю. — Он так попоет немного, а потом заснет.

— Интересно, что ему сейчас кажется? — сказал Ясон и затынулся. Снова появились в темноте большие губы, короткий нос и ямина впалой щеки.

— Ничего не кажется, — ответил Чик несколько раздраженно. — Ты лучше скажи, приходилось тебе убивать или нет?

— Было, — сказал Ясон не очень охотно. Чик не мог почувствовать, жалеет он об этом или ему просто лень вспоминать.

— Так расскажи, — снова подтолкнул он его.

— В ту ночь, — начал Ясон, — мы ничего такого не думали. Шли с кино с одним корешем...

— Я его не знаю? — спросил Чик. — Он не из тех, кого я видел на стадионе?

— Не, то был грек, — сказал Ясон с таким видом, как будто среди тех, что были на стадионе, не могло оказаться грека.

...В прошлом году за драку в ресторане Ясона посадили в тюрьму. Оказывается, он заплатил деньги ресторанному певцу, чтобы тот спел «Здравствуй, моя Мурка». Но певец почему-то отказался петь эту песню, хотя обещал спеть любую другую. Из-за этого все и началось.

Чик вообще считал всю эту историю очень глупой. Если уж Ясону было совсем невтерпеж послушать «Мурку», то он мог прийти к ним домой, и Чик ему спел бы ее, и притом бесплатно.

Одним словом, из-за этого получилась драка, и один из друзей Ясона бросил в певца бутылку из-под шампанского. Но она в певца не попала. Она попала в барабан, и тот лопнул. Не лопни барабан, ничего бы не случилось. А когда барабан лопнул, кто-то решил, что началась стрельба, и позвонил в милицию. Тут приехала милиция, и всех перехватывали. Таким образом, Ясон оказался на полгода в тюрьме. Вернее, это так считалось, что он сидит в тюрьме. На самом деле он вместе с другими заключенными работал. Чик тогда несколько раз носил ему передачи. Передачи эти — полная сетка продуктов — втайне от домашних собирала бабушка и давала Чику отнести, потому что работал Ясон совсем рядом, в двух кварталах от дома на стадионе.

Хотя по дорожке похаживал часовой, пройти к заключенным было совсем легко с другой стороны, где в деревянном заборе была не слишком замаскированная дыра. В другое время ее обязательно заделали бы, а сейчас решили оставить, потому что все равно этот забор собирались заменить камен-

ной оградой. (Среди ребят ходили темные слухи о том, что в гребень каменной ограды собираются вцементировать бутылочные осколки, как это делалось в некоторых местах. К счастью, слухи эти впоследствии не оправдались, но тогда мысль о новом каменном заборе с бутылочными осколками наводила на Чика тоску.)

Даже в самый первый раз, когда Чик приходил сюда со своей тяжелой сеткой, наполненной продуктами, он нисколько не боялся часового. Он просто дождался, когда тот повернулся к нему спиной, и пролез в дыру. Потом, когда заключенные хвалили его за храбрость, Чик хотя и не протестовал, но про себя удивлялся их наивности.

Пролезая в дыру, Чик совершенно ясно понимал, что не может наш советский часовой выстрелить в нашего советского школьника. В крайнем случае просто прогонит. Чик это до того ясно понимал, что голова его легко пролезла в дыру. А ведь обычно, когда он пролезал через эту дыру, голова его нередко застревала из-за своего размера и слишком растопыренных ушей. Дело в том, что надо было слегка сунуть голову в дыру, немного поерзать ею, а дальше она сама находила дорогу. Но Чик от волнения часто всовывал голову до отказа, так что поерзать уже было невозможно и приходилось лезть напролом. Чику всегда казалось, что в таких случаях уши его от предчувствия боли сами прижимаются к голове. А все потому, что он слишком волновался. А часового не надо было бояться, и голова Чика, спокойно поерзав, прошла в дыру.

Арестованные, почти все здоровые и молодые ребята, показались Чикю веселыми и жизнерадостными. Одни из них перетаскивали носилки с песком и гравием, другие гасили в яме известь, третьи копали фундамент для каменной ограды, а четвертые вообще ничего не делали, просто сидели на досках. Чик почувствовал, что Ясона надо искать среди них. Так оно и оказалось.

Чикю было неловко подходить к нему. Он думал, что Ясону будет стыдно перед ним за то, что он оказался в тюрьме, да еще вдобавок ему и голову побрили. Поэтому сам Чик испытывал неловкость. К счастью, Ясон не смотрел в его сторону, и он незаметно подошел к нему.

— А, Чик! — улыбнулся Ясон, увидев его, и, потрепав по голове, взял сетку.

Чик сразу же почувствовал, что Ясон никакого стыда за то, что сидит в тюрьме, или за то, что ему побрили голову, не испытывает. Поэтому он и сам перестал стыдиться. Потом он заметил, что вообще никто из заключенных никакой неловкости не испытывает.

Ясон вынимал из сетки хлеб, сыр, масло, помидоры, соленые огурцы и все это небрежно складывал на досках. Двое заключенных, проходивших мимо с носилками, наполненными гравием, увидев, чем он занят, остановились напротив него и разом, не стовариваясь, бросили носилки, даже не наклонившись.

— А выпить ничего нет? — спросил один из них, усаживаясь рядом с Ясоном, и без всякой видимой причины заголил до колена одну ногу.

— Так это ж бабка! — ответил ему Ясон.

— Вот кран, — показал Чик рукой на колонку. Ему на миг показалось, что им не дают воды.

Все засмеялись, и Чик догадался, что они имеют в виду.

Товарищи Ясона расселись на досках поближе к закуске и стали есть. Сначала почему-то все напали на соленые огурцы и мигом все сожрали. Чик заметил, что все остальное они ели довольно равнодушно. Чик с обидой почувствовал, что рука его все еще ноет от тяжелой сетки.

— Не очень-то, я вижу, вы голодные, — сказал Чик сердито.

Все опять рассмеялись, а тот, что был с оголенной ногой, поощрительно пошлепал свою голую икру — дескать, ничего, справный поросенок.

— Что мы, фрайера, что ли! — сказал он.

Двое из присевших на доски, продолжая жевать и не меняя позы, стали играть в карты. Чик не знал, что это за игра. Он знал только три игры: в «дурака», в «фурт» и в «очко». А это была какая-то странная игра. Один из игроков, беря из колоды карты, самым нахальным образом подсматривал остающиеся. Возьмет две-три нужные ему карты, но при этом обязательно вывернет еще две-три и подсмотрит. А второй игрок как устался в свои карты, так и смотрит в них не отрываясь. Хоть бы, когда берет карты, на колоду посмотрел, волнуясь, думал Чик. Так нет, он и тут машинально протягивал руку и, не отрываясь, продолжал смотреть на свои карты. Прямо губошлеп какой-то!

— Да он же все карты подглядывает! — крикнул Чик, не выдержав.

— Ничего, пусть потешится, — сказал тот, так и не оторвав взгляда от собственных карт.

И тут Чик по голосу его почувствовал, что он заранее это учел, так что ему незачем следить за колодой.

Чик до этого даже и представить себе не мог, что может быть такая игра, где один подсматривает карты, а другой хоть и знает об этом, но никак ему не мешает. Видно, за счет чего-то другого он уравнивает это преимущество, подумал Чик. Может быть, за счет более точной игры или чего-то еще.

Это было похоже на то, как однажды Чик бежал наперегонки с одним мальчиком. Условия были такие: надо было выбегать с одного места в разные стороны и, сделав круг из четырех кварталов, прибежать назад. Чик очень старался, потому что знал, что этот мальчик хорошо бегаёт.

Они встретились примерно на середине параллельной улицы. Ревниво пропыхтев друг мимо друга, разбежались. Когда Чик выскочил на свою улицу и уже подбегал к тому месту, где они стартовали, он вдруг увидел, что его соперник выбегает со двора соседнего дома. Значит, как только они разминулись, тот решил срезать дорогу и побежал по дворам.

Соперник тоже заметил, что Чик его видит, но даже не мог скрыть смущенной улыбки и все-таки с тупым усердием продолжал бежать, хотя теперь это не имело никакого смысла...

Все-таки Чик пришел первым. Сперва он чуть было не задохнулся от возмущения, но потом, отдышавшись, по-

нял, что мошенник (он все еще смущенно улыбался) вдвойне наказан. Получалось, что он и меньше бежал, и все равно пришел вторым. Оказалось, что прыгать через заборы тоже нелегко, а в одном дворе за ним еще и собака погналась.

Чик вспомнил этот случай, наблюдая за странной игрой в карты. Он пришел к выводу, что мошенничать не так выгодно, как это кажется многим. А в том, что именно так кажется многим, Чик нисколько не сомневался.

— ...Было уже часов так двенадцать, — продолжал Ясон. — Смотрю, в доме напротив парка окна открыты на втором этаже и свет горит. Прислушался — ничего не слышно, как будто спят. А свет горит. Место тоже удобное, и этаж низкий. В случае чего прыгай и чеши через парк. А кореш, который со мной был, оказался трус, но я не знал. Возле нас тоже сшиваются случайные проходимцы.

«Ты, — говорю ему, — кроме помидоров на базаре, что-нибудь воровал?»

«Я цесный вор, кого хочешь спроси», — отвечает он.

Вообще он некоторые слова не так говорил, потому что грек. Не, среди греков мировые ребята попадают, но этот оказался трус.

«Тогда попробуем», — говорю.

Вижу, дрейфит, но не хочет показать.

«Подожди, — говорит, — есе рано».

«Ну, рано, рано, — говорю, — нас дети дома не ждут».

Пошлялись по городу, вышли на бульвар — вижу, скучает мой кореш. Ну ничего, думаю, сейчас повеселеет. У сторожа павильона покупаю поллитру и колбасу. Сели на берегу, пьем, закусываем. Вижу, он повеселел.

«Прошел мандраж?» — говорю.

«Какой мандраж? — говорит. — Я полезу, а ты стой на вассере».

Кидаю бутылку в море. Вижу — плавает.

«Вот, — говорю, — кто утопит, тот и стоит на вассере».

Смотрю — я не успею один камень поднять, он уже три кинул. Дал я ему утопить эту бутылку, и мы пошли. Все равно я его в дом не собирался пускать — такого мандражиста пусти, все дело испортит. По дороге зашел в один двор и срезал там бельевую веревку. Запихал в карман. Приходим к дому, вижу: окна все еще открыты и свет горит...

— А разве при свете не опасно? — спросил Чик.

— Еще лучше, — радостно пояснил Ясон, — хотя некоторые не понимают. Когда свет горит, ты сразу все видишь, где что и куда в случае чего бежать. А без света у него преимущество получается.

— У кого «у него»? — спросил Чик.

— Как у кого? — удивился Ясон и, скрипнув кроватью, повернулся к Чику. — У хозяина! Ведь он и без света знает, где что стоит у него. А ты можешь через какой-нибудь стул перевернуться и срок получить.

— Еще бы, — сказал Чик, — ведь он у себя дома.

— В том-то и дело, — вздохнул Ясон. В голосе его прозвучала обида за преимущество хозяина в знании собственной квартиры. Чикю это показалось очень смешным.

*Пиллом, пиллом, пиллом, пиллом,
Плюм, плюм, плюм!*

Дядя Коля, не прерывая песни, неожиданно перешел на музыкальный инструмент, зазвучавший еще более радостно и энергично.

— Он что, совсем чокнулся? — спросил Ясон, приподнявшись, словно пытаясь разглядеть инструмент, на котором играл дядюшка Чика.

— Да нет, он всегда такой, — сказал Чик.

— Нет, раньше он был получше, — не согласился Ясон.

— Ты просто с ним никогда не спал, — ответил Чик. — Он всегда так поет, когда у него настроение хорошее.

— С чего он радуется, — пробормотал Ясон, — живую бабу никогда не видел, за хорошим столом в жизни не сидел...

— Ладно, рассказывай дальше, — перебил его Чик. Он не любил, когда начинались такие разговоры про дядю.

— Некоторые думают, что раз горит свет, — продолжал Ясон, — то люди спят некрепко. Но я тебе скажу — это ерунда. Если человек заснул при свете, он так же крепко спит, как и без света.

— Хватит про свет, дальше рассказывай, — перебил его Чик.

— Ну вот, приходим снова, — продолжал Ясон, — а свет горит.

— Я же сказал, хватит про свет, — терпеливо напомнил ему Чик.

— А я и не говорю, — продолжал Ясон. — Я оставил его на вассере, а сам полез...

— Как полез? — снова перебил его Чик, чтобы он не пропускал интересных подробностей. — Ведь на второй этаж трудно залезть?

— Нет, — сказал Ясон, — там было легко. Там была парадная дверь, а над ней такой козырек. Я залез на этот козырек, оттуда на карниз, а по карнизу дошел до окна.

— У нас тоже такой козырек, — вспомнил Чик и посмотрел на закрытые ставни напротив своей кровати. Само окно было открыто, и достаточно было снаружи просунуть нож или проволочку, чтобы скинуть крючок, на который закрывались ставни.

А вдруг Ясон залезет к Богатому Портному, подумал Чик. Квартира Богатого Портного находилась рядом. Можно было вылезти на карниз, а оттуда перейти на его балкон. Летом он всегда был открытый.

— Да, почти такой, — согласился Ясон и, словно угадав мысль Чика, добавил: — На вашего Богатого Портного уф какой зуб имею...

— Ты что? — сказал Чик строго.

— А что? — спросил Ясон.

— Да ты что! — крикнул Чик. — Я ведь с его сыном дружу!

— Вот, Чик, — сказал Ясон, — ты даже шуток не понимаешь.

— Этим не шутят, — важно заметил Чик.

— Вообще, Чик, я тебе честно скажу, ты мне нравишься, — сказал Ясон, — ты не то, что эта колхозница... И вот, значит, влезая в комнату, — продолжал Ясон. — Стою у окна. Вижу, на кровати спит мужчина, слегка похрапывает. Молодец, думаю, спи. Комната хорошая, вообще ничего особенного. На одной стене ковер, а на нем кинжал для украшения. Ладно, думаю, видел я в гробу этот кинжал. Рядом шифоньер. Но я тебе честно скажу, я шифоньеры вообще не уважаю. Хуже нет — иметь дело с шифоньером, особенно если в комнате спит человек.

— Потому что скрипит? — легко догадался Чик.

— Да, скрипит, как арба. Я чемоданы уважаю. Взял за ручку и пошел как фрайер. За это я люблю в поездах работать. Лучше поездов ничего на свете нет. Там тебе никаких шифоньеров. Но вот я нагнулся, и смотрю под кровать, и вижу два чемодана. Один рыжий, другой черный. Потихоньку нагнулся и начинаю вытаскивать черный...

— Собаки! Собаки! Брысь! Брысь! — вдруг заорал дядя Коля, свешиваясь с кровати и заглядывая под нее. Кошка, спавшая у Чика на кровати, вздрогнула и с испугу попыталась спрыгнуть, но Чик вовремя ее перехватил.

— Он что, совсем очумел? — воскликнул Ясон и тоже привскочил с кровати. Дядя Коля смотрел на Чика округлившимися глазами.

— Нету! Нету! — крикнул Чик и для ясности сделал широкий отрицательный жест, чтобы успокоить дядюшку.

— Хитришь? — настороженно спросил дядюшка.

— Нет, не хитрю, — сказал Чик и опять сделал отрицательный жест.

— Собаки нету? — спросил дядюшка, словно пытаясь уточнить, понимает ли Чик, что именно его беспокоит.

— Нету, — повторил Чик и опять сделал широкий отрицательный жест. Действовать надо было просто и односложно, чтобы исключить оттенки в истолковании его слов.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся дядя Коля, — а я думал — собаки...

Последние слова он произнес извиняющимся голосом. Ему стало стыдно за ложную тревогу. Это не помешало ему, видно, для очистки совести, последний раз крикнуть: «Брысь!» После чего, окончательно успокоившись, он снова запел свою песенку.

— Что это? — строго спросил Ясон.

— Ему показалось, что у него под кроватью кошка, — сказал Чик просто. Он чувствовал, что с Ясоном тоже надо говорить односложно.

— По-моему, он говорил о собаках, — еще строже возразил Ясон. — Или меня здесь за дурака принимают?

— Он и собак и кошек называет собаками, — объяснил Чик, стараясь придать голосу самую обычную интонацию.

— Тогда откуда ты знаешь, что он кричал на кошку? — спросил Ясон.

— Просто наша Белка сюда редко заходит, — сказал Чик.

— Он что, и собакам и кошкам говорит «брысь»? — спросил Ясон, несколько успокоившись.

— Да, — сказал Чик, — так ему запало в голову.

Вообще-то Чик не раз об этом думал и пришел к выводу, что, раз дядя Коля и собак и кошек называет собаками, какая-то сила заставила его уравновесить эту несправедливость по отношению к кошкам возгласом «брысь». Но Чик не стал излагать Ясону свою догадку — он чувствовал, что это для него слишком сложно.

— А больше ему ничего не запало? — спросил Ясон.

— Нет, — сказал Чик. — Рассказывай дальше.

— Лучше в КПЗ ночевать, чем с ним, — сказал Ясон.

— Он, если его не трогать, никогда не тронет, — сказал Чик.

— Откуда я знаю! — ответил Ясон и добавил: — А вообще он кумекает, о чем мы говорим?

— Что ты! — успокоил его Чик. — Он ничего не понимает, он даже плохо слышит.

— А эта колхозница, интересно, спит? — спросил Ясон. Так он называл тетю Наташу. Слово «колхозница» звучало у него презрительно. Чикун нравилась тетя Наташа, и ему было обидно, что Ясон ее так насмешливо называет.

— Да, спит, — сказал Чик.

— Ты тоже язык придерживай, — посоветовал Ясон и, подумав, добавил: — Хотя с тех пор прошло много лет, затаскают...

Чик промолчал.

Дядя Коля вовсю распелся. Чик чувствовал, что пение доходит до того момента, когда он не в силах передать свой восторг выдуманными словами и перейдет на язык выдуманных инструментов.

— Я вижу, он из тех, что всю ночь верещат, — сказал Ясон, прислушиваясь к пению и правильно почувствовав, что оно не скоро кончится.

— Нет, — сказал Чик. — Ты рассказывай, а он тут же уснет.

— Так я и поверил! У меня знаешь невры какие?

— Какие? — спросил Чик.

— У меня невры как папиросная бумага, — гордо сказал Ясон. — Не дай Бог, если я заведусь.

— Надо говорить не невры, а нервы, — поправил его Чик. Пожалуй, это он мстил за тетю Наташу.

— Я и говорю — невры, — сказал Ясон.

— А надо говорить нервы, — доброжелательно повторил Чик.

— Я и говорю невры, — повторил Ясон, начиная раздражаться. — Что ты мне мозги лечишь? Недаром мне говорили, что ты ехидина...

— Ладно, — сказал Чик примирительно. — Отчего у тебя такие нервы?

— Как отчего? От поездов! — удивился Ясон его наивности. — Сколько раз на ходу приходилось прыгать!

Только он это сказал, как дядя Коля перешел на музыкальные инструменты:

Тюрли фук! Тюрли фук! Тюрли фук!

Мелодия пробежала сквозь скважины загадочной дудки.

— Во соловей! — сказал Ясон и с раздражением вспомнил о тете Наташе: — А колхозница спит... Ей хоть бы что...

Чик промолчал. Он знал, что, если сейчас начнет ее защищать, Ясон и в самом деле заведется, и тогда неизвестно, чем все это кончится. Тетя Наташа ни капли не скрывала своего презрительного отношения к Ясону. Он отвечал ей тем же. Он говорил, что она, кроме сарая, где нижут табак, ничего на свете не видела и дальше Очамчиры нигде не бывала, тогда как он объездил полстраны на своих поездах. Он даже сомневался, видела ли она когда-нибудь поезд.

— И видеть не хочу, так же как и тебя, — безжалостно отвечала тетя Наташа.

Чик не одобрял такую резкость, тем более, что скоро поезда должны были появиться в Абхазии, потому в городе возвели эстакады и Чернявскую гору продырявили тоннелем.

Вообще все взрослые родственники поругивали Ясона. Правда, не так уж слишком, потому что он редко приходил в гости. Только бабушка как начнет его пилить, так и пилит, пока он не уйдет из дому. Чик знал, что она-то как раз его жалеет, потому что он был сыном ее брата. Другие ему просто предлагали стать человеком, то есть таким, как они. Но он с этим не соглашался, потому что и так считал себя человеком, и притом более высокого сорта, чем они.

Казалось, обе стороны выжидали, чтобы наяву убедиться, чей образ жизни окажется в конце концов более правильным и потому более выгодным. Наверное, из-за этого, хотя и с некоторыми предосторожностями, Ясона пускали в дом, и он, в свою очередь, терпел поучения родственников. Так думал Чик.

Скрипнув кроватью, Ясон потянулся к пепельнице, чтобы достать окурок. Пепельница стояла на полу. Снова спичка озарила коротенький нос, большие губы и тени впалых щек. Он откинулся на подушке и пыхнул папиросой.

— Ты стал тянуть чемодан, и вдруг что-то случилось, — напомнил Чик.

— Да... Слышу — перестал храпеть. Я перемандражил и совсем залез под кровать. Думаю, если он сам проснулся, ничего не заметит. Минут двадцать пролежал под ним, чувствую — спит.

— Начал храпеть? — спросил Чик.

— Нет, — сказал Ясон, — по дыханию вижу. Я по дыханию лучше доктора могу определить, спит человек или притворяется.

— У спящего ровное дыхание, — заметил Чик.

— Это ерунда, — сказал Ясон, — ровное дыхание можно придумать. Но есть такое, что ни за что не придумаешь.

— А что это? — спросил Чик.

— Это так не расскажешь, — ответил Ясон, — это надо как следует перемандражить несколько раз, тогда почувствуешь. Да тебе это и не надо знать... Одним словом, вижу — спит. Потихоньку выволакиваю чемодан, подхожу к окну. Смотрю — нет моего паразита. Оказывается, он в парке из кустов выглядывает. Еле увидел. Ничего себе на вассере стоит! Я, значит, тут рискую, а он голову прячет. Даю знак — подходит. Я прицепил чемодан к веревке и осторожно спустил ему. Даю знак, что еще буду спускать. Он отвязывает ве-

ревку, переходит улицу, перелезает через ограду и стоит там в кустах... Лиандры, что ли, называются... Такие вонючие цветы?

— Да, да, — живо подтвердил Чик, — это олеандры, у них цветы, когда переспеют, вонять начинают...

— И вот он, значит, — продолжал Ясон, — стоит среди этих вонючих цветов, сам такой же вонючий, а я подымаю веревку, кладу ее на подоконник и только поворачиваюсь, как вдруг открывается дверь во вторую комнату и в дверях останавливается женщина.

— И она тебя не видит? — спрашивает Чик, пораженный таким ходом событий. Чик даже привскочил на кровати, что не понравилось кошке. Но сейчас ему было не до нее.

— Как не видит?! Прямо на меня смотрит! — восторженно говорит Ясон.

— И что она говорит?

— Ничего не говорит. Стоит и смеется!

— Смеется?!

— В том-то и дело, что смеется.

— Но почему?

— Откуда я знаю! Наверно, от страха или стыда. Она же голая.

— И он просыпается от ее смеха? — догадывается Чик, чувствуя, как волосы у него на затылке привстали, аж кожа на голове защемилась.

— В том-то и дело, что нет! Она так тихо, тихо смеется и вся дрожит.

— Но почему она полезла среди ночи в эту комнату? Она что-нибудь услышала? — допытывается Чик, отчетливо представляя эту ужасную картину: вот она стоит в дверях, тихо смеется и вся дрожит голым телом.

Чик почему-то представил, что эта дрожащая кожа совершенно белая, даже слегка пупырчатая, вроде бы от холода, хотя где взяться холоду, когда олеандры на всю улицу воняют. Чик чувствует, что если бы эта женщина была позагорелей, то картина получилась бы не такая ужасная.

— Да нет, — усмехнулся Ясон.

— Я знаю, — вдруг догадался Чик, — она была лунатик! Она искала выход к луне.

— Лунатик! — презрительно повторил Ясон. — Если ты лунатик — лезь на крышу, а не мешай людям... спать.

Чик почувствовал, что последнее слово прозвучало неубедительно.

— И ты его... убил? — спросил Чик, холодея, хотя и так уже знал, что он именно этого мужчину убил.

Он хотел представить, что бы было, если бы этот мужчина не заснул. Но у него ничего не получилось. Он только представил, что этот мужчина неподвижно лежит себе с открытыми глазами и скучно так, скучно смотрит в потолок, как бы заранее готовясь к состоянию мертвеца.

— Да, — сказал Ясон и неожиданно добавил: — Слушай, Чик, у меня папиросы кончились. Где тетнины папиросы лежат, знаешь?

— Знаю, — сказал Чик, вставая, — сейчас принесу.

— Она что, «Рицу» курит?

— Да, — сказал Чик и вышел из залы. Он тихо прошел через столовую, где спала тетя Наташа. Пол в столовой был крашенный и, наверное, поэтому быстрее остывал. Ступать по нему босыми ногами было приятно. Он вышел на веранду и нащупал возле столика, где стоял самовар, начатую пачку папирос «Рица», которые курила его тетушка.

Чик часто бегал за этими папиросами в магазин, потому что тетушка ему доверяла покупать эти папиросы, а старшему брату не доверяла. Тот уже покуривал и мог незаметно открыть пачку, вытащить оттуда пару папирос и снова закрыть ее. Сначала тетушка, если замечала, что в пачке не хватает папирос, все сваливала на фабрику и со странной радостью всем рассказывала, что фабрика ее обманула. Потом однажды было замечено, что фабрика тут ни при чем, а во всем виноват старший брат Чика. Чик ожидал, что теперь она всем расскажет, что ошибалась насчет фабрики, как бы извинится перед ней. Но ничего такого не произошло. Тетушка про фабрику больше не вспоминала, хотя при случае с таким же странным удовольствием рассказывала, что, оказывается, брат Чика покуривает и поворовывает у нее папиросы. Так как при этом она не вспоминала про фабрику, в головах у знакомых могла произойти путаница, они могли подумать, что фабрика поворовывает папиросы и брат Чика поворовывает, так что неизвестно, что остается курить самой тетушке. Неряшливостью образа мыслей — вот чем удивляли Чика многие взрослые. Среди взрослых первое место

занимали женщины. Среди женщин наипервейшее место занимала тетушка.

На веранде, целый день открытой солнцу, было особенно душно. Ночь все еще никак не могла остыть. Светили звезды, но луны не было. Впереди в самом конце неба подымалось легкое зарево. Там был порт. Рядом с верандой весело светила оцинкованная крыша соседского дома. Уже несколько месяцев в желобе, проходящем вдоль крыши, лежал великолепный теннисный мяч, случайно заброшенный сюда с какого-то соседского двора. Чик нащупал его глазами и с удовольствием убедился, что он на месте. На крышу нельзя было залезть, но он знал, что мячик медленно, но неуклонно продвигается в сторону водосточной трубы. После каждого сильного ливня он продвигался вперед на целый метр или даже полтора. Иногда его задерживали вмятины или рубцы на поверхности желоба, но рано или поздно он все равно перескакивал через них и неуклонно приближался к водосточной трубе.

По расчетам Чика, теперь мячу хватило бы одного или двух хороших ливней, чтобы бултыхнуться в бочку под водосточной трубой. И тут надо было не прозевать этот прекрасный миг. В последние дни стояла страшная духота, и можно было ожидать, что на город вот-вот обрушится хорошая гроза. Но она все еще никак не обрушивалась. Небо оставалось чистым и ясным.

Чик приоткрыл дверь в столовую, где спала тетя Наташа, тихо закрыл и на цыпочках перешел комнату. Открывая

дверь в залу, Чик на минуту приостановился. Он прислушался к дыханию тети Наташи, чтобы определить по дыханию, спит она или нет. Хотя он и так знал, что она спит, ему почему-то было любопытно прислушаться к ее дыханию. Дыхания не было слышно. За открытым окном серел мощный ствол кипариса. Чик постоял немного и вошел в залу, прикрыв за собой дверь. Чик прошел мимо дяди Коли, подошел к кровати Ясона и подал ему пачку.

— А этот Лемешев уснул, — сказал Ясон и, зашуршав пачкой, вытащил оттуда папиросу.

— Я же говорил! — напомнил Чик и подошел к своей кровати.

Дядя Коля спал, откинувшись на подушке и приоткрыв рот.

— Рассказывай дальше, — попросил Чик, залезая на кровать. Он укрылся простыней и, нащупав кошку, погладил ее. Она, не просыпаясь, поблагодарила его урчаньем.

— А этот не проснется? — насторожился Ясон.

— Нет, — сказал Чик, — раз уж он заснул, он не проснется... Лишь бы тетя Наташа не проснулась.

— Да за колхозницу я и говорить не хочу, — отмахнулся Ясон и, затянувшись, продолжал: — Так вот, значит, я стою среди комнаты, а эта женщина смотрит на меня, вся дрожит и смеется. Я показываю ей кулак, чтобы молчала, и, не спуская с нее глаз, лезу в окно. Я уже взялся одной рукой за подоконник, скинул веревку вниз, как вдруг этот мужчина вскакивает, как будто его палкой ударили, и бежит на меня.

— Он тоже был голый? — спросил Чик.

— В том-то и дело, что нет, — ответил Ясон. — Если б он был голый, ничего бы такого не случилось. Голый человек никогда на тебя не полезет. Одним словом, я уже выполз на карниз и только хотел спрыгнуть, как он меня успел схватить. Одной рукой душил за грудь, другой ухо рвет, сволочь. Я тык-мык, ничего не могу сделать. Страшная боль. Сейчас или ухо оторвет, или задушит. Ну, я сунул в него нож — сразу отпустил. Прыгаю вниз, хватаю веревку и бегу через парк. В этих вонючих лиандрах запутался, упал. Все же вскочил и веревку тоже не бросил, бегу через парк. А сзади уже, слышу, окна открываются, крики раздаются.

— А товарищ где? — спросил Чик.

— Он еще раньше побежал, как только увидел, что мы завозились. Мы договорились в случае чего встретиться на берегу в уборной.

— В уборной? — удивился Чик.

— Да, — сказал Ясон, — там всегда можно закрыться и спокойно посмотреть, что к чему. Вхожу — вижу, одна дверь закрыта. Думаю, он или не он? Думаю, неужели он с чемоданом раньше меня через полгорода пробежал? Так оно и оказалось.

«Это ты, Ясон?» — спрашивает.

«Открывай, — говорю. — Хорошо, что ты в Грецию не убежал».

Одним словом, заперлись там, раскрыли чемодан, смотрим — одно барахло. Лучше б я рыжий взял, в рыжем всегда

что-нибудь есть. Правда, там лежал один хороший коверкотовый отрез и две мужские сорочки. Все остальное — ерунда. Отрез загнали одному портному, хорошие деньги дал... Интересно, ваш Богатый Портной отрезы покупает?

— Нет, — сказал Чик, — он такими делами не занимается.

— Ты в натуре дружишь с его сыном?

— Да, — сказал Чик.

— Интересно, где у его пахана деньги лежат, он знает? — Чик не мог понять, шутит он или говорит серьезно.

— Отстань, — сказал Чик, — лучше дальше рассказывай.

— А что рассказывать! — зевнул Ясон. — Ох, поясница...

Кроме отреза, я все спустил в уборную. А между прочим, этот мандражист сорочки не хотел отдавать. «Зацем, — говорит, — выбрасывать? Я, — говорит, — сестрице отдам, сестрица перекрасит...»

— Значит, золота не было? — спросил Чик после некоторой паузы.

— Откуда золото! — пробормотал Ясон уже ворчливо, сонным голосом.

Ясон начал засыпать. Чик чувствовал какую-то неудовлетворенность от его рассказа. По правде сказать, он ожидал чего-то страшного, таинственного. А тут все оказалось слишком просто, даже как-то противно. Особенно эта подлая попытка перекрасить рубашки убитого и носить.

— Может, ты его ранил? — спросил Чик, немного помолчав.

— Убил, убил, — пробормотал Ясон, с досадой одолевая дремоту.

Но Чика это бормотание совсем не убедило. Чик замолчал. Вокруг уличного фонаря все так же с бессмысленной яростью толклись мотыльки. Большая черная бабочка, которой раньше там не было, сейчас дрябло трепыхалась среди них.

Он снова представил, как эта женщина тихо смеется, глядя на Ясона, а тот отступает к окну и грозит ей кулаком, а тут вскакивает этот мужчина и безоружный бежит на Ясона.

— Хоть бы сначала за кинжалом побежал! — сказал Чик.

Но Ясон ничего не ответил. Он уже храпел.

Странно получается, подумал Чик. Если бы этот мужчина не уснул, ничего бы не случилось. Он бы закричал, как только Ясон появился в окне, а Ясон спрыгнул бы и убежал. Сколько случайностей, подумал он, и как, оказывается, просто убить человека! Чик стало не по себе. Особенно гадостно снова показалось ему предложение перекрасить рубашки, а потом носить.

«Сестрица перекрасит», — вспомнил Чик и вздрогнул.

Ветхие ставни в окне напротив Чика время от времени поскрипывали, с гор потягивал ночной ветер. Если бы вор вздумал забраться сюда, подумал Чик, он полез бы через это окно. Ведь оно было ближе остальных к железному козырьку над парадным входом.

Теперь Чик прислушивался к ставням. Каждый раз, когда они издавали скрип, Чик замирал и прислушивался. Иногда ему казалось, что кто-то стоит на карнизе и осто-

рожно пробует скинуть крючок на ставне. Крючок еле слышно поскрипывал. Чик понимал, что это ему кажется, потому что крючок поскрипывал вместе со ставней, а ставня покачивалась от ветра. Чик знал, что летними ночами ветер всегда дует с гор. Но все-таки как-то неприятно было это еле слышное «кпр-кпр...». Словно кто-то пробует крючок, пробует...

Чик лежал на спине, глядя в потолок и прислушиваясь к поскрипыванию ставен. По потолку, слегка озаренному уличным фонарем, время от времени проходили таинственные тени. Чик стал следить за ними, стараясь отвлечься от неприятных мыслей. Он и раньше замечал эти тени, но никогда не знал, откуда они берутся. Вот проскользнули две тени, а вот целая вереница теней печально прошествовала и растворилась над его головой. Некоторые тени, дойдя до середины потолка, как бы вспомнив, что они что-то забыли, нерешительно возвращались обратно. Иногда ему казалось, что их кто-то окликнул, и вот они возвращаются. Ему казалось, что он даже угадывает смысл этого бесшумного оклика — мол, подождите, сейчас не ваша очередь. Он так думал, потому что через некоторое время эта же самая тень, он узнавал ее по очертанию, снова появлялась и уже спокойно проходила свой непонятный путь.

Чик умом понимал, что они, эти тени, как-то связаны с тем, что происходит на улице, что они идут откуда-то оттуда. Но дело в том, что на улице ничего не происходило. Если бы проезжала машина или фаэтон, или в соседнем доме от-

крывали освещенное окно, или поблизости колыхалось дерево, тогда было бы все понятно.

А сейчас Чику казалось, что эти тени связаны с ушедшим днем или даже с давным-давно прошедшими днями. То ли тени каких-то людей, то ли тени каких-то дневных событий... Что-то там получилось не так, они как-то выскочили из отведенного им времени, и вот они ходят, чего-то ищут, что-то пытаются делать. Чику было жалко этих неудачников дня — не смогли завершить свои дела днем, что же у них получится ночью?

Так, бывало, в школе, когда тебя выгонят из класса, ходишь по школьному двору неприкаянный, не знаешь, что делать. Купишь стакан семечек у бабки, а они невкусные, или залезешь на турник и висишь, висишь, даже подтягиваться неохота. Все не дождешься звонка, чтобы слиться со своими и быть счастливым оттого, что ты с ними вместе. Правда, потом, после звонка, слившись со своими, ты уже не чувствуешь этой радости, и даже как-то странно, что тебя так тянуло к ним.

Чик вздохнул и повернулся к стене с решительным намерением уснуть. Надо думать о приятном, подумал он, например о завтрашнем дне. Главное, что он обязательно будет, и все, что сейчас кажется тревожным, исчезнет, а если вспоминать, покажется глупым и смешным.

Сладость предстоящего дня ощущалась как сладость ясности. Он совсем успокоился и, уже засыпая, вдруг подумал, что и ночь по-своему хороша. Именно тем и хороша, почувст-

вовал он, что в ее крошечной тьме с особенной силой ощущаешь сладость предстоящего дня, благодарность за то, что день был и будет.

Чик уже совсем засыпал, а может, даже и заснул, когда Ясон вдруг что-то быстро-быстро забормотал во сне. Чик очнулся и со страхом стал прислушиваться к этому бормотанию. Какая-то злобная жалоба чувствовалась в голосе Ясона. Внезапно бормотание затихло, но тишина сделалась еще страшней, затаила грозный смысл этого бормотания.

Чик приподнялся на постели и посмотрел в сторону Ясона. Но там ничего не было. Было видно только смутное очертание постели. Чик перевел взгляд на дядю. Тот спал, как обычно, слегка закинув голову и приоткрыв рот. Привычная поза дядюшки немного успокоила Чика. Он всегда спал спокойно, никакого там тебе бормотания или угроз. Странно, подумал Чик, сумасшедший спит, как нормальный, а нормальный спит, как сумасшедший.

А вдруг он не спит, подумал Чик, а только притворяется, ждет, чтобы я заснул? Может, он теперь жалеет, что все это рассказал? Может, он думает, что я завтра пойду в милицию?

Надо было твердо ему сказать, думал он, что я умею держать язык за зубами. Почему я тогда ему ничего не сказал, подумал он, удивляясь своему легкомыслию.

Все-таки Чик хорошо помнил, почему он тогда промолчал. Нет, не потому, что он думал выдать Ясона. Он понимал,

что это подло. Раз человек доверился, значит, нельзя. Если б Чик сам, как Шерлок Холмс, раскрыл его преступление, тогда б совсем другое дело. А так нельзя — это Чик знал точно. И хоть Чик знал, что никому ничего не скажет, раз тот просил держать язык за зубами, Чик как-то почувствовал, что полностью лишать Ясона тревоги тоже нехорошо. Поэтому он тогда и промолчал. Но сейчас Чик жалел об этом, потому что ему стало страшно.

Он снова попытался уснуть, но у него опять ничего не получилось. Ему показалось, что кошка лежит слишком близко и дышит ему прямо в лицо. Чик ее отодвинул и положил между собой и стенкой на уровне живота. Чик считал, что это достаточно уютное место, но она полежала там с минуты и, видимо решив, что Чик уже заснул, вкрадчивой походкой подошла к его лицу и улеглась. Чику эта вкрадчивая походка как-то не понравилась. Он ее снова, теперь уже более властно, отодвинул на отведенное место. Кошка как будто уснула, но Чик никак не мог уснуть.

Время от времени подушка делалась липкой и горячей. Чик переворачивал ее и погружал щеку в успокоительную прохладу нетронутой стороны. Через несколько минут она опять делалась невыносимой.

— Ребята, договоримся? — вдруг закричал Ясон и присел на кровати.

Чик тоже вскочил, ожидая самого худшего, но Ясон больше ничего не сказал. Кровать под ним заскрипела. Видно, он, так и не проснувшись, снова улегся.

— Ты что-то сказал? — спросил Чик через некоторое время. Голос его прозвучал неприятно.

Чик слышал в тишине, как бешено колотится его сердце. Словно в ответ на слова Чика, Ясон захрапел. Притворяется, подумал Чик, недаром он скрыл от меня признаки спящего человека. Он заметил, что я не сплю, и, чтобы успокоить меня, захрапел. А как только я усну, он встанет и задует меня.

Пусть только встанет, подумал Чик, храбрясь, я так закричу, что вся улица проснется. Дядя Коля намного сильнее Ясона, так что скрутит его в одну минуту. Да и тетя Наташа его ничуть не боится.

Постепенно Чик опять успокоился, но теперь ему стало грустно. Жизнь показалась ему какой-то непрочной, ненадежной.

Вот так живешь себе, живешь, подумал Чик, и вдруг кто-то тебя убивает ни с того ни с сего. Он чувствовал, что жизнь от смерти отделяет слишком тонкая, слишком нежная пленка. В этом была какая-то грустная несправедливость. Странно, что днем он этого никогда не чувствовал. Казалось, что днем жизнь защищена от смерти солнечным светом, как апельсин толстой кожурой. Ночь отдирает от жизни ее защитную солнечную кожуру апельсина, и вот уже тысячи враждебных сил готовы вонзиться в обнаженную мякоть жизни. Чик это чувствовал сейчас всем своим телом.

И не только Ясон со своей тайной. Например, скорпион может заползти на кровать. Хотя от его укуса, кажется, никто

не умирал, все-таки это ужасно — когда укусит скорпион. Лучше пусть меня сто раз укусит собака, чем один раз скорпион, подумал Чик.

Он привстал и внимательно оглядел стену, чтобы проверить, нет ли поблизости скорпиона. Стена была вся в пятнах отколупнутой штукатурки и в разводах сырости. Хотя Чик ее прекрасно знал, но и сейчас, в полутьме, одно пятно показалось ему подозрительным, и он долго ожидал, не шевельнется ли оно. Нет, все-таки это был не скорпион.

Дом, в котором жил Чик, был старый и сырой. В нем водились скорпионы. Чик сам несколько раз находил скорпионов. С каким омерзением, бывало, Чик пригвождал скорпиона к стене ножницами, а тот извивался-извивался и, наконец, поняв, что ему некуда деться, закидывал свой отвратительный хвост и жалил самого себя в затылок.

Убитого скорпиона обычно засовывали в бутылку с подсолнечным маслом. Говорят, потом он туда выпускает свой яд, и если кого-нибудь укусит скорпион, надо смазать этой жидкостью укус. Бутылка со скорпионами висела на солнце на одном из окон веранды. Она висела там с незапамятных времен, и, хотя в доме Чика скорпионы никого не кусали, все-таки, как только обнаруживался скорпион, его убивали и засовывали в бутылку — авось пригодится.

Чик вспомнил несколько выдающихся случаев, связанных с укусами скорпионов, хотя ему совсем не хотелось об этом вспоминать. Так, одному человеку, пока он спал, скорпион залез в туфлю. А когда человек проснулся и сунул

ногу в эту туфлю, скорпион его укусил. А другой человек проснулся утром и полез под подушку, где у него лежали часы, чтобы узнать, пора ему вставать или еще можно полежать в постели. И вот он сует руку под подушку, а там его уже скорпион дожидается. Чик вдруг увидел, что стрелки часов превратились в осторожные клешни скорпиона, и он никак не мог понять, были ли вообще часы, или это скорпион притворился часами. Эта коварная неясность превращения часов в скорпиона какой-то страшной тревогой стала давить на Чика, словно это превращение грозило возможностью других, еще более страшных превращений. Может быть, друга во врага, может быть, мамы в мачеху или любимого героя гражданской войны в затаенного шпиона фашистов.

И вот Чик чувствует: чтобы все эти превращения не совершились, он должен во что бы то ни стало ясно себе представить и понять, как и почему часы превратились в скорпиона. Чик сделал неимоверное усилие над собой, чтобы вырваться из этой неясности, и проснулся.

Ну конечно же, часы лежали под подушкой сами по себе, а скорпион заполз туда сам. Оказывается, Чик задремал, и ему это все примерещилось. Ему захотелось перевернуть разгоряченную подушку. Если под нею окажется скорпион, подумал он, приподымая подушку, надо сразу же его прихлопнуть этой же подушкой, спрыгнуть с кровати и зажечь свет. А там видно будет, что делать дальше.

Нет, скорпиона пока что, во всяком случае под ней, нет. Скорее всего скорпион может заползти в постель со стены.

Чик тщательно отодвинул простыню — так, чтобы она ни в одном месте не прикасалась к стене. Пришлось побеспокоить кошку. Она никак не хотела сходить с насиженного места и лежала на нем отяжелевшим комом. Тут он вспомнил, что кошки тоже довольно опасные животные. Он вспомнил рассказ про одну кошку, которая не то задушила больную девочку, не то выцарапала ей глаза.

Нет, пожалуй, надо прогнать ее, подумал он, вспомнив, как она упорно хотела остаться лежать возле его головы, да еще, думая, что он уснул, подходила к нему вкрадчивой походкой. Все-таки жалко было выгонять ее с кровати, но он преодолел жалость и спустил ее вниз.

Чик снова улегся, но почувствовал, что для полного спокойствия еще что-то надо сделать. Да, вспомнил он, надо утром вытряхнуть сандалии, прежде чем надевать их на ноги. А то сунешь ногу, а там скорпион. А вдруг позабуду? — подумал он. Он слез с кровати, нашел свои сандалии, перевернул их и придавил к полу, чтобы для скорпиона не оставалось ни одной щелочки.

Чик снова залез на кровать и тут вспомнил об одном потрясающем скорпионе. О нем рассказывал соседский старик Габуня. Однажды на крыше своего дома этот старик заметил огромного скорпиона. Он был величиной с черепаху.

Это случилось до революции, в николаевские времена. Тогда еще попадались огромные первобытные скорпионы. Когда этот скорпион проползал по крыше, под ним трещала черепица. Так рассказывал старик Габуня.

Некоторые не верили его рассказу, считая старика придурковатым. Но Чик сразу поверил. Именно потому, что он был придурковатым стариком, сообразил Чик, он никак не мог придумать, что черепица трещала.

Старик Габуня хотел пристрелить скорпиона, но, пока ходил за ружьем, скорпион залез под какую-то черепицу. Старик не стал разбирать крышу из-за этого скорпиона, он просто махнул на него рукой и продолжал жить в своем доме как ни в чем не бывало.

Чик ни за что не стал бы жить в доме, где есть хотя бы один скорпион величиной с черепаха.

А хорошо быть придурковатым, неожиданно позавидовал Чик старику Габуня. Придурковатому ничего не страшно. Может, у него сейчас черепица на крыше трещит под гигантским скорпионом, а он спит себе и ни о чем не думает.

Чик сам не мог понять, спит он или не спит, когда вдруг что-то мягкое и страшное рухнуло ему на живот.

Скорпион-гигант!!! — мелькнуло в омертвевшем сознании, и в какую-то долю секунды Чик даже успел сообразить, как тот сюда попал: полз по потолку и рухнул под собственной тяжестью. А еще через мгновение догадка спасительной радостью разлилась по телу: да нет! Это же кошка!

Ух, вздохнул Чик, надо ее совсем убрать отсюда. Сам же я виноват, что она здесь.

Горло у него пересохло от пережитого ужаса.

Он спустился с кровати, взял кошку в охапку и понес на веранду. Проходя по комнате, где спала тетя Наташа,

Чик прислушался к ее дыханию, но опять ничего не услышал — так тихо она спала. Чик постоял немного на прохладном полу и пошел дальше. Здесь было почему-то гораздо спокойней, чем в той комнате. Если б я здесь спал, подумал Чик, я бы давно заснул. Чик и сейчас перешел бы в столовую, но здесь стояла только одна кушетка, и на ней спала теть Наташа.

Чик вышел на веранду и выпустил кошку. Он посмотрел на соседскую крышу и привычно нащупал глазами теннисный мяч, лежавший в водосточном желобе. Еще пару хороших ливней, и он скатится вниз. Главное — не прозевать, с приятной озабоченностью подумал он.

В гуще кипариса за окнами веранды слышался тихий гомон спящих птиц. В кипарисе спали воробьи. Он стоял под окном, где спала теть Наташа.

С кипарисом Чика связывала великая тайна. Из ствола кипариса примерно на уровне окна торчала засохшая ветка. Хотя она и высохла, все-таки она была крепкая. Чик был в этом уверен. У него был немалый опыт лазанья по деревьям, и он по виду ветки мог определить, достаточно ли она крепкая, чтобы выдержать человека.

Чик несколько раз пытался прыгнуть на нее из окна, но каждый раз ему чуть-чуть не хватало смелости. Стоило слегка наклониться к ней и спрыгнуть с подоконника, как можно было вцепиться в нее и слезть вниз. Прыгнуть и зацепиться за ствол было невозможно, потому что он был слишком толстый и гладкий. А за эту ветку можно было.

Другие ветки начинались гораздо выше, а здесь, на уровне второго этажа, это была единственная высохшая ветка, вернее, обрубок ветки, сливающийся со стволом и почти незаметный со стороны. Каждый раз, когда Чик хотел спрыгнуть на нее с подоконника, ему чуть-чуть не хватало смелости. В конце концов он решил, что все дело в том, что сейчас нет причины, ради которой стоило бы рисковать, а когда будет настоящая причина, он спрыгнет не моргнув глазом. Чик это знал точно.

И вот однажды ему открылась причина, великий повод, из-за которого он спрыгнет на эту ветку. Скоро так или иначе начнется война с фашистами, думал Чик. И вот если они займут наш город (временно, конечно!) и устроят штаб в нашем доме...

Они, конечно, будут охранять все выходы и входы, но об одном никак не смогут догадаться — что кто-то может из дома спуститься по кипарису. Это им и в голову не придет: кто ж будет прыгать на толстый гладкий ствол кипариса! И тут-то Чик совершит свой подвиг. Он спрыгнет на эту ветку — разумеется, с полной пазухой тайных документов — и удерет к своим.

Вот какая великая тайна была у Чика. Забыв все свои ночные страхи, он сейчас лакомился мечтой о своем будущем подвиге. Насытившись мечтой о великой тайне, Чик стал думать о тете Наташе, потому что с ней у него тоже была связана тайна. Правда, не такая великая, но все же приятная.

Дело в том, что тетя Наташа ему давно нравилась. Чик теперь даже не мог вспомнить, когда она ему начала нравиться. Ему нравилась ее быстрая походка, длинные косы и маленькая голова. А главное — ему нравилось, когда тетя Наташа его целовала.

Вообще-то Чик терпеть не мог, когда его кто-нибудь целовал. Как назло, родственники и знакомые их семьи беспрерывно чмокались, и Чику, как самому младшему, доставалось больше всех. Увернуться было почти невозможно — очень уж они все обидчивые были! Даже утираться после поцелуев приходилось тайком.

Особенно противны были поцелуи пьяных, небритых мужчин. Но еще противней были поцелуи тетушкиных подружек с накрашенными губами. Какую-то злобную энергию вкладывали они в свои поцелуи, словно Чик был виноват, что у них там что-то не получалось.

И вот среди всех этих поцелуев, которые он отбывал как повинность, однажды он с изумлением почувствовал, что бывают приятные поцелуи. Чик тогда подумал и решил, что это происходит оттого, что от нее хорошо пахнет. От тети Наташи пахло деревенской кухней, точнее — запахом копченого сыра и жареной кукурузы.

Этой весной тетя Наташа вышла замуж, и Чик, когда узнал об этом, решил, что теперь она не станет его целовать, или даже если будет, то ему самому это будет не так приятно, как раньше. Но когда она приехала в город и поцеловала его, и Чик прислушался к действию поцелуев, он вынужден был

признать, что ничего такого не случилось. Поцелуи не потеряли приятности, они даже стали еще пахучее.

«Удивительно, — вдруг подумал Чик, — что две мои тайны оказались рядом: по одну сторону окна — кипарис, по другую — тетя Наташа. Что бы это могло означать? — подумал он. — Во всяком случае, это неспроста так получилось. Может быть, обе тайны хотят соединиться? Но для чего?» Ему захотелось выпить, и он открыл кран. Спешить было некуда, и он сначала пустил воду, чтобы вылилась вся, которая была в надземной части трубы. Чик пальцами почувствовал, когда стала подходить свежая подземная вода. Он напился, вытер рот и тихонько, стараясь не скрипеть, вошел в столовую. На этот раз он решил пройти возле кушетки, где спала тетя Наташа.

Он тихонько подошел к кушетке и остановился затаив дыхание. Тетя Наташа спала, завернувшись в простыню. Лицо ее было повернуто к стене. Окно было открыто, и ствол кипариса сейчас казался толще, чем он был на самом деле, и гораздо ближе к окну. Казалось, протяни от окна руку — и достанешь до ствола.

Гомон птиц в хвое кипариса здесь слышался гораздо сильнее, чем на веранде. Непонятно отчего волнуясь, он прислушивался к этому гомону и смотрел на странное, как бы отвернувшееся куда-то лицо тети Наташи. Казалось, что она смотрит сон, как смотрят кино. Чик все еще слышал тихий шорох гомонящих наверху птиц, как вдруг слух его мгновенно обострился, и он отчетливо услышал струенье

и щелканье о ствол падающих хвоинок. Это сухие хвоинки осыпались с веток, на которых спали птицы. Они и днем все время осыпались, но Чик впервые услышал этот струящийся тихий звук.

— Тетя Наташа! — еле слышно позвал он. Ему показалось, что так долго стоять над ней и ничего не говорить как-то стыдно. Он не думал, что она проснется, но она сразу же проснулась.

— Ай! — вскрикнула она с какой-то деревенской грубоватостью, но тут же догадалась: — Это ты, Чик?

— Да, — сказал Чик.

— Ты чего не спишь? — удивленно и нежно спросила она, подымая голову.

— Не знаю, — сказал Чик, — что-то все мерещится, мерещится...

— Я же тебе говорила, не слушай этого дурака, — зашептала она и, быстро вытянув из простыни руки, обняла его за плечи шершавыми ладонями. — Он только и знает, что хулиганские глупости рассказывать... И врет все, выдумывает, не верь ты ему...

Подталкивая его к своей комнате и все-таки удерживая, она целовала его куда попало — в лоб, в щеки, в глаза. Чик готов был целую вечность так простоять, чувствуя прикосновение ее шершавых ладоней и твердых губ, вдыхая чудный запах копченного над костром сыра и жареной кукурузы. Но так как она все-таки подталкивала, он понял, что надо идти, и пошел к себе.

Он взобрался на бабушкину кровать и лег, прислушиваясь к волнующему и вместе с тем успокаивающему запаху копченого сыра и жареной кукурузы. Он подумал, что этот запах остался на его плечах от ее шершавых ладоней. Он понюхал свое плечо и удивился, что оно ничем не пахнет. Но он продолжал чувствовать этот запах, и ему больше не только ничего не мерещилось, но даже если бы он нарочно стал думать о самых страшных вещах, они бы его не испугали. Наверное, от этого запаха, подумал Чик, все еще вдыхая слабеющий аромат деревенской кухни и вспоминая дуновение ее шепота на лице.

И вдруг волна забытья с гулом ударила его откуда-то сбоку и поволокла за собой. Так, бывало, зазеваешься в море, и вдруг прибойная волна шлепнет сзади, накроет с головой и потащит. Вздрогнешь на миг, а потом радостно отдаешься сильному движению шелестящей воды...

А когда Чик проснулся утром, в комнате никого не было. Свет, как вода под напором, косыми струями, золотыми столбами сквозь тысячи пляшущих пылинок бил в комнату. По силе его Чик понял, что утро началось давно.

Сейчас ставни среднего окна были прикрыты, как и остальные. Чик сразу же догадался, кто их прикрыл. Только он подумал об этом, как распахнулась дверь с веранды в столовую и он услышал быстрые шаги тети Наташи. Она подошла к буфету, скрипнула его дверцей и зазвенела стаканами.

С веранды доносился поющий голос дяди Коли. Постукивая ложкой о дно железной кружки, из которой он всегда пил чай и которую никому, кроме бабушки, не давал в руки,

он пел одну из самых своих бодрых песен — песню ожидания утренней трапезы. Чик улыбнулся, представив, как дядюшка держит свою кружку перевернутой до самого последнего мгновенья перед разливом чая, чтобы туда не залетела случайная соринка или, не дай Бог, муха.

Чик чувствовал, что стол уже накрыт, сахар наколот, самовар кипит, а дядя Коля и тетя Наташа ожидают, когда он встанет. От всего этого он испытывал сейчас необычайный подъем духа, благодарность начинающемуся дню и готов был запеть не хуже дядюшки.

— Собаки, брысь! — раздался голос дяди Коли, на мгновение прервавшего свою песню.

На этот раз он и в самом деле имел в виду собаку. Чик услышал удаляющееся цоканье когтей Белки. Чик хотел было ее позвать, но затем решил сначала одеться, а потом уже поиграть с Белкой. Впереди был весь день. Он мимоходом вспомнил о тревогах этой ночи, и многое из того, что казалось страшным, сейчас выглядело совсем не так, словно оно потеряло свой запах или цвет. А некоторые подробности он вообще забыл. Так, одеваясь, он никак не мог понять, какого черта, пока он спал, ему кто-то перевернул сандалии.

* * *

Чик сидел у себя во дворе на толстой виноградной лозе, могучими нитками подымающейся на шелковицу. Он держал уткнувшуюся передними лапами и головой ему в колени

свою собачку Белку. Он поглаживал ее одной рукой по спине, иногда выковыривал из шерсти стебельки высушенной травы, колючки репейника, а то и клещей.

Стебельки засохшей травы он отбрасывал, колючки репейника выщелкивал, а если попадались клещи, он их осторожно клал на землю и изо всех сил растирал сандалией.

Когда Чик проводил рукой по голове и дальше по спине собаки, она старалась потереться мордой о его ладонь, показывая, что ей приятно. Если же клещ или колючка оказывались слишком цепкими, она слегка поскуливала, но не пыталась уйти. Она только показывала Чику, чтобы он действовал осторожней, ведь все-таки она живое существо и ей больно, хотя она и согласна, что Чик делает полезное дело.

Когда Чик осторожно клал клеща на землю, она с любопытством поглядывала на него, удивляясь, что такое ничтожество заставляло ее так бешено чесаться. А когда Чик раздавливал клеща сандалией, Белка, мотнув головой, фыркала, показывая, что она нисколько не жалеет этого паразита.

В нескольких шагах от Чика, упруго шелкая веревкой, прыгала через скакалку девочка Ника. Длинные ноги ее однообразно пригарцовывали, сверкая белыми тапочками, а желтый сарафан все время колыхался, а иногда, вдруг напузыриваясь, приобретал сходство, впрочем, довольно жалкое, с парашютом.

Чик хмуро, как маленький и притом пресыщенный богдыхан, следил за ее однообразными движениями. Белка

тоже искоса следила за пригарцовывающей девочкой, и каждый раз, когда веревка щелкала по земле, она мигала. Звук этот был ей неприятен. И хотя Чику казалось, что она сама стыдится своего страха, она как бы говорила Чикку, продолжая при каждом щелкающем звуке мигать: мало ли что может случиться, а вдруг и меня огреет эта противная веревка.

Чику тоже было неприятно это скакание, но совсем по другой причине. Дело в том, что он в этот день задумал вместе с ребятами и девочками своего двора пойти в поход за мастикой. И вот, вместо того чтобы готовиться к походу или скромно сидеть возле Чика, показывая, что она побаивается, как бы Чик не раздумал брать ее с собой, эта Ника ничего такого и не думала делать.

В поход за мастикой? Пожалуйста, как бы говорила она всем своим видом, но, пока вы собираетесь, я еще попрыгаю.

Этого-то Чик больше всего на свете не любил. Это (Чик затруднялся, как это назвать), одним словом, это было свойственно некоторым мальчикам и почти всем девочкам. Во всяком случае, Чик еще ни разу не встречал девчонку, которая была бы до конца предана Делу. Их всегда мог отвлечь какой-нибудь пустячок, унижающий Дело.

Например, если ты с ними на лужайке вздумал ловить стрекоз, то кто-нибудь из них рано или поздно погонится за бабочкой или начнет собирать цветы, а то поймает божью коровку и будет целый час ее упрашивать, чтобы она взлетела на небо. И так во всем. В этом была какая-то умственная,

что ли, неполноценность, но так уж они были устроены, и с этим ничего нельзя было поделать.

И вот тебе, пожалуйста, готовится великий поход за мастикой, а она как ни в чем не бывало скачет на своей скалке.

Кстати, если кто не знает, что такое мастика, — это жвачка, вываренная из сосновой смолы и процеженная сквозь чистую тряпку. Лучше всего носовой платок, но, разумеется, чистый, еще не встречавшийся с носом.

Жевать мастику, особенно пускать из нее пузыри, очень приятно. Но главное, мастика сейчас в моде. Появляться среди ребят, жуя мастику, прилично, это производит хорошее впечатление.

И наоборот, если ты целыми неделями появляешься среди ребят с пустым ртом, или клянчишь у кого-нибудь, чтобы дали тебе тоже пожевать, или, глядя на других, пускающих пузыри, невольно оттопыриваешь губы и высовываешь язык, это производит на всех плохое впечатление.

Получается, что ты не можешь сходить в поход за мастикой, не умеешь раздобыть сосновой смолы и выварить ее как следует. Или, что еще хуже, все это ты умеешь, но тебя не пускают из дому, а уйти без спроса не хватает храбрости, дрейфишь. Горе тому, кто подолгу не жует мастику, он рискует сделаться всеобщим посмешищем!

Среди ребят своего двора Чик считал себя самым главным. Разумеется, он об этом не говорил, это было бы слишком глупо, но считал это вполне справедливым. Во-первых,

он это так считал потому, что так оно и было, а во-вторых, он был старше на три месяца самого старшего из них, Оника, сына Богатого Портного.

Конечно, во дворе были и другие ребята, но это были совсем взрослые парни. Они были старше его на пять-шесть лет, их нельзя было принимать в расчет, у них свое.

Мать Оника говорила, что Чик старше Оника на три месяца, а хитрее на три года. Она это, как попугайка, повторяла тысячу раз.

Чик чувствовал, что в словах ее есть какая-то правда, но она нарочно огрубляет ее. Пожалуй, Чик нашел бы словечко поточней, чтобы определить разницу между собой и Оником. Но Чик отмалчивался, потому что считал унижительным что-то доказывать этой не очень-то умной женщине. Откровенно говоря, ему было неприятно слышать от старших про свою хитрость. Не то чтобы Чик не хитрил, очень даже хитрил, если это было надо. Но он-то знал, что взрослые обитатели их дома, называя его хитрецом, мстят ему, потому что он давно догадался об их взрослых хитростях.

Чик давно заметил, что у них во дворе взрослые, разговаривая с маленькими или между собой, очень часто говорят одно, а думают совсем про другое. И хотя Чик никогда не мешал им думать совсем про другое, они почему-то злились на него за то, что он знает про другое.

Чик просто удивлялся, почему они так злятся на него за это. Иногда то, про что они думали, было так понятно и близко, что никак невозможно было не догадаться о нем.

Когда Чик был совсем маленький, он, слушая, как во дворе один взрослый, разговаривая с другим, говорит одно, а думает про другое, считал, что это такая игра. Чик замечал, что и другой взрослый при этом думает совсем про другое, так что никого никто не обманывает. Он только не понимал, почему они в конце игры не рассмеются и не скажут о том, что они хорошо поиграли.

А иногда дома, когда собирались гости, Чик замечал, что начиналась всеобщая игра, когда все говорили про одно, а думали не только про другое, а просто про разное. Так что Чик не успевал проследить, кто про что думает, или просто уставал следить.

Правда, случалось, что взрослые забывали про эту игру и кто-нибудь из них начинал рассказывать что-нибудь интересное и ничего другого при этом не думал, и тогда Чик с обожанием слушал этого человека. Конечно, и в таких случаях тот мог прерваться, чтобы сказать что-нибудь понарошку, но Чик на него за это не обижался. Он терпеливо переждал, как если бы этот взрослый закуривал, или опрокидывал в рот рюмку, или произносил тост, не только не имеющий другого, скрытого смысла, а вообще никакого смысла не имеющий.

Своих товарищей Чик разделял на тех, кто чувствует, что взрослые могут говорить одно, а думать совсем другое, и тех, которые этого не чувствуют. Обычно те, которые не чувствовали этого, были более губошлепистыми и счастливыми детьми. Чик чувствовал, что незнание делает их более беззаботными и веселыми, точно так же как знание дела-

ет людей более уязвимыми. Чик это знал. Вернее, он это знал, но не знал, что знает.

Просто он чувствовал, что, например, Оник как раз относится к тем ребятам, которые так и слушают взрослых развесив уши, не подозревая, что за их словами может скрываться совсем другое. Он чувствовал, что в этой наивности Оника есть какое-то достоинство, которого он, Чик, теперь лишен навсегда. При всем этом он любил Оника и иногда завидовал этому его достоинству простоты.

Порой Чик сознательно допускал по отношению к Онику некоторые небольшие, как он считал, несправедливости. Он считал, что ему очень уж легко живется на свете.

Вот и теперь, когда они решили отправиться за мастикой, он поручил Онику самое трудное — вынести из дому чистый платок. Дело в том, что, после того как сквозь платок будет процежена расплавленная смола, он сделается непригодным к употреблению. Его остается только выбросить, потому что отмыть невозможно. Ничего, думал Чик, семья Богатого Портного от одного платка не обеднеет.

Кроме Оника и Чика, в поход должны были пойти две девочки: Сонька и Ника. И еще Лёсик, который, как понимал Чик, будет еще большей обузой, чем даже девчонки.

Лёсик, по слухам, родился с какой-то болезнью, от которой он теперь хромал и заикался. Чик часто задумывался над его странной болезнью, от которой он одновременно хромал и заикался. Чик считал, что он как бы прихрамывает на язык и заикается на ногу. Можно было считать и так и так.

Несмотря на свои недостатки, Лёсик был добрым мальчиком, и Чик часто защищал его от ребят.

Из-за своей хромоты Лёсик плохо держался на ногах. Он мог упасть на ровном месте без всякой причины. Просто нога у него подворачивалась. Однажды, когда он шел по улице, один из соседских мальчишек крикнул ему в шутку: — Лёсик, осторожно, упадешь!

Услышав свое имя, Лёсик обернулся в его сторону и в самом деле упал. С тех пор на улице и в школе пошла гулять эта дурацкая дразнилка.

— Лесик, а-ста-рож-но, у-па-дешь! — нараспев кричал кто-нибудь, увидев, как Лёсик с портфелем ковыляет по улице.

Обычно в таких случаях Лёсик с улыбкой оборачивался на этого мальчика, всем своим видом показывая, что он понимает, чего они ждут от него. И конечно, старался не падать, хотя иногда, правда очень редко, все-таки падал. Но даже если и падал, он, так же добродушно улыбаясь, вставал, отряхивался и шел дальше.

Лёсика из-за его хромоты родители никогда не пускали со двора. Только в школу отпускали, потому что она была совсем рядом, а больше никуда не отпускали. Конечно же, ему, как и всем ребятам, хотелось сходить на море или на гору или просто посидеть на улице. Но мать его все время следила за ним и строго наказывала, если он выходил за калитку.

Правда, не так давно у родителей Лёсика родились двойняшки, и матери стало некогда следить за Лёсиком так внимательно, как раньше.

Родители Лёсика захотели иметь второго ребенка, чтобы посмотреть, будет он совсем здоровым или родится такой же, как Лёсик. А тут родились сразу двое и оба здоровые. Лежа в коляске, лупят друг друга ногами и кричат не заикаясь.

Но отец Лёсика был все равно недоволен. Он считал, что им было бы достаточно одного здорового ребенка, а тут родились двое. Опять не так, как он хотел, получилось.

Чик давно заметил, что есть такие мужчины, которые вечно недовольны, что бы жена ни сделала. И женщины тоже есть такие, которые вечно недовольны, что бы муж ни сделал. Лёсикин отец был как раз из вечно недовольных. Чик был уверен, что если бы Лёсикина мама родила одного здорового ребенка, он все равно что-нибудь придумал бы. Может, сказал бы: раз уж пошли здоровые дети, так родила бы сразу двух.

Так или иначе, сейчас мать Лёсика была целыми днями занята своими двойняшками и про Лёсика слегка подзабыла. Чик решил воспользоваться этим и взять его с собой в поход за мастикой.

Сонька сейчас мыла под краном пустую консервную банку. Она была дочерью Бедной Портнихи, так иногда называли ее маму, чтобы отличить от отца Оника, Богатого Портного. Они жили в самом деле очень бедно и занимали одну из худших комнат во дворе. Тетушка часто говорила об их бедности, хотя сама же говорила и противоположное.

— Ничего себе бедная, — кивала тетушка на Сонькину маму, возвращающуюся с базара, — всегда с полной корзиной идет.

Противоречивость тетушки поражала Чика. Как будто нельзя быть бедным и возвращаться с базара с полной корзиной! Ведь можно покупать самые дешевые продукты, что, кстати, всегда и делала Сонькина мама. Она ходила на базар к самому закрытию, когда наиболее слабovolьные крестьяне сдавались и продавали по дешевке свои продукты.

Во дворе было замечено, что она нарочно в самые жаркие дни ходит на базар, то есть в такие дни, когда продукты быстрее портятся.

— Все равно сгниет, — часами бормотала она, стоя на солнце возле безропотно оползающих персиков или где-нибудь в мясном ряду. Говорят, самые упорные сдавались вместе со свистком милиционера, закрывающего базар.

Кстати, Чик любил бывать на базаре. Обилие овощей, особенно фруктов, всегда веселило его, внушало желание петь бодрые песни. Единственное, что он не любил на базаре, — это мясные ряды. Не то чтобы Чик был вообще против мяса. Нет, мясо он любил. Но его как-то коробила грубая откровенность яростных кусков, брошенных на прилавок, обреченность коровьих туш, лишенных хвостов и как бы потому облепленных жирными мухами, множество маслянистых крюков, топоров, плах и палаческих фартуков. А самих мясников с растарашенными глазами Чик прямо-таки опасался. Он был уверен, что оголенное мясо развивает в них тайное бешенство, пьянит их.

Однажды Чик видел на базаре, как Сонькина мама спорила с мясником. Чик тогда с ужасом замер, ему показалось,

что мясник сейчас выскочит из-за прилавка с топором и погонится за ней. Положение осложнялось тем, что Чик был на базаре со своим сумасшедшим дядюшкой, который был влюблен в Сонькину маму.

Об этом все знали, и Чик в первую очередь. Главное, он тоже ее заметил и почувствовал, что происходит что-то неладное. Дядюшка уже замер и уставился на мясника неподвижным взглядом, что обычно означало готовность перейти к энергичным действиям. К счастью, именно в этот миг Сонькина мама сговорилась с мясником, и он вlepил шматок мяса в ее растопыренную корзину. Она хохотнула и понеслась дальше. Дядюшка тоже мгновенно повеселел. Чик почувствовал, что у него на сердце отлегло. Черт его знает, что могло случиться!

— Дурачок шумит! — сказал дядюшка, показывая рукой на мясника и посмеиваясь. В то же время он взглядом просил Чика не рассказывать дома о том, что он собирался вступить за эту женщину. Дядюшка стыдился своей страсти, тем более что его довольно-таки безжалостно высмеивали из-за этой несчастной любви.

Так вот, дочь этой женщины, Сонька, была очень привязана к Чику. Иногда Чик подозревал, что по какому-то тайному закону равновесия она испытывала к Чику то чувство, которое дядюшка Чика испытывал к ее матери и на которое мать ее не могла ответить. По этому же закону равновесия Чик тоже не мог ничем ответить на эти чувства. Хотя самую привязанность ценил, особенно ценил ее беззаветную преданность делам, кото-

рые он время от времени затевал. Впрочем, характер привязанности Чик мог и преувеличить из-за склонности к гармоническим конструкциям, которую он неустанно проявлял.

А что сказать о Нике? Она вместе с матерью переехала к ним во двор этой весной. Чик знал от дяди, что Ника — дочь известного танцора Пата Патарая. Дядя сам когда-то танцевал с ним в ансамбле. Дядя говорил, что Пата Патарая такой замечательный танцор, что может танцевать на перевернутой рюмке.

Чик очень долго старался представить, как это можно танцевать на перевернутой рюмке. В конце концов он решил, что отец Ники танцевал на перевернутой рюмке, стоя на конце большого пальца одной ноги и приподняв вторую. Это было похоже на рисунок из замечательной книги «История гражданской войны». Чик эту книгу много раз листал. Там был нарисован дореволюционный крестьянин, который одной ногой стоял на своей земле, а другую держал в воздухе, потому что своей земли у него было так мало, что некуда было поставить вторую ногу. Чик через этот рисунок почему-то легко представил Пата Патарая, танцующего на перевернутой рюмке. Разумеется, в отличие от лохматого, оборванного крестьянина он его представлял одетого в черкеску и в азиатские сапоги.

Хотя при нем об этом старались не говорить, и именно поэтому Чик особенно внимательно прислушивался, он понял, что Пата Патарая арестован. По обрывкам разговоров Чик догадался, что, оказывается, отец Ники довольно

часто танцевал при большом начальнике, который оказался вредителем.

Это, по мнению Чика, было слишком. Начальник-то, конечно, вредитель, думал Чик, но отец Ники пострадал по ошибке.

Чик решил, что танцевать на перевернутой рюмке так трудно, что все внимание уходит на то, чтобы не свалиться с этой рюмки, а следить за вредительством начальника одновременно с этим слишком сложно.

Вскоре Чик догадался, что Ника ничего об этом не знает, Чик сам решил, что ей нельзя говорить об этом. Из разговоров взрослых Чик понял, что и соседи тоже ничего толком не знают об этом.

В первые дни, когда они переехали к ним во двор, Чик тоже ничего не знал. Он только заметил, что эту новую девочку одевают нарядно, как взрослую. Почти каждый день Чик слышал, как она попискивает: это мать ей заплетала косы. Кроме того, она ходила, узко переставляя свои длинные ноги, словно стремилась как можно меньше соприкоснуться с пачкающим ее пространством. А главное, в ее личике, надо сказать, довольно хорошеньком, была та особая отмытость, по которой Чик за километр узнавал детей богатых родителей. У Оника тоже в лице была такая отмытость. По этому признаку он их сразу узнавал, как, скажем, по цвету газированной воды можно было сразу узнать, что в этом стакане двойная порция сиропа.

Чик в первое время старался держаться подальше от Ники. Но все-таки Чик испытывал к богатым какое-то странное

любопытство. Поэтому он присматривался к ним и даже прислушивался, если это было возможно. И вот однажды, когда он играл у них под окнами, он услышал, как мать Ники велела дочери сходить за хлебом. «Ты смотри, — подумал Чик даже с некоторым умилением, — их тоже, как и нас, посылают за хлебом». Только Чик так подумал, как Ника высунулась из окна и сказала:

— Чик, я тебя очень, очень прошу, сходи за хлебом. Мне так не хочется... — При этом она с таким приятным бесстыдством, с такими ужимками завертела своей мордочкой, что Чик не смог отказаться. Это была такая неожиданная наглость, что он просто растерялся.

— Давай деньги, — сурово сказал он, и она, вытянув из окна руку, передала ему деньги.

Страшно надувшись от оскорбления, Чик поплелся за хлебом.

— Бессовестная, — услышал он голос ее мамы из окна и странный смешок Ники.

«Почему, почему я не отказался», — пораженный, думал Чик всю дорогу и не знал, чем это объяснить. Во всяком случае, он пришел к твердому решению больше у них под окнами не играть.

Потом они подружились, потому что мать Ники к нему хорошо относилась. Это оттого, что Чик и дядя очень дружили и любили друг друга. А так как дядя раньше дружил с ее мужем, вот она и выделила Чика.

Иногда, уходя на базар или по делам в город, она оставляла Чика в квартире вместе с Никой. Чик не раз поражался ее

умению, пошкодноичав, мгновенно придавать своему облику невинное выражение. Ну, разумеется, перехитрить Чика ей никогда не удавалось.

Убранство в их квартире, как и ожидал Чик, оказалось роскошным. Например, буфет был похож на дворец со стёкляными окошечками, дверцами, карнизиками. Кроме того, там был письменный стол, патефон с целой горой всевозможных пластинок и огромный диван, на котором можно было подпрыгивать, как на сетке циркачей.

Правда, у дяди тоже стоял письменный стол, но остальные вещи здесь были куда лучше.

— А у вас есть персидский ковер? — спросил Чик, заметив, что на стене нет никаких ковров.

— Был какой-то, мама продала, — небрежно ответила Ника. Вот богатые, подумал Чик, им все равно, был у них персидский ковер или не был, даже толком не знают.

— А у нас есть персидский ковер, — сказал Чик, чтобы хоть что-нибудь противопоставить этой прорве богатства. Он подпрыгивал на пружинящем диване, испытывая удовольствие не только от его упругих толчков под ногами, но и от того, что он бесплатно пользуется всем этим богатством. Чик считал, что сам он живет средне. Он так и говорил: «Мы живем средне», — когда разговоры о том, кто как живет, возникали на улице или в школе.

Ника довольно часто заводила патефон. Некоторые пластинки Чик очень нравились, но он их воспринимал по-своему. Особенно нравилась одна, где рыцарь пел перед

боем: «Паду ли я стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?» Чик очень хотелось, чтобы она мимо пролетела, эта стрела. Он даже видел этот замедленный полет стрелы, пролетающей мимо рыцаря, который украдкой, одними глазами, с облегчением, но никак не показывая радости, следит за ее полетом. Показывать радость стыдно, а увертываться от летящей стрелы вообще не положено. Ничего не поделаешь, в те времена были такие суровые условия. Так думал Чик.

Иногда Ника заводила пластинки, где выступал ансамбль песни и пляски с участием ее папы. Ансамбль сначала начинал с какой-нибудь кавказской песни, а потом постепенно подогревал себя и доводил до состояния пляски. Одни из них при этом продолжали петь и хлопать в ладоши, а другие пускались в пляс. Чика удивляло, что Ника среди общего топанья радостно улавливала топанье отца.

— Во! Во! — тыкала она пальцем в пластинку. — Это он, он, Чик!

— Да как ты узнаешь? — удивлялся Чик. — Может, это кто-нибудь другой топает?

— Ну что ты, — говорила Ника, каким-то женским движением покачивая головой, — у папы совсем особый звук — легкий, точный...

Чик, сколько ни старался, никак не мог определить, чем отличается топанье Пата Патарая от всех остальных. Он решил, что во всем этом есть доля кривлянья, но считал это вполне простительным грехом, потому что она и в са-

мом деле очень любила отца, которому так не повезло. К тому же такого рода кривлянье было свойственно многим взрослым.

— Тридцать рублей истратила, а что я купила! — например, говорила тетушка каждый раз, возвращаясь с базара.

Это тоже было кривлянье, преувеличение. Во-первых, купила дай Бог сколько, а во-вторых, хоть цены, по-видимому, в самом деле растут, но ведь не так быстро, как говорила тетушка. По ее словам получалось, что в каждый последующий день базар хуже, чем в предыдущий. Казалось, этими преувеличениями и кривляньем взрослые заклиняют себя от большей беды, чем та, которая есть. Они как бы говорят ей: «Не надо тебя, не иди к нам, у нас уже есть точно такая же большая беда».

Вот этим взрослым привычкам и подражала Ника, думал Чик, когда она говорила, что среди топота многих танцующих узнает топот своего отца по особой легкости да еще и точности.

Однажды, когда Чик играл с ней в прятки, случилось вот что.

Чик спрятался под письменный стол, а Ника почему-то долго его не могла найти. От нечего делать Чик пошарил рукой по тыльной стороне письменного стола и вдруг обнаружил, что там какие-то узкие щели. Чик понял, что это щели между ящиками письменного стола. В дядином письменном столе таких щелей не было. Такой уж тут стоял стол. Может быть, подумал Чик, у богатых так и положено иметь такие щелястые письменные столы.

Снаружи все дверцы его были заперты, а сзади можно было пальцами нащупать щели. Чик с трудом просунул руку в ящик и тронул пальцами какую-то коробку. С трудом шевеля пальцами, он открыл картонную коробку и вдруг почувствовал, что она наполнена какими-то маленькими металлическими предметами. Чик сразу же догадался, что это пистончики для патронов. Чик даже вспотел от волнения. Это был целый клад золотистых пистончиков, которые стреляли, как настоящий пистолет, если бить по ним камнем. Но тут Ника его обнаружила, и ему пришлось вылезать из-под письменного стола. После этого Чик еще несколько раз прятался под ним и успел вытащить оттуда и спрятать в свой карман с десяток великолепных новеньких пистончиков.

— Ты какой-то глупый, Чик, — в конце концов сказала Ника. — Почему ты все время в одно место прячешься?

Чик хмыкнул, подтверждая свою глупость, одновременно сладостно перебирая в кармане пистончики.

— Что это у тебя в кармане? — спросила Ника, чувствуя, что Чик хитрит. Она заглянула ему в глаза.

— Ничего, — сказал Чик, продолжая держать руку в кармане.

— Нет, покажи, что у тебя в кармане, — сказала Ника.

— Ничего особенного, — сказал Чик, — лучше давай играть.

— Нет, покажи! — крикнула Ника и накинулась на него, стараясь выдернуть его руку из кармана.

Чик не давал выдернуть руку из кармана, и они оба повалились на диван. Так как Чик не слишком сопротивлялся, главное было удержать руку в кармане, после некоторой возни Ника оказалась сверху. Она налегла ему на грудь и, упираясь острым локтем одной руки ему в живот, другой старалась выдернуть его руку из кармана.

Чик, конечно, не давался. Он чувствовал, что намного сильнее ее. Она попыталась просунуть руку в карман и в самом деле немного ее туда просунула, кряхтя и обдавая его струями горячего дыхания. Но Чик рукой, что была в кармане, прижал ее руку и не давал ей продвинуться дальше.

Игра эта показалась Чикю забавной. Ему показалось, что, если б не острый локоть ее, давивший ему в живот, возня эта была бы даже приятной. Чик вывернул свой живот из-под ее локтя и прислушался, приятно ему или нет. Ты смотри, подумал он, в самом деле очень приятно. Удивительно, что раньше ничего такого он не испытывал. Правда, один раз в детском саду было что-то такое. Но это было так давно, что он забыл про это.

Стараясь держаться так, чтобы это новое ощущение не ослабевало, он в то же время не забывал и о своих пистончиках в кармане. Он продолжал их сжимать в кулаке и в то же время изо всех сил придавливал ладонь Ники, проползающую в карман.

Ника не на шутку разгорячилась. Чем больше она горячилась, тем приятней становилось Чикю. Чик почувствовал, что

надо поощрять ее усилия, чтобы сохранить уровень достигнутой приятности. Он сделал вид, что постепенно сдается, она еще азартней взялась за него. Постепенно быстро шевелящиеся пальцы Ники добрались до его кулака, и, так как ему было приятно ощущать ее, он дал ей чуть-чуть просунуть палец между своими плотно сжатыми пальцами. Он был уверен, что сумеет ее остановить, когда надо. Но тут Чик ошибся. Царапая ему ладонь своим шарящим пальцем, она вдруг крикнула:

— Знаю! Знаю!

— Скажи, что? — спросил Чик и изо всех сил сжал в кулаке любопытствующий палец, чтобы он больше не шевелился.

— Знаю, — пропыхтела Ника, — это такие штучки для патронов... У папы тоже они есть... Вон там в письменном столе заперты.

Все еще тяжело дыша, она кивнула головой на письменный стол. Сначала Чику показалось, что она догадалась, откуда он взял эти пистончики, но теперь понял, что она ничего не знает. На него напал смех. Чик его никак не мог остановить, и она, вдруг обидевшись на него, резко выдернула руку из кармана и вскочила на ноги. Чик смутился и тоже встал. Он не понимал, почему она так обиделась на его смех, ведь она не знала, что он как раз оттуда и вынул эти пистоны. Он тогда не знал, что в таких случаях девочки терпеть не могут, чтобы кто-нибудь смеялся. Он вообще не подозревал, что она тоже что-то почувствовала.

— Ты не веришь, — сказала Ника и серьезно посмотрела на него, — что папа положил туда патроны, и патронташ, и эти штучки?

На Чика опять напал дурацкий хохот, и он никак не мог остановиться. Как же ему не верить, когда он сам их оттуда достал!

— Ах, ты опять?! — закричала она с такой злостью, что Чик сразу же перестал смеяться.

— Верю! Верю! — поспешно ответил Чик. — Честное слово!

— Конечно, — сказала Ника, заглядывая ему в глаза, — как только папа вернется из командировки, я тебе покажу их...

Она еще глубже заглянула Чика в глаза, стараясь о чем-то догадаться и как бы умоляя Чика уверить ее, что догадываться не о чем. Чик это мгновенно почувствовал.

— Хорошо, — сказал Чик спокойно, — когда он придет, ты меня позовешь и покажешь.

Казалось, солнце упало на лицо Ники, так оно мгновенно просияло. Чик никогда в жизни не видел, чтобы у кого-нибудь так быстро вспыхивало от радости лицо.

— Да, — сказала она, — мы с папой не только покажем, папа тебе подарит их сколько хочешь. Мой папа самый, самый, самый добрый на свете!

— Знаю — сказал Чик, — мне дядя рассказывал. Но ты уверена, что он мне подарит?

— Конечно! — закричала Ника и даже всплеснула руками в том смысле, что тут и говорить не о чем.

— А если бы он был сейчас здесь, — спросил Чик, — он бы подарил их мне?

— Ну да, — сказала Ника, — он делает все, что я у него попрошу.

— Можно считать, что он мне уже подарил? — спросил Чик.

— Можно, — кивнула Ника и села на диван. Чик уселся рядом. «Все равно, — подумал Чик, — он бы мне подарил... И потом, он же вернется, когда поймут, что он вредителю никогда не помогал».

— А почему ты мне сразу не показал, Чик? — спросила она и как-то по-особому посмотрела на Чика.

Чик насторожился. Ему показалось, что она догадалась, что он что-то почувствовал, и вызывала его на откровенность. Как бы не так, подумал Чик, ни за что на свете.

— Просто так, — сказал он, — это игра такая.

— А мы еще будем в нее играть? — спросила она.

— Да, — сказал Чик как можно проще, — почему бы и не поиграть.

— А мне нравится, — сказала Ника и так откровенно посмотрела на него, что никаких сомнений не оставалось, что и ей была приятна эта возня, но сейчас он никак не хотел говорить об этом.

— Да, — сказал Чик, — это смешная игра.

— Чик, хочешь, я тебе расскажу один секрет? — сказала она и, посмотрев на Чика, как-то хитро раскосила глаза, словно сразу же посмотрела в обе стороны, не подслушивает ли кто.

— Расскажи, — ответил он, чувствуя, как жгучее любопытство сжимает ему горло, и одновременно настораживаясь, чтобы она не выманила его на откровенность.

— Когда мы с папой были в санатории, — начала она, радуясь своему воспоминанию и стараясь заразить Чика этой радостью, но Чик не дал заразить себя этой радостью и держался как можно тверже, — так там был один мальчик, — продолжала она таинственным голосом и опять мгновенно выкосила глаза, словно пыталась застучать подсматривающих, хотя в комнате никого не было и не могло быть, — и у нас было свидание, и мы целовались два раза. Да, да, Чик, два раза, я помню.

Она выразительно посмотрела на Чика и, выставив два пальца, подтвердила, что поцелуев было именно два, а не один, и не три.

У Чика дух захватило от этой откровенности. «Вот богатые, — подумал он, — им ничего не стыдно!» В то же время его как-то покоробил этот жест рукой, показался грубым. Так с сумасшедшим дядюшкой Чика обычно разговаривали, чтобы он лучше понял, о чем идет речь.

— Я не глухой, можешь пальцами и не показывать, — сказал Чик.

— А у тебя, Чик, было свидание? — спросила она почти шепотом и опять выкосилась в обе стороны, словно они собирались сделать что-то недозволенное, а она смотрела, не подглядывает ли кто.

«А-а, — вдруг догадался Чик, — она нарочно так делает, чтобы подтолкнуть меня!»

— Все это глупости, — сказал он сурово, отвергая эту тему. Вообще-то у Чика никаких свиданий не было, но прямо сказать об этом ему не хотелось.

После этого случая они еще несколько раз играли в выдуманную Чиком игру, покамест он не достал из коробочки в письменном столе все пистоны. Он перевернул всю коробку в ящике, и те из них, которые лежали шляпкой вниз, он доставал, придавив палец к острым концам пистона, а те, которые нельзя было придавить к пальцу, он загонял поближе к краю ящика и доставал их, зажав между пальцами.

Когда они кончились, он решил прекратить эту игру. Он чувствовал, что, если она будет продолжаться, он увязнет в какой-то постыдной тайне. Возможно, это был инстинкт свободы. Чик этого не знал. Он только понимал, что с тайной ему будет жить хлопотно и громоздко, а он этого не хотел.

— Как ты думаешь, — спросил он у нее, когда кончились пистоны, — а целую коробку твой папа мне подарил бы?

— Конечно, — просияла Ника и царственно махнула рукой, — он даже целую коробку конфет может подарить.

Он не чувствовал больших угрызений совести за эту опустошенную коробку с пистонами и теперь окончательно успокоился.

Чик все еще сидел на лозе и гладил Белку, положив ее морду к себе на колени. Приковылял Лёсик и скромно сел рядом с Чиком, показывая, что он благодарен ему за этот по-

ход. Чика беспокоило отсутствие Оника, которого он послал домой за чистым платком. Что с ним?

Сонька вымыла консервную банку под краном и, утирая рукавом брызги с веснушчатого лица, подошла к Чикю.

— Хватит? — спросила она и дала Чикю понюхать банку.

Чик взял в руки банку и внюхался в нее. Все-таки слабый запах рыбных консервов можно было почувствовать. Но от этого, видно, нельзя было избавиться. Белочка тоже потянулась, чтобы понюхать, чем пахнет банка. Чик дал ей понюхать.

«Пахнет!» — фыркнула Белочка и чихнула.

— Ладно, — сказал Чик, — ничего.

— Можно мне скакалку взять? — спросила Ника, не останавливая своих прыжков.

Чик от возмущения не мог найти, что ответить. Он молча уставился на нее с некоторой надеждой, что она смутится. Но она как ни в чем не бывало продолжала прыгать.

— Может, ты еще куклу возьмешь? — сказал Чик, сам чувствуя, что слова его недостаточно язвительны.

— Куклу... гы, гы! — Сонька до ушей растянула свою знаменитую улыбку.

Лёсик тоже улыбнулся, засопел в поддержку остроумия Чика. Только сама Ника, продолжая скакать, пожалала плечами, показывая, что ничего смешного и тем более остроумного в его словах не находит.

Наконец появился Оник.

— Пахан кушать заставил, — сказал он с отвращением и, оглянувшись на окно своей квартиры, сунул Чикку чистый платок. Потом он еще раз оглянулся на окно и вытащил из кармана десять и пятнадцать копеек. — На копилку, — сказал Оник и протянул деньги Чикку.

— О, молодец, — сказал Чик, сразу же прощая его за опоздание. Он побежал домой и вбросил в копилку деньги. Они собирали деньги на футбольный мяч. Домашние Чика знали об этом, но родители Оника не знали, Чик уговорил его не рассказывать им о копилке. Он чувствовал, что это затруднит приток монет из дома Богатого Портного.

— Мы на огороде будем долго! — ответил Чик на оклик матери и сбежал по лестнице.

Так как отец Оника, как всегда в такое время, торчал с шитьем на балконе, Чик решил выйти через огород на речку и, подымаясь вдоль русла, пробраться на соседнюю улицу.

Огород, или сад, его и так и так называли, представлял собой участок с баскетбольную площадку, на котором росли дикая хурма, инжир, груша, айва, персик, два куста роз и один полудохлый куст смородины, считавшейся здесь, на юге, экзотическим растением. Все деревья были обвиты лозой «изабеллы». Между деревьев на грядках росли лук, кусты помидоров, кинза, петрушка и редкие мощные стебли кукурузы. Бабушка Чика считалась хозяйкой огорода, и Чик был единственным из ребят, кто беспрепятственно туда допускался. Правда, иногда, когда у бабушки было плохое на-

строение или она считала, что ребята там топчут грядки, она насылала на них сумасшедшего дядю, и он гнал оттуда всех без разбору. Чик из самолюбия в таких случаях пытался ему объяснить, что он все-таки Чик, а не какой-нибудь чужой. Но это не помогало.

— Иди, иди, иди, — односложно приказывал тот с каким-то бюрократическим, как чувствовал Чик, безразличием к личности каждого.

В таких случаях он их всех приравнивал и делал вид, что не узнает Чика. Он как бы говорил своим видом: мне приказано вас гнать, вот я вас и гоню, а кто ты там мне — племянник или не племянник, я не знаю и знать не хочу.

Это больше всего и раздражало Чика. Если бы он, прогоняя их, говорил Чикю своим видом: да, я знаю, что ты Чик, а я твой сумасшедший дядюшка, но мне приказано всех гнать, и я гоню всех, — тогда было бы куда легче. Так нет же, он делал вид, что не узнает его. Вообще Чик заметил, что чем слабее умственно человек, тем меньше он чувствует оттенки. Оттенки — это лакомство умных, вот что заметил Чик. Пожалуй, Чик про себя не сказал бы, что он такой уж умный, но он мог дать голову на отрез, что различает множество оттенков, которых другие не видят.

Вообще, задумываясь о своей голове, он пришел к такому выводу, что некоторые вещи он соображает очень хорошо, а некоторые туговато, с большим трудом. Он считал, что его голова в разных частях работает по-разному. В одной части колесики кружатся весело, быстро, легко, в другой части

медленно, со скрипом, как колеса арбы. Он только не знал, где какая часть расположена. Вернее, он предполагал, что там, где виски, работа головы ни к черту не годится, а вот затылочная часть работает хорошо. Может быть, он так думал, считая, что, как говорят, «силен задним умом». Когда он вспоминал давным-давно прошедшие дела, он видел с необыкновенной ясностью, как надо было тогда действовать, а когда они происходили, он этого не замечал. Еще он заметил, что сильные встряски, долгая беготня тоже плохо действовали на его голову. Так, если он перед школой долго играл в футбол, то на первом уроке очень плохо соображал, что к чему. Видно, внутри головы с перегородками было неважно и все колесики перепутывались, мешали друг другу работать.

Во всяком случае, Чик точно знал одно, что та часть головы, которая определяет, что справедливо и что несправедливо, у него работает очень здорово. Этого Чик не сказал бы про многих взрослых.

Вот, например, бабушка. Обычно, когда собирали груши, она всем соседям посылала часть урожая. Это понятно, это хорошо. Но если она на кого-нибудь из них в это время была в обиде, она никому ничего не посылала. Но при чем тут другие, если ты на кого-то в обиде?

Чик тоже бывал на кого-нибудь из своих друзей в обиде, но ему никогда не приходило в голову, что от этого должны страдать все. И когда он брал их с собой в сад, все, что они там срывали с деревьев, он старался делить поров-

ну. Ну иногда, конечно, если уж попадется очень хороший инжир, он мог его отправить себе в рот до общего дележа. Все же он стыдился этих минутных слабостей и нередко, проглотив плод, испытывал горькое раскаяние. Эх, думал он в такие мгновения, если бы раскаяние пришло двумя-тремя секундами раньше, я бы не стал его глотать. Но ведь откуда ему взяться, раскаянию, если ты еще этот плод не проглотил?

Однажды, когда Чик был совсем маленький, а Богатый Портной не такой уж богатый, тому поручили собрать с дерева груши для всего двора. В тот год был хороший урожай, и все соседи задолго до начала сбора притихли, чтобы, не дай Бог, не обидеть бабушку. Бабушка пыталась к некоторым соседкам придирается, но они смехом и шутками отвечали на ее придирки. И вот Богатый Портной с корзиной на дереве собирает груши, а ребята со всего двора стоят под деревом и кричат ему, где какая груша еще осталась. Одну грушу, самую крупную и желтую, он никак не мог заметить, хотя она висела на ветке совсем рядом. Ребята все время кричали ему, снизу показывая на нее, а он никак не мог заметить, все время разгребая листья на других ветках.

Наконец он ее заметил. Осторожно дотянувшись, он нежно и плотно обнял ее всей пятерней.

— О-о-о, — похвалил грушу Богатый Портной, — эта пойдет в карман...

И в самом деле, сняв ее с ветки, он осторожно, как яйцо, положил ее в карман. Теперь Чик заметил, что карманы его

подозрительно оттопырены. Чика тогда больше всего поразила откровенность Богатого Портного. Он как бы считал, что это и так всем ясно, что такую грушу нельзя в общую корзину положить. Но почему?

Чик тогда почувствовал, что у него испортилось праздничное настроение. В общем, тогда что-то испортилось. Он сам не мог понять, почему одна груша, правда, самая хорошая, может все испортить. Но он чувствовал это. Потом он вспомнил, что, как только Богатый Портной потянулся к этой груше и обхватил ее ладонью, он, Чик, ощутил какую-то тревогу за нее. Он как-то по-особому потянулся за нею и сорвал ее. Он так ее взял, словно на ней было написано — только для Богатого Портного. Но почему? Было неясно и неприятно... Чик шлепнул рукой по карману, чтобы убедиться, все ли на месте. Щелкнул спичечный коробок, стукнул по пальцам черенок перочинного ножичка — все в порядке!

Ника забросила скакалку к себе на веранду, и ребята прошли в сад.

Проходя под грушей, Чик оглядел ее, но еще на ветках не было ни одного спелого плода. Инжир уже понемногу поспевал, но Чик с утра снял с дерева два спелых, а больше за день не могло поспеть.

Вдруг Сонька подняла с земли упавший инжир.

— Чик! — крикнул Оник. — Она с земли подняла инжир!

— Я только посмотреть хотела, — сказала Сонька и поспешно бросила инжир на землю.

Считалось, что подымать с земли палый инжир — признак нищенства. Груши, яблоки и другие достаточно плотные фрукты можно, а инжир нельзя. Чик с упреком посмотрел на Соньку.

— Знаем, знаем, как посмотреть, — сказал Оник и насмешливо закивал головой.

Сонька наступила на инжир и растерла сандалией его сладкое повидло, чтобы показать, до чего ей противно было бы съесть этот инжир. По тому, как она смачно его раздавила и растерла, Чик догадался, до чего ей хотелось съесть этот инжир.

Ребята вылезли сквозь дырявый забор и спустились к руслу речушки. Летом она обычно усыхала и плелась, едва высушив язык. Белочка, конечно, попыталась за ними увязаться.

— Белочка, домой, — сказал Чик строго, но доброжелательно. Белочка оглянулась, словно Чик разговаривал не с ней, с какой-то другой собачкой. Чик давно знал все ее хитрости. — Кому говорят, домой! — Чик прибавил в голосе строгости, но оставил и нотку доброжелательности.

«Ах, ты мне говоришь? Но мне так не хочется, Чик!» — сказала Белка взглядом и, склонив голову, застыла в позе сиротской покорности. Это было нелегко перенести, но Чик стойко держался. Он понимал, до чего ей скучно оставаться во дворе, когда все порядочные люди куда-то уходят, но брать ее с собой было нельзя.

Дело в том, что в последнее время в городе появился собаковод, который ездил по улицам со своей страшной

клеткой и ловил зазевавшихся собак. О судьбе собак, попавших в его клетку, ходили самые мрачные слухи. Говорили, что он их убивает, из мяса делает мыло, а шкуры перекрашивает, чтобы хозяева не узнали, и продает. Недаром Чик ненавидел мыло, хотя его уверяли, что в магазинах то мыло не продают. Продают не продают, все равно противно, думал Чик.

Про одну женщину даже рассказывали, что она купила на базаре мех драгоценного животного, а потом, через некоторое время, когда краска облезла, оказалось, что это шкура ее собственной собаки, которая когда-то пропала у нее. Бедная женщина отмыла шкуру своей собаки и, рыдая, с почестями похоронила у себя в саду. Чик подозревал, что собаколов этот подослан вредителями, чтобы люди, постоянно думая о судьбе оставленных дома собак, нервничали на работе и допускали грубые ошибки.

Однажды собаколов проезжал по улице, на которой жил Чик. Он в это время стоял у калитки с Белочкой. Все собаки ненавидели собаколова и с бешеным лаем провожали его по улице, хотя выскочить ни одна не решалась.

И только Белочка, хотя она была довольно маленькой собачкой, залаяла на него и бесстрашно, правда, иногда оглядываясь на Чика, бросилась на колымагу. Понурая лошадь собаколова даже не обратила на нее внимания. Видно, она привыкла к такому обращению. Может быть, даже она стыдилась, что вынуждена обслуживать своего подлого хозяина. У Чика было к ней какое-то двойственное отношение: с одной сторо-

ны, ему было жалко ее, вон какая — ребра торчат. А с другой стороны, он все-таки осуждал ее: раз у тебя такой подлый хозяин — сбеги от него!

Если в тот раз понурая лошадь собаколова не обратила на Белочку внимания, зато сам собаколов обратил. Он с какой-то нехорошей странностью посмотрел на Белочку, хотя ясно видел, что она не беспризорная, что она только что выскочила со двора из-под ног Чика.

Чик тогда погрозил ему кулаком. А этот негодяй, даже вспоминать неприятно, в ответ на угрозу Чика посмотрел на него с такой же сонной деловитостью, как и на Белочку. Чик, конечно, понимал, что собаколов людей не трогает, но мало ли что он может сделать, раз его подкупили вредители.

С того самого дня Чик стал бояться за Белку и старался отучить ее выходить на улицу. С тех пор он еще несколько раз видел проезжающую колымагу собаколова, и каждый раз у него надолго портилось настроение. Раньше он иногда брал с собой Белку, когда ходил на море или в горы, как сейчас, но с тех пор старался отучить ее от улицы. Поэтому и теперь, несмотря на сиротское выражение, с каким Белка смотрела на него, он сурово отвернулся и пошел дальше.

В этом месте речушка была зажата стенами трехэтажных домов. Из верхних окон этих домов каждую секунду могли вылить помой, и потому приходилось идти, внимательно следя за окнами. Через несколько минут Чик оглянулся, и что же оказалось? Оказалось, что Белочка плетется за ним.

— Ах так! — угрожающе сказал Чик и гневно посмотрел на Белку.

Она продолжала стоять. А между тем в любую секунду из любого окна могла вылететь струя помоев. Особенно опасна была струя из верхних окон, потому что они выливали ее как бы с поверхности земного шара в безвоздушное пространство. Правда, с другой стороны, тут было и свое преимущество. Хотя жители верхнего этажа даже и не смотрели вниз, когда шлепали свои помои, все же благодаря самой высоте, если вовремя заметить летящие помои, можно было от них увернуться. Зато уж если жители нижних этажей, не заметив тебя, шваркнут помоями — никак не увернешься.

«Какие же окна опасней?» — задумался Чик и снова обратил внимание на Белочку. Она смотрела на Чика, терпеливо ожидая его решения. Тут Чик разозлился на себя и на Белку. На себя за то, что он имел дурацкую привычку задумываться над ненужными вещами, а на Белку за то, что она вообще еще тут торчала и, главное, думала, что он задумался над ее судьбой — брать ее или не брать, хотя он думал об этих проклятых помоях.

Чик сделал вид, что наклонился за камушком, и, разогнувшись, махнул рукой, словно кинул его.

«Не верю!» — сказала Белка, мотнув головой.

— Ах, не веришь! — вслух ей ответил Чик и, нагнувшись, в самом деле поднял камушек. Правда, выбрал поменьше и бросил его в Белку.

Камушек щелкнул несколько раз, подпрыгивая возле Белки. Она приподняла голову, а уши у нее вздрагивали при каждом щелчке.

«Ну, если дело дошло до камней...» — Чик прямо-таки услышал эти слова, когда она, повернувшись и уныло поджав хвост, затрусилась назад. Сердце у Чика сжалось, но ничего нельзя было сделать, так было надо.

— Чик, скорей, а то нас помоями обольют, — напомнила Сонька.

Чик ничего не ответил, и они пошли дальше.

Они прошли мост, перекрывавший улицу, и остановились. После моста было небольшое пространство, где их легко можно было заметить с улицы, особенно с балкона, на котором вечно торчал Богатый Портной со своим утюгом.

Чик осторожно выглянул из-под моста на улицу. Богатый Портной был на балконе. Он, как обычно, фырчал водой изо рта и потом несколько раз проводил утюгом по столику, на котором лежала его очередная работа. Чик хорошо знал последовательность его действий. Они обычно никогда не менялись.

Фырк! Фырк! — водой изо рта на тряпку, потом внимательно взглянет на улицу, снова берется за утюг.

Надо было перебежать, пока он фырчит, или через несколько мгновений, когда он начинает гладить. Чик легко, без особой опаски, перебежал открытое пространство. Богатый Портной его не заметил. Он из-под моста следил за Чиком с испуганными глазами. Он очень боялся, что отец

его увидит и вернет домой. Он до того боялся, что сам уже не доверял своему слуху.

— Фырчит или не фырчит? — шепотом спрашивал он у Чика.

— Сейчас зафырчит, — ответил Чик, прислушиваясь к балкону.

Фырк! Фырк! — раздалось с балкона. Чик переждал несколько мгновений и дал знак Онику. Оник в несколько прыжков одолел опасное расстояние. Ника не стала дожидаться его знаков, а сама спокойно перешла на эту сторону, показывая, что она никого не боится.

Вообще-то Чик преувеличивал опасность, но эта вечная независимость Ники сейчас ему не понравилась. Зато Сонька, дождавшись команды Чика, быстро перебежала на его сторону, показывая, что она в отличие от некоторых угадывает желания Чика и точно их исполняет. Если Чик у нравится считать, что перебегать от моста в безопасное пространство очень, очень опасно, то она так и будет перебегать, как будто это очень, очень опасно.

Чик у было бы приятней, если б она в самом деле чувствовала эту опасность, а не преувеличивала для Чика. Но все же это было лучше, чем самостоятельность Ники.

Бедный Лёсик и в самом деле сильно разволновался и от предстоящей опасности, и от сознания своей неловкости. На полпути между мостом и изгибом реки, где они укрывались, он шлепнулся в воду и забарахтался, неуклюже шевеля ногами и руками, как перевернутый жук.

Чик, пригнувшись, подбежал к нему. Только он попытался поднять его на ноги, как вдруг, откуда ни возьмись, у края обрывистого берега появилась Белка. Она радостно взвизгнула и залаяла, решив, что Чик и Лёсик нарочно барахтаются в воде. Чик бросил на нее свирепый взгляд, но Белочка решила, что все это игра, и еще радостней залаяла.

Тут Чик почувствовал, что и в самом деле над ними нависла угроза. Сейчас Богатый Портной подымет голову, увидит их и догадается, что Оник с ними.

Он пригнулся, схватился за рубашку Лёсика изо всех сил и поволок его по воде до самого поворота. Увидев такое, Белка залилась вовсю и даже попыталась спуститься вниз. Но тут Чик выглянул и, взяв в руку огромный бульжник и сделав самое свирепое выражение из всех возможных выражений лица, погрозил ей.

— Что ты там увидела, Белка? — хохотнув, поднял голову Богатый Портной.

Чик едва успел скрыться.

— Утя! Утя! Утя! Утя! — раздался голос женщины из соседнего двора. Она думала, что Белка лает на ее уток, и давала им знать, что она не даст их в обиду.

Ребята побежали вперед, а Чик, поддерживая одной рукой Лёсика, тянулся за ними. Здесь речка делала еще один изгиб, и с улицы их нельзя было заметить. Отсюда был виден только кусок обрывистого склона, на котором стояла Белка и тоскливо смотрела им вслед.

Тут на всех напал смех, а Лёсик, весь мокрый, только сопел и смущенно оглядывал себя.

— Ничего, — сказал Чик и бодро шлепнул рукой по мокрым штанам Лёсика, — пока придем, высохнет.

Ребята пошли дальше. Теперь с обеих сторон над обрывистыми склонами шли сады и огороды. Тропинка была довольно хорошая, так что Лёсик без особого труда поспевал за всеми.

Перед самым выходом из речки, где начиналась следующая улица, внезапно впереди показалась собака. Она сидела чуть повыше тропы и грызла большую кость с круглой шишкой на конце. Собака была большая и бездомная. Это было видно и по желтой свалывшейся шерсти, и по тому, как она спокойно расположилась здесь, на диком берегу речки.

Чик знал, что домашние собаки в таких местах не располагаются. Домашняя собака если и найдет где-нибудь вкусную кость, то она ее притащит к себе, а не будет грызть где попало.

Это была опасная встреча. Мало ли что ей взбредет в голову. Они остановились и молча уставились на собаку. Собака тоже перестала грызть свою кость и, приподняв голову, а главное, не выпуская добычу изо рта, тоже молча уставилась на ребят.

Чик мельком подумал, что она сейчас похожа на старого капитана с трубкой. Чик про него читал какую-то книжку, но сейчас не мог вспомнить, что это была за книжка. Там был такой старый капитан с трубкой. Он на вид был свирепый,

но на самом деле был очень добрый. Все свирепые капитаны с трубкой, про которых читал Чик, в конце концов оказывались очень добрыми. Конечно, могло оказаться, что и эта собака окажется доброй, но кто ее знает. Ведь сама-то она и не подозревает, что похожа на свирепого капитана с трубкой, который просто так, чтобы было интересней, напустил на себя свирепость.

Они молча, бесконечные мгновения смотрели друг на друга, и от этого ребятам делалось все страшней и страшней.

— Чик, — сказала Сонька тихо, — по-моему, я ее где-то встречала...

— По-моему, она бешеная, — сказал Оник.

Чик сам об этом подумал, но решил, что сейчас правильной будет отрицать это, чтобы его маленькую команду не охватила паника.

— У бешеной должна быть красная слюна, — сказал Чик.

— Бешеные бегут к воде, — сказал Оник, — а она видишь куда пришла?

— Глупости, — сказал Чик и, помертвев от страха, двинулся вперед.

Если бы Чик был один и встретился бы в таком месте с такой собакой, которая только смотрит, и молчит, и даже кости изо рта не вынимает, он просто повернулся бы и ушел. Или даже сначала попятился бы как следует, а потом повернулся бы и ушел. Но сейчас, на глазах у всех, он этого сделать не мог.

— Чик, я боюсь за тебя, — услышал он сзади шепот Соньки.

Он медленно, не шевелясь, проходил опасное место. Он не смотрел в сторону собаки, но краем глаза следил за ней. Ему казалось, что с каждым шагом морда ее делается все огромней и огромней, он видел ее большие зубы сквозь небрежный прикус и красную полоску пасти.

Она похожа на старого капитана с трубкой, упрямо думал Чик. Она и есть старый капитан с трубкой, а старый капитан никогда никого не кусает. Старый капитан добрый, он курит трубку мира, и он и подумать не хочет, чтобы кого-нибудь укусить.

Чик прошел для полной безопасности еще шагов десять и остановился. Перевел дух. Теперь все ребята на той стороне завидовали ему. Чик дал знак Онику идти. Оник продолжал стоять.

— Чик, она все еще смотрит, — сказала Сонька.

— Пусть смотрит, — сказал Чик. — Ну, давай, Оник, — сказал Чик, — шевелись!

Оник тоскливо смотрел на Чика и даже не пытался сойти с места. И вдруг неожиданно для всех, содрогаясь смущенной улыбкой, Лёсик заковылял по тропе.

— Только не упади, только не упади, — забормотала Сонька. Лёсик мужественно проковылял мимо собаки и подошел к Чику.

— Молодец, Лёсик, — сказал Чик и обнял его.

Лёсик благодарно засопел.

Сразу же за Лёсиком пошла Ника. Она шла, по своей горделивой привычке, узко переставляя ноги и всем своим ви-

дом показывая, что ее-то собака никогда не посмеет тронуть. Вот богатые, подумал Чик, вечно им кажется, что все должны знать об их богатстве.

Сонька не захотела одна оставаться и взяла Оника за руку. Так, взявшись за руки как маленькие, они вдвоем перешли опасное место.

И тут собака, повернув голову и все еще не выпуская кости изо рта, удивленно посмотрела на них. Казалось, она хотела сказать: «Чего это вы тут делали, никак не пойму! Чего-то переговаривались, чего-то переходили но одному? Ни-че-го не понимаю!»

Повеселев от удачного перехода этого опасного места, ребята пошли дальше.

— Я сейчас вспомнила, — оказала Сонька, — я эту собаку на базаре видела.

— Может, она здесь прячется от собачника, — сказал Оник.

— Все может быть, — вздохнул Чик. Напоминание о собачнике всегда портило ему настроение. Видно, от этого собачника никуда не денешься.

— Возьми у Соньки банку, — сказал Чик, обращаясь к Онику. Нечего было Онику напоминать ему о собачнике, сам виноват.

— За что? — сказал Оник с обидой.

Чик выразительно посмотрел на него, напоминая, что он струсил. Оник понял его намек, но не принял его за уважительную причину. Чика всегда поражало в Онике равнодушие к вопросам личной доблести. Чик, как и все ребята, изо всех сил старался выглядеть храбрее, чем он

был на самом деле. Для этого ему нередко приходилось понукать свою упирающуюся храбрость. А Онику и в голову не приходило, что ее надо понукать, пусть себе плетется как-нибудь или даже стоит на месте, если ей так хочется. Вот и теперь он смотрит с обидой на Чика и никак не хочет понять, что хоть как-нибудь должен поплатиться за свое поведение.

— Я платок дал, — напомнил Оник и сам выразительно заглянул Чику в глаза, как бы добавил, что он и деньги сегодня внес в копилку.

— Ничего, Чик, я понесу, — вмешалась Сонька. Она любила, чтобы все было хорошо.

— Ладно, — сказал Чик примирительно.

— Когда мы с папой жили в санатории, — сказала Ника задумчиво, — то там была немецкая овчарка, она из киоска носила в зубах газету.

— Может, скажешь еще, читала? — сострил Оник, повеселев оттого, что ему не пришлось нести эту консервную банку.

— Можешь не верить, — сказала Ника и дернула плечом.

Ребята выбрались на улицу. На гору, где росли мастичные сосны, можно было идти прямой дорогой или в обход. Прямой дорогой можно было прийти быстрее, но там надо было пройти через поселок, где обычно околачивались мальчишки-братья, «рыжие волчата», как их называли.

Они жили над поселком в одной из двух сталактитовых пещер, которые были на этой горе. В этой пещере они жили

вместе с родителями и осликом, на котором ездил по городу и гадал их рыжебородый отец.

Рыжие считали, что это их гора, и они сторожили ее. Городские ребята, поднимавшиеся на эту гору, предпочитали с ними не встречаться. Чик нередко с ними встречался, но тоже предпочитал обойтись как-нибудь без них.

Бывало, сидишь на сосне, напав на хорошее месторождение смолы, соскребаешь ее ножом или гвоздем, вдыхаешь скипидарный запах хвои и смолы и чувствуешь себя счастливым золотоискателем, напавшим на хорошую жилу.

И вдруг настроение начинает портиться. Ты еще не понимаешь, в чем дело, но чувствуешь: что-то тебя беспокоит. Ты озираешься и внезапно замечаешь, что из-под хвои соседнего дерева за тобой следит рыжий волчонок, и, видно, давно следит. Встретившись с тобой глазами, он молча грозит тебе кулаком или, что еще хуже, не обращая на тебя внимания, продолжает за тобой наблюдать, как будто ты животное или неодушевленный предмет.

Иной раз в таких случаях и удавалось избежать встречи, если рыжий сам напал на хорошее месторождение смолы и ему неохота слезать с дерева. Но если ты почувствовал что-то неприятное и обнаружил, что рыжий сидит под твоим деревом и ожидает тебя, то тут уж, сколько ни сиди на дереве, он все равно дождетя тебя.

А если ты слишком засиделся, он просто забирает твою обувь и уходит, раз уж ты, скинув ее под деревом, не догадал-

ся припрятать. И ты сам стремглав спускаешься с дерева и догоняешь его.

Тут рыжий заставляет тебя покупать у него мастику, хотя ты поднялся на гору не для того, чтобы ее покупать. А если у тебя нет денег, он отбирает из твоих вещей что ему понравится — перочинный ножик, царский пятак для игры в деньги, кусок свинца для грузила или еще что-нибудь.

А если у тебя нечего отобрать, рыжий может закинуть твои башмаки в самые непроходимые заросли.

— Бобик, ищи! — говорит он при этом.

И ты ищешь, потому что это его гора и он тут делает все, что захочет. На самые лучшие, самые плодоносные сосны рыжая команда давно наложила запрет, и никто не смел к ним подойти.

Самый старший из рыжей команды, подросток лет четырнадцати, иногда со своими братьями окружал городских ребят, забравшихся на гору, выбирал из них кого-нибудь поновей и заставлял драться с одним из своих братьев.

Надо сказать честно, что он при этом выталкивал для драки примерно равного на вид волчонка. Но какое уж тут равенство! Чужая гора, чужая молчаливая стая, готовая вот-вот наброситься!

Так что поражение пришельца было неизбежно. Чик это знал. Бывало, если старшему победа казалась слишком быстрой и неинтересной, он кивал на кого-нибудь из рыжиков помладше и говорил:

— А ну, с этим попробуй!

Самый младший рыжик, такой парнишка лет семи, и то, оглядывая городских ребят своими кошачьими глазами, говорил:

— С кем-нибудь подлаться охота...

Конечно, им тоже доставалось, когда они шли в школу или из школы, но тут они были полновластными хозяевами.

Этой весной у Чика было столкновение с одним из рыжиков, но сейчас он не хотел об этом вспоминать, до того это было неприятное воспоминание.

Одним словом, Чик решил идти в обход. Там тоже было одно довольно сложное препятствие, а именно встреча со щенком волкодава, так его называл Чик. Но делать было нечего, лучше было встретиться со щенком волкодава, чем с этими рыжими волчатами.

Ребята перешли улицу, прошли мимо детдома под прохладной тенью кипарисов, потом завернули на крутую пригородную улицу и вышли на полянку, в конце которой проходила длинная каменная стена. Стена эта подымалась почти до самого гребня горы, где росли сосны, богатые мастикой. По этой стене им предстояло подыматься.

На полянке ребята с соседней улицы играли в футбол. Чик сразу заметил среди них Бочо, и в груди у него неприятно скнуло.

Дело в том, что Чику предстояло с ним подражаться. Это было неизбежно. Но Чик предпочел бы подражаться где-нибудь в другом месте. Если не удастся на своей улице, то все же лучше было бы возле школы или на углу между их улицами.

Но драться здесь, где у Бочо были кругом свои ребята, Чик считал невыгодным и несправедливым. Поэтому он предпочел бы сейчас как можно незаметней пройти мимо игроков. Но разве дадут!

— Чик, вот Бочо, — сказал Оник простодушно.

— Не твое дело, — прошипел Чик, разозлившись на него за это простодушие.

Оник знал, что Чику предстоит подраться с Бочо, но не понимал, что сейчас Чику это невыгодно.

Они уже почти прошли полянку, когда его окликнул Шурик, нервный сын школьной уборщицы.

— Чик, — крикнул он, — вон Бочо, будешь драться?

Чик сделал вид, что не расслышал. Но проклятый Шурик не унимался.

— Бочо, — крикнул он своему голкиперу, — вон Чик, будешь драться?

— Мне что, — ответил Бочо своим сиплым голосом и, понимая неимоверную выгоду своего положения, не удержался от улыбки, — я всегда готов.

Дальше отмалчиваться было невозможно, и Чик остановился. Вся его компания остановилась.

— Мы сейчас идем за мастикой, — сказал Чик внятно и небрежно, — на обратном пути — пожалуйста...

— Подерись, а потом идите, — мирно посоветовал Шурик.

Этот ехидина знал, что сейчас Чику невыгодно драться. Ему очень хотелось посмотреть, как Бочо поколотит Чика. Чик знал, что, если Бочо победит, Шурик захочет подраться

с Чиком, чтобы перерешить давно решенный вопрос, кто из них сильней. Поэтому он так стремился к этому вдохновляющему зрелищу.

Игра остановилась, и все ждали, что будет.

— Какой хитрый, — сказал Шурик, — на обратном пути вы пойдете другой дорогой.

— Нет, — твердо ответил Чик, — раз я сказал, значит, так и будет.

— Или драка, или игра, — сказал хозяин мяча и угрожающе поднял мяч с земли. Он ревновал, что всеобщее внимание от его мяча переключилось на какую-то не слишком вероятную драку.

— Играть, играть! — закричали ребята и стали расходиться по своим местам.

Чик нашел возможным теперь двинуться дальше, не унижая своего человеческого достоинства.

— А что это за москвичка! — крикнул Шурик и под смех ребят изобразил походку Ники.

— Она не москвичка, она на другой улице жила, — сказал Лёсик, не понимая, что Шурик ищет повода для придирок.

— Притворяется москвичкой, — крикнул Шурик, хотя никто, кроме него, и не говорил, что она москвичка, — красавица южная, никому не нужная...

Чик молча проглотил эти оскорбления, в сущности, направленные против него. Вообще-то появляться среди ребят в обществе двух девчонок, причем одна из них фасонистая, и двух мальчиков, причем один из них еле держится на ногах,

а другой хоть и ловкий, но не слишком приспособлен защищать свою честь, было и всегда не очень-то прилично. Но в другие времена эти ребята — вернее, Шурик, а еще вернее, Шурик с их молчаливого согласия — не могли позволить себе такое.

Чик понимал, что авторитет его катастрофически падает. Он решил не откладывать сегодняшнюю драку, чтобы остановить этот обвал престижа.

Чик вспомнил, хотя это было неприятно, с чего все началось. В тот день недалеко от школы, в детском парке, он с одним мальчиком играл в деньги. Они играли в «накидку» — так в те времена называли эту игру. Смысл ее состоял в том, что с определенного места игроки бросали свои пятаки на столбик монет, стоящий на каком-нибудь плоском камне. Чей пятак упал ближе, тот первым разбивает этот столбик.

Вокруг Чика и этого мальчика, когда они подходили расшибать монеты, образовалось кольцо из любопытствующих ребят.

Среди них были Шурик и один из рыжиков. В разгаре игры Чик обычно сильно волновался. На этот раз он особенно сильно волновался, может быть, потому, что денег на кону было больше, чем обычно. Два раза, когда на кону стоял обычный столбик серебристых монет, Чик выигрывал право первым расшибать этот сладостный столбик. Оба раза от волнения он промахнулся. Оба раза пятак его в миллиметре от столбика стукнул ребром по земле. И оба раза после того,

как он промахивался, в напряженной тишине раздавался тихий смех какого-то мальчика.

Чик чувствовал, как неприятно покалывает его этот смех, но из самолюбия и поглощенности неудачей он не обращал внимания на то, кто именно смеялся.

И вот когда третий раз он получил право первым расшибать столбик монет и, страшно волнуясь и думая все время о том, что ему, после того как промахнулся два раза, теперь промахиваться в третий раз никак нельзя, он прицелился дрожащей рукой, как бы предчувствуя, что обязательно промахнется, ударил изо всех сил и в самом деле промахнулся. Даже еще хуже. Пятак, ударившись рядом, задел столбик монет, и он мягко, гармошкой повалился набок, так и не перевернувшись ни одной монетой.

И тут в третий раз раздался тихий презрительный смех. У Чика в глазах что-то поплыло. Почему-то всегда это называют кругами, но Чик не уверен, что это были именно круги. Скорее это были какие-то остроугольные фигуры.

Теперь Чик разглядел смеющегося. Это был рыжик. Он сидел на корточках совсем близко. Чик, не разгибаясь, со всей силой дал ему по стриженной голове брейющий удар. По боли, ошпарившей ладонь, Чик почувствовал, что он его очень крепко ударил.

Рыжий схватился за голову и стал медленно подниматься, не сводя с Чика ненавидящих глаз. Чик почувствовал тревогу и на всякий случай тоже встал на ноги.

Чик не собирался с ним драться. Чик был чуть ли не на голову выше, старше его и сильнее. Это было ясно всем,

в том числе и рыжему. Все еще держась за голову, он смотрел на Чика горящими глазами волчонка. Потом он слегка покосился в сторону своей горы, но она была далековато, и помощи ждать оттуда было бессмысленно. Здесь он был один.

И все-таки он ринулся на Чика. Несколько смущенный, Чик отбросил его, и по легкости, с которой рыжий отлетел, он еще раз почувствовал, насколько сам он сильнее его.

Но не тут-то было. Рыжий с еще большей яростью набросился на него, и Чику ничего не оставалось, как вступить в драку.

Чик дрался, все время чувствуя какую-то неловкость, потому что это была очень неравная драка. Он каждый раз, когда они сцеплялись, пытался отбросить его, но тот со свирепостью, свойственной всей рыжей команде, лез, и лез, и лез на него. В общем, получилась какая-то кошмарная драка. Все время чувствуя неравенство сил, Чик сдерживал себя и от этого действовал как-то нерешительно, неуклюже. Он все время думал о зрителях и старался им показать, что он дерется не в полную силу.

Но рыжий этого не замечал. Он только чувствовал, что раз противник не побеждает, значит, должен победить он. Покряхтывая и урча от кровожадного упоения, он вновь и вновь бросался на Чика, не сводя с него желтых ненавидящих глаз. Чику даже как-то стало не по себе. Он даже почувствовал некоторые панические признаки еще отдаленной усталости. Он как-то слишком упустил его вперед, как-то

слишком развил в нем волчий аппетит к драке, покамест сам ковырялся в обороне.

В это время один из ребят постарше, игравших в парке на детском бильярде, подбежал к ним и, схватив рыжего в охапку, приподнял над землей. Рыжий стал яростно барахтаться у него в руках, стараясь вырваться, а парень этот, посмеиваясь, продолжал держать его в воздухе, а Чик стоял рядом и не знал, что ему делать.

— Иди-ка ты отсюда, — сказал он Чику, чувствуя, что даже ему не так-то просто удержать рыжего волчонка.

Чик, понурясь, пошел. Не успел он пройти и десяти шагов, как услышал за спиной какие-то крики. Чик быстро обернулся, решив, что рыжий вырвался и мчится за ним.

Рыжий и в самом деле вырвался, но бежал совсем в другую сторону, а за ним мчался паренек, который держал его. Оказывается, рыжий укусил его и убежал.

Тем и закончилась драка. Но почему-то с этого дня началось падение его авторитета. На следующий день в школе разнеслась весть, что один из рыжиков, да не старший и не следующий, а тот, что поменьше Чика, излупцевал его в парке да еще укусил взрослого парня, который якобы пытался Чику помочь.

Старший рыжик на одной из перемен, поглаживая своего братца по голове, кивнул на проходящего Чика и стал что-то рассказывать ребятам, окружавшим его. Чик мог представить, что он там рассказывал, тем более что маленький рыжик в это время нагло и весело посматривал в сторону Чика и все

время кивал головой: дескать, все так и было, как мой брат рассказывает.

Чик мрачно, с деланной независимостью ходил по школьному двору. Он считал унижительным доказывать, что этот маленький наглец не мог его победить. Также он считал постыдным требовать свидетельских показаний от очевидцев драки.

Главное, всем так хотелось, чтобы победил маленький рыжик, что тут ничего нельзя было доказать. По глазам маленького рыжика было видно, что он и сам поверил в свою победу. В ближайшие дни он уже без старшего брата показывал на Чика и, по-видимому, рассказывал о своей победе.

Некоторые ребята из других классов приходили посмотреть на Чика, побежденного маленьким рыжиком. Один даже принял за Чика самого большого мальчика из их класса, до того ему хотелось порадоваться разнице между Чиком и маленьким рыжиком.

Чик почувствовал, что людей, охваченных жадой сотворения мифа, невозможно остановить. Он это точно чувствовал, хотя и не знал, что это так называется. Зато он знал, что очутился в глупейшем положении. Пошатнулось стройное здание годами отработанных оценок. Начался сложный и утомительный процесс переоценки ценностей. Шурик стал дерзить, а Бочо при встрече с ним как-то двусмысленно улыбался.

Шурик и раньше несколько раз бунтовал, но Чик сравнительно легко ставил его на место. Шурик вместе с мате-

рю жил в одной из школьных полуподвальных комнат. У них над головой весь день звенел школьный звонок. Чик считал, что Шурик от этого нервный и даже слегка психованный.

Чик относил Шурика к числу тех ребят, которые знают, что взрослые могут говорить одно, а думать совсем другое. Как это ни странно, Чик чувствовал, что эта общая черта их не сближает, а, наоборот, отдаляет друг от друга. Чик чувствовал, что именно из-за этого они недолюбливают друг друга.

Хотя Шурик не был сильным мальчиком, связываться с ним никто не любил. Во-первых, он поторговывал чистыми тетрадами, даже глянцевые тетради, в то время великая редкость, у него бывали. В трудную минуту к нему можно было обратиться. Разумеется, продавал он их гораздо дороже, чем они стоили.

А во-вторых, и это главное, из-за его нервности. Распсиховавшись, он в драке мог огреть противника чем попало. Но это-то как раз Чика и не страшило. По домашнему опыту обращения с дядей Колей Чик знал, как с такими людьми надо себя вести.

«Ах, ты психованный? Так я еще психованней!» — вот как надо было с такими людьми себя вести. По этому правилу взрослые мужчины в доме Чика не раз смиряли дядю Колю, когда он, чаще всего в жару, начинал бузить. Шурик прекрасно знал, что Чик не даст ему спуска из-за его психованности, и поэтому сдерживал свою психованность.

Но авторитет Чика начал падать, и было похоже, что Шурик собирается снова помериться силами с Чиком. Ясно было, что при этом он не будет сдерживать свою психованность, а прямо спустит ее с цепи.

В мае этого года, когда ребята большой компанией купались в море, случилось страшное — у Чика пропали трусы. Так как девчонок поблизости не было, а в мокрых, хотя и выжатых трусах ходить еще было холодно, все купались голые. И вот, когда Чик вышел из воды, обнаружилось, что у него исчезли трусы.

Чик сначала решил, что кто-то подшутил и вскоре трусы возвратят. Но никто трусы не возвращал, и Чик стал волноваться. Сначала он перекопал весь берег, думая, что их зарыли в прибрежную гальку, но трусов нигде не было.

Чик не на шутку разволновался. Он подозревал, что это дело рук Шурика, но ничего доказать не мог. Шурик сидел тут же и, холодно сочувствуя, делал различные предположения. Трусы могли украсть какие-нибудь хулиганы. Чик страшно растерялся и, что скрывать, разревелся. Путь к дому был отрезан. Сейчас все разойдутся, а он, голый, останется на берегу.

К счастью, Оник оказался преданным и сообразительным другом.

— Ты посиди тут, — сказал он, — а я сбегаю домой и возьму у твоей мамы трусы.

— Нет, — сказал Чик, чувствуя, что сама мысль плодотворна, — она подумает, что я утонул. Лучше ты дай мне твои трусы, я их дома сменю и принесу.

— А если отец тебя заметит в моих трусах и решит, что я утонул, знаешь, какой шухер будет? — сказал Оник, уже заранее зная, что Чик его все равно уговорит.

Тут Чик уверил Оника, что отец его никак не может заметить Чика, потому что домой он возвратится не через калитку, а через речку и огород. Чик так и сделал. Он бежал всю дорогу, немного стесняясь слишком ярких трусов Оника. За квартал от дома он спустился в речку, добрался до огорода и уже стремглав, как ошпаренный, перелетел через двор, вбежал домой, вытащил из шкафа чистые трусы, переоделся в них и тут почувствовал полное счастье безопасности. Никто ничего не заметил. Чик свернул трусы Оника и, сжав их жгутом, выскочил на улицу.

— Оника не видел? — окликнул его Богатый Портной.

Чик на радостях забыл, что он вечно торчит на балконе. От неожиданности Чик спрятал за спину руку со свернутыми трусами. По-видимому, знакомый цвет того, что Чик сжимал в руке, чем-то смутно напомнил ему Оника.

— А это что прячешь? — кивнул головой Богатый Портной.

— Ничего, — сказал Чик и тут уже по-настоящему испугался. Чик представил гнев Богатого Портного, если б тот узнал в руке у Чика трусы Оника, каким-то таинственным образом отделившиеся от хозяина.

В это время со двора вышел Алихан и уселся на крыльце Богатого Портного. Богатый Портной посмотрел на Алихана. Алихан посмотрел на Богатого Портного, а потом на Чика, не понимая, что их соединяет.

— Значит, не видел Оника? — снова спросил Богатый Портной и пытливо заглянул в глаза Чика.

— Не видел, — ответил Чик, стараясь твердо глядеть на Богатого Портного. Руки он продолжал держать сзади.

— Что-то хитришь, но что — не пойму, — сказал Богатый Портной.

— Ничего не хитрю, — ответил Чик.

— А что такое, — сказал Алихан и поднял голову, — я видел Оника.

— Ты иди, иди, — сказал Богатый Портной и сделал вид, что перестал интересоваться Чиком.

Чик сразу же понял его хитрость. Он подумал, что сейчас Чик повернется спиной и он увидит, что у Чика в руке. Чик не стал поворачиваться, тем более ему интересно было узнать, как и где Алихан мог видеть Оника.

— Где он? — спросил Богатый Портной у Алихана, делая вид, что совсем не следит за Чиком.

— Только что во дворе пробежал, — сказал Алихан. Чик быстро повернулся и, прижав руку с трусами Оника к груди, побежал. Как он мог видеть Оника, когда Оник сейчас сидит на берегу, думал Чик радостно, мчась по улице. И, только завернув за угол, Чик вдруг догадался: так это он меня принял за Оника! Чику стало еще веселее, и он бежал до самого моря, напевая песенку вроде дяди Коли и шлепая трусами Оника по своим голым ногам.

Тогда все обошлось прекрасно, и Чик позже, вспоминая этот случай, с благодарностью думал про Оника и с затаенной обидой про Шурика.

Чик так и не узнал, куда делись его трусы. Но одно то, что он мог подумать на Шурика, а мог подумать потому, что Шурик к этому времени так себя вел, что было вообразимо, что он мог это сделать, говорило о степени падения его престижа.

Да, теперь надо было обязательно подраться с Бочо, несмотря на невыгодные условия.

Чик никогда с Бочо не дрался. Бочо ему всегда нравился. Бочо был такой добродушный, такой лупоглазый коренастик. За эту коренастость да еще сиплый-пресиплый голос Чик его уважал. У него был такой сиплый голос, что те, кто слышал его в первый раз, думали, что он так говорит, потому что никого на свете не боится, а никого на свете не боится, потому что у него старший брат самый сильный парень в городе. На самом деле у него никакого старшего брата не было, просто у него был такой голос от природы.

По какому-то необъяснимому чутью Бочо без драки признал, что Чик его несколько превосходит в силе. Чик это признание чувствовал и в благодарность за то, что тот избавил его от довольно утомительного доказательства, так же молча обещал не пользоваться этим превосходством, и уважать его независимость.

Но с тех пор как Чик перенес эту несчастную драку с рыжиком, да еще потерял на берегу трусы, все пошатнулось. Бочо при встрече с ним стал блудливо улыбаться, и значение этой улыбки Чик прекрасно понимал. А означала она одно — что, собственно говоря, превосходство Чика ничем

не доказано и Бочо готов посмотреть, как Чик его еще будет доказывать.

Ребята подошли к железным решетчатым воротам, почему-то всегда закрытым на замок. Там, за воротами и каменной стеной, на склоне горы рос огромный фруктовый сад с яблоками, грушами, мушмулой, маслинами.

По слухам, до революции здесь жил какой-то важный князь. Но во время революции его свергли, и он куда-то исчез. Чик почему-то представлял, что после того, как его свергли, он покатился вниз по склону горы.

Чик слышал, что после того, как исчез князь, маслины в его бывшем саду перестали плодоносить, хотя расти продолжали. Остальные фрукты продолжали плодоносить, а маслины перестали. Они остались преданными князю.

Чик вообще никогда не любил маслины из-за того, что они какие-то горькие да еще соленые. Он считал это каким-то уродством. Если ты фрукт — ты должен быть сочным и сладким. А если ты не сочный и не сладкий, какой же ты фрукт!

Чик чувствовал какую-то связь между тем, что он не любил маслины, и тем, что они остались преданными князю и не хотели плодоносить, хотя совсем засохнуть почему-то тоже отказывались. Тогда высыхайте совсем, если вы такие, сердито думал о них Чик, очистите место для наших фруктов!

Чик про эти маслины часто думал. Иногда он считал, что их надо вырубить или сжечь, раз они такие упрямые. Да, сжечь, как сожгли дом князя во время революции.

Эти маслины смущали его душу своей бессмысленной преданностью. Чик считал, что преданность может быть только среди наших, что для врагов это слишком красивое занятие — быть преданным. Но такими уж они уродились, и с этим ничего нельзя было сделать. Главное, что князь никогда не вернется. Чик это точно знал, а они продолжают быть преданными, и от этого их обреченная преданность как бы делается еще преданней и еще трогательней.

Чик никак не мог взять всего этого в толк и не любил вспоминать о маслинах. Но все равно иногда это само лезло в голову, и Чик ничего с этим не мог поделать.

Но сейчас Чик об этом не думал. Он просто вспомнил мимоходом про маслины, которые растут за стеной в саду, и тут же забыл. Сейчас ему было все равно, кому там они преданы или не преданы. Сейчас его занимали более близкие вещи, а главное, предстоящая драка с Бочо в невыгодных для него условиях.

Недалеко от ворот, возле стены, возвышался зеленый холмик, взобравшись на который можно было легко перейти на стену. Ребята влезли на зеленый холмик.

— Всем разуться! — приказал Чик и сам первым разулся.

Чик положил сандалии на гребень стены и быстро влез на нее. Стена была горячей от солнца и с непривычки слегка обжигала подошвы ног.

— Оник, — сказал Чик, — будешь подсаживать Лесика, а я буду его сверху тянуть.

Лесик наклонился и грудью уперся в стену. Он снизу смотрел на Чика виноватым взглядом, как бы прося прощения

за свою неловкость. Чик взял его за шиворот, крепче уперся ногами, чтобы ступни почувствовали неровности кромки стены и вцепились в них. Оник подсел под Лёсика, уперся головой ему в зад, и они одновременно потянули его наверх и плашмя взгромоздили на стену. После этого Лёсик сам постепенно собрался и встал.

— Ну как? — спросил Чик.

— Ничего, — ответил Лёсик, смущенно улыбаясь, и кивнул на ноги, — только жжет.

— Это пройдет, — сказал Чик, — меня и то жгло.

Оник одним прыжком, упершись руками в кромку стены, поднялся на нее. Он вообще был очень ловким, и Чик это в нем ценил. Девочки тоже быстро взобрались на стену, а Ника даже не сняла своих тапочек. Правда, резиновые тапочки цепко держали ее на гребне стены, но Чик считал, что она нарочно не сняла, чтобы не подчиняться его приказу.

Чик решил, что он будет боком идти впереди и придерживать Лёсика одной рукой, а за Лёсиком будет идти Оник и подстраховывать его.

— Ника, возьми Лёсикины сандалии, — сказал Чик, обернувшись.

— Фи, — сморщила Ника свой маленький нос, — мне неприятно, пусть Соня несет.

Чик обычно нравилось, как она морщит свой нос. Она так забавно его морщила, что Чик каждый раз, когда она его морщила, хотелось слегка щелкнуть его. Но сейчас ему это не нравилось.

— Сонька и так банку несет, — сказал Чик, раздражаясь на себя за то, что ему нравится, как она морщит нос, — а из-за твоей походки над нами смеются.

— Смеются дураки, — ответила Ника, — а мой папа считает, что у меня красивая походка.

Она стояла на стене в своем желтом сарафане и белых тапочках, легкая, независимая, а главное, нисколько не благодарная за то, что ее взяли в поход.

— Знаешь, как ты надоела со своим папой, — сказал Оник, обернувшись. Он ничего не знал о судьбе ее отца. Никто из ребят, кроме Чика, ничего не знал о судьбе ее отца.

— А ты знаешь, как надоел со своим Богатым Портным, — ответила Ника.

— Сейчас ка-ак сандалией заеду, — сказал Оник, — сразу очутишься в саду.

— Только попробуй, — сказала Ника и нагло посмотрела на Оника своими хотя и синими, но темными от густоты цвета глазами. Глядя ей в глаза и прислушиваясь к ссоре, Чик вдруг подумал: оказывается, богатые не так уж любят друг друга. Чикку почему-то было приятно, что богатые не выступают единым фронтом. Но сейчас, на стене, эта ссора была ни к чему.

— Не надо спорить, — сказала Сонька, — я возьму. Она протянула руку и взяла у Лёсика его сандали.

— Хорошо, пошли, — сказал Чик. Он считал, что сейчас спорить здесь, на стене, неуместно.

Они стали медленно подниматься вверх. Боком идти было неудобно, и Лёсик как-то не в лад время от времени с какой-

то опасной силой неуклюжего человека дергал Чика за руку. Не успели они пройти и десяти шагов, как вдруг с полянки раздался голос Шурика.

— Лёсик, а-ста-рож-на, упадешь! — пропел он гнусаво. Лёсик, как всегда, обернулся на голос и так дернул Чика за руку, что Чик чуть не слетел со стены.

— Чего ты смотришь, когда они дразнят! — заорал он не своим голосом.

Чик даже вспотел от страха. Он страшно разозлился на Шурика за его подлое напоминание, а заодно разозлился и на Лесика.

— П-привычка, — сказал Лёсик и улыбнулся от смущения.

— Дурацкая привычка, — бормотал Чик, постепенно успокаиваясь.

Они двинулись дальше, и тогда с полянки раздался еще раз голос Шурика.

— Идите, — крикнул он, — там вам рыжие покажут!

В это мгновение Чик окончательно и бесповоротно решил на обратном пути подраться с Бочо. Другого выхода нет, отрезал Чик всякие сомнения, а то совсем на голову сядут. Окончателность решения вдруг успокоила Чика, и он сосредоточил внимание на дороге.

Идти боком по стене, придерживая одной рукой Лёсика, даже Чику было неудобно, а Лесику и подавно. В конце концов Лесик засопел и остановился.

— Я сам, — сказал он Чику, заглядывая ему в глаза и стараясь понять, не оскорбил ли его этим решением.

— Хорошо, — сказал Чик, — я тебя буду страховать.

Чик, осторожно обняв Лёсика — при этом он почувствовал, как напряжено его тело, — отошел назад. Теперь Лёсик шел впереди. Сделав шаг одной ногой, он слегка подволакивал другую.

— Вниз не смотри, — сказал Чик, — смотри только вперед.

Слева от стены шел каменистый косогор, а справа росли деревья мушмулы, из-за которых почти не видно было склона. Иногда ветки мушмулы нависали над стеной, и Чик просто так, для разнообразия дороги, нагибал какую-нибудь ветку и потом отпускал. Ветка шуршала своими большими ушастыми листьями.

Урожай мушмулы давно собрали, но Чик иногда встречал на некоторых ветках желтые, сморщенные плоды, которые не заметили сборщики. Теперь, среди лета, они переспели и подсыхли, и Чик знал, что они сейчас сладкие как сахар. Но они висели слишком высоко, чтобы достать до них. Все же смотреть на них было приятно, и Чик не забывал хотя бы мельком оглядеть каждое дерево.

— Если хочешь, я понесу банку, — неожиданно предложила Ника.

Казалось, все это время она раздумывала, не унизит ли ее такое предложение, и теперь решила, что можно.

— Ничего, — вздохнула Сонька, — я уж донесу.

Вдруг Чик заметил впереди ветку, усыянную свежей, только что поспевшей мушмулой. Ветка эта проходила слишком высоко, хотя и нависала над стеной. Чик очень

хотелось достать до нее, и он стал вглядываться, как бы это сделать. Он заметил, что эта плодоносная ветка скрещивается с другой веткой, которая проходит над ней. А эта другая ветка сама имеет маленькую ветку, которая не идет вверх, как основная, а тянется к стене, хотя и не дотягивается.

Чик сообразил, что если дотянуться до нее и раскатать, то она передаст свои качания большой ветке, от которой она ответвляется, а та, большая, постепенно передаст качания ветке с мушмулой, потому что они перекрещиваются, и она сверху будет давить на нее.

Чик вытянулся в сторону сада и с трудом дотянулся до самого крайнего листика этой ветки. Чик только двумя пальцами сумел дотянуться до него. Но все-таки он его ухватил этими двумя пальцами и стал осторожно и сильно тянуть листик и вместе с ним ветку на себя. Чик знал, что у мушмулы крепкие листья, но все-таки он мог оборваться, и Чик тянул его осторожно. Он старался так его тянуть, чтобы между тем местом листика, за который он держался, и тем местом ветки, за которое держался сам листик, как бы проходила прямая линия. Чик давно заметил, что, если так тянуть листик или тоненькую ветку, они делаются достаточно прочными. Почувствовав мгновение, когда он сможет дотянуться до ветки другой рукой, Чик вытянул ее и, одновременно бросив листик, цапнул ветку. Все получилось так, как и ожидал Чик. Он раскатал эту ветку, а она постепенно раскатала плодоносную, и, когда та достаточно низко опусти-

лась, Чик схватил ее. Здесь было еще больше плодов, чем он ожидал. И главное, все они, парные и одиночки, были свежие и сочные, как в начале лета. Чик догадался, что тогда эту ветку пропустили, потому что плоды на ней были совсем зеленые.

— Ой, Чик! — восторженно завопила Сонька, увидев, какое богатство им привалило.

— Рвите, — хозяйственно сказал Чик, пригибая ветку как можно ниже.

Лёсик неуверенно взялся одной рукой за ветку, а другой потянулся к мушмуле. Оник тоже схватился за ветку и сильно дернул ее в свою сторону. Чик это показалось похоже на то, как телок, дотянувшись до вымени коровы, нетерпеливо дергает за сосцы. Чик отчасти сам почувствовал себя этой коровой, которую дергают за сосцы.

— Чик, а у меня руки заняты! — крикнула Сонька и от нетерпения даже слегка подпрыгнула.

— Давай банку, — сказала Ника, протягивая руку.

— Спасибо, Ника, — сказала Сонька и передала ей банку. Заодно она положила у ее ног и свои и Лёсикины сандалии.

Все трое держались руками за ветку и сами живой гроздью повисли на ней, срывая мушмулу, чмокая нежными водянистыми плодами и далеко выплевывая большие, вроде каштанов, и скользкие, как у арбуза, косточки. Несколько минут только и слышен был шорох разгребаемых листьев, чмокатье и кряхтенье.

Вдруг Лёсик посмотрел на Чика и показал глазами на Никку. Чик совсем забыл о ней. Сейчас на лице у нее было то задумчивое и смешное выражение, какое бывает у женщин, которые делают вид, что только что вышли из открытой, быстро мчащейся машины. В крайнем случае — из коляски мотоцикла.

Голова слегка запрокинута, а ресницы помаргивают, словно продолжают сбивать потоки встречного воздуха, режущего глаза. Сейчас это было особенно смешно, потому что она держала в оттопыренной руке старую консервную банку.

— А ты что? — спросил Чик.

Ника вздрогнула и посмотрела на него.

— Я не люблю, — сказала она, вздохнув. Чику показалось, что она сейчас вспоминала своего папу. Ветка быстро пустела. Чик изо всех сил ее согнул и достал хорошую, спелую двойчатку.

— На, — протянул он ее Нике.

— Я не люблю, — повторила она и замотала головой, хотя глаза с любопытством оглядели ярко-желтые плоды.

— Раз Чик дает, значит, бери, — вразумительно сказала Сонька и, взяв у Чика двойчатку мушмулы на коротенькой ветке, передала ее Нике.

Та взяла двойчатку, как цветок, и даже слегка примерила ее к своему желтому сарафану.

— Двойняшки, как Лёсикины братья, — сказал Оник, мельком взглянув на подарок и снова берясь за ветку.

Лёсик расплылся в улыбке и засопел. Чик с любопытством посмотрел на Нику, чтобы узнать, как она восприняла эту остроту. Но Ника никак не восприняла эту остроту. Скорее всего она ей даже не понравилась, потому что она слегка пожалала плечами: мол, ничего похожего или смешного.

«Когда один богатый острит, оказывается, другой его не обязательно поддерживает», — подумал Чик, как всегда стараясь сделать вывод из своих наблюдений над жизнью богатых.

— Бросаю ветку, — предупредил Чик и, дождавшись, чтобы Лёсик ее отпустил, сам разжал пальцы.

С облегченным шелестом ветка маханула вверх. Чик почувствовал, что рука его ноет от долгого держания сопротивлявшейся ветки.

Ребята пошли дальше. Теперь солнце прикрывалось дубовыми деревьями, росшими слева от стены; и прохлада ее приятно холодила подошвы ног. В одном месте колючие плети диких роз перекинулись через стену, и проходить здесь было очень трудно — можно было уколотся.

Чик с Оником с трудом перетаскивали Лёсика через это коварное место. Каждый раз, когда Лёсик собирался ступить, Чик показывал ему, куда ставить ногу, а иногда, наклонившись, раздвигал плети, потому что неловким ногам Лёсика нужно было побольше свободного места.

Ника, наклонившись в середине этого колючего ковра, усеянного по обе стороны от стены розоватыми цветами, сорвала один цветок, не останавливаясь, вдела его в волосы и по-

шла дальше. Она так наклонилась и так сорвала розу, словно вся эта заросль нарочно, дожидаясь ее, напозла на стену и расстелилась у ее ног. И розу она сорвала так, как будто всем розам сделала одолжение: мол, раз уж все вы меня просите, я, пожалуй, одну сорву.

«Вот богатые! — подумал Чик, изумляясь. — Им кажется, что все вокруг только и думают, как бы им получше угодить». И не такой уж глупой оказалась привычка узко переставлять ноги, как раз с такой привычкой легко по стенам ходить.

Стена подошла к домику на горе. Здесь надо было слезать, переходить через дворик, а там сразу начинался гребень горы, где росли сосны, богатые мастикой.

Это был маленький деревянный домик с чистенькими окнами, с открытой верандой, с палисадничком, в котором росли на высоких кустах садовые розы — красные, белые и желтые, до того похожие па масло, что хотелось их намазать на хлеб.

Снизу к зеленому дворику подымалась настоящая каменная лестница с широкими площадками и каменными скамейками. Лестница была невероятной длины и, как догадывался Чик, доходила до самых железных ворот, откуда они начинали свой подъем по стене.

Самое удивительное было то, что Чик здесь ни разу не встретил ни одного живого человека. Так что домик этот можно было считать заколдованным. Единственным живым существом, которое здесь всегда встречало Чика, был щенок волкодава.

Чик открыл этот путь к сосновой роще этой весной. С тех пор он здесь бывал пять или шесть раз. И каждый раз щенок волкодава набрасывался на Чика, требуя, чтобы Чик с ним поиграл.

То ли оттого, что он скучал по людям, то ли оттого, что он все-таки был щенком волкодава, играя, он увлекался и начинал очень больно кусать Чика. Чик понимал, что он играет, но щенок не понимал, что, играя, надо кусать послабее, а если Чик пытался показать ему, что он на него злится, щенок начинал кусать еще сильнее, думая, что Чик нарочно предлагает ему более дерзкую игру. Хотя Чик и привыкал к этой боли, но все равно было очень больно. К тому же за эти два-три месяца щенок здорово вырос и, как замечал Чик при каждой встрече, его играющая челюсть все крепче хватала Чика. Может, он думал, что Чик с такой же быстротой растет или привыкает к боли? Но Чик рос куда медленнее щенка волкодава, а привыкать к боли ему было неохота. Так или иначе, выхода не было. Приходилось терпеть его игры до самой калитки, ведущей в сосновую рощу.

То, что во дворе этого дома жил щенок волкодава, не мешало Чику думать, что домик волшебный или заколдованный. Мешала думать бельевая веревка, протянутая вдоль веранды, на которой висели прищепки, похожие на птичек, сидящих на проводе. Чик, конечно, понимал, что здесь живут люди, но он никак не мог понять, почему их никогда не бывает дома.

Рядом со стеной росло дерево инжира-скороспелки, или, как его еще называют, птичий инжир. Одна ветка этого ин-

жира подходила к самой стене. Если ухватиться за нее и несколько раз перебрать руками, можно смело спрыгивать во двор.

Но сейчас Чик не спешил спрыгивать во двор, потому что дерево было усеяно мелкими черными плодами инжира. Чик еще не спешил потому, что оттягивал встречу со щенком волкодава. Но сам себе Чик в этом не признавался.

— Сбрасывайте обувь, — сказал Чик, оглядывая дерево, — а мы с Оником полезем за инжиром.

Сандалии посыпались вниз.

— А банку можно? — спросила Сонька.

— Можно, — разрешил Чик и, ухватившись за ветку, повис на ней.

Он несколько раз перебрал руками, дошел до ствола, закинул ногу на ветку, за которую держался, зацепился за нее коленом и, слегка раскачавшись в таком положении, ухватился рукой за другую ветку, после чего, подтянувшись, выполз на первую ветку.

— Чик, может, лучше пойдем, пока нет волкодава? — сказала Сонька.

— Ха, — усмехнулся Чик, тяжело переводя дыхание, — от щенка волкодава никуда не уйдешь!

Сам Чик много раз надеялся, пока не видно щенка волкодава, незаметно перейти двор, но ему это никогда не удавалось. Чик пришел к выводу, что щенок нарочно не показывается, покамест кто-нибудь не очутится во дворе. Потому что, если щенок покажется, когда человек стоит на стене,

тот еще, чего доброго, раздумает спрыгивать во двор. А если уж спрыгнул, то тебе ничего не остается, как поиграть со щенком.

Оник вслед за Чиком залез на дерево, но сделал это гораздо легче Чика. Чик знал, что он ловчее его, и уж с этим ничего нельзя было поделать.

Они заняли две ветки, нависавшие прямо над стеной. Здесь было полным-полно инжира. Птичий инжир не такой крупный и сочный, как садовый, но зато гораздо слаще.

Чик дотянулся до очень спелого темно-лилового инжира со слегка одрябшей от спелости кожицей, нежно крутанул его на ветке, чтобы не раздавить плод. Издав тукающий звук, инжир очутился у него в ладони.

Сонька, Лёсик и Ника снизу, со стены, следили за ним. Чик осторожно поднес инжир ко рту.

— Ну как? — облизнувшись, спросила Сонька.

Чик еще и не донес инжир до рта, когда она это спросила. Чик отодвинул руку ото рта недоумевающим жестом, показывая на смехотворную поспешность ее вопроса. Все рассмеялись, а Сонька, застыдившись, опустила голову.

— Мировой, — сказал Чик, пожевывая хрусткую, сахаристую мякоть инжира.

Фруктов на дереве было много, и Чик с Оником успевали сами есть и бросать товарищам. Лёсик чуть не свалился со стены, пытаясь поймать брошенный инжир, и Чик строго запретил ему ловить инжир. Инжир шлепался в широко растопыренный Сонькин подол. Ника сначала отказывалась его

есть, но потом, попробовав, так разохотилась, что Чик даже не успевал бросать.

— Чик, я уже съела! — кричала она, словно собиралась обрадовать его этим.

«Вот они, богатые, — думал Чик, слегка раздражаясь, — сперва они отказываются есть птичий инжир, а потом кидать не успеваешь, да еще они требуют, чтобы ты радовался их аппетиту».

Чик у сначала было приятно, что ей понравился птичий инжир, но потом, когда она стала просить, не соразмеряя возможности Чика срывать инжир со своими возможностями отправлять в рот, он стал злиться на нее.

Все же инжира на дереве было так много, что все наелись, и уже даже Сонька стала очищать с него кожуру. Чик предупредил, чтобы кожуру бросали только на ту сторону, а то хозяйка узнают, что они здесь делали.

— Чик, а где хозяйка? — поинтересовалась Сонька, наевшись, как бы благодарная хозяйкам за их долгое отсутствие.

— Я их не видел, но они есть, — сказал Чик и, мгновенно повиснув на ветке, спрыгнул вниз. Чик почувствовал, как у него тяжело бултыхнулся живот, когда он спрыгнул, до того он наелся инжиру. За Чиком спрыгнул Оник. Сонька и Ника повисли на ветке и, перебрав несколько раз руками, чтобы быть поближе к земле, благополучно спрыгнули на землю.

Щенок волкодава нигде не показывался, и Чик стал надеяться, что на этот раз, может, и в самом деле обойдется. Те-

перь оставался Лёсик. Чик и Оник должны были его поддержать, когда он повиснет на ветке.

— Как только я скажу: раз! два! три! — бросай ветку! — приказал ему Чик.

Лёсик уныло слушал его, стоя на стене, и губы его уже начинали расплываться от смущения. Чику это не понравилось. Раз Лёсик улыбается, значит, не верит в благополучный исход.

— Давай, — взбадривал его Чик, — у тебя же руки сильные.

Лёсик ухватился обеими руками за ветку, но оторвать ноги от стены никак не решался. Главное, он слишком близко от стены ухватился руками, а надо было как можно дальше, где ветка потолще. Чик знал, что инжир очень слабое, ненадежное дерево.

— Подальше! Подальше! — крикнул Чик, но Лёсик неожиданно опустил ноги и как-то грузно и ненадежно закачался на ветке.

— Перехватывай! Перехватывай! — крикнули все в один голос. Ветка угрожающе заскрипела, а Лёсик продолжал качаться, словно оглох. Чик и Оник стояли под опасно раскачивающимся телом Лёсика, и Чик видел его лицо с выпученными глазами, с дурацкой улыбкой до ушей. Чик вытянул руку, чтобы, ухватившись за его ступню, хотя бы остановить это дурацкое покачивание. Только он его схватил за пятку, как Лёсик — видно, ему стало щекотно — рухнул на них всем своим беспомощным и потому грузным телом.

Чик только успел почувствовать невероятную тяжесть, и они все втроем покатались под косогор. Не успели они остановиться, как Чик услышал вопль девочек и радостный визг щенка волкодава, бросившегося на Чика. Он ухватился зубами за его штаны и, мотая мордой и радостно повизгивая, стал тянуть его с невероятной энергией. Чик даже не мог понять, чего он хочет: то ли с Чика стянуть штаны, то ли самого Чика стащить с Оника и Лёсика, на которых он лежал. Кстати, Лёсик и тут, лежа под Чиком и Оником, продолжал смущенно улыбаться.

Чик удивился, с какой мощью тянет его щенок волкодава, как он быстро взрослеет и как хорошо, подумал Чик, что сам он пошел в поход не в трусах, а в этих крепких, хотя и коротких, штанах.

— Бегите к выходу! — героическим голосом крикнул Чик, давая щенку стащить себя с Оника и Лёсика и тем самым показывая, какая свирепая борьба ему предстоит.

— Не забудьте сандалии! — крикнул Чик, давая щенку уволакивать себя вниз по косогору. Отталкиваясь руками от земли, Чик слегка помогал ему.

— Не забудем! — крикнула Сонька и стала собирать обувь. Лёсик и Оник уже вскарабкались до подножия инжира. Им оставалось перебежать ровную травянистую площадку двора.

— Не бойтесь, я его задержу! — крикнул Чик голосом, преодолевающим невероятную боль.

Оник и ковыляющий за ним Лёсик уже пробегали мимо дома.

— Не забудьте банку! — крикнул Чик предсмертным голо-
сом. Оник остановился, понимая, что ему придется возвра-
щаться.

— А где она? — спросил он у Чика.

Это прозвучало довольно глупо. Можно было подумать,
что Чик валяется себе на траве, а не сопротивляется свирепо-
му натиску щенка волкодава. Чик успел бросить на Оника та-
кой взгляд, что тот быстро отыскал банку и побежал в сторо-
ну калитки.

«Ах, ты не столько играешь со мной, сколько с ним разго-
вариваешь?!» — прорычал щенок и, бросив штаны, с крово-
жадной радостью ухватил Чика за щиколотку.

Чик давно этого ожидал. И то хорошо, что столько време-
ни успел у него выиграть. Теперь надо было, продолжая
схватку и этим отвлекая щенка волкодава, неуклонно дви-
гаться в сторону калитки.

Сжав зубы от боли, Чик слегка подтянул ногу, которую
держал юный волкодав. Щенок зарычал, делая вид, что
ему мешают грызть вкусную кость. Чик осторожно встал
на ноги, чувствуя теплую тяжесть его головы на своей
ступне.

В самом деле, это был рослый щенок пепельного цвета,
с большой мордой и тяжелыми лапами. Чик слегка двинул но-
гой, чтобы почувствовать меру сопротивления, когда придется
бежать.

Сейчас главное было одолеть подъем и выбежать на
ровную площадку двора. Двинув ногой, Чик почувство-

вал, до чего тяжел щенок и как ему трудно будет бежать от него.

«Добычу отбирают, надо крепче за нее держаться!» — прорычал щенок, как только он двинул ногой, и, перехватив челюсть, удобней взялся за щиколотку. Одновременно с этим он одним глазом хитро посмотрел на Чика, давая знать, что это он нарочно так прорычал, чтобы играть было интересней. Он предлагал Чик у делать вид, что Чик у него отбирает добычу. «Ничего себе, делать вид, — подумал Чик, — когда ты так больно держишься за мою ногу».

Чик наклонился и слегка щелкнул его по уху ладонью.

«Не отвлекай меня, — прорычал щенок, — знаешь, какую вкусную кость я грызу».

«Еще бы не знать», — подумал Чик с раздражением. Он наклонился и теперь посильнее щелкнул его по уху.

«Ах так», — тьякнул щенок и прыгнул, пытаясь схватить Чика за руку.

Чик успел отдернуть руку и изо всех сил побежал вверх по косогору. Он успел выбежать на лужайку двора, когда щенок его догнал.

— Чик, беги сюда! — закричали в один голос ребята и замахали руками.

Они стояли по ту сторону штакетника и оттуда в полной безопасности следили за ним.

— Вам хорошо! — успел крикнуть Чик, когда щенок догнал его и снова ухватился за ногу.

Сгоряча, преодолевая боль, Чик проволочил его несколько шагов, но боль стала до того нестерпимой, что Чик упал. Все-таки, несмотря на боль, он мог бы и не упасть, но так выглядело героичней, а Чик это любил. К тому же он надеялся, что щенок отпустит ногу и схватится за штаны и тогда можно будет без всякой боли проволочиться с ним до калитки. Но щенок за штаны не ухватился, и Чику пришлось, чтобы дать отдохнуть ноге, сунуть ему в пасть кисть руки.

Всё-таки щенок был не очень умный. Как он ни кусал Чика, как ни терзал его своей свирепой игрой, одного он никак не мог понять, что Чик при всем при этом движется к своей цели. И когда Чик, хлопнув калиткой, очутился на ту сторону забора и, протянув руку между планками штакетника, прикрыл калитку щеколдой, щенок вдруг обо всем догадался и заскулил. С него сразу слетела вся свирепость.

«Ну, Чик, ну, пожалуйста, ну поиграй еще немного», — жалобно скулил щенок и вилял хвостом. Чик отряхнулся и, посмотрев на щенка, укоризненно покачал головой. Он ему дал знать, что если щенок будет еще так кусаться, то Чик вообще прекратит с ним всякие игры.

Щенок жалобно смотрел на Чика, но тут у самой его морды заструилась большая усатая бабочка с красными в черных пятнах крыльями.

«Ну и не надо!» — мотнул щенок головой и, одновременно щелкнув зубами, хотел поймать бабочку, но та мягко отпря-

пула в воздухе, и страшная пасть захлопнулась возле нее. Щенок от удивления вытаращил глаза и даже облизнулся, чтобы убедиться, что это летает не другая бабочка, а та же самая: до того он был уверен, что защелкнул ее пастью. Раздраженный сплошными неудачами (то Чик не захотел с ним поиграть, то эта бабочка не захотела попадать ему в пасть), он бросился за ней. Бабочка не спеша струилась в воздухе, и щенок, догоняя ее, несколько раз щелкал зубами, но та каждый раз слегка сдувалась в сторону и лениво мерцала над лужайкой двора.

Наконец щенок ей надоел, и она залетела за косогор. Щенок добежал до края лужайки и остановился. Больше он в сторону ребят не оборачивался. Он сделал вид, что залюбовался открывшимся ему пейзажем. На самом деле, как догадывался Чик, он стыдился своей неловкости и не хотел показывать своего смущения.

Ребята вышли на гребень горы. Весь гребень и склон были покрыты сосновыми и более редкими кедровыми деревьями. Под ногами пружинила скользкая прошлогодняя хвоя. Стволы сосен прозрачно краснели, словно какой-то пламень просвечивал изнутри. Пахло разогретой смолой, земляной сухостью и далеким морем.

Город, рыжая ржавыми крышами, красиво вытянулся вдоль дуги залива. Большой пароход с красной каймой на трубе подходил к пристани, оставляя за собой длинный, почему-то не расходящийся след.

— Корабель! Корабель! — закричал Оник.

— Не корабель, а корабль, — поправил его Чик. Чик не любил, когда какие-нибудь знакомые слова неправильно, непривычно произносили. Сейчас Чик показалось, что красивый, стройный корабль как-то скособочился оттого, что Оник его неправильно назвал.

— А мы с папой и с мамой на пароходе в Батум ездили, — сказала Ника.

Никто ее не поддержал, и она замолкла.

— Чик, — спросил Лёсик, — отчего в городе столько ржавых крыш?

— Не знаю, — сказал Чик, — наверно, от дождя... Красиво? — спросил он у Лёсика через несколько мгновений, не дождавшись его восторгов.

В сущности, если как следует вдуматься, может быть, Чик для того и тащил сюда Лёсика, чтобы через его восхищение снова порадоваться самому. Так всегда бывало интересно. Когда ты к чему-нибудь хорошему уже привык, а другой только что это видит или узнает и начинает изумляться, тогда и тебе становится как-то приятно.

— Здорово, — сказал Лёсик и, благодарно взглянув на Чика, засопел.

— Это еще что, — сказал Чик, раскрывая несметность своих сокровищ, — здесь начинается первое селение.

— Здесь, где стоим? — переспросил Лёсик и стал наивно осматриваться, словно ища пограничный знак между городом и деревней. Он никогда не был в деревне.

— Вообще на этой горе, — пояснил Чик.

Лёсик еще более благодарно засопел и уважительно оглядел гору, хотя никакого селения здесь не было.

Они снова залюбовались своим городом. Отсюда все было видно как на ладони: и зеленое поле стадиона, и базар, и школа, в которой они учились, и их собственный дом с торчащим над крышей зеленым копьём кипариса.

Соньке даже показалось, что она видит на балконе Богатого Портного с утюгом. Но это, пожалуй, было преувеличением. Сам балкон можно было заметить, но увидеть на нем Богатого Портного, да еще с утюгом, было невозможно, потому что все сливалось со стеной.

— Я и то не вижу, а ты видишь, — обиженно сказал Оник.

Чика всегда охватывала какая-то странная грусть, когда он издалека, с горы, смотрел на свой дом. Чик никак не мог понять, отчего ему становится грустно, и даже пытался думать об этом.

Ему чудилось, что он когда-нибудь навсегда расстанется со своим городом, и то, что он на него сейчас смотрит как бы со стороны, было похоже на то, как он его будет вспоминать издалека, совсем из другого города, откуда он не сможет, как сейчас, спуститься к нему. От всего этого Чик становилось немножко грустно и немножко важно.

Были видны прямые улицы города, по которым быстрыми жучками проползали машины и совсем медленно плелись фаэтоны. Вдруг Чик показалось, что на одной улице промелькнула колымага собачника. Может, Чик и ошибся, но в груди у него что-то екнуло и сразу же перестало быть не-

много грустно и немножко важно, а стало как-то тоскливо. А вдруг Белочка сейчас на улице?

Чик понял, что никогда-никогда он не будет себя чувствовать полностью счастливым, пока этот собаколов существует в городе.

— Пора собирать мастику, — сказал Чик, чтобы делом перебить тоскливое состояние.

Было решено, что он и Оник залезут на сосны, а остальные будут искать мастику у подножия других деревьев. Чик предупредил, чтобы они далеко не разбредались и громко не разговаривали, чтобы не привлекать внимания рыжих. Кроме того, Чик показал на четыре самые толстые сосны, считавшиеся личной принадлежностью рыжих, и приказал даже не подходить к ним, чтобы не давать им повода к придиркам.

Чик ходил под соснами и, оглядывая стволы от подножия до самых вершин, старался определить, есть ли выход хорошей смолы. Иногда его можно было просто увидеть, а иногда о его существовании можно было догадаться по тоненькой струйке засохшей смолы, стекающей откуда-то сверху. И если ручеек достаточно свежий, можно было надеяться, что наверху выход смолы еще никем не тронут.

Чаще всего смола выступала на трещинах ствола или на местах с ободранной корой. Получалось так, что если на дереве ранка, то почти обязательно там есть скопление смолы. Может быть, думал Чик, дерево этой смолой лечится от ран?

Чик остановился возле сосны, которая показалась ему подходящей. Во всяком случае, на верхней развилке ствола Чик заметил желтоватую высохшую полоску, похожую на след, который остается на поверхности кастрюли, когда молоко перебежит через край.

Здесь росли сосны какой-то особой породы, в отличие от тех, которые Чик видел в других местах. Они были очень ветвисты, и ветки начинались довольно близко от земли.

Все же добраться до первой ветки не так-то просто. Чик снял сандалии и, не видя поблизости никаких кустов, зарыл их в прошлогоднюю хвою подальше от своего дерева. Он подошел к своему дереву и оглянулся на холмик, куда зарыл сандалии, при этом он старался смотреть на него с той степенью проницательности, на которую способен посторонний взгляд. Ничего, получилось не очень заметно.

Чик решительно плюнул на ладони и, обхватив ногами и руками скользкий, шелушащийся ствол, стал карабкаться по нему. До первой ветки надо было пройти всего метра три, но пока Чик взобрался на нее, он весь вспотел, а грудь, и живот, и ладони, и ступни нестерпимо горели от трения о скользкий шелушащийся ствол. Кто думает, что влезть на сосну легкое дело, пусть сначала попробует, а потом говорит.

Чик, тяжело дыша, уселся на ветку, осторожно снял майку и вытряхнул из нее набившиеся туда чешуйки коры. Те, которые прилипли к потной коже живота и груди, он отковырял руками, а те, которые прилипли к спине,

стряхнул майкой, шлепая ею, как полотенцем. Чик знал, что, если сейчас не отодрать эти чешуйки, тело будет здорово чесаться.

Передохнув и снова надев майку, Чик полез выше. Он дошел до развилки и заглянул в нее. Там был довольно широкий, но небогатый выход мастики. Мастика была желтая и покрывала дно развилки, как корочка сливок дно кастрюльки, если уж от сравнения с этой кастрюлькой некуда деться. Вообще-то Чик очень любил сливки, и те, которые бывают на поверхности кастрюли с молоком, и особенно те, которые можно ложкой соскребать со дна. К тому же он уже не прочь был поесть чего-нибудь, вот ему и мерещились сливки из кастрюли с молоком.

Чик уселся на ветке возле развилки. Прежде чем приступить к делу, посмотрел вниз и по сторонам. Соньки и Оника нигде не было видно. Зато он увидел Нику. Ярко выделяясь своим желтым сарафаном, она стояла возле толстого багрового ствола сосны и соскребывала с него смолу. А может, просто любовалась снующими по стволу муравьями. Сверху трудно было разглядеть.

Чик подумал, что это довольно красиво получается, если кто-то в желтом сарафане стоит возле толстого красного ствола сосны. Но тут он вспомнил, что это как раз один из тех запретных стволов, на который он им показывал. А она теперь, может, назло подошла к этому стволу. «Вот богатые, — подумал Чик, — для них любой запрет нипочем, они даже с рыжими не считаются».

По дрожащей в разлад с ветерком вершине одной из сосен Чик догадался, что на ней сидит Оник. Высоко взобрался Оник, этого у него не отнимешь. То, что есть, — есть.

Открыв перочинный ножик и упершись грудью в одну из веток развилки, Чик выскребал на нее смолу и клал в маленький газетный кулек. С приятным шелестом сухие кусочки смолы сыпались в бумагу. Там, где были свежие выходы, смола была вязкая, и Чик, отодрав ее лезвием, счищал ее в кулек, с наружной стороны для упора подставив ладонь.

Чик выскреб углубление в развилке, смял кулек, чтобы из него ничего не высыпалось, и положил его в карман. Потом он почистил лезвие перочинного ножа о ствол, защелкнул его и ножичек сунул в карман. Чик решил, прежде чем слезать с дерева, воспользовавшись высотой, как следует оглядеть соседние деревья.

Оглядывая соседние деревья, Чик подымался все выше и выше. На самой вершине, уже опасно покачиваясь, Чик снова оглядел окружающие сосны, но нигде ни одного стоящего выхода смолы не обнаружил. И вдруг он случайно бросил взгляд на тоненькую ветку возле себя и обмер.

Белый с желтыми прожилками самородок величиной с кулак висел на ней как сказочный плод. Чик даже и не слышал никогда, чтобы на такой тоненькой ветке образовался такой мощный самородок.

Ветка покачивалась под тяжестью Чика, и вместе с ней покачивался самородок. Чик испугался, что самородок мо-

жет сорваться и, рухнув, разбиться на мелкие кусочки. Больше не раздумывая, он потянулся к нему и, почти не веря, что все это происходит наяву, оторвал его от ветки. Самородок целиком, чисто оторвался от ветки. Он был сух и приятно увесист.

Сильно волнуясь, Чик перенес его в левую руку, правой залез в карман, вытащил кулек и осторожно вложил его туда. Сразу наполнившийся кулек Чик снова положил в карман.

Продолжая волноваться, Чик стал слезать с дерева. Слезая, он все время думал, что раз ему так повезло, обязательно что-нибудь случится. Не может быть, чтобы ничего не случилось, раз ему так повезло. От волнения у него дрожали руки и ноги. Один раз нога соскользнула с ветки, на которую он стал, но Чик все еще крепко держался руками, так что он сумел найти ноге более устойчивое положение.

«Начинает случаться», — подумал Чик, но все-таки решил не сдаваться судьбе. Он решил ее перехитрить. Он слезал очень быстро и очень осторожно. Быстро — чтобы судьба не успела придумать что-нибудь очень коварное, а осторожно — чтобы она не могла использовать его быстроту.

Дойдя до последней ветки, он повис на ней, потом обхватил ногами ствол, потом отпустил одну руку и обхватил ею ствол, потом, быстро отпустив вторую руку, ухватился за ствол с другой стороны и, шуруша шелухой ствола, обжигая живот и ноги, полетел вниз.

Очутившись на земле, Чик очень удивился и обрадовался, что еще ничего не случилось. Но тут он вспомнил про сандалии и испугался, что их незаметно унес кто-нибудь из рыжих. Ведь сверху он не мог следить за этим холмиком.

«Ну да», — подумал Чик уныло, потому-то, наверное, ничего не случилось. Было обидно, что, оказывается, не он перехитрил судьбу, а просто она изменила способ мести. Все же он подбежал к месту, где он закопал сандалии, и быстро ногой разметал хвою.

Вот это да! Сандалии целехонькие лежали там, где их положил Чик. Чик теперь окончательно поверил, что с ним ничего не случится.

Чик вытряхнул сандалии и огляделся. Ему было очень хорошо, так легко, весело. Лёсик и Сонька вместе стояли возле одной сосны и собирали мастику прямо в банку. Чик махнул им рукой, чтобы они подошли к нему.

— Что случилось, Чик? — закричала Сонька издали.

Чик хлопнул себя ладонью по лбу, показывая, что раз она так громко кричит в роще, где их могут услышать рыжие, значит, она идиотка. «Бедные тоже бывают с придурью», — подумал Чик мельком.

Сонька и Лёсик подошли к нему.

— Их нигде не видно, Чик, — уже преувеличенным шепотом сказала Сонька.

— Так ты их и увидишь, — сказал Чик, вынимая из кармана кулек.

— Ой, Чик, какая здоровенная! — воскликнула Сонька восхищенно.

— Тише, тише, — сказал Чик миролюбиво, хотя на этот раз голос ее был такой же громкий, как и раньше. Но если человек в первый раз в жизни видит такое чудо, как ему удержаться?!

— Можно понюхать, Чик? — спросила она.

— Конечно, — сказал Чик и поднес кулек к ее носу.

— Пахнет как роза, — сказала Сонька, внюхавшись, и даже чмокнула языком.

Возможно, она имела в виду самую пышность запаха, а не его качество.

— При чем тут роза? — сказал Чик, несколько оскорбленный нелепостью сравнения.

Чик сразу же стал думать, почему ей пришел в голову запах розы, а не какой-нибудь другой. Наверное, решил Чик, она хотела сказать, что мой самородок имеет самый лучший запах, а так как самый лучший запах считается у розы (Чик считал это предрассудком), вот она и сравнила.

— Чик, можно, я переложу его в банку? — не уgomонялась Сонька.

— Подожди, — сказал Чик: к ним подходили Оник и Ника. Лёсик долго сопел над самородком, нюхая его.

— Пахнет мастикой, — наконец сказал он.

— А ты хотел, чтобы чем? — язвительно спросил Чик. Простота Лёсика, как и слишком пышное сравнение с розой, не понравилась Чикю.

— Дело не в запахе, а в породе, — спокойным голосом владельца счастья объяснил Чик. — Такой большой кусок белой мастики очень редко попадается.

— Давай запомним место, — сказала Сонька, — а в следующий раз ты снова сорвешь его здесь.

Чик не стал ей отвечать, потому что это было слишком глупо. Ждать самородка на этом же месте было все равно что ждать самое красное яблоко или самую крупную грушу на той самой веточке, на которой они висели в прошлом году.

— Посмотрите, что Чик нашел! — крикнула Сонька, увидев приближающихся Оника и Нику. Гордясь за Чика, она присоединилась к нему, она как бы сказала им: смотрите, чего добились наша пара, а чего добились вы?

Оник и Ника шли рядом, и Чик, оглядев их, подумал, рассеянно ревнуя: уж не целовались ли они? За Оника-то он был спокоен, но черт-те что Нике могло взбрести в голову. Может, она вспомнила того мальчика из санатория. Интересно, сколько бы она теперь пальцев оттопырила?

— Где нашел? — спросил Оник и, взяв в руки самородок, понюхал его.

Ника тоже, наклонившись, понюхала. Всем казалось, что самородок должен пахнуть чем-то особенным.

— На этом дереве, — сказал Чик и с удовольствием рассказывал, как все было.

— Чик, можно, я буду его нести? — сказала Ника и высыпала свою добычу с ладони в банку. Она мастику собирала прямо в ладонь.

— Как хочешь, — сказал Чик и пожал плечами.

— Я первая хотела нести, Чик, — жалобно сказала Сонька и посмотрела на Чика.

— Он будет в банке, — решил Чик.

Все высыпали свою добычу в банку, а сверху положили самородок. Теперь все хотели нести банку с мастикой, но Чик решил, что правильней всего, если ее будет нести Сонька.

— Кто ее тащил из дому, тот и будет нести, — сказал Чик. — А теперь к роднику.

Вспомнив о роднике, все почувствовали жажду и стали быстро к нему спускаться. Родник был расположен ниже по косогору, там, где кончалась роща и начинался открытый склон, местами поросший зарослями папоротника, кустами сассапарилы и ежевики.

На этом же склоне, только ниже и левее, в одной из сталактитовых пещер жили рыжие волчата вместе со своими родителями и осликом, которого они на ночь загоняли в пещеру.

— Этот самородок знаете на что похож? — неожиданно сказала Ника.

— На что? — спросила Сонька.

— На горный хрусталь, — сказала Ника задумчиво. Чик почувствовал, что у нее начинаются воспоминания.

— Это что еще за горный хрусталь?! — спросила Сонька, понимая, что Ника как-то пытается умалить ее победу.

Чик тоже ничего не слышал про горный хрусталь. Он только знал одно: как только начинают говорить про бога-

тых, то обязательно вспоминают, что у них хрусталь и драгоценности.

— Когда папа танцевал в Батуме, то мы ходили в музей и видели там горный хрусталь и другие полудрагоценные камни, — сказала Ника.

— Фу-ты! — сплюнул Оник. — А я думаю, что это она так долго не вспоминает про своего полудрагоценного папу.

Все рассмеялись, потому что это было смешно, учитывая, что никто из них ничего не знал о ее папе. Всем казалось, что она все время хвастается своим папой. Чик хоть и не рассмеялся, но почувствовал какую-то приятность, услышав слова Оника. Сначала он даже не мог понять, откуда эта приятность. Ах да, потом догадался Чик, раз он так сказал, значит, они не целовались.

— У нее папа — великий танцор, — напомнил Чик, — мне дядя говорил...

Оник хмыкнул, Сонька незаметно пожала плечами, но возразить никто не посмел. Если уж Чик призывал в свидетели дядю, возражать ему было трудно и даже опасно.

Родник был расположен в маленькой ложбинке под маленьким каменистым обрывчиком. Кто-то давным-давно обложил его камнями, чтобы он не осыпался и не мелел.

Ребята набросились на родник — кто став на колени, кто лежа на животе и опираясь грудью и руками о мокрые камни, тянули и тянули ледяную воду. И только бедняга Лёсик почему-то не мог дотянуться ртом до воды и стал

пить, набирая ее в ковшик ладони. Но и ладонь у него протекала, такой уж он был неловкий.

— Сонька, ты будешь на вассере стоять, — сказал Чик, утираясь и тяжело передыхая после вкусного водопоя.

Он чувствовал, что этим скучным занятием сейчас никого не займешь, кроме нее. Всем хотелось смотреть, как будет вариться мастика.

— Почему всегда я! — захныкала Сонька. — Я и банку не сла всю дорогу.

— А кто нес самородок? — напомнил Чик. Сонька опустила голову.

— Если рыжие нас здесь застанут, все пропало, — сказал Чик, давая знать Соньке, что теперь от нее зависит вся их судьба.

Сонька молча повернулась и вышла из ложбинки на косогор.

— Не стой там, — крикнул Чик вполголоса, — а то увидят. Смотри из-за куста.

Сонька неохотно присела за куст. «Когда кто-нибудь что-то делает недобровольно, (так?) — подумал Чик, — он всегда пытается небрежностью отомстить тем, кто его заставил это делать». Чик это и по себе знал.

— Несите сухие ветки, — сказал Чик и стал сооружать из камней очаг.

Через несколько минут ребята нанесли столько сухих веток, что можно было не то что мастику сварить, а целого баранчика зажарить. Чик подсунул сухую хвою между камнями, сверху наломал тонких веточек, а потом наложил ветки покрупнее.

Он поставил на камни банку с мастикой, проверил, крепко ли она держится на камнях, а потом, вынув из кармана спичечный коробок, чиркнул спичкой и поднес огонь к сухой хвое. Она вспыхнула и затрещала. Поднялся клуб дыма, сильно запахло смолой. Ребята сидели вокруг огня и следили за тем, что происходит. Ника и Лёсик вообще впервые видели, как варится мастика. На дне коробки зашипела подтаивающая смола, как масло на сковородке.

— Начинается, — сказал Оник.

— Пусть меня сменил кто-нибудь, — напомнила о себе Сонька. Чик ничего не ответил ей, даже не оглянулся. Он стал помешивать прутиком в банке.

— Чик, она все время сюда смотрит, — сказал Лёсик.

Он понимал, что только им и захотят заменить Соньку, если придется. Он хотел, чтобы удлинители время ее дежурства за счет его плохого качества.

Смола в банке постепенно расплавлялась и закипала. Самородок Чика подтаивал и оседал. С каждой секундой он делался все меньше и меньше. Чик непрерывно помешивал прутиком в банке, чтобы там поменьше комочков оставалось.

Продолжая помешивать, он сорвал несколько стеблей папоротника, росшего у ручья, смял их, чтобы потом можно было ухватиться за горячую крышку консервной банки.

— Приготовиться, — сказал Чик Онику и Нике.

Теперь Чик, щурясь от едкого дыма, все быстрее и быстрее помешивал кипящую массу, чтобы не подгорало на

дне и не осталось ни одного нерастаявшего комочка. От самородка ничего не осталось, но Чик не жалел об этом, он знал, что его находка придаст всей мастике серебристый оттенок.

— Уже и то как вкусно пахнет, — сказал Лёсик, с удовольствием внюхиваясь в запах кипящей смолы.

Ника и Оник, присев на корточки над самым ручейком, растянули платок, держа его за углы.

— Чик, пора, — сказал Лёсик, боясь, что кипящая масса мастики перебежит через край.

— Должна три раза взойти, — сказал Чик важно, слегка приподымая банку и снова ее опуская на огонь. — Учись, как варить мастику.

— Хорошо, — сказал Лёсик и польщенно засопел.

После третьего восхода розовой кипящей и пузырящейся массы Чик, покрепче обхватив крышку комком папоротника, осторожно приподнял банку, поднес ее к растянутому над ручьем платку и постепенно вылил содержимое в платок, стараясь попасть в середину. Платок грузно осел.

— Крутите быстрее, — сказал Чик.

Оник и Ника приподняли и свели края платка так, чтобы мастика никуда не выливалась.

— Чик, жжется, — сказала Ника.

— Подожди, — сказал Чик и, отбросив банку, осторожно взял у нее края платка.

Чик и Оник одновременно в разные стороны закручивали свои концы платка, стараясь, чтобы пылающая, расплавлен-

пая масса смолы оставалась в середине, а не затекала за края. Наконец они сжали ее в тугий аппетитный узел.

— Теперь все, — сказал Оник.

— Никуда не денется, — добавил Чик.

Чик и Оник, изо всей силы докручивая концы платка, сжимали и сжимали тугой комок с мастикой, пока золотистая, как мед, струйка не просочилась сквозь платок и не стала стекать на дно ручья.

— Идет! Идет! — крикнул Лёсик, пораженный впервые увиденным сотворением мастики.

Чик и Оник продолжали крутить платок, чтобы не дать остыть расплавленной смоле. Золотистый холмик, закручиваясь, поднимался со дна ручья.

— Рыжий! — неожиданно вскрикнула Сонька. Все обернулись к ней. — Правда, правда, — повторила Сонька, испуганно закивав головой.

— Ничего, — сказал Чик, докручивая. Дело было сделано, и теперь одна минута ничего не решала. Они докрутили платок, и Чик, с трудом разодрав слипшийся платок, посмотрел внутрь. Там оставался комок выжимки с кусочками древесины и хвои. Этот грязный комок ненужных веществ сам по себе радовал его взгляд как свидетельство чисто сделанного дела. Чик бросил платок в огонь. Теперь он ни на что не годился. Платок пыхнул и в несколько секунд сгорел. Оник странно посмотрел на свой исчезающий платок.

— Пойду посмотрю, — сказал Чик и поднялся на край ложбинки. Он улегся рядом с Сонькой и стал выглядывать из-под куста.

— Вон там, — кивнула Сонька на кусты сассапарилы и ежевики. Это было метрах в пятидесяти от родника. Чик всмотрелся в кусты, но ничего подозрительного не заметил.

— Может, показалось? — спросил Чик. Рядом с ним шмякнулся Лёсик, Оник и Ника тоже залегли за кустом.

— Честное слово, — сказала Сонька, — два раза голова выглянула.

— Хоть бы я увидела этих рыжих, — шепнула Ника. Она училась совсем в другой школе и ни разу рыжих не видела.

— На вид они обыкновенные рыжие, — сказал Лёсик.

— Ха, на вид! — усмехнулся Чик, показывая, что ничто не может быть столь обманчивым, как внешность рыжих.

Несколько минут ребята всматривались в кусты сассапарилы и ежевики, но так ничего и не увидели. Вдруг вершина одного из кустов шевельнулась.

— Вон! Вон! — шепнула Сонька.

— Ну и что? Ветер, — сказал Оник, все же вполголоса.

И вдруг сразу из-за кустов появилась рыжая голова. Она со звериной осторожностью посмотрела вокруг себя и на несколько мгновений задержалась, повернувшись в сторону родника.

— Учуял, — не то удивленно, не то испуганно выдохнул Лёсик.

Голова рыжего отвернулась. Теперь она не скрывалась в кустах. Он протянул руку и, сорвав молодой побег сассапарилы, отправил его в рот. Вернее, отправил в рот кончик

побега и, жуя, постепенно втягивал в рот весь стебель. Потом он снова обернулся в сторону родника и, перестав жевать, замер, прислушиваясь. Стебель продолжал торчать у него изо рта.

— У них нюх, как у волков, — сказал Оник шепотом.

— Их так и называют — рыжими волчатами, — пояснила Сонька для Ники, гордясь этой хоть и опасной, но все же необычайной достопримечательностью своего края города.

Рыжий все еще смотрел в сторону родника. Но вот стебелек, торчавший у него изо рта, шевельнулся, потом задвигалась челюсть, и он, не меняя позы, вобрал в рот весь побег. Видно, что он совсем успокоился, потому что снова повернул голову, выискивая глазами свежие побеги сассапарилля.

— Я не знала, что их едят, — сказала Ника.

— Еще как, — сказала Сонька, — мама даже на базаре их покупает и готовит с орехами.

Теперь рыжий больше не оборачивался. Он стоял и мирно пасся в кустах. Иногда, фыркнув, громко выплевывал косточки от ягод. Видно, ягоды он поглощал вместе с побегами, когда они ему попадались. «Даже не отделяет ягоды от листьев», — с восхищением подумал Чик.

— Потихоньку назад, — сказал Чик. Ребята немного отползли от куста и, встав на ноги, вернулись в ложбину.

— Они что, дикие, что ли? — спросила Ника.

— Полудикие, — сказал Чик, окуная руки в ручей и вынимая оттуда уже остывшую и почти затвердевшую массу

мастики. Чик помял ее в ладонях, вытянул колбаской, разделил, отметив ногтем пять равных частей, и сказал Онику:

— Кусай!

Оник откусил первым, а потом все остальные. Теперь все с удовольствием жевали мастику, сплевывали накапливающуюся слюну, вынимали изо рта, мяли в руках, и, когда сгибали ее упругую массу, она на сгибе делалась золотистой и нестерпимо блестела.

— Чик, а ты говорил, она белая будет? — спросила Ника.

— Потом побелеет, — сказал Чик, жуя.

— Теперь за ягодами, чтобы пузыри пускать, — сказал Оник.

Ребята загасили костер, поливая его водой из банки. Закинули банку в кусты, разбросали камни самодельного очага, чтобы поменьше следов оставалось для рыжих. Потом углубились в рощу, так и не замеченные рыжими. Там, в начале рощи, тоже было одно место, где росли кусты сассапариля. Чик и Оник хорошо знали это место.

— Неужели из-за этих ягод мастика будет делать пузыри? — спросила Ника, когда они подошли к зарослям сассапариля.

— Еще как! — в один голос сказали Оник и Чик.

Они стали рвать красные и зеленые ягоды сассапариля величиной с чернику. Расколов ягоду зубами, они выплевывали плодик, а потом соскребали зубами тончайшую пленочку вокруг косточки. После этого косточка тоже выплевывалась, а пленочка жевывалась в мастику. Достаточно было жевать десяток пленочек, как мастика делалась даже на прикус упругой, как резина.

— Какая нежная; — сказала Ника, сняв пальцем с кончика языка зеленовато-прозрачную пленку.

Первым выдул пузырь Оник. Чик не спешил. Чик продолжал жевать. Надо ее как следует разжевать, чтобы пузыри делались крупными и достаточно громко лопались.

— Я одного не пойму, — сказала Ника, — кто первым догадался, что надо сдирать пленочку, чтобы пузыри получались?

Чик даже перестал жевать, до того он поразился этому вопросу. Ему самому это не раз приходило в голову. Он никак не думал, что это и ей может прийти в голову, да еще с первого раза.

— Сам не знаю, — сказал Чик.

Это в самом деле невозможно было понять, кто догадался первым соединить мастику с этой пленочкой.

— Так делают все с незапамятных времен, — сказала Сонька.

— Тогда кто догадался первым до незапамятных времен? — спросила Ника.

— Первобытные люди, — сказал Оник и выдул пузырь. Все посмотрели, какой у него получится пузырь. Пузырь у него получился хороший, величиной с персик.

— Первобытные люди мастику не жевали, — сказал Чик, дождавшись, когда лопнет пузырь.

— Тогда кто? — спросил Оник, слизывая языком кусочки мастичной пленки, оставшейся на губах от лопнувшего пузыря. Он посмотрел на Чика с выражением тусклого любопытства к вечности.

— Не знаю кто, но только не первобытные люди, — сказал Чик.

Он был уверен, что первобытные люди мастику никогда не жевали. Тем более пузырей не пускали. Вообще лучше было об этом не думать. Это могло навести на мысли о началах и концах вообще. Чик не любил этих мыслей, но они иногда сами приходили, и от них некуда было деться.

Чаще всего они приходили на закате, в хорошую погоду, в теплое время года. Кроме того, Чик заметил, что в городе они приходили к нему гораздо реже, чем в деревне. Но и в городе приходили, если вдруг на улице встречалась похоронная процессия, или вечером возле моря, или днем где-нибудь в таком месте, как сейчас.

В таких случаях Чик с нежной печалью думал о непонятности строения Вселенной. Вот, например, наша планета, думал Чик, с ее горами, зелеными долинами, теплыми морями — это понятно, это хорошо. А вот дальше идут звезды, а за этими звездами другие звезды, а за другими звездами еще другие неведомые звезды. Ну а дальше что? То, что некоторые звезды на самом деле планеты, на которых, может быть, есть жизнь, служило очень слабым утешением. А что дальше, дальше что? Вот что было непостижимо. Если Вселенная имеет конец, то что за этим концом? А если она его не имеет, то как это представить? Да и как это может быть, чтобы какое-то расстояние длилось, длилось, длилось и никогда, никогда не кончалось?

Душа Чика ни конца Вселенной не могла принять, ни отсутствия этого конца. Вот что было удивительно. И Чик, когда об этом думал, заранее понимал, что ни один из взрослых

ему не ответит на этот вопрос. Ведь ответ взрослого мог бы означать одно из двух: или есть бесконечность, или есть конец. Но Чик никак не мог принять такую бессмысленность. Может быть, есть что-то третье, но что?

И еще вот что было удивительно. Сначала об этом думалось с нежной печалью, даже как-то сладко-сладко становилось. Так бывало, когда в школе решаешь задачу и чувствуешь, что идешь по правильному пути. «Значит, думая об этом, — вспоминал Чик, — я решаю какую-то нужную задачу и иду по правильному пути, поэтому сначала хоть грустно, но грусть приятная. Но потом я чувствую, что решение уходит куда-то и я не могу найти ответа, и тогда становится тоскливо».

В такие минуты Чик ругал себя за то, что стал думать об этом, до того ему делалось тоскливо. Но не думать он уже не мог. Он и думал, и тосковал по бездумью. Если это было в деревне, он тосковал по беззаботной городской суете, где ни дети, ни тем более взрослые об этом не думают. Хорошо им там не вспоминать об этом, с завистью думал Чик и хотел туда, в город, в родной двор, в забвение суеты. Тоска эта доводила Чика до ощущения какого-то космического сиротства, особенно если его не прерывали или тем более не звали на ужин.

Если же звали на ужин, в первые минуты Чик, входя в кухню, никак не мог взять в толк, как это все эти мужчины и женщины, его родственники, могут говорить о каких-то шнурометрах табака, о каких-то там бригадирах, которые веч-

но чего-то там недописывают? Как это можно обо всем этом говорить, когда еще не решен вопрос, где конец Вселенной и как он может быть вообще?

Но потом постепенно у веселого очажного огня, кусая пахучий кусок вяленого мяса, дую на горячую мамалыгу, Чик чувствовал с некоторым легким смущением, как его тоска быстро улетучивается куда-то и он теперь с удовольствием вслушивается во взрослые разговоры. А думал он в такие минуты, вспоминая о началах и концах, но не чувствуя их, что потом когда-нибудь додумает это.

Поэтому Чик и сейчас, чтобы случайно не задуматься об этом, решил приняться за пузыри. Он как следует помял в руках мастику, сунул обеими руками расплющенный комок в рот, вытянул его языком, стараясь нигде не придавить, убрал язык и дунул в образовавшийся мешочек. Пузырь получился неплохой, но все-таки у Оника он был гораздо крупней.

Теперь все делали пузыри, и они то и дело лопались. Ника сразу же научилась делать пузыри, у нее был длинный, ловкий язык. У бедняжки Лёсика и пузыри получались кривобокими, потому что у него язык плохо ворочался. Но за этот день он столько увидел и столько достиг, что можно было им гордиться. Так думал Чик, с удовольствием гордясь им и тем самым гордясь собой. «Все-таки кто бы взял такую обузу, как Лёсик, — думал Чик, мысленно пробегая по рядам знакомых ребят с их улицы или из школы, и все они малодушно или презрительно отворачивались от Лёсика. — А вот

я взял, — думал Чик, поглядывая на Лёсика с отцовским умилением. — Взял, хотя будет очень трудно на обратном пути громоздить его на стену. Ничего, — думал Чик, — как-нибудь взгромоздим, зато он всю жизнь будет помнить этот поход за мастикой».

Ребята пошли обратно и снова вышли к таинственному домику, во дворе которого жил щенок волкодава. Щенок сидел посреди двора и грыз кожаную тапку. Он не обратил на них внимания, хотя они подошли к самому забору. «Знаем, знаем, — подумал Чик, — это твой старый трюк».

— Я его отвлеку, а вы проходите к инжиру, — сказал он остальным, просовывая руку между планками штакетника и отодвигая щеколду калитки.

Пожевывая мастику, он вошел во двор и направился к щенку. Тот на мгновение оторвался от тапки, посмотрел на Чика и мотнул головой.

«Не хочу играть!» — сказал он Чикку этим движением головы и снова взялся за тапку.

«Что за черт, — подумал Чик, — ничего не понимаю». И в это мгновение в доме скрипнула дверь и на веранде появилась женщина. Чик даже испугался — до того это было неожиданно, а главное, что женщина была Чикку хорошо знакома. Звали ее тетя Лариса. Она довольно часто приходила к тетушке в гости. Они обе были горбоносенькие, и у обеих брови срастались на переносице. Чик считал, что это сходство помогло им сдружиться. Им легко было хвалить и считать друг друга красавицами. Потому что, если

одна называла другую красавицей, получалось, что это она про себя говорит. Во всяком случае, тетушка считала, что вся ее цветущая юность прошла в боях с легионами женихов, которые штурмовали ее как крепость. Но взять крепость сперва почему-то удалось какому-то старенькому персидскому консулу, а уж второй раз дядя Чика, как считал Чик, и крепость одолел, и консула прогнал, и сам засел в этой крепости. На самом деле тетушка сама прогнала консула, а уж потом вышла замуж за дядю, но этого Чик тогда не знал. И вот вдруг он оказался во дворе тетушкиной подруги.

— Чик, — страшно удивилась эта женщина, — что-нибудь случилось?

— Ничего, — сказал Чик, — мы мастику собирали.

Тут тетя Лариса увидела и остальных ребят, все еще стоявших за забором.

— Ах, мастику, — сказала она, улыбнувшись, потому что обрадовалась, что ничего не случилось. — Проходите, детки. А дома знают? — с тревогой спросила она у Чика.

Чик ожидал этого вопроса.

— Конечно, — сказал он. Чик считался правдивым мальчиком, потому что врал очень скупое, только по необходимости.

Из домика, дожевывая хлеб, вышел подросток. Это был ее сын Омар. Он несколько раз приходил со своей мамой, когда надо было тащить фрукты, которые они приносили тетке в подарок. Но Чик с ним не удавалось поговорить,

потому что он сразу же уходил или играл на улице со своими сверстниками.

Иногда тетя Лариса приходила одна, с большим букетом цветов. В таких случаях тетушка преувеличенно суетилась вокруг цветов, чтобы незаметно было, что на самом деле ей гораздо больше нравится, когда приносят фрукты.

— А где наш Омарчик, я скучаю по нашему золотому Омарчику, — говорила тетушка, сажая тетю Ларису за свои бесконечные чаи. Чик не только понимал, что она говорит одно, а думает другое, он прямо-таки чуть ли не над каждым сказанным словом мог поставить подразумеваемое.

«А где ваши фрукты? Я соскучилась по вашим персикам, яблокам, хурме!» — вот что на самом деле означали тетушкины слова.

Тетя Лариса уставилась на детей, смутно узнавая их.

— А эта синеглазка не дочь Патарая? — спросила она у Чика, кивнув на Нику.

Ребята стояли за Чиком, сдержанно, через два-три положенных такта, пожевывая мастику.

— А вы знаете моего папу? — расцвела Ника и потянулась к тете Ларисе с благодарным вниманием.

— Конечно, знала, — вздохнула тетя Лариса, — бедный Пата...

Она еще что-то хотела сказать, но Чик сделал самые страшные глаза из всех, какие мог, показывая, что об этом нельзя говорить.

— Что с тобой, Чик? — глупо удивилась тетя Лариса и сделала круглые глаза. Все-таки видно, она что-то почувствовала, потому что больше ничего не стала говорить.

— Вот Чик дает! — засмеялся Омар, увидев, что Чик сделал страшную морду. Он, конечно, и вовсе ничего не понимал.

— Ребята, может, поедите инжиру? Вон там скороспелка растет, — кивнула она в сторону стены.

— Нет, — сказал Чик за всех, — нам не хочется.

— Тогда открой им ворота, Омар, — сказала тетя Лариса, лучезарно улыбаясь. — Скажите тете, что в субботу приду.

Раз уж вам ничего не хочется поесть, вы хоть возьмите мою прекрасную улыбку, казалось, хотела она сказать, глядя им вслед.

— Хорошо, — сказал Чик и пошел к лестнице. У него немного отлегло на душе. Он очень боялся, что тетя Лариса скажет еще что-нибудь про отца Ники. С этими взрослыми трудно дело иметь, думая Чик, они ничего не понимают.

— Чик, Чик, — вдруг окликнула его тетя Лариса, что-то вспомнив.

Чик остановился. Вся его команда тоже остановилась.

— Я сейчас тебе роз нарежу, подожди! — крикнула она.

— Что вы, тетя Лариса! — закричал Чик, страшно испугавшись.

— Мы сейчас не домой идем... Мы идем в гости...

— Вот и хорошо, — согласилась тетя Лариса, — придете в гости с розами.

— Я хотел сказать, мы не в гости, мы в парк кататься на гигантских шагах, — лихорадочно поправился Чик, злясь на тетю Ларису, что она его вынуждает врать, и при этом довольно глупо.

— Жаль, — сказала тетя Лариса, — такие розы пропадают.

— Мне тоже жалко, — согласился Чик, — но что поделаешь.

Тетя Лариса повернула к дому, а Омар вприпрыжку через одну-две ступени стал спускаться к ним.

«У нее розы пропадают, а я должен позориться», — подумал Чик. Сейчас появиться на полянке с охапкой роз все равно что навеки себя похоронить. Проще принести их на свою могилу, чем ходить с ними по улицам.

— Какие гости, какой парк? — спросила Сонька, разводя руками.

— Нас и так уже ищут, наверное...

— Это он с понтом, — сказал Оник, понимая, почему Чик отказался от роз.

— Так я бы понесла, — добавила Ника, пожав плечами.

Чик ничего не ответил. Он посмотрел на Нику. Она как-то скучно притихла, как будто отделилась от всех. Хуже нет, подумал Чик, чем хранить чужую тайну. Он решил не обращать на нее внимания, чтобы она успокоилась, если что-то заподозрила. А может, и не заподозрила, подумал Чик, успокаивая самого себя. Может, она просто так притихла.

Лестница была длинная и крутая. Время от времени она расширялась до размеров площадки, на которой с обеих сторон стояли каменные скамейки.

По обе стороны от лестницы, за каменным барьером, росли розы, георгины, карликовые пальмы и всевозможные кактусы, один уродливее другого. Чик знал, что эти площадки сделаны для того, чтобы князь со своей свитой, поднимаясь по лестнице, отдыхал на каждой площадке и нюхал цветы.

Чем ниже они спускались, тем больше волновался Чик, думая о предстоящей драке. Если бы этот Омар хоть бы постоял рядом, когда они будут драться, Чик считал бы, что ему повезло. Но сам говорить ему об этом Чик не хотел. Это было бы очень стыдно. Если бы само собой в разговоре случайно он узнал о предстоящей драке в невыгодных для Чика условиях, тогда другое дело.

— А вы давно здесь живете? — начал Чик издалека.

— Всегда, — ответил Омар, останавливаясь и оглядываясь на Лёсика. Он все никак не мог понять, почему Лёсик отстаёт, хотя понять это было проще простого. Такая непонятливость ничего хорошего не сулила, и Чик пожалел, что начал разговор очень уж издалека. — Здесь же государственный сад, — продолжал Омар, — а мой папа работает садовником...

Слова о государственном саде прозвучали со странной внушительностью, как если бы эти фрукты предназначались не для еды, а для какой-то символической цели, например, для сельскохозяйственной выставки или для какого-нибудь праздничного парада, чтобы проносить их.

— Я знаю, — сказал Чик и, показывая свою осведомленность, добавил: — До революции здесь жил князь...

— Точно, — сказал Омар, — отец его помнит, он у него садовником работал...

«Вот это да, — подумал Чик, — и у князя садовником работал, и у нас».

Он очень удивился этому, но постарался скрыть свое удивление, чтобы не огорчать Омара.

Они уже подходили к воротам, и Чик почувствовал, что никак не сумеет случайно намекнуть Омару о предстоящей драке. Сквозь узоры решетчатых ворот Чик успел заметить, что ребята все еще на полянке, хотя уже и не играют в футбол. Он понимал, что Бочо среди них, хотя его и не было видно. Сгрудившись, они сидели посреди полянки. Хозяин мяча сидел на своем мяче, как на трибунке, вполне законно возвышающей его над остальными.

Скрежеща ключом, Омар открывал ворота, и Чику теперь хотелось хотя бы задержать его у ворот, чтобы ребята на полянке заметили его в обществе этого внушительного подростка.

— Омар, а почему маслины у вас не родятся? — спросил Чик в отчаянии, пытаясь его задержать.

— Ну их к чертовой матери, эти маслины! — неожиданно вспылил Омар и, открыв скрипучие ворота и нетерпеливо придерживая их, пропустил ребят наружу. — Из-за них у отца знаешь какие неприятности?!

— Да, я знаю, — подтвердил Чик, тоскливо чувствуя, что разговор не получился.

Омар, видно, тоже почувствовал, что слишком резко обошелся с Чиком, хотя и не знал, что Чику надо.

— Заходи, — кивнул он уже из-за ворот, — у нас есть кое-что повкуснее этих вонючих маслин.

Громыхнув закрытым замком, чтобы проверить его надежность, Омар исчез, и ребята остались одни. Главное, что на полянке так ничего и не заметили.

Ребята пошли через полянку. Чик старался шагать как можно независимей. Он даже решил, как только поравняется со всей этой компанией, пустить пузырь.

Через несколько секунд их заметили. Чик не смотрел на них, но он это понял по тишине, которая воцарилась на поляне. Это была неприятная, насмешливо-ожидаящая тишина. Пора пускать пузырь, подумал Чик, почувствовав, что поравнялся с ними. Он сунул язык в расплюсченную мастику и выдул довольно приличный пузырь. Пузырь лопнул ему в лицо.

— Чик! — крикнул Шурик, дождавшись, чтобы пузырь лопнул. Все-таки ему было интересно посмотреть, какой получится пузырь.

Чик обернулся, словно только что всех их заметил.

— Или ты дерешься с Бочо, — сказал Шурик, — или ты честно говоришь, что сдрейфил.

Чик оглядел всех сидевших и лежавших на траве и успел заметить, как Бочо глупо и горделиво улыбается. Он сделал вид, что только что вспомнил об обещанной драке. Он медленно слизнул в рот пленочки мастики, оставшиеся под носом и на подбородке, и, продолжая жевать, спокойно сказал:

— Всегда готов!

Глаза у ребят загорелись от любопытства. Бочо не в силах был сдержать блудливой улыбки, до того выгодные условия драки предстояли ему.

— Чик, не дерись, их много, а ты один! — бесстрашно крикнула Сонька.

— Глупости, — сказал Чик и подошел к ребятам. Он считал, что пока он очень здорово держится и дай Бог держаться так до конца.

Все встали, предвкушая удовольствие поглазеть на драку. Только хозяин мяча продолжал, покачиваясь, сидеть на своем мяче.

Широкоплечий и большеголовый Бочо, глядя на Чика, как-то снисходительно улыбался, словно ясно видел побежденного и опозоренного Чика. Переносить эту улыбку было ужасно неприятно.

— Здесь будем? — спросил он своим сиплым голосом.

— Где хочешь, — сказал Чик, чувствуя, как челюсть его, жующая мастику, сама остановилась. Чик усилием воли снова принялся жевать, стараясь ничем не выдать своего волнения.

— Так давай! — просипел Бочо и стал подходить к Чику, внимательно всматриваясь в него, чтобы не пропустить признаки робости или нерешительности.

«Неужели так сразу, так быстро?!» — содрогнулся Чик внутренне, в то же время ни на секунду не забывая, что никак нельзя показывать своего страха.

— Оник, держи. — Чик вынул мастику изо рта и, не спуская глаз с надвигающегося Бочо, протянул назад руку.

Раньше Оника подбежала к нему Сонька и выхватила мастику.

— Чик, их много, а ты один! — опять бесстрашно крикнула Сонька.

— Ничего, — сказал Чик, продолжая внимательно смотреть на Бочо. Чик был уверен, что никто не вмешается в драку, потому что это были ребята с соседней улицы и они знали Чика. Но все-таки, когда все «болеют» за твоего противника, до чего же неприятно драться. Вдруг Бочо остановился в нескольких шагах от Чика.

— Если хочешь, отойдем, — кивнул Бочо на край поляны, где начиналась стена. Сейчас, когда у него было столько болельщиков, он хотел показать, что он в них не нуждается. Наверное, ему и в самом деле так казалось.

— Как хочешь, — сказал Чик, радуясь передышке, но показывая, что не боится никаких болельщиков.

— Ребя! — заорал Бочо изо всех сил. — Вы стойте здесь, а мы пойдем подеремся!

Он мог это сказать гораздо тише, но он хотел своим голосом напугать Чика. Голос у него в самом деле был внушительный. Главное, он здорово хрипел и даже сипел. Чик его отчасти за этот голос уважал, но не сейчас, когда он его пугал этим голосом.

— Давай! — радостно отозвались ребята. — Мы будем отсюда смотреть, как ты его отколошматишь!

Чик и Бочо решительно направились в сторону стены.

— Чтоб не фасонил со своей москвичкой! — крикнул вслед один из ребят. В его голосе прозвучала вечная слободская не-

ненависть вот к таким чистеньким, хорошо одетым девчонкам, как Ника.

Чик совершенно неуместно полезла в голову какая-то мысль насчет бедных и богатых. Но он ее не успел додумать, да и не хотел додумывать, это она сама полезла ему в голову, когда он услышал голос этого мальчишки.

— Она не москвичка, — услышал Чик просящий мира голос Оника, — она в нашем дворе живет...

— А фасонит, как москвичка, — уверенно сказал тот же голос, и Чик показалось, что он услышал, как тот презрительно цвиркнул сквозь зубы слюной, хотя услышать это было никак невозможно.

— Чик, не бойся, мы здесь! — вдруг пронзительно крикнула Сонька, и голос ее обдал Чика какой-то великолепной волной бодрости, хотя он и понимал, что помощи от своей компании ждать бессмысленно.

Услышав Сонькин крик, ребята с улицы Бочо захохотали, до того им это показалось смешным.

— Лёсик, а-а-сто-рожна, у-па-дешь! — гадливым голосом пропел Шурик и фальшиво захохотал, показывая хохотом, чего стоит Чик и вся его команда.

Чик и Бочо стояли в двух шагах друг от друга. Они еще как-то недостаточно подогрелись для драки. Бочо угрюмо, исподлобья глядел на Чика, стараясь припомнить какую-нибудь старую обиду. Но, видно, обида не припоминалась, и Бочо начинал злиться на Чика за то, что он никак не может припомнить какую-нибудь стоящую обиду. Чик это чувствовал.

— Ха! — вдруг хрипло усмехнулся Бочо, глядя на Чика. Что-то унижительное было в его усмешке.

— Чего смеешься? — спросил Чик и бегло оглядел себя.

— Ха! — усмехнулся Бочо еще более хрипло и добавил: — Посмотри на мои плечи и на свои.

Это была правда. Бочо был куда шире Чика, зато у Чика грудь была намного здоровее, чем у Бочо, и Чик это знал.

— А грудь? — сказал Чик и, набрав воздуха, изо всех сил растопырил ее.

— Что ты мне суешь свою грудь! — страшным голосом захрипел Бочо.

— А что ты мне суешь свои плечи! — ответил ему Чик, собрав все свое мужество. Все-таки Бочо здорово его подавлял своим голосом.

Вдруг Бочо протянул руку и молча приложил ладонь к его груди. Чик прямо растерялся, до того это был страшный и непонятный жест.

— Ты чего меня лапаешь? — в ужасе крикнул Чик. — Хочешь драться — дерись!

— У тебя сердце дрожит, я слышу! — закричал Бочо радостно. — Вот до чего ты меня дрейфишь!

Сердце Чика и в самом деле страшно колотилось. Но какое он имел право дотрагиваться до Чика и слушать, как стучит его сердце?!

«Ах, ты так!» — подумал Чик, и в это же мгновение его осенила военная хитрость.

Он приподнял голову и как бы украдкой бросил многозначительный взгляд вверх, в сторону домика, где жила тетя Лариса. Бочо сразу же клюнул. Он тоже поднял голову и, посмотрев туда, снова уставился на Чика, теперь уже подозрительно.

— Ты чего туда смотрел? — спросил он не так уж хрипло, как раньше.

— Никуда я не смотрел, — сказал Чик, успокаиваясь оттого, что Бочо начинал волноваться.

— Нет, смотрел.

— Нет, не смотрел.

— Может, скажешь, что ты с Омаром знаком? — спросил Бочо. Чик промолчал. Надо было, чтобы рыба получше села на крючок.

— Чего молчишь? Скажи, скажи, — насмешливо торопил его Бочо. На самом деле он начал тревожиться.

— Он мой троюродный брат, — нахально отчеканил Чик.

— Ха! — хрипло усмехнулся Бочо, думая, что поймал Чика. — Тогда почему по стене лезли?

— Потому что их дома не было, — сказал Чик, чувствуя, что Бочо сам себя загоняет в ловушку.

— А сейчас? — раздраженно просипел Бочо.

— А сейчас они дома, — сказал Чик, чувствуя, как тело его освобождается от страха, легчает.

— Ребя! — крикнул Бочо, как бы отчасти жалуясь и раздражаясь из-за того, что они его подвели. — Он говорит, что Омар его брат?!

— Не верь, не верь, — крикнул Шурик, как человек, больше всех заинтересованный в победе Бочо, — он все придумал!

— Пусть скажет, как зовут его маханю! — крикнул тот мальчик, который назвал Нику москвичкой.

— Да, — снова оживившись, прохрипел Бочо, — скажи, как зовут его маханю?

— Тетя Лариса, — сказал Чик презрительно.

— Ребя, — крикнул Бочо с отчаянной надеждой, — он говорит, тетя Лариса!

— Правильно, — мрачно подтвердили ребята.

— Правильно! — крикнула Сонька и даже подпрыгнула от радости. — Она к ним часто в гости ходит.

— Ненавижу ехидину! — крикнул Бочо и ринулся на Чика. Другого выхода у него не было.

Чик почувствовал страшный удар в скулу, голова его загнула, и он бросился в драку, как в воду. Чик слышал за спиной топанье бегущих ребят.

Он и так знал, что, как только начнется драка, все прибегут. Но теперь ему ничего не было страшно. Он изо всех сил махал руками, стараясь попасть в раздваивающееся и мелькающее лицо Бочо, не чувствуя ударов, которые тот ему наносил.

Главное — стараться попасть в лицо, в которое почему-то до удивления, какое бывает во сне, трудно попасть, и оно все время расплывается, и только отовсюду смотрят темные глазищи Бочо и мелькает его лобастая стриженная голова.

Иногда они сцепляются, потом расцепляются, изредка обмениваясь яростными словами.

— Получай на закуску!

— Ах, ты плашмя?!

— Вот тебе, вот тебе, головой!

Сопение, кряхтенье, тяжелое дыхание, обмен ударами и обмен впечатлениями от ударов. Но время идет, и Чик чувствует, как тяжело наливаются руки и тело, как они слабеют с какой-то непонятной быстротой, как все трудней и трудней дышать. «Неужели, — думает Чик, чувствуя, что начинает теряться, — неужели только я так устал? И почему у меня дыхание кончается, как же моя широкая грудь?»

И вдруг Бочо хватается за лоб и мгновенно выходит из круга, образованного прибежавшими ребятами. Чик ничего не понимает, у него перед глазами все покачивается, но он чувствует, что случилось что-то радостное, неожиданное.

Бочо некоторое время стоит, пригнувшись, и ладонью щупает лоб.

— Фонарь? — вдруг спрашивает он, опустив руку и удивленно оглядывая всех.

— Фонарь! — подтверждает тот, что назвал Нику москвичкой, и переводит взгляд на Чика, словно только сейчас заметив какие-то интересные подробности в его облике, которых он раньше не замечал.

Чик смотрит на Бочо. Все смотрят на Бочо. У Бочо над глазом появилась огромная шишка.

— Фонарь? — спрашивает Бочо и оглядывает друзей с какой-то трогательной надеждой, что они его разуверят в этом.

— Фонарь, фонарь, — подтверждают все удивленно и с свежевшим интересом к его личности смотрят на Чика.

— Ой-ой-ой! — неожиданно запричитал Бочо, снова схватившись за лоб. — Что я дома скажу? Что я дома скажу?!

— Ничего, — сказал Чик, — надо холодное... Оник, дай свой пятак...

Оник неохотно вынул из кармана тяжелый царский пятак и протянул Чику. Чик взял пятак и, подойдя к Бочо, приложил его к шишке. Чик чувствовал, что каждое его движение сейчас уверенно и свободно и никому не может прийти в голову, что он подлизывается или как-то слишком расчувствовался. И Бочо с такой трогательной надеждой и доверчивостью смотрел на Чика, так безропотно надеялся на его помощь, так глубоко был поглощен возможностью предстоящего наказания родителями, что Чик чувствовал, как внутри у него все переворачивается от нежности и благодарности к Бочо за эту прекрасную победу.

— Смачивай в воде и прикладывай, — говорит Чик, — а пятак потом когда-нибудь отдашь...

Оник с молчаливым упреком посмотрел на Чика в том смысле, что ему хорошо быть щедрым за счет других. Чик ответил ему на это восторженным взглядом, показывая, что в часы великих побед нельзя считаться с такими мелочами. Чик краем глаза заметил, что Шурик старается не попадаться ему на глаза, прячется за спинами ребят, как предатель Мазепа.

Уходя со своей командой, Чик напряг слух. Он чувствовал, что он должен что-то очень приятное услышать за спиной. И он в самом деле услышал. Он услышал целую фразу, которая потрясла его своей былинной красотой.

— Ребята, ну и колотушка у этого Чика, — сказал кто-то.

Зарево славы подымалось за его спиной. Чик ощущал в своем теле необыкновенную легкость. Он почти не чувствовал земли. Он почти ничего не видел и не слышал. Что-то радостно лопочут друзья, Сонька ему сует мастику, но он ее почему-то положил не в рот, а в карман. Потом появились какие-то волнения, стали говорить, что нас, наверное, ищут, что нам, наверное, попадет. Кого ищут, чего ищут? Он только чувствовал какую-то легкость, легкость и музыку. Будто слышится какой-то оркестр, вроде тех предпраздничных оркестров, которые за несколько дней до праздника начинали шагать по городу, как бы пробуя будущее веселье. Чик страшно любил эти пробы будущего веселья и, бывало, как только услышит такой оркестр, вместе с Белочкой выбегал на улицу и долго-долго провожал его.

— Чик, — вдруг донеслось до него сквозь музыку оркестра, — я тебе что-то хочу сказать.

Они уже шлепали по тротуару, вот-вот свернут на свою улицу. Это был голос Ники.

— Ага, — сказал Чик не останавливаясь и не оборачиваясь, потому что никак не хотел упускать музыки, которую он слышал, — говори...

— Только один на один, — сказала Ника, и Чик по ее голосу почувствовал, что она остановилась. Ему стало тревожно.

— Что? — спросил Чик, останавливаясь и с легкой досадой чувствуя, что музыка уходит вперед. «Ну ничего, догоню», — подумал он.

— Вы идите, — кивнул он остальным.

— Чик, — тихо сказала Ника и прямо посмотрела ему в глаза своими темными от густоты синевы глазами, — почему эта женщина сказала про папу «бедный»?

Чик сразу все вспомнил.

Он вспомнил, что все это время, пока они спускались с лестницы и пока он готовился к драке, она как-то замкнулась и съежилась. Теперь он понял, что она все время думала о словах тети Ларисы...

— Просто так, — сказал Чик, — женщины всегда так говорят.

— Нет, — сказала Ника и с какой-то упрямой силой посмотрела ему в глаза, — разве мой папа никогда не вернется?

Чик вдруг почувствовал, что музыка, все еще игравшая вдалеке, вдруг смутилась и смолкла. У Чика мурашки побежали по спине. «Неужели она все знает», — подумал он.

— А разве он вам не пишет? — осторожно спросил Чик.

— Редко, и мне отдельно, и маме отдельно, — тихо сказала она, — а раньше, когда ездил в командировки, он всегда нам вместе писал...

— Что тут такого, — сказал Чик и радостно, оттого, что это было в самом деле так, вспомнил: — Мой дядя, когда ездит в командировки, иногда пишет всем отдельно...

Чик почувствовал, что она поддается. Глаза ее потеплели, в них уже не было той упрямой твердости, с которой она смотрела на него вначале. Но его это почему-то не обрадовало. Он почувствовал, хотя и не осознавал, что она не убедилась в правильности того, что он говорил, а снова покорилась неизвестности. Чик это почувствовал.

— Но почему так долго, Чик? Уже девять месяцев прошло, — сказала она.

— Покамест все выяснят, — начал Чик и впервые с раздражением подумал о тех, кто и в самом деле так долго выясняет: знал отец Ники, что начальник, перед которым он танцевал, вредитель, или не знал? То, что сам начальник мог и не быть вредителем, Чику и в голову не приходило.

— Что выяснят? — спросила Ника и удивленно посмотрела ему в глаза.

— Чик, — крикнула Сонька, — нас, может, ищут, а вы там шепчетесь!

Чик обернулся. Сонька на него смотрела взглядом женщины, устающей от бесплодной любви. Чик удивился этому взгляду, потом вспомнил о его неуместности и раздраженно отмахнулся. Он и так чуть не проговорился, а тут еще Сонька пристаёт со своей дурацкой ревностью.

— Как — что выяснят! — ответил он Нике. — В командировке всегда что-нибудь выясняют.

— Я его люблю больше всех, — сказала Ника, — я его буду ждать до гроба.

Чик почувствовал, что она повторила чьи-то слова, наверное, собственной мамы.

— Еще бы! — с жаром подхватил Чик, напав на благодарную тему, где можно ничего не выдумывать. — Еще бы такого не любить. Мой дядя говорит, что он великий танцор, что он мог танцевать на рюмке... Представляешь, такая маленькая рюмочка и на ней взрослый человек танцует?! Я на перевернутом ведре и то бы не смог танцевать, а он на рюмке...

— Ну, вы идете или мы пошли! — со злостью крикнула Сонька.

«Глупая, — подумал Чик, обернувшись, — тут совсем другое дело».

— Пошли, — сказал он Нике таким тоном, словно теперь уже все стало ясно.

Но он понимал, что далеко не все ясно, и это его все-таки смущало. Он попробовал прислушаться к той музыке, которую слышал до разговора с Никой, но не услышал ее. Оркестр куда-то скрылся.

Только они дошли до угла своей улицы, как лоб в лоб столкнулись с соседским мальчишкой Абу.

— Чик, вас ищут, — радостно крикнул он, — думают, вы утонули!

— Я же говорила, я же говорила, — затараторила Сонька, гневно поглядывая на Нику.

Лёсик от волнения расплылся в улыбке. У Чика тоже что-то неприятно кольнуло в груди.

Абу стоял перед ними, любуясь их растерянностью и смущением.

— Чик, это правда, что ты фонарь поставил Бочо? — вдруг спросил он, перестав любоваться их растерянностью.

Чик непроизвольно улыбнулся. Слава обгоняла его и выходила навстречу.

— Да, — сказал Чик, не в силах сдвинуть расползающиеся в улыбке губы, — но откуда ты узнал?

— Да тут один проезжал на велике и сказал, — ответил Абу и с посвежевшим уважением, как те на поляне, взглянул на Чика. — За мастикой ходили?

— Да, — сказал Чик доброжелательно, — а правда, что нас здорово ищут, или треплешься?

— А-а-а! — махнул Абу рукой. — Немножко поискали и бросили... Пойду посмотрю, какой ты фонарь поставил Бочо.

— Он, наверно, уже домой ушел, — сказал Чик.

— Ну тогда поиграю в футбол, — ответил Абу и пошел дальше.

Ребята радостно заработали челюстями и пошли своей дорогой. Все-таки хорошо, что Абу их успокоил. Когда они зашли за угол, Чик сразу же увидел на балконе сутулую спину Алихана, склоненную над игральной доской. Он играл в нарды с Богатым Портным. Ясно, что Богатому Портному сейчас не до Оника. Оник сразу же повеселел.

В сущности, Богатый Портной и тетушка были главными паникерами. Но тетушка тоже, как и Богатый Портной,

если увлечется чем-нибудь, могла и не вспомнить о его существовании.

Чик заметил, что Белочка сидит у калитки и смотрит в их сторону. Видно, она их еще не узнала, но почувствовала что-то знакомое. Чик не хотел подавать голоса, чтобы с балкона на них не обратили внимания. Он только всплеснул руками и ударил ими по ногам, как если б сидел на скамейке и приглашал ее на колени. Белочка мгновенно склонилась набок голову, и когда Чик повторил этот жест, она сорвалась с места и помчалась навстречу. Она бежала своей боковой побежкой, которую Чик так любил, и она его всегда так смешила. Белочка с разгону налетела на Чика и в прыжке несколько раз лизнула ему лицо. Потом она для приличия лизнула Оника и Соньку, не слишком скрывая, что больше всего обрадовалась Чику. Она бегала вокруг них, визжала и прыгала... Она очень соскучилась и совсем не помнила, что Чик ее обидел. Ну, где можно еще отыскать такую веселую, добрую собаку? Нет, подумал Чик, с этим собаководом надо что-то делать, иначе не будет спокойной жизни. Ребята приближались к дому. С каждым шагом Чик чувствовал, что слабеет и слабеет их походный уют, вот-вот совсем распадется, потому что каждый сейчас занят собственной тревогой встречи со своими родителями. Чику всегда бывало немножко грустно в такие часы. Но ничего не поделаешь, он и сам сейчас занят этой тревогой. Поэтому ему было приятно, что рядом кружится Белка, словно он с ней особенно и не расставался, словно так:

вышли немного погулять, а теперь возвращаются домой. Одомашненный тем, что Белочка была рядом, Чик подходил к дому с плутоватой и, может, потому тайно веселящей надеждой на безнаказанность.

чаепитие и любовь к морю

Было около одиннадцати часов утра. Тетушка сидела на веранде на своем обычном месте перед распахнутым окном, откуда хорошо просматривался двор. Недаром место это называлось «капитанским мостиком».

Отсюда она не только наблюдала за жизнью двора, но и нередко вмешивалась в нее, иногда полностью меняя ход тех или иных коммунальных баталий. Чика всегда поражало то мгновение, та неуловимая неожиданность, когда тетушка из постороннего наблюдателя и миротворца превращалась в соучастника скандала.

Какое-то пустячное слово, какой-то пренебрежительный жест мог послужить детонатором ее взрывного характера. Но сегодня, слава Богу, и во дворе все было тихо, и тетушка была особенно благодушно настроена.

Тетушка пила чай с пирожками и персиками и угощала Евгению Александровну, новую соседку по двору, которая недавно вместе с мужем и сыном Эриком переехала сюда жить.

Чик тоже пил чай, но, в отличие от тети, нарезавшей в свой стакан весь сочащийся, исходящий соком персик,

он съел его отдельно, а чай с пирожками пил отдельно. Чик казалось, что Евгения Александровна тоже хотела бы съесть свой персик отдельно, но тетушка сама нарезала ей в стакан персик, говоря, что чай с персиком это совершенно особый деликатес.

Вообще тетушка любила пить чай. Впрочем, кофе тоже. Но в чай, в отличие от кофе, она всегда что-нибудь клала. Если были лимоны, она пила чай с лимоном; если лимонов не было, пила с мандаринами, с яблоками, с клубникой или, как сейчас, с персиками.

Дядя Коля, сидевший в углу веранды за отдельным столиком, тоже, как и Чик, выпил свой чай с пирожками отдельно, а персик съел отдельно. Всем досталось по персику, но в вазе, стоявшей прямо перед Чиком, оставался еще один персик, и Чик был сильно озабочен его судьбой: кому он достанется?

Тетушка вроде про него и забыла, но взять самому было неудобно, потому что тетушка могла остановить его попытку и, не стесняясь присутствия малознакомой женщины, пристыдить его.

Чтобы обратить внимание тетушки на этот неиспользованный персик, Чик несколько раз отгонял от него мух, а один раз даже раздраженную осу. Он ждал, что тетушка обратит на это внимание и в конце концов скажет: «Съешь, Чик, этот персик, чтобы не собирать здесь мух!» Но тетушка, увлеченная разговором, не замечала Чика, и судьба последнего персика оставалась неясной.

Еще сильнее, чем судьбой персика, Чик был озабочен необходимостью выпросить у тетушки разрешение пойти на море. Этого ждал не только Чик, но, можно сказать, вся его команда. Если бы тетушка разрешила Чику идти, то и всем остальным родители разрешили бы.

Чик вдруг вспомнил мальчика, которого несколько раз видел на море. Вот уж кто явно ни у кого не спрашивал, идти ему на море или не идти.

Первый раз он его встретил на «Динамке». Так называлась бывшая пристань, теперь переоборудованная для водного спорта. Здесь была сооружена вышка для прыжков в воду, расставлены дорожки для плавания — одна на пятьдесят метров, другая на двадцать пять. Кстати, именно здесь Чик убедился, что может пронырнуть в длину двадцать пять метров. Правда, такое расстояние он проныривал в прыжке со стартового причала, но все равно это было неплохо.

Так вот, этот мальчик, ростом не больше Чика, одинаково хорошо прыгал со всех трех ступеней вышки. Чику он нравился за бесшабашную удаль, с которой он прыгал с вышки.

Однажды Чик видел, как несколько взрослых ребят поспорили, прыгнет он или нет с самой высокой точки, а именно с крыши бильярдной, которой увенчивалась вышка.

Они предложили ему прыгать, но он сначала отказывался, говоря, что ему неохота взбираться на эту крышу. Тогда один из взрослых сказал, что он только делает вид, что не хочет прыгнуть, а на самом деле просто боится.

Мальчик сразу же разгадал эту хитрость.

— Смотрите, — обратился он к своим друзьям и, кивнув на этого взрослого, сказал: — Гнилой заход делает...

Взрослые посмеялись этому выражению. Чику оно тоже понравилось.

— А за рубль прыгнешь? — вдруг предложил один из взрослых.

— Конечно, — ответил он.

— Так давай, — сказал тот, что предлагал деньги.

— Ваш свет, — обратился он к взрослому.

Взрослые снова рассмеялись. На мальчишеском языке это означало: покажи свое право вступать в игру, то есть где твои деньги...

Тот, что предлагал прыгать за деньги, достал из кармана кошелек и вынул оттуда новенький, хрустящий, словно проглаженный утюгом рубль.

Мальчик поднялся на третью ступень вышки, оттуда вскарабкался на крышу бильярдной по одному из четырех столбиков, подпиравших ее.

Глядеть, как он вскарабкивается на крышу бильярдной, было неприятно, потому что он мог сорваться и грохнуться на деревянный помост причала.

Сейчас Чику были неприятны и эти взрослые, заставившие мальчика заниматься таким опасным делом.

Но потом, когда мальчик благополучно вскарабкался на крышу и, бросившись оттуда вниз головой, прекрасно вошел в море, только чуть-чуть прилепнув в воду слегка закинувшимися ногами, Чик перестал сердиться на взрослых.

Через несколько минут мальчик вышел на помост причала мокрый, весело возбужденный, и Чики вдруг показалось, что взрослые обманут его и не отдадут рубль. Но тот, что обещал рубль, передал его ему, улыбкой показывая, что он ничуть не жалеет потерянных денег.

Мальчик, держа двумя пальцами деньги, чтобы не замочить, стал прыгать на одной ноге, вытряхивая из ушей воду и одновременно приговаривая:

— Гоните рубчик — еще прыгну!

Но взрослые посмеялись и, громко предполагая, что таким путем он их оставит совсем без денег, ушли в бильярдную.

Через несколько дней Чик снова встретил его, но уже совсем в другом месте. Он его встретил в море, у развалин старой крепости. Там был большой обломок скалы, торчавший из моря в десяти метрах от берега. Чик подплыл к нему и с большим трудом вскарабкался на него. Здесь он и увидел мальчика. Но сейчас у него был совсем другой вид. Посиневший от холода, он лежал на скале, плотно прижимаясь к ней и стараясь унять озноб, колотивший его.

Возле него в позе нетерпеливого ожидания стоял Керопчик. Про Керопчика можно было сказать, что он довольно известный хулиган. Рядом с Керопчиком стояло еще двое взрослых парней.

У всех троих тела были разрисованы наколками. Из разговоров между ними стало ясно, что мальчик ныряет возле скалы и достает для них мидии, которые они собираются продать на базаре.

Горка мидий килограммов в десять лежала на поверхности скалы. Керопчик время от времени напоминал мальчику, что ему пора прыгать со скалы и нырять за мидиями.

— Сейчас, дай согреться, — отвечал мальчик, не попадая зубом на зуб.

По его голосу Чик догадывался, до чего ему надоело нырять, и в то же время чувствовалось, что он в чем-то зависит от Керопчика и не смеет ему отказать. На «Динамке» он был веселый, вольный, он сам диктовал условия взрослым людям и даже шутил над ними. Здесь было совсем другое дело, и Чик стало жалко.

— Давай я половлю? — предложил Чик.

— А ты сможешь? — спросил Керопчик.

— Я на «Динамке» дно достаю, — похвастался Чик.

— Ну, давай прыгай, — сказал Керопчик без особой веры в Чика.

Чик подошел к краю скалы, обращенному к морю, и приготовился прыгать.

— Справа будет острая свая — не порежься, — сирым голосом сказал мальчик, не отрывая подбородка от скалы.

— Хорошо, — сказал Чик и прыгнул в воду.

Вынырнув из воды, он подплыл вплотную к скале, набрал воздуха и нырнул. Чик считал себя неплохим ныряльщиком. Особых достижений у него не было, но все-таки он доставал дно на конце «Динамки» и мог в длину пронырнуть около двадцати пяти метров.

Нырнув, Чик увидел подводную часть скалы, поросшую морской травой. Трава эта в ритме движений волн колыхалась. Колыхнется — раздуется и снова опадает, колыхнется — раздуется и снова опадает.

Между колыхавшимися пучками травы мелькнули морской карась и маленькая рыбка зеленуха. Чик показалось, а может, так оно и было на самом деле, что карась, стараясь остаться незамеченным Чиком и думая, что тот его не видит, колыхнулся вместе с пучком травы, за которой он прятался.

Чик знал, что морская трава крепко держится за поверхность скалы, и, ухватывая пучки этой травы и перебирая руками, стал погружаться в глубину. Таким нырянием он надеялся сохранить силы и подольше остаться под водой. Руками, хватающими пучки травы, он чувствовал острые края мелких мидий и уходил все глубже и глубже, надеясь добраться до крупных мидий.

В то же время он внимательно смотрел налево от себя, боясь неожиданно напороться на острую сваю. Но сваи не было видно. Трава внезапно кончилась, и Чик отпустил ее, не успев перевернуться, и его как-то само собой выбросила на поверхность выталкивающая сила моря.

Чик старался отдышаться, а Керопчик сверху глядел на него своими козлиными глазами. Он ничего не спросил, потому что и так было видно, что Чик плоховато нырнул.

— Что-нибудь достал? — спросил один из парней, сопровождавших Керопчика.

— Хоть вынырнул — и то хлеб, — сказал Керопчик.

Чик снова нырнул. На этот раз он решил, опять держась за траву, дойти до того места, где она кончается, но не бросать ее, а, еще держась за нее, перевернуться вниз головой и дальше нырять собственными силами.

Так он и сделал. Продолжая держаться за траву, он перевернулся и нырнул дальше. В полумгле он заметил несколько свай, торчащих в воде, и конец одной из них напоминал острый край свежеразбитого оконного стекла.

Не дай Бог напороться, подумал Чик и, ухватившись за другую свая, неприятно колющую руку мелкими мидиями, несколько раз перебрав руками, ушел по свае вглубь, в темноту.

Руками он чувствовал, что свая здесь обросла более крупными мидиями, и попробовал выдернуть одну. Но он даже не смог ее расшатать. Тогда Чик взялся за другую мидию, шатавшуюся, как зуб, и с отчаянием последних усилий дернул ее и, выдернув, едва не задохнувшись, вырвался наверх. Это была большая мидия, величиной с мужской кулак.

Он вытащил руку с мидией над водой, и Керопчик сверху посмотрел на нее оценивающим взглядом.

— Хорошая, — сказал Керопчик поощрительно, — только сразу несколько вырывай.

«Легко говорить, — подумал Чик, — ты бы сам попробовал...» Он подплыл к сачку, на веревке свисавшему со скалы, и вбросил туда свой трофей.

После этого Чик, сколько ни нырял, доставал только очень маленькие мидии или совсем ничего не мог достать.

Откровенно говоря, Чик просто боялся напороться на один из обломков этих свай. Чик заметил, что там торчит еще одна свая с зубчатым рваным краем.

Вообще Чик не любил нырять в незнакомом месте. Особенно в таком месте, где неожиданно перед носом может оказаться свая или какой-нибудь другой предмет с заостренным краем. В конце концов один из друзей Керопчика сказал ему, чтобы он подымался наверх, и Чик вцепился в веревку, к концу которой был привязан сачок с его мидией, правда, большой, но слишком одинокой. Другие мелкие мидии, которые он доставал, Керопчик браковал и Чик их отбрасывал.

Друг Керопчика втащил Чика наверх, и по тому, как тот его тащил, Чик почувствовал, что неудача сделала его тяжелее, чем он есть. Единственным, правда, слабым утешением Чика было то, что он и в самом деле достал очень крупную мидию.

Мальчик все еще лежал на скале. Теперь Чик с еще большей очевидностью почувствовал превосходство его во всем, что можно было сделать в море. Превосходство было настолько полным, что Чик не завидовал ему, а просто восхищался им и жалел, что Керопчик имеет над ним какую-то власть. Немного согревшись, Чик прыгнул в сторону берега и поплыл к нему.

Конечно, в другое время Чик мог решиться увести свою команду на море и без всякого разрешения, но не сейчас.

Дело в том, что два дня тому назад Чик был застигнут в школьном саду сторожем школы, и хотя Чику удалось удрать, но проклятый старик Габуня, то есть сторож, пришел к ним домой и пожаловался на Чика. Хорошая репутация Чика этим обстоятельством была сильно подорвана. Считалось, что Чик на такие вещи не способен, считалось, что только его старший брат способен на такие вещи.

Поэтому, понимая, что сейчас шансы на разрешение слишком малы, Чик и не осмеливался просить. Он ждал удобного случая, ждал такого мгновения, когда тетушка так увлечется своим рассказом, что может разрешить Чику что угодно, только бы он ей не мешал.

Сейчас тетушка довольно увлеченно (но Чик затруднялся определить, достаточно ли увлеченно для его просьбы) рассказывала о своей знаменитой встрече с принцем Ольденбургским, который когда-то до революции жил в Гаграх и был там самым главным человеком.

В одном из поместий принца работал садовником один из родственников тетушки. И там тетушка встретилась с принцем, который приехал со своей свитой осмотреть сад.

В этом рассказе было одно противоречие, которое сильно смущало Чика и даже раздражало его иногда. По одним рассказам тетушки, она была тогда совсем маленькая девочка, а по другим получалось, что она была уже довольно взрослой девушкой и принц залюбовался ее красотой. Сейчас тетушка излагала именно второй ва-

риант. Она сказала, что принц залюбовался ее красотой и хотел привлечь ее ко двору. Она так и сказала: «привлечь ко двору».

Услышав такое, Чик украдкой взглянул во двор из-за тетушкиной спины. Ника, сидя на виноградной лозе, читала книгу. Рядом с ней сидела Сонька и гладила Белку, очищая ее шерсть от всякой нацепившейся на нее дряни. Ухаживая за Белкой, она как бы заменяла Чика.

Оник сидел рядом с ней с выражением унылой задумчивости на лице. Поймав взглядом взгляд Чика, он кивнул ему головой, словно спрашивая: «Ну как там? Долго еще мне здесь сидеть с выражением унылой задумчивости на лице?» Чик в ответ пожал плечами, показывая, что он старается, но ничего определенного пока сказать не может. Белка по выражению лица Оника поняла, что он смотрит на Чика, и сама, повернув голову, посмотрела наверх, где Чик, сидя на тахте, выглядывал в окно из-за тетушкиной спины. Белка несколько раз махнула хвостом, показывая, что она видит Чика и радуется этому.

Сонька тоже поняла, что Чик смотрит в их сторону, и, взглянув наверх, просияла. Лицо ее засветилось уверенностью, что Чик добьется своего.

В это время вошла во двор ее мать, возвращавшаяся с базара. Как всегда, она старалась понезаметней прошмыгнуть в свою комнату. Но тетушка заметила ее.

— Ну как базаровала? — громко спросила она у тети Фаины, и та, вздрогнув, остановилась.

— Они сошли с ума хуже вашего брата, — отвечала тетя Фаина, продолжая держать на весу корзинку, — скоро картошка таки будет дороже золота.

Тетушка кивнула ей головой в знак того, что любопытство ее исчерпано, и та, повернувшись, пошла дальше.

— Вот женщина, — сказала тетушка, закуривая папиросу, — всю жизнь жалуется и всю жизнь полные корзины с базара тащит... Да... На чем я остановилась?

— Вы сказали, что принц Ольденбургский был очень богатый человек, — вспомнила Евгения Александровна.

— Он был миллиардер, — уверенно сказала тетушка и, пыхнув дымом, прихлебнула чай. — В Гаграх ему принадлежали все дворцы и вся земля...

Все это Чик тысячу раз слышал.

— Вся земля и ее недра? — спросил Чик.

— Какие недра? — растерялась тетушка.

— Ну, недра, — пояснил Чик, — сейчас земля и ее недра принадлежат народу, а раньше они принадлежали царю, помещикам и фабрикантам.

— Отстань, Чик, — сказала тетушка, — не вмешивайся, когда взрослые разговаривают... Разумеется, недра тоже ему принадлежали... В тот день он посадил меня в свою машину и катал по всему городу. Это было бесподобно... Все умирали от зависти...

Чик погрузился в свои размышления. Его всегда удивляла и радовала уверенность Соньки, что Чик все может. Бывало, Чик у страшно вато подражаться или что-нибудь там сделать,

но Сонька тут как тут со своей уверенностью, что Чик у ничего не страшно, и это как-то взбадривало, окрыляло его.

Так, совсем недавно, когда вдруг исчезла Белка и ее не целый день и целую ночь и Чик был в страшном отчаянье, что ее поймал собаковод, именно Сонька сумела убедить его, что Белка жива и ее надо только хорошенько поискать.

Чик ей поверил и немного успокоился. В самом деле, собаковод со своей колымагой уже давно не появлялся на их улице. А Белка сама далеко от дома никогда не уходила.

Чик вместе со своими друзьями прочесал все дворы своего квартала, спрашивая, не видел ли кто Белку. Но Белку никто не видел. И что же? Совсем рядом с домом во дворе грузинской школы Чик услышал завывание собаки. Он перескочил через забор и, остановившись посреди школьного двора, снова стал прислушиваться. Через некоторое время он услышал тихий скулеж, доносившийся, как показалось Чик у, со стороны школьного дровяного склада.

Чик подбежал к самому сараю, на ходу крича: «Белочка! Белочка!» Из сарая донесся до него такой радостный визг, что у Чика горло перехватило.

Так вот оно что! Оказывается, проклятый школьный сторож, живущий рядом с Чиком и стороживший школьный сад и самую школу, словно ее кто-то мог унести, оказывается, этот старик Габуня запер в сарае бедную Белочку!

Вообще-то Чик подозревал Габуня, но никак не думал, что тот пустится на такую подлость! И все из-за одного цып-

ленка! Правда, Белка его слегка придушила, пока Чик успел вырвать его из пасти собаки. Правда, цыпленок потом сдох. . Но ведь Белка схватила этого цыпленка в нашем дворе, думал Чик, ведь Габуня сам виноват, что разрешил своим цыплятам разгуливать по чужим дворам.

— Белочка, — крикнул Чик, — подожди, я тебя выручу!

Но как ее выручишь? Чик обошел весь сарай, но там не было ни одной щели, достаточно большой, чтобы просунуть руку, а не то чтобы самому пролезть. Может, сделать подкоп, подумал тогда Чик, но это было слишком рискованно: старик Габуня мог поймать его до того, как он проедет проход.

Как это ни странно, самым слабым местом оказался огромный замок, висевший на дверях сарая. Кстати, летом обычно сарай бывал открыт, а теперь вдруг замок... Чик подергал его и заметил, что крюк с петлей, вбитый в дверной косяк, оказался расшатанным. Чик подергал замок минут десять — пятнадцать, крюк вылез из косяка, и дверь со ржавым скрипом отворилась...

Чик бросился к углу сарая, откуда навстречу ему, гремя цепью, которой она была привязана, рвалась Белка. Она подняла ужасный визг, совершенно не понимая, что старик Габуня может их услышать. Он жил рядом со школьным двором, и Белка об этом прекрасно знала, но она так обрадовалась Чикку, что обо всем забыла.

Она лизала Чика в лицо, она прыгала ему на грудь, она хватала его за штаны! Своим лаем и визгом она плакала,

смеялась, жаловалась на старика Габуня и даже ухитрилась укорить Чика за то, что он так долго не выручал ее!

Проклятый живодер, подумал Чик, не находя рядом с собакой не только миски с едой, но и вообще какой-нибудь посуды, из которой Белочка могла бы похлебать воды. Было ясно, что старик Габуня решил уморить ее здесь голодом и жаждой.

Но больше всего Чик поразился, увидев возле стены сарая, где была привязана Белка, довольно большую яму. Оказывается, Белка пыталась сделать подкоп и вырваться наружу! Ну где в мире можно отыскать такую смелую и сообразительную собаку!

Чик спустился в яму, чтобы удобней было отвязывать Белку, потому что она своими радостными прыжками и беспрерывным трепыханием никак не давала ему снять с ее шеи эту проклятую гремучую цепь. И только он снял эту цепь и еще стоял в яме, которая приходилась ему по бедра, как в дверях появился старик Габуня.

— А-а-а, сукин сын, — сказал он по-мингрельски, что Чик все равно было неприятно, как если бы он сказал это по-русски. Некоторое время удивленно глядя на Чика, он добавил по-русски: — Посмотрим, как ты отсюда выйдешь... — Он продолжал стоять в дверях, продолжая удивляться, как понял Чик, тому, что он, Чик, почти по пояс в земле. И вдруг Чика осенило.

— Как вошел, так и выйду, — ответил Чик и еще ниже пригнулся в своей яме.

— А-а-а, сукин сын, — повторил сторож по-мингрельски, но Чик, разумеется, опять его понял. В следующее мгновение сторож ударил себя по лбу и сказал по-русски: — В земле дырка делал, да?!

Чик еще ниже нагнулся, словно стараясь влезть в этот несуществующий проход. В этот миг сторож Габуня, тяжело стуча ногами, побежал вдоль сарая, чтобы поймать Чика, когда он будет вылезать с той стороны.

Чик вместе с Белкой ринулись к дверям и побежали через школьный двор, уже издали осыпаемые безопасными проклятиями старика Габуня.

Чик прибежал к себе во двор и вместе с Белкой поднялся к тетке на второй этаж и там притаился.

Конечно, старик Габуня пришел во двор, поднял дикий скандал, предъявлял вздорное требование уплатить курицей за цыпленка, задушенного несколько месяцев назад. Но тут тетушка со своего «капитанского мостика» пустила в Габуня такую пулеметную очередь, что тот вынужден был замолкнуть и убраться со двора.

Чик знал за тетушкой немало недостатков, но она любила животных и жалела их, и Чик многое прощал ей за это.

Чик снова выглянул во двор. Ребята сидели в тех же позах на виноградной лозе, и только у Оника вид был еще более унылый, чем раньше. Чик заметил, что тетя Тамара вышла из своей кухонной пристройки с ведром и украдкой поглядывает вверх на тетушку Чика. Чик сразу понял, что она хочет взять из бочки дождевой воды, но пытается это сделать незаметно для тетушки.

Бочка принадлежала тетушке, и она обычно давала дождевой воды соседкам, но иногда, когда слишком долго не было дождей или она была не в настроении, та или иная соседка лишалась возможности пользоваться дождевой водой.

Во времена детства Чика почему-то все женщины считали своим долгом мыть голову дождевой водой. Позже этот обычай вымер, из чего, разумеется, не следует, что женщины перестали мыть голову. Но они упростили этот высокий ритуал и стали пользоваться обыкновенной водопроводной водой.

Так вот, Чик заметил, что тетя Тамара поглядывает наверх, стараясь поймать мгновение, когда тетушка покинет «капитанский мостик», чтобы незаметно черпануть ведром из бочки.

Но тетушка была занята новой соседкой и потому, не отвлекаясь на другие дела, продолжала сидеть на месте. Кстати, одна из особенностей тетушки заключалась в том, что она сейчас всеми силами старалась угодить Евгении Александровне. Эта женщина была новым человеком во дворе, и тетушке было ужасно приятно угощать ее чаем, фруктами, кофе и оказывать ей массу всяких незаслуженных услуг.

Чик знал, что месяца через два эта женщина ей смертельно надоест, кончится ласковая близость тетушки, и она отстранит ее от себя, еще, дай Бог, без словесного кровопролития.

И эта женщина, как и все другие, привыкнув к дармовым угощениям и ко всем удобствам дружбы с тетушкой, будет

потрясена неприятной резкостью ничем не заслуженного охлаждения.

Хорошо еще, если тетушка мирно охладевала к своей очередной подруге. Чаще всего дело кончалось грандиозным скандалом, после чего женщина, с которой тетушка дружила, изгонялась из ее дома, и они несколько месяцев не разговаривали.

Позже, если у тетушки под рукой не оказывалось достаточно интересной собеседницы, а точнее сказать, слушательницы, а еще точнее, зрительницы, она первая делала шаг примирения с отброшенной подругой. И та сперва робко начинала сходить с тетушкой, но потом тетушка, объяснив их разрыв клеветой предыдущей приятельницы («я, дурочка, всему поверила»), окончательно успокаивала ее и осыпала ничем не заслуженными, как и предыдущее изгнание, милостями.

Чик никогда в жизни не видел человека такого доброго и такого несправедливого одновременно — все зависело от настроения.

Чик снова выглянул во двор и снова увидел тетю Тамару, поглядывающую наверх в ожидании, когда тетушка покинет свой пост.

Попытка тети Тамары похитить дождевую воду напомнила Чику о том, что он сам ждет сильной грозы, чтобы, в конце концов, этот теннисный мяч, все еще торчащий в желобе, проходящем вдоль крыши соседнего дома, выкатился по водосточной трубе и бултыхнулся в воду.

Чик посмотрел на теннисный мяч, застрявший в желобе, потом случайно взгляд его упал на чердачное окошко, и он увидел в чердачном окне этой крыши тетушкину кошку Ананаци.

— Те, смотри, где Ананаци, — сказал Чик.

— Ананаци, как ты туда попала? — спросила тетушка, хотя ничего особенного в этом не было. Но сейчас ей хотелось показать Евгении Александровне, что у нее очень воспитанные кошки.

У тетушки было две кошки, звали их Ананаци и Апапаци. Чик знал, что имена кошек не существуют ни на одном из многочисленных языков, которые знает тетушка. Именно эти придумала сама тетушка, они каким-то образом передавали ее нежное отношение к своим кошкам и еще то, что они, эти кошки, родственницы, то есть Ананаци мать Апапаци.

— Иди ко мне, моя золотая, иди ко мне, моя дорогая, — нараспев повторяла тетушка, но Ананаци, сидя на чердачном окне соседней крыши, смотрела на них спокойными незнакомыми глазами.

Тогда тетушка взяла с тарелки один пирожок и, громко зовя обеих кошек, вышла из галереи на открытую лестничную площадку.

— Ананаци, Апапаци, — звала тетушка на весь двор, но раньше, чем кошки, на призыв ее отозвалась Белка. Она вырвалась из рук Соньки и побежала наверх. — Нет, Белочка, — громко сказала тетушка, — ты свою долю уже полу-

чила, а я хочу накормить моих дорогих кошечек. Ананаци! Апаци! — громко звала тетушка, но Ананаци, которая сидела у открытого чердачного окна, даже не шевельнулась.

«Только кошки бывают такими, — подумал Чик. — Собака никогда так не сделает. Собака или прибежит на зов хозяина, или, если не прибежит, всем своим видом покажет, что она обижена на хозяина или боится его. Но вот так вот прямо смотреть в глаза хозяину и совершенно никак не выдавать своего отношения к нему умеют только кошки».

В конце концов Апаци откуда-то прибежала, а тетушке надоело звать Ананаци.

— Ешь вместе с Белочкой, если эта дура по чужим чердакам шатается, — сказала тетушка и, как понял Чик, поделила пирожок между кошкой и собакой.

Это понял не только Чик, но и Ананаци. Поняв, что ее больше не зовут, а пирожок разделен, она громко и жалобно замыкала.

В это время тетушка возвращалась на свое место, а тетя Тамара, пользуясь тем, что двор исчез из кругозора тетушки, быстро подошла к бочке и, сунув туда ведро, наполнила его водой и ринулась назад. Но в это время мякнула Ананаци, и тетушка на полпути назад открыла одно из окон галереи и стала громко укорять Ананаци за то, что та, когда ее просили, не пришла, а теперь жалобно мяукает.

Одновременно с этим она проследила за тетей Тамарой, которая с ведром дождевой воды ушла к себе, думая,

что ее никто не видит. Продолжая укорять Ананаци, тетушка сказала несколько слов о некоторых, кому слаще украсть, чем попросить у хозяйки, которая, если с ней обращаться по-хорошему, готова поделиться последней рубашкой, а не то, чтобы ведром дождевой воды.

Несколько мгновений тетушка ждала, но тетя Тамара ей ничего не ответила, и тень возможного скандала, легшая на двор, потихоньку рассеялась.

— Ну и сиди там, дурочка, — сказала тетушка, обращаясь к Ананаци.

Тетушка подошла к столу, но, увидев, что чай уже допит, вдруг сказала:

— А знаете что? Я угощу вас настоящим турецким кофе.

— Ну что вы, — отвечала Евгения Александровна, — мы с вами так славно почаевничали...

— А теперь покофейничаем, — уверенно сказала тетушка, — тем более вы у себя в России понятия не имеете, что такое настоящий турецкий кофе.

Тетушка опять вошла в кухню, где у нее стояли примуса и керосинки. Возможность заново приступить к угощению вдохновляла ее. Она даже запела свой любимый романс:

*И в тот час упоительной встречи
Только месяц в окошко глядел...*

Чику почему-то страшно нравилась эта песня в исполнении тетушки. В сущности, никакого другого исполнения

он не знал, но в тетушкином исполнении эта песня казалась ему очень красивой.

— Пойду посмотрю, как готовится кофе по-турецки, — сказала Евгения Александровна и улыбнулась Чикю, словно извиняясь, что тетушка вокруг нее столько хлопочет, встала и ушла к тетке.

Чик заранее жалел ее за ее будущее разочарование, но помочь ей ничем не мог, да и охоты не было. Ему во что бы то ни стало надо было вырваться к морю, а он до сих пор ничего не придумал, чтобы получить разрешение у тетушки.

Чик одного никак не мог понять: как это люди, живущие у моря, не любят ходить на море. А таких было очень много. Тетушка тоже была такой.

По своей воле Чик ни одного бы дня не пропустил, чтобы не выкупаться в море. Он любил море в любую погоду.

И смешно сказать, но каждый раз, когда он ходил на море, перед самой встречей с морем у него возникало страшное волнение, которое он ничем не мог объяснить. Оно было похоже на страх, что вдруг море не окажется на месте, или какие-то силы помешают с ним встретиться, или вдруг милиция запретит купаться в море.

Однажды Чик купался в море, когда был шторм около трех баллов. В тот день вообще мало кто купался, и тем более Чик было лестно. Дожидаясь самой большой волны, Чик, умирая от страха, бесстрашно приближался к ней, стараясь поднырнуть под волну, пока выгнутый гребень ее с замедленной яростью не опрокидывался над ним, не успев подцепить Чика.

Со стороны посмотреть, кажется, что вот-вот человека раздавит многотонная масса воды, а на самом деле, если ты успел поднырнуть под гребень, волна перепрыгивает через тебя, как нерасчетливый хищник.

Но если ты успел поднырнуть под опасную волну, ты должен следить в оба, чтобы не оказаться под ударом следующей. На этом многие попадают.

Чик сам на этом однажды попался, но, слава Богу, отделался наждачной царапиной на ноге. Прибойная волна со страшной силой взболтнула его, потом проволокла по песку и презрительно выбросила на берег. От обиды и перенесенного страха Чик тогда немного прослезился, но, к счастью, никто ничего не заметил, потому что он и так был весь мокрый. С тех пор Чик стал гораздо внимательней.

Но если ты отплыл от опасной зоны прибоя и катаешься на волнах, ты должен помнить, как надо выходить на берег. Дело в том, что некоторые малоопытные пловцы, возвращаясь на берег, вдруг начинают чувствовать, что сколько они ни гребут, а с места почти не сдвигаются. И они, не понимая, в чем дело, теряются, и иногда возможны несчастные случаи из-за этого.

Когда ты находишься по ту сторону линии прибоя, но достаточно близко от нее, на тебя действует течение откатной волны. Но внешне это течение незаметно, потому что проходит под водой.

И вот неопытный человек, находясь в нескольких метрах от линии прибоя, никак не может понять, почему он к ней ни-

как не подплывет. И его тогда охватывает дикий страх, он начинает бешено и бесполезно грести, быстро устает, и тогда все может случиться.

А надо, если не хватает сил, перегрести встречное течение, отдаться волне, и она сама тебя вынесет. Но и отдаваясь волне, надо держаться у самого гребня и в то же время не давать себя втащить на гребень, чтобы не оказаться в опасном водовороте прибоя.

Чик даже удивлялся, почему на пляже не вывешивают такие плакаты или таблички, рассказывающие, как надо вести себя человеку, который решил купаться во время шторма. Ну, шторм, конечно, слишком громкое слово, но все-таки.

Чик готов был сам написать такую инструкцию, если бы у него кто-нибудь попросил бы это сделать. Но он понимал, что такой инструкции никогда не вывешают, потому что купаться, когда волнение больше двух баллов, вообще запрещено. А если человек не знает о запрете? А если человек вроде Чика и некоторых других людей и знает о запрете, а все равно лезет в воду?

Однажды Чик, придя на море, услышал, что в море на днях утонул человек. Несколько дней море штормило. Но Чик не придавал значения этому слуху, потому что мало ли что говорят. С детства он слышал про утонувших людей, но никогда не видел настоящего утопленника. Чик лежал на теплой гальке и отдыхал, когда услышал про это. Он поднял голову и увидел множество людей, сгрудив-

шихся у края пляжа и глядевших в море, все время показывая на что-то.

Многие люди спешили присоединиться к толпе, а некоторые даже бежали к ней, подгоняемые странной смесью любопытства и ужаса, что с человеком может случиться такое, и тайной радостью, что это случилось с каким-то другим человеком, а не с тобой.

Чик это понимал, потому что его самого охватило именно такое любопытство. Он подбежал к толпе, но, сколько ни вглядывался в море, ничего не мог разобрать, и все время ему хотелось думать, что все это выдумки, что ничего такого не может быть.

А между тем толпа, обрастая все новыми и новыми людьми, двигалась вдоль моря и все время показывала на какую-то точку, которая тоже двигалась в воде.

Чик долго никак не мог разглядеть эту точку. И он все время спрашивал у одной женщины, стоящей рядом с ним, а та ему все время показывала на эту точку, которая время от времени всплывала в воде и снова исчезала.

Наконец Чик в самом деле уловил эту точку, это пятно, обозначающее человека, но никакого сходства с человеком не имеющее.

Когда Чик разглядел это слегка розовеющее пятно, ему стало удивительно, что он его до сих пор не замечал. И потом, когда один мужчина подошел к Чику и стал строго спрашивать, почему другие видят утопленника, а он не видит, Чик сам стал ему показывать на это пятно, то исчезающее в мут-

ной воде, то снова на мгновение появляющееся. И этот человек тоже долго не мог поймать глазами это пятно, потому что мгновения, когда Чик показывал на пятно, хватало, чтобы оно исчезало под водой.

Оно, это страшное и таинственное пятно, приближалось к берегу наискосок, потому что так работало течение.

Вдруг появились на берегу два спасателя. Один из них — молодой, тонкий парень лет восемнадцати, другой — мужчина лет тридцати, геркулесовского сложения. Они подтащили к самой кромке прибоя лодку, дождались мгновения, когда к берегу шла сама маленькая волна, и потащили лодку прямо в пену прибоя. Геркулес вскочил в лодку и схватился за весла, а юный все толкал ее и, выскочив за линию прибоя, вскарабкался в лодку, и они поплыли прямо к этому пятну.

Когда они близко к нему подплыли, тот, что был помоложе, вынул со дна лодки веревку с петлей. То проваливаясь в ямину, то подымаясь на гребне волны, они несколько раз осторожно подходили к этому таинственному пятну, но словно не решались слишком близко к нему подойти. С берега казалось, что они боятся повредить утопленника, наехав на него лодкой. И это было странно. В конце концов спасатель, тот, что был помоложе, накинул на тело петлю, и, видно, удачно, потому что старший стал грести к берегу и веревка натянулась.

Они опять проскочили линию прибоя, и было видно мгновение, когда лодка почти висела в воздухе, держась на воде

только кормой, и весла беспомощно трепетнули в воздухе, а потом младший, не бросая веревку, выскочил из лодки, вслед за ним выскочил из лодки старший, и оба по пояс в белой пене прибоя тащили свой груз: младший тянул веревку, а старший — лодку.

И уже на берегу младший продолжал тянуть и тянуть веревку, а потом, обернувшись к какому-то парню в толпе, сказал:

— Помогай, чего стоишь?

И парень молча взялся за веревку, и Чик почувствовал, что это не случайный человек, и угадал в толпе прошелестевшие слова: «Его товарищ...» Чик с ужасом следил вместе с толпой, как тело человека, на мгновение скрывшись в буруне прибоя, было выволочено на берег и лежало сейчас в нескольких метрах от Чика.

То, что Чик увидел, потрясло его, как ничто в жизни не потрясало. Чик видел труп примерно двадцатилетнего юноши в красных трусиках с какими-то синими пятнами на теле и с побелевшими пальцами, изъеденными и размытыми морской волной. Такие изъеденные водой ладони бывают у женщин после долгих стирок, вспомнил Чик.

Но у женщин это почему-то не бывало страшно, а здесь было страшно. Было страшно все тело, местами изъеденное морской водой.

Чика пронзила мысль, хотя он этого до конца не осознал, его пронзила мысль о незащитности человека, его слишком большой телесной хрупкости.

Чик помнил, что в деревнях и в городе ему приходилось видеть мертвых животных, и эти животные гораздо дольше сохраняли сходство со своим живым обликом.

А здесь Чик видел почти разложившийся труп, который пробыл в воде всего, может, двое, может, трое суток.

И Чик ощутил тогда, хотя и не осознавал этого, но ощутил именно тогда очень важную для себя мысль.

Он подумал тогда: «Не может быть, чтобы человеческая жизнь вся уместилась в размеры этой жизни, случайно оборванной штормовым морем. Это было бы слишком жестоко и бессмысленно». Именно тогда, до конца не осознавая эту мысль, но с огромным тайным упрямством, Чик решил, что человеческая жизнь — это обязательно что-то большее, чем существование в пределах случайной или неслучайной смерти.

— Вот видите! — грубо крикнул молодой спасатель, глядя на толпу и показывая на труп. — Вот что с вами будет, если во время шторма вздумаете купаться...

Потом пришел милиционер, пришла машина «скорой помощи», толпа стала редеть, и Чик тоже ушел. Он ушел, стыдясь своих суетных вопросов, которые он задавал в толпе еще до того, как увидел труп. Он все хотел узнать, как именно погиб этот парень, но никто толком ничего не знал, да и дело, как понимал теперь Чик, было не в этом.

Он почувствовал, что море, которое он так любил, может быть жестоким и равнодушным, но все равно он его любил, как любят жизнь, зная, что она может быть и рав-

нодушной, и жестокой, и все-таки упрямо ожидая от нее чуда счастья.

После того как Евгения Александровна ушла к тетушке на кухню, Чик и дядя Коля остались, можно сказать, один на один. Как только они остались вдвоем, дядюшка сразу же уставился на Чика, чтобы выяснить, собирается его Чик дразнить или не собирается.

Именно под этим вопросительным выражением лица, пытающимся определить, собирается Чик дразнить его или нет, дядюшка каким-то образом настраивал Чика подразнить его даже тогда, когда сам Чик не думал об этом.

Чик у сейчас было не до дядюшки. Ведь он все еще никак не мог найти подходящий случай, чтобы попросить у тетушки разрешения идти на море. Должен же он наконец угадать такое ее настроение, когда она все на свете разрешает, лишь бы ее в эти минуты не беспокоили.

Сейчас Чик раскаивался, что не попросил у нее разрешения, когда она рассказывала о встрече с принцем Ольденбургским. Он боялся раньше времени рисковать, зная по опыту, что после принца она обязательно прихватит рассказ о персидском консуле, за которого она вышла замуж, потому что тот ей не давал проходу. Так она ему нравилась.

Это был гораздо более увлекательный рассказ, потому что тетушка на все подарки и знаки внимания отвечала персидскому консулу: «Нет!» В конце концов она ему сказала, что он рыжий, а ей не нравятся рыжие мужчины. И тогда пер-

сидский консул признался ей, что он на самом деле брюнет, а волосы и бородку красит в рыжий цвет, потому что в Персии очень редко встречаются рыжие и поэтому в персидских краях рыжий цвет высоко ценится.

И в самом деле вскоре персидский консул волосами на голове и бородкой почернел как ворон, и тетушка стала относиться к нему гораздо нежнее.

Но, оказывается, с персидского консула день и ночь не сводили глаз люди из ЧК. И они были сильно взволнованы тем, что рыжий персидский консул вдруг почернел. Они никак не могли понять, с какой целью он стал черным. Они предполагали, что он выполняет задание английской разведки, но почему он из рыжего стал черным, они никак не могли понять.

И тогда они вызвали тетушку и очень вежливо с ней говорили, прося дать разъяснения по этому вопросу. Тетушка сказала им то, что она знала. Она сказала им, что он сватается к ней, а она, как девушка, не выносящая рыжих мужчин, призналась ему в этом. В ответ на ее честное признание он признался, что до сих пор красил волосы, но если ей не нравятся рыжие мужчины, то он с удовольствием перестанет их красить.

Тогда человек из ЧК, который с ней говорил, сказал, что он удивляется ее наивности, и если она действительно уверена, что естественный цвет волос у консула черный, так пусть она им принесет несколько волосинок для анализа. Она это сделает, сказал ей человек из ЧК, если она, конечно, патриотка.

Тетушка очень удивилась такому предложению, но потом решила, что тут нет ничего страшного, потому что вертела персидским консулом как хотела.

Во время одной из встреч с персидским консулом она сказала ему, что хочет попробовать сделать ему более модную прическу. Персидский консул не только согласился, он был вне себя от радости. Тетушка вынула свой гребень из собственных волос и как бы шутя стала перечесывать персидского консула. Почувствовав руки тетушки у себя на голове, персидский консул был вне себя от блаженства. Он даже слегка заснул, пока тетушка вычесывала из его головы нужные для химического анализа волосинки.

Вычесанные из головы персидского консула волосы она отнесла в ЧК, и оттуда через некоторое время ей сообщили, что химический анализ волос показал, что они действительно крашены.

Тут тетушка сильно рассердилась на персидского консула и сказала ему, что он обманщик, что он и в самом деле рыжий человек, а только перекрасил свои волосы в черный цвет, чтобы угодить английской разведке и загубить ее цветущую молодость.

И тогда персидский консул пал на колени и заплакал, говоря, что волосы у него действительно крашены в черный цвет, но в действительности они никогда не были рыжими, а были черными, но он поседел согласно возрасту и не хотел перед ней, такой молодой, показаться старым.

Тут тетушка обрадовалась, говоря, что ей седые мужчины нравятся, подняла его с колен и вышла за него замуж, и вскоре они уехали в Персию.

Чик рассчитывал именно во время этого рассказа прервать тетку и попросить ее отпустить его на море, но он не знал, что тетушка его вздумает делать кофе по-турецки и скорее всего сейчас там, в кухне, рассказывает эту историю. Чик вздохнул и снова вспомнил о море.

В тот день Чик был на море с дядюшкой. Дядюшка сидел на конце причала и ловил рыбу своей безопасной для рыб, лишенной крючка, удочкой. Разве что найдется глупая рыбка, что тяпнет свинцовое грузило и проглотит его. Чик знал, наблюдая за дядюшкиными опытами, что настолько глупых рыб в Черном море не водится.

Метрах в пятидесяти от берега какой-то человек ловил рыбу с лодки. Чик довольно близко подплыл к этой лодке и следил, как этот человек ловит рыбу.

Чик знал этого человека немного, но тот его навряд ли знал. Этот человек жил рядом со спортплощадкой и вечно скандалил со спортсменами, когда к нему во двор залетал мяч. Он боялся, что мяч разобьет одно из окон его дома, но на памяти Чика ни разу окно не было разбито, а этот жилец приходил в необыкновенную ярость, если мяч падал близко от его дома.

Сейчас он ловил рыбу на закидушку. Одну снасть он держал в руке, а две другие, намотанные на бамбуковые прутики, свисали за бортом. Сами бамбуковые прутики были воткну-

ты в борт лодки. Если рыба начинала клевать, бамбуковые прутики слегка прогибались, и рыбак брался за шнуры, привязанные к бамбуковому пруту.

Два раза при Чике рыбак снял рыбу со своей закидушки и с той, которая была привязана к бамбуковому пруту. Первый раз это была розовая барабулька, во второй раз великолепный серебряный ласкирь величиной с мужскую ладонь. Без особых и даже без всяких признаков радости рыбак оба раза снял рыбу с крючка, бросил ее на дно лодки и снова наживил крючки.

Чик следил за ним метрах в десяти от лодки, чтобы не мешать ему рыбачить и в то же время все видеть самому.

Рыбак это время от времени смотрел в сторону берега, словно ждал кого-то, с кем договорился рыбачить, а тот все не приходил.

Потом Чик догадался, что рыбак этот следит за его дя-дюшкой.

— Хочешь заработать миллион? — вдруг спросил он у Чика.

Чик улыбнулся из воды, показывая, что он понимает, что человек шутит.

— Серьезно говорю, — без всякой шутки отвечал ему рыбак и, наживив крючки на закидушки, бросил за борт снасти, — если только ответишь на один вопрос.

Он сделал движение, как будто отсчитывал Чику бесконечные деньги.

— Какой вопрос? — заинтересовался Чик и как бы на правах заинтересованного человека подплыл к лодке. Чику ужасно хотелось попроситься в лодку порыбачить.

— И что делает этот человек на причале? — кивнул рыбак, явно имея в виду дядю Чика. — Наживки не вижу, рыбы не вижу и крючки то же самое. — Он загнул три пальца и посмотрел на Чика, как бы предлагая ему решить уравнение с тремя неизвестными.

— Это мой дядя, — сказал Чик, — он просто так развлекается.

— Как — просто так? — удивился рыбак. — Он что, малахольный?

— Немножко, — сказал Чик.

— Тогда совсем другое дело, — сказал рыбак и, пальцем поддев шнуры на обеих закидушках, намотанных на бамбуковые прутики, попробовал, нет ли клева. — Почему сразу не сказал... Я думал, шпион какой-то...

«Когда, интересно, я мог ему сразу сказать?» — подумал Чик.

— Дядя, — сказал Чик, — можно мне с вами порыбачить?

Человек посмотрел на Чика, стараясь, как показалось Чик, найти в его облике черты опасной родственности с дядей.

— А залезть можешь? — спросил рыбак.

— Смогу, — сказал Чик и осторожно подплыл к корме. Чик ухватился за корму и, изо всех сил выпрыгнув из воды, сумел перевесить себя в лодку и вползти в нее.

Хозяин лодки снял с бамбукового прутика одну из закидушек и передал Чик. У него были густые черные усы и то горделивое выражение лица, какое бывает у очень глупых людей восточного происхождения.

— Если будет клевать, сразу не дергай, — сказал он Чику с таким видом, словно Чик только что дал слово сразу дернуть за шнур при первой же поклевке... — Сразу не дергай, — снова повторил он ворчливо и вдруг добавил: — А дядя твой кушает нормально?

— Да, нормально, — ответил Чик, — только у него аппетит больше, чем у нас.

— Ты смотри, — удивился рыбак, — значит, все кушает, что мы кушаем?!

— Да, — сказал Чик, — все...

Чик давно заметил, что глуповатые люди довольно подробно с большим удовольствием интересуются жизнью дяди. По наблюдениям Чика, им приятно убедиться лишний раз в достаточно значительном расстоянии между умом дяди и их собственным умом.

— Я, например, — сказал хозяин лодки, — когда кушаю дынь, чихаю иногда до двадцати раз...

Чик косвенно польстил ему, сказав, что дядя с удовольствием ест арбузы и дыни и при этом никогда не чихает.

Хозяин лодки спрашивал подробности о жизни дяди. Чик ему отвечал, не переставая прислушиваться к своей леске. Сначала, когда он начал говорить с хозяином лодки, у него вроде несколько раз клюнуло, но он выдержал характер и не стал дергать шнур. Потом у Чика перестало клевать, а хозяин лодки все расспрашивал про дядю, а сам за это время вытащил одну колючку и одну барабульку. Чику стало обидно.

— У меня что-то совсем не клюет, — сказал Чик с обидой в голосе.

— У тебя, наверное, уже склевала, — сказал хозяин и, прислушавшись к собственному шнуру, подсек рыбу, — по-моему, барабулька будет...

В самом деле он вытащил барабульку, снял ее с крючка и, продолжая держать ее в руке, поднес к лицу.

— Минэ все интересует, — сказал он, — вот я смотрю на рыбу и думаю: это рыба барабулька. Но минэ интересует, что она думает, когда смотрит на минэ...

Он бросил барабульку на дно лодки, где та, потрепетав, затихла. Чик вытащил свой шнур и в самом деле убедился, что крючки на обоих поводках пустые.

Чик никогда в жизни по-настоящему не рыбачил, но он постарался скрыть это от хозяина лодки.

Хозяин лодки наживлял ему крючки, и Чик жадно вглядывался, как тот берет в руки креветку и, начиная с хвоста, продевает ее всю в крючок, иногда отламывая головку, иногда оставляя.

Чик спросил у него, почему он так делает, хозяин ответил, что рыба боится креветок с длинными усами и потому таким креветкам он отламывает голову. Чик обратил внимание на то, что у хозяина лодки тоже были большие усы.

Чик закинул свой шнур, и, когда грузило легло на дно, он сразу почувствовал удар какой-то рыбы. Чик замер в ожидании нового удара. Через минуту он почувствовал сдвоенный удар и подсек какую-то рыбу. Чик стал вытаскивать

шнур и, чувствуя пальцами тяжесть живой, упирающейся рыбы, испытал настоящее счастье.

— Главное — не давай слабину, — сказал хозяин, радуясь за Чика, и внезапно сам подсек рыбу и стал тянуть ее вверх.

Чик, наклонившись к воде, увидел, как в глубине проблеснула его рыба и блеск ее становился все ярче и ярче, а хозяин тоже поймал рыбу, и почти одновременно они вытащили свой улов. Чик держал большого, дрожащего и бьющегося в руке ласкиря, а хозяин, поймавший барабульку, показывал Чикю, как надо действовать, когда рыба поймана.

Хозяин лодки вытащил изо рта рыбы крючок, причем сделал это так ловко, что наживка так и осталась на крючке. После этого он демонстративно бросил рыбу на дно и так же демонстративно бросил леску за борт.

Чик вытащил крючок изо рта своего ласкиря и, стараясь действовать в ритме, который продемонстрировал ему хозяин, бросил конец своей закидушки на дно лодки, а великолепного, бьющегося, большого, плоского ласкиря бросил в море.

Рыба влетела в воду как бы с радостным вскриком: «Иди-от!» Чик почувствовал невероятную горечь потери.

— Ты от своего дяди далеко не ушел, — сказал хозяин лодки, — ты разве не понял минэ?

— У меня как-то нечаянно получилось, — сказал Чик, чуть не плача.

— Ничего, — утешил его хозяин, — бывает... Я, например, когда кушаю дынь, до двадцати раз могу чихать. Ни один дох-

тур, ни один профессор нэ может сказать, почему это получается. И в Тифлисе, и в Баку я спрашивал у профессоров, почему так получается. Никто ничего не может сказать. Не надо, говорят, кушать дынь, не будешь чихать. Это я и без профессоров знаю. Ты минэ скажи, почему чих получается и почему до двадцати раз иногда чихаю, а больше двадцати раз никогда не получается...

Чик никак не мог понять и даже решительно отказывался понимать, какое отношение имеет так глупо упущенный им ласкирь к чиханию хозяина лодки.

Через некоторое время хозяин, увидев чайку, севшую на воду недалеко от лодки, сказал:

— На воде сидит птичка под названием чайка. Это я думаю про нее, но что она про минэ думает, вот что минэ интересно...

Несмотря на странные разговоры хозяина лодки, рыбалка получилась прекрасная. Чик поймал три барабульки, двух ласкирей, шесть колючек и одну морскую иглу, серебристую длинную рыбу с клювом водоплавающей птицы.

Чик сделал себе небольшой кукан из кусочка лески и продел в нее всю свою добычу.

Хозяин подвез его к причалу и на прощанье сказал:

— Видишь, во-он там гора?

Чик посмотрел, куда тот показывал, и увидел конусообразную вершину далекой-предалекой горы.

— Минэ интересно, что есть за этой горой. Тысячи рублей не жалко, если кто-нибудь скажет, что есть за этой горой.

Пока Чик сходил с лодки и объяснял дяде, что пора сматывать удочки, возле лодки столпились отдыхающие и рассматривали улов хозяина лодки. Особенно удивлялись люди морской игле, а хозяин лодки охотно объяснял названия и повадки различных рыб.

Когда дядюшка сматал удочки и они уходили с причала, Чик напоследок слышал голос хозяина лодки:

— Я, например, когда кушаю дынь, до двадцати раз чи-хаю... Минэ интересно...

Кажется, переосторожничал, подумал Чик, возвращаясь к действительности. И так как дядюшка продолжал смотреть на него в ожидании подвоха, Чик машинально скатал крошку хлеба и вяло махнул рукой, сделав вид, что кидает в него этот катыш.

Дядюшка мгновенно затвердел всем телом, уставился на Чика зелеными глазами и даже подался немного вперед, показывая готовность дать отпор любым проискам Чика.

И тут Чика осенило! Надо подразнить дядю, чтобы он начал бузить, как это бывало раньше, и тогда тетушка может отпустить его на море, попросив Чика пойти с ним как разумную сопровождающую силу!

Чик набрал полные легкие воздухом и, напрягая лицо, как если бы надувал футбольный мяч, подул в сторону дядюшки. Между ними было около четырех метров, и навряд ли дуновение Чика достигало дяди Коли, но тот сразу же принял меры срочной санитарной обороны.

— Дурачок, — сказал дядюшка и быстро перевернул свою кружку, из которой он обычно пил чай, чтобы воздух, испорченный пребыванием внутри Чика, не коснулся этой священной посуды. Из тех же санитарных соображений после этого он ладонью прикрыл лицо, но так, чтобы и лицо было защищено и он мог продолжать следить за Чиком.

Чик с новой силой набрал воздух в легкие и снова подул на дядю. Чик дул в него, как дуют в костер, чтобы он разгорелся. Сейчас Чик старательно раздувал в нем пламя безумия.

— Дурачок, с ума сошел! — крикнул дядя.

— Чик, что там еще?! — спросила тетушка с кухни, где она варила кофе и откуда Чика не было видно.

— Не знаю, — ответил Чик, продолжая глядеть на дядю, — он ко мне придирается. — Говоря это, Чик пожал плечами.

Дядюшка не столько понял его слова, сколько понял пожатие плеч как выражение полной неосведомленности Чика причиной дядюшкиного гнева. Чик знал, что это его еще больше разозлит.

— Дурачок, дразнит, дразнит! — закричал дядя, обернувшись в сторону кухни. Потом он быстро повернулся к Чику, чтобы не пропустить мгновенья, когда Чик снова будет его дразнить.

Чик услышал тетушкины шаги. По мягкому звуку шагов было понятно, что она несет полный джезвей кофе.

Чик, не спуская глаз с дядюшки, тяжело вздохнул и снова направил струю воздуха в сторону дяди. И теперь формально

можно было сказать, что Чик и сейчас и раньше только тяжело вздыхал, а не дразнил дядю. И дядя эту его новую уловку хорошо понял, и это вызвало новый прилив его гнева.

— В чем дело? — спросила тетушка и, продолжая держать в одной руке дымящийся, источающий аромат свежесваренного кофе джезвей, другой приподняла две кофейные чашечки, стоявшие на столике дяди, переставила их на общий стол и разлила в них кофе. Сначала понемногу в обе чашечки, чтобы каймак разделился поровну, а потом остальное.

Струя кофе из джезвея выливалась замедленно и маслянисто, и было видно, что кофе очень густой. Чик не любил такой кофе, но смотреть на эту густую, маслянистую струю было приятно.

Разлив кофе, тетушка уселась на свое место, а Евгению Александровну усадила на ее. Гостя сидела спиной к дяде Коле, и это теперь приводило ее к некоторому беспокойству, хотя она из приличия старалась делать вид, что совершенно спокойна за свой затылок.

— Ну, в чем дело? — несколько раздраженно спросила тетушка, уловив во взгляде дядюшки ожидание справедливого наказания Чика.

На этот раз она свой вопрос сопроводила нетерпеливым жестом руки, заранее признающим вздорными все его претензии. Жест ее дядюшке явно не понравился.

— Воздух кидает в Колю! — отвечал дядюшка гневно и потряс ладонью, повторяя тетушкин жест, на этот раз оз-

начающий, что вздорность претензий свойственна не ему, а скорее ей.

Тетушка посмотрела на Чика.

— Я только вздохнул, — сказал Чик, — а ему показалось, что я дышу на него.

— Совсем спятил? — спросила тетушка и, чтобы он ее лучше понял, слегка посверлила указательным пальцем свой висок.

Тут тетушка допустила ошибку. Видно, она была слишком увлечена своей беседой с Евгенией Александровной и хотела побыстрее отделаться от этого маленького недоразумения. Кроме того, она хотела показать новому человеку, что она всегда контролирует положение и сумасшествие дяди скорее забавно, чем опасно.

Оскорбительность предположения, что он спятил, окончательно вывела дядюшку из себя. Он вскочил со стула, подошел к столу, за которым сидела тетушка, и, низко наклонившись в ее сторону, спросил с гневным удивлением:

— Я спятил?!

Он спросил это отчасти как бы не веря своим ушам, тем более что он был глуховат.

— Да, ты, — спокойно ответила тетушка, положив горящую папиросу в пепельницу и прихлебывая кофе.

Всем своим поведением она показывала Евгении Александровне, что ей незачем волноваться, что все это сущие пустяки. Евгения Александровна слегка побледнела, когда дядюшка вскочил с места и подошел к их столу.

— Это ты спятила!!! — крикнул дядюшка и погрозил тетушке пальцем. На Чика он взглянул с еще большим укором и, погрозив ему пальцем, добавил с не меньшей убежденностью: — Это он спятил!!!

Потом он посмотрел на Евгению Александровну с выражением гневного укора, но и с желанием разобраться, на чьей она стороне. Видимо, не определив этого, он отвернулся от нее, и по выражению его лица можно было понять, что он оставляет за собой право высказаться об этой малознакомой женщине несколько позже, когда прояснятся ее позиции.

Под взглядом дядюшки Евгения Александровна побледнела еще заметней.

— Кажется, он бузить начинает, — сказала тетушка, глубоко вздохнув и теперь входя в роль угнетенной женщины, вынужденной во цвете лет быть сиделкой при тяжело больном брате. — Господи, за что такое наказание?!

— Как бы дверь не начал кромсать, — добавил Чик, вспоминая об одном из ближайших этапов нарастания дядюшкиного гнева.

В самом деле, в таких случаях, если гнев его ничем не погасить, он начинал со страшной силой хлопать какой-нибудь из дверей, так что известка с потолка сыпалась на пол.

Дядюшка продолжал смотреть на тетю, ожидая от нее последней искры, не хватающей ему для сокрушительного взрыва. Когда Чик сказал про дверь, Евгения Александровна беспокойно забегала глазами. Тетушка ничего не ответила, а только скорбно вздохнула, поникнув головой.

— Сегодня жарко, — как бы объясняя дядюшкино состояние, напомнил Чик.

— Ах, да! — ожила тетушка и хлопнула себя по лбу. — Я же совсем забыла... Чик, я тебя очень прошу, сходи с ним на море..

— Хорошо, — сказал Чик, стараясь ничем не выдавать своей радости.

Дядюшка не меньше Чика любил море. Но без взрослых его отпускали только в очень жаркие дни с Чиком. В жаркие дни на него что-то находило или считалось, что может найти, а море действовало на него успокаивающе.

— Море, — сказала тетушка веско, словно щелкнула ножницами, перерезавшими тлеющий бикфордов шнур.

— Море?! — переспросил дядя, как бы не веря своим ушам. Теперь голос у него был почти дружелюбный.

— Да, море, — повторила тетушка, снова зажигая недокурную папиросу и показывая Евгении Александровне, что заминка была совершенно случайной и она, тетушка, как всегда, полностью контролирует положение. — Можешь взять, — добавила тетушка, видя, что Чик снова принялся отгонять мух от персика.

Чик осторожно взял персик, надкусил его сочащуюся нежную плоть и, прежде чем оторваться от надкуса, всосал в рот излишки сока, чтобы он не пропал.

— Море, море, — радостно забормотал дядюшка и, уже так же радостно обращаясь к Евгении Александровне, стал объяснять ей поступок Чика, окрашивая его в юмористические тона.

— Мальчик фу, фу! — показывая, что Чик дул в его сторону, объяснил дядюшка, похохатывая над глупым чудачеством Чика. — Мальчик дурачок...

Дядюшка пошел в залу за своей удочкой, которая стояла возле его кровати.

— Так на чем я остановилась? — спросила тетушка, прихлебывая уже остывший кофе.

— Вы говорили, что к вам стал свататься персидский консул...

— Да, консул, — подтвердила тетушка, — он проходу не давал ни мне, ни моему отцу...

Через пять минут Чик спускался по лестнице вместе с дядей Колей, у которого за плечом торчала вполне оснащенная удочка, если не считать такой маленькой детали, что на конце лески не было крючка.

— Разрешила? — хором спросили ребята, видя Чика, спускающегося по лестнице вместе с дядей.

— Разрешила, — ответил Чик и добавил: — Только дядю надо будет напоить водой с сиропом...

Чик все-таки чувствовал некоторые угрызения совести за то, что он добился разрешения таким коварным способом.

— Конечно, — согласился Оник, понимая, что финансовое бремя, как обычно, ляжет на него.

— С двойным сиропом, — жестко добавил Чик.

— Конечно, — снова подтвердил Оник. Ведь недаром он был не кем-нибудь, а сыном Богатого Портного.

животные в городе

Из деревни приехал дедушка с коровой и теленком. Корова эта была записана на имя тетушки, хотя, в сущности, принадлежала дедушке. Но она была записана на тетушку, и деревенское начальство решило, что корову надо отдать тому, на кого она записана. Вот дедушка и пригнал корову вместе с теленком.

Чик сначала на корову и ее теленка не обратил внимания. Внимание его целиком было поглощено лошадей дедушки. Дедушка приехал верхом на лошади, корову вел на веревке, а теленок сам шел за коровой. Дедушка загнал корову вместе с теленком в сарай, лошадь привязал к забору, а сам ушел на базар, помахивая камчой.

Чик подошел к лошади. Она была рыжая. От нее пахло приятным запахом пота и кожей седла. Лошадь искоса смотрела на Чика и клала удилами. Когда Чик приблизился к лошади, он почувствовал волнение. Точно такое же волнение он испытывал, когда приближался к морю. Чик очень удивился похожему этому волнению на то, потому что лошадь ничем не напоминала море. Может быть, дело было в том, что запах ее напоминал запах моря?

Чик осторожно скинул поводья со штакетника и вывел лошадь на улицу. Лошадь послушно шла за ним. Чик остановил лошадь, закинул поводья к седлу и, задрвав ногу, попытался вставить ее в стремя. Задирать ногу было ужасно трудно, но

Чик все-таки добрался ногой до стремени. Но когда он попытался оттолкнуться второй ногой от земли, чтобы взобраться на седло, лошадь повернула голову и попыталась укусить его за задранную ногу. Чик ее быстро убрал, и тогда лошадь отвернула голову.

Чик снова задрал ногу и попытался оттолкнуться от земли другой ногой, но лошадь опять повернула голову и хотела укусить его. Чик опять быстро убрал ногу. Чик сильно разволновался. Он никак не мог понять: в самом деле она пытается его укусить или только делает вид? Чик решил перехитрить лошадь. Он так натянул поводья, чтобы она повернула голову в противоположную сторону. Тогда он снова вставил ногу в стремя и снова попытался оттолкнуться от земли, но тут лошадь, обо всем догадавшись, опять повернула к нему голову и попыталась дотянуться до его ноги. Чик снова убрал ногу. Он даже вспотел от волнения. На него уже посматривали прохожие и соседи, те, что стояли на улице или сидели на ступеньках своего крыльца.

В деревне он часто видел, как всадники садятся на лошадь и она точно так же поворачивала голову, чтобы схватить их за ногу, но они успевали вскочить в седло, и лошадь, не дотянувшись до ноги, отворачивалась, и послушно шла в ту сторону, куда направлял ее всадник.

И Чик решил рискнуть. Он подумал, что в крайнем случае ей не так-то легко будет прокусить его сандалию. Он снова приподнял ногу, вставил ее в стремя и, не обращая внимания

на голову лошади, изо всех сил оттолкнулся другой ногой. Он упал грудью на седло и, как ему показалось, невероятно долго докарабкивался до него, так что лошадь за это время могла бы откусить ему ногу. Но она не откусила ему ногу, и он успел перебросить через седло вторую ногу и, усевшись, вдел ее в стремя.

Радость победы пронзила Чика. В деревне он уже несколько раз садился на оседланную и неоседланную лошадь. Но тогда его обязательно кто-нибудь подсаживал и закрывал от лошадиной головы. А тут он сам сел, и лошадь его не укусила. Теперь Чик подумал, что она умница, что она и не собиралась его кусать, но ей надо было испытать, трус он или нет. А раз уж он сел, она пошла, повинувшись поводьям.

Чик шагом доехал до следующего квартала, натянул поводья, и лошадь послушно стала. Потом он потянул один повод, и лошадь послушно повернулась. Чик слегка ударял ее ногой в живот, и она пошла. Но Чик хотел, чтобы она перешла на рысь. Но лошадь его не понимала или делала вид, что не понимает. Чик несколько раз ударял ее ногой в живот (он знал, что это не больно), а она упрямо продолжала идти шагом. Она как бы ему говорила: «Чего ты меня лупишь, я и так иду».

Чик еще несколько раз ударил ее ногой, но она продолжала идти шагом. Тогда Чик крепче ударил ее, и она, словно догадавшись о его желании: «Ах, ты хочешь, чтобы я пошла рысцой? Так бы и сказал», — затрусила.

Чик почувствовал, как затряслась его голова, затряслась грудь, затрясся живот, и даже почувствовал, что внутри живота затряслась селезенка. По правде сказать, трястись на лошади было не особенно приятно, но Чик понимал, что со стороны это должно выглядеть великолепно.

Трясясь, он видел, что некоторые ребята из соседних дворов стоят у калиток и следят за ним. С его собственного двора вышел Оник с велосипедом, за ним Ника, Сонька и Лёсик.

— Чик, где взял лошадь? Чик, дай сделать круг! — кричали соседские ребята, когда он проезжал мимо.

— Чик, покатай! — крикнула Сонька и запрыгала на месте, когда он поравнялся с ними.

Оник вскочил на свой велосипед и сопровождал Чика до самого конца квартала.

— Чик, а быстрее можешь? — спросил Оник.

— Конечно, могу, — сказал Чик. Ему самому порядочно надоело трястись рысцой. Ему хотелось попробовать галопом.

На углу он повернул лошадь, ударил ее несколько раз ногой, но она как тряслась рысцой, так и продолжала. Тогда Чик въехал на тротуар, подъехал к молодой шелковице, росшей у забора, протянул руку и выломал небольшую ветку. Он очистил ее от листьев и взмахнул хлыстом. Еще когда он только стал выламывать ветку, Чик почувствовал, что лошадь под ним подобралась и уши у нее стали торчком. Он почувствовал, что она изменила к нему отношение. Он почувствовал, что она теперь внимательно следит за его хлыстом.

Он не очень сильно ударил ее хлыстом, и она пошла рысью. Тогда он резко взмахнул хлыстом и не успел ее ударить, как почувствовал, что его перестало трясти, что могучая сила подхватила его и понесла. Лошадь пошла галопом. Рядом мелькнул школьный двор, школьный сторож старик Габуня, притаившийся в кустах в ожидании разорителей школьного сада, мелькнули ребята, стоявшие в калитке их дома, соседские ребята у соседских калиток, мелькали прохожие, и все время, не отставая от лошади, рядом летел Оник на своём велосипеде. Оник раздражал Чика, потому что Чик боялся, что он попадет под копыта разгоряченной лошади. К тому же Чику хотелось, чтобы Оник отставал от мчащейся галопом лошади, а тот упрямо не отставал.

Проехав квартал, Чик с трудом изо всех сил натянул поводья и, остановив лошадь, повернул ее назад. Выезжать из своего квартала он не решался.

Он снова пустил лошадь галопом и снова почувствовал ровное и сильное качание, почувствовал, как душа его от страха и наслаждения опускается куда-то в живот, а встречный воздух режет глаза и набивается в рот. Да, мчаться галопом — это совсем не то что трястись рысцой!

Доехав до конца квартала, он опять изо всех сил натянул поводья и с большим трудом остановил лошадь. Чик почувствовал приятную усталость. «Пожалуй, хватит», — подумал Чик. Теперь он повернул лошадь и шагом доехал до своего дома. Он остановил лошадь, бросил поводья, вынул ноги

из стремян и слез с лошади. Когда он спрыгнул с нее, он почувствовал надежную твердость земли, по ней было непривычно приятно ходить.

Теперь надо было угостить лошадью своих товарищей по двору. Первым он допустил до лошади Оника, предупредив его, что лошадь может его укусить, но он будет удерживать ее голову, коротко взяв поводья. Со свойственной ему ловкостью Оник легко вскочил в седло. Чик сел на его велосипед и поехал рядом.

— Оник, упадешь — убью! — крикнул отец Оника, Богатый Портной, работавший на балконе и хорошо видевший оттуда улицу.

Чик ехал рядом с Оником на его велосипеде и время от времени давал ему указания. Оник хотел попробовать пойти галопом, но Чик ему не разрешил ввиду близости его грозного отца. Проехав квартал сначала шагом, потом рысью, Оник вернулся к дому и слез с лошади.

Потом катались девчонки, и Чик вместе с Оником подсаживал их на лошадь. Чик с удовольствием следил, как Ника красиво трясется на лошади, идущей рысцой, а Сонька рысцой идти не захотела, но и она довольно хорошо сидела в седле.

Теперь очередь была за Лёсиком. Лёсик был инвалидом от рождения, руки и ноги плохо слушались его. Он, конечно, и не мечтал покататься на лошади, но именно поэтому Чику очень хотелось, чтобы Лёсик испытал это удовольствие.

Чик попросил девочек подержать лошадь под уздцы, а сам вместе с Оником стал громоздить Лёсика на седло. Оник поддерживал Лёсика, а Чик, приподняв его непослушную ногу, вдвёл ее в стремя. Потом Чик подсел под Лёсика, а они вместе с Оником положили его животом на седло. Неумелое тело Лёсика оказалось ужасно тяжелым, и у Чика от напряжения дрожали ноги, и глаза, казалось, выскочат из глазниц. К тому же, когда они громоздили его, лошадь сделала шаг, и Чик чуть не рухнул под телом Лёсика. Он с трудом удержался и, когда они положили Лёсика на седло, выпрямился. Теперь надо было так передвинуть его тело, чтобы он оказался верхом на лошади. Чик велел Онику перейти на другую сторону и там поддерживать Лёсика, чтобы он не рухнул туда, а сам, приподняв его ногу, стал осторожно перекидывать ее через седло. И вот Лёсик оказался в седле.

Все это время Лёсик ужасно сопел и изо всех сил старался облегчить свое тело. Оказавшись в седле и вдвев вторую ногу в стремя, он облегченно вздохнул, заулыбался, и было видно, что он доволен и совсем не боится.

— Держись руками за луку! — сказал ему Чик и, взяв лошадь за поводья, повел ее.

Неумело растопырив ноги в стремях, держась обеими руками за переднюю луку, Лёсик, смущенно улыбаясь, сидел в седле.

— Лёсик на лошади! Лёсик на лошади! — кричали соседские ребята и громко смеялись, но Чик, не обращая внимания на их смех, осторожно вел лошадь. Лёсик, покачиваясь, сидел в седле, продолжая смущенно улыбаться. Чик чувствовал,

до чего Лёсику приятно ехать верхом, и ему самому от этого было приятно.

Дойдя до угла, Чик осторожно повернул лошадь и сказал Лёсику:

— Хочешь, дам поводья?

Это было опасно, но Чик чувствовал, что Лёсик совсем-совсем будет счастлив, если он даст ему поводья и Лёсик сам поведет лошадь.

— Да, — сказал Лёсик и еще шире улыбнулся своей смущенной улыбкой.

Чик завел поводья за голову лошади и дал их в руки Лёсику. Лёсик неумело ухватился за них.

— Прижимайся ногами к животу, — сказал Чик.

Лёсик прижался ногами к животу лошади, но все равно ноги у него как-то неловко висели и неумело торчали в стременах. Лошадь стояла.

— Ударь ногой! — сказал Чик.

Лёсик ударил сильнее, но лошадь продолжала стоять. Она чувствовала бессилие Лёсика. Чик сбоку подошел к лошади и, думая, как бы она не понесла, ладонью шлепнул ее по ляжке. Лошадь пошла. Чик шел сзади, все время следя за телом Лёсика, боясь, что он не сумеет удержать равновесие и сверзится. Лёсик, пыхтя, сидел на лошади и довольно сносно держался.

Вдруг впереди появилась машина, и Чик сильно испугался. Он не знал, что делать. Лошадь шла посреди дороги, и Чик не знал, чего ожидать: то ли она понесет, то ли

она прыгнет в сторону и Лёсик рухнет, то ли машина наедет на них.

— Поворачивай! — крикнул Чик, когда машина была совсем близко, и Чику захотелось закрыть глаза, чтобы ничего не видеть.

В последние мгновения лошадь сама сделала несколько шагов в сторону, и машина, подняв столб пыли, проехала мимо.

Когда пыль улеглась, Чик увидел, что лошадь идет себе по краю улицы, а Лёсик сидит в седле как ни в чем не бывало. «Какая же она умница, — подумал Чик, — какой же молодец Лесик, что не растерялся!»

Когда лошадь поравнялась с их домом, Чик забежал вперед, чтобы остановить ее, но Лёсик потянул поводья и остановил ее сам. Он сидел в седле, смущенно и горделиво улыбаясь, и вся улица смотрела на него. Чик велел девочкам держать лошадь под уздцы, а сам вместе с Оником помог Лёсику слезть с лошади. Успех окрылил Лёсика, и тело его сделалось гораздо более послушным, и Чику с Оником было намного легче спускать его с лошади, чем громоздить на нее.

После Лёсика ребята с других дворов стали проситься на лошадь, но Чик сказал, что лошадь устала, надо сделать перерыв и попастьи ее. На противоположной стороне улицы была крошечная лужайка, где росла довольно густая трава. Чик повел туда лошадь, и она с хрустом, не обращая внимания на удила, стала рвать траву и есть. Все хотели держать лошадь за поводья, пока она пасется, но Чик раз-

решил держать ее одному из мальчиков, который еще не катался.

Впрочем, больше никому не удалось покататься на лошади, потому что пришел хорошо известный на этой улице драчун и заводила по прозвищу Кабан. Это был очень здоровый восемнадцатилетний парень, и на улице Чика никто не смел ему прекословить.

— Чья кляча? — спросил он, останавливаясь напротив ребят и лениво оглядывая лошадь. Руки он держал за поясом.

— Это к Чика дедушка приехал, — сказал Оник.

— Он корову привез с теленком, — пояснила Сонька, словно пытаясь своим пояснением избавиться от Кабана. Но избавиться от него было невозможно.

— Попробуем, что за штучка, — сказал Кабан и, подойдя к мальчику, державшему поводья, взял их у него.

Он вывел лошадь на улицу. Ему и в голову не приходило, что надо бы попросить разрешения у Чика. Чика было неприятно, что он назвал дедушкину лошадь клячей, и было неприятно, что он собирается на ней кататься, но помешать ему было невозможно. Кабан делал все, что хотел, и никогда ни у кого не спрашивал разрешения.

Чик надеялся, что лошадь его укусит, но Кабан, приподняв свою толстую ногу, сунул ее в стремя, оттолкнулся от земли и грузно уселся в седло. Лошадь даже не повернула голову. Чика показалось, что она прогнулась под тяжестью Кабана.

Кабан шагом проехал до конца квартала. Чик очень боялся, что поедет куда-нибудь дальше, но Кабан завернул лошадь и поехал назад. Грузно трясясь на лошади, он рысцой проехал мимо них и доехал до конца квартала. Чик опять испугался, что он куда-нибудь уедет, но Кабан и тут завернул лошадь и шагом поехал назад. Чику показалось, что ему надоело кататься и он сейчас слезет с лошади. От этого Чика охватила тайная радость. Он подумал, что, кажется, все кончится мирно.

Кабан доехал до них, и по его ленивой посадке Чику показалось, что он собирается слезть с лошади. Но Чик ошибся. Кабану и в самом деле надоело просто так кататься, и он, вынув ноги из стремян, перевернул свое тяжелое тело и уселся на лошади задом наперед.

Все стали смеяться, а Кабан погнал лошадь, и она пошла. Поводья ее волочились по земле, и она шла с нелепо повернувшимся к хвосту всадником. Чик почувствовал ужасное унижение за лошадь и за дедушку. О, если б она сейчас взбрыкнула и сбросила его с седла! Но лошадь спокойно шла, ничем не угрожая унижающему ее всаднику. Неужели она этого не понимает?

Как же он ее повернет на углу, думал Чик, надеясь, что во время попытки повернуть ее, лошадь что-нибудь сделает с этим хулиганом. Доехав до угла, Кабан попытался повернуться и дотянуться до поводьев, но не сумел дотянуться и слез с лошади. Он повернул ее назад и сел нормально верхом. Чик облегченно вздохнул, но, когда ло-

шадь пошла, Кабан снова повернулся в седле и сел задом наперед. Теперь он подъезжал задом наперед, иногда с улыбкой оглядываясь, и многие взрослые смеялись его выходке и кричали:

— Вот Кабан дает!

Чик у горько было слышать этот подхалимский смех. Он чувствовал, что они смеются не столько оттого, что им смешно, сколько для того, чтобы угодить Кабану.

Поравнявшись с ними, Кабан вдруг наклонился и, схватив лошадь за хвост, потянул его наверх. Теперь он двумя руками держал за кончик нелепо вскинутый лошадиный хвост, и лошадь, окончательно униженная, шла с обнаженным задом и не пыталась сбросить и растоптать своего угнетателя.

Чик чувствовал себя раздавленным подлым унижением, которому Кабан подвергал дедушкину лошадь. Мучительный ком сдерживаемого возмущения стоял в горле Чика, и он его слглатывал судорожными глотками, потому что ясно осознавал свое бессилие. Он мог бы на коленях умолять его не издеваться над лошадью, но это только еще сильнее унизило бы Чика, а Кабан все равно бы не послушался.

— Чик, вон дедушка твой идет! — крикнула Сонька с таким отчаянием в голосе, что Чик мгновенно уловил: она чувствует все, что он сейчас переживает.

Чик посмотрел в ту сторону, куда она показывала, и увидел дедушку, который шел, помахивая камчой, на-

встречу своей лошади. Что же сейчас будет, подумал Чик, предчувствуя что-то неслыханное. Чик понимал, что дедушка не вынесет унижения своей лошади, но что может сделать маленький, хотя и жилистый дедушка против могучего Кабана?

Дедушка уже заметил свою лошадь и заметил задом наперед сидящего на ней всадника. Он только не видел, что тот еще держит ее за хвост.

Не спуская глаз со своей лошади и еще, видимо, до конца не поняв, что делает над ней этот человек, сидящий задом наперед, дедушка приближался. В походке его появилась какая-то воинственная вкрадчивость. Казалось, он боится вспугнуть дичь и, сам удивляясь ей, идет на нее. В нескольких шагах от лошади он остановился. В правой руке он держал приподнятую камчу.

Но Кабан, сидевший на лошади задом наперед, его не видел.

— Клянусь Аллахом, — воскликнул дедушка по-абхазски, словно осознав смысл происходящего, — этот человек глумится над моей лошадью!

В следующее мгновение он схватил лошадь под уздцы. Лошадь остановилась, и Кабан, не понимая, в чем дело, повернул голову.

— Слезь! — крикнул дедушка по-абхазски, но по движению камчи в его руке можно было понять, что он имеет в виду.

В ответ Кабан только рассмеялся, и теперь дедушка заметил, что тот сжимает в руках кончик хвоста его лошади.

— Брось хвост моей лошади! — крикнул дедушка по-абхазски и, не дожидаясь, пока тот станет бросать хвост лошади, сам схватил хвост лошади и дернул его вниз. Но Кабан, смеясь, смотрел вниз на дедушку и продолжал сжимать в руках кончик хвоста. Огромный Кабан на лошади выглядел как памятник перед маленьким дедушкой. Чик почувствовал, что унижение дошло до предела: Кабан лошадь унизил, Чика унизил, а теперь унижал самого дедушку. Но что можно было сделать против него? Что?!

В это мгновение в воздухе мелькнула дедушкина камча, и плеть хлестнула Кабана по рукам. Кабан бросил хвост и с криком затряс руками, словно окунул их в кипяток.

— Слезь с моей лошади! — крикнул дедушка по-абхазски.

— Ну, старый хрыч, держись! — взревел Кабан и, перекинув ногу, сполз с лошади.

Лошадь сделала несколько шагов вперед, и маленький дедушка остался один на один с огромным Кабаном.

Кабан ринулся на дедушку. Не отступив ни на шаг от ринувшегося на него тела Кабана, дедушка снова взмахнул камчой, и Чик увидел, как в воздухе откинулась назад голова Кабана и красный рубец перерезал его лицо. На мгновение Кабан замер и снова ринулся, пытаясь схватить дедушку своими могучими лапами, и снова дедушка, не отступив ни на шаг, взмахнул камчой, и голова Кабана отдернулась с такой силой, что он рухнул на спину.

В следующее мгновение Чик с восторженным ужасом увидел, что дедушка сидит верхом на Кабане и, держа его одной

рукой за горло, другой бьет его рукояткой камчи по лицу. Всесильный Кабан не только не перевернул дедушку, не перебил его одним ударом, но он, по сути, даже не сопротивлялся. Он только пытался вырваться и орал как зарезанный, а дедушка методично колотил его по лицу рукояткой камчи. Сколько это длилось? Минуту, две, три? Чик не мог понять. Наконец Кабан вырвался из-под дедушки и, отбежав шагов на двадцать, повернулся окровавленным лицом и истерическим голосом стал кричать ему всякие непристойности, которые дедушка все равно не понимал, потому что Кабан кричал их по-русски.

— Над лошадей вздумал глумиться! — то и дело повторял дедушка, отряхивая той же рукояткой камчи свои брюки и оглядывая их со всех сторон. Кабан, чувствуя, что дедушка его не понимает, сделал похабный жест и крикнул:

— Вот тебе!

Дедушка, увидев этот похабный жест, сделал несколько быстрых шагов в сторону Кабана, но тот с неожиданным проворством побежал и бежал до самого угла. Дедушка победно взглянул в его сторону, пригрозил ему еще раз камчой и, поймав свою лошадь, пошел во двор.

Чик ликовал. Никогда в жизни никто так не мог напугать Кабана, как напугал его дедушка, ничего не знавший о его славе первого хулигана этой улицы. В тот же день дедушка на своей лошади уехал в деревню, а Кабан хоть и не перестал быть одним из первых хулиганов, но в квартале,

где жил Чик, он вел себя довольно тихо. Слишком многие люди видели, как дедушка Чика лупцевал его, а он ничего не смог сделать.

Одним словом, дедушка уехал, а корова с теленком остались. Чик пас ее вместе со своим сумасшедшим дядей Колей на собственной и близлежащих улицах, хотя это и не разрешалось. Вместе с дядюшкой и ребятами своего двора Чик пас корову и рвал траву для нее и ее теленка.

Иногда тетушка вместе с Чиком и дядей рвала траву. Вечерами она показывала мужу свои натруженные ладони и говорила, что он сделал из нее несчастную женщину, и спрашивала, что бы сказал бывший муж, персидский консул, если бы увидел, как она руками рвет траву для пропитания коровы. Муж ее, дядя Чика, отворачивался и молчал, потому что не знал, что бы мог сказать персидский консул при виде натруженных рук тетушки. В такие минуты Чик жалел дядю и с раздражением думал о неведомом персидском консуле.

Тетушка доила корову два раза в день, а потом пускала под нее теленка. Корова оказалась хитрая. Иногда она прятала молоко, и тогда тетушка почти ничего не могла надоть. Тетушка прикладывала к вымени грелку с теплой водой, чтобы корова расслабилась и пустила молоко, но она, как уж ей втемяшилось в башку прятать молоко, крепко его держала при себе и отпускала только тогда, когда теленок тыкался ей в вымя. В конце концов тетушка приспособилась пускать под нее теленка и одновременно доить ее —

из одного сосца тянет молоко теленок, а из другого сосца выдаивает его тетушка.

В первое время Чик пас корову рядом с домом во дворе грузинской школы. Там была, густая, летняя, неистоптанная школьниками трава. Корова с удовольствием ела эту траву, и все были довольны, что нашли ей такое близкое и удобное пастбище.

Но это длилось не более недели. Видно, школьный сторож, вздорный старик Габуня, куда-то уезжал или был болен. Однажды он появился на школьном дворе и прогнал оттуда Чика вместе с коровой. Как Чик его ни упрашивал, старик был неумолим, хотя на кой ему черт эта школьная трава, было непонятно.

Кроме школьного двора и самой школы, старик Габуня охранял и школьный сад. Он иногда часами сидел притаившись в кустах, ждал, не вздумают ли мальчишки с их улицы забраться туда. Чик уговорил Оника и Лёсика похаживать за забором возле сада, чтобы возбуждать бдительность старика Габуня. Старик затаивался в кустах, и Чик, воспользовавшись этим, успевал несколько часов попасть корову в школьном дворе. Но это длилось недолго. Старик Габуня догадался о хитрости Чика и стал прерывать засаду внезапными обходами школьного двора. Чик пришлось переместиться на новое место.

За три квартала от дома была большая поляна, на одной стороне которой строился Дом правительства, так называлась эта стройка, другая сторона представляла собой боль-

шую зеленую лужайку. Здесь-то Чик и приспособился пасти свою корову.

Около десяти безмятежных дней провел Чик вместе с коровой на лужайке. Хотя Чик знал, что здесь корову пасти нельзя, он не думал никуда уходить отсюда, тем более что здесь его никто не трогал.

В сущности, пасти корову нельзя было нигде, хотя держать корову разрешалось. Чика удивляло и потрясало это противоречие. Из разговоров взрослых Чик знал, что корову в городе разрешают держать. Но из этих же разговоров он знал, что пасти ее нигде не разрешают. Чик никак не мог одно соединить с другим. Он решил, что это произошло так. Один взрослый начальник разрешил держать коров, из чего следовало, что пасти их в городе можно. Но другой взрослый начальник запретил пасти коров, из чего следовало, что держать их в городе нельзя. Получалось, что первый взрослый начальник ничего не знал о запрете второго начальника, а второй взрослый начальник ничего не знал о разрешении первого начальника. Чик считал, что это противоречие кому-то из взрослых начальников надо растолковать, но кому именно, он не знал.

Однажды, когда на этой лужайке он пас корову вместе со своим сумасшедшим дядюшкой, к ним подошел милиционер.

— Уходите домой, — сказал он, — здесь корову пасти нельзя.

— Почему? — спросил Чик миролюбиво.

— Потому что здесь Дом правительства строят, — сказал милиционер и кивнул на стройку.

— Дом правительства пускай строят, — согласился Чик со строительством, — корова им не мешает.

— Мешает, — возразил милиционер.

— Чем мешает? — спросил Чик.

— Дом правительства строят, — терпеливо повторил милиционер, — комиссия может из Москвы приехать... Что, они на вашу корову будут смотреть?

— Зачем им смотреть на корову, — сказал Чик, — они будут смотреть на строительство.

— А если посмотрят на корову? — спросил милиционер.

— Ну и что, — сказал Чик, — посмотрят и отвернутся.

— Комиссия отвернуться не может, — строго заметил милиционер, — а корову в черте города пасти не разрешается.

— А держать корову в городе разрешается? — спросил Чик.

— Держать разрешается, — ответил милиционер.

— Но раз держать разрешается, — сказал Чик, — значит, и пасти разрешается.

— Нет, не значит, — ответил милиционер, — ты меня не путай, я законы знаю.

— Но раз держать разрешается... — начал было Чик.

— Держать разрешается, но пасти не разрешается, — перебил его милиционер.

— Это неправильно, — сказал Чик.

— Это правильно, — сказал милиционер.

- Но раз держать разрешается... — сказал Чик.
- Еще одно слово, — сказал милиционер, — я оштрафую корову.
- Все равно, это неправильно, — сказал Чик.
- Все, — сказал милиционер, — штраф пять рублей.
- У меня денег нет, — сказал Чик.
- А это кто такой, — спросил милиционер, — он глухонемой?
- Нет, — сказал Чик, думая, что милиционер довольно близко попал, — он мой дядя.
- Вот он и заплатит, — кивнул милиционер на дядюшку Чика.
- Батум, Батум, — сказал дядя, чувствуя непорядок и начиная раздражаться.
- В Батуме то же самое, — сказал милиционер, — законы везде одинаковые.
- У него тоже нет денег, — сказал Чик.
- Это мы выясним, — сказал милиционер.
- Он сумасшедший, — сказал Чик.
- Как штраф платить, все сумасшедшие, — сказал милиционер.
- Батум! Батум! — более четко повторил дядя.
- Он правда сумасшедший, — сказал Чик.
- Тогда почему он не в сумасшедшем доме? — удивился милиционер, как и все в таких случаях.
- Ему разрешается, — сказал Чик, — он вреда никому не приносит.

- А справка есть? — спросил милиционер.
- Да, — сказал Чик, — он всегда с нами живет.
- А почему он вспомнил про Батум? — спросил милиционер.
- Он всегда про Батум вспоминает, — сказал Чик.
- Очень интересно, — загадочно сказал милиционер, — но в Батуме граница.
- Он всегда про Батум вспоминает! — воскликнул Чик, чувствуя, куда гнет милиционер, и стараясь отвлечь его от этих мыслей.
- Шпионы ходят по стране, — сказал милиционер.
- Знаю, — согласился Чик.
- В том числе и под видом сумасшедших, — сказал милиционер.
- Знаю, — согласился Чик, потрясенный тем, что милиционер подозревает дядю в том, в чем Чик сам подозревал его когда-то. — Но он настоящий сумасшедший. Его доктор Жданов проверял.
- Этот номер не пройдет, — сказал милиционер, — я вас всех забираю в милицию. Там все выяснят... Корова не боится?
- Нет, — сказал Чик, — она мирная.
- Вот и хорошо, — сказал милиционер и отобрал у Чика веревку, за которую была привязана корова. — Я ее поведу.
- Мы уйдем домой, — сказал Чик, чувствуя, что опоздал с этим предложением.
- Поздно, — сказал милиционер, наматывая веревку на руку. — Ты попался через свои ехидные вопросы.

С этими словами он повел корову через поляну в сторону милиции. Чик с дядей шли рядом. По дороге Чик еще несколько раз просил милиционера отпустить их домой, но тот был непреклонен.

Они пошли во двор милиции, и милиционер крепко привязал корову к забору. Там росла густая трава, и корова тут же начала ее есть, но милиционер на это не обратил внимания, хотя корова начала есть траву, когда он ее только привязывал.

Велев им ждать у входа, милиционер вошел в небольшой дом, стоявший во дворе милиции. Чик был сильно расстроен случившимся и не знал, что думать. В те времена очень многих людей подозревали в шпионаже. Чик сам в этом подозревал дядю, но потом понял, что все это чепуха. Он понимал, что в конце концов через доктора Жданова они докажут, что дядя не шпион. Но сколько времени на это понадобится? И не продержат ли их все это время в милиции? Сколько Чик ни думал, как выйти из этого положения, он ничего не мог надумать. Одна надежда оставалась на доктора Жданова. Доктор Жданов был известным в городе психиатром. Когда про кого-нибудь хотели сказать, что он псих, говорили: «Тебя надо к доктору Жданову отправить!»

Чик с дядей довольно долго стояли у входа в этот домик. Вдруг Чик увидел, что во двор милиции зашел милиционер-абхазец, живший с Чиком на одной улице. Рядом с ним шла женщина, и даже издали было заметно, что она ярко раскрашена. Платье на ней тоже было яркое.

Милиционер шел в их сторону, но он на них с дядей не смотрел, хотя обоих прекрасно знал. У Чика сердце забилось от радости и тревоги. Он изо всех сил старался быть замеченным милиционером. И в самом деле, подойдя близко, милиционер на него посмотрел. Но он его не сразу узнал, потому что никак не ожидал встретить его здесь.

— Я Чик! — воскликнул Чик, помогая милиционеру узнать себя.

— Кто не знает, что ты Чик, — сказал милиционер, останавливаясь, — но как ты здесь оказался? О, да еще с Колей!

И тут ему Чик все рассказал и про корову, и про дядю.

— Бедный мальчик, — сказала женщина, когда Чик рассказывал, и попыталась заплакать, но потом, как догадался Чик, вспомнила, что она раскрашена, и раздумала плакать.

— Ты себя пожалей, — сказал милиционер, тоже заметив, что она хотела заплакать.

— А я ни в чем не виноватая, — сказала женщина, — мне дите жалко.

— Никуда не уходи, жди меня здесь, — сказал милиционер Чик и вошел вместе с женщиной в домик.

Чик увидел открытые окна домика и подошел к ним, надеясь узнать что-нибудь о своей и дядиной судьбе. Из комнаты доносились голоса людей, и один из этих голосов принадлежал знакомому милиционеру. Другой голос Чик признал за начальнический. Третий голос принадлежал женщине, которую ввел знакомый ему милиционер.

Чик понял из их разговора, что она занимается чем-то запретным, но чем именно, Чик не мог понять. Она говорила, что приехала из Воронежа, чтобы купаться в море и загорать, а не для того, чтобы заниматься этим. Но чем именно, она не говорила. А они говорили, что она приехала не загорать и купаться, а заниматься этим. Она говорила, что она этим нигде не занималась, ни здесь, ни в Воронеже. А они говорили, что она этим занимается здесь и, судя по всему, занималась этим же в Воронеже. Она говорила, что она в Воронеже этим не занималась, а работала воспитательницей. А они говорили, что она воспитательницей работала давно, а потом занималась этим, потому что нигде не работала. Она говорила, что она потому нигде не работала, что ее кормил муж и ей незачем было этим заниматься. Но они сказали ей, что согласно документам она с мужем разошлась еще до того, как она работала воспитательницей, и поэтому после того, как она бросила работать воспитательницей, муж ее не мог кормить, и она занималась этим и сюда приехала, чтобы и здесь заниматься этим. Разговор был ужасно интересным, но Чик не мог понять, чем она занималась. Чик смутно догадывался, что ее яркое платье и ярко раскрашенное лицо имеют какое-то отношение к этим занятиям, но что это за занятия, он не мог понять.

— Чтобы тебя в двадцать четыре часа в городе не было! — наконец сказал начальник, и Чик понял, что судьба этой женщины решена.

Она попробовала было заплакать, но потом то ли вспомнила, что слишком накрашена, то ли голос начальника был слишком непреклонным, и она, поняв, что это не поможет, перестала пытаться. Через минуту она вышла из домика и пошла по двору, покачивая бедрами и бросаясь в глаза ярким платьем.

— Слушай, это ты задержал мальчика с коровой? — услышал Чик голос своего милиционера.

Видно, что милиционер что-то ответил, но Чик не расслышал что.

— Какого Миши? — спросил голос, который Чик еще раньше признал за начальнический.

— Миши, который директором гастронома работает, — сказал свой милиционер.

— Ах, этого Миши, — сказал голос начальника, — ну, пусть войдут...

Чик отошел от окна. Через несколько секунд вышел свой милиционер и сказал:

— Входите вместе с дядей.

Чик оглянулся на корову. Она охотно ела сочную милицейскую траву. Они прошли в комнату, где за деревянным барьером сидел начальник. Милиционер, который их привел, стоял возле барьера.

— Так это вы нарушители общественного порядка? — спросил начальник.

Чик по его голосу понял, что он добродушно настроен.

— Мы пасли корову, — сказал Чик откровенно.

— Знаю, — отвечал начальник, — но пасти корову в городской черте не разрешается... Тем более возле Дома правительства.

— А как же, — сказал Чик, чувствуя, что входит в запретную зону, но не в силах удержаться, — держать корову разрешается, а пасти не разрешается?

— Очень просто, — ответил начальник, — надо кормить ее дома, как то: сеном, отрубями, помоями, арбузными корками... А пасти в городской черте не разрешается... Понял?

— Понял, — сказал Чик.

— Я вижу, ты понятливый, — сказал начальник. — А это твой дядя?

— Да, — сказал Чик.

— С какого года он с вами живет? — спросил начальник.

— С незапамятных времен, — отвечал Чик, — он всегда с нами живет.

— Доктор Жданов его смотрел? — спросил начальник.

— Да, — сказал Чик, — доктор Жданов ему разрешил с нами жить.

— Ладно, — сказал начальник, — забирайте корову и скажите дома, что пасти ее в городской черте не разрешаемся.

— Хорошо, — сказал Чик и сделал дяде знак, показывая, что им можно выходить.

Чик поспешил выходить, потому что на стене милицеевской комнаты висел плакат, изображавший пограничника,

ставшего ногой на распластанного на земле шпиона. Дядюшка с доброжелательным интересом уже присматривался к этому плакату. Он мог, по привычке принимая за себя любое понравившееся ему изображение мужчины, сказать: «Это я».

Чик боялся, что такое самозванство дядюшки может вызвать новые осложнения, и поспешил вывести его из помещения. Когда они вышли, корова все еще жадно паслась возле забора, и Чик даже пожалел, что все так быстро кончилось. Они отвязали корову и благополучно вернулись домой.

Богатый Портной разрешил пасти корову на своем участке, где строил дом. Там росла хорошая трава и было несколько фруктовых деревьев. Корова ела траву, а если ей попадались паданцы, она съедала и паданцы.

— Пускай кушает — не жалко, — говорил Богатый Портной, заметив, что корова ест паданцы.

Так он говорил каждый раз, когда видел, что корова ест паданцы, и Чик удивлялся этому. Чик считал, что достаточно было об этом сказать один раз. Но Богатый Портной каждый раз, заметив, что корова ест паданцы, говорил об этом. Из этого Чик заключил, что ему все-таки жалко паданцы. Когда корова съела всю траву на участке Богатого Портного, Чик стал пасти ее неподалеку от этого участка, на небольшой поляне перед маленьким ветхим домиком. По наблюдениям Чика, в этом месте кончался город, и поэтому здесь можно было пасти корову.

В домике, по слухам, жил какой-то сумасшедший парень, и, хотя Чик опасался его, он все же надеялся, что встреча с ним не так уж опасна. Так как Чик сам приходил сюда со своим сумасшедшим дядюшкой, он надеялся, что сумасшедшие найдут друг с другом общий язык. Чик в своей жизни видел только одного сумасшедшего, и этим сумасшедшим был его дядя. Он был довольно мирным сумасшедшим, и Чик надеялся, что этот сумасшедший парень тоже будет достаточно мирным, тем более, когда увидит, что с ним его сумасшедший дядя. Они поговорят между собой, думал Чик, про свои сумасшедшие дела, поделятся своими смешными фантазиями и мирно разойдутся.

На поляне паслась корова, принадлежащая этому сумасшедшему парню, но она, по наблюдениям Чика, была вполне нормальная и тихо паслась рядом с тетушкиной коровой.

В тот день Чик вместе с дядюшкой, Оником, Сонькой и Никой пасли корову на этой поляне. Там росло грушевое дерево с мелкими, но очень вкусными плодами, черными изнутри. Чик с Оником сначала сбивали груши камнями, но это было неудобно, потому что ветки были расположены высоко и камни редко задевали плоды. Чик решил, что можно залезть на эту грушу и потрусить ее. Он считал, что это ничейная груша, потому что она росла посреди полянки, а полянка не входила ни в чей участок.

Чик и Оник залезли на грушу и стали трясти ветки. Груши дождем падали вниз, но тут под деревом появились обе коровы и какие-то бродячие свиньи.

— Гоните свиной! — крикнул Чик с дерева.

Ему было противно, что свиной подбирают те же груши, которые подбирают девочки. Чик в те времена не ел свиной, и вообще был воспитан в нелюбви к свиным, и это воспитание еще долго сказывалось на нем.

Девочки пытались гнать свиной, но те были такие нахальные, что отходили на несколько шагов и первыми прибежали, когда мальчики начинали трясти ветки. Они пользовались тем, что девочки не могли их огреть камнем или палкой. Коровы тоже ели груши, но они не с такой жадностью набрасывались на них. Они поедали груши более медленно и прилично. А свиной, поедая груши, чавкали так, что с дерева было слышно.

Увидав, что Чик и Оник трясут грушу, из ветхого домика вышла старушка и стала ругать их за то, что они трясут грушу. Ругаясь, она подошла к дереву. Чику и Онику не мешала ее ругань, тем более что ругалась она по-мингрельски. Но самое смешное, что ее ругань ей самой не помешала набрать полный подол груш, которых натрясли Чик и Оник, и с этим полным подолом, продолжая мирно ругаться, она удалилась к себе домой.

Чик и Оник слезли с дерева, и девочки угощали их грушами, которые собрали в подолы, а потом высыпали в одном месте на чистую травку. Несмотря на коров, свиной, старушку из ветхого домика, девочки набрали много груш, и они дружно их ели, и груши были сочные, с темным нутром и с маленькими скользкими семечками.

Дядя Коля, который сам для себя отдельно собирал груши и с особенной яростью гнал свиней, потому что был очень брезглив, сейчас тоже ел свои отдельные груши, обтирая каждую из них платком. Он бы ни за что не взял груши из девчачьих подолов, потому что был брезглив не только по отношению к животным, но и ко всем людям, кроме бабушки.

И вот они уже доели свои груши и подумывали, чем бы заняться на этой полянке, чтобы не скучать, когда вдруг услышали голос того сумасшедшего парня. Они даже не заметили, когда он пришел домой. Может, он даже не приходил домой, может, он просто спал, а сейчас проснулся и стал громко кричать.

Чик почувствовал смутную тревогу. Ему показалось, что крик этого сумасшедшего имеет к ним какое-то отношение. Вдруг сумасшедший подошел к калитке своего двора и выглянул на полянку. Вид у него был страшный: лохматая голова и лицо, обросшее бородой, и сам одет в какие-то лохмотья.

Чик сравнил глазами его со своим сумасшедшим дядюшкой, аккуратно выбритым, одетым в поношенную, но опрятную одежду, и почувствовал, что его дядя, пожалуй, не сладит с таким дикарем. Дядюшка вообще не понимал, что происходит, тем более что плохо слышал. Он безмятежно сидел на траве и, наевшись груш, напевал песенки собственного сочинения.

А сумасшедший парень продолжал бушевать у себя во дворе, иногда высовываясь над калиткой своей лохматой

головой и глядя в их сторону грозным взглядом. Он явно был недоволен их присутствием здесь. Чик, содрогаясь, подумал, что было бы, если бы он увидел, как они трясут грушу. Может быть, стал, бы камнями сбивать их с дерева.

Ребята тоже почувствовали тревогу. Лицо Ники слегка побледнело. А во дворе ветхого домика перехлестывались голоса старушки и сумасшедшего. Теперь Чик жалел, что стал здесь пасти корову. Он подумал, что другие владельцы коров, живущие в городе, потому и не пользовались этой полянкой, что знали, кто здесь живет. А он-то думал, что всех перехитрил: и за чертой города, и близко, и полянка хорошая.

Ребята встали на ноги и стояли, растерянно столпившись. Они чувствовали, что голос старушки едва удерживает сумасшедшего во дворе. Продолжая ругаться, тот все чаще подходил к калитке и бросал на них грозные взгляды.

Наконец дядюшка кое-что расслышал и, глядя в сторону ветхого домика, мирно сказал:

— Человек кричит! Человек с ума сошел!

Он всегда так говорил, но на этот раз попал в точку. И до чего же мало было на него надежды! Он по сравнению с этим сумасшедшим казался нормальным старичком. А Чик так надеялся, что сумасшедшие в случае чего найдут между собой общий язык. Но, оказывается, сумасшедшие бывают совсем разные, оказывается, они отличаются друг от друга еще сильнее, чем нормальные люди.

И вдруг сумасшедший с топором выскочил из калитки.

— Зачем корова?! — кричал он издали, приближаясь к ним.

Чик не знал, что делать, он почувствовал, что его руки и ноги коченеют от ужаса. Все же он одолел окаменение и дернул дядю за рукав, подталкивая его в сторону приближающейся грозной фигуры:

— Скажи ему что-нибудь! Скажи!

— Отстань! Мальчик с ума сошел! — отвечал дядя, отстраняясь рукой и показывая, что он не собирается связываться с этим сумасшедшим, сколько бы его Чик ни натравлял на него.

— Зачем корова? — орал сумасшедший, приближаясь с топором и показывая на корову. И этот топор со свежеструганным топорщиком, сверкавшим белой древесиной, он держал как пушинку, и чувствовалось, какая в нем невероятная сила.

«Зарубит, — подумал Чик, ощущая в себе самом какую-то пустоту, — нас зарубит и корову зарубит». Все ребята и дядюшка Чика стояли, скованные ужасом, и слова не могли произнести. Он приближался, и голова его с яростными глазами и лохматой бородой, казалось, росла на глазах.

В следующее мгновение Чик очнулся, почувствовав, что он вместе со всеми бежит вдоль лужайки от сумасшедшего. Впереди всех бежал дядюшка Чика.

— Зачем корова?! — слышался яростный голос сзади, и этот голос раздавался все громче и громче.

Чик чувствовал, что через минуту он их догонит и прозойдет что-то чудовищное. Сквозь ужас этого бегства он успел подумать о том, что Лёсик со своими большими ногами и десяти шагов не пробежал бы от этого страшного человека. И, чувствуя ужас, он все-таки обрадовался этому маленькому везению, тому, что Лёсика нету с ними. Они бежали полянку и сейчас приближались к тому месту, где стоял домик этого сумасшедшего. Та самая старушка вышла из калитки и, что-то крича, палкой грозила своему сыну.

Ребята бежали изо всех сил, но сумасшедший их медленно догонял. И вдруг каким-то образом оказалось, что от толпы бегущих отделилась Сонька и сумасшедший словно отрезал ее от других, устремился за ней.

Оба они оказались впереди остальных, и Чик с ужасом видел, как быстро уменьшается расстояние между Сонькой и сумасшедшим. Он ее догонял и должен был вот-вот ее догнать, и у Чика мелькнуло в голове, что он выбрал Соньку потому, что она была хуже всех одета, точно так же, как собаки, если у них есть выбор, направляют свою ярость на самого плохо одетого человека.

Он уже пытался цапнуть Соньку рукой, свободной от топора, но она каким-то чудом увернулась и вдруг побежала в сторону старушки и, подбежав, спряталась за нее.

Этого никто не ожидал, и сам он, конечно. Теперь он перешел на шаг и направился вслед за ней. Но это уже был не сумасшедший, бегущий с топором.

— Зачем корова?! — заорал он снова, но движения его потеряли решительность.

Старушка что-то отвечала ему по-мингрельски, и, когда он приблизился, она сделала несколько шагов ему навстречу, грозя поднятой палкой и прикрывая Соньку.

Грозя ему палкой, старушка, отгораживала Соньку, а он медленно напирал на нее, и старушка, бочком отступая, продолжала отгораживать Соньку, и в конце концов так получилось, что он оказался у самой калитки, и старушка, бесстрашно грозя ему палкой, втокнула его в калитку и прикрыла ее своей спиной. Больше всего поразило Чика в этой картине, что он явно боялся ее палки, хотя и наступал на старушку.

— Уходи, уходи! — сказала старушка, махнув рукой всем, и Чик побежал к корове и стал ее гнать с лужайки.

Сумасшедший время от времени орал из-за калитки, и волны ярости в его голосе то клокотали сильнее, то ослабевали. Особенно сильно они клокотнули, когда Чик с коровой проходили мимо дома.

— Зачем корова?! — яростно и даже с каким-то отчаянием крикнул он им вслед, и Чик, спиной чувствуя смертельную опасность, вместе со всей компанией покинул полянку.

Через некоторое время после этого случая, запомнившегося Чикю на всю жизнь, тетушке надоело рвать траву, надоело прикладывать грелку к вымени прячущей молоко коровы, и вообще корова ей смертельно надоела. Она устроила дяде скандал, говоря, что он ей сгубил молодость, а теперь оконча-

тельно губит ее жизнь этой несносной коровой. Пришлось корову вместе с теленком отогнать в деревню, уже к другому родственнику, и Чик об их дальнейшей судьбе больше ничего не слышал.

защита чика

Чик сидел на вершине груши, росшей у них в огороде. Он сидел на своем любимом месте. Здесь несколько виноградных плетей, вытянутых между двумя ветками груши, образовывали пружинистое ложе, на котором можно было сидеть или возлежать в зависимости от того, что тебе сейчас охота. Охота сидеть — сиди и поклевывай виноградины, охота лежать — лежи и только вытягивай руки, чтобы срывать виноградные кисти или груши.

Чик очень любил это место. Оно было во всех отношениях удобное и приятное. Во-первых, оно было хорошим, потому что прямо с этого места можно было рвать виноград, груши и даже инжир. Он рос в соседнем дворе, и между огородом, где росла груша, и инжировым деревом высилась стена. Но одна ветка инжира вытянулась в сторону груши и прямо упиралась в нее. Так что при желании инжир можно было достать отсюда. Инжир был особенно вкусным именно потому, что дерево было чужим. Чик об этом сам догадался. Поедая чужие плоды, он удивленно думал над этой загадкой природы. Инжир, который

рос в их огороде, был того же сорта, но плоды чужого инжира были гораздо вкусней.

Кроме всего прочего, это место Чику нравилось и тем, что он отсюда всех видел, а его никто не видел. Вообще Чику взрослые не разрешали лазить по деревьям не потому, что жалели фрукты, а потому, что боялись, что он упадет с дерева. Но самое смешное заключалось в том, что, когда дома у него или у тетушки нужны были фрукты, ему давали корзину и просили нарвать винограду, груш или инжира.

— Только смотри, Чик, не упади, — предупреждали они.

— Да не бойтесь, не упаду, — отвечал Чик и с корзинкой проходил в огород.

По мнению взрослых, получалось, что раз они предупредили его, чтобы он не падал, значит, он будет крепче держаться за ветки. По этому же нелепому мнению взрослых получалось, что если он сам залез на дерево, то он обязательно будет проявлять стремление падать с него. Это было тем более глупо, что как раз с корзиной перелезть на дереве с ветки на ветку гораздо трудней и опасней, чем лазить по деревьям без всякой корзины.

Да, Чик любил это место. Кроме всего, это место имело еще одно достоинство, которое заключалось в том, что Чик здесь мог от всех отъединиться. Можно точно сказать: Чик любил людей. Но иногда они ему здорово надоедали. И тогда Чик замечал, что люди сами же мешают себя любить. Ему надоедала тетушка со своими вечными рас-

сказами о своей якобы изумительной молодости, надоедала бабушка, надоедали друзья. Даже сумасшедший дядюшка и то надоедал.

И когда они ему все надоедали, ему негде было от них укрыться, кроме как на вершине этой груши. И он потихоньку залезал на грушу и сидел там до тех пор, пока люди ему не переставали надоедать. Бывало, час сидит на груше или два сидит на груше, а потом слезает и сам чувствует, что люди ему больше не надоедают. И он посвежевшими глазами смотрит на них, разговаривает, играет, слушает их рассказы.

Но сегодня Чика не радовало ни его любимое место, ни ласковое солнце, которое просвечивало сквозь листья груши и винограда. Дело в том, что в школе у Чика случилась ужасная неприятность. Учитель русского языка, Акакий Македонович, или как его называли, Закидонович, сказал ему, чтобы он на следующий день пришел в школу с кем-нибудь из родителей.

И это было ужасно. Чик хорошо учился, и все домашние гордились его учебой. Мало того, что они гордились его учебой, они постоянно ставили его в пример старшему брату, который плохо учился и плохо вел себя в школе. Родителей постоянно вызывали в школу из-за его старшего брата. Иногда учителя сами приходили домой жаловаться на него. И вдруг Чик, гордость тетушки, сделал такое, что его родителей вызывают в школу! Чик понимал, какой это будет для тетушки невероятный удар. Вернее, какой это будет великолепный

повод сыграть невероятный удар, который нанес ей Чик исподтишка.

В последние годы тетушка, как бы махнув рукой на старшего брата Чика, перестала говорить, что он загубил своей дурной учебой и плохим поведением ее лучшие, золотые годы. Она стала придерживаться версии, что старший брат Чика получился таким, потому что не она его воспитывала, а мать Чика. А Чик получился таким хорошим в учебе и поведении потому, что его воспитанием занималась она.

Чик с содроганием представлял, что будет говорить его тетушка. Она начнет с того, что бросила персидского консула, с которым жила как сыр в масле, ради своих инвалидов. Имелась в виду бабушка, которая была вполне здорова, и дядюшка, который не был инвалидом, хотя и был сумасшедшим. Она будет снова говорить, что загубила молодость на брата Чика, хотя из него ничего не получилось. Но у нее оставалась последняя надежда на Чика, и вот, оказывается, именно Чик нанес ей последний, смертельный удар, от которого она навряд ли выживет.

Нет, нет, Чик никак не мог сказать дома, что в школу вызывают родителей. Но, с другой стороны, прийти в школу без кого-нибудь из взрослых нельзя было, потому что Акакий Македонович никогда ничего не забывал. Он бы его просто не допустил до уроков.

«Что же делать?» — с отчаянием думал Чик и ничего не мог придумать. Хорошо бы вообще остаться на дереве и никогда с него не слезать. В тайном убежище Чика можно было да-

же спать без особого риска, а от голода спасали бы груши, виноград и соседский инжир.

Чик снова и снова вспоминал случившееся в школе. Был урок русского языка, который проводил Акакий Македонович. У него была привычка в стихотворной форме писать правила русской грамматики на доске, а потом эти стихотворные правила ученики должны были переписать в свои тетради и заучить наизусть. Эти правила в стихах Акакий Македонович сам придумывал и тихо гордился этой своей способностью. Другим учителям и в голову не приходило арифметические или физические законы представлять в стихотворной форме. Это умел только Акакий Македонович. И он этим тихо гордился, хотя ученики часто посмеивались над его грамматическими стихами. Но они никогда не смеялись при нем, обычно на перемене. А тут Чик не утерпел.

Сегодня Акакий Македонович своим красивым наклонным почерком написал на доске стихи на тему «Как пишется частица «не» с наречиями».

*Как писать частицу «не»
В нашей солнечной стране?
То ли вместе, то ли врозь?!
Не надеясь на авось,
Вы поймете из примера,
Нужного для пионера.
НЕКРАСИВО жить без цели,*

*Это так, но в самом деле
НЕ КРАСИВО, а ужасно,
Жить без цели, жить напрасно.
И теперь любому ясно,
Как писать частицу «не»
В нашей солнечной стране.*

Это были обычные для Акакия Македоновича гладкие стихи, ласково всовывающие в головы учеников правила русской грамматики. Якобы всовывающие. Все равно ученики запоминали правила грамматики по учебнику, а стихи приходилось заучивать наизусть в угоду Акакию Македоновичу.

Чика всегда раздражали и смешили эти стихи. Они раздражали и смешили его своей вкрадчивой и наивной хитростью. Они как бы говорили: «А теперь, ребята, соберемся в кружок и поиграем в стихотворение. Это будет и приятно и полезно».

На самом деле Чик ничего в них ни приятного, ни полезного не находил. И другие ученики тоже не находили. Но всем приходилось смиряться и учить наизусть эти стихи.

На этот раз Чику особенно смешными показались строчки про солнечную страну. Чик, конечно, понимал, что, когда говорят так, имеют в виду не выпадение осадков в их республике, а то, что в солнечной Абхазии люди живут хорошо. И Чик был согласен, когда его страну называли солнечной. Но он

никак не понимал, какое это отношение имеет к грамматическому правилу.

И потому эта дважды повторенная строка про солнечную страну показалась Чику особенно смешной. Он переглянулся с учеником Севастьяновым, и они закивали друг другу и улыбались. Севастьянов вместе с Чиком всегда первым чувствовал что-нибудь смешное или нелепое, происходящее в классе. И они всегда в таких случаях переглядывались и начинали улыбаться или смеяться. И им было приятно, что они так хорошо друг друга понимают, и от того им становилось еще веселее.

Чик почувствовал, что Акакий Македонович заметил его улыбку и понял, что эта улыбка относится к стихотворению. Но Чик не придавал этому значения, он тогда еще не знал, что на свете существует авторское самомнение.

— А теперь, ребята, — сказал Акакий Македонович, — хором прочтем стихи. Читайте с выражением и следите за моими руками.

*Как писать частицу «не»
В нашей солнечной стране?! —*

грянул класс тридцатью глотками.

Высокий, со смиренно-покатыми плечами, с детским чубчиком на лбу, Акакий Македонович стоял у стола. Выражением лица, а также дирижерскими движениями рук он подсказывал ребятам правильную интонацию и скорость, с которой надо читать стихи.

Когда ребята читали строчку:

То ли вместе, то ли врозь? —

Акакий Македонович развел руками, и лицо его выразило полное недоумение по поводу этого страшно запутанного вопроса. Зато потом, когда ребята прочитали строчки:

*Вы поймете из примера,
Нужного для пионера... —*

лицо Акакия Македоновича просветлело, оно выразило надежду, что смекалистые пионеры во главе с опытным Акакием Македоновичем выберутся из этого дремучего леса, куда заводит детей коварная частица.

Некрасиво жить без цели... —

читали ребята, и Акакий Македонович, удрученно склонив голову со своим детским чубчиком на лбу, как бы упрекал живущих без цели: «Некрасиво, нехорошо».

*Не красиво, а ужасно,
Жить без цели, жить напрасно.*

Тут лицо Акакия Македоновича выразило высшую степень отвращения к такому образу жизни. Зато после этой

строчки уже до самого конца стихотворения лицо его светлело и светлело, показывая, как он радуется тому, что теперь все пионеры знают, как писать с наречиями эту хитрую частицу.

*И теперь любому ясно,
Как писать частицу «не»
В нашей солнечной стране.*

Все это время Чик переглядывался с Севастьяновым, и они тряслись от сдержанного смеха в самых забавных местах внешнего поведения Акакия Македоновича. Но, оказываясь, все это время, изображая на лице то блаженство, то ужас, Акакий Македонович потихоньку следил за Чиком. А Чик этого не знал.

Когда стихотворение было прочитано, Акакий Македонович, сложив ладони и смиренно прижав их к груди, сказал:

— Мы сейчас с вами, ребята, хором прочитали стихотворение, чтобы лучше усвоить новое правило. А что делал все это время Чик? Чик все это время смеялся. Давайте, ребята, всем классом попросим Чика рассказать, над чем он смеялся, и, если это действительно смешно, посмеемся вместе с Чиком. Встань, Чик, и расскажи нам, над чем ты смеялся?

Чик встал. Ему совсем не хотелось говорить, что он смеялся над стихотворением. Тем более ему не хотелось гово-

рить, что он смеялся и над поведением самого Акакия Македоновича.

— Я смеялся просто так, — сказал Чик.

— Нет, Чик, ты скромничаешь, — сказал Акакий Македонович, — по-моему, ты нашел что-то смешное в нашем стихотворении. Может быть, мы все ошибаемся, так поправь нас, Чик.

Все это он сказал очень спокойным, доброжелательным голосом, но хотя Чику и не нравилась его поза со смиренно сложенными у подбородка ладонями, он как-то поверил его голосу. Чик тогда не имел представления о существовании авторского самолюбия. Также не вполне исключено, что Чику захотелось покрасоваться перед всем классом, показать перед всеми, что он нашел ошибку у Акакия Македоновича. И он решил сказать свое мнение про строчку о солнечной стране.

— По-моему, — сказал Чик, — одна строчка неправильная.

— Очень интересно, — заметил Акакий Македонович, продолжая держать руки у подбородка сложенными ладонями, и, как бы кланяясь, слегка нагнулся вперед, — какая строчка?

— У вас сказано, — бодро начал Чик, —

*Как писать частицу «не»
В нашей солнечной стране?*

— Удивительно, как ты это заметил, — сказал Акакий Македонович.

— Но ведь получается, — пояснил Чик, — что правильно это только для нашей солнечной страны, а для дождливой страны не годится?

Класс засмеялся. Чик с некоторой тревогой заметил, что Акакий Македонович слегка побледнел.

— Глупый смех, — сказал Акакий Македонович, — нелепое замечание. Мы живем в солнечной стране, и, естественно, правила нашей грамматики рассчитаны на нашу страну.

— А если кто-то пишет частицу «не» в другой стране, — продолжал Чик, не давая себя сбить, — разве правило для него не годится?

Но тут прозвенел звонок, и Акакий Македонович решил, что Чика надо крепко наказать. Может быть, если бы не прозвенел звонок, он постарался бы доказать, что Чик неправ. Но теперь у него для этого не было времени, и он решил Чика наказать.

— Мы всегда за критику, — сказал Акакий Македонович, — но мы против критиканства. Завтра придешь с кем-нибудь из родителей, придется с ними серьезно поговорить...

И класс снова рассмеялся. На этот раз он рассмеялся неожиданному повороту в судьбе Чика. Чик хотел крикнуть Акакию Македоновичу, что это несправедливо, что ему никак нельзя приводить родителей в школу, но Акакий Македонович взял в руки журнал и со свойственной ему фальшивой смиренностью удалился из класса.

И вот теперь Чик сидит на вершине груши на пружинистом ложе из плетей виноградной лозы и думает, что же ему завтра делать.

*Как писать частицу «не»
В нашей солнечной стране...*

«Проклятые стихи! Зачем, зачем, — думал Чик, — я ввязался в этот дурацкий спор! Все равно Закидонович неправ! Страна тут ни при чем! И никакого значения не имеет, солнечная она или дождливая! Но как быть завтра? Ведь без родителей не пустят в школу».

Чик дотронулся до небольшой виноградной кисти, сорвал ее и стал машинально есть виноград, сплевывая шкурки, которые падали вниз, иногда шлепаясь на листья груши. Чик был в таком тоскливом состоянии, что виноград ему казался не сладким, а каким-то пресным, водянистым.

Он оглядел двор. Сонька и Ника играли в «классики». Лёсик покачивал в коляске своих братьев-двойняшек. Оника во дворе не было. Чик знал, что он пошел на стадион. Белочка, любимая собака Чика, лежала посреди двора и, наверное, скучала по Чику, не зная, куда он делся. На верхней лестничной площадке второго этажа сидела бабушка и грелась на солнце, перебирая в руках четки. Рядом стоял сумасшедший дядюшка Чика и напевал себе бессмысленные песенки собственного сочинения. Изредка он поглядывал вниз на кухонную при-

стройку, где возилась Сонькина мать, тетя Фаина. Он ее любил с незапамятных времен безответной, упорной любовью. Об этом все знали. «Хорошо ему живется, — подумал Чик, — поет себе песенки, ни о чем не думает, никто его родителей не вызывает в школу».

Чик оглядел крышу флигеля, в котором жил Лёсик. В желобе, ведущем к водосточной трубе, все еще лежал теннисный мяч. Уже целых два года Чик ожидал, когда струя дождевой воды загонит его в водосточную трубу и он вывалится в бочку, стоящую под ней. Но уже несколько месяцев, как мяч остановился в двух метрах от трубы и не хотел двигаться дальше. Видно, там его что-то сильно задерживало. Но Чик упрямо надеялся, что пойдет сильный ливень и поток в конце концов загонит мяч в трубу.

В распахнутых окнах веранды второго этажа была видна тетушка Чика в своей классической позе со стаканом крепкого чая в руке и с папирсой, дымящейся в пепельнице. Она что-то оживленно рассказывала невидимой собеседнице, и Чик совершенно не исключал, что она хвастается его учебой. Подумав об этом, Чик вспомнил о завтрашнем дне и затосковал с новой силой.

Вдруг в воздухе грохнул восторженный вопль толпы. За два квартала отсюда был расположен стадион. Там сегодня местная команда играла с городом Армавиром. Судя по взрыву восторга, наша команда забила мяч. Обычно, если мяч забивала приезжая команда, на стадионе устанавливалась обидчивая тишина.

Чик знал, что сегодня на стадионе игра, но из-за своего плохого настроения туда не пошел. Что за охота идти на стадион, когда у тебя на душе скребут кошки? Несколько мужчин, сидя на крыше соседского дома, издали наблюдали за игрой. Чик не любил таких крохоборов. Когда мальчишки смотрят с крыши или с дерева, это понятно: значит, у них нет денег, а пройти зайцем они не решаются. Но когда взрослые, жалея деньги, следят за игрой с крыши своего дома — это как-то противно.

— Костя! — крикнул один из мужчин, обернувшись в колодец своего двора.

— Костя спит, — ответил ему женский голос.

— Разбуди его, Тамара, разбуди!

— Зачем его будить? — ответила женщина.

— Интерес имею что-то сказать ему! — крикнул мужчина.

— Он ругаться будет, — осветила женщина.

— Не будет, клянусь детьми! — крикнул мужчина. — Я ему скажу такое, что он радоваться будет, а не ругаться!

— Чего тебе? — раздался через минуту сиплый мужской голос. Видно, женщина разбудила мужа.

— Костя, — восторженно закричал человек с крыши, — наши хамают их, как пончик! Уже два мяча забили!

— Зачем разбудила, — раздраженно сказал мужчина, — я еще полчаса поспал бы...

— Он поклялся детьми, — визгливо сказала женщина, — я думала, что-то по работе!

— Ладно, — сказал мужчина, — арбуз под кран поставила?

— Поставила, — ответила женщина.

— Тогда принеси, — сказал мужчина, — хоть арбуз покушаем, раз ты меня разбудила.

Некоторое время во дворе было тихо, а на крыше следили за тем, что происходит на стадионе.

— Слушай, в игре забили или со штрафного? — крикнул мужчина со двора, и Чик почувствовал, что голос его посвежел от первого ломтя арбуза.

— Клянусь детьми, оба мяча забили в игре, Костя! — восторженно крикнул мужчина с крыши.

— Ладно, — примирительно сказал тот, что кушал арбуз, — если что-нибудь будет интересное — крикнешь!

— Обязательно, Костя! — крикнул человек с крыши и снова повернулся в сторону стадиона. Во дворе было тихо, и Чик подумал, что разбуженный сейчас ест второй ломоть арбуза.

Вообще Чик любил бывать на стадионе. Недавно дядя Чика, разумеется, не сумасшедший, а, наоборот, самый умный дядя Риза водил его на стадион. И надо было, чтобы так повезло. Наша местная команда обыграла тбилисское «Динамо». Единственный раз в жизни Чик видел, что наша местная команда обыграла тбилисское «Динамо». Все болельщики города вместе с Чиком мечтали о таком дне. И вот этот день наступил, и восторгам болельщиков не было конца. Они беспрерывно рукоплескали финтам наших нападающих, с превеликим весельем хохотали над каждой неудачной подачей мяча противником и взрывом восторга встречали каждый гол, забитый нашей командой.

Правда, Чик от дяди знал, что на этот раз тбилисцы прислали молодежный состав команды и потому она играла слабее, чем обычно. И Чик чувствовал, что радость его по поводу победной игры нашей команды от этого несколько ущемлена. Но он также чувствовал, что радость болельщиков от этого никак не уменьшается. Главное, что тбилисцы проигрывали, а остальное никого совершенно не трогало. Чик чувствовал в глубине души некоторую зависть к такому упрощенному восприятию радостей жизни. Он понимал, что он сам на это неспособен.

А самое интересное, что после каждой удачной обводки нашим игроком их игрока или после каждого неудачного паса их игроков, а уж тем более после каждого забитого гола нашими игроками весь стадион оборачивался и смотрел куда-то, а куда они все смотрят, Чик никак не мог понять.

— Куда они смотрят, дядя? — спросил Чик.

— Они считают, что на стадионе есть один болельщик из Тбилиси, вот они все и пытаются его разглядеть.

— Они его знают? — удивленно спросил Чик.

— Не больше, чем нас с тобой, — ответил дядя.

— Куда же они все смотрят? — спросил Чик, удивляясь, как это можно на переполненных трибунах разглядеть одного человека.

— Им кажется, — сказал дядя, — что они его могут разглядеть. Может, они меня принимают за него или еще кого-нибудь...

Чика тогда очень удивило это безумие толпы. Ну как можно на трибунах огромного стадиона разглядеть одного человека, даже если он и в самом деле здесь? Каждый раз после удачи наших футболистов или неудачи их футболистов сотни людей оборачивались, многие вскакивали с мест и старались разглядеть этого невидимого тбилисца, чтобы насладиться выражением растерянности, подавленности на его лице. Чик тогда хорошо почувствовал много-стороннюю, как бы уходящую в бесконечность глупость толпы.

Ну до чего же смешные эти люди! Во-первых, явно не зная, где именно сидит этот неведомый тбилисец, они все-таки все смотрели куда-то вверх и в сторону центральной трибуны. Можно было подумать, что этот тбилисец заранее дал всем слово сидеть на таком месте, где его легче всего будет разглядеть. Но, разумеется, он никому никакого слова не давал, если он вообще был на стадионе. Просто всем удобнее было тарачиться вверх, и они его искали там, куда им удобней было смотреть.

И еще смешно было, что все, вскакивая с мест и уставившись вдаль с торжествующей улыбкой и явно никого не разглядев и несколько этим не разочаровавшись, через минуту успокаивались и начинали следить за игрой, словно они достигли своей цели. Их успокаивающиеся лица с выражением дурацкого торжества как бы говорили: «Ну, может быть, я его на этот раз и не разглядел, но уж он-то никак не мог не разглядеть моей торжествующей улыбки, а это — главное».

И еще смешно было, что толпа, десятки раз вскакивая, чтобы разглядеть удрученного тбилисца, совершенно забывала опыт своих предыдущих бесцельных вскакиваний, и на лицах вскакивающих и оборачивающихся людей не было ни малейшего следа мысли о возможности повторения неудачи. Каждый раз они верили, что именно на этот раз они увидят злощастного тбилисца.

— Чик, кинь кисточку винограда, — услышал он чей-то голос.

Чик оглянулся. Из окна дома, высящегося рядом с грушей, торчала голова толстого мальчика. Он учился с Чиком в одной школе, только был из другого класса. Он жил на третьем этаже, и окно его находилось на одном уровне с Чиком. Сейчас он вынес на подоконник тетрадь, задачник, чернильницу и ручку. Вообще этот мальчик считался маменькиным сыночком и невысоко ценился Чиком и другими ребятами.

Тем не менее Чик сорвал большую гроздь винограда и небрежно швырнул ее в окно. Толстый мальчик поймал кисть на грудь и стал есть виноград. Он быстро прикончил гроздь и снова попросил Чика:

— Чик, кинь теперь мне грушу!

Чик неохотно потянулся за грушей.

— Не ту, Чик, во-о-он ту! — сказал мальчик и, вытянув из окна толстую руку, показал на грушу, висевшую на конце ветки далеко от Чика.

— Бери, пока дают! — сказал Чик и, сорвав грушу, висевшую близко от него, кинул ее в окно.

Мальчик опять на грудь поймал грушу и стал уплетать ее. Он ел ее, так сочно вонзая зубы в плод, что Чик самому захотелось, и он, сорвав грушу, стал ее есть.

— Чик, отчего ты все время на дереве сидишь? — спросил мальчик, шумно жуя и причмокивая.

Чик сразу все вспомнил, и кусок груши, который он жевал, сделался водянистым и невкусным.

— Чтобы бросать тебе груши и виноград! — ответил Чик сердито.

— Нет, правда, Чик, — сказал мальчик, доедая свою грушу, — я уже давно заметил, что ты сидишь на дереве... Кинь теперь виноград!

— На твое пузо не напасешься, — сказал Чик, но сорвал еще одну кисточку и бросил ее в окно.

Хотя этот мальчик его рассердил, Чик чувствовал, что не может не бросить ему кисть винограда. Он подумал, что, когда человеку уже сделал что-то хорошее, трудно не сделать ему еще раз что-то хорошее. Это потому так получается, думал Чик, что если ты ему откажешься делать что-то хорошее, то пропадет то хорошее, что ты ему сделал раньше. А тебе не хочется, чтобы оно пропадало.

— Кроме шуток, Чик, — снова спросил мальчик, — почему ты так давно на дереве сидишь?

— Я теперь отсюда никогда не слезу, — сказал Чик.

— Мама, — обернулся мальчик в комнату, — Чик говорит, что он никогда с дерева не слезет.

Мать ему что-то ответила, но Чик не расслышал ее голоса.

— Чик, но ты же умрешь с голоду, — сказал мальчик, явно повторяя слова матери.

— Нет, — сказал Чик, — я буду есть груши, виноград, инжир, а хлеб ты мне будешь из окна кидать.

— Мама, — обернулся мальчик в комнату, — Чик говорит, что он будет кушать фрукты, а хлеб я ему из окна буду кидать.

Мать ему что-то ответил.

— Чик, — сказал мальчик, явно повторяя слова матери, — но ведь хлеб нельзя из окна кидать?

— Значит, груши и виноград в окно можно кидать, — язвительно проговорил Чик, — а хлеб из окна нельзя?!

Приоткрыв рот, мальчик задумался на несколько секунд. По-видимому, он почувствовал в словах Чика какую-то справедливость. Не в силах сам разрешить этого противоречия, он обратился к матери.

— Мама, — сказал он, — а Чик говорит: почему груши и виноград в окно можно кидать, а хлеб из окна нельзя?

Чик с большим интересом ожидал, что ему скажет его мама. Но она ничего не ответила сыну, а, подойдя к окну, выглянула в него и сказала Чику:

— Чик, ты его отвлекаешь от уроков.

— Он сам первый начал, — ответил Чик.

Мать мальчика закрыла окно и ушла в глубину комнаты. Мальчик некоторое время с недоумением глядел на Чика из-за стекла, по-видимому, стараясь осмыслить его слова, и, скорее всего так и не осмыслив их, занялся своими уроками. Время от времени, подымая голову над задачкой он снова гля-

дел на Чика, явно вспоминая его слова, но Чик уже на него не смотрел. Он смотрел во двор.

Девочки продолжали играть в «классики». Лёсик, сидя возле коляски со своими двойняшками, читал книгу. Тетушка продолжала пить чай на веранде. Бабушка, сидевшая на верхней лестничной площадке, ушла оттуда на веранду, а сумасшедший дядюшка Чика, воспользовавшись тем, что бабушка за ним не следила, спустился вниз и сейчас, сосредоточенно склонившись к стене кухонной пристройки, подглядывал за тетей Фаиной. Одна сторона кухонной пристройки была обращена к огороду, и дядя как раз стоял с этой стороны, потому что здесь его со двора никто не видел. Но Чик с груши хорошо видел его склоненную спину и голову, прильнувшую к фанерной стене.

Чик знал, что дядя Коля любит тетю Фаину, но он никак не мог понять, какое таинственное удовольствие доставляет ему следить за тем, как грязнуха тетя Фаина возится в своей захлавленной кухоньке. Эта кухонная стена пестрела кожаными латками, при помощи которых муж тети Фаины, по профессии сапожник, латал дырочки в кухонной стене. Эти дырочки в стене довольно умело пробуривали гвоздиком дядя Коля, чтобы следить за тетей Фаиной. Кстати, вдосталь насладившись зрелищем тети Фаины, дядя вставлял в дырочку маленький колышек, специально соструганный им, чтобы дырочку не было заметно со стороны. Об этом знали все, и все смеялись над наивной хитростью дяди Коли. Но Чик, в отличие от всех,

догадался (во всяком случае, он так думал) еще об одном предназначении этого колышка. Чик решил, что этим колышком дядя не только скрывает дырочку от постороннего глаза, но как бы пресекает возможность для других подглядывать за тетей Фаиной.

Кстати, дырочку эту все равно рано или поздно обнаруживала тетя Фаина или ее муж, и во дворе подымался небольшой скандал. Дядя Коля в результате получал от бабушки несколько подзатыльников, которые он, как виновный, переносил с безропотной застенчивостью, а тетюшка в зависимости от настроения ругала или дядю Колю, или тетю Фаину, доказывая, что она нарочно совращает дядюшку.

Муж тети Фаины, ворча, что его жена — честная женщина, ставил на стене кухни очередную латку, и дядя Коля несколько дней воздерживался от подглядываний за тетей Фаиной. Но потом он или забывал о случившемся, или под влиянием своей неутихающей страсти снова просверливал дырочку в стене и снова сосредоточенно замирал над щелочкой, подглядывая за тетей Фаиной, готовившей обед.

Чик с дерева следил за дядей Колей, как вдруг из кухни выскочила тетя Фаина, обогнула ее и очутилась за спиной дяди Коли, продолжавшего смотреть в щелочку.

Она хлопнула его по спине, дядя Коля разогнулся и, страшно сконфуженный, развел руками, видимо, показывая, что страсть, владеющая им, сильнее его воли.

Чик решил, что она сейчас подымет крик, обращаясь к тетушке, все еще пившей чай на веранде, но она неожиданно сделала совсем другое. Она сунула дяде Коле кошелку и, показывая на дерево, на котором сидел Чик, сказала:

— Груши, груши...

Дядя посмотрел на дерево, потом на тетю Фаину, потом опять на дерево и, наконец, уразумев ее просьбу, закивал головой и радостно улыбнулся, благодарный ей за то, что она не ругает его. Он тряхнул в руке кошелку и быстро направился к груше.

Чик никак не ожидал такого оборота дела. Дяде Коле строго-настрого запрещали лазить по деревьям, да он и не пытался никогда залезть на дерево. А тут, оказывается, вон что!

Дядя Коля быстро разулся и с необыкновенной энергией, которую Чик определил как следствие его ненормальности, влез на грушу. Сумасшедший дядя и племянник, тайно залезшие на одно дерево, — это было слишком! Если он долезет до вершины, подумал Чик, то он обнаружит, что Чик без разрешения влез на дерево, и поймет, что Чик его самого застукал за тайным сбором груш для тети Фаины. Интересно, сообразит ли он все это?

Но дядя Коля до вершины не долез, а долез только до середины дерева, повесил кошелку на сучок и стал дотягиваться до груш, срывая их и перекладывая в кошелку. Действовал он быстро, но и достаточно осмотрительно, чтобы не упасть с дерева. Оказывается, сумасшедшие тоже чувствуют, как на-

до держаться на дереве, чтобы с него не упасть. Чик понял, что дядя Коля все это проделывает не в первый раз. Человек, который первый раз влез на дерево, не может действовать столь уверенно и четко.

До чего же хитрая, оказывается, тетя Фаина! Оказывается, она использует любовь дяди Коли, чтобы получать задарма фрукты. Покамест дядя Коля собирал груши, тетя Фаина несколько раз выскакивала из своей кухоньки и глядела на дерево. Чик понял, почему она это делает. Она не хотела, чтобы дядя Коля сам принес ей на кухню кошелку. Тетушка в этом случае его могла заметить с веранды.

У Чика был большой соблазн срывать виноградины и сверху бросать их на голову дяди Коли. Сидя в густой листве своего укрытия, он мог оставаться для него незамеченным. Но Чик все-таки не решился тронуть его. Все-таки он же никогда не пробовал дразнить дядю Колю на дереве. Вдруг он от неожиданности сорвется с дерева и упадет? Лучше не пробовать.

Набрав груш, дядя Коля слез с дерева, а тетя Фаина подбежала к нему, отобрала у него кошелку, и, пока дядя Коля обувался, она с кошелкой, незаметно прижав ее к бочку, шмыгнула к себе на кухню.

Ну и дела, подумал Чик. Вот как она, оказывается, использует любовь дяди Коли. Дядя Коля обулся и снова подошел к кухонной пристройке и стал глядеть на тетю Фаину в щелочку, по-видимому, решив, что теперь он вполне заслужил это удовольствие. Но недолго пришлось

ему смотреть в щелочку. Тетя Фаина выскочила из кухни, подошла к дяде Коле и, ткнув его в бок, сказала, показывая во двор:

— Хватит, иди, иди!

Дядя Коля посмотрел на нее растроганным взглядом и виновато пожал плечами. Он как бы робко намекал на то, что на этот раз заслужил благодарность. Но тетя Фаина оставила этот намек без внимания и, снова ткнув его в бок, показала рукой, чтобы он убирался отсюда. После этого тетя Фаина быстро удалилась, метнув взгляд в сторону веранды, где тетушка Чика продолжала, сидя у окна, пить чай. Дядя, как показалось Чику, тяжело вздохнул, вынул из кармана колышек, воткнул его в дырочку и ушел во двор.

Во двор вошел дядя Алихан, катя перед собой свой лоток с восточными сладостями. Он остановил лоток у порожка своей комнаты, вынес из комнаты большую тарелку и, переложив в нее непроданные сладости, внес в комнату. Потом зажег керосинку, стоящую у порога дома, и поставил на нее кувшин с водой. Подогрев воду, он вынес из комнаты таз, налил в него воду из кувшина, уселся на маленькой скамейке, разулся и окунул ноги в таз с водой. Распаривать ноги в горячей воде было его любимым занятием. Обычно, распаривая ноги, он скреб подошвы особой ложечкой, при этом постанывая от удовольствия.

Но на этот раз до ложечки не дошло, потому что во двор вышел Богатый Портной с нардами под мышкой. Жена

Алихана вынесла два стульчика. На один из них они поставили нарды, а на другой уселся Богатый Портной. Они раскрыли доску, расставили фишки и стали метать кости. Дядя Алихан, играя в нарды, время от времени подливал из кувшинчика в таз горячую воду, с удовольствием замирая и прислушиваясь к действию воды на его покрытые мозолями ноги. При этом Богатый Портной с раздражением смотрел на него и нетерпеливыми восклицаниями тормозил его и заставлял браться за кости. Так было всегда. Богатый Портной ни за что не хотел верить, что такое пустячное занятие, как распаривание ног и поскребывание подошв ложечкой, может человеку доставлять какое-то удовольствие.

Снова со стороны стадиона раздался взрыв восторга толпы. Видно, наши забили гол.

— Разве это футбол! — воскликнул Богатый Портной. — Это не футбол, Алихан!

— Почему не футбол? — миролюбиво возразил Алихан, подымая свои круглые брови над глазами.

— Потому что футбол кончился, — сказал Богатый Портной. — Кто слышал, чтобы Армавир играл в футбол? В Армавире всегда только семечки кушали. Футбольные годы — это тридцать пятый, тридцать шестой, тридцать седьмой! Это золотые годы футбола!

Чик понял, что сейчас он начнет хвастаться, как он играл в футбол.

— В тридцать пятом году, как сейчас помню, — начал Богатый Портной, — играем с Батумом на нашем поле. Ни-

как не можем забить гол. Тут мне Арчая подает, и я с ходу иду на прорыв. А трибуны волнуются: «Браво, браво, правый инсайд!» А кто правый инсайд? Я правый инсайд! Одного хавбека обвожу! Второго хавбека обвожу и врезаю в девятку! Трибуны с ума сходят: «Браво, браво, правый инсайд!» А сейчас Армавир бросил семечки и начал играть в футбол.

— Значит, научились, — мирно возразил Алихан и подлил в таз воду из кувшинчика.

— Что ты говоришь, Алихан, — крикнул Богатый Портной, — где Армавир, где футбол?!

— Ладно, играй, — сказал Алихан и метнул кости.

Богатый Портной продолжил игру, ворча и постепенно успокаиваясь.

Тут во двор вошел какой-то человек и подошел к дяде Коле. Дядя Коля сидел на одном из камней, огораживающих клумбу со сливой посредине, и, помахивая веточкой шелковицы, отгонял от себя мух.

Человек что-то стал спрашивать у дяди Коли, но дядя Коля явно его не понял и стал отмахиваться от него веткой шелковицы. Тот продолжал свои расспросы, и дядя Коля несколько более раздраженно отмахнулся от него веткой.

Тут Богатый Портной и Алихан заметили этого человека, и Алихан раскрыл было рот, чтобы объяснить ему, что он имеет дело с сумасшедшим. Но Богатый Портной движением руки остановил его, чтобы позабавиться этим недоразумением. Человек снова обратился к дяде Коле, и Богатый Портной за-

трясся от сдерживаемого смеха. Дядя Коля уже довольно резко отмахнулся от него своей веточкой шелковицы.

— Отстань, — сказал он ему по-турецки и добавил по-русски: — Иди, иди!

Небольшой словарь дяди Коли, по подсчетам Чика, около восьмидесяти слов, состоял из абхазских, турецких и русских слов. На этих языках говорили дома, и он составил себе небогатый, но затейливый язык из смеси трех языков.

— Что вам надо, товарищ? — наконец обратился к этому человеку Богатый Портной, словно только что заметив его.

— Я у него спрашиваю, не живет ли в этом дворе Габуня, — сказал человек недоумевая, — а он мне ничего не отвечает.

— Так он же сумасшедший, — ответил Богатый Портной восторженно, — разве вы не знаете?

— Нет, конечно, — ответил человек и опасливо отстранился от дяди Коли.

— Да, — восторженно подтвердил свои слова Богатый Портной, — он самый настоящий сумасшедший!

— Я же не знал, — сказал человек, опасливо косясь на дядю Колю, который, обернувшись к Алихану и Богатому Портному, стал им, смеясь и делая рукой всякие знаки, объяснять нелепость поведения этого человека, обращающегося к нему с праздными вопросами.

— Если вас что-нибудь интересует, — продолжал Богатый Портной с важностью, — вы можете спросить у меня. У Али-

хана тоже можете спросить, но у него нельзя спрашивать, потому что это будет пустой номер. А если вас интересует Габуния, работающий сторожем в школе, он живет в следующем дворе направо.

— Спасибо, — сказал человек и, как показалось Чикю, с облегчением покинул их двор.

— Вот люди, — сказал Богатый Портной, — мы здесь сидим и играем, но он у нас не спрашивает, а спрашивает у бедного Коли.

Богатый Портной разговорился, и, видно, ему еще хотелось поговорить.

— Ладно, играй, — прервал его Алихан, и Богатый Портной метнул кости.

И тут внезапно Чика осенила гениальная мысль: он приведет в школу дядю Колю! Ведь его там никто не знает. А если учителю что-нибудь покажется странным, то Чик объяснит это тем, что дядя Коля плохо слышит. Он ведь и в самом деле плохо слышит.

Осчастливленный своей удивительной догадкой, Чик быстро слез с дерева и вошел во двор. Белочка подбежала к нему и стала прыгать вокруг него, показывая, до чего она по нему соскучилась. Поглаживая прыгающую Белку, Чик с удовольствием обошел дядю Колю, деловито вглядываясь в него и стараясь почувствовать, какое впечатление он произведет завтра на Акакия Македоновича. Дядя тоже насторожился, следя глазами за Чиком. Ему казалось, что Чик присматривается к нему, чтобы начать его дразнить.

— Собака, — по-абхазски прикрикнул он на прыгающую Белку, тем самым предупреждая, что готов дать отпор любому злему умыслу Чика.

Но Чик и не думал его дразнить. Он готов был броситься на шею дяде Коле и восторженно прижать его к груди. К сожалению, дядя Коля такие вещи не понимал. Чик отошел от него и стал ходить по двору, обдумывая план завтрашних своих действий.

Как дядю Колю выманить со двора и привести его в школу? Конечно, лучший способ — пообещать ему лимонад. Дядя Коля больше всего на свете обожал лимонад. Магазин, где продавали лимонад и всякие другие продукты, был расположен рядом со школой. Надо привести туда дядю Колю, напоить его лимонадом и потом, когда благодушие его достигнет предела, завести его в школу.

Но где взять деньги на лимонад? У Чика денег не было, а дома с деньгами было трудновато. Дома денег не дадут. Где же их взять? Конечно, у Оника, сына Богатого Портного. У него копилка, в которую он опускает монеты почти каждый день.

Чик имел большое влияние на своих товарищей по двору. Он мог уговорить Оника одолжить ему эти деньги. Но он знал, что от этого у Оника испортится настроение. Чик не хотел, чтобы у Оника портилось настроение. Он решил что-нибудь обменять на деньги, которые даст ему Оник. Что же ему дать? У Чика не было ничего такого, что бы могло понравиться Онику.

Но видно, гениальный замысел не приходит один, он приводит с собой другие гениальные догадки, чтобы выполнить этот замысел. Чик понял, что он предложит Онику. Он ему продаст теннисный мяч, который застрял в желобе крыши. Хотя формально мяч этот Чику не принадлежал, но Чик его первый заметил, и это означало, что он будет принадлежать Чику.

Чик посмотрел на небо. Ему хотелось, чтобы на небе были тучи и собиралась гроза. Тогда легче было бы уговорить Оника, потому что во время грозы поток воды в желобе может подхватить мяч — и он, пройдя водосточную трубу, бултыхнется в бочку.

Небо, к сожалению, было синее, и никаких признаков ухудшения погоды Чик не заметил. Но ничего, все равно теперь он уговорит Оника. Надо взять у него денег на две бутылки лимонада. Такой мячик стоит гораздо больше, чем две бутылки лимонада.

— Наши выиграли четыре — ноль! — восторженно закричал Оник, вбегая во двор.

— Армавир — это не команда, — сказал Богатый Портной, уже обращаясь к Онику, — в Армавире только семечки кушают!

Чик взял Оника под руку и отвел его подальше от всех к подножию кипариса. Оник еще был пронизан восторгом победы наших футболистов. Чик чувствовал, что очень скоро восторг его угаснет, но ничего нельзя было сделать, решалась судьба.

— Оник, — сказал Чик, — мне позарез нужно сорок копеек для одного дела.

— Но у меня нет, — сказал Оник, постепенно тускнея.

— Знаю, — сказал Чик, — но ты их должен вынуть из своей копилки.

— Из копилки папа не разрешает, — сказал Оник, окончательно загрустив.

— Знаю, — сказал Чик, — но мне позарез нужно сорок копеек. Я тебе продаю свой теннисный мяч за сорок копеек.

— А он что, уже выкатился? — оживился Оник и даже удивленно посмотрел на небо.

— Нет, — сказал Чик, как человек, придерживающийся суровой правды, — но скоро начнутся ливни, и он выкатится...

— Выкатится, — уныло повторил Оник, опять потускнев, — он целых два года не выкатывается...

— Обязательно выкатится, — сказал Чик уверенно, — ведь больше ему некуда деться.

Оник уныло посмотрел на синее небо.

— На небе ни одной тучки, — сказал Оник.

— Правильно, — сказал Чик, — но что это значит?

— Это значит, — сказал Оник, — что погода хорошая и дождя не будет.

— Нет, — сказал Чик, — это значит, что скоро будет дождь.

— Почему? — удивился Оник.

— Как же ты не понимаешь, — сказал Чик, — раз уже столько дней погода хорошая, значит, скоро должен пойти дождь. Не может же быть все время хорошая погода?

— Все-таки неизвестно, выкатится мяч или нет, — сказал Оник.

— Выкатится, — повторил Чик убежденно, — ему больше некуда деться... И вот что... Если тебе жалко денег, так я у тебя потом выкуплю мяч, и получится, что ты все это время бесплатно пользовался моим мячом...

— А когда выкупишь? — оживился Оник.

— Не знаю, — сказал Чик честно, — но ведь чем дольше я не буду у тебя выкупать мяч, тем больше ты будешь им бесплатно пользоваться.

— Ладно, сейчас принесу, — сказал Оник, задумавшись над двусмысленным предложением Чика. С одной стороны, вроде лучше бы Чик его быстрее выкупил, а с другой стороны, чем дольше он не будет выкупать, тем дольше можно им бесплатно пользоваться.

Оник бежал домой и чувствовал, что он сделал выгодную сделку. Он вытряхнул из копилки сорок копеек, поставил копилку на место и вернулся во двор. Он передал деньги Чику, и Чик положил их в карман. Тут Оник вспомнил, что мяча еще нет и погода не портится. Он опять загрустил, и Чик это почувствовал.

— Не унывай, — сказал Чик, щупая в кармане две двадцатикопеечные монеты, — скоро у тебя будет прекрасный теннисный мяч.

— Нет, — вздохнул Оник, — я ничего.

Остаток дня и весь вечер Чик думал о предстоящем походе с дядей Колей в школу. Он испытывал необычайный прилив

нежности к дяде Коле, но не знал, как его проявить. Он бросал на него долгие взгляды, особенно когда оставался с ним наедине или когда на них никто не смотрел. Раньше обычно Чик эти мгновения использовал для того, чтобы подразнить его. И когда сейчас Чик смотрел на дядю Колю, дядя Коля тоже смело устремлял на него свой взгляд в ожидании, что Чик его сейчас начнет дразнить. Но Чик ему взглядами старался сказать, что он его любит и никогда, никогда его больше не будет дразнить. Он также пытался объяснить дяде Коле взглядами, к какому большому и важному делу он приставлен Чиком.

Но дядя Коля его взглядов не понимал. Он только знал, что раз Чик стал на него глазеть, то, значит, Чик собирается его дразнить. И он готовился к обороне, слегка подобравшись и глядя на Чика твердым, почти не мигающим взглядом. В конце концов кроткий взгляд Чика дяде надоел, и он, решив, что этот кроткий взгляд — новый способ издевательства, упрощенно пожаловался бабушке:

— Мальчик смотрит.

— Уж и посмотреть на тебя нельзя, — сказала бабушка и слегка хлопнули дядю по спине.

На следующий день перед началом занятий Чик воспользовался моментом, когда дядюшка был вне поля зрения взрослых, подошел к нему и показал свои деньги. Дядюшка очень заинтересовался деньгами и, наклонившись, внимательно их рассмотрел.

— Лимонад, лимонад, — громко сказал Чик и, махнув рукой, дал ему знать, что он может пойти с ним в магазин и выпить лимонаду.

— Лимонад? — обрадованно переспросил дядюшка.
— Лимонад, — подтвердил Чик и положил деньги в карман.
— Пошли, — сказал бодро дядюшка по-турецки и добавил по-русски: — Мальчик хороший.

Они спустились со второго этажа во двор, и Чик, знаком остановив дядюшку, забежал домой за портфелем и пиджаком отца. Чик заранее завернул в газету этот пиджак и собирался по дороге натянуть его на дядю. Чик считал, что в пиджаке у дяди будет более солидный, интеллигентный вид. А так он выглядел как-то несолидно — то ли деревенский па-сечник, то ли сторож какого-то сада.

Чик схватил портфель и сверток с пиджаком и выскочил во двор. Он очень боялся, что мама, или тетушка, или бабушка остановят их, пока они выходят со двора. Но их никто не заметил, и они, выйдя на улицу, быстрыми шагами дошли до угла. У дядюшки был тот целенаправленный вид, какой у него бывал, когда они шли на море, на базар или в баню.

На углу Чик развернул сверток и подал пиджак дяде. Дядюшка с удивлением оглядел пиджак.

— Черим-баба? — догадался дядюшка, что пиджак принадлежит отцу Чика. Так он его называл.

— Надевай, надевай, — кивнул Чик.

— Колю ругать? — спросил дядюшка, имея в виду, что без спросу надевать чужие вещи не положено, хотя он очень любил всякую обновку.

— Нет, нет, — замотал головой Чик, а потом утвердительно закивал: можно.

— Можно? — спросил дядюшка, склоняясь надеть пиджак и радостно глядя на него.

— Да, да, — сказал Чик и подал ему пиджак.

Дядюшка надел пиджак и взволнованно оглядел его. Он сунул руки в карманы и вынул из одного из них платок. Тут зыграла его обычная брезгливость; пиджаку он был рад, но грязный платок ему был ни к чему.

— Гадкий, — сказал он по-турецки и, держа платок двумя пальцами, вручил его Чику.

Чик молча положил платок в карман, и они подошли к магазину, где торговал толстый продавец Месроп.

— Дядя Месроп, две бутылки лимонада, — сказал Чик и, стукнув монетами, положил их на прилавок.

Дядюшку распирала гордость и от предстоящего лимонада, и от нового пиджака.

— Черим-баба, Черим-баба, — сказал он продавцу, хлопая себя ладонями по груди и показывая, что отец Чика подарил ему новый пиджак.

— Хороший, хороший, — сказал Месроп, знавший дядю Колю, и показал ему большой палец в знак высокой оценки пиджака.

— Хороший, — согласился дядя Коля и поощрительно похлопал Чика по плечу в знак одобрения всех его действий. Он был взволнован и возбужден.

Месроп открыл две бутылки лимонада, вымыл стакан и поставил его перед дядей. Дядя быстро налил себе в стакан желтый бурлящий лимонад, и, продолжая держать одной ру-

кой бутылку, поднес другую ко рту и, блаженствуя и судорожно двигая горлом, вылил туда весь стакан. Потом он быстро, словно боясь, что лимонад испарится, налил второй стакан, и не успели пузырьки в нем успокоиться, как он с такой же быстротой вылил его себе в горло. После третьего стакана, опорожнив бутылку, он сделал небольшую передышку.

Пока он пил, толстый, тяжело дышащий Месроп добродушно следил за ним, радуясь за него, что он может так наслаждаться такими простыми вещами, и одновременно радуясь за себя, за то, что он в отличие от дяди Коли нормальный человек, а не сумасшедший.

Дядя Коля, слегка опьянев от выпитого лимонада, стал знаками и восклицаниями рассказывать Месропу свою запутанную историю взаимоотношений с Чиком. Он ему пытался объяснить, что вот Чик по своему недомыслию иногда его дразнит, а на самом деле довольно добрый мальчик, потому что подарил ему пиджак и еще угостил лимонадом.

После второй бутылки дядя был в полном восторге. Как только они отошли от прилавка, Чик повернулся в сторону школы, которая находилась рядом, и, показывая на нее, сказал:

— Пойдем в школу.

— Школа, школа, — согласился дядя, взглянув на нее, но еще не понимая, что Чик его туда приглашает.

О предназначении школы дядя, как понимал Чик, догадывался. Но в таких мелких подробностях, как учителя, директора, вызов родителей, он, конечно, не разбирался.

Чик, взяв его за рукав, слегка потянул в сторону школы.

— Школа, школа, — повторил Чик, стараясь голосом довести до его сознания свое намерение и внушить, что это намерение ничего опасного для него не содержит в себе.

— Школа? — переспросил дядя.

— Да, школа, школа, — повторил Чик и снова потянул его за рукав,

— Пошли, — сказал дядя по-турецки и отправился вместе с Чиком в сторону школы.

Чика несколько встревожило, что дядя, общаясь с учителем русского языка, может употреблять нерусские слова. В крайнем случае, решил Чик, он скажет учителю, что дядя хорошо понимает по-русски, но плохо говорит.

Как раз прозвенел звонок на большую перемену, и Чик у вдруг пришла в голову возможность нового препятствия. Он боялся, что кто-нибудь из его друзей, встретив его в школе с дядей и не понимая, для чего он его привел, невольно выдаст, что дядя сумасшедший.

В самом деле, как только они вошли в школьный двор, на встречу им бросилась Сонька.

— Чик, зачем ты дядю привел? — крикнула она.

— Молчи, — сказал Чик, — потом все узнаешь.

— Что узнаю, Чик? — спросила Сонька, но Чик, сделав страшные глаза, прошел мимо Соньки.

Перед учительской была большая открытая веранда, где на переменах прогуливались учителя. Чик заметил среди них Акакия Македоновича. Чтобы дойти до лестницы, веду-

щей на веранду, надо было пройти мимо скульптуры трубача, трубящего в трубу. Чик очень боялся, что дядя, увидев эту скульптуру, остановится и будет, показывая на нее рукой, говорить: «Я, я, я...»

У него была привычка принимать за себя всякое изображение понравившегося ему человека, будь то скульптура, плакат, фотокарточка или газетный снимок.

Стараясь прикрывать трубача, Чик дошел с дядей до лестницы и поднялся с ним на веранду. Чик чувствовал вдохновение. Он понимал, что решается его судьба.

Акакий Македонович стоял один у балюстрады. Чик с дядей подошли к нему.

— Акакий Македонович, здравствуйте, — сказал Чик, первым поздоровавшись, чтобы незаметно было, что дядя не отвечает на приветствие.

Обычно дядя не здоровался и не прощался. Для него это были слишком мелкие подробности жизни. Но руку подавать он умел, хотя и не любил из брезгливости.

— Здравствуйте, — обернулся Акакий Македонович, смотревший в другую сторону.

Оглядев Чика и дядю, он подал дяде руку. Дядя пожал протянутую руку. Для начала было неплохо.

— Это мой дядя, — сказал Чик и, как бы откровенно признаваясь, добавил: — Он плохо слышит.

Акакий Македонович, взяв дядю под руку, стал прогуливаться с ним по веранде. Чик правильно сделал, что предупредил Акакия Македоновича о том, что дядя плохо слы-

шит. Дядя и в самом деле плохо слышал. Но Чик заботился не о том, чтобы Акакий Македонович приспособился к его слуху. Нет, его хитрость состояла в том, что, предупредив, что дядя плохо слышит, он тем самым оправдывал некоторые странности, которые Акакий Македонович мог заметить за дядей.

Чик точно не знал, о чем говорит Акакий Македонович с дядей. Он только услышал, когда они проходили мимо него, что Акакий Македонович читает ему свои последние грамматические стихи.

*...И теперь любому ясно,
Как писать частицу «не»
В нашей солнечной стране.*

— Спрашивается, что тут странного? — сказал Акакий Македонович, и они прошли мимо. Неизвестно, ждал ли Акакий Македонович на свой вопрос какого-то ответа. Чик ничего не слышал. Но он надеялся на характер Акакия Македоновича. Ему было важнее всего самому говорить, а не слушать, что ему говорят.

По виду дяди было заметно, что он польщен разговором, который затеял с ним этот важный человек. А то, что человек этот важный, дядя мог понять потому, что тот был в галстукe и в шляпе. Акакий Македонович очень редко и неохотно расставался со своей зеленой велюровой шляпой.

Вдруг в конце веранды появилась Сонька. Она никак не могла понять, почему Чик пришел в школу со своим сумасшедшим дядей. Чик сделал страшное лицо, давая ей понять, чтобы она ни за что на свете не приближалась к нему. Сонька в недоумении стояла в конце веранды, не понимая причины волнения Чика и еще больше не понимая, почему учитель прогуливается с сумасшедшим дядюшкой Чика.

Снова прошли мимо него Акакий Македонович с дядей Колей. По лицу дяди было заметно, что он доволен разговором, который ведет с ним серьезный взрослый человек.

— Я думаю, тут сказывается влияние улицы, — донесся до Чика голос Акакия Македоновича.

— Улица, улица, — повторил дядя по-русски знакомое ему слово.

Дойдя до конца веранды, они повернулись и подошли к Чику.

— Я надеюсь, Чик, ты теперь осознал всю неуместность своего поведения на уроке? — сказал Акакий Македонович.

— Да, — согласился Чик смиренно, — осознал.

— Я тут обсудил с твоим дядей твоё поведение и надеюсь, он все передаст твоим родителям.

— Конечно, — сказал Чик, как бы слегка сожалея о неизбежной пунктуальности дяди.

— Не скрою, — добавил Акакий Македонович, понижая голос, — твой дядя мне показался странным.

— Он необразованный, — пояснил Чик странность дяди.

— Да, это заметно, — подтвердил его слова Акакий Македонович и протянул дяде руку. Дядя пожал протянутую ему руку.

— До свидания, — сказал Акакий Македонович.

— До свидания, — ответил Чик за обоих и поспешил увести дядю с веранды.

Чик шел с дядей по лестнице. Рядом вприпрыжку спускалась Сонька, то и дело спрашивая:

— Чик, что случилось?

— Ничего не спрашивай, — отвечал ей Чик, — потом все расскажу.

Сонька отстала. Чик чувствовал за спиной взгляд Акакия Македоновича, в душу которого явно закрались какие-то подозрения. Чик хотел, чтобы дядя как можно благопристойней покинул школьный двор.

Внезапно посреди двора дядя остановился у колонки и, отвернув кран, стал усердно мыть руки. Он всегда мыл руки, если с ним кто-нибудь здоровался. Чик это очень не понравилось, но он не стал останавливать дядю, боясь, что это может привести к непредвиденным осложнениям.

Чик украдкой оглянулся на веранду и встретился взглядом с Акакием Македоновичем. Тот перевел удивленный взгляд с дяди на Чика, как бы требуя объяснить поведение дяди. Чик слегка пожал плечами, как бы давая знать, что необразованные люди вроде дяди вечно моют

руки, как только им на глаза попадается какая-нибудь колонка.

Но тут дядя, вымыв руки и вытерев их платком, поднял глаза и увидел скульптуру трубача. Он стал показывать на нее рукой и, радостно стучая себя в грудь другой рукой, повторять:

— Я, я, я...

Акакий Македонович еще более удивленно наклонился над балюстрадой веранды, стараясь разглядеть предмет, на который указывает дядя. По-видимому, он все-таки не догадался, что дядя имеет в виду статую. Слова, которые дядя произносил, он не мог расслышать.

Чик подхватил дядю под руку и увел его со двора. Дядя слегка упирался и оглядывался. Он явно недостаточно налюбовался скульптурой. Чик вывел его со школьного двора, направил в сторону дома и отпустил, надеясь, что он по инерции уже сам дойдет до дома, никуда не сворачивая. Дядя быстрой походкой удалялся. Несколько раз он оглянулся, надеясь разглядеть скульптуру трубача, но теперь веранды не было видно.

Прозвенел звонок, и Чик побежал в свой класс. Чик был счастлив, что сумел перехитрить Акакия Македоновича. Его немножко смущало, что, как только дядя придет домой, с него совлекут пиджак отца, не понимая, как он к нему попал. Но это было не страшно. Главное, что тетушка, ни о чем не зная, могла спокойно пить чай на своей веранде.

ЧИК И ПУШКИН

В классе было тихо-тихо. Александра Ивановна сидела за столом и читала «Капитанскую дочку». Даже пылинки в солнечном луче, падающем на стол учительницы, казалось, стали медленнее кружиться, все пристраиваясь и пристраиваясь к спокойному и милому порядку книги. Александра Ивановна ее читала уже много дней, и каждый раз в классе устанавливалась волшебная тишина.

Чик ужасно любил эти минуты. Конечно, и книга была мировая, и Александра Ивановна здорово читала. Но тут было еще что-то другое. Чик это чувствовал. В голосе Александры Ивановны журчат уют, слаженность всей жизни, где всем, всем людям будет хорошо. Сначала в классе, как сейчас, а потом и во всем мире. И хотя книга была как бы не об этом, но через голос учительницы получалось, что и это в ней есть.

Он чувствовал, что всем классом слушать Александру Ивановну, читающую эту книгу, гораздо слаще, чем одному. Оказывается, когда многие рядом с тобой наслаждаются книгой, гораздо слаще делается и тебе самому.

И Чик любил сейчас всех ребят класса за то, что они так послушно наслаждаются. Ну, Александру Ивановну он и всегда любил больше всех остальных учителей.

Он любил ее старое, морщинистое лицо в пенсне, ее высокую, легкую фигуру в аккуратном сером пиджаке и этот ровный голос, старающийся не выдавать того, что она сама чув-

ствуется при чтении, чтобы не было взрослой подсказки, где смеяться, а где горевать. Чик и за это ей был благодарен.

Чик вспомнил свое далекое, в первом классе, знакомство с Александрой Ивановной. Какой он был тогда глупый! Он пришел в первый класс с опозданием. Его не хотели принимать, потому что он недотягивал по возрасту. А потом приняли.

И он, не зная школьных правил, в первое время то и дело попадал впросак. Так, он долго не мог понять, что в классе нельзя громко разговаривать. Почему? Разве кто-нибудь спит или больной?

Школа предлагала ему во время урока как бы заснуть для жизни, чтобы проснуться для учебы. А Чик, громко разговаривая, как бы отстаивал прекрасную возможность одновременно жить для жизни и жить для учебы. И снова начинал громко разговаривать с соседями.

Наконец Александре Ивановне надоела непонятливость Чика, и она ему предложила выйти из класса, тем более что он уже тогда был громкоголосым. И Чик стал собирать портфель, чтобы выйти вместе со своими вещами, а класс вдруг стал хохотать над ним. И Чика больно пронзил этот гогот класса.

Он растерялся и посмотрел на Александру Ивановну, не понимая, почему над ним смеются. И вдруг увидел, что она тоже смеется над ним, но смеется, любя его. Чик взгляделся в нее: да-да, смеется любя! И у Чика сразу отлегло! Если бы школьники своим смехом хотели унижить его, она бы не могла вместе с ними смеяться любя! Его любимый дядя Риза тоже часто так смеялся над ним. И Чик точно знал: смеяться любя — это еще больше любить.

Александра Ивановна, продолжая смеяться, показывала рукой, что портфель можно оставить в парте, а самому выйти из класса. Чик неохотно оставил портфель и вышел. Он все-таки не мог понять, почему он должен оставить портфель. Видимо, сказывалась детская привычка, выходя из игры, забирать с собой свои игрушки.

И все эти годы в школе над Чиком сияла любящая улыбочка Александры Ивановны, и он привык к этому и думал, что это будет вечно. Чик не знал, что через год литературу и русский язык будет преподавать директор школы Акакий Македонович и тогда не только не будет любящей улыбочки, но и кончится праздник литературы. Она поскучнеет, как и сам Акакий Македонович.

И Чик будет так странно и грустно видеть, как Александра Ивановна легкой и быстрой походкой проходит по школьному коридору, но теперь всегда, навсегда идет не к ним в класс, а в другой, в другие.

И это будет так странно, так грустно, как если вдруг мама, возвращаясь с базара, повернет в другой двор и каждый раз будет поворачивать в другой двор и никогда не будет поворачивать к себе домой, к нам домой.

Чик не знал, что это тоска по вечному. Детство верит, что все будет вечно: и мама, и солнце, и мир, и любимая учительница. А тут вдруг вечность укоротилась на Александру Ивановну. Она как бы есть, и ее как бы нет. И Чик, продолжая любить Александру Ивановну, старался не попадаться ей на гла-

за. Не то чтобы избегая, но старался не попадаться ей на глаза. Было как-то стыдно. Получался какой-то обман природы. Только разогнался вечно любить Александру Ивановну, а тут вдруг вместо нее Акакий Македонович со своей вечнозеленой шляпой. Чик, конечно, не сравнивал. Он это чувствовал.

Но сейчас до этого было далеко-далеко! Этого даже не было вообще. В классе струился и струился голос Александры Ивановны. И чем больше Чик слушал, тем сильнее ему нравился Савельич. Вот чудило! И как он предан своему барчуку, и как бесстрашно готов защищать его. Прямо как наседка цыпленка!

Чика уже учили, что холопство — это плохо. И он с этим был согласен. Но хоть Савельич по должности был холоп и его преданность барину надо было презирать, Чик не только не чувствовал этого презрения — он просто обожал его.

Сам готов каждую минуту умереть за своего барчука, а сам ворчит, ворчит, ворчит. И то ему не так, и это ему не так. Как будто он барин. Он барин своей преданности. Вот таких преданных ворчунов Чик обожал больше всех на свете.

Преданных, которые никогда не поворачивают на тех, кому они преданы, Чик не любил. Они такие скучные! Ходят с таким надутым выражением, мол, преданными быть очень трудно. Смотрите, смотрите, какие мы преданные! Думаете, легко быть преданными? Очень трудно быть преданными! Но вот мы преданные и не ворчим.

Чик даже не очень верил в такую преданность. Да ты лучше поворачивай, как Савельич, тогда и видно будет, насколько

ты предан. Нет, не ворчат! Ну и катитесь со своей скучной преданностью!

Каждый раз, когда по ходу чтения должен был появиться Савельич, Чик переглядывался с одним учеником. Звали его Сева. Они, переглядываясь, понимающе улыбались друг другу: сейчас, сейчас Савельич учудит что-нибудь смешное.

Чик всегда переглядывался с Севой. Когда в классе надвигалось что-нибудь смешное, а другие ученики еще не понимали, что смешное надвигается, они уже переглядывались и кивали друг другу. Было приятно чувствовать, что они уже знают о приближении смешного, а класс еще ничего не подозревает. Скрипит себе перьями или шушукается.

Этот Сева был удивительный пацан. Он смешное замечал даже лучше Чика. Он не был шумным шалуном, но не был и тихоней. Он был спокойным, вот что удивительно.

Учился хорошо, но и не лез в отличники. Одевался довольно бедно, но всегда чистый и аккуратный. Сидит себе такой глазастик с круглой светло-курчавой головой и только посматривает внимательно по сторонам, где бы высмотреть что-нибудь смешное. Даже на контрольной он находит время заметить и обратить внимание Чика на мальчика, который так увлекся шпаргалкой, что прямо сунул голову в парту, забыв, что учитель его вот-вот накроет.

В прошлом году к ним в класс пришел новичок, который каждый день перед большой переменной на уроке тихонько съедал свой завтрак, принесенный из дому. Жадный, боялся, что попросит кто-нибудь на переменке.

Сева первый это заметил, хотя ученик сидел далеко от него и ел исключительно осторожно. И с тех пор Сева и Чик не пропускали ни одного дня, чтобы не полюбоваться глупой жадностью этого мальчика. И мальчик давно заметил, что Сева и Чик следят за его тайными завтраками, и всем своим видом показывал, что неприятно удивлен их вниманием.

Незадолго до большой перемены Сева и Чик начинали глядеть на этого мальчика, как бы поощряя его: давай начинай! Мальчик обидчиво надувался, как бы говоря: захочу — начну, захочу — нет! Но все равно начинал. Особенно смешно было, что он после каникул думал, что Сева и Чик за лето позабыли о нем. Но не тут-то было! Только он полез одной рукой в парту, чтобы приготовить бутерброд для укуса под партой, как был пойман взглядами Севы и Чика: никуда не уйдешь, начинай!

Сева сразу заметил, что математик проявляет смешную странность. Если он приходил на урок не в духе, всегда первым вызывал к доске одного и того же мальчика. Самого тихого ученика, единственного очкарика во всем классе.

Бывало, входит математик туча тучей, садится за стол, открывает журнал. А Сева уже переглядывается с Чиком и кивает на того мальчика. А тот ничего не подозревает, скромно сидит себе за своей партой.

— Анциферов, к доске!

Анциферов вздрагивает, поправляет очки и идет к доске. Однажды на перемене Сева подозвал Чика своей улыбкой. Чик охотно подошел.

— Видел вчера нашего математика. Он с женой шел с базара, — сказал Сева, глядя с улыбкой на Чика и предлагая начать веселиться.

Чик решил, что веселиться рановато.

— Ну и что? — пожал он плечами. — Многие мужчины сейчас ходят с женщиной на базар. Это до революции они стыдились ходить на базар с женщиной.

— Я за ними пристроился, — сказал Сева, продолжая лучезарно улыбаться, — они всю дорогу ругались.

Чик и тут не нашел большого повода для веселья.

— Ну и что? — настаивал Чик на более веских доказательствах. — Многие мужчины ругаются со своей женой. Я слышал.

— Она была в очках, — добавил Сева и расплылся.

— Ну и что? — упорствовал Чик, требуя четкого определения повода для веселья, хотя смутно что-то почувствовал. — Многие женщины ходят в очках. Ничего особенного.

Сева, продолжая лучезарно улыбаться, таинственно кивнул на Анциферова. Чик глянул на Анциферова, и вдруг, как молнией, его пробило: тут очки и там очки! Он злится на жену и, приходя в класс, рокошет, как гром:

«Анциферов, к доске!»

Далеко же Сева видел смешное! Ох как далеко!

В другой раз на уроке истории учитель рассказывал об одном древнегреческом полководце. Чик случайно взглянул на Севу. Он сидел в другом ряду впереди Чика. Оказывается,

Сева уже всюду улыбается и кивает на учителя. Оказывается, он уже давно видит смешное.

Но это был очень хороший учитель, и полководец, о котором он рассказывал, был грозный полководец. Чик приглядывается к учителю, прислушивается к его словам: ничего смешного! Чик снова прислушивается. Нет, все в порядке, и учитель здорово говорит, и полководец шутить не любит. А Сева все кивает! Скоро урок кончится, а Чик ничего не поймет! И вдруг его осенило! Очень уж горячо учитель истории рассказывал о греческом полководце! А сам по национальности грек! Своих нахваливает, своих! — вот что означали улыбки и кивки Севы.

И в самом деле, Чик вспомнил, о полководцах других древних народов он так горячо не говорил. Ну, там Дарий, Цезарь, Ганнибал. Было от чего погорячиться, но там он что-то не слишком горячился.

Они тогда тихо и хорошо повеселились на уроке. Все, что ни говорил учитель, становилось смешным. Потому что он был грек и, рассказывая о древнегреческом полководце, горячился. А ребята только косились на Чика, не понимая, почему он трясется от тихого смеха. Они, конечно, знали, что учитель грек, но им и в голову не приходило, что он болеет за древнегреческого полководца. Очень уж далеко это было!

Сева жил на горе недалеко от того места, где обитали рыжие волчата. Однажды Чик пришел к нему домой, и они вместе вышли на склон рвать молочай для свиньи. Севин отец держал свинью. Они набрали целый мешок молочая, и, пока

рвали его, Сева успел рассказать Чик у про свою свинью столько забавного, что Чик от смеха чуть не скатился с горы.

Эта свинья очень дружила с собакой Севы. Если его собака сцеплялась с каким-нибудь бродячим псом, свинья бежала на помощь. Где бы она ни была, она по голосу узнавала, что ее друг в беде, и бежала на выручку, еще издали воинственным визгом пугая чужую собаку.

Это была исключительно храбрая свинья и так предана Севиной собаке, как будто она сама ее родила. Иногда, завидев бродячую собаку, она первая шла на нее и оглядывалась на своего дружка, стараясь увлечь его на боевые действия. Иногда Севиной собаке неохота было драться. Но неудобно — свинья уже в атаке. Приходится бежать за ней.

Она так любила Севину собаку! Иногда, когда собака лежала во дворе, свинья приходила и укладывалась рядом с ней, норовя положить голову на спину собаке. А Севиной собаке неловко встать и уйти, потому что она знает, как свинья ее любит и как она предана ей. И вот свинья похрюкивает, положив голову на спину собаке, а собака молчит, терпит, только старается дышать в сторону, чтобы воняло поменьше. Иногда даже перпендикулярно к небу вытягивала голову, чтобы глотнуть свежего воздуха. Но не уходила, не могла обидеть преданную свинью.

Да, Сева это Сева! Вот так Чик сидел в классе, наслаждаясь чтением Александры Ивановны и каждый раз переглядываясь с Севой, когда появлялся Савельич.

Вдруг в классе раскрылась дверь и вошел неизвестный мужчина. Ребята, грохнув крышками парт, вскочили. Муж-

чина, красиво склонившись в сторону Александры Ивановны, спросил:

— Можно?

— Пожалуйста, — сказала Александра Ивановна с улыбкой и уступила ему свое место.

Чик заметил, что девочки ожили и зашущукали: «Отелло! Отелло!» Мужчина движением руки посадил ребят и сам сел, скрипнув стулом. Александра Ивановна села напротив него на первую парту.

— Ребята, — сказал мужчина, — я артист местного драматического театра. Зовут меня Евгений Дмитриевич Левкоев. Я сейчас веду драмкружок в вашей школе, я ищу талантливых, сценически одаренных школьников. Есть они у вас?

Некоторые девочки смущенно подхихикнули. Ребята молчали. Чик впервые видел артиста в такой близости. Он еще совсем маленьким один раз был в городском театре. И ему там больше всего понравилась изображенная при помощи световых эффектов быстро мчащаяся машина. Было очень похоже.

Артист был в голубом костюме и в голубом галстуке, и глаза у него были голубые. Он был немолодым крупным человеком с длинной жилистой шеей, чем-то похожий на отяжелевшего, одышливого орла. Чик видел таких голошеих орлов в приезде зверинце. Они неподвижно стояли на камнях, приоткрыв клювы и тяжело дыша. Чик жалел их. Было ясно, что они привыкли к высоте и им трудно тут в потном летнем городе.

Чика удивило выражение лица артиста. Оно у него было брюзгливое. По лицам некоторых гостей, которые приходи-

ли к ним домой или к тетушке, Чик заметил, что такое выражение бывает как раз у тех из них, кто слишком любит вино. И Чик никак не мог понять, почему у этого артиста такое же брюзгливое выражение на лице. Ему тогда и в голову не могло прийти, что артист тоже может увлечься вином.

— Ну что? — клекотнул Евгений Дмитриевич, задирая голову и оглядывая класс, как если бы ученики сидели не в этом маленьком помещении, а в общей зале человек на двести. Чик и Сева откровенно переглянулись.

Некоторые девочки уже начали подталкивать друг друга, яростно перешептываясь. Однако все молчали.

— Кто у вас выразительно читает стихи и басни? — спросил Евгений Дмитриевич и посмотрел на Александру Ивановну, опять задирая голову выше, чем надо.

Александра Ивановна несколько заволновалась, смущенно улыбнулась, оглядывая класс, потом снова повернулась к Евгению Дмитриевичу и что-то ему сказала. Потом она опять повернулась лицом к классу, поймала глазами Чика и кивнула:

— Чик, выходи!

Чик уже знал, что без него не обойдется. Он был самым громкоголосым в классе и считался начитанным мальчиком. Смешно было бы думать, что дело обойдется без него. Но Чик не хотел начинать первым. С такой карты не начинают! И он пытался это объяснить знаками, но Александра Ивановна его не поняла, она решила, что он смущается.

— Иди, Чик, иди, — повторила она, окидывая его улыбкой.

Ребята начали посмеиваться, тем более, что Евгений Дмитриевич, опять задрав голову, искал Чика совсем в другом конце класса.

Чик вышел, встал рядом со столом и прочел свое любимое революционное стихотворение, где мать и сын сражаются на баррикаде (сын явно не старше Чика) и оба, пронзенные пулями, умирают, обнявшись.

Чик у и раньше нравилось это стихотворение, потому-то он его и прочел. Вообще-то стихи ему редко нравились. Но это стихотворение очень нравилось.

А тут как только он начал читать, какая-то сила вздернула его, трепанула, ударила в голову, и Чик загудел стихами, как мотор. Сила откуда-то бралась сама. Чик только голосу подпускал. И он, читая, заново почувствовал невероятную жалость к героической маме и героическому мальчику.

— Да, — сказал Евгений Дмитриевич, когда Чик кончил читать, и, опять приподняв голову, оглядел Чика так, как если бы Чик был вдвое выше, — да, когда бы все так чувствовали поэзию.

Чик продолжал стоять, ощущая в себе прилив огромных и, главное, совсем не исчерпавшихся сил. Он теперь прилаживался запустить «Белеет парус одинокий». Но его никто не просил. А сам он был так оглушен собственным чтением, что не слышал Александру Ивановну, попросившую его сесть на место.

Чик продолжал стоять. Класс начал смеяться. И Александра Ивановна встала и, улыбаясь, подтолкнула Чика к его месту. Чик машинально двинулся к своей парте. Дошел, раздум-

чиво постоял возле нее, как бы ожидая, что его вернут, а потом вяло сел. Он еще не понимал, что такого рода артистическое рвение принято скрывать.

После Чика еще двое мальчиков и две девочки читали стихи и басни. Но это было жалкое зрелище. Евгений Дмитриевич во время их чтения несколько раз находил глазами Чика и, качая головой, смотрел на него, как Посвященный на Посвященного. Чик уже остыл, и ему ужасно понравились эти взгляды. Чик давно заметил, что так переглядываются интеллигентные люди, когда другие люди, находясь рядом, начинают умничать и рассуждать. Прозвонел звонок.

— Завтра в пять часов в пионерской комнате, коллега, — добродушно клеткотнул Евгений Дмитриевич и, потрепав Чика по шее, вышел из класса.

Чик был очень польщен его шутливыми словами. На следующий день в назначенное время Чик пришел в пионерскую комнату. Там уже собралось человек десять мальчиков и девочек из других классов. Они были ровесники Чика или чуть постарше.

Евгений Дмитриевич окончил занятия со старшеклассниками и занялся новичками. Сразу же узнав Чика, он радостно клеткотнул и не забыл посмотреть на него, как Посвященный на Посвященного. Чик с удовольствием принял этот взгляд и ответил ему таким же. Это было все равно как с Севой. Только там дело касалось смешного, а тут искусства. А в остальном одно и то же.

Евгений Дмитриевич объяснил ребятам, что школе предстоит подготовить к городской олимпиаде постановку по произведению Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде». Теперь для проверки способностей он давал мальчикам и девочкам прочесть кусочек из этой сказки. Мальчики и девочки стали читать. «А девочки зачем? — подумал Чик. — На роль бесенка, что ли?» Многие из них, особенно девочки, ужасно волновались, сучили ногами или неожиданно всплескивали руками.

Видимо, от волнения они, начиная читать, путали слова, заикались, а уж о громогласности и говорить было нечего. С громогласностью было совсем плохо. Шептуны какие-то. Таким голосом еще кое-как можно было подсказывать на уроке, а не выступать в городском театре, где должна была проходить олимпиада.

Чик чувствовал себя до того уверенно, что, когда кто-нибудь из ребят ошибался в интонации или неправильно произносил слово, поправлял чтеца, стараясь при этом переглянуться с Евгением Дмитриевичем взглядом, подтверждающим правильность его, Чика, Посвященности. Евгений Дмитриевич отвечал на эти взгляды несколько утомленными, но не отвергающими Посвященность Чика взглядами.

Когда дело дошло до Чика, он спокойно прочел заданный кусок. Чик читал с легким утробным гудением, что должно было означать наличие невероятных голосовых сил, которые пока сдерживаются дисциплиной и скромностью чтеца.

— Вот ты и будешь Балдой, — клекотнул Евгений Дмитриевич.

Чик ничего другого и не ожидал. Одному мальчику из параллельного класса, который читал с ужасным мингрельским акцентом, Евгений Дмитриевич сказал:

— Ты свободен.

Чик у стало жалко этого мальчика. Другим он или ничего не сказал, или дал знать, что должен еще подумать об их судьбе. А этому прямо так и сказал.

Кстати, звали его Жора Куркулия. Это был такой светлоглазый крепыш со смущенной улыбкой и широким деревенским румянцем на лице. По акценту, с которым Жора говорил на русском языке, Чик точно знал, что мальчик этот вырос в деревне.

Любя своих чегемских родственников, Чик немного покровительствовал деревенским мальчикам, которые учились в городе. Встречаясь с Жорой на переменах, Чик гостеприимно кивал ему и как бы говорил: «Учись, Жора. Читай книги, ходи в кино, пользуйся турником, шведской стенкой, параллельными брусьями и будешь не хуже нас, городских». Жора смущенно улыбался в ответ и как бы отвечал: «Я, конечно, постараюсь, если смогу преодолеть свою деревенскость». И вот Евгений Дмитриевич, не зная, что Жора деревенский, а с такими надо бы помягче, говорит ему обидные слова.

— Можно, я просто так побуду? — сказал Жора в ответ и улыбнулся жалкой, а главное, совершенно необиженной улыбкой.

Евгений Дмитриевич пожал плечами и, кажется, в этот же миг забыл о существовании Жоры Куркулия.

Наконец роли распределены, и дети стали готовиться к выступлению на олимпиаде. Репетиции дважды в неделю проходили в пионерской комнате. Старшеклассники ставили сценку из какой-то бытовой пьесы, а после них разыгрывалась «Сказка о попе и о работнике его Балде».

Иногда Евгений Дмитриевич немного задерживался со старшеклассниками, и тогда ребята досматривали хвост пьески, где гуляка-муж, которого сослуживцы и домашние долго уговаривали исправиться и который как будто склонился на уговоры, но вдруг в последнее мгновение хватал гитару (на репетиции он хватал большой треугольник) и, якобы бряцая по струнам, запевал:

*Я цыганский Байрон,
Я в цыганку влюблен.*

— Не Байрон, а барон, запомни, — поправлял его Евгений Дмитриевич, но это не меняло сути дела. Из его пения ясно следовало, что он все еще тянется к распутной жизни своих дружков.

После нескольких репетиций Чик вдруг почувствовал, что роль Балды ему смертельно надоела. Честно говоря, Чик и раньше эта сказка не очень нравилась. Но он об этом подзабыл. А сейчас она и вовсе потускнела в его глазах.

И чем больше они репетировали, тем больше Чик понимал, что никак не может ощутить себя Балдой. Какое-то чувство внутри него оказывалось сильнее желания войти в образ. Это чувство с каким-то уличающим презрением к его

фальшивым попыткам войти в образ преследовало его на каждом шагу.

Пока еще разучивали текст, громогласность и легкость чтения давали Чикю некоторые преимущества над остальными ребятами, и он продолжал переглядываться с Евгением Дмитриевичем взглядом Посвященного.

Этот взгляд Посвященного Чик в первое время ухитрялся распространять даже на постановку старшекласников, когда они заставляли их за репетицией. Чаще взгляд Посвященного вызывал все тот же гуляка-муж, упрямый не только в своем распутстве, но и в искажении своей песенки:

*Я цыганский Байрон,
Я в цыганку влюблен.*

Но потом, когда все стали разыгрывать свои роли, Чик почувствовал бездарность своего исполнения, однако все еще преувеличивал достоинства своей громогласности и все еще продолжал бросать на Евгения Дмитриевича уже давно безответные взгляды Посвященного. В конце концов Евгений Дмитриевич не выдержал и на один из Посвященных взглядов Чика так клетотнул ему навстречу, что Чик вынужден был погасить в своих глазах это приятное выражение.

Чтобы оправдать перед самим собой свою плохую игру, Чик стал замечать все больше и больше недостатков в образе самого Балды. Так, Чика раздражал грубый и наивный обман,

когда Балда, вместо того чтобы тащить кобылу, сел на нее верхом и поехал.

Казалось, каждый дурак, тем более бес, хотя он и бесенок, мог догадаться об этом. А то, что бесенку пришлось подлезать под кобылу, Чик находил подлым и жестоким. Да и вообще мирные черти, вынужденные платить людям ничем не заслуженный оброк, почему-то были Чику приятней самоуверенного Балды.

А между прочим, Жора Куркулия все время приходил на репетиции и уже как-то стал необходим. Он первым бросался отодвигать столы и стулья, чтобы очистить место для сцены, открывал и закрывал окна, иногда бегал за папиросами для Евгения Дмитриевича.

Жора стал вроде завхоза маленькой труппы. К тому же оказалось, что он по воскресеньям ездит домой к себе в деревню и привозит оттуда великолепные груши «дюшес». Он приносил на репетицию сумку с грушами и всех угощал.

Евгений Дмитриевич тоже охотно ел сочные груши, вытянув длинную шею, чтобы не закапать костюм. Он со вздохом втягивал в себя нежный сок и с выдохом говорил:

— Божественно... Божественно... Ублажил, меценат.

— Чачу тоже могу привезти, — однажды сказал Жора, улыбаясь и кося глазами от смущения, — сами варим...

Чика рассмешило это предложение. Если бы Сева был здесь, он обязательно переглянулся бы с Чиком, обращая его внимание на хитрый заход Жоры. Ясно, что виноградную водку он не мог предложить пацанам, значит, он имел в виду Евгения Дмитриевича.

— Нет, спаивать труппу я тебе не позволю, — сказал Евгений Дмитриевич шуточно.

Но потом во время других репетиций он с какой-то забавной серьезностью спрашивал у Жоры, как у них в деревне готовят чачу, сколько виноградных отжимков идет на один самогонный котел и сколько бутылок первача получается с одного котла.

И тут Чик окончательно уверился, что Евгений Дмитриевич любит выпить. А Жора Куркулия все ему подробно объяснял. На его широком румянном лице все время порхала смущенная улыбка. И вдруг Чик понял, что Жора большой хитрец. Ведь он раньше Чика догадался, что Евгений Дмитриевич любит выпить. Иначе бы он не осмелился сказать такую глупость про чачу. Взрослый человек да еще артист не станет брать выпивку у мальчика. Тут Жора сглумил. Но то, что Евгений Дмитриевич любит выпить, он понял точно. Но как? Это была загадка.

Однажды, когда ребята уже репетировали в костюмах, Евгений Дмитриевич предложил Жоре роль задних ног лошади. Жора расплылся от удовольствия.

Лошадь была сделана из твердого картона, выкрашенного в рыжий цвет. Внутри лошади помещались два мальчика, один спереди, другой сзади. Первый просовывал свою голову в голову лошади и выглядывал оттуда через глазные дырочки. Голова лошади была прикреплена на винтах к туловищу, так что лошадь довольно легко могла двигать головой, и получалось это естественно, потому что и шея и винты были скрыты под густой гривой.

Первый мальчик должен был ржать, качать головой и указывать направление всему туловищу, потому что там, сзади, второй мальчик находился почти в полной темноте. У него была единственная обязанность — оживлять лошадь игрой хвоста, к репице которого изнутри была прикреплена деревянная ручка. Тряхнул ручкой — лошадь тряхнула хвостом. Оба мальчика соответственно играли передние и задние ноги лошади.

Жора Куркулия получил свою роль после того, как Евгений Дмитриевич несколько раз пытался показать мальчику, играющему задние ноги, как выбивать звук галопирующих копыт. У мальчика никак не получался этот звук. Вернее, когда он вылезал из-под крупа лошади, звук кое-как получался, а под лошадью он как-то сбивался.

— Вот так надо, — вдруг не выдержал Жора Куркулия и без всякого приглашения выскочил и, топоча своими толстенькими ногами, довольно точно изобразил галопирующую лошадь.

Этот звук, издаваемый ногами Жоры, очень понравился Евгению Дмитриевичу. Он пытался заставить мальчика, игравшего задние ноги лошади, перенять этот звук, но тот никак не мог его перенять.

После каждой его попытки Жора выходил и точным топотанием изображал галоп. При этом он, подобно чечеточникам, сам прислушивался к мелодии топота и призывал этого мальчика прислушаться и перенять. У мальчика получалось гораздо хуже, и Евгений Дмитриевич поставил Жору на его место.

Иногда перед репетицией или после Евгений Дмитриевич снова возвращался к самогонному аппарату и спрашивал про разные фрукты, из которых готовят водку. Чик, умирая от внутреннего смеха, слушал этот мирный разговор большого и маленького. Он очень сожалел, что не может при этом перемигиваться с Севой. Так было бы гораздо интересней. Остальные ребята все принимали за чистую монету и уныло дожидались, когда Евгений Дмитриевич окончит этот скучный разговор.

Чика особенно сместило, что Евгений Дмитриевич, стараясь скрыть от Жоры удовольствие, которое он получает от своих расспросов, напускал на себя угрюмость. Как будто бы просто интересуется жизнью и обычаями местных народов. Но Чик теперь точно знал: любит, любит Евгений Дмитриевич это дело!

Иногда Евгений Дмитриевич, как бы очнувшись, раздраженно прерывал Жору:

— Ладно, хватит! Что ты завел: грушевая, тутовая! По местам. Начинаем!

— Нет, я так просто, — краснея и лукаво беря на себя вину, отвечал Жора, — сами варим! По-домашнему! По-селянски!

— Ты все же школьник, — клекотнув, прерывал его Евгений Дмитриевич, — не надо об этом!

На одной из следующих репетиций вдруг из-под задней части лошадиного брюха без всякой на то причины Куркулия издал радостное ржание.

«Ты смотри, как обнаглел, — удивился Чик. — Оказывается, люди из долинных деревень — это совсем не то что горцы.

А я путал, как дурак. Думал, там деревня и здесь деревня! Горцы — это совсем другое. Нет, Жора не горец!»

А Евгения Дмитриевича это ржание привело в восторг. Он немедленно извлек Жору из-под лошади и заставил его несколько раз заржать. Особенно понравилось Евгению Дмитриевичу, что ржание его кончалось храпцем, и в самом деле очень похожим на звук, которым лошадь заканчивает ржание.

— Все понимает, чертёнок, — повторил Евгений Дмитриевич, с наслаждением слушая Жору.

Разумеется, он тут же стал требовать от мальчика, игравшего передние ноги лошади, чтобы тот перенял это ржание. После нескольких унылых попыток этого мальчика, видимо, сразу же ошеломленного предательским ржанием задней части лошади, Евгений Дмитриевич махнул на него рукой и поставил Жору Куркулия на его место. Хотя толстые ноги Жоры больше подходили к задним ногам лошади, пришлось пожертвовать этим небольшим правдоподобием ради правильного расположения источника ржания.

Репетиции продолжались. Чик все еще продолжал придавать исключительное значение своей громогласности, которую с некоторой натяжкой можно было отнести за счет нахрапистости Балды. Чик чувствовал бездарность своего исполнения, но не замечал, как эта бездарность постепенно переходит в недобросовестность. Он совсем не повторял дома свой текст.

Однажды, когда он, забыв строчку, споткнулся, вдруг лошадь обернулась в его сторону и протянула:

— Попляши-ка ты под нашу бал-ля-ляй-ку!

Все рассмеялись, а Евгений Дмитриевич сказал:

— Тебе бы цены не было, Куркулия, если бы ты избавился от акцента...

Иногда Жора подсказывал и другим ребятам. Видно, он всю сказку выучил наизусть.

Однажды Чик на своей улице играл с ребятами в футбол. И вдруг со стороны школы мчится Жора Куркулия. Он бежал и на ходу делал какие-то знаки руками, явно имевшие отношение к Чику. Сердце у Чика екнуло. Ему давно пора было идти на репетицию, а он спутал дни недели и думал, что надо идти туда завтра. Жора Куркулия приближался, жестами выражая великое недоумение по поводу того, что случилось.

Было ужасно неприятно видеть его приближение. И Чик вдруг вспомнил, что точно так же ему однажды было неприятно видеть приближение старушенции библиотекарши. Но где эта старушенция и где Жора Куркулия? Он стал вспоминать случай с библиотекаршей, чтобы понять, что их соединяет, одновременно чувствуя всю глупую неуместность этого воспоминания.

Чик тогда потерял книгу, взятую в библиотеке, и старушенция уже извещала его о необходимости немедленно возвратить книгу. Она извещала его об этом в письме, написанном ведьминским коготком на каталожной карточке с дыркой. Чик не понимал, зачем эта дырка нужна в карточке. Он только вспомнил, что в одной книге описывалась тюремная камера. И там в дверях был глазок. Чик поднес карточку к лицу и посмотрел в дырочку, и ему стало грустно.

Все же он тогда решил, что как-нибудь обойдется. Он готов был вместо потерянной отдать любую книгу из своей маленькой библиотечки. Даже две, даже три! Но его цепенила необходимость объясняться с этой ехидной старушенцией. Она же все равно не поверит ни одному его слову!

И вдруг он сидит на самой макушке груши, а старушенция, как в страшной сказке, появляется во дворе и спрашивает у соседей, где он живет. А соседи по простоте, конечно, не со зла, показывают не на квартиру, а на грушу, где он сидит. И она пошла прямо к дереву, а Чик сам одеревенел и не знал, что делать.

И вот она подошла к дереву, выискала его глазами, погрозила пальцем и заверещала:

— Что, решил на дереве от меня спрятаться? Слезай, слезай, негодный мальчишка!

О, если бы груши были боевыми гранатами! Он бы забросал ее сверху! Но груши — это только груши. И он стал слезать. А куда денешься? Не улетишь — не птица. Получалось, что он спускается прямо ей в руки. Унизительно. В довершение всего, когда Чик уже был на полпути к земле и рядом не было ни одной плодоносной ветки, она вдруг сказала, странно подхихикивая:

— Нет чтобы угостить свою старую библиотекаршу свежей грушей? А ведь весь в долгах, как в шелках!

Чик в это время, раскорячившись, сползал по стволу. Он остановился и посмотрел вниз. Ему и в голову не могло прийти, что в таких случаях можно угощать. И ему стало как-то стыдно, что он ее не угостил, хотя и казалось очень стран-

ным угощать ее грушами. И он, глядя на нее в нерешительности, сделал как бы гостеприимное движение снова вскарабкаться на макушку.

Но она махнула рукой и опять подхихикнула:

— Слезай, слезай! Что тебе старая библиотечарша?

С этими словами она ловко крутанула длинной юбкой и подняла с земли грушу. Чик точно знал, что это не паданец. Эту великолепную грушу он случайно уронил, дотягиваясь до нее. Правда, она разбилась с одного боку, но была вполне хорошей.

Чик молча стал слезать, удивляясь, что она и тут, на дереве, настигла его своим ехидством. Он тогда ей дал книгу «Рассказы о мировой войне», и она на этом успокоилась, но Чик перестал ходить в городскую библиотеку.

Эту старушенцию и другие дети не любили. Она всегда ухитрялась всучить не ту книгу, которую ты сам хочешь прочесть, а ту, которую она тебе хочет дать. Она всегда ядовито высмеивала попытки Чика отстаивать свой вкус. Бывало, чтобы она отвязалась со своей книгой, скажешь, что ты ее читал, а она заглянет в глаза и спросит:

— А о чем там рассказывается?

Когда они вошли в пионерскую комнату, Евгения Дмитриевича там не было. У Чика мелькнула надежда, что все обойдется. Он стал лихорадочно переодеваться. У него было такое чувство, что если он успеет надеть лапти, косоворотку и рыжий парик с бородой, то сам как бы исчезнет и некого будет ругать.

И Чик в самом деле успел переодеться и даже взял в руки толстую, упрямо негнушуюся противную веревку, при помощи которой Балда якобы мутит чертей. В это время в комнату вошел Евгений Дмитриевич. Он посмотрел на Чика, и Чик как-то притаил свою сущность под личиной Балды.

Чик он показался не очень сердитым, и у него мелькнуло: хорошо, что успел переодеться.

— Одевайся, Куркулия, — вдруг клеткотнул Евгений Дмитриевич и, взглянув на Чика, как бы не замечая облика Балды, а видя только Чика, добавил: — А ты будешь на его месте играть лошадь.

Чик стал раздеваться. И хотя до этого он не испытывал от своей роли никакой радости, он вдруг почувствовал, что глубоко оскорблен и обижен. Обида была так глубока, что он не стал протестовать против роли лошади. Если бы он стал протестовать, всем стало бы ясно, что он очень обижен.

Жора Куркулия стал поспешно одеваться, время от времени удивленно поглядывая на Чика, словно хотел сказать: как ты можешь обижаться, если сам же своим поведением довел до этого Евгения Дмитриевича? Каким-то образом его взгляды, направленные на Чика, одновременно с этим выражали и нечто противоположное: неужели ты и сейчас не огорчен?

Чик старался не выдавать своего состояния. Жора Куркулия быстро оделся, подхватил негнушуюся веревку, крепко тряхнул ею, как бы пригрозив сделать ее в ближайшее время

вполне гнущейся, и предстал перед Евгением Дмитриевичем этаким ловким, подтянутым мужичком.

— Молодец! — клекотнул Евгений Дмитриевич.

«Молодец?! — думал Чик с язвительным изумлением. — Как же он будет выступать, когда он лошадь называет лёщадью, а балалайку — баляляйкой?»

Началась репетиция, и оказалось, что Жора Куркулия прекрасно знает текст, а уж играет явно лучше Чика. Правда, произношение у него не улучшилось, но Евгений Дмитриевич так был доволен его игрой, что стал находить достоинства и в его произношении, над которым сам же раньше смеялся.

— Даже лучше, — сказал он. — Куркулия будет местным кавказским Балдой.

А когда Жора стал крутить негнущуюся веревку с какой-то похабной деловитостью и верой, что сейчас он этой веревкой раскрутит там, на дне, мозги всем чертям, при этом не переставая прислушиваться к тому, что якобы происходит под водой, Чику стало ясно: ему с ним не тягаться.

Чик смотрел на него, бесплодно удивляясь, что у Жоры все получается лучше. Но это его не только не примиряло с ним, но еще больше растревляло. «Если бы, — думал Чик, глядя на него из отверстий лошадиных глаз, — я мог поверить, что все это правда, я бы играл не хуже».

Не прошло и получаса со времени появления Чика на репетиции, а Куркулия уже верхом на нем и своим бывшем

напарнике галопировал по комнате. В довершение всего напарник этот, раньше игравший роль передних ног, теперь запросился на свое старое место, потому что очень быстро выяснилось, что Чик галопирует и ржет не только хуже Жоры, но и этого мальчика. После всего, что случилось, Чик никак не мог бодро галопировать и весело ржать.

— Ржи веселее, раскатистей, — говорил Евгений Дмитриевич и, приложив руку ко рту, ржал сам, как-то чересчур благостно, чересчур доброжелательно, словно сзывал лошадей на пионерский праздник.

— Чик ржит, как голёдная лещадь, — пояснил Жора, выслушав слова Евгения Дмитриевича. Тот кивнул головой. Как быстро, думал Чик, Жора привык к своей новой роли, как быстро все забыли, что я еще полчаса тому назад был Балдой, а не ржущей частью лошади.

Чики пришлось переместиться на место задних ног. Оказалось, что сзади гораздо труднее: мало того, что там было совсем темно, так, оказывается, еще и Балда основной тяжестью давил на задние ноги. Видимо радуясь освобождению от этой тяжести, мальчик, вернувшийся на свое прежнее место, весело заржал, и Евгений Дмитриевич был очень доволен этим ржанием.

Так, начав с главной роли Балды, Чик перешел на самую последнюю — роль задних ног лошади, и ему оставалось только кричать под Жорой и время от времени подергивать за ручку, чтобы у лошади взмывался хвост.

Но самое ужасное заключалось в том, что Чик как-то проговорился тетушке о своем драмкружке и о том, что он во время олимпиады будет играть в городском театре роль Балды.

— Почему ты должен играть Балду? — сначала обиделась она, но потом, когда Чик ей разъяснил, что это главная роль из сказки Пушкина, тщеславие ее разыграло. Многим своим знакомым и подругам она рассказывала, что Чик во время олимпиады будет играть главную роль по сказкам Пушкина — обобщала она для сокращения имени главного героя. Все-таки имя Балды ее несколько коробило.

И вот в назначенный день Чик — за кулисами. Там было полным полно школьников из других школ, каких-то голенастых девчонок, тихо мечущихся перед своим выходом.

Чика вся эта тихая паника не трогала. Его волновала тетушка. Он высунулся из-за кулисы и увидел в полутьме сотни человеческих лиц. Он стал вглядываться в них, ища тетушку. Вместо нее он вдруг увидел Александру Ивановну. Это Чика почему-то взбодрило, и он на всякий случай запомнил место, где она сидела. А тетушки не было видно. У Чика мелькнула радостная мысль: а вдруг тетушку в последнее мгновение что-то отвлекло и она осталась дома? Она ведь так любила отвлекаться!

Нет, она была здесь! Она была в третьем ряду, совсем близко от сцены. Она сидела вместе со своей подружкой тетей Медеей, со своим мужем и сумасшедшим дядюшкой Чика.

Зачем она его привела, для Чика так и осталось загадкой. То ли для того, чтобы выставить перед знакомыми две крайности их семьи: мол, есть и сумасшедший, но есть и начинающий артист. То ли просто кто-то не пошел, и дядюшку в последнее мгновение приодели и прихватили с собой, чтобы не совсем пропал билет.

Уже какие-то дети играли на сцене, а тетушка оживленно переговаривалась со своей подругой. Это было видно по их лицам. Чик понял, что для тетушки все, что показывается до его выступления, вроде журнала перед кинокартиной.

Чик вздохнул и с ужасом подумал о том, что будет, когда она узнает правду. Теперь у него оставалась последняя надежда — надежда на пожар в театре. Чик знал, что в театрах бывают пожары. За сценой он сам видел двери с обнадеживающей красной надписью: «Пожарный выход!» Хоть бы она понадобилась! Чик вспоминал душераздирающие описания пожаров в театре и на пароходах. К тому же он увидел за сценой и живого пожарника в брезентовом костюме и в красной каске. Вдруг, думал Чик, этот пожарник сейчас ринется с места и все начнется? Нет! Стоит у стены и с тусклой противопожарной неприязнью следит за мелькающими мальчишками и девочками.

Но время идет, а пожара все нет и нет. И вот уже кончается пьеска, которую разыгрывают старшеклассники их школы, и подходит место, где мальчик, играющий гуляку-мужа, должен, пробренчав на гитаре (на этот раз настоящей), пропеть свою заключительную песню. Сквозь собственное уныние

со страшным любопытством Чик прислушивается, ошибется на этот раз мальчик или нет.

*Я цыганский... Байрон,
Я в цыганку влюблен, —*

пропел он упрямо, и Евгений Дмитриевич, стоявший за сценой недалеко от Чика, схватился за голову. Чик у стало немного легче от того, что и Евгений Дмитриевич пострадал.

Но вот началось их представление. Лошадь должна была появиться несколько позже, поэтому Чик был свободен и высунулся из-за кулис и стал следить за тетушкой. Когда он высунулся, Жора Куркулия стоял над оркестровой ямой и крутил свою веревку, чтобы вызвать оттуда старого черта. В зале все смеялись, кроме тетушки. Даже сумасшедший дядя Чика смеялся, хотя, конечно, ничего не понимал в происходящем. Просто раз всем смешно, что мальчик крутит веревку, и раз это ему лично ничем не угрожает, значит, можно смеяться...

И только тетушка выглядела ужасно. Она смотрела на Жору Куркулия так, словно хотела сказать: «Убийца, признайся хотя бы, куда ты спрятал труп моего любимого племянника?»

У Чика оставалась смутная надежда полностью исчезнуть из представления, сказав, что его в последний момент заменили на Жору Куркулия. Признаться тетушке, что он с роли Балды докатился до роли задних ног лошади, было невыносимо.

Интересно, что Чик и в голову не приходило попытаться выдать себя за играющего Балду. Тут было какое-то смутное чувство, подсказывающее, что уж лучше Чик — униженный, чем Чик — отрекшийся от себя.

Голова тетушки уже слегка, по-старушечьи, покачивалась, как обычно бывало, когда она хотела показать, что даром загубила свою жизнь в заботах о близких.

Жора Куркулия ходил по сцене, нагло оттопыривая свои толстые ноги. Играл он, должно быть, хорошо. Во всяком случае, в зале то и дело вспыхивал смех.

Но вот настала очередь Чика и его напарника. Евгений Дмитриевич накрыл их крупом лошади. Чик ухватился за ручку для вздымания хвоста, и они стали постепенно выходить из-за кулис.

Лошадь появилась на окраине сцены и, как бы мирно пасясь, как бы не подозревая о состязании Балды с Бесенком, стала подходить все ближе и ближе к середине сцены.

Появление лошади вызвало хохот в зале. Чик с удивлением почувствовал некоторое артистическое удовольствие от того, что волны хохота усиливались, когда он дергал ручку, вздымавшую хвост лошади.

Зал еще громче расхохотался, когда Бесенок подлез, под лошадь и стал пытаться ее поднять. А уж когда Жора Куркулия вскочил на лошадь и сделал круг по сцене, зал загрохотал от хохота.

Успех был огромный. Когда лошадь ушла за кулисы, зрители продолжали бить в ладоши, и Евгений Дмитриевич вы-

вел лошадь на сцену, придерживая ее за гриву. Тут раздался свежий шквал рукоплесканий, и Чик даже в темноте внутри лошади было понятно, что теперь зрители приветствуют не их, а своего любимого актера.

Когда лошадь снова появилась, Жора Куркулия опять попытался взгромоздиться на нее, но Чик и его напарник не дали и стали отпрядывать, и зрителям это очень понравилось. И тогда Чик наугад стал лягаться и один раз попал копытом в толстое бедро Жоры. Зрители стали еще больше смеяться. Они думали, что все это заранее разыграно, а на самом деле Чик и его напарник очень устали и больше не хотели его катать. Особенно не хотел Чик.

И вдруг свет ударил Чик в глаза. Чик не сразу понял, что случилось. Буря плещущих рук! Лица! Лица! Лица! Оказывается, Евгений Дмитриевич снял с них картонный круп лошади, и они предстали перед зрителями в своих высоких рыжих чулках под масть лошади. А Евгений Дмитриевич стоял рядом и, задирая голову, кивал галерке. «Ах, вот откуда у него привычка смотреть выше, чем надо», — подумал Чик, уныло удивляясь, что ему в голову лезут неуместные мысли.

Как только глаза его привыкли к свету, он взглянул на тетушку. Голова ее теперь не только покачивалась по-старушески, но как бы в предобморочном бессилии сползла набок.

И Чик стало тоскливо в предчувствии долгих укоров тетушки, которые он услышит дома. И чем сильнее зал аплодирует и смеется, тем хуже будет потом Чик. Ему стало совсем

сиротливо, и он бессознательно потянулся глазами к тому месту, где сидела Александра Ивановна.

Она смеялась, как и все, но при этом смотрела на Чика любящим, любящим, любящим взглядом! Даже издали это ясно было видно. Волна бодрящей благодарности омыла душу Чика. Какая там разница: задние ноги, передние ноги, Балда? Главное, что всем смешно. Александра Ивановна! Вот кто Чика никогда не предаст, и Чик ее никогда в жизни не забудет!

А вокруг все смеялись, и даже сумасшедший дядюшка Чика пришел в восторг, увидев Чика, вывалившегося из брюха лошади. Сейчас он пытался втолковать тетушке, что именно Чик, ее племянник, оказывается, сидел в брюхе лошади. Бедняга не понимал, что именно это убивает тетушку.

Но стоит ли говорить о том, что Чик потом испытал дома? Не лучше ли мы крикнем отсюда:

— Занавес, маэстро, занавес!

Однажды, когда прозвенел звонок с последнего урока, Сева подозвал Чика своей улыбкой и кивнул на тетрадь, лежавшую у него на парте. Ребята с радостным грохотом покидали класс.

— Что? — сказал Чик, взглянув на тетрадь и все еще не дожимая, как можно извлечь из нее веселье.

Сева, продолжая таинственно улыбаться, снова кивнул на тетрадь. Это была тетрадь из серии, посвященной столетию смерти Пушкина. На первой странице был рисунок, изо-

бражавший прощание Олега с конем, и напечатаны стихи «Песнь о вещем Олеге». У Чика была такая тетрадь, и он ее хранил, потому что тетради этой серии были большой редкостью. Но ему и в голову не приходило, что в ней может быть что-нибудь смешное.

Сева продолжал таинственно улыбаться.

— Что? Что? — спросил Чик, пытаясь понять намек Севы.

Класс опустел.

— Не знаешь? — спросил Сева.

— Нет, — сказал Чик, — а что?

— Здесь написано, — Сева ткнул пальцем на рисунок в тетради, — долой его.

Сева, продолжая таинственно улыбаться, кивнул на портрет, висевший на стене. На портрете Сталин обнимал девочку Мамлакат.

Вредители! Чик так и похолодел.

— Не может быть! — воскликнул он.

— Да, да, — подтвердил Сева, — только здорово замаскировано. Надо долго искать. Хитрюги! Но я сам доискался. Хочешь, одолжу тетрадь?

— У меня есть такая! — крикнул Чик. — Я сам найду!

— Ищи, — сказал Сева, продолжая улыбаться, — потом расскажешь. — Он с улыбкой взглянул на Чика, ожидая ответной понимающей улыбки.

Но Чик не мог улыбнуться. Он силился, но никак не мог понять, что же Сева находит в этом смешного. Ничего смешного в этом нет.

— Завтра поговорим, — неопределенно бросил ему Чик.

Чик от волнения почти бежал домой. Он много слышал о тайных вредительских знаках, хитрейшим способом нанесенных на папиросные коробки, на санитарные плакаты, на книги о революции и даже на детские кубики.

Но сам он их никогда не видел. Люди рассказывали. Как-то так получалось, что никогда под рукой не оказывалось предмета с ядовитыми знаками вредителей, откуда они попискивают: мы есть, мы есть!

И только один раз в жизни он видел такой предмет, но тогда все кончилось как-то плохо.

Чика иногда отпускали на море вместе с сумасшедшим дядей. Дядю одного не отпускали на море как сумасшедшего. А Чика одного не отпускали, потому что он еще был пацаном. А вместе их отпускали. Чика с дядей отпускали как ребенка со взрослым. А дядю с Чиком отпускали как сумасшедшего с разумным человеком.

И вот однажды они идут домой, бодрые и прохладные после купания. Дядя напевает себе песенки собственного сочинения, на плече у него удочка без крючков, а Чик шагает рядом.

И вдруг впереди на приморском пустыре, у самого выхода на улицу Чик заметил толпу взволнованных мальчишек. Чик сразу понял, что там что-то случилось. Он подбежал к толпе. Внутри этой небольшой, но уже раскаленной толпы детишек стояло несколько подростков.

— Вредители! Вредители! — слышалось то и дело.

Один из подростков держал в руке кусок плотной белой бумаги величиной с открытку. Все старались заглянуть в нее. Чик тоже просунулся и заглянул. На бумаге отчетливой тушью был выведен торпедообразный предмет, который часто рисуют в общественных уборных. А под ним были написаны оскорбительные слова.

— Я иду с моря, а это здесь валяется, — говорил мальчик, державший в руке эту бумагу.

— Пацаны, вот вредитель! — вдруг крикнул кто-то, и все помчались вперед, а Чик вместе со всеми, подхваченный сладостной жутью странного возбуждения. В самом конце пустыря на улице сворачивал какой-то человек.

Ребята уже на улице догнали толстого мужчину с неприятным лицом. Он был в шляпе и с портфелем в руке. Он озирался на кричащих пацанов с ненавистью и страхом. Громко вопя: «Вредитель! Вредитель!» — они шли за ним, то окружая его, то отшатываясь, когда он резко, как затравленный кабан, оборачивался на них. Самые смелые пытались к нему гадливо притронуться, как бы для того, чтобы убедиться, что он есть, а не приснился.

Этот человек был так похож на плакаты с изображением вредителей, что Чик сразу поверил: он, он подбросил эту подлую самодельную открытку!

Особенно подозрительны были шляпа и портфель, туго и злобно набитый не то взрывчаткой, не то отравляющими веществами. Ребята все гуще и гуще его окружали, и ему все чаще приходилось затравленно озираться, все короче делались его передышки.

— Нельзя! — вдруг раздался громовой голос дяди Коли.

Все остолбенели, а Чик обернулся на своего забытого дядю. Он со страшной решительностью приближался к толпе, явно готовый хлестнуть любого своей удочкой, которой он теперь размахивал. Ребята, смущенные его решительностью, молча расступились, давая ему дорогу. Он подошел к этому человеку и, слегка загородив его, ласково сказал:

— Иди, мамочка, иди...

— Спасибо, товарищ, — сказал человек дрогнувшим голосом. Его рыхлые щеки покрылись мучной белизной. — Я... я ничего не понимаю.

Ребята зашумели.

— У душу мать! — крикнул дядя, обернувшись к толпе. Это было его любимое ругательство, но сейчас он его произнес предупредительно.

— А почему они консервы отравляют? А почему подбрасывают вот это? — загалдели ребята.

Чик почувствовал себя в сложном положении.

— Это мой дядя! Он не понимает, он сумасшедший! — стал Чик оправдывать дядю и даже притронулся к его плечу, мягко намекая, чтобы он уходил отсюда.

— Аг!!! (Прочь! — на его жаргоне) — вдруг заорал он на Чика, стряхивая его руку и глядя на Чика бешеными, неузнающими глазами.

Почувствовав, что дело пахнет хорошей затрещиной, Чик отошел.

У дяди Коли была такая особенность. Иногда на людях он не любил узнавать своих. Наверное, ему казалось, что чужие, незнакомые люди принимают его за нормального человека, а свои как бы выдают, что это не совсем верно. И если уж он не хочет тебя узнавать, связываться с ним было опасно.

— Какие консервы? Я ничего не понимаю! Я приехал в командировку, остановился в гостинице «Рица», в двенадцатом номере, — самым голосом пытаюсь успокоить толпу, говорил человек.

— Дурачки, дурачки, — односложно успокаивал его дядя.

Вдруг он что-то вспомнил. Он бросил удочку, вытащил из кармана блокнот и красный карандаш.

С блаженной улыбкой он нанес на листик несколько волнистых линий и, вырвав его из блокнота, бодро вручил растерянному человеку.

— Справка, справка, — сказал дядя и, махнув рукой, показал, что владелец этой справки теперь может беспрепятственно гулять по городу.

Дядя иногда выдавал людям такие самодельные справки или деньги. Видимо, он заметил, что справки и деньги облегчают людям жизнь. И он помогал им, когда находил нужным.

Человек посмотрел на листик, ничего не понимая. Все же он торопливо положил его во внутренний карман пиджака. При этом он мельком бросил взгляд на толпу притихших ребят, как бы осозная, что этот человек ему уже помог,

так что, может, и его справка пригодится. Может, вообще в этом городе все так положено. Все это Чик прочитал на лице этого человека и вдруг тоскливо усомнился, что он вредитель.

— Сумасшедшие, — сказал дядя, кивнув на толпу ребят, и весело рассмеялся, призывая человека быть снисходительным к этим несмышленишкам.

— Вот именно, какое-то сумасшествие, — подтвердил человек и, горячо пожав дяде руку, стал быстро уходить.

До конца квартала было недалеко, и Чик подумал, что если этот человек, как только завернет за угол, даст стрекача, значит, он действительно вредитель. А если просто так пойдет, значит, они ошиблись. Но теперь бежать и подглядывать за ним почему-то было неохота.

Тут к толпе ребят подошел милиционер.

— Дядя милиционер, он вредителя отпустил! — загалдели пацаны, бесстрашно показывая пальцем на дядю Чика.

Дядя ужасно не любил, когда на него показывают пальцем, но ребята этого не понимали.

— Он за угол завернул! Он еще близко! — кричали они, почувствовав подмогу.

Милиционер, вместо того чтобы ловить вредителя, так цыкнул на них, что ребята разбежались в разные стороны. Волна возбуждения была разбита. И Чик успокоился окончательно.

А дядя в это время жестами и голосом пытался рассказать милиционеру, как глупо вели себя эти ребята.

— Ничего, Коля, ничего! Все пройдет! — говорил милиционер, успокаивая дядю. Он дружески похлопывал его по плечу. Видно, они были давно знакомы.

Чувствуя за собой некоторую вину, Чик подобрал удочку и пристойно вручил дяде. Дядя рассеянно кивнул ему, давая знать, чтобы Чик не приставал к нему, пока он дружески разговаривает с милиционером. Наговорившись, он повеселел и уже бодро зашагал рядом с Чиком, держа на плече свою удочку и напевая свои песенки.

Вот что случилось в прошлом году. А теперь вредители добрались до тетрадей, и, значит, Чик доберется до них, потому что у него есть такая тетрадь.

Да! Наконец-то он доберется до них! Чик бежал домой и с каким-то жутким азартом думал, как он достанет тетрадь и начнет выковыривать оттуда тайные знаки вредителей. А вдруг тетрадь куда-нибудь запропала? А вдруг кто-нибудь из вредителей пробрался к ним в дом и утащил тетрадь, чтобы Чик их не разоблачил?

От них всего можно ожидать! До них, конечно, уже дошло, что Чик давно подбирается к ним. И они на всякий случай могли выкрасть эту тетрадь. Сначала тетрадь, а потом, может, и самого Чика, если он не уgomонится. Жутко! Весело!

Под самыми окнами Чика ребята играли в футбол. Улица Чика на улицу Бочо. Вместе с ребятами с улицы Бочо играла девочка. Она часто с ними выступала. И она играла неплохо. Но Чик терпеть не мог, когда девочка играет в футбол. Как-то неприятно во время игры сталкиваться

с потной девчонкой. Фальшь! Фальшь! И нечего трясти юбкой и нарочно кричать грубые слова, чтобы перемальчишить мальчишек.

Чик был за равенство между мужчиной и женщиной. Но только не в футболе. Футбол — мужская игра. Любые другие игры — пожалуйста! Но только не футбол. Фальшь!

— Чик, — крикнул Анести, — где ты пропадаешь? Мы проигрываем! Становись вместо Абу нападающим! Абу, уходи, чтоб я не видел тебя!

— За что?! — крикнул Абу.

— Ты даже с аута не можешь на голову подать мяч, — отвечал Анести, — какой ты игрок? Кандёхай!

Играть в футбол или разоблачать вредителей родины? Чик предпочел долг.

— Я не буду играть! Мне некогда, — сказал Чик и вошел в калитку.

— Он заучился, заучился, — раздался позади ехидный голос Шурика.

Мама стирала во дворе и не заметила, что Чик влетел в дом. Чик бросил портфель, подбежал к столу, в ящике которого лежали книги и тетради. Дернул ящик — тетрадь на месте! Не успели! Чик опередил.

Сидеть! Сидеть! Не отзываться ни на какие призывы с улицы или со двора. Чик положил тетрадку на стол, сел, придвинул поудобней стул и приступил к благородной экзекуции извлечения вредительских знаков, упрятанных на рисунке обложки.

Там был изображен князь Олег, скорбно обнимающий своего коня перед тем, как навсегда расстаться с ним. Под рисунком в два столбика с переносом на последнюю страницу были напечатаны стихи Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

Через несколько минут Чик обнаружил букву «Д», искусно замаскированную в виде стремени. Первая буква подлого призыва — это была крупная добыча.

«Ну и негодяи, ну и хитрецы!» — подумал Чик, радуясь и продолжая поиски. Он долго искал букву «О», но никак не мог ее найти. Поэтому он в конце концов решил, что узоры на седле Олега, изображенные в виде кружочков, могут сойти за букву «О». Это открытие принесло Чикку меньше исследовательского удовольствия. Тут он почувствовал некоторую натяжку. Получалось, что сразу подряд идут четыре «О».

«О», «О», «О», «О»! «Негодяи!» — можно было воскликнуть, но это делу не помогало.

Для той надписи, о которой говорил Сева, достаточно было двух «О». Как быть? В голове у Чика мелькнула догадка: а что, если на рисунке упрятана еще одна вредительская надпись, которую Сева не заметил? Тогда для нее пригодятся эти два лишние «О».

И Чик решил изменить метод поисков. Он решил не задаваться целью искать буквы по ходу вредительской надписи, а искать любые буквы. Даже такие, каких нет в этой надписи. И, набрав как можно больше букв, составить из них первую вредительскую надпись, а из сочетания оставшихся букв до-

гадаться, из каких слов состоит вторая надпись. К ней уже есть эти два лишних «О».

Чик продолжал поиски и долгое время ничего не находил. Через некоторое время его внимание привлекла подозрительно приподнятая нога Олегова коня. Она была приподнята и согнута под прямым углом. Ее можно было принять за букву «Г». Правда, перекладина получалась длинней и толще самого столбика, на котором она держалась. Довольно-таки уродливая буква. Эта уродливость буквы раздражала Чика. То ли буква, то ли черт его знает что! Она как бы смеялась над серьезностью самого дела Чика. И он решил не включать ее в собрание букв. Ему даже захотелось ударить коня по ноге, чтобы он ее выпрямил, а не держал полусогнутой, как будто его собираются ковать.

Чик приустал от поисков и как-то невольно стал прислушиваться к пытению футболистов на улице, к ударам мяча и крикам. Чик решил послушать их немного и узнать, какой счет. Удары мяча сладко отдавались в груди, как удары волн на море. Чик любил море и любил играть в футбол.

— Со кифале! Дос со кифале! — то и дело кричал Анести.

Во время игры он сильно волновался и иногда переходил на греческий язык. Он все время кричал одно и то же. Просил мяч на голову. Он хорошо играл головой, и поэтому все ему должны были подавать на голову — с аута, со штрафного, с любого места.

Он мог шагов десять провести мяч на голове. Отбил головой, принял на голову. В конце концов у него все-таки отни-

мали мяч. Но один раз в жизни вот так, играя головой, он влетел в ворота противника.

Чик с удовольствием прислушивался к сиплому голосу Бочо, хотя тот сейчас играл против его улицы.

— Какой счет, пацаны? — крикнул чей-то незнакомый голос.

— Семь — восемь, догоняем! — весело кричал Анести. — Оник, не спи! Пасуй! На голову! На голову! Со кифале!

И вдруг Чика страшно потянуло туда, на улицу, на футбол. Вот так, бывало, лежишь еще больной, но уже выздоравливаешь, и вдруг голоса играющих на улице ребят. И так потянет к ним, так потянет! Но нельзя — еще больной.

Чик вздохнул и стал взглядом рыться в гриве коня. Там было удобно припрятать несколько букв. Чик сильно рассчитывал на гриву, но она совсем не оправдала его надежд. Он не нашел там ни одной буквы, и взгляд его остановился на фигуре самого Олега. Внимание Чика привлек меч. Он мог сойти за букву «Т», если бы над перекладиной не торчал эфес, совершенно ненужный для буквы и для дела Чика.

Не зная, куда его деть, Чик погрузился в раздумье. Он стал теревить рукой этот ненужный эфес. Он почувствовал пальцами холод железа. Чик незаметно вытащил меч из ножен и стал им играть. Меч был очень тяжелый, и, может быть, поэтому он неожиданно превратился в шашку, после чего Чик без особых раздумий вскочил на коня, отпихнув слег-

ка обалдевшего Олега, и помчался с чапаевской лавиной на беляков!

— Со кифале! — вдруг раздалось под самым окном.

Чик вздрогнул и очнулся. Никаких тебе беляков, никакой тебе чапаевской лавины. Он сидит за столом, а на столе все та же тетрадь. А на улице голоса ребят.

— Пеналь! Пеналь! Пеналь! — вдруг заорал Оник и побежал, боясь, что эту радостную весть у него отнимут.

— Хенц! Хенц! Клянись мамой, хенц! — в ответ засипел Бочо, явно пытаясь догнать Оника и тем самым всем внушить, что это ошибка.

— Пеналь! Пеналь! — убегая, не давался Оник. Он был легконогим.

— Хенц! Хенц! — в отчаянии кричал Бочо, отставая. Отстал.

И тут все как-то уверились, что был все-таки пенальти.

— Считаю одиннадцать шагов!

— У тебя шаги нецесные! — Голос бесстрашного карапуза с улицы Бочо.

— Пацаны! Он говорит, у меня шаги нечестные!

— Нецесные! Нецесные!

— А честный фингал не хо?

— Попробуй!

— Я буду считать!

— Нет, я буду считать!

— Считаю!

— Не дреффы, пацанва! Я любой мяч, как пончик, схавую!

— Я капитан! Я буду бить!

— Ты только головой играешь! Головой будешь бить пеналь?!
— Я первый закричал пеналь! Я бью!

— Ты первый закричал, а я первый заметил!

— Ты мазила!

— Пусть бьет! Я любой мяч, как пончик, схавую!

— Бью! Тихо! Не люблю, когда под ногу говорят!

— Разогнался до центра! Нецесно! Нецесно!

— Пусть разогнался! Любой мяч, как пончик, скушаю!

— Бью! Тихо! Не мешайте!

— Гол! Гол! Восемь — восемь!

— Нецесный мяч! Нецесный мяч!

«Пацаны там веселятся, — подумал Чик, — а я должен тут искать и искать замаскированные буквы. Но и бросать нечестно... Нельзя быть безвольным, нельзя!» Чик вздохнул и снова склонился над тетрадью.

Сейчас Чик вдруг заметил то, чего раньше на этом рисунке не замечал. Конь одного из дружинников, как-то изумленно приподняв голову, смотрит на Олегова коня, словно он слышал гадание кудесника, но никак не может поверить своим ушам. А конь Олега стоял, круто опустив голову, как бы мрачно насупившись. Так наказанные дети, отплакавшись, стоят в углу, упрямо опустив голову, самой своей позой выражая несогласие с наказанием.

«Да ты что, с ума сошел! — как бы восклицает конь дружинника. — Я, например, своего хозяина никогда не предам!»

«А я что, виноват, что ли? Так положено по гаданию», — насупившись и не подымая головы, отвечает конь Олега.

«А ты не соглашайся с гаданием, а ты протестуй!» — советует конь дружинника.

«Тут протестуй не протестуй, все равно конец», — отвечает конь Олега.

Чик стал читать стихи для того, чтобы присмотреться, не было ли у коня какого-нибудь выхода. А какой может быть выход? Не впускать змею в собственный череп, когда он лежит в поле без всякого присмотра?

Чик, конечно, знал эти стихи и раньше, но никакого особого интереса к ним не испытывал. Теперь, читая их и дойдя до гадания кудесника, Чик мельком подумал, что кудесник шпион и нарочно разлучает Олега с любимым конем.

Читая стихи, Чик с удивлением чувствовал, что они оживают и оживают. Так, бывало, неохота есть, а начнешь — и неожиданно еда вкуснеет и вкуснеет.

И вдруг, когда он дошел до места, где змея, выползшая из черепа коня, обвилась вокруг Олега «и вскрикнул внезапно ужаленный князь», что-то пронзило его с незнакомой силой.

Это была поэзия, о существовании которой у Чика были самые смутные представления. В этой строчке замечательно, что не уточняется, отчего вскрикнул князь. Конечно, отчасти он вскрикнул и от боли, но и от страшной догадки: от судьбы никуда не уйдешь.

И Чик как бы одновременно с Олегом догадался об этом. И его пронзило. И дальше уже до конца стихотворения хлы-

нул поток чего-то горестного и прекрасного, может быть, постижения непостижимого смысла жизни.

*Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.*

Чик чувствует какую-то грустную бессердечность жизни, которая продолжается и после смерти Олега. И в то же время он понимает, что так и должно быть, что даже мертвому Олегу приятней, что там наверху, на земле, озаренной солнышком, жизнь продолжается, река журчит, трава зеленеет.

Олег словно видит Игоря и Ольгу на зеленом холме, видит пирующую у берега дружину и с тихой улыбкой говорит:

«Конечно, друзья, мне бы еще хотелось посидеть с вами на зеленом холме, попить с дружиной, поговорить о битвах, где мы вместе рубились, но, видно, не судьба. И все же мне приятно видеть отсюда, что вы кушаете, пьете на зеленом холме. Пируйте, пируйте! Если бы вас не было на земле, если бы вы все умерли, мне было бы здесь совсем тоскливо и одиноко».

Обливаясь сладкими слезами и не думая о том, что плакать стыдно, Чик несколько раз прочел это стихотворение,

удивляясь, что слова начинают светиться и зеленеть, как трава, на которой сидят Игорь и Ольга.

*Как ныне собирается вещей Олег
Отместить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.*

Слова засияли, словно переводные картинки, промытые слезами Чика. В них стал приоткрываться какой-то милый дополнительный смысл. Чик не знал, откуда берется этот дополнительный смысл, но он чувствовал, что этот смысл появился... Неразумным хазарам... Неразумным... Неразумным... Прощающий упрек, даже улыбка прощающего упрека чувствуется в этом слове.

В каждой строчке Чик теперь улавливал слова, переключаящиеся и даже улыбающиеся друг другу тайной понимания. Собирается. Неразумным. Буйным. Обрек.

Чик чувствует, что Олег и не хотел бы мстить хазарам, да приходится, и потому он так неохотно Собирается. Он как бы говорит, собираясь в поход:

«Ну зачем вы, хазары, такие Неразумные? Если бы вы, как обычно, набежали и ушли, я, может, и не собрался бы в поход. А то ведь устроили Буйный набег... А за это приходится ваши села и нивы Обречь мечам и пожарам».

Тут все обречены, и Чик это чувствует. Хазары обречены быть неразумными и потому — устраивать буйные набег.

Олег за это обречен обречь их мечам и пожарам, хотя сам уже носит в себе свою обреченность погибнуть от любимого коня.

Чик затих над столом. Он не понимал, что с ним произошло. Краем сознания он все еще помнил, что искал на рисунке. Нет, он не перестал верить в существование вредителей. Но они куда-то далеко-далеко удвинулись и стали маленькими-маленькими. И даже если они воровато нацарапали на этом рисунке какие-то нехорошие слова и юркнули в какую-то щель, как это все мелко и глупо. Даже искать эти слова мелко и глупо, если в жизни могут происходить такие великие истории, как история Олега и его коня.

— Чик, где ты? — донесся до Чика тетушкин голос. — Я же видела, ты прибежал из школы! Обедать, Чик! Горячий украинский борщ, Чик! Мама тебе такой не приготовит, Чик!

Горячий украинский борщ? Обедать тоже как-то глуповато. Чик прислушался к себе и вдруг с удивлением почувствовал, что мог бы и пообедать. Даже не прочь пообедать. Что делать! Ведь и дружина пировала у берега после всего, что случилось с Олегом. Тетушка, конечно, прекрасно готовит обеды, только зачем она маму приплела? Вот люди!

Чик вздохнул, спрятал тетрадь в стол и пошел к тетушке обедать...

чик знал, где зарыта собака

Не будем скрывать. Чик играл в деньги. Как хороший дворянин, он почти всегда был в проигрыше. Чик слишком силь-

но волновался и от этого проигрывал. Он очень хотел выиграть и от этого очень волновался. А оттого, что проигрывал, он еще сильнее хотел выиграть. А оттого, что еще сильнее хотел выиграть, он еще сильнее волновался и тем вернее проигрывал.

В те времена играли в «накидку» или, как чаще говорили, в «расшибаловку». С некоторого расстояния бросались тяжелые царские пятаки, и чей пятак падал ближе к серебряному столбику монет, тот и разбивал его.

Другая игра называлась «об стенку». Надо с таким умением ударить ребром своей монеты о стенку, чтобы она, отлетев, упала рядом с монетой противника. При этом, если ты можешь растопыренной кистью руки (от кончика большого пальца до кончика безымянного) дотянуться от своей монеты до монеты противника, значит, ты выиграл.

Бывали, конечно, сложности. Например, ты считаешь, что дотянулся от своей монеты до монеты противника, а тот говорит, что это только кажется, а на самом деле между кончиком твоего пальца и краем монеты есть невидимый просвет. Как быть? Очень просто. Противник становится на четвереньки и, почти тыкаясь ртом в свою монету, изо всех сил поддувает под нее. Если она сдвинулась, значит, он прав, ты не дотянулся.

Была и самая простая игра — в «орла-решку». Подкидывается вращающаяся монета, и противник на лету говорит, на что она упадет — на «орла» или «решку». Угадал — выиграл.

Чик предпочитал эту игру, потому что тут ничего не зависело от волнения. Но любил — «расшибаловку». Какое это

было счастье — ближе всех накинуть свой пятак к серебряному столбику монет. Потом, точно и спокойно нацелившись, своим пятаком ударить по этому столбику. Обычно несколько монет отлетало и хотя бы одна из них ложилась на орла, что давало тебе право бить еще раз. А в это время тебя ожидают остальные монеты, аппетитно завалившиеся набок. И ты с силой вколачиваешь пятак в самую верхнюю из накренившейся груды монет, и все остальные великолепно взлетают и падают. Так в цирке веселые акробаты взлетают с конца доски, когда на другой конец вспрыгивает тяжелый толстяк. И нет в мире ничего прекраснее этих волнующих минут.

Но и нет в мире ничего горестней, когда ты, честно завоевав право первым расшибать столбик монет, вдруг от волнения промазываешь своим пятаком или так неловко ударяешь по столбику серебра, что он заваливается, но ни одна монета не перевернулась. И тут твой противник, сладострастно посапывая, склоняется над приготовленным тобой пиршеством.

Эх, уж лучше в «орла-решку»! Чик чувствовал, что в полете вращающейся монеты должна быть какая-то закономерность. И если угадать, в чем она заключается, можно предсказать, какой стороной ляжет монета. Но как угадать?

И вдруг эта тайная закономерность ему приснилась. Теперь уже трудно установить, читал ли Чик к этому времени «Пиковую даму» Пушкина. Скорее всего, читал. Ему приснилась маленькая безобразная старушка, которая подбрасывала рядом с Чиком монету, беззвучно выкрикивая «Орел!» или

«Решка!», подбегала к упавшей монете и, беззвучно хохоча, тыкала в нее пальцем, дескать, опять угадала. Бегала она почему-то без обуви, прямо в белоснежных носочках.

Чика эти носки как-то смутно беспокоили. Он чувствовал, что видел их на гораздо более приятных ногах. И это мешало ему сосредоточиться на монете.

Каждый раз выщелкивая монету из большого пальца, старушка показывала Чику, какой стороной она лежит на пальце, но Чик не придавал этому значения. Он только слышал, что она выкрикивает во время полета монеты, и потом видел, как она, хохоча, тыкает пальцем в упавшую монету, — мол, опять угадала. Но только Чик приближался, чтобы взглянуть на монету, как она ловко ее подхватывала и снова выщелкивала с большого пальца.

И вдруг Чик понял, чьи носки надела старушка, хотя стремился понять, правильно ли она угадывает, какой стороной падает монета. В таких носках, и даже именно в этих, любила ходить Ника. И Чик почувствовал какую-то приятность от желания сдернуть с этой старушки белоснежные носки и вернуть их Нике. Теперь он даже не мог понять, что сильнее его волнует: вот это желание сдернуть со старушки носки или узнать тайну закона вращения монеты. То одно отвлекало, то другое.

От этих волнений Чик проснулся и стал обдумывать свой сон. Он решил, что надо не подбегать к старухе, когда монета падает на землю, а прямо прыгнуть на монету. Тогда он успеет увидеть, какой стороной она упала на землю. О белоснеж-

ных носках Ники ему теперь было стыдно вспоминать. Но в то же время он почему-то знал, что из-за них старушка ему приснится снова.

Едва он уснул, как появилась старушка. Она даже появилась немного раньше. Он еще только засыпал, а она уже тут как тут. И снова принялась дразнить его и безобразничать с монетой. Но Чик изловчился и прыгнул на монету раньше, чем старуха успела ее подобрать. И мгновенно ему стало все ясно. Монета падает той стороной, какой она перед броском лежала на пальце!

И Чик во сне стало до того весело, что он начал хохотать, а старушка, поняв, что Чик овладел ее тайной, стала яростно топтать ногой в белоснежном носочке.

И чем сильнее сердилась старушка, тем веселее делалось Чикю. И чем веселее делалось Чикю, тем яростнее старушка топала ногой. Топанье вдруг перешло в четкий пионерский марш на месте. И когда она, маршируя на месте, особенно размашисто подняла ногу, Чик изловчился и сдернул с ее недо-топнувшей ноги один носок.

Старушка поднесла кулачок к глазам и стала делать вид, что она маленькая обиженная девочка и вот-вот расплачется. «Ах, ты дразнишь меня, притворяясь маленькой девочкой, — подумал Чик, — так и я подразню тебя, фальшивая старушка!» И Чик сделал вид, что он еще совсем неразумное дитя и тянет в рот все, что ни попадет ему в руки.

Чик куснул носок и вдруг почувствовал, что он рассыпается во рту, как сухое пирожное. Было ужасно вкусно. И он

стал его быстро есть, заранее нацеливаясь на второй носок. Он почему-то знал, что следующий носок будет еще вкусней.

И тут старушка вроде догадалась об угрозе, нависшей над вторым носком. Он лживо всплакнула и словно для того, чтобы вытереть слезы, не глядя, сняла второй носок и поднесла его к своим глазам, сухоньким, как две пустыньки.

Особенно фальшивым Чику показалось то, что старушка, сняв с ноги носок, продолжала держать эту ногу на весу, кик бы боясь ее испачкать. И хотя вторая нога твердо, как куриная лапа, стояла в уличной пыли, все это как бы означало, что за вторую ногу она не отвечает, за нее отвечает Чик. Утерев выдуманные слезы, старушка вдруг громко высморкалась в носок, и Чик по звуку ясно понял, что нос ее в отличие от глаз не был сухим. Теперь Чик не только перестал мечтать о втором носке, но и с отвращением догадался, что она и с тем носком, который он уже съел, неоднократно обращалась так же.

После этого она, как бы успокоившись, натянула носок на ногу, которую она все еще держала на весу, и облегченно поставила ее на землю, словно радуясь, что ей удалось не запылить ее. И тут она вдруг подмигнула Чику и ускакала, глупейшим образом прыгая на одной тоге, той, которая была в носке. Что она хотела этим показать? Что боится запылить вторую ногу? Но ведь вторая нога и так стояла в пыли!

Вот кривляка!

На следующий день после школы Чик пошел в огород, чтобы там в тиши и без свидетелей проверить вещий сон.

Белка, увидев, что Чик идет в сторону огорода, весело засемила вслед за ним, надеясь поживиться фруктами. Но груши и инжир уже кончились, а хурма еще не поспела. Белка была умнейшей собакой, но времена года слегка путала. Пока на деревьях еще есть листья, она думала, что и фрукты на них еще должны быть, только надо как следует порыться в листве. Особенно ей было тяжело отказаться от мысли, что груши кончились. Очень уж она их любила.

Обычно Чик залезал на дерево, но иногда бамбуковой палкой сбивал груши. Палка стояла в саду, прислоненная к какому-нибудь дереву. Упавшую и разбившуюся грушу Чик отдавал Белке. И Белка привыкла к этому. Как только Чик брал в руки палку, Белка подбегала к нему и, подняв голову, внимательно следила за ее кончиком, шарившим в листве.

Когда Чик слишком долго выбирал, какую грушу сбить, Белочка, подняв голову и следя за палкой Чика, некоторое время вежливо молчала, а потом, бывало, слегка подвоет, напоминая о себе.

И Чика однажды осенило: Белочка, подавая голос, выбирает грушу! Чик был потрясен. Обычно, кончиком палки выпрастывая из листвы очередную грушу, он присматривался к ней — достаточно ли спелая? А так как он шел от ближайших веток к самым отдаленным, получалось, что он движется от менее зрелых к более зрелым. И Белочка своим подвыванием как бы говорила: «Стоп! Вот эта груша мне подходит!»

Несмотря на радость по поводу этого открытия, Чик в отличие от некоторых ученых тех лет стал добиваться абсолют-

ной чистоты эксперимента. Он решил попробовать доказательство от обратного. Теперь на глазах у ожидающей Белки он стал двигаться кончиком палки от самых зрелых груш к более зеленым. Примерно в середине этого пути Белочка начинала подвывать, хотя качество груш снижалось и она этого не могла не видеть. Напрашивалась мысль, что Белочка своим подвыванием дает знать не о том, что та или иная груша ей понравилась, а просто выражает нетерпение.

Но Чик не смирился с этой скучной мыслью. Все-таки он верил, что Белочка выбирает грушу. И он придумал такой опыт. Он выбирал кончиком палки большую желтую грушу и некоторое время возился возле нее, как будто собирался сбить. Потом он переходил к одной из самых зеленых груш и некоторое время водил кончиком палки возле нее, как будто собирался сбить. А Белочка все это время, подняв голову, следила за ним. Так он переходил от одной груши к другой до пяти—десяти раз! И что же оказалось? Оказалось, что на пятьдесят переходов от ярко-желтой груши к зеленой Белочка двенадцать—четырнадцать раз подвывала, когда палка была возле спелой груши. И только четыре—шесть раз возле зеленой.

Да! Белочка еще на дереве отличала хорошую грушу от плохой! И если она все-таки иногда подвывала возле плохой, это только означало: «Сбей хоть какую-нибудь!»

Конечно, Чик своим друзьям и знакомым демонстрировал способности Белки. Как учитель с длинной бамбуковой указкой в руке, он двигался от самой зеленой к более спелым, и Белочка начинала подвывать, и получалось очень здорово.

Ребята дивились мудрости Белки и ее мичуринским способностям. И только соседский мальчик Абу, владелец глупейшей собаки Джек, стал от зависти придирается.

Этот его Джек был настолько глупым, что всегда с лаем бросался на Чика, когда он входил к ним во двор. И хотя Чик уже лет сто входил в этот двор, Джек не мог его отличить от какого-нибудь бродяги. Бросался с яростным лаем, а уже в трех шагах, узнав Чика, вилял хвостом, делая вид, что он просто пошутил. Вообще собаки часто похожи на своих хозяев.

И вот этот Абу, тыкая рукой на вершину дерева, вдруг говорит ему:

— Чик, почему она не выбрала во-он ту грушу?

В самом деле, груша, на которую он показывал, была зреее той, что выбрала Белка, но надо же знать меру, даже когда имеешь дело с такой собакой, как Белка.

И до чего же неблагодарный этот Абу! Мало того, что Чик бесплатно показывал способности Белки, он его еще угостил грушей. Правда, от этой груши отказалась Белка, но это была вполне хорошая груша. Белка ее даже не тронула, она ее только понюхала и отошла. И вот этот Абу теперь говорит такое.

— Твой Джек свинью от человека не может отличить, — сказал Чик, — а от Белочки ты хочешь, чтобы она все понимала, как мы.

И вот Чик пришел на огород и стал подбрасывать монеты, а Белочка подбегала к ним, нюхала и смотрела на Чика, не понимая, почему он подбрасывает такие несъедобные вещи вместо того, чтобы сбить ей грушу.

Подбрасывая монеты, Чик убедился, что в его руках великое открытие. Удивительно, что до него об этом никто не догадался. Вероятно, дело было в том, что монета, которую подбрасывают в воздух, обычно, ударившись о землю, отскакивает и переворачивается. И поэтому никто не заметил, что падает она все-таки той стороной, которой взлетела. На пять бросков примерно четыре раза монета ложилась правильно. Это была высокая точность.

Чик подбрасывал пятикопеечные, трехкопеечные и однокопеечные монеты, и они почти всегда падали той стороной, какой они лежали у него на большом пальце.

Чик заметил еще, что чем выше подбрасываешь вращающуюся монету, тем точнее она ложится. И еще он заметил, что чем мельче по размеру монета, тем точнее она ложится.

И Чик подумал: почему точность, падения монеты увеличивается с высотой броска или уменьшением величины монеты? Дело в количестве вращений, решил он. Чем выше бросаешь монету, тем больше она вращается. И чем мельче монета, тем больше не успевает вращаться, даже если ты ее и не так высоко закидываешь.

Поэтому крупную, пятикопеечную монету надо забрасывать гораздо выше, чем, скажем, однокопеечную. Но в крупной монете есть и своя выгода, она тяжелее отскакивает от земли и, отскочив, реже переворачивается.

Чик целый час тренировался. Он учел и грунт. На сырой, влажной земле всякая монета плохо отскакивала и потому почти всегда ложилась точно. Чик все учел. Радостно волну-

ясь и теперь зная, что волнение ему никак не помешает, он вышел на улицу.

Только он вышел на улицу, как увидел своего сверстника, грека Анести. У Анести было прозвище Боцман, потому что он умел свистеть сочетанием любых пальцев. Это у него хорошо получалось. У Чика прозвища не было, потому что многие само его имя воспринимали как прозвище.

Боцман стоял напротив дома доктора Ледина и жевал смоляную жвачку, время от времени выдувая ленивые пузыри.

— Сыграем? — сам же предложил он Чику.

— Давай, — согласился Чик, стараясь не выдавать себя торопливостью. Он подошел к Боцману.

— Ваш свет? — спросил Боцман.

Чик сунул руку в карман и вынул горсть денег. У него было семьдесят копеек.

— Ваш свет? — спросил Чик, и Боцман полез в карман. Он вынул горсть денег. Там было копеек восемьдесят — восемьдесят пять. Точнее на глазок трудно было определить. Взаимная платежеспособность была установлена.

— «Об стенку», в «расшибаловку»? — спросил Боцман.

— Неохота возиться, — сказал Чик, как бы ленясь и не слишком дорожа своими деньгами. — Давай покидаем в «орла-решку»?

— Идет, — сказал Боцман. — Чур, я первый подкидываю!

Когда играли в «орла-решку», каждый стремился подкидывать сам.

— Хорошо, — согласился Чик.

— По пять или по десять копеек? — спросил Боцман и вынул из кармана пятак для подбрасывания в воздух.

— По десять, — сказал Чик, как бы не дорожа своими деньгами.

Боцман остановил жующие челюсти, положил пятак на большой палец, поддел его под указательный и сильно подбросил вращающуюся монету. Она лежала у него на «орла». Чик проследил за монетой и, чтобы Боцман ни о чем не мог догадаться, уже перед самым падением ее на землю крикнул:

— Орел!

Пятак слабо отскочил от земли и затих, удержавшись на «орле». Боцман дал Чикю десять копеек и снова подбросил пятак. Подбрасывая его, он каждый раз останавливал свои жующие челюсти.

Чик снова помедлил и снова выкрикнул почти в последний миг, на что упадет монета. И снова угадал. Боцман молча дал ему еще десять копеек. Великое открытие действовало пока безотказно. Боцман снова подбросил монету и снова проиграл. Теперь он вообще перестал жевать жвачку. И он снова молча подбросил монету и снова проиграл.

И вдруг Чикю стало как-то не по себе. Получалось, что он его вроде обманывает. Чик вспомнил, что он много раз проигрывал Боцману, но это сейчас не помогало. Ему ужасно захотелось вспомнить случаи, когда Боцман его несправедливо обижал. И такой случай мгновенно припомнился.

Брат Боцмана, звали его Христо, занимался боксом. Он был на несколько лет старше Боцмана, ему было лет шестнадцать. Однажды он принес домой перчатки и песочные часы и предложил Чикку побоксировать с братом.

Чик знал, что он сильнее Боцмана, но также знал, что Боцман очень ловкий. Они стали боксировать, и первый раунд прошел на равных. Во втором раунде Христо по-гречески сказал своему братцу: «Алихора! Алихора!» Это значит: быстрее, быстрее. «Ага, — подумал Чик, — они мне навязывают темп». В журнале «Вокруг света» Чик читал много всяких рассказов про знаменитого американского боксера Джо Луиса, чемпиона мира. И Чик стал лихорадочно вспоминать, какими приемами отвечал Джо Луис, когда ему навязывали темп. Чик до того сосредоточился на воспоминаниях, что забылся и не заметил, как Боцман нанес ему резкий удар. Чик брякнулся на землю, хотя было совсем не больно.

Чик быстро вскочил, но Христо, неприятно засмеявшись, сказал: «Нокдаун!»

Смех Христо прозвучал нехорошо. Он прозвучал как знак фамильного превосходства.

Чик был уверен, что, если бы он послал в нокдаун его братца, Христо и не подумал бы так засмеяться.

Но это еще полбеды. Вслед за старшим братом и Боцман рассмеялся самодовольным, наглым смехом. Смех его как бы означал: я давно знал, что Чик плохо держится на ногах. И в этом была подлость.

Чик с Боцманом никогда не дрался, но полное преимущество Чика в уличной драке Боцман давно признал. Да оно легко вычислялось. Чик спокойно поколачивал некоторых мальчиков, которые спокойно поколачивали Боцмана. Простая арифметика. И вот Чик брякается на землю от случайного удара, и Боцман издевательски смеется над ним, забывая об этом. И Чик припомнил сейчас подлый смех Боцмана.

— Анести, — сказал Чик, как бы отбрасывая чадру его прозвища, чтобы прямее видна была его бесстыжесть, — почему, когда в позапрошлом году Христо принес перчатки и мы дрались и я упал, почему ты тогда смеялся надо мной?

— Потому что ты смешно шлепнулся, — сказал Боцман с раздраженным недоумением.

— Анести, — горестно повторил Чик, как бы пытаясь терпеливо докопаться до его совести, — это же нечестно — смеяться, когда человек упал от твоего удара. Это же нечестно, Анести!

Боцман прямо-таки застыл от возмущения. Потом он яростно выплюнул из своего рта жвачку и крикнул:

— Ты посмотри! Он выигрывает и он же вспоминает! Играй!

— Хорошо, — сказал Чик.

Боцман снова подкинул монету. И Чик снова, стараясь отдалить его от своей тайны, крикнул перед самым приземлением ее:

— Решка!

Монета упала на «решку». Но, видно, Чик переборщил, и Боцман что-то заподозрил.

— Почему ты молчишь, когда пятак наверху, — спросил он, — а говоришь, только когда он возле земли?

— Все по правилам, — ответил Чик, — когда хочу, тогда и говорю.

— Нет, — сказал Боцман, — я заметил, что ты говоришь, когда пятак уже еле-еле крутится и можно разглядеть, на что он упадет.

— Не смейся людей, — сказал Чик. Боцман подумал, подумал и решил:

— Я буду копейку кидать... Посмотрим, как ты разглядишь...

— Как хочешь, — сказал Чик.

Чик, конечно, помнил, что чем мельче монета, тем точнее она падает. Множественность вращений увеличивала точность. Боцман подбросил копейку.

— Орел! — крикнул Чик, когда монетка была еще на взлете.

Копейка упала на землю, отскочила и замерла на «решке».

— Вот видишь, — крикнул Боцман, — я понял, что ты меня фразеруешь!

— Кидай, — сказал Чик, отдавая ему десять копеек. Боцман выиграл еще раз, а потом все проиграл до последней копейки.

Он стал играть на последнюю копейку и выиграл копейку. Стали играть на две копейки, и Боцман снова выиграл. Стали играть на четыре копейки, и Боцман снова выиграл.

С тех пор как стали играть на копейку, Чик даже не смотрел Боцману на руку. Говорил наугад. Он знал, что на копейке далеко не уедешь. Боцман снова сыграл на все деньги и все проиграл уже вместе с последней копейкой.

Он был здорово раздражен, что ему начало везти, когда у него оставалась только одна копейка. Он двинул было челюстями, чтобы немного успокоиться на жвачке, и вдруг обнаружил, что жвачки во рту нет.

— Где моя жвачка?! — крикнул он и посмотрел на Чика с таким видом, как будто Чик незаметно вытащил ее у него изо рта.

— Ты ее выплюнул! — сказал Чик.

— Подумаешь, один раз в жизни выиграл! — крикнул Боцман и, передразнивая Чика, добавил: — «Зачем ты смеялся, зачем ты смеялся?» Свалился, как гнилая груша с дерева, потому и смеялся!

Чик махнул рукой и пошел от него. Деньги приятно тяжелили карман. Монеты Боцмана, знакомясь с монетами Чика, дружески перезвякивались. Какая-то смутная неприятность чуть-чуть давала о себе знать, но монеты дружески перезвякивались, и Чик под эту музыку успокоился.

На углу большие мальчишки играли в «расшибаловку». Они играли на цементном тротуаре. Когда они, став на корточки, долбили своими тяжелыми царскими пятаками уже рассыпавшуюся кучу денег, на тротуаре стоял перезвон, как в маленькой кузне: тюк! тюк! тюк! Деньги куют деньгами.

Среди ребят, следящих за игрой, Чик заметил двух сверстников. Один из них был Бочо, а другой Славик. У Славика

было нежное румяное лицо, и он нравился девочкам. За все это он получил прозвище Суслик.

Суслик жил рядом, напротив стадиона. Он учился в одной школе с Чиком, но в другом, параллельном классе. Год назад он вместе с родителями переехал в Мухус из Москвы. Сначала ребята не верили, что он из Москвы. Многие приезжие мальчишки норовили выдать себя за москвичей. Иной приедет из Краснодара или даже из Армавира, а норовит выдать себя за москвича. Однако вскоре пришлось поверить. Иногда он выходил из дому прямо в носках, без обуви. Сидит себе на крыльчке в носках или даже гоняет в футбол в носках. Ему было не жалко носков. На такой шик мог решиться только москвич.

Славик был единственным сыном своих родителей. Его отец и мать оба работали в обезьяньем питомнике. Они были ученые. Профессорская семья, говорили на улице Чика. Это была единственная профессорская семья, о которой слышал Чик. Чик точно не знал, оба родителя Славика профессора или каждый из них полупрофессор и потому в целом семья профессорская.

Да, Суслик был хорошенький и нравился девочкам. Но у него была странная привычка: что ни скажет — хохоток.

В первое время Чик как-то чудно было слышать этот хохоток. Он сперва даже думал, что в словах Славика, вероятно, скрыта какая-то острота, понятная в Москве, но еще непонятная в Мухусе. «Айда пить лимонад! Ха! Ха!», «Пошли на бартеж! Ха! Ха!», «Махнули на море! Ха! Ха!».

Потом Чик догадался, отчего это — избыток здоровья, благополучия, богатства. Казалось, вокруг Суслика роятся миллионы пылинок счастья и заставляют его все время чихать смехом. Чик чувствовал, что Суслика что-то неуловимое связывает с Оником. Но Оник никогда не доходил до того, чтобы бессмысленно хохотать. А уж если бы он вздумал выйти в носках на улицу и гонять в футбол, тут бы его отец, Богатый Портной, завопил на весь город.

В то время, все еще продолжая интересоваться загадочной душой богачей, Чик сблизился со Славиком. Чик еще не был у него дома, но знал, что приглашение назревает. И вот однажды Славик на переменке, пробегая мимо него, остановился и сказал:

— Чик, приглашаю на день рождения! Мировая шамовка и мировые девчонки! Жди меня после школы! Забегу за тобой! Ха! Ха!

Чик пришел из школы и стал ждать. Он даже сразу надел на себя свежую белую рубашку и первые свои длинные брюки, с непривычки накаляющие икры ног.

— Ты куда собрался? — спросила мама.

— Да тут один москвич пригласил, — мимоходом ответил Чик.

Но вот он его ждет да ждет, а Славика все нет. Чик все это время тоскливо сидел дома. Он даже в сад не пошел, боялся, что Славик заскочит и, не найдя его дома, убежит. Мама начала коситься на него, как бы думая, что Чик чего-то там не понял и простодушно преувеличил свою близость с москвичами.

Наконец Чик вышел на улицу и стал ждать Славика, сидя на крылечке Богатого Портного. Поглаживая Белку, он смотрел и смотрел, когда из-за угла выскочит Славик. Но Славик все не выскакивал. Становилось все тоскливей и тоскливей. Оказывается, ничего в мире нет ужасней этого, когда тебя приглашают на день рождения, обещают зайти, а потом не заходят.

Если сперва и можно было самому прийти, то теперь когда он столько часов прождал, никак нельзя было приходиться самому. Но ведь он ясно сказал, что забежит за Чиком! Сказал или не сказал? Сказал. Значит, они веселятся без него. Поглаживая Белку, Чик тоскливо вздыхал и смотрел туда, откуда должен был появиться Славик и все никак не появлялся. Стало смеркаться.

И вдруг в голове у Чика мелькнула странная надежда. Речка, пересекавшая улицу и проходившая мимо сада, проходила и мимо дома, где жил Славик. Эту речку, почти пересыхавшую летом, довольно заслуженно именовали канавой. Так вот, Чик ушло в голову, что Славик спустился вниз и по канаве подошел к саду Чика, прошел сад, вошел в дом и, увидев, что его нет, тем же путем отправился к себе.

Чик сорвался с места и побежал домой. Если Славик и в самом деле заходил, можно пойти к нему и без приглашения. Мама очень удивилась вопросу Чика и, отрицательно покачав головой, грустно сказала: — Раздевайся...

Нет, Чик не хотел раздеваться. Он снова вышел на улицу. И как это он мог подумать, что Славик по канаве придет при-

глашать его на день рождения? Нет, когда идут приглашать на день рождения, ходят по улице, а не по канаве.

И вдруг снова мелькнула надежда: что-то случилось с отцом или матерью! Они там делают всякие опыты с обезьянами. Какая-нибудь горилла могла укусить отца или маму! Тогда, конечно, не до гостей!

Чик вскочил со ступенек и направился в сторону дома Славика. Белочка попыталась увязаться за ним, но Чик со всей строгостью загнал ее во двор. Нет, он не собирался заходить к Славику, но все-таки Белка сейчас ему могла помешать. А вдруг собирался? Нет!

Чик прошел свой квартал, завернул на улицу, где жил Славик, и уже издали понял, что там ничего не случилось. Окна были распахнуты, на улицу лился праздничный свет, а когда Чик проходил мимо дома, он услышал музыку и взрывы смеха.

Минутная горечь предательства заволокла душу Чика. Он дошел до конца квартала и почему-то повернул назад, хотя мог дать кругалю и вернуться домой с противоположной стороны. Ему еще раз хотелось пройти мимо этого дома. Нет, ни за какие награды он бы теперь туда не вошел, но ему почему-то хотелось еще раз пройти мимо. Ему хотелось, чтобы Славик выглянул и позвал его. А Чик ему в ответ равнодушно сказал бы: «Не могу... Спешу в кино...»

Или еще что-нибудь. Чик теперь больше всего думал о завтрашнем дне. Ему было бы завтра ужасно стыдно встречаться со Славиком. Странно, вдруг подумал Чик, предают

тебя, а почему-то стыдно тебе. Конечно, можно было этого Суслика завтра налупить! Но тогда будет еще стыдней. Раз налупил, значит, очень дорожил этим праздником!

Только он поравнялся с домом, как распахнулась дверь и оттуда высыпали мальчики и девочки. И среди них — предательство, кругом предательство!

— Ника!

Так вот почему Славик, его не пригласил, потому что он пригласил Нику и хотел быть с нею без него. Коварство! Коварство! Чик даже не знал, что они знакомы! Но когда же он прошел во двор?! Конечно, тогда, когда Чик сидел еще дома и ожидал его.

— Чик, — воскликнул Славик, — а я забыл за тобой заскочить! Что ж ты сам не пришел? Ха! Ха!

— Да я в кино был, — небрежно бросил Чик, изо всех сил держа себя в руках.

— Вот и проводишь Нику, — сказал Славик, — а то ее некому провожать!

Ника подошла к нему как ни в чем не бывало. Чик был поражен, что ни Славик, ни она не испытывают никакого чувства вины. Мальчики и девочки шумной гурьбой отправились в сторону центра, а Чик со своей спутницей пошли в обратную сторону. Чик молчал, и она молчала. Главное, ничего не показывать.

— Он что, тебя приглашал? — вдруг спросила Ника, взглянув на него бледнеющим в темноте лицом.

— Кажется, — сказал Чик, держа себя в руках, — а тебя?

— Нет, — сказала Ника, — я была у подруги, а он зашел за ней и уговорил меня.

У Чика немного отлегло от сердца. Значит, он все-таки ним во двор не заходил.

— Обо мне что-нибудь говорили? — спросил Чик с некоторой тревогой.

— Нет, — сказала Ника, — о тебе никто не вспоминал...

До этого Чик хотел, чтобы так оно и было, а теперь почему-то стало обидно: предадут и даже не вспомнят!

— Ты знаешь, Чик, — вдруг добавила Ника. — Славик мне кажется каким-то глупым... А некоторым девочкам он нравится... Почему он все время подхихикивает?

Лейся, освежающий ливень, лейся на душу! Нет, Нику не проведешь своими хихиканьями и шлепаньем в носках по тротуару!

— Глупый! — всколыхнулся Чик. — Да он просто идиот!

— Зато папа у него такой добрый, такой славный, — вздохнула Ника.

— Насчет отца не знаю, — сказал Чик, — но Суслик, он и есть Суслик.

Был чудесный майский вечер. Кругом летали светляки. Чику всегда казалось, что светляки, грустно вспыхивая, ищут в темноте потерянный день. Сами вспыхивают светом и сами же ищут свет дня. Чику казалось, что они своими вспышками канючат, как малые дети: «Куда делся день? Куда делся день?»

Ника шла рядом, спокойно перебирая ногами в белых носках. Бледнело лицо, мелькали носки. Вдруг Ника легким

движением руки поймала светляка и вложила его под прядь своих волос. Казалось, она сорвала в воздухе цветок и украсила им свою голову. И Чик вспомнил, как во время похода за мастикой они шли по каменной стене и она срывала розы и втыкала их в свои волосы. Они молчали. Светляк, вспыхивавший под прядью волос, высвечивал ее как бы ждущее ухо.. Ждет да ждет. Ждет да ждет. Чику стало так хорошо, что он совсем забыл о Славике.

Но на следующий день Чик опять все вспомнил и уже никогда не мог забыть своей обиды, хотя Славика ничего не говорил. Славик чувствовал, что Чик охладел к нему, но никак не мог понять, в чем дело. Месяцы шли. Иногда Славик пытался что-то вспомнить и взглядом даже как бы просил Чика подсказать, в чем дело, но Чик ничего не подсказывал.

И вот сейчас, когда Чик увидел Славика, стоявшего рядом с Бочо и следящего, как большие мальчики тяжелыми царскими пятаками куют и куют деньги, он понял, что час возмездия настал.

— Чик, — крикнул Бочо, только теперь заметив его, — сыграй лучше со мной! Суслик со мной не хочет играть.

В это время Славик уже прыгнул с цементного тротуара на немощеную улицу, и деньги сами тяжело звякнули у него в кармане. Чик тоже потряхнул карманом. Было чем потряхнуть.

— А что с тобой играть, — ответил Славик, на мгновение обернувшись в сторону Бочо, — у тебя — ха! ха! — всего двадцать копеек!

Чик любил Бочо, но сейчас он ему не мог объяснить, почему не хочет с ним играть.

— Потом, потом, — кивнул он ему и взглянул на Славика.

— В «орла-решку»? — спросил Славик, имея в виду, что место, удобное для «расшибаловки», на тротуаре занято. Чик кивнул. Дичь сама шла на охотника.

— Чур, я первый! — крикнул Славик и достал пятак.

Опять договорились играть по десять копеек. Славик подкинул пятак и сразу выиграл. Он слабовато подкидывал. Потом дважды выиграл Чик. Потом опять Славик. Славик как-то слабовато подкидывал. Он начал играть сравнительно недавно и поэтому еще не научился лихо подкидывать монету.

— У тебя что, руки слабые? — спросил Чик.

— Как так?! — возмутился Славик и подставил Чику полусогнутую руку, показывая силу своих мускулов.

Чик внимательно пощупал мускулы Славика. Да, мускулы были неплохие, но Чик сделал вид, что у него по этому поводу остаются немалые сомнения и только дальнейшая игра Славика может рассеять их.

— Попробуй повыше, — сказал Чик.

— Могу и повыше, — согласился Славик. Игра пошла живой. Но Чик не так часто выигрывал, как хотелось бы. Дело в том, что здесь земля была сухая и твердая и пятак слишком высоко отскакивал, нарушая Великий Закон, открытый Чиком во сне при помощи маленькой старушки.

Чик стал озираться, ища местечка помягче, повлажнее. И тут взгляд его упал на колонку с водой. Она стояла на углу

в пятнадцати шагах от них. Вокруг нее была влажная земля — женщины, время от времени плеская ведрами, отходили от нее в разные стороны. Да и местные пацаны, поджав струю ладонью, любили разбрызгивать воду горизонтальными фонтанами. Так что место было подходящее.

— Жарко, — сказал Чик, — пойду напьюсь.

Он подошел к колонке, открыл кран и нарочно стал долго пить воду, вернее, делать вид, что пьет, надеясь, что Славику надоест ждать и он сам подойдет. Но Славик не подходил.

Умываться было бы слишком подозрительно. Чик вспомнил, что в жаркие дни бабушка иногда смачивала водой из-под крана лоб его сумасшедшего дядюшки, чтобы он не буйнил. И он стал, пошлепывая ладонью, плескать себе воду на лоб. Чик долго плескал себе воду на лоб, надеясь, что Славику надоест ждать и он подойдет к нему.

— Да ты что, спятил?! — крикнул Славик, и Чик поразился его случайной догадке.

Чик продолжал охлаждать себе лоб.

— Да ты будешь играть или нет?! — крикнул Славик.

— Подходи, подходи, сыграем, — отвечал Чик, как бы стараясь не терять время. Он продолжал шлепать себе воду на лоб.

Славик не выдержал и подошел. Они стали снова играть. На влажной земле пятак ложился как надо. Изредка если слегка и отскочит от земли, перевернуться ему уже почти никогда не хватало сил. Чем чаще Славик проигрывал, тем больше раздражался, чем больше раздражался, тем выше за-

кидывал пятак. А чем выше он его закидывал, тем точнее пятак ложился. Вообще проигрывающий всегда старался как можно выше кинуть монету. Он как бы старался докинуть ее до высоты везения.

Минут через двадцать Чик его полностью обыграл. У Славика было полтора рубля мелочью, и все эти деньги теперь приятно тяжелили карман Чика.

Оказывается, чем больше деньги оттягивают карман, тем выше подымается настроение. Чик это ясно почувствовал. Чик подумал, что это вроде качелей. Когда на одном конце деньги оттягивают карман, на другом конце подымается веселье души. Чик еще был настолько юн, самоощущение богача было для него настолько ново, что он и не подозревал о том, что богачи могут впадать в мрачную меланхолию от боязни потерять свои деньги.

— Я пойду за деньгами, — сказал Славик, — ты меня жди.

Жди! Чик опять все вспомнил и почувствовал себя оштрафованным.

— Подождем, подождем, — ответил Чик многозначительно, но Славик ничего не понял и побежал в сторону дома.

— Чик, сыграем? — сказал Бочо своим сильным голосом. Он все это время стоял рядом.

Ну до чего же Чикуну нравился этот сильный голос Бочо! Чик отдал бы половину своих денег, а может, и все, чтобы иметь такой голос. Такой голос мог быть у капитана, о котором до того часто думал Чик, что иногда видел его как живого. Капитан, продутый всеми ветрами, но прокуренный од-

ной-единственной трубкой, вот мечта Чика, которую он иногда видел наяву.

— Нет, Бочо, — отвечал Чик, — я с тобой не буду играть, я со своими ребятами не играю.

— Но ты же играл с Боцманом? — удивился Бочо.

— Откуда ты знаешь? — удивился Чик.

— Тут один на велопе проезжал, — сообщил Бочо, — он сказал, что ты очистил Боцмана... Греки волнуются, Чик!

Чик был до того увлечен игрой, что не заметил этого велосипедиста. Теперь он понял, что Боцман своей глупой жалобой на подглядывание Чика взволновал весь двор.

— Пусть волнуются, — ответил Чик, — Анести надо мной нечестно смеялся, и я его за это обыграл. И брат его нечестно подсказывал ему, когда мы боксировали. Алихора! Алихора! Как будто я не знаю, что это означает.

— Чик, а я знаю, отчего ты выигрываешь, — сказал Бочо и хитренько посмотрел на него.

— Откуда знаешь? — удивился Чик.

— Сам догадался, — уверенно сказал Бочо.

— Тогда скажи, — попросил Чик.

Бочо ужасно нравился Чик. Особенно он ему стал нравиться после того, как Чик красиво победил Бочо в честной драке и в невыгодной для себя обстановке. Но он всегда считал Бочо простаком. И вдруг такое!

— А ты будешь тогда со мной играть? — спросил Бочо и с дьявольской пронизательностью добавил: — Только не на этом месте, Чик. Ох, не на этом!

— Как хочешь, — бормотнул Чик, удивленный его догадливостью.

— Тебе возле колонки везет, — уверенно сказал Бочо.

— А как ты догадался? — спросил Чик радостно. Он понял, что Бочо пошел не научным путем, а путем колдовства.

— Очень просто, — сказал Бочо, возбуждаясь от собственной догадки, и от этого голос его еще сильнее засипел. — Сначала я никак не мог понять, чего это ты торчишь и торчишь возле колонки. А потом, когда ты стал плескать себе воду на лоб, я понял, что ты приманиваешь к этому месту. Да ты никогда в жизни не плескал себе воду на лоб! А тут вдруг плескаешь и приманиваешь, плескаешь и приманиваешь! И приманил! На этом заколдованном месте Славик двадцать два раза подбрасывал монету, ты семнадцать раз угадал. Э, думаю, тут нечистая сила!

— Да, — скромно согласился Чик, радуясь, что Бочо ничего не понял. — Ты правильно догадался.

— А как ты наколдовал это место, Чик?

— А ты никому не скажешь? — спросил Чик серьезно и в то же время чувствуя, до чего же ему будет сейчас весело выдумывать.

— Чтоб я похоронил свою маму, если скажу! — поклялся Бочо.

— Здесь собака зарыта, — важно сказал Чик.

— Собака?! — удивился Бочо и стал внимательно всматриваться в землю, словно хотел разглядеть сквозь землю труп собаки. — Твоя Белочка, что ли?

— Да ты с ума сошел! — вздрогнул Чик, на мгновение представив такое. — Белочка жива-здорова!

— Какая же собака, — спросил Бочо, — немецкая овчарка, что ли?

— Порода не имеет значения, — важно заметил Чик.

— Так ее что, живую зарыли? — допытывался Бочо.

— Нет, — сказал Чик, — она давным-давно умерла, и ее здесь зарыли.

— Разве можно зарывать собаку там, где люди воду берут? — неожиданно удивился Бочо.

Чик никак не ожидал такого вопроса, но не растерялся. Голова работала легко, весело. Стоило шевельнуться, и карман Чика издавал тяжелый, переваливающийся звон.

— Ну какой же ты, Бочо, недотепа, — сказал Чик. — Колонку когда поставили? Два года назад! А собаку зарыли давно. Это же не колодец. Вода течет себе по трубе и к собаке не прирагивается.

— Чик, а там, где ты Боцмана обчесал, тоже зарыта собака? — вспомнил вдруг Бочо.

— Да, — твердо сказал Чик.

— Да у вас что,дохлых собак зарывают на улице?! — удивился Бочо. — А у нас, если собака сдохнет, ее зарывают где-нибудь на огороде или на свалке.

— Это теперь так принято, — сказал Чик, — а раньше, до революции, было принято по-другому.

— Чик, — вдруг спросил Бочо, — почему ты до сегодняшнего дня часто проигрывал, если знал места, где зарыты собаки?

— В том-то и дело, что не знал, — сказал Чик, — этот секрет открыл мне один старый капитан. Я с ним рыбачил, и я ему понравился. А ему этот секрет открыл один старый пират во время гражданской войны. Этого пирата взяли в плен, и капитан уже хотел повесить его на рее. «Вздернуть на рее вы меня можете, — сказал старый пират, — но кто вас научит беляков брать на абордаж? Ох и посмеюсь я над вами сверху, когда вы вздумаете идти на абордаж!» Пираты всегда так шутят. И тогда капитан призадумался и сказал: «Учи! Только честно! Дарю тебе за это жизнь!» — «Свистать команду на полубак! — крикнул старый пират. — Начинаю учить!» И он научил наших моряков брать на абордаж вражеские суда и стал нашим. А в перерывах между боями он учил капитана пить ром, показывать карточные фокусы, вязать пиратские узлы. Он даже хотел ему сделать цветную наколку. Но капитан отказался. «Запомни, — сказал он ему, — я революционер, а не хулиган. Так и передай!» Чик эту фразу услышал в прошлом году в разговоре двух мужчин, и она ему ужасно понравилась своей гордой красотой.

— Кому должен пират передать? — не понял Бочо.

— Другим пиратам, — сказал Чик, — чтобы они больше никогда не приставали к нему со своими цветными наколками. И вот этот пират научил его находить заколдованные места, где зарыта собака.

— А насчет кладов, Чик, — спросил Бочо, — что он сказал насчет кладов?

— Насчет кладов, — сказал Чик, — капитан пока молчит..
Не все сразу..

— И ты теперь знаешь все места, где зарыта собака? — спросил Бочо.

— Нет, — сказал Чик, — пока на двух улицах. Мне хватает. Бочо на мгновение призадумался.

— Чик, — спросил он потом, — а скажи мне точно, в каком месте ты обыграл Боцмана?

Чик про себя улыбнулся его наивной хитрости. Он уже твердо решил, что завтра раскроет Бочо свой научный секрет. А сегодня еще можно было пошухарить. И он сказал правду.

— Дом доктора Ледина знаешь? — спросил Чик.

— Кто же его не знает, — кивнул Бочо в сторону дома доктора Ледина.

— От середины дома отсчитай пять шагов в сторону улицы и попадешь в точку.

Бочо призадумался.

— А еще где? — спросил он.

— Ты что, думаешь, достаточно знать, где зарыта собака?

— А что? — спросил Бочо.

— Нет, — сказал Чик, — это еще не все. Это даже почти ничего. Если б дело было только в зарытой собаке, ты знаешь, сколько бы негодяев поубивало собак! Они бы зарывали бедных собак в таких местах, где люди почаще собираются играть, и давай всех обчесывать!

— А в чем дело, Чик? В чем? — спросил Бочо, приплясывая от нетерпения.

— Во-первых, собака под землей должна пролежать не меньше ста лет, — строгим голосом сказал Чик, — и, прежде чем играть, надо про себя три раза произнести колдовское слово... А от породы собаки ничего не зависит... Лишь бы она пропела под землей лет сто.

— Какое слово, Чик, какое? — взмолился Бочо.

Чик сделал многозначительное лицо и кивнул на перекресток.

К ним приближались два брата-близнеца. Всегда серьезные, всегда одинаково одетые, они и в деньги всегда приходили играть вместе. И всегда или оба выигрывали или оба проигрывали. Так получалось. Если один проигрывает, другой ему дает свои деньги. Иногда один играет, а другой просто смотрит. Если тот, кто играет, проигрывает, второй прерывает игру, отводит его чуть в сторонку, и они начинают шептаться. После этого или второй вступает в игру вместо первого или первый меняет вид игры. Хоть выигрывают, хоть проигрывают, они всегда оставались серьезными. За все это им дали общее прозвище «Два Брата — Гроб да Лопата».

— Чик, — засипел Бочо вполголоса, — скажи колдовское слово. Лопату я беру на себя.

— Нет, Бочо, — твердо сказал Чик, — завтра все узнаешь, а сегодня я играю один.

Чик взглянул в сторону братьев и хлопнул себя по карману. Братья посмотрели друг на друга, потом взглянули на Чика и разом кивнули.

Они подошли к Чику и вытащили из карманов мелочь, у каждого было почти по рублю. Может создаться ложное впечатление, что у ребят Мухуса было много карманных денег Нет, конечно. Но если человек приходит играть, значит, он накопил деньги. Только такой милый простак, как Бочо, приходит с двадцатью копейками и канючит, чтобы с ним поиграли. Настоящие игроки копят деньги к игре.

И вот они стали играть. Опять по десять копеек. То один подбрасывает пятак, то другой. И проигрывают, хоть и медленней, чем Славик, но проигрывают.

Вдруг старший близнец отвел в сторону младшего, и они стали шептаться. Пошептались, пошептались и подошли. Шептание кончилось тем, что старший близнец сменил свой пятак на трехкопеечную монету, а младший — на двухкопеечную. Снова стали бросать. Через некоторое время младшему повезло три раза подряд, а старший продолжал проигрывать своей трехкопеечной монетой.

Братья снова отошли, пошептались, пошептались, и старший, взяв все деньги у младшего, стал подкидывать копеечную монету и все проиграл. Все проиграв, они, как обычно, молча повернулись и ушли.

— Чик, — сказал Бочо восторженно, — ты теперь у всех можешь выиграть. Сыграй с этими.

Чик посмотрел на тротуар. Там продолжали ковать деньги тяжелыми царскими пятаками. Все эти ребята были года на три, на четыре старше Чика.

— Налупить могут, — трезво сказал Чик.

— А что же Суслик не приходит? — удивился Бочо.

— Ха, — усмехнулся Чик, — Суслик уже давно забыл про нас. Наверное, бегаёт по двору в носках. Пойдем погуляем. Я угощаю!

Чик облапил Бочо одной рукой, как щедрый старший брат, и повел его угощать. Через перекресток на углу под церковной оградой стоял со своим лотком продавец сластей. В десяти шагах от него, возле той же церковной ограды, ютился магазинчик.

Они подошли к лотку. За стеклом лотка, как тропические рыбки в аквариуме, краснели леденцы на палочках. Сверкали козинаки с ядрами орехов, схваченными золотистым медовым лаком. Рубчатые трубки вафель, наполненные легкой пеной крема, призывали похрустеть легкой жизнью.

— Выбери, Бочо, — махнул Чик рукой на лоток.

Бочо сразу ткнул пальцем на леденец-дирижабль. Потом на козинак. Потом вопросительно посмотрел на Чика, и Чик кивнул: мол, выбери, выбери.

— И еще две вафли, — сказал Бочо.

— Мне то же самое, — добавил Чик.

— Платить, платить кто будет? — насторожился продавец.

Чик властно звякнул тяжелым карманом. Все обошлось в рубль двадцать копеек.

Они сели на густую травку, росшую у самой стены церковной ограды. Сначала съели вафли, то отсасывая из трубки легкий крем, то сокрушая хрупкую сладость самой трубки. Потом разгрызли козинаки, яростно липнущие к зубам и как

бы пытающиеся вырвать их взамен ядрышек орехов, выломанных зубами из хрустящей плитки. А потом, уже спокойно переговариваясь, сосали свои леденцы, вкусно припахивающие горелым сахаром.

Было приятно помечтать о деньгах, которые они выиграют в ближайшее время. Каждый купит по футбольному мячу. Потом, если дела пойдут хорошо, они купят по велосипеду. А потом, если дела пойдут очень хорошо, они купят веселую лодку на двоих.

— Учти, — предупредил Чик, — Лёсик, Оник, Сонька и Ника будут кататься вместе с нами. Чтобы ты потом не обижался.

— Но ведь Лёсик такой неловкий, — сразу же обиделся Бочо, — он свалится за борт! Кто его будет спасать? Ты?!

— Ничего, — жестко поправил его Чик, — в штиль можно...

— Чик, — взмолился Бочо, — но ведь он даже на ровной земле падает! Свалится за борт и пустит пузыри! Как пить дать, утонет!

Трудно отказать человеку, когда он о чем-нибудь просит таким сиплым голосом старого капитана. Но Чик был тверд.

— Ничего, — жестко отрезал он, — в мертвый штиль можно.

Бочо внимательно посмотрел на Чика, понял, что его не переупрямишь, и успокоился.

— А чего ты только на двух улицах узнал, где зарыты собаки? — спросил он. — Надо узнать на всех.

Чик сейчас, после сладостей, как-то поднадоели зарытые собаки, но уже нельзя было отступать.

— Заработаем на этих собаках, а потом пойдем дальше, — сказал Чик, — ты только приманивай богатых мальчиков.

— Я знаю двоих с моей улицы и одного с Карла Либкнехта, — сказал Бочо. — А где вторая улица с зарытыми собаками?

— Вот эта улица, где мы сидим, — сказал Чик.

— Аж зубы ноют от сладости, — заметил Бочо и отбросил оголенную леденцовую палочку. Дирижабль полностью переместился в живот Бочо.

Чик тоже отбросил свою палочку, хотя и не полностью дососал свой дирижабль.

— Выпьем лимонаду, — сказал Чик, вставая. Они подошли к магазину и поднялись по деревянным ступенькам к прилавку.

— Бутылку лимонаду, — сказал Чик и положил деньги на прилавок. — Хочешь «Раковые шейки»?

Он обернулся на Бочо. Это были очень вкусные конфеты.

— Неохота, Чик, — мотнул головой Бочо и удивленно посмотрел на Чика. Чик в ответ слегка кивнул головой, давая знать, что он его понимает.

— Мне тоже неохота, — сказал Чик и солидно добавил любимую поговорку мухусчан: — Белый хлеб и то надоедает.

Они уже допивали лимонад, когда возле магазина какой-то мальчик остановил свой велосипед, лихо соскочил на землю и прислонил его к церковной ограде. Мальчик был в новенькой ковбойке и длинных черных брюках. Позвякивая сверкающими зажимами на брючинах, он поднялся к прилавку.

Ни разу не взглянув на Чика и Бочо, он попросил у продавца килограмм халвы и три пачки чая. Расплатился, вложил свои покупки в кошелку и спустился к своему велосипеду.

Как только мальчик подошел к прилавку, Бочо стал подталкивать Чика и делать ему страшные гримасы. Чик ничего не мог понять и даже стал злиться на Бочо. Но когда мальчик отошел со своими покупками, Бочо быстро шепнул ему:

— Чик, лафа! Это самый богатый мальчик в городе. Он сын главного мясника! Сыграй с ним! Сыграй, Чик!

— Хорошо, — сказал Чик, — подмани его.

Мальчик в ковбойке, повесив кошелку на руль, взгромоздился на свой велосипед и уже хотел одной ногой оттолкнуться от земли, но тут к нему подбежал Бочо. Они немного пошептались.

— Идет, — сказал мальчик и властно оглянулся на Чика.

Чик подошел.

— Подъезжай к колонке, — сказал Бочо, — там поиграете. И другие пацаны посмотрят, как ты играешь.

— Зачем мне другие, — ответил мальчик, — прямо здесь покидаем в «орла-решку».

Он все еще держал под собой велосипед, хотя стоял на земле. Видно, он долго играть не собирался.

— Нет, нет, — сказал Бочо взволнованно и даже слегка повернул велосипедный руль в сторону колонки, — наши пацаны хотят посмотреть, как ты играешь.

— Так зови их, — холодно заметил мальчик и, поправив руль, повернулся к Чику. — Кидаем?

— Конечно, — сказал Чик, удивляясь, что мальчик так и не слез со своего велопа.

— Но... Чик! — воскликнул Бочо, делая огромные глаза и напоминая, что надо двигаться к месту, где зарыта собака.

Чик уверенно кивнул, давая знать, что он обо всем помнит, и бросил таинственный взгляд на землю между мальчиком и собой.

Бочо так и остался с разинутым ртом. Он был поражен догадкой. Особенно его поразило то, что они как раз именно здесь сидели себе и ели сладости, а собака была зарыта на расстоянии вытянутой ноги.

— Как, и здесь! — все-таки переспросил он, не веря своей догадке.

— Будь спок, — кивнул Чик.

В то время богатый мальчик вынул из карманчика ковбойки новенькую сверкающую копейку и, придерживая велосипед левой рукой, положил ее на большой палец правой руки. Нет, он слезать со своего велопа не собирался.

— На сколько? — спросил он у Чика и посмотрел на него темными, бесстрашными к проигрышу глазами.

— По десять копеек, — сказал Чик, уверенный, что мальчик предложит играть по двадцать копеек и они сторгуются на пятнадцати.

— Полтинник или еду! — презрительно сказал мальчик и решительно взялся за руль.

— Ладно, — согласился Чик, — кидай!

Копейка взлетела, отскочив от большого пальца мальчика.

— Орел! — крикнул Чик.

Сверкнув золотой каплей, копейка упала на «орла». Мальчик на нее даже не взглянул и снова подбросил копейку.

Чик снова угадал. Мальчик все так же, не слезая с велосипеда, холодно взглянул на упавшую монетку. Пока Чик ее подымал, он вынул из кармана мятый рубль и сунул Чику, как грязную промокашку.

— На все! — сказал мальчик, имея в виду свой проигрыш, и снова кинул монетку.

Чик опять угадал. Беря второй рубль уже слегка дрожащей рукой, Чик чувствовал, что его опять затопляет знакомое мутное волнение. Но ведь тут только запоминай, как монетка лежит на пальце, больше ничего не надо!

— На все! — повторил мальчик, глянув на Чика холодными глазами.

Монетка метнулась в небо. Мальчик опять проиграл.

— На все! — сказал мальчик и снова метнул монету.

— Решка! — крикнул Чик, чувствуя, что душа его падает вместе с золотой каплей.

Монетка так и вцепилась в землю на «решку»; молча повожившись рукой в кармане и как бы прислушиваясь к возне своей ладони, он вынул оттуда трешку и рубль.

Чик, потрясенный богатством, которое ему почти небрежно суют, все-таки мимоходом успел удивиться чуткости пальцев этого мальчика — точно выщупывает из кармана то, что надо.

Чик подал ему копейку.

— На все, — спокойно сказал мальчик.

— Как? — не выдержал Чик и стал терять слова от волнения. — А вдруг... а ваш свет?

Дальше был какой-то сон. Чик выиграл еще раз, одновременно испытывая и восторг, и ужас от понимания, что так вечно продолжаться не может. А вдруг может?

— Решка! — крикнул он в очередной раз. Монетка упала на землю. Она даже не отскочила.

— Орел! — холодно поправил мальчик.

Не веря своим глазам, Чик наклонился. Копейка лежала на «орле». Чик теперь смутно воспринимал происходящее. Он только вынимал из кармана мятые деньги, а мальчик в ковбоекке небрежно совал их в свой карман.

Вынимая последний рубль, Чик притронулся к собственному серебру, собрал все свои силы и тряхнул карман, издавший тяжелый звон.

— На все! — крикнул он и, подняв копейку с земли, положил на большой палец, поддел его под указательный и выпулил ее в небо.

— Орел! — крикнул мальчик, словно все понял.

Копейка упала на «орла». Чик выгреб из кармана весь свой сегодняшний урожай, и мальчик высыпал его в свой карман.

— Чик, играй на мои! — в отчаянии крикнул Бочо.

— Я играл с ним, а не с тобой, — сказал мальчик и уже сам, опять-таки продолжая держать свой велоп между ногами, но теперь накренив его почти до земли, дотянулся до своей ко-

пейки. Распрямился, сдунул с нее песчинки, поцеловал и сунул в кармашек ковбойки.

— Моя везучая копейка, — сказал он, застегивая кармашек.

Мальчик оттолкнулся одной рукой от стены, нажал на педаль, одновременно, усаживаясь в седло, и, вильнув рулем, уехал не оглядываясь.

Чик и Бочо пошли в сторону дома.

— Чик, что случилось?! — орал Бочо оглохшему от горя Чику. — Может, собаку кто-нибудь отрыл?

— Не знаю, — бормотал Чик, плохо воспринимая происходящее.

И вдруг им вслед зазвенел церковный колокол: донн! донн! донн! Бочо, пораженный догадкой, остановился и ударил себя в лоб.

— Дураки мы! Дураки! — крикнул он сиплым голосом. — Собака-то зарыта, но рядом с церковной стеной колдовство не действует! Как же ты об этом забыл? Я что-то чуял, когда приманивал его к колонке! Но ничего, Чик, мы победим! Завтра отыграемся на мои!

К сожалению, Чику так и не удалось отыгаться.

Дело в том, что на следующий день начались дожди, а в Мухусе ребята играли только под открытым небом. А через неделю, когда дожди кончились, Великий Закон, открытый Чиком, почему-то перестал действовать. Мы, как и Чик, не понимаем, в чем тут дело. Возможно, это был день великого

везения. Бывают же такие дни у людей. Вот и Чик у выпал такой день, хотя везение и не дотянуло до заката.

Будем надеяться, что современная наука даст исчерпывающее объяснение этому явлению. Не исключено, что магнетической силой своего желания выиграть Чик заставлял монету подчиняться своей воле. Но почему монета в самый решительный миг взбунтовалась, остается загадкой. То, что в самом Чике магнетическая сила желания выиграть к этому мгновению никак не исчерпалась, не вызывает сомнения. Остаётся предположить, что дождливая неделя смысла из атмосферы те вещества, которые служили проводниками сигналов от Чика до монеты. Одним словом, слово за наукой, а мы замолкаем, дабы оставаться в рамках свойственного нам реалистического повествования.

ЧИК НА ОХОТЕ

Чик проснулся рано утром. Он тихо встал, чтобы не разбудить спящих. Он надел майку, потом натянул поверх трусов короткие штаны с карманами и продел в них пояс брата, который Чик еще ночью выдернул из его брюк и положил возле своей кровати.

Он собирался идти на охоту за перепелками и в случае удачи рассчитывал, что перепелок можно головками засовывать за пояс и они будут держаться. Как миленькие будут держаться, только пояс затягивай потуже! Хотя было тепло,

Чик влез в рубашку. Он сообразил, что перепелки иногда могут падать в колючие кустарники, и тогда в майке все тело исцарапаешь. Поэтому лучше в рубашке. Надел на ноги сандалии, застегнул пряжки и вышел на веранду.

Чик открыл кран и умылся. Когда Чика не видела мама или тетушка, он умывался очень быстро. Если бы проводились все-союзные соревнования по быстроте умывания, Чик мог бы стать чемпионом страны. Умывался он молниеносно. Со стороны можно было подумать, что он проверяет воду на влажность. Мазанул мокрыми руками по правой и левой щеке — и все. Да, вода продолжает оставаться влажной. Чик воду любил в виде моря. Или море, или ничего.

На столе стояла миска с грушами. Над ними уже кружились осы. Осы были желтые, как груши. Чик взял со стола свой учебник по истории древнего мира и стал убивать ос. Две осы он убил, а одна улетела, хотя и была тяжело ранена. Уже убитых ос Чик окончательно раздавил на столе тем же учебником истории. Сгреб их спичечной коробкой на учебник и выкинул за окно. Чик знал, что даже мертвой осе нельзя доверять: осу можно раздавить, но она и после этого сохраняет способность жалить. Жить уже не может, но жалить еще может. Вот что такое оса.

Расправившись с осами, Чик тихонько отворил дверцу буфета. Дверца сладостно скрипнула, потому что там лежала любимая еда Чика. Когда в буфете ничего, кроме хлеба, не лежало, дверца скрипела скучно.

Чик отрезал от буханки самую поджаристую горбушку, намазал ее маслом, а сверху еще размазал повидло. Можно

было повидло размазать так густо, что масла не будет видно. Но Чик так не любил. Он любил есть хлеб с маслом и повидлом так, чтобы одновременно видеть и масло и повидло. Поэтому он повидло размазал как бы небрежно, волнами. Когда сразу стоят перед глазами и хлеб, и масло, и повидло, получается гораздо вкусней. Чик это точно знал. Про самую любимую еду в мире всегда все точно знаешь.

Вообще Чик ел все, кроме помидоров. Помидоры не лезли. Какая-то противная слизь. Но Чик не терял надежды с годами преодолеть свою неприязнь к помидорам. Иногда, когда его никто не видел, Чик тренировался, чтобы привыкать к помидорам. Успехи были, но небольшие. Чик заметил, что после моря помидоры как-то легче идут.

Чик решил, что дело в медузах. Медузы слизистые и помидоры слизистые. Когда наглядишься на слизистые да еще тряские медузы и подумает: «А если бы тебе пришлось есть медуз?» — помидоры легче идут.

В голодном состоянии Чик мог съесть целый помидор, густо осыпав его солью. Конечно, приходилось проявлять большую силу воли. Зимой, когда по утрам мама заставляла его выпивать ложку рыбьего жира, тоже приходилось проявлять большую силу воли. У Чика была сила воли, и он надеялся с годами привыкнуть к помидорам. Но не все сразу. Поев, Чик напился из-под крана, хотя пить ему не хотелось. Но он знал, что идет на охоту, а там кто его знает, скоро ли напешься. Проявляя силу воли, Чик постарался как можно больше выпить прохладной утренней воды. Везде

нужно было проявлять силу воли. Чик знал, что сила воли у него есть, но проявлять ее было не всегда охота.

Боясь, что его не пустят, Чик никого не предупредил, что собирается на охоту. Взрослые — странные люди. Когда, бывало, уйдешь на море или в горы, они потом ругаются и говорят, ты хотя бы предупредил! А когда предупреждаешь — не пускают. Чик сегодня решил пойти средним путем. Он решил не предупреждать, но оставить записку. Он вырвал из старой тетради неисписанный кусок листа, макнул ручку в чернильницу и, подумав, написал: «Иду на охоту с Белкой. Ждите к обеду с перепелками».

Чик перечитал написанное, и ему показалось, что он напрасно хвастанул перепелками. Он почувствовал, что это нехороший признак. Чик только собирался на охоту, но уже проникся охотничьим суеверием. Он тщательно замазал чернилами ненужное слово. Положил записку посреди стола и придавил ее чернильницей, чтобы ее не снесло порывом случайного ветерка.

Он достал из-за буфета свой лук и три стрелы с жестяными наконечниками, заточенными напильником. Чик проверил на пальце наконечники, словно за ночь их могли притупить мыши. Нет, наконечник в порядке. Он надел на плечо лук тетивой вперед, как ружейный ремень. Заткнул за пояс стрелы. Наконечниками вверх, чтобы не царапали ноги. Потом стал шевелить животом, прислушиваясь, где и как наконечники упираются в живот. Приладил так, чтобы не упирались. Теперь он себя чувствовал не хуже, чем те воины, что изображены в учебнике древней истории.

Чик взял из миски две груши, глазами выбрав те, что лучше. Одну себе, другую своей собаке Белке. Только он хотел вонзить зубы в ту грушу, что была особенно крутобокой, как мелькнуло: нечестно! Себе берешь ту, что получше, а любимой собаке ту, что похуже. Чик все-таки вонзил зубы в лучшую грушу и, уже вонзив, разозлился на Белку. «Нечего баловать, — сурово подумал Чик, — другие собаки вообще не знают, что такое груша!» Он отрезал от буханки еще одну горбушку. Белочка тоже любила горбушку. Чик вышел во двор.

— Белочка! — позвал он не очень громко, чтобы не будить соседей.

Она спала посреди двора возле виноградной лозы. Услышав его голос, Белочка приподняла голову и посмотрела на Чика, словно удивляясь спросонья: в такую рань?!

— Белочка, Белочка, — снова позвал Чик и издали показал ей грушу.

Белочка вскочила и подбежала к нему. Но Чик бросил ей сначала горбушку. Белочка не очень охотно ее ела, то и дело подымая голову и завистливо прислушиваясь к Чику, сочно чмокавшему своей грушей. После того как она съела весь хлеб, Чик поставил возле нее грушу.

Белочка ела все фрукты. Чик ее давно приучил к этому. Она даже ела виноград. Было бы враньем сказать, что она выплевывала шкурки. Виноградины она глотала целиком. Она даже отличала на вкус белый виноград от черного. Черный виноград «изабелла» Белочка предпочитала любому белому винограду.

Чик много раз делал такой опыт. Он подзывал Белку и клал перед ней две кисточки — черный и белый виноград. И Белочка всегда сперва съедала черный виноград, а потом, в зависимости от настроения, могла съесть и белый виноград, а могла и не съесть. Если, конечно, она была голодной и ничего другого под рукой не было, она тут же могла слопать кисточку белого винограда. Но если была возможность выбирать, она всегда начинала с черного.

Самое смешное, что Чик тоже всегда черный виноград предпочитал белому. Нет, он, конечно, Белочку нисколько не приравнивал к своему вкусу. Она сама поняла, что черный виноград приятней белого. Взрослые утверждали, что надо больше любить белый виноград, потому что это столовый сорт, а черный виноград «изабелла» любить не так уж культурно, потому что это не столовый сорт. Мало ли что надо! Надо, но неохота! Чик так считал: что вкусней, то и культурней! И Белочка это понимала.

Только самый небессовестнейший человек мог сказать, что Белочка любит черный виноград, потому что он похож на мясо. Нет, просто Белочка была умнейшая собака и знала толк во вкусных вещах.

На ее необыкновенную сообразительность Чик и надеялся, беря ее на охоту. В эти теплые осенние дни охотники возвращались из-за города с перепелками, до того аппетитно телепавшимися вокруг пояса, что Чик прямо замирал от неведомой прежде охотничьей страсти. И Чик решил во что бы то ни стало сходить с Белкой на охоту.

Раньше они никогда не бывали на охоте, и Белочка была дворняжкой. Она была дворняжкой среднего роста, вся белая, особенно после купания, с темно-коричневым пятном на левом ухе и левом боку. Как будто кто-то лил сверху коричневую краску, а Белочка пробежала вниз. Кап! кап! — и два коричневых пятна. В отличие от охотничьих собак, которые бывали или очень лохматые или неприлично-голые, у Белочки была ровная, приятная шерстка.

Чик давно приучил Белочку искать еду или какую-нибудь спрятанную вещь. Сначала приучил искать еду, а потом уже, дав понюхать палку, спичечный коробок, карандаш или учебник, вообще любой предмет, достаточно удобный для зубов, он прятал его, а потом говорил: — Белочка, ищи!

Белочка искала и находила. Еду можно было и не давать нюхать, она ее и так находила. Белочка была умнейшая собака. Если ей сказать:

«Белочка, ищи!» — и ничего не давать нюхать, она искала особенно азартно, она уже знала, что ее ждет еда.

Нюх у нее был исключительной силы. Котлету, например, она вынюхивала за тридцать шагов. На этот нюх Чик и надеялся, беря ее на охоту. Правда, Чик слышал, что охотничьи собаки при виде перепелки делают какую-то стойку. Чик думал, что охотничьи собаки, как цирковые, делая стойку, поднимаются на задние, а то и передние лапы. Нет, Белочка этого не умела. Чик ее никогда не приучал стоять на задних лапах.

Чику почему-то всегда было не по себе, когда собака стоит на задних лапах. Собака, становясь на задние лапы, делалась похожей на униженного человека. Возвышаясь до двуногого существа, она каким-то образом становилась жалкой и униженной. Может быть, эти передние лапки, опущенные как тряпочки, может, неустойчивость всей ее позы вызывала в Чике ощущение униженности? Чику было ужасно неприятно, когда кого-нибудь унижали. Особенно ему было неприятно, когда унижали животное. Поэтому Чик никогда не учил Белочку стоять на задних лапах и выклянчивать сахар! Ищи! И тогда ты его сама заработала!

Три дня тому назад, когда Чик окончательно решил во что бы то ни стало сходить на охоту, он срезал хорошую ветку кизила в соседнем школьном саду. Он и раньше делал лук и стрелы и всегда на лук вырезал кизилковую ветку. Считалось, что кизил самое подходящее дерево для лука. Стрелы Чик сделал из прутьев молодого ореха. Он их вырезал в том же школьном саду. Сад, который охранял старик Габунья, отличался исключительным многообразием фруктовых деревьев. К тщательно обструганным стрелам Чик прикрепил наконечники, вырезанные из крышки консервной банки.

За три дня Чик так натренировался в стрельбе из лука, что в пятнадцати шагах запросто попадал в ту же многострадальную консервную банку, уже до этого лишенную своей крышки.

Вчера Сонькина мать принесла с базара перепелок. Чик попросил Соньку тайком взять одну перепелку из дому

с тем, чтобы натаскать на нее Белку, а потом вернуть. Сонька принесла перепелку. Чик дал ее понюхать Белке и спрятал.

— Белочка, ищи перепелку! — говорил Чик, нажимая на последнее слово, чтобы выработать в ней условный рефлекс.

И Белочка великолепно находила перепелку и приносила ее в зубах.

— Но Чик, — говорили ему во дворе, — это же мертвая перепелка, а надо, чтобы она находила живую!

— Пока потренируется на мертвой, — бодро отвечал Чик, — а потом будет находить и живую.

Белочка восемь раз находила перепелку и приносила ее Чикю в зубах. А на девятый раз, когда она из сада несла перепелку, Сонькина мать вошла во двор и увидела Белку с перепелкой во рту.

— Чик, — радостно обернулась она на Чика, — твоя Белка перепелку поймала!

И тут все дети и жена старого Алихана начали хохотать. Им показалось смешным, что она так сказала. И Сонькина мать, хотя и вполне справедливо считалась глупой женщиной, подозрительно посмотрела на Соньку. Сонька, не выдержав ее взгляда, опустила глаза. Потом она так же посмотрела на Чика, но Чик проявил силу воли и не дал сбить своего взгляда. Но она все равно догадалась. Очень уж ехидно хохотала жена старого Алихана.

— Моя перепелка! — крикнула она истошным голосом и, набросившись на Белочку, вырвала у нее изо рта перепелку.

Она подняла ужасный шум и, держа в вытянутой руке перепелку, обращалась к тетушке Чика. Тетушка в это время сидела на веранде второго этажа на своем обычном месте. Она попивала чай и, покуривая, следила за жизнью двора. Сонькина мать кричала, протягивая в сторону тетушки перепелку, словно предлагая ее немедленно обменять на более свежую.

— Ваша Белка мне всю перепелку исключявила, — кричала она, — это все Чик! Ваша Белка мне всю перепелку исключявила! Зачем мне такая перепелка!

Тетушка спокойно дождалась паузы в ее криках, отхлебнула чай, затянулась папиросой и, выпуская дым, громко сказала:

— А ты, эфиопка, думаешь, охотничьи собаки в перчатках приносят перепелок!

Хорошо ей тогда тетушка сказала. Белочка не только исключявила перепелку, она ее слегка поджевала зубами и вымазала в пыли. Но ведь Чик собирался после натаски хорошенько вымыть перепелку под краном и высушить на солнце. Никто не ожидал, что Сонькина мать так рано вернется домой. Несмотря на это препятствие, Чик считал, что Белка достаточно хорошо натренировалась.

Чик с Белочкой вышли на улицу. Чик всем телом чувствовал бодряю свежесть сентябрьского утра. На востоке, прямо над Чернявской горой, золотилось облачко, радуясь, что оно раньше всех поймало солнечные лучи.

Чик надо было идти в противоположную сторону. Он знал, что там, где кончается город, но еще не начинается

деревня, есть огромная поляна, выходящая к морскому берегу. Он слышал, что там городские охотники охотятся на перепелок и диких голубей.

Не успел Чик дойти до конца своего квартала, как его обогнал фаэтон. Лошадки, выбивая из немощной улицы легкую пыль, шли ровной рысцей. Кузов фаэтона мерно покачивался. Было бы величайшей глупостью не воспользоваться попутным транспортом. Чик быстро догнал фаэтон и уцепился за его задок.

Фаэтон проехал мимо греческой церкви и мимо школы, где учился Чик. Ему вдруг пришло в голову, что было бы смешно, если бы директор школы, Акакий Македонович, побежал за фаэтоном, чтобы выяснить, это Чик бесплатно катается или он обознался. И было бы еще смешней, если бы при этом Белочка, не зная, что Акакий Македонович директор школы, стала бы яростным лаем отгонять его от Чика. Но конечно, ничего такого не могло случиться, потому что день был воскресный и в школе никого не было. Почему-то Чик всегда было грустно за школу, когда она стояла вот такая пустая-пустая. Без звонка и без детей. Сам-то Чик очень любил выходные дни и каникулы, но ему было грустно смотреть на пустую школу. Ему казалось, что она скучает без детей. Тем более что его школа и раньше, до революции, была гимназией и за всю свою долгую жизнь здорово привязалась к детям. Чик почему-то это чувствовал.

А между тем Белочка стала волноваться. Она не привыкла, чтобы Чик ехал, прицепившись к фаэтону, а она бежала

рядом. Она несколько раз требовательно взлаяла возле Чика, предлагая ему немедленно слезть. Потом она, по-видимому, решила, что Чик не виноват, что его насильно тащат на этом чудище. Она храбро выбежала вперед и стала облаивать фаэтонщика.

— Пошла вон! — услышал Чик хриплый голос фаэтонщика и звук щелкнувшего кнута. Белочка залаяла сильнее, но Чик знал, что кнут ее не достал. Иначе бы она завизжала.

Фаэтон ехал все дальше и дальше, и Белочка, делая непродолжительные передышки, упорно его облаивала.

*Скатерть белая залита вином,
Все гусары спят непробудным сном,
Лишь один не спит... —*

красиво спел седок и вдруг добавил: — Свежая барабулька под гудаутское вино хорошо идет. Больше ничего мне в жизни не надо. Не надо мне никакие чебуреки, никакие пенерли. Свежая барабулька, жаренная на собственном жире, и гудаутское вино — больше ничего не хочу!

— Ты не прав, Боря, — мягко возразил второй седок, склоняя его к миролюбию, — я тоже уважаю барабульку под гудаутское вино. Но горячее пенерли — это горячее пенерли. Наши отцы и деды не были дураками, когда любили горячее пенерли...

— Что хочешь со мной делай! — воскликнул первый седок. — Свежая барабулька, вот только что из моря,

еще играет, зажаренная на собственном соку, и гудаутское вино!

Чик услышал, как он при этом чмокнул, и понял, что любитель гудаутского вина послал вину воздушный поцелуй. По-видимому, гудаутское вино все еще находилось в достаточно обозримой близости.

— Пенерли, чебуреки, шашлыки — даром не хочу, — продолжал тот, — а между прочим, хорошо провел стол наш вчерашний тамада! Находчивый! Отвальную, говорит, буду пить из вазы! Крепко сказал! И не только сказал, но и выпил, сукин сын! Интересная личность!

— Что ты, что ты, Боря! — одобрительно зацокал второй седок. — Он вообще застольный, хлебосольный парень! У него и отец был такой, и дед был такой! Но ты напрасно обижаешь пенерли: горячее пенерли...

— Никакого пенерли мне не надо! — весело перебил его первый седок. — Свежая барабулька и гудаутское вино!

*Скатерть белая залита вином,
Все гусары спят непробудным сном,
Лишь один не спит...*

Опять он так красиво запел, что Чик замер от удовольствия. Чик обожал русские романсы, но не знал, что это так называется. Любителей объяснять такие вещи генетической памятью он мог прямо-таки поставить в тупик. Если во времена предков Чика гусары и забредали в горы, то им,

конечно, было не до романсов. Да и навряд ли предки Чика, стоя с кремневкой за каменным укрытием, прислушивались, не раздадутся ли со стороны русского лагеря звуки любимых романсов.

Но только Чик сладостно настроился узнать, что же делает этот единственный неспящий гусар, как поющий седок опять оборвал песню. Чик от возмущения чуть не свалился. Нельзя же так!

— Сейчас покушаем жирный хаш, — оборвал песню поющий седок, — и домой! Отдых! Отдых!

— Все же ты напрасно обижаешь пенерли, — проворчал второй седок, — наши деды не были дураками, когда любили горячее пенерли.

— Костя, — грозно воскликнул первый седок, — если ты идешь на принцип, я тоже иду на принцип! Я голову наотрез даю за свежую барабульку, жаренную в собственном соку, и гудаутское вино!

Лошадь цокала копытами, фаэтон уютно поскрипывал, а Белочка время от времени лаем напоминала фаэтонщику: «Отпустите Чика! Отпустите Чика!»

— Слушайте, — обратился фаэтонщик к седокам, — я с ума сойду от этой собаки! Впервые в жизни так долго гонится!

— Не обращай внимания, Бичико! — бодро воскликнул тот седок, что пел про гусаров. — Собака лает — караван идет! Прекрасная пословица!

— Да, но совсем голову заморочила, — проворчал фаэтонщик, — лошади тоже нервничают!

Теперь Чик знал, куда они едут. На окраине города был один дом, где по утрам можно было съесть хаш. Дядя Чика хаживал в этот дом. Да, хаживал.

Наконец фаэтон остановился. Чик быстро соскочил с задка и перебежал на тротуар, не замеченный фаэтонщиком. Белочка, увидев соскочившего Чика, перестала лаять и побежала к нему. Было похоже, что она гордится своей победой: заставила фаэтон остановиться и отпустить Чика!

— Парень! — крикнул фаэтонщик.

— Вы меня? — спросил Чик, остановившись.

— А разве здесь есть кто-нибудь? — спросил фаэтонщик, кивая на пустынную улицу.

— Откуда я знаю, — сказал Чик, голосом показывая, что степень безлюдности улицы его как-то не занимала.

— Чья это собачка? — грозно спросил фаэтонщик и издали кнутовищем ткнул в Белочку.

Чик взглянул на Белочку, как бы обнаружив ее только благодаря точной указке кнутовища.

— Первый раз вижу! — сказал он.

По взгляду фаэтонщика было видно, что он смутно догадывается, что Чик катался у него на запятках. Чику показалось, что тот не прочь дотащить его до того места, где Чик прицепился к фаэтону, но он никак не мог вспомнить, в каком месте начала облаивать его Белочка.

— Тогда чего она за тобой пошла? — мрачно спросил фаэтонщик.

— Не знаю, — удивился Чик и, взглянув на Белочку, поднял глаза на фаэтонщика, — а разве она за мной идет?

— Ладно, Бичико, — сказал один из седоков, выходя из фаэтона и разминаясь, — береги нервы! Эта собака за тобой тоже бежала! Сейчас покушаем один жирный хаш, выпьем по стопарю и споем «Аллаверди»!

Чик по голосу понял, что это был тот седок, который пел про гусаров. Чик пошел дальше, как-то спиной чувствуя, что фаэтонщик все еще смотрит ему вслед. Белочка мирно семенила рядом.

Через десять минут Чик вышел на огромный приморский луг, озаренный восходящим солнцем. Местами луг был изрезан овражками, над которыми кустилась ежевика, сассапариль и облепиха, выбрасывающая вверх длинные прутья, унизанные желто-маслянистыми ягодами. То там, то здесь виднелись выжженные солнцем коричневые заросли папоротников. Посреди луга угадывалось болотце, обросшее камышами и деревьями.

По лугу ходили охотники, время от времени окликавая своих петляющих в кустах собак. Слышались то одинокие, то взаллеб, как бы догоняющие друг друга выстрелы.

Чик пошел в сторону болотца, то и дело приговаривая:

— Белка, ищи перепелку!

Белка бежала впереди, иногда принюхиваясь к травам и кустам. Они прошли заросли папоротника, и вдруг совсем близко Чик увидел двух охотников. Один из них был с ружьем, а другой держал на руке серого ястреба. Охотники переговаривались.

— Здесь упал, я точно знаю, — сказал тот, что был с ружьем. — Дик, ищи!

И сразу же в колючих зарослях что-то усердно затрещало. Чик понял, что там собака.

— В такие колючки собаку нельзя пускать, — заметил тот, что был с ястребом в руке. Он погладил его свободной рукой, показывая, что он-то своего ястреба в такие колючки не пустит.

Ястреб сверкнул желтым глазом, взмахнул крыльями, и колокольчик на его ноге громко взбрякнул.

— Подумаешь, костюм порвет, что ли, — небрежно ответил тот, что был с ружьем, и опять крикнул: — Дик, ищи! — В зарослях опять усердно затрещало.

— А твоя собака перепелку надьбала, — сказал тот, что был с ружьем, кивая второму охотнику.

Чик заметил рыжую собаку, медленно приближающуюся к зарослям конского щавеля. Она шла, словно с трудом отрывая ноги от земли. Наконец в нескольких метрах от зарослей остановилась, вытянув отвердевший хвост и слегка приподняв переднюю лапу. Чик понял, что это и есть стойка. Охотник теперь держал ястреба, слегка заломив руку за спину. Он тихо подошел к своей собаке и замер, всматриваясь в заросли. Чик показалось, что он невероятно долго ждет. Наконец Чик услышал:

— Пиль!

Собака бросилась в заросли конского щавеля. Оттуда вырвалась какая-то птица и метнулась в небо. Охотник кинул ястреба вслед, но тот, как-то презрительно пролетев мимо,

стал удаляться в сторону моря, быстро и мощно взмахивая крыльями. Чик, напрягая глаза, следил за ним и увидел, что ястреб уселся на далекую чинару.

Потрясенный хозяин ястреба так и застыл с открытым ртом. Второй охотник стал хохотать.

— Вот тебе и пиль, — сказал он сквозь хохот, — ястреб ни при чем! Твоя собака стойку делает на трясогузку!

— Ладно тебе! — огрызнулся хозяин ястреба и с ненавистью посмотрел на свою собаку.

Она пробежала метров десять за ястребом, вернулась и сейчас, виновато виляя хвостом, глядела на своего хозяина. Хозяин нагнулся, поднял сучковатую палку и швырнул в собаку. Собака отскочила. Хозяин пошел в сторону чинары, громко ругая свою собаку. Когда он отошел шагов на тридцать, собака снова побежала за ним, но он опять сделал вид, что собирается кинуть в нее камень. Собака отскочила и села, тоскливо глядя на удаляющегося хозяина. Чику стало жалко неудачливую собаку.

Вдруг кусты рядом с Чиком затрещали, и оттуда выпаралась собака второго охотника, держа в зубах трепыхающегося голубя.

— Ко мне, Дик! — радостно крикнул охотник и сам быстро подошел к своей собаке. — Молодец, мой Дик, молодец, — урчал он, наклоняясь к ней и вынимая у нее изо рта все еще трепыхающегося голубя. — Я же знал, что он там упал!

Он разогнулся с голубем в руке и вдруг, небрежно тряхнув рукой, размозжил ему голову о приклад ружья и сунул в ягд-

таш. Чику видеть это было неприятно, но он, сдерживаясь, не выдал своего чувства.

— А ты что, мальчик, пришел охотиться? — вдруг спросил он, как бы на радостях позволяя себе заметить Чика.

— Да, — сказал Чик.

— А разве стрелой можно попасть в перепелку? — удивился охотник.

— Не знаю, — сказал Чик, — с пятнадцати шагов бьет по консервной банке.

— Ну, если твоя собачка получше той, — кивнул он в сторону второго охотника, — может, что-нибудь возьмешь. Попробуй на болоте. Там бывают водяные курочки.

— Хорошо, — сказал Чик, польщенный, что охотник говорил с ним без насмешки.

Чик пошел в сторону болота, время от времени повторяя:

— Белочка, ищи перепелку!

И Белочка усердно искала, петляя впереди него и приюхиваясь к кустам и траве. Чик вдел в тетиву слегка раздвоенный конец стрелы и, не натягивая лука, шел за собакой. Кузнечики так и стреляли из-под ног. Белочка усердно искала перепелок, хотя один раз глуповато подпрыгнула, пытаясь схватить стрельнувшего кузнечика, а другой раз погналась за вспыхивавшей бабочкой.

— Белочка, ищи перепелку! — напоминал Чик, нажимая на последнее слово.

И Белочка бежала, нюхом своим прочесывая траву. И вдруг — Чик даже не успел опомниться — прямо откуда-то

у него из-под ног вылетела перепелка и низко-низко полетела над травой трепыхающим коричневым комом. Чик все-таки успел натянуть лук и навскидку пустить ей вслед стрелу. Он видел, как стрела, сверкнув на солнце, стала догонять перепелку, но через несколько мгновений сбавила скорость и вонзилась в землю. А перепелка улетела, не думая сбавлять скорости.

Как только Чик выстрелил, Белочка помчалась за перепелкой и стрелой. Стрела вонзилась в землю, Белочка подскочила к ней, выдернула из земли и победно принесла ее Чику с таким видом, словно все получилось так, как они с Чиком задумали.

Чик был ужасно огорчен и неудачей такого хорошего выстрела, и тем, что Белочка, не заметив перепелку, пробежала мимо нее, а Чик сам вспугнул ее своими шагами.

— Что ж ты, эфиопка, не почуяла перепелку, — упрекнул ее Чик, небрежно вырвав у нее изо рта стрелу.

Белочка посмотрела на Чика, приподняв одно ушко, как бы выражая полное недоумение: разве я не принесла тебе стрелу?

— Не стрелу, — сказал Чик сердито и внятно, — как ты могла пропустить перепелку? Пропустить!

Белочка на секунду призадумалась и вдруг весело трянула головой и замахала хвостом в знак того, что она ничего не понимает и даже не хочет понимать, но ей все равно хорошо с Чиком. Повернулась и побежала вперед.

— Белочка, ищи перепелку! — говорил Чик, быстро шагая за Белкой и голосом приказывая ей не отвлекаться на мело-

чи. Сейчас Белочку нервировали наглые сороки, взлетающие у самых ног и тут же рядом садящиеся на землю. Это, конечно, задевало самолюбие Белки: или ты боишься и тогда улетаешь совсем, или ты не боишься и сидишь на месте. Нет, взлетит и тут же сядет в трех шагах. Наглость!

Иногда Белочка, словно внезапно оглохнув и не слыша криков Чика, вытянув морду, сентиментально внюхивалась в какие-то якобы родимые запахи, исходящие якобы от знакомых кустов, хотя они здесь были первый раз и у Белочки не могло быть никакого знакомства с местными кустами. В такие минуты она напоминала Чикку некоторых тетушкиных подруг (да и тетушку!), которые точно с таким же выражением лица нюхали пустые флаконы из-под духов.

Примерно через полчаса перепелка выпорхнула справа от Чика, но полетела не вперед, а в сторону моря. Чик успел повернуться и пустить ей вдогонку стрелу. Стрела красиво взлетела гораздо выше перепелки, но летела точно в ее направлении, так что можно было надеяться, что она сверху накроет перепелку. Но когда стрела пошла вниз, перепелка уже вылетела из-под нее.

Стрела вонзилась в траву возле белого камня, похожего на череп человека, и, покачнувшись, застыла торчком. Белый камень, похожий на череп, и стрела, торчком стоящая возле него, напоминали поле древней битвы. И Чик уже стал осторожно приискивать глазами, что бы напоминало заржавленный меч, полусгнившее копьё или щит. Но тут на поле древней битвы влетела веселая Белка, схватила зубами стрелу

и принесла ее Чику. На этот раз, вынимая у нее из зубов стрелу, он ничего ей не сказал. Перепелка вылетела в стороне от Белки, и она имела право ее не нюхать.

Перед самым болотом Белочка подняла ворону, и она летела над землей, лениво колыхаясь, как большая волшебная тряпка. Чик сгоряча принял ворону за коршуна, но вовремя спохватился и мягко опустил уже натянутую тетиву.

Солнце вовсю сияло, когда Чик подошел к болоту. Его поверхность во многих местах была покрыта грязно-зеленой ряской.

Там, где не было ряски, в болотной воде отчетливо отражался противоположный берег, обросший ежевичником, восклицательными знаками камышей и ольховыми деревьями. Рядом росли мускулистый самшит и мускулистый дубок. Было похоже, что они, напрягая узловатые ветви, соревнуются, кто из них покрепче. Но Чик знал, что самшит — самое крепкое дерево в мире. Дуб занимает не то второе, не то третье место.

Чик удивился, что отражение кустов и деревьев в воде выглядит красивей, чем они сами на берегу. Чик призадумался, но не понял, почему это происходит.

Вообще Чик задумывался над многими вопросами, на которые взрослые ему не могли ответить. Вот что его волновало в последнее время. Чик знал, что подсолнух всегда следит за солнцем своей золотистой шапкой — и это хорошо. Но вот что делает подсолнух, когда начинается солнечное затмение? Опускает головку, думая, что солнце уже закатилось, или ждет,

когда затмение кончится? Если ждет, откуда он знает, что это затмение и оно скоро кончится? Это же страшно интересно!

Но ни один из взрослых не мог ему ответить на этот вопрос. Некоторые добродушно смеялись, когда Чик задавал им этот вопрос, а некоторые как-то тоскливо замыкались, думая, что Чик хочет поймать их в какую-то ловушку. И какая тут может быть ловушка, и чего они все время боятся какой-то ловушки?! Глупо!

Чик этой весной вырастил у себя на огороде три великолепных подсолнуха. И все три дружно поворачивали свои золотые шапки в сторону солнца. И тут все было правильно. Но как их проверить на солнечное затмение?! Где его взять? Это уже от него не зависело.

Когда Чик подошел к самому илистому берегу, в воду посыпались лягушки. Точно так же пловцы во время соревнований шлепаются с мостков в воду. И точно так же некоторые из них шлепаются с опозданием.

Чик шел вдоль илистого берега и все время смотрел на противоположный, где кусты ежевики и сассапарилы иногда ниспадали к воде. Ему все время мерещилась курочка, выходящая из воды, хотя Чику очень трудно было совместить курицу с водой. Так как Чик никогда не видел водяной курочки, он ее представлял как обычную курицу.

И вдруг не из воды, а из ежевичника вышла какая-то замызганная птица величиной с цыпленка. Чик и не знал, что подумать, но он понял, что это дичь и надо в нее стрелять. Замызганная птица ходила по бережку, что-то выклеывая

из земли и то и дело вскидывая головку, кажется, тоже замызганную, и к чему-то прислушиваясь.

Чик вдруг подумал, что Белочка ее заметит и лаем вспугнет. Поэтому он, стараясь скрыть от Белочки свое охотничье волнение, осторожно прицелился, натянул тетиву до отказа и, уже чувствуя, что у него все начинает плыть перед глазами, выстрелил.

Стрела перелетела болотце и вонзилась в землю в нескольких сантиметрах от водяной курочки, которая ничуть не испугалась. Она посмотрела на стрелу и, обратив внимание на блеск верхней части наконечника, высовывавшегося из земли, клюнула его. После третьего клевка стрела повалилась, и курочка, потеряв к ней интерес, снова стала искать в земле корм. Чик был несколько уязвлен таким неуважительным отношением к его стреле. Он выхватил из-за пояса вторую стрелу и только вложил ее в тетиву, как курочка вошла в заросли камыша. Чик ждал, ждал, ждал, но она больше не вышла.

Надо было достать стрелу. С того берега к ней невозможно было подойти, настолько он был заколючен. Чик посмотрел на Белку. Белка посмотрела на Чика. Чик стал осторожно подходить к Белке, чтобы схватить ее и заставить плыть за стрелой. Чик не был уверен, что она, доплыв до того берега, догадается вернуться со стрелой. Все-таки слишком много времени прошло с тех пор, как он выстрелил. Но надо было попробовать. Чик решил, что если она все-таки не догадается взять стрелу, то он на ее глазах пустит вторую стрелу, которая

вонзится в землю рядом с первой и тогда, возможно, Белка догадается прихватить и первую стрелу. Чику самому было ужасно неприятно лезть в болотную воду.

Чик поймал Белку и сразу же по ее сопротивлению почувствовал, что она не хочет лезть в болотную воду. Но до чего же умная собака! Он ей еще ничего не сказал, а она уже все знает. Чик подошел с ней к самой воде, поставил ее в воду и приказал:

— Белка, плыви!

Белка стояла в воде, раздумывая, плыть или не плыть.

— Плыви, плыви! — взбадривал ее Чик.

Белка постояла, постояла, потом неохотно лакнула несколько раз болотную воду и, решительно повернув, вышла на берег и села в стороне от Чика. Она посмотрела на Чика и с отвращением стряхнула с подбородка капельки воды, словно сказала Чику: «По такой воде не то что плыть, ее даже пить неприятно!»

Чик опять поймал Белку и, разувшись, внес ее в воду и подтолкнул в направлении того берега. Белочка покорно проплыла несколько метров и вдруг свернула, стараясь выйти на землю подальше от Чика. И Чик теперь понял, почему она проплыла вглубь несколько метров. Если бы она сразу повернулась, Чик ее остановил бы. А так, отплыв на несколько метров, она уже могла маневрировать. Дьявольски умная собака!

Чик понял, что она не поплывет, и разделся сам. Он стал входить в теплую, неприятную воду и чем глубже входил, тем

труднее было выдирать ноги из илистого дна. Чик слышал, что ил может всосать человека, и поплыл, не дожидаясь, пока вода дойдет у него до горла. Чик быстро переплыл болото, даже внутри воды стараясь как можно меньше соприкасаться с водой.

Чтобы ил при выходе из воды не всосал его в свои недра, Чик доплыл до самой кромки болота, уже животом чувствуя бархатистое коварство мягкого дна. Он вылез из воды, весь вымазанный илом. Чик поднял стрелу и уже хотел плыть назад, когда заметил, что ежевичник усеян крупными спелыми ягодами. Такого огромного количества ежевики Чик никогда не встречал на одном месте. И вдруг он догадался, что стоит на такой земле, где никогда не ступала нога человек. Кроме первобытного, который тоже мог переплыть болото, чтобы достать свою стрелу.

Чик отмыл руки и приступил к ежевике, думая, до чего приятно ее есть там, где ни разу не ступала нога человека. Кроме первобытного. Но его можно не считать. Время от времени он вспоминал о водяной курочке и поглядывал в камыши, но ее не было видно. Срывая и стряхивая на ладонь мягко-увесистые и уже теплые от солнца ежевичины, Чик поглядывал на тот берег, где возле его одежды сидела Белка. Она поняла, что Чик что-то ест, и начала проявлять беспокойство. Чик набрал горсть ежевики и очень аппетитно отправил ее в рот, при этом громко и сладостно чмокая, чтобы Белка слышала, как он наслаждается. Он и к ежевике ее приучил, она ее очень любила.

Белочка несколько раз нетерпеливо подвыла, давая знать, что она чувствует себя обделенной. Наконец не выдержала и подошла к воде. Она зашла по колено в воду и посмотрела на Чика. И Чик, чтобы придать ей больше смелости, высыпал в рот полную горсть ежевики и громко зачмокал, показывая неимоверность своего наслаждения. И Белка уже хотела поплыть, но опять два-три раза лакнула воду и сразу как-то поскучнела и, забыв про ежевику, вышла на берег. И она опять посмотрела на Чика, словно хотела сказать:

«Как можно плыть по воде, которую даже пить противно!»

— Ну и сиди там! — ответил Чик сердито и, уже больше не оглядываясь, продолжал есть ежевику.

Солнце слегка припекало, глинистый ил на теле Чика высох и как-то забавно стягивал кожу. Наевшись ежевики и жалея, что ее еще так много здесь остается, он взял в руки стрелу, подумав, переложил ее в рот, надкусив за середку древка, вошел в воду и сразу поплыл, чтобы не иметь дело с болотным илом, всасывающим живых людей. Выйдя на берег, он бросил стрелу и отмыл тело.

Чик сидел возле своей одежды и Белочки. Было приятно высухать на солнце, слушая далекие выстрелы. Они раздавались так странно. Вдруг лихорадочно: шлеп! шлеп! шлеп! — и все тихо. Потом редкие, одиночные, как бы из последних сил — шлеп! и еще раз еле-еле: шлеп! И ни звука. И кажется, все навсегда кончилось. А потом опять. И снова тишина. Только теплое солнце, запах болота и вянущих трав. Чику было хорошо.

Чик так любил море и всегда жалел народы, у которых нет теплого моря, чтобы летом купаться. Он, конечно, знал, что многие приезжают к ним купаться в море, но он прекрасно понимал, что все приехать не могут. И он жалел их. А теперь, после купания в болоте, высыхая на теплом солнышке, он подумал, что, пожалуй, в болотной воде тоже можно купаться. Особенно если очистить ее от ряски.

Чик обратил внимание на мошкару, столбиком стоящую над водой и толкущуюся внутри своего столбика. Чик вдруг почувствовал, до чего им весело. Толкутся, толкутся, сами не зная, чего толкутся, но им все равно весело. Греет солнышко, кругом все свои, и они толкутся себе, и при этом сами из своего столбика не выходят.

Иногда невидимым дуновением снесет их в сторону или приподымет, и они все внутри столбика перемешиваются. И вот что забавней всего — сама мошкара не замечает, что все перемешалось, что рядом с одними мошками уже танцуют совсем другие мошки, а они толкутся себе, как будто ничего не изменилось! Глупышки, толкутся себе — и все!

Вдруг Чик заметил, что по болотцу гуськом плывут утки. Они плыли в узком проходе между двумя большими кусками ряски. Казалось, караван судов плывет между ледовыми полями, рассеченными ледаколом.

Чик встрепенулся от волнения, решив, что это дикие утки. Их было семь штук. Они были серые, из хвоста каждой тор-

чало белое перышко. Но они плыли так спокойно и так беззаботно, что Чик сказал себе: «Не будь смешным! Это домашние утки».

Доплыв до свободной от ряски (ряска всем мешает) воды, они стали нырять, смешно переваливаясь и мелькая красными лапками. Казалось, они изо всех сил вкапываются в воду, а вода их не пускает. Вкапываются, вкапываются в воду, вот-вот докопаются до корма, а вода их не пускает, и они вытягивают голову из воды, чтобы отдышаться.

Чик здорово удивился, что утки так далеко забрели от жилого дома. Продолжая за ними послезживать, он вытряхнул из сандалий травяную труху и стал одеваться. Вдруг одна утка встрепенулась, взмахнула крыльями и полетела над водой, медленно набирая высоту. Следом остальные, и через минуту они летели в сторону моря. Тут-то Чик додумался, что прохлопал уток. Если б он знал! Ведь они так спокойно проплыли мимо него. Он мог запросто стрелой попасть в любую из них! Но теперь они черными точками мелькали над морем.

Чик горестно повздыхал, приладил две стрелы к поясу и, взяв на изготовку лук с одной стрелой, пошел дальше. На охоте, подумал Чик, всегда надо ожидать дичь, нельзя расслабляться и думать о народах, живущих вдали от теплых морей, и соображать, как бы их приспособить к болотам. Всему свое время!

— Белка, ищи перепелку! — говорил Чик, стараясь сам не отвлекаться и не давать отвлекаться Белочке.

Они довольно долго шли и шли, но перепелки почему-то не попадались. Становилось все жарче и жарче, и уже чувствовалось дыхание разогретого моря.

Чик остановился под ореховым кустом и стал наблюдать за двумя охотниками, стоявшими под сенью дикой яблони. Чик понял, что они ждут голубей, потому что они не выходили из-под дерева и время от времени поглядывали в ту сторону, откуда налетали перелетные голуби.

Чик долго из-за орешника следил за ними. Ему хотелось посмотреть на голубиную охоту. Один из них был высоким и красивым. Другой был маленький и черненький. Высокому наконец надоело высматривать голубей, которые все не налетали, и он, как палку, положил ружье на плечи и лениво подвесил руки с обеих сторон.

Он о чем-то стал переговариваться со вторым охотником, и разговор постепенно оживлялся, и голоса делались все громче и громче. По некоторым словам, долетавшим до Чика, он понял, что они говорят совсем не об охоте. Но о чем они говорят, Чик не мог понять.

— Честное слово, — вдруг сказал высокий и красивый, — был бы у меня кусок золота, ушел бы работать простым рабочим. Каждый месяц отрезал бы кусочек к зарплате... Так же нельзя работать! Присылают безграмотных инженеров! Как я им могу доверять!

Чик ужасно удивился, что инженеры могут быть безграмотными. В той среде, где жил Чик, считалось, что инженеры

самые культурные люди. Детям говорили: «Учись хорошо, инженером будешь!»

Но чтобы инженер не мог ни читать, ни писать — такого Чик и не слыхивал. И в то же время по голосу этого высокого охотника Чик точно знал, что он не шутит. Неужели вредители? Конечно, вредители! Они везде вредят! Но почему же, мелькнуло у Чика в голове, прежде чем принимать на работу инженера, не сказать ему: «А ну, прочти эту страницу! Только громко и с выражением!»

И липовый инженер сразу засыплется! Но может быть, вредители не разрешают проверять безграмотных? Непонятно.

— Летят! — вдруг спохватился маленький, и оба, вскинув ружья, плотнее прижались к яблоне.

Чик посмотрел в ту сторону, откуда должны были лететь голуби, но ничего не увидел, кроме дуги залива, белого столба маяка и сизо-золотистых холмов. И вдруг он заметил над холмами какие-то точки, которые приближались, дрожа и сдвигаясь то вправо, то влево. Но почему, уже волнуясь, подумал Чик, охотники уверены, что голуби пролетят именно над ними?

Дрожащие в небе точки, дрожа и непрерывно перемещаясь, близились и близились. Когда они были уже метрах в ста от яблони, вдруг раздалась пальба, и голуби сперва заматались на месте, а потом, не долетев до яблони, резко свернули на север, но и там их встретили лихорадочные выстрелы, и они опять заматались на месте и вдруг всей стаей пошли в сторону яблони.

Только они долетели до яблони, как из-под нее раздались близкие, оглушающие выстрелы: бах! ба-бах! бах!

Голуби опять заметались в небе, и Чик натянул лук и выстрелил в того из них, что был поближе к нему. Не успела стрела подняться до той высоты, на которой трепетал голубь, как он плеснул в сторону, а другой голубь рванулся на стрелу. На миг стрела и голубь слились в одной точке, но в следующее мгновение голубь пролетел, не задетый стрелой, и она, повернувшись, пошла вниз, сверкая на солнце наконечником.

Снова из-под яблони раздалось несколько выстрелов, и один голубь кувыркком пошел вниз.

— Мой! — крикнул маленький охотник и вслед за своей собакой побежал к зарослям папоротника, куда хлопнулся голубь.

Стая пролетела дальше, и через несколько минут послышалась отдаленная пальба. Высокий, красивый охотник стоял под яблоней, озираясь. Он явно пытался понять, откуда взялась эта взвившаяся стрела. Чик вышел из-за кустов, чтобы успокоить его.

— Ах, вот кто это! — сказал он, улыбнувшись Чику. — Ты, кажется, стреляешь лучше меня. А ну, покажи свой лук!

Чик подошел к нему и по дороге, нагнувшись, поднял свою стрелу. Она на этот раз не смогла вонзиться в сухую, твердую землю. Она лежала. Было бы, конечно, красивей, если б она торчала из земли.

— Ты что, всегда так охотишься? — спросил он, улыбаясь.

Сейчас он прислонил свое ружье к стволу яблони и стоял, заложив руки за ремень патронташа, свободно висевший у него на поясе. Чик заметил, что из ягдташа у него ничего не торчит.

— Нет, — сказал Чик, подавая ему лук, — в первый раз.

— В первый раз? — удивился он, рассматривая лук. — Я видел, с каким точным опережением ты послал стрелу. Ты будешь настоящим охотником. Как тебя зовут?

— Чик, — сказал Чик.

— Чик? — удивился охотник.

«Началось», — подумал Чик. Дело в том, что многие удивлялись его имени. И это было неприятно. И даже больно, когда начинали насмешничать и говорить, что такого имени на свете вообще не существует. Чик потихоньку наводил справки насчет своего имени и однажды в пионерлагере даже встретил мальчика, которого звали тоже Чик.

Чик захотелось иметь его под рукой, и он попытался переманить его в свою школу, обещая ему показать на горе такое место, где можно раздобыть мастичную жвачку, и показать дикое семейство рыжих, живущее в пещере. Чик даже слегка преувеличивал дикость семейства рыжих, назвав их семейством первобытных людей. Но это был до того вялый Чик, что он даже не удивился семейству первобытных людей.

Потом, убедившись, что этот мальчик бегает плохо, еле-еле плавает и ни разу не залез ни на одно дерево, Чик решил, что даже лучше, что он остается в своей школе. Подальше, по-

дальше. Еще будут путать с ним и спрашивать: это какой Чик? Но все-таки Чик был рад, что встретил его. Мальчик-то плохонький, зато он может служить доказательством из самой жизни, что такое имя существует на свете.

— Да, — сказал Чик, стараясь говорить просто, непринужденно, — я знал одного мальчика, его тоже звали Чик.

— Чик, — вдруг крикнул высокий, красивый охотник своему товарищу, — твой тезка пришел к нам в гости!

В это время маленький, чернявый охотник, взяв из зубов своей собаки голубя, совал его в свой ягдташ.

— Не может быть? — обернулся он и быстро взглянул на Чика узкими китайчатыми глазами.

— Да, — посмеиваясь, сказал высокий, — иди, познакомлю.

Он передал Чику его лук, чтобы он встретил второго Чика в полном вооружении. Так показалось Чику. Второй охотник подошел к Чику и серьезно протянул ему руку.

— Будем знакомы, Чик, — сказал он просто.

— Чик, — сказал Чик, протягивая ему руку и внимательно глядя ему в глаза.

Глаза у него были хоть и китайчатые, но вполне серьезные.

Чик взглянул в глаза высокого охотника, но тот, как и раньше, продолжал посмеиваться. Так что Чик никак не мог понять, разыгрывают его или нет. Все-таки было странновато, что взрослого человека называли Чиком.

— А на работе как вас зовут? — осторожно спросил Чик.

— На работе? — переспросил он и задумался. — Порядочные люди называют меня Чичико Теймурович. А вот такие

испорченные люди, как этот дядя, пользуясь тем, что они учились со мной в школе, прямо на собрании говорят: «Чик, у нас план горит!»

Тут высокий, что-то вспомнив, начал хохотать.

— Ох, Чик, — сказал он, обращаясь к Чику, — если б только я один! Я тебе сейчас расскажу такой смешной случай, что ты просто обхохочешься.

— Нечего ребенка портить! — строго перебил его чернявый. Ему было неприятно, что товарищ хочет выставить его в смешном виде.

Чику очень захотелось узнать про этот случай.

— При чем тут ребенок! — хохотал большой, красивый охотник. — Просто интересный случай. Слушай, Чик, ты поймешь, в чем соль. Если уж ты пускаешь стрелу с таким точным опережением, ты поймешь, в чем соль. Однажды к Чичико Теймуровичу, нашему главному инженеру, пришла на работу жена. Секретарши не было, и она прямо вошла к нему в кабинет. Сидит, разговаривает с мужем. И вдруг влетает секретарша...

— Не порть мальчика! — перебил его чернявый, но Чику показалось, что его китайчатые глаза маслянисто улыбаются.

— При чем мальчик?! — сквозь хохот воскликнул рассказчик и, взглянув на Чика, продолжил: — Вбегает секретарша и, не заметив жены, прямо с порога кричит: «Чик, главбух наотрез отказался!» И тут его жена, услышав такое, хватает графин и швыряет в секретаршу со словами:

«Какой он тебе Чик, финтифлюшка!» И еще кое-что добавила. Графин, слава Богу, в стенку — и вдребезги. Шумгам! Я прибегаю и еле успокаиваю его бедную жену. Она в предобморочном состоянии. «Воды!» — кричу секретарше. А она мне кивает на его жену: «Она графин разбила! Нет воды!» Ты представляешь, Чик?

— Да, — сказал Чик, — очень смешно... Это был последний графин?

Тут оба охотника стали хохотать как сумасшедшие, а большой сквозь хохот кивал Чику головой: дескать, ты прямо в точку попал. Продолжая смеяться, большой охотник присел, прислонившись к стволу яблони и знаками показывая, чтобы Чик сел рядом. Отсмеявшись, он стал вытаскивать из ягдташа бутерброды, помидоры и огурцы. Присел и маленький охотник, осторожно положив рядом с собой двустволку и сняв с пояса флягу.

— Когда я увидел, с каким опережением летит его стрела, — сказал большой охотник, протягивая Чику бутерброд, — я сразу понял: у этого парня есть голова на плечах. Ты видишь, как он тебя раскусил?

Все стали есть бутерброды с колбасой. Чику всякая колбаса казалась очень вкусной, потому что в доме Чика по мусульманскому обычаю не ели никакой, подозревая всякую колбасу в связях со свиной. Чик ел бутерброд и хрустел огурцами, а помидоры не брал, как бы по рассеянности.

— Ты что не берешь помидоры? — заметил большой охотник.

— Сегодня не хочется, — сказал Чик как можно проще.

Чик все хотел спросить у него насчет безграмотных инженеров. Но пока ему это было как-то неловко. Но потом, когда оба охотника несколько раз приложились к фляге, Чик осмелился.

— Вы говорили, — обратился Чик к большому охотнику, — что вам присылают безграмотных инженеров. Их присылают вредители?

Охотники переглянулись.

— Эх, Чик, — сказал большой охотник, — если бы вредители! Безграмотных балбесов нам присылают некоторые институты.

— И они не умеют ни читать, ни писать? — поразился Чик.

Охотники опять переглянулись, и большой спросил у маленького:

— Как ты думаешь, наш новый начальник участка может читать и писать?

— Не знаю, — задумчиво пожал плечами маленький, — под зарплатой подписывается аккуратно. Может, он ее рисует?

— Пожалуй, рисует, — согласился большой охотник.

И вдруг Чик понял, что они его разыгрывают. Как-то сразу понял — и все! Он понял, что инженеры на самом деле умеют читать и писать. Тогда в чем дело?

— Значит, вредители ни при чем? — спросил он, стараясь не раздражать взрослых назойливостью, но и не дать им увильнуть от правды.

— Запомни, Чик, — сказал большой охотник и взглянул на него печально и серьезно, — невежество и недобросовестность — вот самый страшный вредитель.

— Как так? — поразился Чик.

Он понял из его слов, что настоящих вредителей как бы и нет совсем, а есть глупость и лень. Чик и сам прекрасно знал, что есть глупость и лень. Но он считал, что есть и страшные вредители. Чик знал, что страна идет от победы к победе, несмотря на злые дела вредителей. А если вредителей нет, а есть только глупость, получалось как-то неинтересно, негероично, скучно получалось.

— Да, да, милый Чик, — сказал большой охотник и приобнял его, — невежественный инженер, не справляясь со своей работой, любит поговорить о вредителях. А недобросовестный рабочий ворует цемент, доски, все, что плохо лежит, и тоже любит поговорить о вредителях. Мы же строители, у нас все как на ладони.

— Как так, — снова удивился Чик, — а кто отравляет консервы?

— А ты ел отравленные консервы? — спросил большой охотник.

— Нет, — сказал Чик, — но я слышал, что многие люди отравлялись.

— Я тоже не ел, но слышал, — сказал большой охотник, — и никогда не видел людей, отравленных консервами.

Чик тоже не видел людей, отравленных консервами. Он напруг все свои способности к здравому соображению и сказал:

— Отравленные умерли, поэтому мы их не видим.

— Что-то я не слышал, — улыбнулся Чику большой охотник, — чтобы кто-нибудь из умирающих в своем завещании написал: умираю от консервов.

Слово «завещание» Чик встречал в книгах. Он знал, что это заявление, которое пишет умирающий человек. Когда человек в последний раз перед смертью пишет заявление, оно называется — завещание.

— Выходит, совсем нет вредителей? — спросил Чик, чувствуя, что жить становится довольно скучно.

Чик надеялся разоблачить хотя бы одного вредителя — и притом в недалеком будущем. Он даже знал кого — собаколова.

— Ну как тебе сказать, Чик, — проговорил маленький охотник, вставая и подзывая собак, чтобы раздать им остатки бутербродов, — наверное, встречаются отдельно взятые вредители.

— В отдельно взятой стране, — почему-то добавил большой охотник.

— Но мы их не видели, — скучновато закончил маленький охотник.

Чик незаметно, но очень внимательно проследил за ним, чтобы убедиться, честно он собакам раздает еду или обделяет Белочку. Нет, он поровну раздал собакам остатки хлеба и колбасы, и Чику стало стыдно за свои подозрения.

— Дай-ка я попробую выстрелить из твоего лука, — сказал маленький охотник, и Чик с удовольствием вручил ему лук и стрелу. Как хорошо, что он не заметил его подозрительные

взгляды, как хорошо! — Тугая, — уважительно сказал маленький охотник, натянув тетиву.

— С пятнадцати шагов в консервную банку бьет без промаха, — доложил Чик.

Маленький охотник вложил стрелу в тетиву и стал поводить луком, не зная, во что ударить. Но вот он поднял лук и нацелился в самое красное яблоко на вершине яблони. Чик сразу понял, что он целится именно в это яблоко. Стрела просверкнула, впилась в яблоко, хищно качнулась, словно хотела поглубже в него впитаться и, не отпуская его, вместе с ним полетела на землю. Она даже на земле его не отпустила!

— Вот это выстрел! — сам себя похвалил маленький охотник и, подскочив к стреле, приподнял ее и в шутку откусил яблоко прямо со стрелы, как с вилки.

Но тут большой охотник подскочил к нему и отнял стрелу и лук. Он выбрал глазами яблоко, нацелился и, хотя благодаря своему большому росту был гораздо ближе к нему, чем его товарищ к своему яблоку, промахнулся.

Маленький охотник, доедая свое яблоко, стал хохотать над ним, но большой охотник наконец с третьего выстрела сбил яблоко.

И Чик было так приятно смотреть, как это взрослые дяди отнимают друг у друга лук и веселятся, как дети. И Чик знал, что они любят друг друга, хотя все время подтрунивают друг над другом. Они уже сбили много яблок, и Чик хрустел яблоком, и сами они хрустели яблоками, и Белочка грызла ябло-

ко. И только охотничьи собаки, обиженные и напуганные падающими яблоками, уселись в сторонке, неодобрительно поглядывая на своих хозяев.

Наконец они насытились игрой (яблоками тоже), и большой охотник, возвращая Чикку лук и стрелу, сказал:

— Спасибо, Чик. Удовольствие — лучше всякой охоты. Чик был тронут.

— Чик, твоя собака ест яблоко? — удивился маленький охотник, только что заметив Белку, грызущую яблоко.

Поздновато заметил. Белка уже грызла второе яблоко, придерживая его одной лапой. На земле, конечно.

Это были зрелые, вкусные яблоки. Если яблоко было зеленое, Белка от силы съедала одно. А зрелых яблок она могла съесть несколько. Из этого Чик заключил, что у собаки, как и у человека, бывает оскомина.

— Да, — сказал Чик, — она ест все фрукты. Яблоки, груши, инжир, виноград.

— Ну и собака! — удивился маленький охотник, и вдруг его маслянистые, китайчатые глаза лукаво залучились: — Ах, Чик, если б ты знал, какая у меня была охотничья собака! В мире больше нет такой собаки. И однажды на охоте я ее потерял. Зову, зову, ищу, ищу — нет, затерялась. И вдруг через три года охочусь в тех же местах и встречаю ее!

— Она одичала, но узнала хозяина! — воскликнул Чик.

— Нет, — печально признался маленький охотник, — все было гораздо хуже. Я увидел, ты представляешь, Чик, скелет моей любимой собаки, делающий стойку на мертвую пере-

пелку! Оказывается, когда я ее потерял, она нашла перепелку и, сделав стойку, три года ждала меня!

— Это... это гениальная собака! — воскликнул Чик, пораженный невероятной красотой верности своему долгу.

— Да, Чик, — повторил маленький охотник, — три года она ждала, когда я подойду с ружьем и возьму перепелку.

Чик так живо и так любовно представил картину невероятной красоты верности своему долгу, что ему захотелось внести в нее точность.

— Нет, — сказал Чик уверенно, — ждала она дней десять, а потом умерла с голоду... Так, бывает, часовой замерзает на часах...

Чик на мгновение подумал, что умершая от голода собака должна была свалиться. Но потом решил, что вполне возможно, что она продолжала стоять на ногах. На четырех, хоть и мертвых, ногах вполне можно устоять. Еще живая, столько дней стоя на одном месте, она нашла самую лучшую точку равновесия. Чик до того был захвачен невероятной красотой подвига собаки, что ему не приходило в голову подумать: а чего, собственно, ждала перепелка?

— Да, Чик, вот какие бывают собаки, — вздохнул маленький охотник, а потом добавил: — Ты со своей стрелой доставил нам столько удовольствия, что я хочу дать тебе поохотиться с ружьем.

У Чикахватило дух. Воздух прямо застрял в груди.

— Ты когда-нибудь стрелял из ружья?

— Только в тире, — выдавил Чик застрявший в груди воздух.

— В тире это не то, — сказал маленький охотник и подал Чику свою двустволку.

Чик впервые взял в руки охотничье ружье и сразу же почувствовал его нешуточную, смертоносную тяжесть.

— Только вот что, — предупредил его маленький охотник, — все время держи ствол подальше от себя. Целиться ты умеешь. Увидишь дичь, нажимай на спусковой крючок... Новичкам везет. Недаром ты диких уток заметил на болоте. Здесь они редко садятся...

Чик успел рассказать охотникам о том, как он стрелял в водяную курочку и увидел диких уток.

— В этих местах иногда появляется черный лебедь, — продолжал маленький охотник, — он прилетает с моря... Это очень осторожная птица... Но новичкам везет, кто его знает...

— А куда идти? — спросил Чик, балдея от счастья и уже уверенный в глубине души, что ему повезет.

— Прямо в сторону моря, — сказал маленький охотник, — он иногда тут появляется... Особенно в папоротниках...

Чик пошел вперед. Он с трудом держал тяжелое ружье. Белочка выскочила вперед. Чика это нервировало, но сейчас прогонять ее было бы слишком суетливо. Он боялся, что Белочка, не зная, как себя вести с черными лебедями, вспугнет его. Или, чего доброго, сам он сгоряча заденет ее какой-нибудь дробинкой.

Чик шел и шел и все время думал о том, чтобы помнить о местонахождении Белочки во время выстрела в черного лебедя. Не горячиться!

И вдруг он увидел черного лебедя. И главное, в стороне от Белочки. Высунув длинную шею из папоротников, лебедь стоял в тридцати шагах от Чика и прислушивался к чему-то.

Чик нагнулся и, еле удерживаясь на ногах, — тяжесть ружья так и тянула ткнуться носом в землю, — сделал еще шагов десять и распрямился. Лебедь все еще стоял над папоротниками, вытянув шею и к чему-то прислушиваясь. Чик приложился к ружью, прицелился, взял пониже шеи лебедя, там, где в папоротниках скрывалось его тело. И, одновременно думая о том, что нельзя медлить, потому что Белочка может набежать, стал нажимать спусковой крючок. Он нажимал, испуганно удивляясь, что выстрела все нет и нет, а потом вдруг как бабахнуло!

Вместе с выстрелом раздался лай Белки и хохот бегущих к нему охотников. Чик ничего не мог понять. Лай, хохот, бегущие шаги, а лебедь как стоял, так и стоит! И вдруг он вспомнил, что есть еще и второй ствол, и заторопился, чтобы выстрелить до того, как прибежит Белка. И он прицелился еще раз и, уже ничего, кроме пьянящего азарта, не испытывая и уже совершенно не чувствуя тяжести ружья, бабахнул второй раз.

И опять лебедь стоит как замороженный. Прибежала Белка, неистово лая на ружье, прибежали хохочущие охотники, а Чик ничего не мог понять и только повторял:

— Вон лебедь! Два раза! Не улетел!

— Пойдем, посмотрим, — сказал маленький охотник, и они подошли к тому месту, где стоял лебедь.

И вдруг сквозь расступившиеся папоротники, как в бредовом сне, Чик увидел, что нет никакого лебедя, а есть старая перевернутая коряга, торчащая в небо одним корневищем, изогнутый конец которого Чик издали принял за шею лебедя.

— Не обижайся, Чик, — воскликнул маленький охотник, пригибаясь к коряге и ища на ней следы его выстрелов, — все охотники покупаются на этом. Ты не первый!

— Но ведь корень совсем не похож на шею черного лебедя, — закричал Чик, пораженный такой необъяснимой ошибкой, — он даже не черный, а коричневый!

— Все охотники покупаются на этот розыгрыш, — повторил маленький охотник, показывая Чику на следы его дробинки, — четыре дробинки. Неплохо!

Чик смотрел на корягу, всю изрыбленную дробинками, и никак не мог отрешиться от мысли, что с ним сейчас случилось какое-то чудо. И хотя в первую минуту он как-то смутился и даже обиделся на обман, теперь, узнав, что многие охотники стали жертвой этой шутки, перестал обижаться. Он и раньше слышал, что охотники подшучивают друг над другом. Но ощущение пережитого чуда не проходило. Как, как он мог ошибиться?!

И когда они пошли назад, Чик оглянулся с того места, откуда он стрелял. Он поразился, что теперь в корневище, торчавшем над папоротниками, он никакого сходства с лебедем,

и тем более черным, не видит. Чик подумал, что если бы у него спросили, какую птицу напоминает вот это корневище, он в лучшем случае ответил бы: страуса. И то, если бы спросили, какую птицу, а не зверя!

У яблони Чик подобрал свой лук и стрелы, распрощался с обоими охотниками и пошел дальше.

— Чик, — крикнул ему вслед большой красивый охотник, — по воскресеньям мы всегда здесь. Приходи!

— Хорошо, — сказал Чик и пошел дальше, все еще думая о том, как было здорово стрелять и какое странное он пережил чудо, приняв обыкновенное корневище за шею лебедя.

Чик шел и шел и все время заставлял Белку искать перепелок. Белке надоело искать, и она теперь, заслышав голос Чика, небрежно нюхнет траву, нюхнет кустик и бежит дальше. Еще одна перепелка, опять пропущенная Белкой, выскочила у Чика из-под ног, но он на этот раз так поздно спохватился, что даже не успел ей вслед пустить стрелу.

Травяная труха набилась в сандалии Чика, и он снял их и тщательно вытряхнул, прислушиваясь к отдаленным выстрелам. Теперь он легко отличал выстрелы в перепелок от выстрелов в голубей. В перепелок стреляли один или два раза. А в мечущихся голубей сразу раздавалось множество как бы мечущихся выстрелов.

Теперь нас трое с именем Чик, подумал он. Конечно, у этого дяди имя Чик уменьшительное. Но это не так важно. Важно, чтобы люди почаще слышали его и привыкали к нему. Чик иногда месяцами забывал о своем имени. Живет себе

и не думает, как и все. Но иногда кто-нибудь начинал удивляться, и портилось настроение.

Было жарко, и дыхание близкого моря становилось все слышней. Тянуло выкупаться. Но Чик решил не купаться в море. Нельзя путать два таких больших дела, как купание в море и охота. Одно из двух. Пришел на охоту, будь верен охоте до конца.

Вдруг Чик увидел совсем недалеко от себя человека с ястребом. И как раз в это время его собака сделала стойку. Чик, непроизвольно подражая собаке, замер. Собака с хвостом, затвердевшим, как замерзшая веревка, сделала несколько шагов и остановилась. Чик тоже с отвердевшими от волнения ногами сделал несколько шагов и остановился. Охотник приподнял ястреба на ладони и крадущейся походкой пошел за собакой. Остановился. Он постоял возле собаки и вдруг приказал ей по-абхазски:

— Возьми!

Собака рванулась вперед, перепелка вылетела из травы, и Чику подумалось, что охотник слишком медлит со своим ястребом. Но вот он швырнул его, и ястреб, сверкая на солнце рыжими крыльями, с такой мощной скоростью стал догонять перепелку, что казалось, она неподвижно трепещет в воздухе, а он неотвратимо налетает. Ястреб ударил перепелку и, сразу отяжелев, опустился в кусты. Охотник побежал за ним и через несколько минут разогнулся над кустами, держа в одной руке ястреба, а в другой живую перепелку, которую он сунул в большой самодельный ягдташ, висевший у не-

го на поясе. Теперь Чик заметил, что ягдташ шевелится от живых перепелок.

— Что, мальчик, интересно? — улыбаясь, спросил у него охотник.

По его одежде Чик понял, что это деревенский человек. Он был одет в серую рубаху, перехваченную тонким кавказским поясом, в брюки галифе и резиновые сапоги. И хотя на вид он был старый, у него было красное, обветренное лицо и голубые, молодые глаза.

— Да, — сказал Чик, не скрывая восхищения.

— Хочешь попробовать? — улыбнулся охотник, и глаза его засияли, радуясь за Чика. Чик понял, что это очень добрый человек.

— Держись рядом, — сказал охотник наставительно, — я тебя научу охотиться с ястребом.

Чик подошел к охотнику. Ястреб, сидевший у него на руке, взбрыкнув колокольцем, сразу же повернулся в сторону Чика, стремительно наклонив голову и глядя на него желтыми, ненавидящими глазами. Чик стало немного не по себе. Он незаметно перешел и стал по левую руку от охотника. И теперь ястреб, еще более стремительно наклонив голову, уставился ненавидящими глазами на Белочку, словно хотел сказать: а ты что, шавка, тут делаешь?! Белка тоже перешла на другую сторону и засемила рядом с Чиком. Ястреб все еще сердито поглядывал на них.

— Чужого сразу узнает, — сказал охотник, блаженно улыбаясь, и, несколько раз встряхнув рукой, заставил ястреба смотреть вперед.

— Снежок, — окликнул охотник свою собаку, ища ее глазами.

Чику показалось трогательным и смешным, что охотник своей абхазской собаке дал русское имя Снежок.

Узнав, что Чик абхазец, охотник поощрительно кивнул головой и сказал ему по-абхазски:

— Во всем мире ястребиную охоту знают только турки и мы. Другие народы и слыхом не слыхали о ястребиной охоте.

Чик почувствовал, что если бы охотник не узнал, что он абхазец, он бы ему этого не сказал.

— А я читал, что в Средней Азии охотятся с беркутом, — осторожно, чтобы не сердить его, заметил Чик.

— Да, — неожиданно легко согласился охотник, — я тоже слышал. Они у нас научились. Но первыми в мире с ястребами начали охотиться турки. Из чего это видно? Это видно из того, что все названия ястребов турецкие: кызыл-гуш, лачин и другие. Ястреб — птица с характером. Гордая птица. Ты видел там болото? Ястреб будет умирать от жажды, но из этого болота не выпьет. Только свежую, ключевую воду пьет... Снежок, где ты? Сюда, сюда!

— А что он ест? — спросил Чик.

— Что он ест? — загадочно улыбаясь, переспросил охотник. — Только яйца, сваренные вкрутую! Некоторые глупые охотники дают ему перепелку. Он, конечно, ее съест. Почему не съесть? Перепелку каждый слопает. Но такой ястреб во время охоты, зазеваешься, и сам сожрет перепелку. Надо с самого начала приучать его к яйцам, сваренным вкрутую.

— А как ловят ястребов? — спросил Чик.

— О, — кивнул охотник, блаженно заулыбавшись и одновременно ища глазами свою собаку, — ловить ястреба самое интересное в мире занятие. Сначала ловишь на кузнечика сорокопутку. Знаешь сорокопутку?

— Да, — сказал Чик, чтобы не мешать плавности рассказа.

— А теперь ты спросишь, почему ястреба ловят на сорокопутку, а не на воробья или, скажем, дрозда? А потому ловят на сорокопутку, что ни одна птица в мире так хорошо не играет, как сорокопутка. Делаешь шалашик на высоком месте, чтобы издали видно было. Укрываешь его листьями, травой, чтобы ястреб сверху не понял, что рядом человек. Натягиваешь возле шалаша сетку, а под сеткой сорокопутка на шпагате. И вот ты видишь — далеко в небе ястреб кружится. Ты — дерг за шнур, и сорокопутка заиграла под сеткой. И ястреб ее замечает. Не может не заметить. Бьет с километровой высоты, аж испугаться можно, если не привыкши. Так и свистит крыльями — шша! и с размаху в сетку! Сетку он не видит, до того его раздражила играющая сорокопутка. Ты мигом его накрываешь сеткой, и он твой. Сперва покусается, а потом смирится. Привязываешь к его ноге крепкий шпагат, вбиваешь планку в дерево возле своего дома и держишь его там. Первые два-три дня он все время так делает...

Чик посмотрел на лицо охотника и вдруг увидел, что тот сделался похожим на ястреба. Охотник с горделивой осторожностью повернул голову направо. Потом с такой же гор-

деливой осторожностью повернул голову налево. Потом опять направо и опять налево.

— Смотрит, чтобы никто к нему не подошел, — продолжал охотник, — но через два-три дня привыкает к хозяину. Ты ему даешь крутое яйцо, и он его ест. Если не сразу, то на второй или на третий день съест. А потом приучаешь к охоте. Живую перепелку привязываешь к шпагату, подбрасываешь и следом пускаешь ястреба на шпагате. Он ее хватит и хочет съесть. Но ты отнимаешь у него перепелку: знай свой паек! Крутое яйцо! Некоторые слишком гордые ястреба сперва отказываются охотиться. Тогда ты его перестаешь кормить. До шести дней можно не кормить ястреба. Не умрет! Рано или поздно голодный ястреб погонится за перепелкой. Он ее ловит, ты у него отнимаешь перепелку и сразу же даешь крутое яйцо, вот твой паек! Заслужил! За десять дней я любого ястреба могу приучить к охоте!

— А для чего колокольчик на ноге? — спросил Чик.

— Ага, колокольчик, — с удовольствием повторил охотник и опять блаженно улыбнулся. — Я же сказал: ястреб — гордая птица. Бывает, ястреб летит на перепелку, но промахивается. И от стыда он улетает и прячется в кустах или на дереве. В листьях его не видно, но только шевельнулся, и ты слышишь колокольчик. И находишь его. Иногда он сам слетает к тебе на руку, потому что поостыл. Иногда приходится лезть на дерево и доставать его. Теперь, скажем, он ударил перепелку и сел в такие кусты, что его не видно. Сливается с травой и листьями. Опять же колокольчик вы-

ручает. Дзинь-дзинь! — и ты его находишь. Вот для чего колокольчик. Где мой Снежок? Это бродяга, а не собака! Снежок! Снежок! Сколько ястребов, столько характеров!

— А когда кончается сезон перепелок, — спросил Чик, — вы их отпускаете?

— Да, — вздохнул охотник, — отпускаем. Но иногда ястреб так привыкает к человеку, что никуда не улетает. Или прилетит и сядет на руку, давай яйца вкрутую! Привыкает к человеку. Я несколько раз оставлял у себя зимовать таких ястребов. Жалко, не хочет улетать.

— И потом на следующий год опять охотились с ним?

— Нет, — сказал охотник и снова улыбнулся, — на следующий год он уже для охоты не годится. На следующий год он уже капет.

— Как? Как? — не понял Чик.

— Капет, — повторил охотник, — так говорится на нашем охотничьем языке. Ястреб, который перезимовал в человеческом доме, он уже окапел. Для охоты не годится. Сам себе, для корма кое-что добывает, но для охоты не годится. Капет. Вот так же, бывает, деревенский человек два-три года проработает в городской конторе, а потом вернется в деревню, но он уже для сельской работы капет. Ноги окапелись, руки окапелись, и душа окапелась. Так и ястреб, который зимовал в человеческом доме, он уже на следующий год капет. До срока одряхлел: капет. Ястребиная охота такая: охотник может быть старый, но ястреб всегда должен быть молодой... Куда делся мой Снежок? Снежок, Снежок, Снежок!

Снежок не показывался.

— Перепелку учуял, — кивнул охотник и плавно побежал в ту сторону, где, как он догадывался, была его собака.

Во время бега руку с ястребом он держал на весу, а ястреб, стараясь не потерять равновесия, взмахивал крыльями и перебирал ногами, как цирковой канатоходец. Глядя на ястреба, Чик бежал за охотником. И вдруг показался Снежок. Он стоял от них шагах в двадцати, вытянув все свое тело и хвост.

— Я тебе сейчас дам ястреба, а ты иди на собаку, — тихо сказал охотник и снял с руки ястреба. Только Чик потянулся за ним, как охотник обиженно отстранился:

— Кто же ястреба берет как мочалку? Снизу надо! Вот так!

Чик заломил ладонь, и охотник вложил в нее ястреба. Чик приятно почувствовал его мускулистую легкость и сухой жар ястребиного тела. Чику сразу же показалось, что у ястреба температура тела выше, чем у человека. Чик много болел малярией и считал себя большим знатоком по части определения температуры тела без градусника. Сам того не желая, он невольно определил, что у ястреба температура примерно тридцать девять градусов.

— Слишком не зажимай, задушишь, — сказал охотник, — и главное — кидай вперед. Некоторые глупцы сгоряча разбивают ястреба о землю. Кидай вперед!

Чик до этого уже бросил свой лук и сейчас держал ястреба в заломленной ладони над плечом. Ястреб шевелил царапающими когтями, но Чик терпел и медленно приближался к собаке.

Чик близко подошел к собаке и смотрел вперед, стараясь выглянуть в траве перепелку, но ее не было видно. Только Чик хотел дать собаке команду — и покрылся холодным потом. В последний миг он догадался, что собирается по-русски дать команду собаке, а она, скорее всего, не знает русских слов, и получится какая-нибудь глупость.

— Возьми! — крикнул Чик по-абхазски, и собака рванулась вперед. Перепелка взлетела, и Чик швырнул ей вслед ястреба. Сверкая на солнце мощными рыжими крыльями, ястреб помчался по воздуху, с невероятной быстротой догоняя перепелку. И опять Чику показалось, что перепелка неподвижно трепещет в воздухе, а ястреб налетает. Он сбил ее с лету и, отяжелев от добычи, опустился в кусты.

— Беги отнимай! — крикнул охотник.

Чик побежал сломя голову, и стрелы, торчавшие за поясом, стали больно царапать живот, но он, не сбавляя скорости, вырвал их из-за пояса, отбросил, подбежал к кустам и шлепнулся на траву. Он всматривался в самые запутанные хитросплетенья ежевичных плетей, ореховых и кизиловых веток и ничего не видел. Вдруг совсем рядом взбрыкнул колодец, и Чику открылась такая картина.

Ястреб сидел на перепелке, жадно растопырив крылья; и с какой-то тупой яростью долбил перепелку по голове своим крючковатым клювом. И головка перепелки так обреченно отскакивала от неумолимого клюва и перепелка была такой беспомощной, что Чик содрогнулся от ужаса и возмущения.

ния. В следующий миг он рванулся в кусты, дотянулся до ястреба и выволок его вместе с перепелкой.

— Молодец, — сказал подоспевший охотник, — это твоя первая перепелка.

Он взял у него ястреба, уже из руки хозяина рвущегося к перепелке и бешено глядящего на нее.

— Возьми ее себе, — сказал охотник, видя, что Чик ему протягивает перепелку.

— Нет, нет, — решительно сказал Чик, отдавая ему испуганную птицу, — я просто так, я хотел только посмотреть.

Чик был потрясен, но он знал, что это надо скрывать, это стыдно показывать, и старался скрыть свое потрясение. Он никак не мог соединить свое восторженное восхищение могучим ястребом, неотвратно налетающим и бьющим перепелку, и тем же ястребом, грузно сидящим на маленькой перепелке и, сверкая беспощадным, желтым глазом, продавливающим ее бессильную головку.

Чик еще не понимал, что и то и другое зрелище в своем соединении и есть истинная жизнь, но он чувствовал, что ему раскрылась какая-то горестная правда, и как бы предугадывал, что в будущем от этой правды будет много печали.

— Выучишься охотиться с ястребом, — улыбаясь, сказал охотник, засовывая перепелку в ягдташ, — никакой другой охоты не захочешь. Когда хорошая высыпка, бывает так намахаешься, что плечо болит.

— Да, да, конечно, — отвечал Чик, изо всех сил сдерживаясь и в то же время с надеждой и завистью глядя на улыбаю-

щегося охотника и думая, что раз он, старый, добрый охотник все это видел и улыбается, значит, со временем и он, Чик, привыкнет и не будет придавать этому значения.

Чик собрал все свои стрелы, поднял лук, и они с охотником пошли дальше. И Чик постепенно успокоился.

— А как тебя зовут, мальчик? — спросил охотник.

— Чик, — сказал Чик, вздохнув.

— Хоть бы и Чик, — ответил охотник, не глядя. И Чик так понравилось, что охотник не споткнулся о его имя, а тут же нашел ему свое местечко.

— Так вот, Чик, слушай, что я тебе расскажу, — продолжал он, — человек — это такой зверь, что любого зверя перезверит. Я вот ястребов приручаю. Это что! У нас в деревне был один крестьянин. Звали его Миха. Так он ворона приручил. Я тебе сейчас расскажу не то, что выдумано людьми, а то, что было на самом деле. Так вот, у этого Михи всегда на плече сидел ворон. Скажем, мотыжим кукурузу или табак, а он у него на плече сидит. Иногда взлетит, полетает и снова на плечо. Или Миха идет на мельницу. Впереди ослик, а сзади он с вороном на плече. Или на лошади куда едет. Он верхом на лошади, а ворон верхом на нем. Надоест сидеть, полетает, полетает и снова садится на него. Иногда он у него на голове сидел. Куда захочет, туда и сядет.

Они любили друг друга. Жить друг без друга не могли. Если Миха уезжал в город на машине арбузы или орехи продавать, он ворона с собой не брал. Кто же арбузы продает с вороном на плече? Нескладно. Да и милиция не разрешит.

Он его оставлял дома, и ворон скучал. Если Миха два-три дня не приезжает, ворон два-три дня ничего не ест. А жена Михи не любила ворона, стыдилась перед людьми. Вечно проклинала мужа: «Чтоб я тебя с этим вороном в один гроб положила!»

А он смеется и поглаживает своего ворона. А жена еще больше злится. И вдруг его ворон стал подолгу исчезать. Улетит и не прилетает. Иногда полдня его нет, а иногда и на всю ночь улетает. А бедный Миха беспокоится, ничего не может понять. И тогда он решил выследить его.

Однажды ворон улетел, он потихоньку за ним. И выследил. Смотрит, на опушке леса его ворон сидит на ольхе рядом с воронихой. Оказывается, его ворон нашел себе подружку, и они теперь как муж и жена. Вот куда отлучался его ворон!

Миха подошел к ольхе и стал звать его. Ворон забеспокоился: «Кар! Кар!» — и слетел к нему на плечо. А ворониха с дерева: «Кар! Кар!» — и он снова слетел с плеча и сел на ветку рядом с воронихой. Хозяин опять его звать. Бедный ворон с ума сходит. То к нему на плечо, то к воронихе. И все-таки в последний раз сел к нему на плечо, и они ушли. И Миха был рад, что победил. Он нам об этом случае много раз рассказывал.

Но потом ворон опять стал улетать к своей воронихе. То полдня его нет, а то и на всю ночь пропадет. И бедный Миха заскучал. Бывало, к вечеру выйдет на пригорок и стоит ждет. Люди к вечеру ожидают свой скот, а он своего ворона.

Добрые люди, видя такое, посмеивались. А дурные, есть же и дурные люди, злились. Они говорили, что это позор

для нашего села. По нашим законам мужчина может держать на плече ружье, ястреба, орла. Или, скажем, мешок с кукурузой. Но никак не ворона. Но и против ворона в законе тоже ничего не сказано. Вот они и злятся, не знают, как быть.

А бедному Михе надоело, что его любимый ворон так часто от него улетает, а иногда и на всю ночь. И он снова выследил его и увидел, что тот опять сидит на дереве рядом со своей воронихой. Но теперь уже в другом месте. Миха был с ружьем. Подкрался, выстрелил и убил ворониху. А бедный ворон места себе не находит. Летает над своей воронихой: «Кар! Кар! Кар!» Час летает, два летает. То сядет рядом с ней, то опять взлетит и плачет на дереве: «Кар! Кар! Кар!»

Не по себе стало Михе. Взял он мертвую птицу за крыло, отнес в самые густые чащобы и забросил туда: лисица подберет! А ворон за ним: «Кар! Кар!» — но уже к нему на плечо не садится.

Опечалился Миха и пошел домой. Проходит день, два, три. Ворон не прилетает. Месяц прошел — не прилетает. Жена от радости сама летает лучше вороны. И вдруг на второй месяц ворон прилетел и сел к нему на плечо. Миха не нарадуется, а жена снова за свое: «Чтоб я вас обоих в один гроб положила!»

И они снова зажили, как раньше. И годы прошли, и мы все забыли о той воронихе, а некоторые даже и не знали. И вот однажды мы работаем на табачной плантации. Мотыжим табак. Ворон, как всегда, сидит у него на плече. И вдруг гром, молния, гроза. Недалеко был табачный сарай, и мы все туда.

А ворон Михи слетел у него с плеча и сел на большой бук, что рос возле плантации. Вижу, Миша повернул к буку.

«Ты что, — кричу ему сквозь грозу, — побежали в сарай!»

«Нет, — отвечает он, — я под буком пережду! Он поближе!»

«Опасно, — кричу ему, — слишком большое дерево. Молния может ударить!»

«Ворон, — кричит он, — никогда не сядет на дерево, в которое молния ударит!»

Мы и побежали в сарай, а он под дерево. Гроза! Земля слилась с небом, гром, молния! И один раз гром ударил так близко, что мы думали — сарай обрушится. Аж запахло. Так только молния пахнет.

«Никак, молния ударила по буку!» — сказал кто-то.

«Нет, — смеется другой, — у Миши ворон ученый. Он любую молнию отведет!»

И вот проходит полчаса и, как это летом бывает, — ливень смолк, тучи разошлись, брызнуло солнце. Мы — в поле. А где Миша? Нет Миши. Смотрим на бук — стоит, как стоял. А Миши нет. Куда делся? Подходим к буку и видим: Миша с той стороны сидит на земле, привалившись спиной к стволу. Вот так сидит...

Охотник слегка откинулся, прикрыл глаза, и лицо его стало важным и неподвижным.

— Мертвый? — ужаснулся Чик.

— Мертвее и не бывает, — кивнул охотник и продолжал: — Ну, тут, конечно, шум, крик. Смотрим на бук и видим: по всему стволу идет черная трещина. Значит, молния ударила,

но он не загорелся, слишком сильный ливень был. А беднягу Миху убило. Кричим в деревню, сбежались люди, и вдруг один из них находит в траве мертвого ворона. Подивились сельчане, а некоторые вспомнили, как Миху жена проклинала: «Чтоб я вас обоих в один гроб положила!»

— Так и получилось, хоть в один гроб клади. Покойника тут же взяли домой, а родственники его зароптали, жена накликала, ведьма. Но потом мудрые старики успокоили их и сказали, что наши женщины, что поделаешь, издавна так ругаются. Нет такого абхазского мужчины, чтобы жена ему не сказала: «Чтоб я тебя с твоей лошадью в один гроб положила!» А тут просто случайно совпало.

— И их вместе похоронили? — не выдержал Чик.

— Нет, — улыбнулся охотник, — кто же ворона положит в гроб с человеком? Насмешка получится. Но главное не это. Ты понял, Чик, почему ворон полетел на этот бук?

Чик словно хлопнулся в муравейник: мурашки так и побежали у него по спине!

— Не может быть! — воскликнул он, ужасаясь такой мести и как бы в глубине души желая, чтобы так оно и было, но чтобы ему это точно доказали.

— Да, Чик, — сказал охотник, загадочно улыбаясь, — ворон ему отомстил за ворониху. Шесть лет он вынашивал эту месть! Шесть лет!

— Случайное совпадение! — воскликнул Чик, в глубине души желая, чтобы так оно и было, но чтобы ему это неопровержимо доказали.

— Ты когда-нибудь слышал, — спросил старый охотник и хитро взглянул на Чика, — что молния убила человека?

— Конечно, — сказал Чик.

— А я, как видишь, не только слышал, но и видел. А теперь ты мне скажи, ты когда-нибудь слышал, что молния убила козу, собаку или буйвола?

— Нет, — ответил Чик, порывшись в памяти, — а что?

— А то, что животные чувствуют, где ударит молния, — уверенно сказал охотник, — скажем, в горах гроза. Козы в загоне. На самом возвышенном месте, как всегда, старый козел. Вожак. Если молния должна ударить в то место, где он сидит, знаешь, что он делает?

Когда Чик жил в горах в доме дедушки, он часто видел таких козлов. Они всегда шли впереди стада. Важный вид, огромные рога и длинная пожелтевшая борода. И сейчас Чик ясно увидел такого старого козла. Кругом гроза, а он сидит на возвышенном месте, мокрой бородой тыкаясь в траву. И у Чика в голове вдруг мелькнула гениальная догадка.

— Он мокрой бородой заземляется, — воскликнул Чик, — и рога служат громоотводом!

— Нет, — сказал старый охотник, улыбкой оценивая затейливость Чика, — если в то место, где сидит старый козел, через минуту должна ударить молния, он... — Тут охотник придал своему лицу глуповато-величественное выражение и стал похож на старого козла. Он застыл на несколько секунд, изображая на своем лице правильную догадку тупой головы. — Он тихонько встанет с места и переседет вон туда, — показал

рукой старый охотник на то место, куда пересел козел, — а молния ударит в то место, где он сидел.

— А-а-а, — вспомнил Чик, — это как землетрясение. Наукой доказано, что животные чувствуют землетрясения.

— И без твоей науки, — сказал старый охотник, — народ это всегда знал. И не только землетрясение. Животные все чувствуют. Вот что было со мной в моем доме. Это было лет восемнадцать — двадцать назад. К вечеру завыла собака и вся скотина забеспокоилась. Мы приуныли. Что-то нехорошее должно случиться. Соседи перекликаются. У них то же самое. Старики советуют не ложиться, дежурить всю ночь. Мы ждали, ждали, но ничего не случилось, и, немного успокоившись, легли. И вдруг я просыпаюсь, сам не знаю отчего.

Вроде что-то скрежетнуло. Открываю глаза, не дай Бог, тебе, Чик, увидеть такое!

— Что случилось? — спросил Чик.

— Открываю в постели глаза, — сказал охотник и слегка запрокинулся, показывая, как человек просыпается среди ночи, — звезды над головой! Оказывается, нет ничего страшнее, как в собственном доме открыть глаза и увидеть звезды над головой. Женщины в крик! Все повскакивали с постелей и во двор. Дурной ветер прошел над нашим селом, вот что случилось. Налетел — и нет его! У нас крышу как бритвой срезало! У других и скот погиб, и много всякого убытка имели люди от этого ветра. Никого не убило, но кое-кого поранило.

И вот скотина за пять-шесть часов это почувствовала. И птицы тоже. Ты можешь сказать, что ворон случайно поле-

тел на этот бук. А я тебе скажу — за двенадцать лет, пока он жил у бедного Михи, сколько раз дождь заставлял нас на табачной плантации. Один Аллах знает! И мы всегда уходили в табачный сарай — и ворон с нами. Иногда он даже раньше нас туда влетал. Видим — дождь. Мы побросали мотыги — значит, туда. Мы — в табачный сарай, а он уже там сидит на сушильной раме и смотрит, смотрит. Отчего же он только в этот раз полетел на бук?! Потому что уже почувял, что молния тянется к буку, и он понял, что пришел его час. Сам погиб, но отомстил за ворониху.

— А если б молния промахнулась?

— Молния бьет без промаха, — сказал старый охотник. — Ястреб еще может промахнуться, а молния никогда. Если уж чего наметит, бьет без промаха.

— А если б Миха все же побежал с вами, что тогда? — спросил Чик.

Охотник удивленно взглянул на Чика.

— Нет, не мог он побежать с нами, — сказал охотник задумчиво, — потому как его срок пришел. Не мог он побежать с нами.

— А если б все-таки побежал? — допытывался Чик.

— Ну, если б он с нами побежал, — сказал старый охотник, — ворон прилетел бы к нам и ждал другого случая. Ворон ждать умеет. Знаешь, сколько он живет?

— Триста лет, — подсказал ему Чик.

— Вот такие чудеса бывают в жизни, — сказал охотник, блаженно улыбаясь, и, взглянув на своего ястреба, добавил: —

А мой ястреб сейчас слушает и злится: чего ты не охотишься, чего ты разболтался, старый?! Да и тебя, бедняга Чик, я словами заморил, ты уж прости старика!

— Что вы, что вы! — поспешно ответил ему Чик, умиляясь покаянию старого охотника. — Я никогда ничего такого интересного не слышал!

Чик взглянул на ястреба, и тот полыхнул на него глазами с такой ненавистью, что Чику стало немного не по себе. Может, еще отомстит?

— Ну, я пойду, Чик. Вон уже где солнце, — сказал старый охотник, — мне еще кукурузу ломать надо. Заходи! Видишь наше село? Спроси Бадру, все тебе скажут, где я. Много чего видел на охоте... Снежок! Снежок! Куда ты провалился?

Чик распрощался со старым охотником, снова вытряхнул из сандалий травяную труху и пошел назад. Очень уж он далеко зашел. Солнце стояло все еще высоко, а Чику казалось, что прошло страшно много времени. Он и в самом деле не успевает домой к обеду.

Он шел назад, уже не останавливаясь и не заставляя Белку искать. Он насытился охотой и все время думал о вороне и его мести. Конечно, жалко этого беднягу, но все-таки он был большой эгоист. Зачем он убил ворониху? Ворон иногда улетал бы к своей воронихе, иногда прилетал бы к хозяину. Так бы они и жили. Почему он хотел, чтобы ворон любил только его? Ели бы Миха ради любви к ворону ушел бы от своей крикливой жены и жил отдельно, тогда другое дело. Тогда все было бы честно.

Теперь выстрелы раздавались гораздо реже, и Чик видел, что многие охотники бредут в сторону города. Вдруг он услышал слева от себя сразу много беспорядочных выстрелов. Он взглянул в ту сторону и увидел далеко в небе мечущихся голубей.

Один из них отделился от стаи и полетел в сторону моря. Чик решил во что бы то ни стало держать его взглядом, пока он совсем не исчезнет в далеком, струящемся мареве. Голубь летел в сторону моря, то сливаясь с воздухом, то выблискивая из него, и Чик напрягал зрение, чтобы как можно дольше не упускать его, а он все летел и летел в сторону моря. И вдруг он повернул, исчез, появился гораздо ближе. И все ближе, и ближе, и ближе и внезапно, примерно в двадцати метрах от Чика, опустился и сел на ветку дикой хурмы.

Силуэт голубя был такой отчетливый, что Чик решил попробовать выстрелить в него, хотя он сидел все-таки далеко-далеко. Чик снял лук с плеча, вставил в него стрелу, совсем не волнуясь, прицелился и пустил стрелу повыше голубя, чтобы она долетела. Описав в воздухе плавную дугу, у самой хурмы стрела пошла вниз и ударила голубя. Чик за несколько мгновений до удара почувствовал, что стрела летит удивительно точно, и, когда она стала снижаться, сам слегка присел, как бы помогая ей правильно снизиться. Стрела слилась с голубем, и он на глазах у Чика упал в кусты под хурмой.

Чик побежал, и Белка, чувствуя удачу, с радостным лаем помчалась за ним. Чик подбежал к хурме, шлепнулся на живот и заглянул в кусты. Голубь трепыхался, попав в рогульку

между ветвями лещины. Зажмурив глаза, чтобы не наткнуться на колючку, Чик вполз в кусты. Только он хотел схватить голубя, как тот вывалился из рогульки и, упав на землю, сделал несколько шагов в сторону от Чика и остановился озираясь. Это был голубь пепельного цвета, и Чик увидел на его клюве капельку крови.

Видно, стрела попала ему в голову и слегка оглушила его. Чик осторожно дотянулся до него, но в последний миг голубь ловко увернулся, отошел и снова остановился. Видно, он плохо понимал, что происходит. Снаружи Белка радостно лаяла, но в кусты, между прочим, не лезла. Хорошо тебе лаять снаружи, думал Чик, принаравливаясь проползти между колючими ветками ежевики. На этот раз Чик сумел схватить голубя и, стараясь не раздавить его в ладони, выполз из кустов.

Увидев голубя, Белка стала бесноваться от радости и в прыжке пыталась схватить его за хвост. Чик прикрикнул на Белку и внимательно осмотрел клюв голубя. Капля крови все еще держалась на нем. Чик осторожно оттер ее пальцем. Он подождал, не появится ли на клюве новая капля, но она, слава Богу, не появилась. Это был красивый, светло-пепельный голубь.

Чик был радостно возбужден. Он надел на плечо лук и вспомнил о стреле, ударившей голубя. Под кустами ее не было. Видно, она застряла в зеленой шапке кустов. Чик ухватился за ветку лещины и стал изо всех сил трясти ее, но стрела так и не упала.

Ладно, примирился Чик с потерей стрелы, на охоте всякое бывает. Ему было особенно жалко эту стрелу, потому что именно она вонзилась в землю совсем рядом с водяной курочкой, а теперь ударила в голубя. Конечно, ребятам можно было показать на другую стрелу и сказать, что она поразила голубя. Но ведь самому себе не скажешь. Ладно, подумал Чик, другие на охоте даже собаку теряют.

Не замечая ни жары, ни усталости, Чик радостно шел через поле.

— Неужели вот этой стрелой сбил? — спросил первый охотник, встреченный Чиком.

— Да, — сказал Чик, — с двадцати шагов взял.

— Молодец, парень, — похвалил его охотник, — на жаруху себе заработал.

Чик и в голову не приходило, что можно этого голубя зажарить. Он уже решил приручить его, как тот Миха своего ворона. Но Чик не будет эгоистом. Если голубь со временем найдет себе подружку — пускай! Чик не станет ее убивать. Дело не в мести. Голубь, конечно, не ворон. Пусть живут, пусть наживают деток, пусть его голубь иногда улетает, а иногда прилетает. Чик был уверен, что в один прекрасный день голубь навсегда прилетит к нему во двор со своей подружкой и голубятами.

Встречные охотники удивлялись, как это Чик стрелой взял голубя, но никто не удивлялся, что он попал в него с двадцати шагов. Так что Чик, пока пересекал поле, довел количество шагов до тридцати. Его просто вынудили. Люди такие непонятливые. Иногда приходится кое-что преувеличивать,

чтобы они удивились так, как сами должны были удивиться непреувеличенному. А раз сами не удивились, сами виноваты — глотайте преувеличение!

К сожалению, Чикуну не удалось приручить дикого голубя. Два дня он жил во дворе под ящиком. И два дня он ничего не ел. Воду пил, если насильно окунуть головку в блюдечко с водой. А есть не хотел. Чик теперь знал, что ястребы могут жить без еды до шести дней, но сколько может жить дикий голубь, он не знал.

Поэтому к концу второго дня он его выпустил. Чик посадил его на ладонь, и голубь с минуту скучно сидел у него на ладони. А потом почувствовал свободу. Чик это понял за несколько секунд до того, как голубь взлетел.

Он как-то подобрался и уперся коготками в ладонь Чика. А до этого не упирался. А тут уперся коготками в ладонь Чика, уперся, поерзал, уперся, поерзал, как будто проверял Чика, отпустит он его или нет. Поверил и взлетел! Он быстро исчез из глаз, потому что в городе много домов и они закрывают небо. Голубь улетел, а Чик еще не знал, что ему в награду остается длинный, сказочный охотничий день.

ПОДВИГ ЧИКА

Чик шел из школы, весело помахивая портфелем, и ни о чем не думал. И вдруг увидел!

Напротив греческой церкви в десяти шагах от Чика стояла колымага собаколова. Хозяин колымаги, грузный мужчи-

на в брезентовой робе, с лицом красным, как шматок сырого мяса, держа в руке огромный сачок, подкрадывался к собаке. Он кинул ей кусок хлеба. Собака сначала недоверчиво понюхала подачку, потом осторожно взяла ее в рот и стала есть, уже благодарно поглядывая на собаколова и помахивая хвостом. О доверчивость мира!

Собаколов сделала несколько шагов в сторону собаки, но теперь она уже съела хлеб и, насторожившись, опасливо покосилась на сачок, который слегка развевался на дравке в его вытянутой руке.

Собака замерла. Собаколов, продолжая неподвижно держать над собой сачок, свободной рукой полез в карман и слегка завозился там. Потом из кармана высунулся кусок хлеба, он его на ходу располовинил, прижав карман к телу («Еще других собак приманивать!» — мелькнуло у Чика), вытащил руку и кинул подачку.

Теперь хлеб упал на таком расстоянии, что до собаки можно было достать сачком. Чик с ужасом ожидал того, что должно случиться, и в то же время, удивляясь и стыдясь себя, чувствовал, что ему хочется, чтобы у собаколова все получилось.

На самом деле, но он этого не осознавал, в нем уже окончательно вызрело решение бороться с этим негодяем, и душа его жаждала доказательной наглядности творимого зла.

Собака сделала несколько осторожных шагов, подобрала хлеб, снова взглянула на дрябло покачивающийся в воздухе треугольник сачка и стала есть хлеб, поглядывая на собаколова и как бы в такт жующим челюстям радуясь хвостом.

В следующий миг мешок сачка перевернулся в воздухе и, с хищной телесностью раздувшись на лету, прихлопнул собаку. Раздался раздирающий душу плач собаки. Собаколов быстро перебрал руками поближе к сачку, мерзко гребанув сачком по земле, перевернул и поднял в воздухе сачок с кричащей и барахтающейся собакой внутри.

Он быстрыми шагами подошел к дверце колымаги, расположенной сзади, открыл ее, вдвинул туда мешок сачка, тряхнув, вывалил собаку, а в клетке сразу же заметались и завyli другие собаки.

Собаколов вытащил свой сачок и прихлопнул дверцу. Он прислонил сачок к своей колымаге, просунул дужку замка, висевшую на дверном кольце, во второе кольцо, крутанул торчащий из замка ключ, подергал замок и, убедившись, что он заперт, бросил ключ в карман. Словно возбужденный удачливой охотой, подрагивая крупным телом, он обошел колымагу, взгромоздился на передок и погнал свою клячу.

Чик молча глядел вслед. Мешковина сачка колыхалась над колымагой, как грязное знамя грязного дела. Чик всегда ненавидел собаколова, но теперь он понял, что пришел его час. Теперь или никогда! Надо во что бы то ни стало освободить собак, а там будь что будет! Сколько можно мечтать о подвиге и ничего не делать?! Так может и вся жизнь пройти!

Весь этот день Чик был рассеян и как бы сам не свой. Он вяло поиграл в футбол во дворе грузинской школы. Команда Чика проигрывала, но его это почему-то не тро-

гало. Во время игры он оказался один на один с вратарем противника и, сам не зная почему, послал мяч ему прямо в руки.

Потом в том же школьном дворе он вяло поиграл с Анести в деньги. Они играли возле кучи наваленных дров, и вдруг пятнадцатикопеечная монета Чика вкатилась туда. Чик отказался ее достать, сказав при этом фразу, которая дерзостной роскошью на долгие годы запомнилась ребятам:

— Охота была из-за пятнадцати копеек в дровах ковыряться!

Потом он проиграл Анести тридцать копеек и вдруг, махнув рукой, сам перестал играть, хотя деньги еще были и он мог отыграться.

— Что случилось, Чик? — удивился Анести.

— Настроение кехо (нету), — ответил Чик на полугреческом.

Он чувствовал, что в голове его тихо звенит, а в груди что-то теплеет, теплеет. Он не понимал, что это вдохновение. Давний замысел наказать собаколова и отпустить на волю пойманных собак подступил и требовал немедленного воплощения. И от этого позванивало в голове и что-то теплело в груди. Он думал.

Перед глазами Чика то и дело всплывала дверца колымаги — железная сетка на деревянной раме. На раме большой замок. Как его открыть незаметно для живодера? Да еще на ходу?!

Достать связку ключей и наугад пробовать их? Вдруг какой-то подойдет? Нет, на ходу невозможно открыть замок, даже если бы удалось найти подходящий ключ!

Эх, если бы железным молотком так садануть по замку, чтобы он разлетелся! Но Чик знал — нету у него в руках такой силы, пока нету!

А что, если использовать одну из бабушкиных палок? У бабушки было несколько палок. Одна из них была очень крепкая. Из какого-то горного дерева. Если ее сунуть в дужку замка и концом палки сбоку опереться в заднюю стенку, а другой конец изо всех сил потянуть от себя, получится мощный рычаг, и замок отлетит. Но Чик вдумался в этот план и отбросил его. На ходу использовать рычаг невозможно. Точка опоры все время будет уходить вперед.

Наконец он вот что придумал. Надо достать длинную веревку, привязать к ее концу крепкий железный крюк, а на другом конце сделать петлю. Когда колымага собаколова будет проезжать по такой улице, где есть штакетник, надо подбежать к нему, закинуть за планку петлю, догнать колымагу и сунуть крюк в дужку замка.

Собаколов будет продолжать ехать, веревка натянется, и замок сорвется. Конечно, если замок на кольцах держится очень крепко, веревка может лопнуть. Но Чик заметил, что дверца собаколова была довольно ветхая. Одно из колец, на которых держался замок, должно было выскочить. А то и оба сразу!

Чик внимательно оглядел все бельевые веревки, висящие во дворе, чтобы ночью срезать наиболее подходящую. Но все веревки оказались слишком старые, измочаленные дождями и мокрым бельем. Тогда Чик в голову пришла такая мысль.

Надо срезать одну из этих никудышных веревок, тогда хозяева купят и протянут новую. И тут Чик срежет новую веревку, а старую снова привесит.

Выбор Чика пал на веревку Богатого Портного. Уж кому-кому, а ему купить новую веревку — раз плюнуть. Но ведь прежде чем идти на операцию по освобождению собак, Чик должен как следует потренироваться с веревкой. Тренироваться можно только в глубине сада. Больше нигде. Но здесь, конечно, кто-нибудь мог увидеть его, узнать новую веревку Богатого Портного и передать ему об этом. Как быть? Очень просто! Надо перекрасить эту веревку, высушить, а потом начать тренировку.

У тетушки в уборной на втором этаже стояло ведро с красной краской. Однажды, когда бабушка была в деревне, Чик вынес ведерко на лестничную площадку и, окуная в него старую сапожную щетку, вывел на стене дома большую красивую надпись «Рот фронт».

Это был знак братства с испанскими республиканцами. Но через месяц из деревни приехала бабушка, разгневалась на эту надпись и велела сумасшедшему дядюшке Чика стереть ее керосиновой тряпкой. Нет, она не испытывала никаких тайных симпатий к генералу Франко. Чик — такая глупость даже в голову не приходила. Просто бабушка была неграмотной деревенской старухой и не имела понятия ни об испанцах, ни о гражданской войне в Испании. Дядюшка Чика тем более.

Дядюшка усердно стирал керосиновой тряпкой надпись Чика, а бабушка с верхней лестничной площадки властно по-

казывала ему концом палки, какие места надо еще дотереть. Чик стоял и смотрел, как исчезают волнующие его слова.

— Бумага, бумага, бумага, — залопотал вдруг дядя и весело обернулся на Чика.

Он бросил тряпку, сжал в пальцах невидимую ручку, окунул ее в невидимую чернильницу и стал писать по воздуху на невидимой бумаге. Потом он громко рассмеялся и кивнул на стену, показывая, что Чик окончательно спятил и, вместо того чтобы писать на бумаге, измазал краской дом. Дядя вообще любил уличать многих людей в сумасшествии. Особенно он любил уличать в этом Чика.

Да, было дело. Но на этот раз Чик надеялся использовать краску более успешно. Поздно ночью он с ножом в руке выскользнул из дому. Двор был пуст. Возле каморки Алихана стояла скамеечка, сидя на которой, тот обычно парил ноги в горячей воде. Чик взял эту скамеечку и, становясь на нее, срезал веревку Богатого Портного с обоих концов. Он смотал ее, отнес в сад и забросил в самом дальнем углу за кусты крапивы.

На следующий день, возвратясь из школы, Чик вошел во двор и увидел, что вся семья Богатого Портного столпилась возле того места, где раньше был прикреплен ближайший конец их веревки. Сам Богатый Портной натягивал новую. Все идет как надо, подумал Чик, но, приблизившись, разглядел, что Богатый Портной натягивает не новую веревку, а новый провод. Сейчас он плоскогубцами накручивал конец провода на гвоздь. Накрутив, покачнул тугой провод и сказал:

— До коммунизма хватит, да? А там будем посмотреть...

С новой веревкой Богатого Портного сорвалось, и Чик стал подумывать, не обойти ли ночью соседние дворы. И вдруг вспомнил! Когда у тетушки была корова, они ее пасли на длинной, крепкой веревке. Потом корову снова угнали в деревню, а моток веревки бабушка держала под своей кроватью.

Ночью Чик тихо вытащил этот моток из-под кровати спящей бабушки, отнес его в сад и забросил за те же кусты крапивы. После этого он вытащил оттуда веревку Богатого Портного и навеки спустил ее в уборную! Будет знать, как проводом заменять бельевую веревку!

Дома Чик нашел в ящике с инструментами вполне подходящий для его замысла крюк и старый замок. Он принес их в сад. Крюк положил у подножия айвы, а замок подвесил к одному из ее сучков приблизительно на такой же высоте, на какой висел замок собаколова. Айва отстояла от забора, отделяющего сад от речушки, примерно метрах в двадцати. В промежутке между айвой, на которой висел замок, и забором, куда надо было закидывать петлю, Чик и собирался тренироваться.

После этого Чик поднялся наверх, взял корзину для собирания фруктов, незаметно вложил в нее ведерко с краской и прошел в сад. Только он вынул из корзины ведерко, как в сад пришел его сумасшедший дядюшка. Обычно сюда, в глубину сада, он никогда не заходил. Только поздней осенью заходил, когда поспевала дикая хурма, растущая тут. Но, оказывается, он заметил, что Чик стащил ведерко с краской.

— Нельзя, нельзя, — сказал он строго, показывая на ведро, а потом на стены домов, между которыми был зажат сад, — милиция, милиция!

Чик долго ему объяснял, что не собирается красить стены домов, но дядюшка ему не верил, неожиданно для Чика проявляя общественную жилку и защищая стены чужих домов. И вдруг Чика осенило. Он схватил ведро с краской и подошел к забору, отделяющему сад от речушки.

— Забор! Забор! Забор! — стал вдалбливать ему Чик.

И до дяди дошло. Хотя забор, отделяющий сад от речушки, отродясь никогда не красили, дядя знал, что вообще-то заборы принято красить. Он радостно улыбнулся и поощрительно замахал руками и головой, показывая, что полностью одобряет затею Чика. Дядя ушел, напевая песню, и можно было надеяться, что дома он не будет подымать шума, тем более что, выходя из сада, он на радостях прильнул к одной из дырочек в фанерной стене кухонной пристройки, где обычно возилась его безответно любимая тетя Фаина, мать Соньки. Прильнув, замер надолго.

Чик вынул веревку из-за куста крапивы и стал думать, как начать ее красить. Он понял, что если красить ее, растянув на земле, то и веревка испачкается и земля будет в краске. Чик решил поднять веревку на дикую хурму, перекинуть ее через ветку, так чтобы она обоими концами доходила до земли. Потом слезть с дерева, связать эти концы и, окуная веревку в ведро, перетягивать ее через ветку, пока она вся не окрасится. А потом оставить ее так, пока она не высохнет.

Чик заткнул веревку за пояс и стал подниматься на хурму по виноградной лозе. Он дополз до первой ветки хурмы и стал перебираться с ветки на ветку, пока не достиг такой высоты, откуда бы оба конца могли доставать до земли. Тут он вынул веревку из-за пояса, перевесил через ветку и стал опускать вниз, пока оба конца не коснулись земли. После этого он слез с дерева и перевязал оба конца. Окунув нижнюю часть веревки в ведро с краской, Чик стал двигать веревку так, что окрасившаяся часть шла вверх, и при этом стараясь так стоять, чтобы краска не капала ему на голову.

Закончив работу, Чик спустился к речушке и тщательно с песком отмыл руки. Потом он выглянул во двор и, заметив, что ни бабушки, ни тетушки не видно, вложил ведро в корзину, поднялся вверх и поставил его на место. Хотя сумасшедший дядюшка Чика, напевая свои самодельные песенки, стоял на верхней лестничной площадке, Чик спокойно прошел мимо него, не боясь, что он пойдет проверять забор. Сумасшедшие чем хороши? Они думают прерывисто. Раз уж Чик его успокоил относительно предназначения ведра с краской, он тут же выкинул все это из головы. Правда, через полгода он мог вспомнить и потребовать Чика к ответу за непокрашенный забор, но тогда это будет не страшно.

Через два дня веревка была уже почти сухой, и Чик собирался ее снять, когда случилось неожиданное. Белочка загнала на хурму тетушкину кошку Ананаци. Ананаци была злопамятной и гордой кошкой. Если уж Белочка загоняла ее на де-

рево, она могла просидеть там несколько дней без еды и питья. Тетушка из-за этого сильно страдала.

Согнать Ананаци с дерева было ужасно трудно. Чик был уверен, что в ее жилах течет кровь диких кошек. На деревьях она преображалась, и если Чик влезал за ней и пытался ее поймать, она прыгала с ветки на ветку и устраивалась на такой верхотуре, что это было опасно для ее жизни. Рукой ее нельзя было достать. На дереве она не давалась никому.

Еще хорошо, что Чик придумал кормить ее с конца палки, которой сбивали груши. Кусок мяса или рыбы подвязать к концу палки и тихо-тихо подвести к месту, где она сидит. Глядишь, посидит, посидит, а потом соизволит съесть поданную еду.

Был только один способ насильно вернуть ее на землю. Это можно было сделать, если она устраивалась где-нибудь на кончике боковой ветки. Тетушка выносила простыню, и ее вчетвером держали под этой веткой, а Чик в это время поддевал ветку палкой для сбивания груш и сильно тряс ее, пока кошка не срывалась с ветки и не рушилась на простыню. Но это возможно было, если она устраивалась на боковой ветке, а не на вершине дерева. Тут приходилось ждать, пока ей самой заблагорассудится слезть с дерева.

И вот Чик приходит из школы, тетушка на весь двор и окрестные дома зовет свою кошку, а она в это время сидит на хурме, как раз на той ветке, через которую была перекинута веревка Чика. Не успел Чик обдумать, как быть

с кошкой, когда тетушка с верхней лестничной площадки заметила ее.

— Ананаци! Ананаци! — закричала она радостно и прибежала в сад. — Чик, почему ты мне не сказал, что она здесь? — крикнула тетушка, подбегая к Чику.

— Да я сам ее только заметил, — сказал Чик, стараясь подготовиться к ответу, когда она спросит про веревку.

— А это что за веревка? — спросила тетушка, осторожно тронув веревку. — Чик, ты украл веревку Богатого Портного и перекрасил ее? Ты опозорил нашу семью, Чик!

— Клянусь дядей Ризой, — сказал Чик, — это не его веревка!

Дядя Риза был братом тетушки и самым любимым дядей Чика. Тетушке не нравилось, что Чик из-за какой-то веревки клянется именем ее брата.

— Да начхала я на веревку Богатого Портного, — неожиданно повернула она, — хоть бы ты у него и спер ее!

— Нет, нет, — сказал Чик, — эту веревку мне в школе выдали. Мы готовимся к игре «Граница на замке». Вот замок, видишь! — Он кивнул на айву.

Но тетушка уже потеряла всякий интерес к веревке.

— Чик, а как быть с Ананаци? — взмолилась тетушка. — Она второй день ничего не ест. Может, ты ее поймаешь и спустишь с хурмы?

— Ты же знаешь, что она вскарабкается на самую макушку, если я полезу за ней, — напомнил Чик. — Давай накормим ее по моей веревке.

— Как это? — спросила тетушка.

— Очень просто, — сказал Чик. — Ты видишь — она сидит возле самой веревки. Ты принеси из дому что-нибудь, мы прикрепим к веревке, а я по веревке подыму ей.

Тетушка принесла из дому великолепную котлету и большую булавку. Чик бы сам с удовольствием съел эту котлету. Он осторожно приткнул котлету булавкой к веревке и стал тихо перетягивать веревку. Котлета пошла наверх. Кошка, сидя на ветке, безучастно следила за ними. Чик подвел котлету к самой ветке и замер. Кошка неподвижно сидела в двух шагах от нее.

— Ананаци моя милая, Ананаци моя хорошая, — взбодрила ее снизу тетушка.

Кошка с минуту безучастно смотрела вниз, а потом вдруг заинтересовалась котлетой и осторожно по ветке подошла к ней. Понюхала и стала есть. Тетушка тихо ликовала. Ананаци съела всю котлету, причем так умело, что ни один кусочек не упал вниз. После этого, она облизнула булавку, ожила, умылась и вдруг, вместо того чтобы занять прежнее место, пошла по ветке до самого ее покачивающегося кончика. Видно, она решила промять ноги. Это с ее стороны было большой ошибкой.

— Скорее простыню, — тихо приказал Чик. — Мы ее сейчас стяхнем!

Тетушка побежала за простыней. Вскоре она вернулась. За нею двигались дядя Коля, тетя Фаина и Сонька. Она их прихватила по дороге. Они вчетвером держали простыню.

Все смотрели вверх на кошку, и только дядя Коля с обожанием смотрел на тетю Фаину.

— Внимание, — сказал Чик. — Начинаю.

Чик изо всех сил дернул веревку. Ветка сильно покачнулась, но Ананаци удержалась на ней, Чик, не давая ей опомниться, стал изо всех сил дергать за веревку. Ветка шумно сотрясалась, кошка извивалась на ней, стараясь сохранить равновесие. Чик не давал ей опомниться, чтобы она не вспрыгнула на другую ветку. Вдруг она сорвалась и несколько секунд висела на передних лапах. Чик дернул изо всех сил веревку, и кошка, мяукнув дурным голосом, полетела вниз. Она тяжело шлепнулась на простыню, а тетюшка ее тут же подхватила и взяла на руки. Поглаживая ее одной рукой и говоря ей ласковые слова, тетюшка пошла домой. Дядюшка следовал за ней, брезгливо отстранив от себя развевающуюся простыню. Дядя считал кошек и собак грязными тварями и близко их к себе не подпускал.

— Чик, что это у тебя за веревка? — спросила Сонька.

— Скоро все узнаешь, — сказал Чик важно, — а пока держи язык за зубами.

Все ушли из сада. Чик развязал концы веревки и стянул ее с ветки. Он накрепко тройным узлом привязал к одному концу крюк, а на другом сделал петлю.

Он так живо представлял себе все, что должно случиться. Вот едет колымага. Чик накидывает петлю на планки ближайшего штакетника, догоняет ее и всовывает крюк в дужку замка. Раздается хруст вырванного замка, дверь распахивается, и собаки выскакивают на волю.

От ветхого забора до айвы было метров двадцать. На такое расстояние Чик и рассчитывал. Чик накидывал петлю на планки забора и изо всех сил бежал к айве, где на сучке висел замок. Он быстро всовывал крюк в дужку замка.

Вся операция длилась пять-шесть секунд. Набросив петлю на планки забора, Чик ухватывался за крюк и, бросив остальной моток веревки на землю, бежал к айве.

Веревка иногда путалась в зарослях сада, и Чик решил, что, пожалуй, это рискованно. Она и на улице может за что-нибудь зацепиться. После многих пробегов от забора до айвы Чик убедился, что моток веревки лучше всего закинуть на левую руку и чуть приподнять ее, чтобы он не выпал на ходу, а свободно разматывался.

Каждый раз, пробегая с веревкой, Чик ясно представлял, как это все будет происходить на самом деле. Вскоре он догадался о своей ошибке. Нельзя сначала забрасывать петлю на штaketник, а потом догонять колымагу. Так можно промахнуться, не рассчитав скорость ее передвижения и возможные последствия, которые неожиданно могут возникнуть на пути.

Надо наоборот! Сначала вдеть крюк в дужку замка на двери, а потом бежать к забору. Всякий забор бывает довольно длинным. Замок, можно сказать, точка, а забор — линия. Надо сначала закрепить в точке, а потом выбирать на линии наиболее удобное место.

Теперь Чик, продев крюк в дужку замка и приподняв левую руку с мотком веревки, бежал к забору. Все получа-

лось хорошо. Но тут перед глазами Чика всплыла возможность еще одной ошибки. Если, пока он бежит к забору, веревка будет провисать, крюк, вдетый в дужку замка, может соскочить от тряски колымаги на неровностях улицы. Моток надо держать продетым в левую руку, но правой рукой надо веревку пропускать сквозь ладонь так, чтобы она все время была достаточно натянута. Тогда крюк не соскочит.

Чик теперь бежал, пропуская веревку сквозь ладонь правой руки. Теперь он чувствовал, что она все время достаточно натянута.

Чик все время бежал прямо от айвы к забору, но вдруг понял, что это неправильно. Надо забирать немного вправо или влево.

Вдев крюк в дужку замка, надо бежать наискосок по ходу колымаги, потому что, если бежать прямо, а колымага будет двигаться очень быстро, веревки может не хватить и он не дотянется до штaketника. Надо бежать наискосок, но в то же время помнить, что нельзя обгонять колымагу и высовываться, потому что собакодов может его заметить и догадаться обо всем.

Чик все, что мог, предусмотрел. Он так долго тренировался, что у него на левой руке возле локтя, где разматывалась веревка, кожа покраснела и саднила, но Чик терпел. Ему даже было приятно. Свобода даром никому не достается! Завтра, завтра все решится! Он забросил веревку в заросли крапивы и пошел домой.

Утром, выйдя из дому с портфелем в руке, Чик незаметно юркнул в сад. Он осторожно вынул из зарослей крапивы свою веревку и поставил туда портфель. Он тщательно, как парашютные стропы (так казалось Чику), кольцами свил веревку, просунул в нее голову, а потом руку. Теперь веревка висела у него на плече, как солдатская скатка.

И тут только он заметил, что за ним увязалась его собака Белочка. Она видела, как Чик сунул портфель в кусты крапивы, и сейчас бдительно следила за Чиком, ожидая приказа «Ищи!».

Чик не на шутку забеспокоился. Вдруг, когда он уйдет, Белочка вытащит его портфель из кустов крапивы и принесет домой? Скандал! Вообще-то он никогда не заставлял ее искать портфель. Но носить портфель иногда давал. Когда Чик возвращался из школы, Белочка чаще всего у калитки дожидалась его. Издали, узнав Чика по голосу, она радостно бежала ему навстречу. И тогда Чик для смеха иногда давал ей в зубы свой портфель. И Белочка, подволакивая его на ходу, несла портфель до калитки. Нет, она не нарочно подволакивала его по пыльной дороге. Просто она была небольшой собакой.

Вообще-то Белочка так и не примирилась за несколько лет с тем, что Чик тратит время на школу. Чик это точно знал. Объяснить ей, что Чик обязан ходить в школу, было никак невозможно. Но сейчас Чик забеспокоился: а вдруг она ненавидела его портфель и только скрывала до сих пор свою ненависть? А теперь, оставшись с ним один на один,

вынесет его из крапивы и разорвет вместе с книгами и тетрадями. Да если просто приволочет его во двор, тоже нехорошо. Дома догадаются, что он не был в школе.

Надо ее как следует отвлечь, чтобы она о портфеле совсем забыла. Чик подошел к груше и сбил палкой самую великолепную грушу, до которой только мог дотянуться. Груша была до того соблазнительной, что Чик сам ее разок откусил и, держа в вытянутой руке, сказал:

— Возьми!

Белка радостно прыгнула, но Чик приподнял руку.

— Белка, возьми!

Белка снова прыгнула, но Чик отдернул руку, и она не достала. Нет, он не мучил ее этим. Белочка сама знала, что это игра. Она весело подпрыгивала. Раз уж Чик сказал «возьми», он обязательно даст ей ухватить грушу. Белочка продолжала прыгать. В мире нет умнее и чистоплотней собаки. Под грушей лежат довольно съедобные паданцы, но она их ни за что не тронет. Ей подавай свежие, прямо с ветки!

Вовсю расшухарив Белку, Чик наконец дал ей возможность цапнуть грушу и съесть. Все это он проделал для того, чтобы Белочка начисто забыла о спрятанном портфеле.

Белочка съела грушу и, приподняв морду на дерево, тряхнула головой, предложив Чику еще поиграть с грушей или виноградом, лоза которого вилась вокруг груши.

— Хватит, Белка, — сказал Чик и, сделав свирепое лицо, крикнул: — Пошла домой!

Белочка вздрогнула, внимательно взглянула на Чика, мотнула головой, как бы сказав: «Не верю в твою свирепость!» — и завильяла хвостом.

Тогда Чик решил отделаться от Белки более точным приемом.

— Белочка, купаться, — сказал Чик ласковым голосом.

Белочка терпеть не могла купаться. Видимо, воспоминания о мыле, которым ее мылила тетушка во время купания, были для нее самыми горькими и отвратительными. Она сразу поскучнела, и хвост у нее опустился.

— Купаться, купаться, — сказал Чик с фальшивой ласковостью, и Белочка, повернувшись, побежала во двор прятаться.

Чик был уверен, что если Белочке посреди пустыни Сахары сказать «купаться!», она тут же бы зарылась в какой-нибудь бархан. В таких случаях она теряла свою сообразительность и даже не заметила бы, что поблизости нет ни лохани, ни оазиса.

— Для тебя же стараюсь, — вздохнул Чик вслед убежавшей Белке и, перейдя сад, нырнул в пролом забора.

Теперь Чик надеялся, что из головы Белочки выветрится память об оставленном в кустах крапивы портфеле. Чик прошел по руслу речушки, проскочил под мостом и вылез на улицу.

Он чувствовал во всем теле легкость веселящего волнения. На углу перед самой школой, где Чик собирался свернуть в сторону моря, он догнал Бочо.

— Чик, что это у тебя за красная веревка? — удивился Бочо.

Чик решил, что теперь уже можно все рассказать. Тайна не успеет дойти до ушей собаколова. Он ему все выложил, и Бочо загорелся помогать.

— Я буду искать отсюда до моря, — сказал Чик, — а ты ищи отсюда до Ботанического сада. Встретимся здесь.

— А это куда? — Бочо мотнул в руке портфель.

— Портфель тебе не мешает, — объяснил ему Чик. — Дверь открывать буду я. Ты ищи собаколова и спрашивай у пацанов, кто его видел.

— Ох, Чик, — покачал головой Бочо, — излупцует же он тебя кнутом, если догонит.

— Знаю, — сказал Чик, — но сперва пусть догонит.

Чик пошел в сторону моря. Встречные иногда удивленно поглядывали на моток красной веревки на груди Чика и даже выказывали желание остановиться и поговорить по этому поводу, но Чик сурово проходил мимо. Каждый раз, проходя мимо ограды из штакетника, Чик думал: здесь можно было бы. Иногда попадались штакетники с такими милыми, крепенькими планками, что просто хотелось их расцеловать. Дойдя до угла квартала, Чик внимательно смотрел в обе стороны, пытаясь вдалеке различить знакомую колымагу. Но пока ее нигде не было видно.

— Чик, это водолазная веревка? — крикнул ему знакомый пацан и подбежал к нему. — Откуда она у тебя?

— От водолаза, — сказал Чик. — Собаколова не видел?

— Нет, — ответил пацан, — а зачем он тебе?

— Так, дело есть, — сказал Чик и прошел.

Чик встретил еще нескольких знакомых пацанов, и все они удивлялись его веревке, но собаколова никто не видел. Внимательно оглядывая на перекрестках поперечные улицы, Чик дошел до самого приморского пустыря, где бывали бродячие собаки и куда собаколов часто заглядывал. Но сейчас здесь никого не было.

Чик вышел на параллельную улицу и пошел назад, оглядывая на перекрестках поперечные улицы и мимоходом любуясь попадающимися на пути штакетниками. Он дошел до своей улицы, прошел мимо школы и остановился на перекрестке, где они условились встретиться с Бочо.

Бочо еще не подошел, и Чик стал ждать. Прозвучал звонок па перемену, и Чик повернулся спиной к школе, чтобы его никто издали не узнал. Потом раздался звонок на урок. Было слышно, как ребята с веселым шумом устремились в классы. Потом все затихло. Бочо все не было.

И вдруг он появился вдалеке. Он бежал по улице Чика, то и дело взмахивая портфелем. Чик понял, что Бочо бежит с какой-то новостью.

— Чик, — задыхаясь, крикнул Бочо, подбегая, — он едет по вашей улице! Он сейчас возле спортплощадки остановился. Там собака! С ним рядом сидит второй человек!

Чик раздумывал несколько секунд. Надо его встретить на том углу квартала. Там начинается длинный штакетник забора грузинской школы. Это даст возможность маневрировать.

— За мной! — крикнул Чик, и они побежали.

Когда они добежали до угла, из-за поворота улицы, покачиваясь на неровностях немощенной дороги, показалась колымага. Собаколов постегивал кнутом свою клячонку, жадно озирая улицу в поисках зазевавшейся собаки. Рядом с ним сидел какой-то рыжий человек. Наверное, он учился ловить собак. Между ними на длинном древке вяло колыхался сачок, как грязное знамя грязного дела.

Чик отвернулся к забору, чтобы не вызывать никаких подозрений. Колымага, поскрипывая, приближалась. Медленно, медленно приближалась! Вот она поравнялась с ним. Чик это почувствовал и быстро обернулся.

Дав ей проехать чуть дальше себя, Чик скинул с плеча моток веревки, продел его в левую руку, правой ухватился за конец с крюком и ринулся за колымагой.

Он быстро догнал ее, зацепил крюк за дужку замка и побежал к штакетнику, не давая ослабнуть разматывающейся веревке. Закинув петлю за две планки штакетника, сдернул ее пониже и обернулся.

Через секунду веревка натянулась, и Чик, холодея от ужаса, увидел, что замок не оторвался, а колымага просто остановилась. Все пропало!

Но нет, собаколов ничего не понял и пару раз сильно стегнул свою клячу. Она рванулась, одно из колец соскочило, и дверь с треском распахнулась. Но собаки почему-то не выскакивали. А собаколов и сейчас ничего не понял! Он встал с места и, громко ругаясь, стал изо всех сил нахлестывать

свою клячу. Она опять рванулась, крюк на конце веревки все еще торчал в дужке замка, веревка снова натянулась, дверь с ужасающим скрежетом вырвало из петель и она с грохотом повалилась на улицу.

О, вырванный с корнем гнилой зуб злодейства! Собаки радостным потоком стали выпрыгивать из колымаги: белые, черные, желтые, пятнистые, серые!

— Чик, атанда! — откуда-то издали раздался голос Бочо, и Чик очнулся.

Собаколов уже спрыгнул с передка и бежал к дверце колымаги. И тут Чика захлестнул страх. До этого страха не было, а тут захлестнул. Чик рванулся и побежал навстречу собаколову, но в сторону дома. Краем глаза он успел заметить, что Бочо перекинул портфель во двор грузинской школы и сам перемахнул через забор. Он успел удивиться, что Бочо принял более умное решение, но менять свое было уже поздно. Увидев бегущего Чика, собаколов ринулся к тротуару.

Чик прорвался мимо свистнувшего у его ног кнута и побежал дальше. Собаколов за ним. Чик обогнал несколько освобожденных им собак, и вдруг одна из них с лаем бросилась за ним и вцепилась в штаны. Прокусить штаны она не смогла, но пока Чик отцеплялся от нее, собаколов догнал его своим кнутом. Струей кипятка кнут плеснул по ногам. Чик подпрыгнул от боли и сразу же оторвался от собаки и собаколова. Тот продолжал бежать за ним, но Чик чувствовал, что теперь он уже его не достанет,

именно потому, что успел ошпарить кнутом. «Оказывается, человек, как и лошадь, может от удара кнута увеличивать скорость», — подумал Чик на бегу. До кнута ему казалось, что он бежит на предельной скорости, но после кнута он явно поднажал.

— Молодец, Чик, молодец! — доносились голоса уличных соседей.

Чик вбежал во двор, пробежал его, ворвался в сад и вскарабкался на спасительную грушу. По бешеному лаю Белки Чик догадался, что собаколов уже во дворе.

Чик докарабкался до макушки груши и стал следить за двором. Отсюда весь двор был как на ладони. Собаколов, отбиваясь кнутом от Белки, атакующей его со всех сторон, прошел до самой лестницы, ведущей на второй этаж, где жила тетушка.

— Где этот мальчик?! Где этот хулиган?! — орал он, поглядывая на соседей и стараясь угадать, кто прячет Чика. Он не знал, что Чик пробежал в сад.

Тетушка появилась на верхней лестничной площадке и, стоя над горшками цветущей герани, смотрела вниз, пытаясь понять, что происходит.

— Оставь собаку! — кричала она. — Что тебе надо?

— Где этот хулиган? — кричал собаколов. — Я его сдам в милицию!

Тут во двор вошло несколько соседей по улице, и один из них крикнул тетушке:

— Чик открыл дверь его ящика! Все собаки сбежали!

— Я его в колонию отправлю, — кричал собаколов. — У меня свидетели!

Тут двор поднял возмущенный гвалт.

— В колонию?! — вскрикнула тетушка. — Да я тебе сейчас за это глаза выцарапаю, живодер несчастный!

Она оглянулась как бы в поисках предмета, при помощи которого можно было бы выцарапать глаза собаколову, и увидела, что за ее спиной стоят дядя Коля и бабушка. Они вышли из дому, привлеченные шумом. Тетушка решила не искать больше предмет, при помощи которого можно было выцарапать глаза собаколову, а заменить его сумасшедшим дядюшкой Чика.

— Коля, гони его со двора, — крикнула тетушка и, поясня свою мысль на понятном ему языке, добавила: — Он плохой! Плохой!

— Плохой?! — переспросил дядя Коля и свесился с перил, стараясь разглядеть, насколько плох собаколов.

— Плохой! — крикнула тетушка. — Гони его отсюда!

— Сумасшедший? — переспросил дядюшка. — Кричит?!

Вообще-то он не любил связываться с чужими и сейчас пытался сам себя разгорячить.

— Да, сумасшедший! Да, кричит! — крикнула тетушка и показала на себя. — На меня кричит!

Дядюшка сделал решительное движение, чтобы побежать вниз, но бабушка властно придержала его за рубашку и даже дала ему легкий подзатыльник, чтобы он в мирские дела не вмешивался. Она не любила, когда ее сына пытались так использовать.

— Он мне план поломал! — кричал собаколов, то отмахиваясь кнутом от Белочки, то грозя этим кнутом тетушке. — Ты его от меня не спрячешь! Я его в колонии сгною!

Вдруг тетушка быстро нагнулась, схватила самый большой горшок с геранью и с криком «Вот тебе колония!» швырнула его в собаколова.

Такого он явно не ожидал. Горшок с цветущей геранью, пропламенев в воздухе, полетел вниз. Собаколов успел отпрянуть, и горшок, глухо выстрелив, разбился у его ног. Черепки разлетелись, а герань с большим комом земли вокруг корней каким-то чудом стала торчком, продолжая цвести как ни в чем не бывало. Чик подумал, что она вполне приживется, если ее пересадить в другой горшок.

Белочка продолжала захлебываться лаем. Собаколов и тетушка переругивались. Жители соседнего двухэтажного дома на шум выглядывали из окон, но не могли понять, что происходит внизу. Флигель, в котором жила Ника, скрывал от них собаколова.

Наконец одна из соседок поймала глазами Соньку, стоящую в углу двора, и крикнула:

— Сонька, что там случилось?

— Чик освободил собак, — радостно крикнула Сонька, — собачник его ищет!

Но тут Сонькина мама выскочила из своей кухоньки и, подбежав к Соньке, стала загонять ее домой, крича:

— Мы ничего не знаем! Мы ничего не видели! Она всегда всего боялась и сейчас не знала, чем все это кончится.

— Чик освободил собак! — еще раз бесстрашно крикнула Сонька, пока мать тащила ее в дом.

Тут во двор вошел помощник собаколова с веревкой в руках. Богатый Портной, до этого безучастно наблюдавший за происходящим, вдруг ожил. Он подошел к этому человеку, взял у него из рук веревку и стал с любопытством приглядываться к ней. Потом он стал ее мерить, разворачивая руки, как продавцы тканей. Веревка была явной длинней, чем он предполагал, и Богатый Портной, пощупав крюк, вернул ее помощнику собаколова.

— Такой крюк пароход может остановить! — сказал Богатый Портной, возвращая веревку. Он нарочно сделал вид, что его больше всего поразил этот крюк, чтобы никто не подумал, что он интересовался самой веревкой.

— Я это сейчас в милицию отвезу! — крикнул собаколов, кивнув на веревку. — В колонию пойдет твой сын, в колонию!

Тетушка схватила самый маленький горшочек с геранью и швырнула в собаколова. Из этого Чик понял, что она начала успокаиваться. Этот горшочек вдребезги разбился у ног собаколова, а герань сломалась.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в это время во двор не вошел дядя Риза, любимый дядя Чика. Все женщины двора при виде его, как всегда, замолкли и стали прихорашиваться. Маленький, красивый, всегда хорошо одетый, он подошел к собаколову и стал тихо с ним говорить.

— Не слушай его, — крикнула сверху тетушка, — он жи-водер!

Дядя еще некоторое время поговорил с собаколовом, а потом вынул из пиджака бумажник, достал оттуда красненькую тридцатку и дал ему. Тот, взяв деньги, как-то легко успокоился и пошел со двора вместе с товарищем, который все еще держал в руке моток веревки.

Белочка с лаем сопровождала их до калитки, и собаколов несколько раз нехорошо на нее посмотрел. Но теперь он не взмахивал кнутом, а волочил его по земле.

Чик подумал, что собак в колымаге было штук пятнадцать. Собаколов получил тридцатку. Значит, они оценивают живую собаку в два рубля! А веревка? Интересно, за сколько рублей он ее загонит?

Уличные соседи, переговариваясь, стали выходить со двора. Некоторые из них явно ожидали большего. Дядя им подпортил зрелище. Сейчас он приподнял герань за стебель, легким движением стряхнул ком земли с корней и поднялся наверх.

— А где Чик? — спросил он у тетушки. Тетушка растерянно огляделась и развела руками: увлеченная борьбой за Чика, она о самом Чике подзабыла.

— Я здесь, дя! — крикнул Чик с груши.

Дядя обернулся, поймал Чика любящими, насмешливыми глазами и поманил пальцем. После этого он отдал герань тетушке и вошел в дом. Пока Чик спускался с дерева, сумасшедший дядюшка Чика уже пришел в сад и наполнял свежей землей новый горшок для герани, чудом уцелевшей после падения со второго этажа.

Чик поднялся наверх и прошел в залу, где дядя, раздетый и укрытый простыней, лежал на своей кровати. После работы он любил умыться и часок отдохнуть. Его мокрые редееющие волосы блестели и были зачесаны на косой пробор. Голые, мускулистые руки были высунуты из-под простыни и держали книгу.

— Поди-ка сюда, — сказал он Чику, показывая на постель и откладывая книгу, на которой Чик успел прочитать: «Ги де Мопассан»

Чик присел на постель.

— Рассказывай, — кивнул дядя, сияя на Чика улыбкой, — о подвигах, о доблести, о славе.

И Чик рассказал ему все. Как он давно ненавидел собаколова, как он своими глазами видел доверчивую собаку, пойманную в его подлый сачок, как он придумал распахнуть его дверь и выпустить всех собак.

— Ты молодец, Чик, — сказал дядя, любуясь Чиком, — но и собачника надо понять. У него ужасная работа, но это работа. И ты прав, и он по-своему прав.

— Как так? — удивился Чик.

— Ну, Чик, — сказал дядя, глядя на него своими блестящими глазами, — это как змея и человек. В природе змеи — кусаться. В природе человека — убивать змею. Так они вместе живут тысячелетия и будут жить. Такова природа, Чик: змея кусает человека, а человеку убивать змею.

— А уж? — сказал Чик, подумав.

Дядя вдруг расхохотался, схватил его голыми руками и, прижав к себе, поцеловав в лоб. Чик не видел ничего

смешного в том, что он спросил, но ему приятно было, что дядя хохочет.

— А в природе ужа, — сказал дядя сквозь хохот, — страдать за сходство со змеей!

Чик решил, что они слишком далеко отошли от дела.

— Да, — сказал Чик, — он ловит не только бродячих собак. Он ловит любых собак, которые оказались на улице.

— Конечно, конечно, — сказал дядя, — здесь возможны ошибки.

— Не ошибки, — поправил его Чик, — а вредительство. Хозяин собаки все время думает на работе: а вдруг моя собака выбежала на улицу и ее поймал собаколов? И от этого он на работе волнуется и совершает грубые ошибки.

— Чик, — сказал дядя, и глаза его строго подтвердили, — я тебе уже объяснил, что все это ерунда. Ты ведь не раз убеждался в этом. Нет никаких вредителей! Есть разгильдяи, трусы, подлецы... И наконец, просто дураки!

— Кто же тогда арестовал отца Ники? — спросил Чик и уже сам строго посмотрел на дядю. — Он ведь был твой друг?

Последние слова Чик произнес с невольным упреком. Если дядя не признает, что есть вредители, значит, он признает, что отца Ники правильно арестовали. Но ведь это не так!

— Чик, — сказал дядя, и вдруг в его всегда ясных, умных глазах появилось выражение тоски, — отец Ники был моим другом, и я никогда от него не отрекался. Запомни — никогда! Он был честным человеком! Как бы тебе объяснить? Ты это-го сейчас не поймешь...

— Нет, пойму, — твердо перебил его Чик и твердо посмотрел ему в глаза.

— Бывают времена, когда... когда многие люди... живут, как пьяные, — сказал дядя медленно и с трудом подбирая слова, — а ты знаешь, что пьяные бывают безумными и жестокими?

— Да, конечно, — сказал Чик и мгновенно припомнил то, чего, в сущности, никогда не забывал.

Несколько лет назад Чик шел с пацанами на море. Вдруг они увидели перед собой на тротуаре двух пьяных. Один был большой и здоровый, а второй был среднего роста. Тот, что был поменьше, что-то сказал большому. Здоровый обхватил его руками, поднял над землей и бросил. Тот упал и долго не мог встать. Но потом встал, и они пошли дальше. Видно, он опять сказал здоровому что-то неприятное, и здоровый опять приподнял его на руках и бросил на землю. И второй опять растянулся на тротуаре. Он долго не мог встать, а большой, самодовольно ухмыляясь, помог ему встать, и они, пошатываясь, пошли дальше. И видно, тот, что был поменьше, опять что-то неприятное сказал большому, и тот опять его приподнял над землей и бросил, как деревянную куклу.

На этот раз ребята были совсем близко, и Чик услышал, как пьяный, падая, стукнулся затылком о каменный бордюр тротуара. И этот звук, этот стук перевернул всю его душу!

Упавший теперь лежал неподвижно, а здоровый, сопя, пытался его приподнять, а у того обвисли руки и глаза были закрыты. А этот все сопел над ним, ничего не понимая и пы-

таясь его поставить на тряпичные теперь ноги. И это было ужасно, что он никак не поймет того, что случилось с его товарищем.

Потом собралась толпа. Большого забрала милиция, а за маленьким приехала «скорая помощь». Говорили, что он не умер, что он только потерял сознание, но Чик на всю жизнь запомнил этот случай.

И Чик, всегда содрогаясь, вспоминал этот беспомощный стук головы о бордюр тротуара, тот жестокий, нечеловеческий звук равнодушия к человеческой жизни.

— А отчего они, как пьяные? — спросил Чик. Он внимательно смотрел дяде в глаза.

Дядя помолчал мгновение и вдруг тихо, словно не Чику, а самому себе, с горечью выдал сквозь зубы:

— От того, что он их сделал такими...

Дядя замолк, но Чик знал, кого он имел в виду. В Чегеме открыто называли этого человека, а в городе почему-то страшились. Вот что удивительно!

— Ты вырастешь, Чик, и все поймешь. — И вдруг добавил, как-то странно взглянув Чику в глаза: — И если даже с твоим дядей что-нибудь случится, ты всегда верь, что он был честным человеком...

— Нет, — выдал Чик, чувствуя, что внутри у него все сжалось. Он обхватил руками его шею. — Нет! Нет! Нет!

— Я тоже так думаю, — сказал дядя, целуя Чика, — кажется, худшее позади... И не надо об этом... Нарви-ка нам лучше винограда к обеду...

Чик стало легче. Внутри отпустило. Он ужасно любил, когда дядя ему говорил: нарви груш, инжира, винограда. Чик в такие минуты чувствовал себя фруктовым кормильцем семьи.

— Дя, — вдруг вспомнил Чик, — собаколов не отомстит Белочке за то, что я выпустил собак?

Дядя рассмеялся, вскочил с постели и стал быстро одеваться. Он все делал легко, быстро.

— Я думаю, — сказал он, — этот человек больше никогда по нашей улице не проедет. Ты его хорошо проучил.

Когда Чик с корзиной спустился во двор, Сонька выскочила с его портфелем в руке.

— Чик, — сказала она, — ты забыл под грушей свой портфель. Белочка начала грызть, но я у нее отняла его.

Чик за всеми делами этого дня совсем забыл о своем портфеле. Значит, Белочка все-таки о нем не забыла! Ай да Белка!

Чик взял портфель и вошел в сад. Он повесил его на сушочок и взобрался на грушу. Когда он влез на вершину, стал рвать спелые гроздья «изабеллы», на лестничной площадке появилась тетушка с ведром и кружкой. Она стала поливать цветы. Самая большая герань была уже водворена в новый горшок. Чик заметил, что тетушка ее особенно усердно поливает как пострадавшую в схватке с собаколовом. Поливая цветущие красным цветом герани, тетушка громко напевала одну из своих любимых песен:

*Белые, бледные, вечно душистые
Эти цветы расц-вели-и-и...*

ЧИК ИДЕТ НА ОПЛАКИВАНИЕ

— Чик, — крикнула тетушка сверху, — подымись, ты мне нужен!

Чик повернул голову. Тетушка сидела на обычном своем месте у окна веранды. Но сейчас она не попивала чай, хозяйственно озирая двор, как это бывало всегда, а, глядя в зеркало, старательно выщипывала брови. Чик понял, что она собирается идти в гости. Она выщипывала брови, когда собиралась идти в гости или в кино. Бедные тетушкины брови! Редкая огородница с такой тщательностью выпалывала грядки с кинзой и петрушкой, как тетушка свои брови.

Чик в это время обкатывал и оббивал новенький футбольный мяч, подаренный Онику отцом. Одновременно с этим он отрабатывал хитрейший прием обмана вратаря во время исполнения пенальти. Оник стоял в воротах, обозначенных двумя кирпичами.

Вот что придумал Чик. Он много раз замечал, что взрослые футболисты, собираясь бить пенальти, порой по несколько раз подходят к мячу и капризно подправляют его, чтобы он удобней стоял. И Чик догадался, что это можно использовать.

Надо пару раз подойти к мячу, подправить его, потом отойти, изобразить на лице неудовольствие (опять не так стоит!), снова подойти якобы для перекаладывания мяча и тут неожиданно пнуть его без разгона. Вратарь не успеет и глазом моргнуть — мяч в воротах!

Чик считал, что в этом нет никакой подлости, — спортивная хитрость! Вратарь после свистка обязан ждать мяч в любую секунду. Никто не оговаривал, сколько раз можно подойти и переустанавливать мяч после свистка.

Услышав голос тетушки, Чик тут же подключил его к маневрам, отвлекающим вратаря от неожиданного удара. Он изобразил на лице крайнее раздражение: тут никак не можешь установить мяч, а тут еще тетушка кричит! С этим выражением он снова подошел к мячу и, даже вытянув руки, слегка наклонился к нему, и... удар! Мяч влетел в левый угол и отскочил от забора, возле которого были расположены ворота.

— Нечестно! — завопил Оник. — Тёханша твоя кричала!

— А я тебя как учил? — строго перебил его Чик. — Был свисток — жди удара! Я сейчас приду!

Перескакивая через ступеньки, Чик побежал вверх. Белочка ринулась за ним, думая, что тетушка учудила второй завтрак, что с ней иногда случалось. Бывало, завтрак давно прошел, до обеда еще далеко, а тетушка сидит, попивая чай, и вдруг ее озаряет:

— А что, если я пирожки поджарю, Чик? Горсовет на нас не обидится?

— Не обидится! — радостно подхватывал Чик эту вкусную шутку.

Ох и легка была тетушка на подъем! Она никогда не ленилась доставить себе удовольствие. А если при этом сидели рядом с ней соседка, или подруга, или Чик, она со всеми щедро

делилась удовольствием. Чик любил ее за размах. Она доставляла себе удовольствие с таким размахом, что и окружающим кое-что перепадало. Что, денег нет? Не беда! Размахнется персидским ковром и продаст! Опять завеселеет!

— Чик, — сказала тетушка, когда он к ней подошел. Не глядя на него, она продолжала требовательно всматриваться в свое горбоносое лицо и выщипывать сверкающими щипчиками брови. — Умерла моя дорогая Циала... Мы с тобой должны пойти на оплакивание. Надень свежую рубашку и новые брюки...

Чик никогда не ходил на оплакивание умерших. Это было то счастливое время, когда еще никто из близких и даже знакомых не умирал. Умирили чужие. И Чик иногда видел похоронные процессии,двигающиеся по улицам, и вместе с другими ребятами забирался на забор или вскарабкивался на деревья, чтобы заглянуть в лицо покойнику. Это было любопытно и грустно, но тогда ему и в голову не приходило плакать.

Тетя Циала была приятельницей тетушки. Чик ее слегка недолюбливал, и было за что. Нет, конечно, он ничуть не обрадовался, узнав, что она умерла. Ему даже было ее жалко, но не сильно. Он вслушался в свою жалость и подумал, что со слезами, пожалуй, тут будет туговато.

— Я тоже должен плакать? — спросил он у тетушки.

Тетушка продолжала выщипывать брови, требовательно вглядываясь в свое лицо. Она всегда так вглядывалась в свое лицо, когда смотрела в зеркало. Вглядываясь в свое лицо,

она как бы сурово выговаривала ему: да, от природы ты красивое. Но ты само не стараешься. Вечно тебе приходится помогать!

— Ты должен постоять у гроба, как мальчик из приличной семьи, — сказала тетушка, продолжая глядеть в зеркало, — а плакать тебя никто не обязывает... Если при виде моей дорогой подруги, лежащей в гробу, у тебя не польются слезы, значит, ты не в нас, а в тех, кого я сейчас не хочу называть.

Начинается, подумал Чик. Ему было неприятно выслушивать это. Тетушка имела в виду его маму. Они не любили друг друга. Это началось еще до Чика, и уже ничего невозможно было исправить.

Тетушка была замужем за братом мамы, а мама была замужем за братом тетушки. Нет, тут кровосмешательства не было. Чик это точно знал. Это было вроде перекрестного опыления.

Мама считала, что тетушка слишком занята собой и недостаточно любит ее брата. А тетушка считала, что чегемцы вообще люди черствые и довольно дикие. Мама и ее брат были родом из села Чегем. Чик любил своих чегемских родственников, и он точно знал, что они совсем не черствые и не дикие, хотя у них нет электричества. Просто они сдержанные. У них не принято сюсюкать или, скажем, нацеловывать детей. Но они добрые, только они стыдятся говорить об этом. Почему тетушка этого не понимает? Странно!

Может, вообще жители долин не могут понимать жителей гор? Но ведь Чик сам родился в городе, почему же он хорошо

понимает чегемцев? Чегемцы тоже посмеивались над жителями Мухуса, но, пожалуй, добродушно.

— Когда они к нам приезжают, — говорили чегемцы, кивая на городских, — мы режем козу или курицу. Ставим на стол вино. А когда мы к ним приезжаем, они нас чаем угощают. Да что мы, больные, что ли, чтобы чай хлестать?

Тут, конечно, тоже было некоторое недопонимание. Но ничего особенного. Просто смешно. Чик часто спорил с тетушкой, стараясь ей внушить, что чегемцы не черствые и не дикие. Они другие. Они горцы! Но тетушка с ним никогда не соглашалась.

И сейчас Чик не на шутку встревожился. Он решил, что, если он не расплатится над гробом тети Циалы, тетушка окончательно уверится, что чегемцы жестокие и дикие люди. Он не за себя боялся, ему было обидно за чегемцев.

Чик пошел домой переодеваться. Спускаясь по лестнице, он взглянул на Оника. Тот, дожидаясь его, бил по мячу, отскакивавшему от забора.

— Я пошел на оплакивание, — бросил Чик в сторону Оника.

— Куда? Куда? — переспросил Оник, поймав мяч в руки и поворачиваясь к Чику.

— На оплакивание тети Циалы, — пояснил Чик с выражением превосходства в житейском опыте, — она умерла. Мы с тетей идем на оплакивание.

Оник явно старался понять, как это происходит. Но не мог. У него тоже никто из близких и знакомых не умирал.

— А это интересно? — спросил он, как всегда уверенный, что Чик все знает лучше его.

— Это... это, — начал Чик, стараясь соединить все, что он слышал о таких делах. Он смутно припомнил, что взрослые в разговорах о похоронах огромное значение придают погоде. — Это как с погодой повезет. Бывает, повезет покойнику с погодой, а бывает, не повезет, и тут уж ничего не поделаешь...

— Как так?! — воскликнул Оник, выронив мяч от удивления. — А разве мертвые разбираются в погоде?

— Будь спок, — сказал Чик неожиданно даже для себя, — что-то, а погоду они чувят!

Оник так и замер, задумавшись. Чик пошел домой переодеваться. Минутное удовольствие с розыгрышем Оника испарилось, и Чик снова почувствовал тревогу: а вдруг не заплачется?

Чик стал вспоминать об умершей. Тетя Циала была крупная, полная, пожилая женщина. Несмотря на полноту, она быстро и легко двигалась. Тетушка говорила, что она настоящая аристократка. Чик верил этому. Он считал, что крупные, полные аристократки должны двигаться легко, быстро, иначе кто же поверит, что они аристократки.

Чик знал, что ее муж был абхазским князем. Он его никогда не видел, но тетя Циала порой упоминала его в разговорах. Если уж никак нельзя было обойтись без него, она, как бы махнув рукой, упоминала его. Получалось, что ее муж

был деревенским князем. Так себе князьком. Иногда тетушка злилась на тетю Циалу и тогда говорила:

— У нее, видите ли, муж — князь! В Абхазии, если у человека три буйвола, он уже князь! Начхала я на таких князей!

Тетушка так говорила, потому что ее первый муж был персидским консулом и она с ним некоторое время жила в Тегеране. Чик вообще не представлял, чем занимаются консулы. Он знал, чем занимались древнеримские консулы, а чем занимаются современные консулы, не знал.

Он знал, что консул был иностранной шишкой и тетушка им вертела как хотела. Вот он и красил волосы, чтобы понравиться тетушке. А у тетушки, известное дело, настроение меняется, как погода. В какой цвет прикажет тетушка, в такой цвет и выкрасит волосы консул. А чекисты, по рассказам тетушки, бывало, сбивались с ног: куда девался этот черноволосый консул и откуда взялся этот рыжий персидский мулла?

У тетушки раньше был консул, а у подруги ее — капитан парохода «Цесаревич Георгий». Вот они и сдружились. У кого карта старше? Консул бьет капитана или капитан консула? Консул был старенький, а капитан молодой. Очко за Циалой! Но консул был настоящим мужем тетушки, а капитан был только возлюбленным тети Циалы. Она мечтала стать женой капитана, но не вышло. Очко за тетушкой!

Теперь у тетушки муж — сын простого крестьянина, и Чик любил своего дядю, но тут, по их понятиям, тетушка проигрывала. Там князь, хоть и деревенский. Общий счет 2:1 в пользу тети Циалы.

«А не многовато ли вообще князей для нашего маленького города?» — вдруг подумал Чик. Он иногда проникался чувством социальной хозяйственности, хотя его никто об этом не просил.

Чик читал множество современных русских книжек, и там иногда упоминались случайно уцелевшие на просторах нашей родины князья, графы, офицеры. Но они почти всегда прятались в подвалах, в заброшенных избушках, а то и в стогах с сеном. Выйдут из укрытия, повредят-повредят и снова — юрк в подвал или нырнут в стог.

Но это там, за кавказским хребтом. А у нас князья живут себе под теплым солнышком и не скрывают, что они князья. Правда, по наблюдениям Чика, они и не вредят. Может, потому, что они ленивые? Чик слышал, что абхазские князья самые ленивые в мире. Чик читал книжку о самом ленивом русском барине Обломове.

Интересно, если высадить на необитаемом острове абхазского князя и Обломова, кто из них первым возьмется за труд? Головоломная задача!

Обломов, пожалуй, добрей и попроще. Он, в конце концов, несмотря на лень, согласился бы первым вскарабкаться на кокосовую пальму, но Чик понимал — не сможет. Мускулы слабые. У наших князей, конечно, с мускулами получше. Они ездят верхом, платочки там всякие подымают зубами во время танцев, но они ужасные гордецы. Попробуй загнать его на кокосовую пальму — умрет от голода под пальмой, но не влезет. А чего заноситься? Глупо!

Чик всю жизнь слышал о великой любви тети Циалы и капитана парохода «Цесаревич Георгий», но он мало что знал о конце этой истории. Он только знал, что однажды пароход в море ограбили какие-то пираты, и после этого у тети Циалы с капитаном все пошло кувырком.

Она об этом иногда говорила с тетушкой, но как только появлялся Чик, они или закруглялись, или тетушка его просто прогоняла. Там была какая-то страшная тайна. Там был какой-то желтоглазый человек (несколько раз Чик успевал ухватить эти слова), который помешал любви тети Циалы и капитана.

А до желтоглазого была великая любовь. Когда пароход входил в мухусский порт, капитан приглашал на палубу свою возлюбленную и бесплатно катал ее в роскошной каюте до Батума и обратно. А в Одессу тетя Циала никак не могла прорваться. Капитан ее туда не брал. Нет-нет, у него не было жены. Видно, она еще была слишком молоденькая, и капитан все ждал, чтобы она остепенилась и он смог бы привести ее к своим стареньким родителям. Нет, там не было жены капитана. Чик это точно знал. Если б там была жена, до Чика обязательно дошли бы разговоры, что эта негодяйка, недостойная целовать пятки тете Циале, при помощи цыганки приворожила бедного капитана.

Чик долго не любил тетю Циалу, и вот за что. Однажды, когда Чик был совсем маленький и лежал больной, она вдруг его навестила. Он лежал внизу у мамы, и поэтому было удивительно, что она его навестила. До этого она к маме почти

никогда не заходила. А тут вдруг зашла. Но у Чика была высокая температура, и он не обратил внимания на это. Он все видел, как в тумане. И вдруг она к нему пристала с самым ненавистным ему вопросом:

— Кого ты больше любишь, маму или тетю?

С этим ненавистным вопросом раньше к нему приставала только тетушка.

— Одинаково, — отвечал Чик, что стоило ему немало самообладания. Тетушка ждала другого ответа, но никогда не могла добиться. А тут вдруг эта чужая тетя пристала к нему с этим же вопросом. И он, оскорбленный самим вопросом и чтобы скорее от нее избавиться, и оттого, что был больной, и оттого, что мама была рядом, выдохнул:

— Маму!

И вдруг из-за спины грузной тети Циалы, как бесенок, выскочила тетушка и закричала:

— Ах, так!

И Чик разрыдался! Никогда, никогда в жизни он так долго и горестно не плакал!

— Я ослаб, — говорил он сквозь рыдания, чтобы они поняли, что он не двуличный, что это он от болезни. Тетушка, конечно, бросилась его целовать, обнимать, успокаивать и всякое такое. По лицу бедной мамы, Чик это видел даже сквозь слезы, пошли красные пятна, но она им ни слова не сказала! Они сейчас гости — вот что такое чегемка! Но зато, когда они ушли, тетя Циала получила столько проклятий вслед, что этого хватило бы на всю мировую аристократию.

Чик выздоровел и потом с месяц не мог простить тетушке этот глупый и жестокий розыгрыш. Но потом простил. Все-таки он любил тетушку, и она его, конечно, любила. А вот тете Циале он этого не мог простить еще целых два года. А потом простил. А куда денешься? Ходит и ходит к тетушке. Пришлось простить.

Все это Чик мельком вспоминал, пока передевался, и вдруг осознал, что тетя Циала умерла, и то, что он сейчас так вспоминает о ней, нехорошо. Его опять охватила тревога: сумеет ли он заплакать да еще с такими мыслями?

Но вот они вышли с тетушкой на улицу и повернули налево. День был теплый, солнечный, ласковый. Тетушкины каблучки легко и даже бодро стучали по тротуару. На углу несколько мальчигов играли в деньги, а другие толпились вокруг играющих и наслаждались звоном монет, которые долбили тяжелые царские пятаки.

Среди зевак стоял Анести. Когда они приблизились, он поднял голову и посмотрел на Чика. Чик вдруг подумал, что Анести ему предложит играть в деньги. Этого еще не хватало! Тетушка была уверена, что Чик никогда не играет в деньги. Поэтому Чик, глядя на Анести, сделал ему страшную гримасу и отрицательно покачал головой. Но Анести его не понял, а может быть, понял наоборот.

— Чик, сыгранем? — спросил он, когда они поравнялись, и, хлопнув по карману, звякнул мелочью.

— Нет, — сухо бросил Чик и уже хотел пройти мимо, но тетушка остановилась.

— Что ты, мальчик, — сказала она. — Чик никогда не играет в деньги!

— Пацаны, — расхохотался Анести, — Чик никогда не играет в пети-мети!

Ребята рассмеялись, но тетушка, ничуть не смутилась.

— Да, — сказала тетушка, — Чик никогда не играет в азартные игры! Куда только смотрят ваши родители? Правильно говорят по-русски: не та мать, которая родила, а та мать, которая воспитала.

Чик у это было неприятно слышать. Это был камушек в огороде мамы. Бывало, если Чик проявлял сообразительность или приносил хорошие отметки, тетушка говорила, что это результат ее воспитания. А когда Чик попадал в какую-нибудь неприятную историю, она говорила:

— Яблоко недалеко от яблони падает.

Это был намек на его чегемское происхождение. Но если она имела в виду яблоню во дворе дедушкиного дома (Чик обожал эту яблоню), то можно сказать, что он далеко, до самого Мухуса укатился от этой яблони.

Но вот ребята остались позади, и Чик снова заволновался: а вдруг ему не заплачется у гроба? И вообще, как это происходит? Может, дети плачут вместе? Тогда можно, как в школьном хоре, только слегка раскрывать рот.

— Те, — спросил Чик, — а дети плачут со взрослыми или отдельно?

— Ну, какой ты, Чик, — сказала тетушка не глядя, а каблучки ее продолжали бодро стучать по мостовой. — Мы по-

дойдем с тобой к гробу моей дорогой подруги. Постоим. Поплачем. Потом я еще пособолезную близким, а ты выйдешь во двор и подождешь меня там.

Чик задумался. Тетушкины слова его ничуть не успокоили. По бодрому, невозмутимому стуку ее каблучков Чик был уверен, что сама она ничуть не сомневается в том, что слезы у нее польются, когда это будет надо. И Чика стали раздражать эти ее каблучки, и он решил смутить ее уверенность.

— Те, — сказал он, — а вдруг тебе не заплачется?

— Как это мне не заплачется? — удивилась тетушка, не сбавляя бодрости каблучков. — Что ты выдумываешь, Чик? У гроба своей лучшей подруги могут не заплакать только люди, о которых я сейчас не хочу говорить! И ты знаешь, кто эти люди, Чик! Знаешь, Чик, не притворяйся!

Чик опять тревожно задумался: а вдруг не заплачется? Что тетушка тогда будет говорить о чегемцах? Будет ужасно, если она тут же у гроба станет объяснять другим людям, что Чик не плачет, потому что пошел в своих родственников по материнской линии. Надо во что бы то ни стало заплакать!

Он с новой силой почувствовал груз долга на своих плечах. И сразу же, как это бывало и раньше, позавидовал тем губошлепистым мальчикам, которые этого никогда не чувствуют. Оник, например, никогда этого не чувствует. Хорошо ему живется, черт бы его подрал!

Они шли и шли, и тетушка встречала многих своих знакомых женщин и заговаривала с ними о смерти своей подруги.

То по-русски, то по-абхазски, то по-грузински, а то и по-турецки. Мелькала одна и та же фраза на всех языках:

- Бедная Циала!
- Циала рыцха!
- Сацкали Циала!
- Языг Циала!

И почти все они обязательно заговаривали о погоде.

- Слава Богу, хоть с погодой повезло, — утешала одна.
- Если погода продержится, обязательно приду на похороны, — обещала другая.
- Счастливая, жила, как хотела, и после смерти получила такую погоду!

- Отчего она умерла?
- Сердечница, — то и дело отвечала тетушка, — она всю жизнь была сердечницей!

Чикну казалось, что тетя Циала стала сердечницей после того, как рассталась с любимым капитаном. Любовь навсегда ранила ее сердце, и она с тех пор стала сердечницей.

- Ах, как ей повезло с погодой!

Почти все разговоры сводились к этому. Чик удивлялся такому вниманию к погоде. Можно было подумать, что после смерти некоторых людей начинается наводнение.

И вот они наконец подошли к дому князя. Ворота в зеленый двор были широко распахнуты. Во дворе цвели кусты поздних роз и георгинов. С внутренней стороны двора несколько лошадей было привязано к штакетнику. Чик понял, что это прибыли деревенские родственники князя.

Под длинной виноградной беседкой, густо лиловеющей спелыми гроздьями, были расставлены столы, на которых виднелись бутылки с вином и лимонадом, блюда с соленьями и лобио. Людей за столами было не очень много, и они сидели небольшими группками, как это бывает, когда в застолье много мест, а люди мало знакомы. Чик понял, что это поминки.

Они вошли во двор. У низкого столика перед входом в дом отдельно от всех стоял невысокий человек в черном костюме со скорбным лицом. Он повернулся к тетушке, явно ожидая, что она к нему подойдет, но тетушка, ускорив шаг, прошла мимо.

— Бедный князь, я еще к вам подойду, — бросила она ему мимоходом, совсем новым для Чика голосом, показывая, что ее уже душат слезы и ей бы только донести их до той, кому они предназначены.

Когда ж она успела, удивился Чик и с ужасом подумал, что тетушка уже ко всему готова, а он, дурак, только глазел, оглядывая двор, и теперь ни к чему не готов. Из широко распахнутых дверей одноэтажного дома раздались призывные рыдания, и Чик еще больше запаниковал, чувствуя, что сейчас на виду у всех опозорится.

Надо бежать, бежать, пока не поздно! Но в это мгновение тетушка, словно догадавшись об этом, крепко схватила его за руку и с какой-то хищной торопливостью ринулась к распахнутым дверям.

Гроб стоял посреди большой комнаты. Вдоль стен на стульях сидели женщины в черном и несколько мужчин, одетых

в черкески, с кинжалами на боку. Чик догадался, что это деревенские родственники князя.

В сторонке у окна толпились музыканты с восточными инструментами в руках и с восточным выражением в глазах. У изголовья гроба, засыпанного цветами, стояло несколько женщин, по-видимому, самых близких родственниц. Глядя на покойницу, они всхлипывали и рыдали.

Остановив наконец взгляд на гробе, засыпанном цветами, Чик оцепенел. Его вдруг осенила леденящая догадка, что именно потому столько цветов набросано сверху, чтобы скрыть то страшное и непонятное, притаившееся под цветами и именуемое смертью. И он, цепенея, подумал: как можно жить, если это страшное и непонятное есть в жизни?

А тетушка, уже не в силах додержать слезы, зарыдала навстречу рыданиям и, бросив замешкавшегося Чика, пошла к гробу. Однако перед тем, как его бросить, она строгим тычком в спину показала, куда ему надо двигаться.

И эти ее неутешные рыдания, и почти одновременный маленький, хитренький тычок в спину, как бы знак из милой, повседневной жизни тетушки, да и самого Чика, вывели его из оцепенения, словно подсказали, что можно, можно жить, если люди делают такие смешные вещи даже здесь, возле ужаса, забросанного цветами.

Тетушка вдруг замолкла и упала щекой на усыпанное цветами тело покойницы. Она немного полежала так, а потом с рыданиями выпрямилась, как бы потеряв последнюю каплю надежды, что жизнь еще теплится под цветами. И теперь,

взглянув на стоящих у гроба, она стала рыдать вместе с ними. Рыдающие, глядя друг на друга, возбуждались взаимной чувствительностью, и каждая как бы в благодарность за неутешные рыдания другой сама начинала рыдать с новой силой.

Чик все это видел, стоя у гроба рядом с тетушкой и глядя на сурово постранневшее лицо тети Циалы, и ощущал, что комок рыдания подкатывает к его горлу, но никак не может протолкнуться сквозь него, и потому он не может заплакать.

Ему много раз казалось, что комок вот-вот прорвется и тогда польются слезы. Но проклятый комок не прорывался, и горло у него начало саднить от напряжения.

А тетушка вместе с другими женщинами продолжала рыдать, иногда наклоняясь к гробу и растолковывая подружке, как ее здесь любят, а суровое лицо мертвой выражало досадливое неудовольствие всей этой шумихой.

Женщины продолжали рыдать, а у Чика все сдавливало горло, но комок ни туда, ни сюда. А между тем Чик чувствовал, что сюжеты из жизни, которые тетушка излагала рыдая, начинают повторяться («звезда моей цветущей юности», «таких преданных теперь нет», «ради нее я бросила персидского консула и вернулась на родину») и она через мгновение обратится к Чику и подключит его к своему плачу.

И Чик, чувствуя, что это вот-вот может случиться, а тетушка, увидев, что он все еще не плачет, преувеличенно ужаснется и вдруг такого наговорит о жестоких чегемцах...

И он в отчаянии приложил кулаки к глазам и стал их тереть изо всех сил, чтобы выжать слезы. Но слезы никак

не выжимались, а глазные яблоки, наоборот, ссыхались от боли. И тогда Чик (была не была!) незаметно ослюнявил обе ладони и потом так же незаметно, продолжая как бы утирать глаза, обмазал их слюной. Правда, от волнения слюна тоже куда-то подевалась, но хоть слегка удалось увлажнить подглазья.

Только он это сделал и еще продолжал кулаками прикрывать глаза, как понял по голосу тетушки, что она повернулась к нему:

— Чик, где наша любимая Циала? Кто тебя осиротил, Чик? Кто теперь будет тебя угощать конфетами, Чик?

Когда тетушка плачущим голосом произнесла свои первые слова, обращенные к Чику, что-то в груди у него дрогнуло, комок в горле стал мягко раздуваться, и Чик понял: сейчас пойдут слезы. Сами пойдут, только не надо им мешать.

И он перестал кулаками тереть глаза, и слезы появились сами, увлажнив его замученные глаза, как вдруг тетушка своим дурацким упоминанием дурацких конфет все испортила.

Никогда в жизни, ни разу тетя Циала не угощала его конфетами. Нет, она не была жадной. Она, как и тетушка, была щедрой. Просто она вспоминала о существовании Чика только тогда, когда видела его. В конце концов, Чик не такой уж маленький, чтобы рыдать над умершей только потому, что она его угощала конфетами. И тут комок в горле Чика стал сжиматься, сморщиваться и куда-то исчез.

— Открой глаза, Чик! Не стыдись слез, — рыдала тетушка, — есть минуты, когда мужчина не должен стыдиться слез!

Чику стало очень стыдно, и он никак не мог оторвать кулаки от глаз, тем более что жалкая влага слюны, которой он их смочил, успела подсохнуть.

И вдруг ударила музыка и сразу перекрыла все, о чем Чик сейчас думал. Музыка была до того печальной, что Чика мгновенно заполнила острая, сладостная жалость. Ему стало жалко сумасшедшего дядю Колю с его безнадежной любовью к матери Соньки, ему стало жалко тетушку неизвестно за что, мимоходом он пожалел и неведомого персидского консула, бедного старикашку, который все красил и перекрашивал волосы и никак не мог угодить тетушке, ему стало жалко Белочку, которую собаколов мог поймать в любую минуту и отдать живодерам, ему стало жалко тетю Циалу, и в самом деле по гроб жизни любившую своего капитана, ему стало жалко хромого Лёсика, который всю, всю свою жизнь так и будет подволакивать ногу, ему стало жалко испанских республиканцев, он предчувствовал, что герои обречены, ему стало жалко отца Ники, невинно арестованного, и Нику, все еще думающую, что отец в дальней командировке. Ему вдруг припомнилось и стало жалко котенка, который когда-то давно тонул в канаве, а мальчишки вдобавок кидали в него камнями, а Чик стоял рядом и ничего не решался сделать, не потому, что боялся мальчишек, а потому, что боялся прослыть слюнтяем... Ему стало жалко всех-всех и себя стало жалко за то, что он так глупо, так глупо боялся прослыть слюнтяем...

И удивительней всего было то, что, как только он начинал жалеть кого-нибудь, музыка мгновенно устремлялась к месту

жалости и омывала именно эту жалость. И каждый раз Чик чувствовал, что она жалеет именно этого человека, это животное, а не кого-то вообще. Но откуда музыка знает обо всех его жалостях и как она успевает мгновенно вместе с Чиком переходить от одной жалости к другой?

И Чик чувствовал, что по лицу его текут и текут невыдуманные слезы и откуда-то издалека доносится голос тетушки. Наконец музыка смолкла, и Чик очнулся, но слезы продолжали течь. И он стал глядеть на тетушку, чтобы она как следует разглядела эти слезы и больше никогда плохо не думала о чегемцах.

И Чик теперь не сводил с тетушки своих плачущих глаз, и тетушка, кажется, начала что-то понимать и даже слегка кивнула Чику головой. Но Чик продолжал глядеть на нее плачущими глазами, требуя более ясных признаков покаяния, и она наконец наклонилась к Чику и шепнула ему на ухо:

— Я горжусь тобой, Чик! Я всегда знала, что ты пошел в нас, а не в этих бессердечных людей!

Ну, что ты ей скажешь? Сколько же упрямства в этой маленькой горбоносой голове! И вдруг тетушка с рыданием обратилась к мертвой и сказала ей, что Чик просит разрешения в последний раз поцеловать ее и навек попрощаться.

Все подхватили ее рыдания, и заплаканные взоры обратились к Чику, как бы пораженные его не по годам мудрой чувствительностью. Чику было страшно целовать мертвую, он даже не знал, куда правильной всего ее поцеловать, и все-таки, стараясь не выдать, как это ему неприятно, наклонился и поцеловал ее в лоб.

Он почувствовал губами не принимающую его поцелуи какую-то потустороннюю твердость прохладного лба и, стараясь не выдавать облегчения и затаенного дыхания, распрямылся и стал проходить к дверям. И уже там в последний раз услышал тетушку:

— Подруга юности, скажи, где «Цесаревич Георгий», где мы?

Чик вдохнул всей грудью свежий, золотой воздух ясного дня, и было глазам так вкусно смотреть на зеленую траву, кусты роз и георгинов, на рыжие крупы лошадок, привязанных к штакетнику и лениво помахивающих хвостами.

Но губами он еще чувствовал ту враждебную, потустороннюю твердость прохладного лба, и ему очень хотелось вытереть губы, но он стыдился это сделать. Ему казалось, что все сразу догадаются, что он стирает следы поцелуя. Вдруг кто-то ласково положил ему руку на плечо. Чик обернулся. Это был распорядитель поминального застолья.

— Мальчик, — сказал он, — можешь пойти перекусить и выпить лимонад. Лимонад любишь?

— Да, — сказал Чик и пошел к виноградной беседке.

За сдвинутыми полупустыми поминальными столами сидели не только взрослые, но и дети, дожидавшиеся своих родителей. Подходя к беседке, Чик вдруг увидел рыженькую девочку с лицом, как подсолнух, и этот сияющий подсолнух сейчас был повернут к нему и явно призывал подойти. Чик подошел и сел напротив девочки. Он все время помнил губами потустороннюю, враждебную твердость лба покойни-

цы, но слизнуть этот налет смерти мешала брезгливость, а утереть рукавом было стыдно: подумают — двуличный, сам целует, а потом утирается.

Поэтому Чик сделал озабоченное лицо, посмотрел на свои ноги, пробормотал что-то насчет проклятых шнурков и, склонившись под стол, изо всех сил, до христа стал вытирать губы концом скатерти.

Вдруг он заметил, что под столом с противоположной стороны торчит наблюдающая за ним головка девочки. Приподняв свой край скатерти, она следила за ним.

Чик стало неприятно, что она его видит, и он на всякий случай стал жевать край скатерти, сначала думая намекнуть на то, что он сумасшедший и потому так странно обращается под столом со скатертью, но потом решил, что это слишком громоздко и потребует новых, соответствующих выдумок, и стал щупать скатерть, как бы пробуя ее на эластичность. А потом, растопырив ее двумя руками, изо всех сил подул на нее, смутно намекая, что изучает свойства ткани для неких, может быть, парусных надобностей. Но девочка продолжала следить за ним смеющимися глазами из сумрака подстоля. Сейчас было особенно заметно, что на ее мордочке полным-полно веснушек.

Чик выпрямился над столом. Девочка тоже разогнулась.

— А я знаю, почему ты вытер губы, — сказала она, отменяя все его версии, — я тоже не люблю целовать покойниц, но мама заставляет.

— Не в этом дело, — сказал Чик, — ты откуда?

Чик взял бутылку лимонада, налил в стакан и, некоторое время подержав губы в колючей сладости, выпил лимонад и поставил стакан на стол.

— Я в седьмой школе учусь, — сказала девочка, приятно гримасничая, — а ты?

— Я в первой, — сказал Чик и кивнул головой в сторону своей школы.

— Знаю, — сказала девочка, — там Славик учится.

Девочка взяла из тарелки с соленьями большой помидор и, обливаясь соком и шумно чмокая, надкусила его. Чик не любил, когда девочки едят слишком жадно. Он считал, что девочки должны есть как бы нехотя. Ну, фрукты еще так-сяк. Но только не соленые помидоры.

— Обожаю соленые помидоры, — сказала девочка, — я уже третий ем. А ты любишь соленые помидоры?

— Я вообще не люблю помидоры, — сказал Чик и добавил: — Вытри подбородок.

Девочка быстро нагнула голову и, ничуть не стесняясь окружающих, с разбойничьей лихостью вытерла краем скатерти подбородок. Бросив скатерть, она посмотрела на Чика и сделала на своем лице еще одну ужимочку, которая опять понравилась Чикю. «Как это она угадывает делать на своем лице именно такие ужимочки, которые должны мне понравиться», — подумал Чик с благодарностью.

Чикю нравились далеко не всякие ужимочки, которые делали девочки на своем лице. Уж на что Ника была мастерицей по таким ужимочкам, и то она однажды сделала та-

кую гримасу, что Чик после этого минут десять не мог на нее смотреть.

Тогда у нее был день рождения. Девочки и мальчики сидели за столом, уплетая вкусные салаты и весело болтая. И Чик тайно любовался нарядной оживленной Никой. И вдруг ее хорошенькое лицо, как в страшном сне, исказилось отвратительным выражением свирепости пещерной женщины, которая собирается броситься на другую пещерную женщину.

— Моль! — закричала она в следующее мгновение и стала бегать по комнате, стараясь прихлопнуть ее ладонями: грубо и некрасиво.

Нельзя же при виде моли делать такое пещерное выражение лица. Моль — это все-таки не муха цеце!

— Откуда ты знаешь Славика? — спросил Чик и, потянувшись за бутылкой, опрокинул ее над стаканом.

На столе еще было полным-полно бутылок с лимонадом.

— Кто же его не знает, — сказала девочка с задумчивой нежностью. — Первая школа — это Славик и Чик.

Чик замер, с научной строгостью прислушиваясь к действию славы на себя. Действие было приятное. После этого он с мимолетной беглостью пробежал по клавиатуре своих подвигов: донырнул почти до флажка, нашел крупнейший самородок мастичной смолы, победил Бочо в драке на чужой территории, попал стрелой в дикого голубя, научил Белку есть любые фрукты... Да мало ли?

— А что ты знаешь о Чике? — спросил Чик, проследив за опрятностью интонации, чтобы ничем не выдать себя.

— Все! — сказала девочка. — На городской олимпиаде ваша школа давала представление «Сказка о попе и о работнике его Балде»... Так вот он там играл задние ноги лошади...

Девочка захлебнулась от хохота. А потом, отхохотавшись, посмотрела на Чика и, сделав новую гримаску, спросила:

— Неужели ты не слышал? Он же в вашей школе учится!

Гримаска на этот раз показалась Чичу глуповатой.

— Слышал, — сказал Чик, — но что тут смешного? Смешного что?

— Так ведь он всем объявил, что играет главную роль, роль Балды, — сказала девочка, склонившись над столом и снизив голос, чтобы Чик сильнее заинтересовался. — А тут вдруг задние ноги лошади! Он что думал? Думал, они сыграют и уйдут со сцены, и никто не узнает, что Балду играл не он. Потому что Балда был в гриме и с бородой. Ну, а мальчиков, игравших задние и передние ноги лошади, и вовсе не было видно. Они были покрыты картонной фигурой лошади. Мне все подружка рассказала. Она там была. А тут раздались аплодисменты, аплодисменты после того, как они сыграли, и режиссер на сцену вывел за гриву лошадь и снял с мальчиков картонное туловище лошади. И тут-то весь театр и увидел, что Чик выступает под видом задних ног. Смехота! Он всех обманул и свою тетюшку, которая затащила в театр всех родственников и знакомых, чтобы похвастаться Чиком. Тетюшка его, говорят, упала в обморок, а дядя прямо там, не сходя с места, сошел с ума и до сих пор сумасшедший. Чуть где увидит лошадь, начинает бормотать: «Чик! Чик! Чик!»

— Все это вранье, — сказал Чик, смутно чувствуя, что нагромождение глупостей необходимая плата за славу. — У Чика дядя всегда был сумасшедший.

— Вот и попался, — сказала девочка, — кто бы сумасшедшего пустил в театр? А если человек уже в театре сходит с ума, тут уж ничего не поделаешь. Думали, что он отойдет. А он так и не отошел до сих пор. Как увидит лошадь, тычет на задние ноги и бубнит: «Чик! Чик! Чик!»

— Глупо, — сказал Чик, — глупо.

Пока Чик разговаривал с девочкой, с улицы во двор входили мужчины и женщины. Некоторые шли, держа в руках букеты цветов. Мужчины останавливались возле князя, жали ему руку, а потом, сняв шляпу или кепку и положив ее на столик, входили в дом. Когда они выходили во двор, распорядитель всех приглашал к поминальным столам. Одни садились за столы, а другие уходили.

Справа от Чика, на некотором расстоянии от него уселась шумная компания местных мужчин. Их было человек восемь. Обсев стол с двух сторон, они наложили себе в тарелки лобio, разлили по стаканам вина, сказали по несколько слов за упокой души умершей, по обычаю, отлили чуть-чуть из стаканов, кто на лаваш, кто просто в тарелку, и выпили. Принялись есть, макая лаваш в лобio и громко захрустывая еду красной квашеной капустой.

— Слушайте меня, — сказал один из них. Он сидел напротив, наискосок от Чика. — Учтите, — продолжал он, — я точно знаю, как это было. Помнится, это случилось двадцатого сентя-

бря 1906 года по тогдашнему стилю. Они тремя группами вошли на пароход «Цесаревич Георгий». Первая группа вошла в Новороссийске, вторая в Гаграх, а третья здесь, у нас...

Чик прямо почувствовал, что уши у него стали торчком. Девочка продолжала что-то говорить, но звук ее голоса выключился. Теперь Чик заметил, что один из друзей рассказчика, сидевший со стороны Чика, был его старый знакомый. Это был тот самый глуповатый рыбак, с которым Чик когда-то рыбачил. Он сидел к нему ближе всех, и Чик его сразу узнал. Он его узнал по большим усам и какой-то забавной важности выражения лица.

Рядом с рассказчиком сидел красивый курчавый человек. Чик и его узнал. Однажды, когда Чик был с дядей в кофейне, этот красивый курчавый гуляка веселился со своими друзьями рядом за столиком. Тогда он время от времени выкрикивал: «Среди абхазцев есть еще герои, как, например, Мишка Розенталь!»

И все смеялись, когда он так выкрикивал. И Чик смеялся. Ясно же, что Розенталь не может быть абхазцем, потому и смешно. Чик любил понять, почему смешное смешно.

Но сейчас он не спускал глаз с рассказчика. Это был довольно старый человек с небритым морщинистым лицом, хриплым уверенным голосом и выпуклыми бараньими глазами. Он был вроде тех старичков, которые вечно сидят в кофейнях. Только Чик подумал, что у него бараньи глаза, как тот сказал:

— Тогда возле пристани была кофейня, где можно было покушать харчо из бараньих мошонок. Для здоровья лучше ничего нет! Где сейчас такое харчо найдешь?!

Чик поразился, что рассказчик перешел на баранье харчо именно в тот миг, когда Чик подумал, что у того выпуклые, бараньи глаза. Такие странные, таинственные совпадения у Чика случались много раз. Только подумаешь о ком-нибудь, что он, оказывается, всю жизнь был похож на какое-то животное, а ты этого не замечал, как вдруг этот человек делает что-то такое, что точно подтверждает твою мысль. Может, Чик немножко гипнотизер и внушает мысли на расстоянии?

Однажды Чик вместе с другими мальчиками отдыхал на траве после футбола. Вдруг Чик заметил, что один из пацанов до смешного похож на загнанного верблюжонка. А до этого не замечал. А тут заметил. И в этот же миг этот мальчик вдруг сказал: «Пацаны, пить охота, умираю!»

Но почему он это не сказал ни секундой раньше, ни секундой позже? В другой раз Чик на уроке заметил, что у одной девочки прямо-таки кошачья мордочка. Чик, пораженный этим сходством, смотрел, смотрел, смотрел на нее, стараясь на расстоянии внушить ей, чтобы она мяукнула. И вдруг, нет, она не мяукнула, она сделала хуже, она ощерилась по-кошачьи! У Чика прямо мурашки пробежали по спине: так и блеснули кошачьи зубки!

И сейчас случилось то же самое! Потому что позже, когда Чик множество раз вспоминал рассказ этого человека, он убеждался, что баранье харчо совсем никакой роли не играет в том, что он говорил. Почему же он его вспомнил? Чик ему это внушил, подумав, что у рассказчика бараньи глаза.

— И вот, значит, — продолжал тот, — все они были в бурках, потому что под бурками прятали оружие. Желтоглазый

сам разработал эту операцию и сам в бурке находился на борту. Но тогда никто его не знал, не знал, кто кровник, кто революционер, кто абрек. Их было двадцать пять человек. И вот, значит, в час ночи, когда пароход проходил мимо Очемчири, они одновременно захватили вахтенного офицера и рулевого и заставили его остановить пароход, перекрыв все ходы и выходы. Желтоглазый сам вошел в каюту капитана и приставил маузер к его голове: «Почту!»

Бедный капитан что мог сделать? Капитан вместе с ним спустился в почтовую камеру, разбудил почтового чиновника и приказал ему отдать деньги и ценные бумаги. Всего двадцать тысяч. Пассажиров не грабили. Чего не было, того не было! Зачем выдумывать?

После этого желтоглазый что делает? Приказывает капитану спустить шлюпку, посадить в нее четырех матросов для гребли и двух помощников капитана как заложников. После этого он со своими товарищами спустился в шлюпку, оттолкнулся от трапами вдруг...

— Девочка упала в море! — неожиданно вставил знакомый Чики уса́тый рыбак.

Все разом взглянули на него. Теперь Чик вспомнил, что тот, слушая рассказчика, то и дело шевелил губами, может быть, про себя вспоминая эту историю. А теперь не выдержал и вставился, потому что рассказчик позабыл про девочку.

— Какая девочка? — растерялся рассказчик и посмотрел на рыбака своими выпуклыми глазами. — Я про это ничего не знаю.

— Уфуфовская девочка, — смачно произнес рыбак, довольный, что мог вставитья, — она упала в море, потому что высунулась из поручней, чтобы посмотреть в лодку. А мать в этот момент забыла про дочку, и она выпала. А он спрыгнул с лодки и спас девочку! А через пятнадцать лет — такое в мильон лет один раз бывает! — она стала его женой. Но тогда он не знал об этом! Тем более девочка — ей тогда было пять лет. Гиде ребенок, гиде абрек?

— Хо! Хо! Хо! Хо! — удивленно заохали слушатели и с удовольствием переместили свое внимание на рыбака, что ужасно не понравилось рассказчику.

— Какая девочка?! — крикнул он возмущенно. — Откуда ты взял?! Тифлиские, петербургские, наши местные газеты — все тогда писали об этом случае. Никто не вспомнил никакую девочку! Тем более она же была на пароходе, она же рассказала бы нам, если б девочка упала за борт?

— Кто она? — спросил один из слушателей.

— Она, — повторил рассказчик и многозначительно кивнул на распахнутые двери дома, куда то и дело входили и выходили соболезнующие. Все поняли, о ком идет речь, и с таким видом взглянули на дверь, как будто ожидали, что тетя Циала вот-вот появится в дверях и подтвердит слова рассказчика. Не дождавшись, снова перевели взгляд на него.

— Сейчас громко не будем говорить, — продолжал тот, снижая голос, — тем более князь во дворе... Учтите, князь — прекрасный бухгалтер! Лучшего бухгалтера в Абсоюзе нет. Учтите!

Он оглядел своих друзей, словно проверяя, учитывают они это или нет. Те закивали головами. Чик ужасно удивился, что князь может быть бухгалтером.

— Да, — продолжил рассказчик, — она любила капитана... Об этом все старые мухусчане знают... И вот, значит, шлюпка отходит от «Цесаревича Георгия», и вдруг...

— Девочка падает в море, — быстро вставился рыбак, — а желтоглазый сбрасывает бурку, ниряет пирямо на дно, достает девочку, и пароход делает овация, несмотря что ограбил почту!

— Хо! Хо! Хо! — снова заудивлялись слушатели, а рассказчик так и застыл с раскрытым ртом. Он думал, что окончательно победил рыбака, а тот, раздувая усы, снова выплыл с девочкой на руках.

— Слушай, — грозно обратился к нему рассказчик, — если ты будешь фантазировать, я уйду! То, что я говорю, — история! А то, что ты говоришь, — воздух-трест!

— У нас в Баю так рассказывали, — миролюбиво пожал плечами, проговорил рыбак, очень довольный, что сумел еще раз вставитьсья.

— У вас в Баю, — передразнил его рассказчик, — кушают плов и запивают нефтью. От этого у тебя такие фантазии. Я старый мухусчанин, я знаю все, как было на самом деле... Одним словом, только шлюпка отошла от «Цесаревича», и вдруг...

Рассказчик бросил свирепый взгляд на бывшего бакинца. Но тот, сложив руки на столе и изобразив на лице покорную прилежность, слушал его, как отличник.

— ...и вдруг сверху, с палубы, раздается выстрел...

— Я же всегда говорил, — неожиданно вставился красивый и чернявый гуляка, — среди абхазцев есть еще герои, как, например, Мишка Розенталь!

Все, кроме рассказчика и усатого рыбака, рассмеялись.

— При чем тут абхазцы? — рассказчик раздраженно посмотрел на него. — Ты же сам абхазец?

Гуляка, подмигнув компании, стал разливать в стаканы вино.

— Розенталь шапошник будет? — спросил усатый рыбак. Чик заметил, что большие усы придавали его словам глупый смысл.

Все подняли стаканы.

— Какой там шапошник! Такой же пьяница, как и он! — кивнул рассказчик на своего соседа и, уже ворча в стакан, выпил и успокоился. — Вообще неизвестно, кто стрелял, — продолжил он свой рассказ, — абхазец, грузин, русский. История этого не знает. История говорит, что он ни в кого не попал. Но желтоглазый рассерчал и хотел снова пришвартоваться, чтобы наказать стрелявшего. Но капитан сверху упросил его не делать этого, потому что он сам найдет и накажет стрелявшего. Желтоглазый махнул рукой, и шлюпка ушла к берегу...

И вот проходит полгода, я сижу в той же кофейне и кушаю жирный харчо из бараньих мошонок. Такое харчо сейчас наркому не подадут — нету! И вдруг ко мне подходит молодой полицейский Барамия.

«Из Одессы, — говорит, — пришла совершенно секретная инструкция от полковника Левдикова насчет ограбления парохода «Цесаревич Георгий».

«Садись, — говорю, — дорогой друг. Все, что хочешь, закажу — выпьем, покушаем, поговорим. Мы тоже люди, мы тоже носом воду не пьем, мы тоже хотим знать, что пишет полковник Левдиков!»

И он присаживается и говорит:

«Только никому ни слова! Голову с меня снимут!»

«Что ты, что ты! — говорю. — Неужели мы, местные ребята, будем друг друга продавать! Никогда!»

Я заказываю все, что надо, и мы потихоньку сидим, кушаем, пьем, разговариваем. И вот, дай Бог ему здоровья, полицейский Барамия все рассказывает мне, чем дышит департамент полиции, чем дышит лично полковник Левдиков. Оказывается, по сведениям полковника Левдикова, в ограблении парохода «Цесаревич Георгий» принимал участие некий молодой человек — маленького роста, рыжий, веснушчатый, веснушки даже на руках. И он просил все полицейские участки Закавказья искать его по этим приметам.

Когда рассказчик сказал о веснушчатости, Чик рассеянно вспомнил о веснушках девочки, сидевшей напротив, и посмотрел на нее. И она вдруг с какой-то испуганной быстротой спрятала от него руки. Видно, у нее тоже были веснушчатые руки. Глупышка, мимоходом подумал Чик, если б она знала, чьи веснушки сравнивает со своими жалкими веснушонками!

— Все понимаю, — сказал один из слушателей, — но что означает слово «некий», не понимаю.

Рассказчик кивнул головой в знак того, что это недоумение уже не раз возникало и он его всегда легко рассеивал.

— Некий, — сказал он, — по-русски означает странный.

— Хо! Хо! Хо! Хо! — удивленно заохали слушатели. Оттохав, один из них спросил:

— Неужели полковник Левдиков уже тогда знал, что он странный?

— Полковник Левдиков — это полковник Левдиков, — важно кивнул рассказчик, — учтите, когда он на фэртоне проезжал по Одессе, генерал-губернатор дрожал. А теперь слушайте, что дальше происходит! Через год наша мухусская полиция задерживает молодого человека, похожего по приметам. Начальник полиции, уже зная, что наша землячка во время ограбления парохода была на борту, вызывает ее и устраивает очную ставку.

— Кого ее? — спросил один из слушателей.

— Как кого? — удивился рассказчик и повернулся к распахнутым дверям дома.

Все повернулись к распахнутым дверям. И Чик повернулся к распахнутым дверям, хотя понимал, что это глупо. Оттуда сейчас вышли музыканты и стали приближаться к поминальным столам. Один из них вытряхнул слюну из мундштука неведомого Чику инструмента и снова ввинтил его. Чик вспомнил то чудесное, грустное, удивительное, что он испытал, когда у гроба заиграла музыка, и ему было неприят-

но осознавать, что музыкант вытряхнул именно слюну, но, увы, он точно знал, что это была слюна.

В это время два фаэтона, отцокав по мостовой, остановились возле дома. Из одного фаэтона вышла женщина с двумя детьми, а из другого вышел плотный мужчина средних лет в белом чесучовом кителе, в темных брюках галифе и маслянисто сверкающих сапогах.

Фаэтонщик осторожно снял с сиденья венки, обвитый лентой, и поднес женщине. Женщина, подправив на венке ленту, поставила его мальчику и девочке, подтолкнув их к обеим сторонам венка. Женщина стала сзади, мужчина присоединился к ней, дети приподняли венки, и маленькая процессия стала торжественно входить во двор.

— Арутюн приехал, — зашелестели многие сидящие за поминальными столами и обернули головы в сторону вошедших во двор.

Чик сразу узнал мальчика. Это был тот самый велосипедист, который недавно обыграл его в пух и прах. Маленькая процессия поравнялась с местом, где стоял одинокий князь. Мужчина что-то сказал своим, и они остановились. Мужчина крепко пожал руку князю. Потом дети приподняли венки, и семья медленно двинулась в сторону распахнутых дверей дома. Заметив музыкантов, сидящих за столом, мужчина небрежным движением руки дал им знать, чтобы они следовали за ним.

Музыканты суетливо повскакали и стали подбирать инструменты.

— Дайте перекусить, — сказал один из них, продолжая сидеть.

— Ты что, не видел, кто зовет? — обернулся к нему дру-гой. — Давай, давай!

Музыканты быстро собрались и вошли в дом. Вскоре от-туда стали доноситься приглушенные звуки музыки.

— Повезло ребятам, — восторженно кивнул рассказчик в сторону музыки.

— Чем? — спросил рыбак.

— Дай Бог мне столько здоровья, сколько он им отвалит, — пояснил рассказчик и добавил: — Он десять лет работает при-емщиком скота на бойне и за это время ни разу не взял зар-платы. Расписывается и — бухгалтерам на чай! Учтите, в на-ше время скот золотом хезает — только подбирай!

— Хо! Хо! Хо! Хо!

— И вот, значит, — продолжал рассказчик, — начальник по-лиции вызывает ее для опознания. Так у них это называется. Она мне потом все рассказала. Мы же с ней выросли на Пер-вой Подгорной. С детства были как брат и сестра. «Как толь-ко я вошла в кабинет, — говорит она мне потом, — я его сразу узнала». — «А он?» — говорю. «А он, — отвечает она, — я ду-маю, еще за дверью меня узнал. Ты бы только видел взгляд его желтых глаз!» — «Какой взгляд?» — говорю. «Ну, как тебе ска-зать, — говорит и немного так задумалась. — Начальник поли-ции у меня спрашивает, как тот вошел в каюту капитана, как они вышли вскрывать почту, как садились в шлюпку, как раз-дался выстрел. Все спрашивает. Около часу расспрашивал. А этот стоит возле стола начальника и, не поворачивая голо-

вы, — то на меня, то на него. И ни разу не шевельнул головой!» — «Неужели ни разу?» — спрашиваю. «В том-то и дело, что ни разу! — говорит. — Знаешь, — говорит, — как смотрит овчарка, когда двое разговаривают в комнате?» — «Как смотрит, — удивляюсь я, — что я, овчарку не видел?» — «А вот так смотрит, — говорит. — Овчарка лежит, положив голову на лапы, и, если в это время двое разговаривают в комнате, она своими желтыми глазами то на голос одного, то на голос другого, а голова как лежала на лапах, так и лежит. Вот так и этот целый час то на меня, то на начальника своими желтыми глазами, а головой ни разу не шевельнул». «А-а-а, — говорю, — теперь дошло. Вот почему ты не призналась!» — «Еще бы, — говорит, — я его не признала, и полиция его отпустила». — «А чего же они не дождались капитана?» — говорю. Когда она мне это рассказывала, с капитаном у нее уже все было кончено. И вот она тяжело так вздохнула и говорит: «Не знаю... Может, начальник полиции его еще больше испугался... Он ведь и на него смотрел, не поворачивая головы».

Вот как это было! Но дальше слушайте, дальше! Через полгода капитан узнал, что начальник полиции вызывал ее по этому делу. Он сам пошел в участок и убедился, что задержанный и отпущенный был тот самый человек. Наверное, фотокарточку показали. Но он в полиции ничего не сказал, а с ней порвал!

Он же все-таки был мужчина. А желтоглазый его унизил. Я забыл сказать, что, когда он с маузером вошел в каюту, он сперва отнял у капитана пистолет. При любимой женщине отбирает оружие! Настоящий мужчина такое не забывает!

И теперь, конечно, она, сделав вид, что не узнала его, фактически предала капитана. Так получается, если со стороны капитана посмотреть. И он с ней порвал!

В следующий заход «Цесаревича Георгия» капитан не вышел на берег, а вахтенный матрос не пустил ее на борт. Бедная, бедная, чуть с ума не сошла! Когда пароход отошел, она бросилась в море, и боцман пристани вытащил ее еле живую! Откачали!

Тут рассказчик взглянул на рыбака и, что-то вспомнив, сказал:

— Ах, вот откуда ты взял, что девочка упала в море! У вас все перепутали. Ограбление парохода, женщина в море, странный абрек!

— Килянусь детьми, как слышал, так и рассказал! — ответил рыбак и положил обе руки на сердце.

Компания выпила еще по стакану вина и закусила. Человек в белом чесучовом кителе вышел из дому вместе с женой и детьми. Распорядитель подскочил к нему и, широким жестом указывая на столы, пригласил садиться. Тот кивнул ему, а потом, повернувшись к фаэтонам, что-то сказал распорядителю. Распорядитель ринулся через двор, издали рукой показывая фаэтонщикам, чтобы они сейчас же шли к столам. Те мгновенно его поняли и вошли во двор.

Человек в белом чесучовом кителе и маслянисто сверкающих сапогах благодушно и важно приближался к столам. Отвечая на приветствия, он кивал во все стороны. Он выбрал пустое пространство возле Чика. Расселись. Рядом с Чиком хлопнулся сын, дальше скрипнул стулом глава семьи, дальше

его жена и дочка. В Чике шевельнулось и ожило его старое любопытство к богатым.

— Арутюн-джан, хорошо выглядываешь! — крикнул какой-то человек и восторженными глазами посмотрел на белый китель.

— Тьфу, тьфу, не сглазить, — ответил тот и, приподняв скатерть, постучал по деревяшке стола, — еще один пятнадцать лет вот так хочу. Больше не надо!

Растопырив руки, он погладил себя ладонями по широкой груди и посмотрел во все стороны, давая всем оглядеть свою ладную, плотную фигуру, которую он хочет сохранить в таком виде ровно пятнадцать лет.

— Еще пятьдесят лет, Арутюн-джан! — щедро выбросив вперед руку, предложил ему тот как бы в благодарность за внимание к его словам.

— Не, не, не... Еще один пятнадцать лет! — повторил свои условия белый китель и, похлопывая себя по широкой груди, дал всем оглядеть свою ладность. — Больше не хочу!

После этого он плеснул себе в тарелку лобио, налил вина и выпил за упокой души умершей.

— Бедный князь, — вздохнула его жена, оглядываясь на князя, — как он ее любил! Говорят, он ее перед смертью носил на руках по этому двору. Она прощалась с жизнью... Ты минэ никогда не носил на руках!

— Ты начни умирать, — спокойно предложил человек в белом кителе, окуная лаваш в лобио и отправляя его в рот, — я тебя от Мухуса до Еревана на руках пронесу!

«Ты посмотри, — подумал Чик, — оказывается, богатые мясники иногда бывают остроумными». Чик всегда проверял острооты, которые слышал или вычитывал из книг. Как сливки в молоке, так и смешное в человеческом языке самое вкусное. Так считал Чик.

Он оглянулся на маленького, одинокого князя, жалея его и радуясь его силе. Он представил, как маленький князь носит на руках статную тетю Циалу, иногда пригибаясь, чтобы дать ей понюхать цветы. «Наверное, у него железные мускулы, — подумал Чик, — только не видно под одеждой».

Девочка, сидевшая напротив него, сейчас усталилась на нового мальчика. Тот, еще садясь за стол, окинув глазами Чика, явно вспомнил, что недавно обыграл Чика, но его равнодушные глаза ничего не выразили, кроме скуки. Чик считал, что в таких случаях тот, кому повезло, должен хотя бы взглядом выразить некоторое сочувствие. Мол, игра есть игра, мол, сегодня я у тебя выиграл, а завтра, может, ты у меня выиграешь. Нет, смотрит, как будто ничего не случилось!

А девочка все сияла подсолнухом своего лица и ерзала, пытаясь обратить на себя внимание этого мальчика. Конечно, Чик сам ее первый забросил, до того ему было интересно узнать историю «Цесаревича Георгия». Но теперь ему стало немного грустно. Ну, отвернулся от нее во время рассказа, ну и что? Лопай себе соленые помидоры, пей лимонад! Кто тебе мешает? Глупая! Из всего рассказа только

и поняла, что веснушки на руках! Но чьи, чьи веснушки, если б ты знала!

Чик всегда считал, что жизнь прекрасна, но с верными людьми и раньше бывало туговато. Сейчас эта девочка те же самые гримаски, которые дарила Чику, стала направлять на этого мальчика. А он попивал лимонад, даже не глядя на нее.

— Вы и обратно на фэзтонах поедете? — наконец спросила она.

— Ага, — буркнул мальчик.

— На обоих?

— Ага, — буркнул мальчик.

Ужимочки, ужимочки, ужимочки. И так, словно Чика здесь нет. Чик поразился такому прямо-таки мошенническому использованию ужимочек. Ну ладно, тебе теперь интересно приманивать другого мальчика. Так давай для другого мальчика выдумывай другие ужимочки! Нет, на глазах у Чика нахально пускает в ход те же самые!

— А я знаю тебя, — сказала девочка.

— Откуда? — холодно спросил мальчик.

— Ты лучший велосипедист третьей школы, — улыбнулась девочка, — разве нет?

— Не только третьей, — немного смягчившись, ответил он и повернулся к Чику: — Сыгранем?

— А разве можно здесь играть? — удивился Чик.

— Да не здесь, балда, а на улице, — проговорил мальчик вполголоса и, оглядывая Чика холодными, бесстраш-

ными к проигрышу глазами, добавил: — Сразу кинем по рубчику?

Чик отрицательно покачал головой. Ему неохота было играть, да и рубля у него не было. И вдруг он услышал над собой голос тетушки:

— Чик, ты здесь? Нам пора! Твой дядя придет обедать, а нас нет! Нельзя, нехорошо огорчать дядю! Пойдем, Чик, пойдем!

Чик и не собирался оставаться. По голосу тетушки Чик понял, что смерть подруги освежила в ней любовь к своему мужу. По разным причинам такое случалось и раньше. Теперь она несколько дней будет ласково жужжать, жужжать, жужжать вокруг него, а потом соскучится и ужужжит в сторону новых развлечений.

Чик встал и кинул беглый взгляд на девочку. Подсолнух замер, словно не понимая, где тут солнце, а где луна. Чик пошел.

— Разве это Чик? — услышал он сзади ее голос.

— Ну, Чик, ну и что? — сказал мальчик. — Я его недавно, как фрайера, обчесал!

Больше Чик ничего не слышал. Они с тетушкой вышли на улицу.

— Бедная Циала, — вздохнула тетушка и добавила знакомым Чику по раздольным чаепитиям голосом: — Ох и заплакалась я вдосталь!

Каблучки ее бодро застучали по тротуару. Чик задумался.

ЧИК И ЛУНАТИК

Красная звезда стояла в небе. Иногда, словно пробуя привязь, она вздергивалась и стремительно прорезала синеву, но через мгновение вдруг замирала и победно парила на месте. Вытянутый красный хвост подрагивал и посверкивал на солнце.

Этого змея, сделанного в виде красной звезды, запустили в небо два десятиклассника — старший сын доктора Ледина и старший брат Анести. Сейчас они, стоя рядом, гордо, как на плакате, смотрели в небо. Сын доктора держал в руке катушку. Рядом толпились Чик и его ровесники.

Змей, сделанный из красной материи в виде красной звезды, казался Чику чудом техники. Чик умел делать змея, но только из газетной бумаги и в виде четырехугольника. А тут красная звезда парит в небе!

— Пошлем «телеграмму», — важно сказал брат Анести и вытащил из кармана блокнот. Он вырвал из него один листик, надорвав со всех сторон, округлил, сделал внутри дырочку и нанизал бумажку на нить, уходящую в небо.

Бумажка трепыхнулась и пошла вверх, мгновениями раздумчиво останавливаясь, словно набирая силы, и снова скользя в небо. И это было удивительно. Какая сила подымает листик? Почему, если просто так подбросить такой же листик, он поколыхается, поколыхается и упадет на землю? А этот идет вверх и вверх. Почему? Чик не мог понять.

Он слышал, что существуют восходящие и нисходящие потоки воздуха, и готов был согласиться, что листик подымает восходящие потоки. Но почему, почему листик всегда падает на восходящие потоки и никогда на нисходящие? «Телеграмма» ни разу не возвращалась.

— Чик, — окликнул его в это время Бочо, — подойди ко мне.

Бочо пришел со своей улицы и теперь стоял в тенечке напротив компании, запускающей змея. Чик не хотелось отрываться от «телеграммы». Он взглянул на Бочо и сказал:

— Подойди ты!

Чик снова поднял голову. Уже мерцающий клочок белой бумаги шел и шел в сторону звезды.

— Подойди, Чик, дело есть! — снова крикнул Бочо.

Чик взглянул на него, удивляясь его упорству. Бочо сделал руками таинственные знаки, показывая, что владеет тайной, которой нельзя поделиться при свидетелях. Чик, переходя на его язык, показал руками, что ему очень интересно досмотреть, как «телеграмма» дойдет до змея.

Бочо, презрительно махнув рукой, сделал вид, что сплюнул, и даже растер ногой невидимый плевок, показывая, что и запущенный змей, и «телеграмма» — все это полная ерунда по сравнению с тайной, которой он хочет поделиться.

Чик еще раз взглянул на небо и подошел к Бочо.

— Ну что? — спросил Чик.

— Ну что, ну что! — засопел Бочо. — Пойдем сядем на крыльцо, и я там все расскажу.

Он кивнул на толпящихся ребят, давая знать, что новость, о которой он собирается рассказать, не терпит случайных ушей. Чик понял, что дело нешуточное. Они молча отошли к парадному крыльцу Богатого Портного и сели на прохладные ступеньки.

— Чик, — взволнованно засипел Бочо, — мы вчера с одним пацаном с нашей улицы ходили ночью вырезать бамбуковые удилица.

— Где? — спросил Чик.

— Ты не знаешь, — сказал Бочо, — на Беследке. Туда только на лодке можно подойти. Со стороны улицы собака привязана.

— Ну и что?

— Послушай дальше, потом будешь нукать. И вот мы подошли к берегу, возле которого заросли бамбука. Привязали лодку — и в заросли. А дальше там дом стоит. Вроде вашего, двухэтажный. И вот мы выбрали себе два бамбука и вырезаем. Вдруг из дому какая-то музыка раздается. Но я даже не слушал. Подумаешь, музыка! А этот пацан с нашей улицы стал бить меня в бок, как малахольный. «Ты что, — говорю, — очумел?» — «Тише, — говорит, — сейчас лунатик и появится». — «Где?» — говорю. «На крыше!» — говорит и снова толкает меня в бок. И, Чик! Я чуть не умер! Он появился, Чик!

— И что? — спросил Чик, чувствуя, что у него волосы на затылке заинтересованно ожили.

Ребята, следившие за змеем, радостно завопили. Чик понял, что «телеграмма» дошла. Но сейчас ему было неохота смотреть ни на змея, ни на «телеграмму».

— Он появился на крыше весь в белом, Чик!

— В белом ходили привидения, и то до революции, — поправил его Чик, — разве лунатики ходят в белом? Может, он был в нижней рубашке и в кальсонах?

— Нет, Чик! Весь в белом, как курортник на бульваре!

— Ну а дальше что?

— Он прошел по краю крыши, а потом пропал.

— Как пропал? — спросил Чик, недовольный, что лунатик так быстро исчез.

— Он зашел за дерево. Там внизу растет дерево, и ветки в том месте нависают над крышей. Он слез с крыши на балкон второго этажа.

— По ветке, что ли?

— Не знаю, Чик. Но он слез с крыши и через балкон зашел в дом. Его из дому эта музыка приманила.

— Как так музыка приманила?

— Точно, Чик, приманила! Он идет по крыше, а она его приманивает. Он идет, а она его приманивает. Он так и идет на музыку.

— А потом что?

— А потом, когда он уже вошел в дом, приманивать его было незачем. И музыка кончилась. Приманила! Этот пацан, с которым я ходил срезать удилища, говорит, что за лето он уже три раза видел, как лунатики гуляют по этой крыше...

— В одном доме столько лунатиков! — удивился Чик. — Они что, стараются в одном доме жить?

— Если б из одного дома, Чик, — горестно вздохнул Бочо, — я бы даже не стал рассказывать тебе об этом. В том-то и дело, что они совсем не из этого дома, Чик!

— Откуда же они? — удивился Чик.

Он до сих пор считал, что лунатики гуляют по крыше собственного дома. Оказывается, у них есть любимые крыши, где они встречаются и молча прогуливаются.

— В том-то и дело, что там рядом военный санаторий, Чик! Чуешь? Военный!

Чик почуял, и у него мурашки пошли по спине. Приблизилось коварство врага, но Чик еще не знал, почему им выгодны лунатики.

— А разве военные бывают лунатиками? — спросил он.

— Еще как бывают, Чик, еще как! Это шпионская квартира. Они лунатской музыкой приманивают военного из санатория. И он по крыше к ним сходит. А они у него выпытывают тайны и отпускают: теперь иди! Лунатик как загипнотизированный. Он говорит все, о чем спрашивает шпион.

— А разве бывает лунатская музыка? — спросил Чик, потрясенный и все-таки стараясь изо всех сил держаться здравого смысла.

— Есть, Чик! Какой-то немец составил. Пацан, с которым я срезал удилице, в музыкальную школу ходит. Он все про музыку знает. Они все время играют одну и ту же музыку. Лунатскую. Приманят военного лунатика, узнают у него военную тайну и отпускают: теперь иди!

— А почему они свет гасят? — спросил Чик, стараясь изо всех сил держаться здравого смысла.

— Я и это разгадал, Чик! Я все время о них думал. Они гасят свет и начинают допрашивать лунатика. На всякий случай. Лунатики иногда неожиданно просыпаются. И если они будут допрашивать его при свете, он проснется и может их запомнить в лицо. А потом где-нибудь на базаре или на улице встретит и разоблачит. А так проснулся в чужой квартире, кругом темно. «Где я?» — говорит лунатик. «Вы в чужую квартиру залезли. Уходите, а то милицию позовем!» Лунатику стыдно. Он же знает, что сам не свой. Он к балкону. А они ему: «Куда? Вон дверь!» И он выходит. Вот как они действуют, Чик! Пойдем заявим на погранзаставу!

— Я сначала должен все увидеть своими глазами, — сказал Чик.

— Так пошли, Чик! Сегодня тоже будет лунная ночь, если тучи не напоздут.

— Нет, не напоздут, — сказал Чик, взглянув на небо.

— Пойдем, — сказал Бочо, — только надо достать бутылку вина.

— Для чего? — удивился Чик.

— Сторожу-лодочнику надо дать, — сказал Бочо, — думаешь, он бесплатно отпускает на лодке?

Чик вспомнил, что наверху у тетушки в зале рядом с письменным столом на тумбочке стоит бочонок с вином. Когда приходят гости, кто-нибудь из домашних вытягивает шлангом из бочонка в графин вино и угощает гостей.

— Бутылку вина я достану, — сказал Чик.

— Вот и хорошо! — обрадовался Бочо. — Ты можешь в десять часов вечера тихо выйти из дому, чтобы родители не знали?

— Да, — кивнул Чик, — ровно в десять часов жди меня под этим балконом.

Чик кивнул на тетушкин балкон. Он решил заночевать у тетушки. От тетушки улизнуть будет легче, чем из дому от мамы, Чик это точно знал.

— Я тебе свистну, — сказал Бочо, — только никому ни слова. Вспугнуть могут.

— Могила, — сказал Чик и встал, — значит, до вечера?

— До вечера, — согласился Бочо и пытливо взглянул в глаза Чика, — а ты не мандражишь, Чик? Что мы будем делать, если лунатик опять спустится к шпионам?

— Там видно будет, — сказал Чик, — приходи под наш балкон.

— Хорошо, — сказал Бочо и пошел к себе домой.

Чик посмотрел на ребят, глазающих на небо, и удивился, что можно заниматься такими пустяками, когда шпионы чуть ли не каждую ночь потрошат наших военных лунатиков.

Надо заняться вином. Чик вошел во двор и поднялся на второй этаж. Сумасшедший дядюшка Чика стоял на верхней лестничной площадке и, не сводя глаз с кухонной пристройки, где возилась его любимая тетя Фаина, распевал свои песенки. Бабушка сидела рядом на скамеечке и перебирала четки. Чик зашел на веранду. Тетушка ее сейчас подметала.

Он прошел в столовую, оттуда в залу, где возле письменного стола на тумбочке громоздился пузатый бочонок с вином. Легкий резиновый шланг был накинут на бочонок.

Надо было действовать быстро и решительно. Тетушка еще минут пятнадцать будет подметать веранду. За бабушку и дядю Колю можно было не беспокоиться. Бабушка подолгу любит сидеть на солнце, перебирая четки, а дядя, если уж тетя Фаина у себя на кухне, так и будет петь и поглядывать туда.

Чик вошел в столовую и вынул из буфета пустую бутылку. Нашарил в ящике с вилками и ложками пробку. Вставил в бутылку. Подошла. Чик снова перешел в залу и подошел к бочонку. Рядом с бочонком стоял стул. Чик открыл бутылку и поставил ее на стул. Потом открыл втулку бочонка и сунул туда конец шланга. Другой конец взял в рот. Чик тысячи раз видел, как это делают взрослые, но сам никогда не вытягивал вино из бочонка.

Он никогда не мог понять, какая сила заставляет вино подниматься вверх по шлангу. Он понимал, почему со вздохом подымается первая струя вина. Это как восходящий поток. Но почему потом, нарушая закон о сообщающихся сосудах, вино продолжает идти вверх по шлангу, он не понимал. Это тоже было маленьким чудом.

Чик был равнодушен к вину, но делал вид, что презирает его, потому что взрослым это нравилось. Взрослые слегка гордились надежным презрением Чика к вину. Старший брат Чика уже несколько раз тайно пробовал вино, и ему за это попадало. Тем более домашние гордились стойким презрением Чика к вину.

Чик втянул несколько раз воздух из шланга и вдруг почувствовал, что рот наполнился прохладным вином. Он быстро сглотнул его и вставил кончик шланга в бутылку. Вино мягко полилось. Чик прислушался к действию проглоченного вина. Никакого действия не было. Вино было, пожалуй, повкуснее воды, но похуже лимонада.

Вдруг вино перестало литься в бутылку. То ли Чик не так шевельнул шлангом, то ли с запозданием задействовал закон сообщающихся сосудов. Чик снова взял в рот кончик шланга и изо всех сил втянул воздух. Снова рот его наполнился прохладой вина, он пару раз глотнул его и сунул конец шланга в бутылку. Вино снова полилось мягкой, бесшумной струей и наполнило бутылку.

Чик осторожно приподнял шланг и вытянул его из бочонка. Конец шланга, побывавший в бочонке, был красным, как гусиная лапа. Все время прислушиваясь к веранде, он тщательно вытер о штаны этот конец, накиннул шланг на бочонок, заткнул его втулкой, а бутылку пробкой.

После этого он взял бутылку, подошел к кровати дяди Ризы и сунул ее под матрац. Дядя Риза был в командировке, и Чик собирался сделать вид, что будет спать на его кровати. От мамы сбежать было трудней. Только Чик сунул бутылку под матрац, как в столовой скрипнула дверь и тетюшка загремела у буфета посудой.

— Чик, почаевничаем? — спросила она, не видя Чика, но зная, что он здесь.

Тетюшка много раз в день чаевничала и кофейничала.

— Хорошо, — сказал Чик, и ему вдруг стало ужасно весело, — сначала почаевичаем, а потом повиневичаем.

Он сам не знал, почему он так сказал. Просто ему стало ужасно весело оттого, что он так все ловко проделал.

— Я не поняла, что ты там сказал, Чик? — спросила тетушка.

Чик стало ужасно весело оттого, что он так ловко набрал вино в бутылку и так вовремя успел ее спрятать. Он подошел к бочонку с вином, несколько раз поощрительно похлопал его ладонью, а потом шлепнулся рядом на стул и запел бодрую песню:

*Утро красит нежным цветом
Стены древнего Кремля.*

Чик всюду распелся, не хуже своего дядюшки. Ему было весело оттого, что все так хорошо получилось.

Тетушка, удивленная его пением, вошла в залу. Она еще больше удивилась, увидев его поющим рядом с бочонком.

— Чик, почему ты уселся здесь и поешь? — спросила тетушка, заподозрив, что близость бочонка как-то поощрила его петь.

Чик стало еще веселей. Он продолжал петь. Тетушка подошла и, наклонившись к бочонку, приподняла шланг. Внимательно рассмотрела его. Нет, шланг сухой.

Чик распелся всюду. Тетушка склонилась над бочонком и стала внюхиваться во втулку, думая, что утечка винных па-

ров могла подействовать на Чика. Нет, вроде утечки тоже не происходит.

— Не морочь голову, Чик, — сказала тетушка, словно стряхивая неприятность минутного недоумения, — пошли пить чай!

Быстрой, легкой походкой, словно продолжая стряхивать минутное недоумение, она ушла на веранду. Чик допел и пошел пить чай. За чаем он вдруг с удивлением подумал: что это на него нашло? Как это он, забыв об осторожности, запел возле бочонка? Надо же дойти до такой глупости!

Вечером он сказал маме, что останется ночевать у тетушки. После чая все уселись играть в лото. Чик не стал играть. Часов с девяти он стал клевать носом, но взрослые, увлеченные игрой, заметили это только через полчаса. Тетушка, не отрываясь от игры, предложила ему лечь на кровать дяди Ризы. Чик как бы неохотно встал и пошел. Обычно он старался ложиться вместе со взрослыми.

— Чик такой, — сказала тетушка ему вслед, — или целыми днями читает, или убегается до смерти.

Чик прошел в залу, где уже спала бабушка на своей высокой кровати, а дядя Коля, лежа, всюю распевал свои песенки. Чик снял сандалии и, не раздеваясь, лег на кровать.

— Тюри! Тюрих! Тюри! Тюри! Тюм-пам-пам!

Вовсю распелся дядюшка, изредка прерывая свое пение и поглядывая на Чика, чтобы вовремя перехватить его попытку подбросить ему кошку, стащить брюки или еще что-нибудь в этом роде.

Чик сейчас сожалел, что иногда дразнил дядю. Теперь тот не будет выпускать его из виду. Это затрудняло выход на балкон, откуда Чик собирался спуститься к Бочо. Сначала спустить бутылку, для этой цели он запасся шпагатом, а потом спуститься самому. Если прямо пройти на балкон, то дядя рано или поздно подымет тревогу. Умственных сил его хватало на то, чтобы сообразить: вышедший на балкон должен вернуться с балкона.

Можно было туда проползти. Но если бы дядя заметил ползущего Чика, он обязательно поднял бы шум, думая, что Чик что-то затеял против него. Чтобы усыпить его бдительность, Чик не отвечал на его взгляды, когда тот, прервав пение, оглядывался, стараясь разглядеть его в полутьме. Чик не шевелился и делал вид, что заснул.

Наконец раздался осторожный свист Бочо. Чик тихо встал с кровати, сложил одеяло такими складками, чтобы казалось, что под ним находится человек, сел на пол, надел сандалии, застегнул пряжки, вытащил бутылку из-под матраца и пополз к балкону.

Пока он полз, дядюшка дважды прерывал пение и вглядывался в кровать, где должен был лежать Чик. Чик в это время замирал на полу. Дядюшка принимался петь, и Чик полз дальше, стараясь не стучать бутылкой.

Он выполз на открытый балкон, завернул так, чтобы его из зала не было видно, и выпрямился. Бочо стоял под балконом и ждал его. Чик вынул из кармана шпагат и привязал его к горлышку бутылки. Подставив под бутылку ладонь, другой

рукой потряхнул ее — узел крепко держал бутылку. Оглядел улицу, убедился, что она пустая, и спустил бутылку на руки Бочо. Бочо поймал бутылку, и Чик бросил шпагат.

Чик перелез через перила балкона и вышел на карниз. Это было очень трудное место. Надо было пробираться, цепляясь за карниз и сильно нагнув голову, чтобы из окна ее не было видно. Если бы дядюшка увидел в окне какую-то голову, он поднял бы шум, думая, что это вор.

Умственных сил его хватало на то, чтобы понять — в мире есть воры. Вернее, его научили бояться воров, сам бы он не догадался. Пройдя окно, Чик выпрямился и спустился на козырек парадного входа, а оттуда легко сошел на землю.

Они быстро пошли по пыльной немощеной улице. Бочо спрятал бутылку за пазухой и снаружи придерживал ее одной рукой, как будто у него под рубашкой голубь.

Над городом стояла огромная луна. Слева от луны застенчиво мерцала одинокая звезда. Из окон, с балкона, а нередко и с крыш домов доносились то арии классических опер, то джазовая музыка. В Мухусе входили в моду приемники, и владельцы их, кто от широты души, а кто желая похвастаться, старались так установить свои приемники, чтобы как можно больше людей слушали музыку. Два-три раза, пока они шли через город, из приемников вдруг вырывался голос Гитлера, грозно проклинающий и Чика, и Бочо, и все человечество. Так казалось.

— Стой! Стой! Опять! — шептал Чик, слышав голос Гитлера.

Чик знал, что подлый голос Гитлера как бы запрещено слушать, и в то же время знал, что считается как бы молодежством послушать этот голос две-три секунды. Включить и выключить — нырнуть и вынырнуть из темного омота. То же интересно.

— Чик, когда же будет война с Гитлером? — спросил Бочо. По голосу его видно было, что он теряет терпение.

— Будет, будет, — успокоил его Чик.

Взрослые говорили, что войны может и не быть. Но Чик, как и большинство ребят, был уверен, что война должна быть и будет. Было как-то обидно и неприятно, что Гитлер живет и живет на свете. А как ты его уничтожишь без войны? На революцию в Германии Чик уже не надеялся. Даже взрослые перестали о ней говорить.

Они вышли к морю, и теперь луна стояла над морем. Было тихо. На Собачьем пляже вода еле-еле плескалась о берег. У пристани стоял теплоход «Абхазия» весь в электричестве, как праздник. Они дошли до устья Беследки, открыли калитку и вошли на территорию лодочного причала.

Вода реки была мутно-желтая. Видно, в горах прошел ливень. Обычно она была спокойная, но сейчас казалась грозной и опасной. Они пошли вдоль реки и дошли до мостков лодочного причала. Привязанные цепями и веревками, лодки стояли у причалов. В лунном свете они казались странно пустыми.

— Это ты, Бочо? — вдруг раздался хриплый голос. Чик обернулся. В глубине причала темнел навес, где громоздились перевернутые лодки.

— Да, дядя Юра, — сказал Бочо.

Пожилой небритый человек в тельняшке заковылял из-под навеса, издали свирепо всматриваясь в Чика. Чик заволновался. Ему хотелось, чтобы Бочо поскорее вытащил бутылку, но Бочо ее не вытаскивал. Скрипнув деревяшкой протеза, человек ступил на мостки причала и приближался, свирепо всматриваясь в Чика.

— А это кто? — кивнул он на Чика,

— Это Чик, мой товарищ, — сказал Бочо и наконец вытащил бутылку из-за пазухи. — Он достал.

Сторож взял протянутую бутылку, небрежно выдернул пробку и хищно запрокинул ее над головой. Отсосав несколько глотков, он со шлепнувшим звуком оторвал бутылку ото рта.

— Вот это, я понимаю, вино! — сказал он и потеплевшими глазами взглянул на Чика. — Гудаутское?

— Да, — кивнул Чик со скромной гордостью, Бочо тоже явно взбодрился и, подойдя к краю причала, спрыгнул в одну из лодок.

— Оставь «Диану», — прохрипел сторож.

— Почему? — обернулся Бочо. — Мы же на ней вчера ходили?

— Перелезай на «Оленя», — кивнул сторож, — у него ход легче.

Чик почувствовал, что это прибавка за хорошее вино. Сторож укобылял с бутылкой в темноту навеса и вышел оттуда с веслами. Бочо перелез на «Оленя». Скрипнув протезом, сторож наклонился над краем причала и передал весла Бочо.

Тот быстро и умело вдел их в уключины. Сторож ухватился за веревку и притянул лодку.

— Прыгай! — сказал он Чикю.

Чик спрыгнул на переднюю банку и хотел пройти на корму, но сторож его остановил.

— Сиди там, — прохрипел он, — будешь следить, чтобы не напороться на корягу или бревно. Если попадетя хорошая доска, тащите в лодку.

Он отмотал веревку от крюка, вбитого в причал, и кинул ее в лодку. Потом, присев на корточки и ловко вытянув ногу с протезом, оттолкнул лодку от причала. Она прошла между другими лодками и стала разворачиваться по течению. Бочо повернул ее носом против течения и стал грести. Сторож, не глядя на них, ушел в темноту.

Они плыли по мутно-желтой реке, озаренной луной. Было тихо. Иногда перелаивались собаки с одного берега на другой. Чик следил за поверхностью воды, чтобы не прозевать какую-нибудь корягу. Бочо старался не выходить на середину реки, потому что там течение было быстрее и грести против него было трудней.

Они прошли под ивами, свисающими над рекой тихим, голубеющим в лунном свете водопадом. Ветки шелестели и нежно, как руки сестры, щекотали затылок Чика. Чикю хотелось, чтобы ивы никогда не кончались. Но они кончились, и лодка подошла к Красному мосту. Они прошли под мостом, и гул машин, пробегающих сверху, колотил по голове. Вскоре впереди показалась полянка, где вокруг кост-

ра в просвечивающихся лохмотьях стояли и сидели беспризорные мальчишки. Один из них только что раздобыл гуся на противоположном берегу и сейчас голый, вместе с гусаком, под радостные вопли друзей бросился в воду. Гусак встрепенулся в воде и, брызгая крыльями, пытался улететь. Но мальчик, крепко держа его за одну ногу, плыл к своим. Гусак, громко хлопая крыльями, рвался от него. Казалось, не мальчик плывет с гусаком, а гусак тащит мальчика через реку.

Проплывая мимо компании беспризорных, Бочо на всякий случай выгреб на середину реки. Но беспризорные окружили мальчика с гусаком, когда тот вышел на берег, и не обратили внимания на лодку. Вернее, один из них угрозил им вслед кулаком, но они уже были на безопасном расстоянии.

Бочо продолжал грести без передышки. Чик всматривался в мутно-желтую поверхность реки. Несколько раз видел проплывающие коряги, но они проплывали в стороне. Вдруг Чик увидел на реке большой черный предмет. Покачиваясь на воде, он приближался.

— Бочо! Бочо! Что-то плывет! — крикнул он. Бочо обернулся. Черный предмет приближался и принимал очертания маленького домика с плетеными стенами.

— Собачья будка, что ли? — проговорил Бочо.

Он смотрел, обернувшись и в то же время медленно и осторожно подгребая веслами, чтобы не столкнуться с этим странным предметом.

— Курятник! — первым догадался Чик.

Такие плетенки-курятники с крышей, покрытой дранью или папоротниковой соломой, он часто встречал в Чегеме. Курятник медленно проплыл мимо лодки. Мелькнули в дырочках плетенки тени кур. Когда курятник заплыл за лодку, они увидели в открытой дверце белого петуха. Он удрученно посматривал вокруг.

— Чик, — вдруг заорал Бочо, — погнались за курятником! Завтра на базаре загоним! Сколько денег будет, Чик! Он уже хотел развернуть лодку. Чика всегда поражали такие переходы.

— Ты что! — крикнул ему Чик и добавил язвительно-отрезвляющим голосом: — Будем кур ловить или шпионов?!

— Но, Чик, — пробормотал Бочо, однако, вздохнув, на лег на весла, — беспризорные перехватят.

— Может, не перехватят, — сказал Чик, — они сейчас гуся будут жарить.

Бочо замолчал и стал усердно грести.

— Здесь, — наконец сказал он и повернул лодку к берегу. Лодка закричала килем о песчаное дно и остановилась. Чик спрыгнул на берег. Следом Бочо. Взявшись за веревку, они немного вытянули лодку и привязали к бамбуковому пню.

Бочо и Чик вошли в бамбуковую рожицу. Они прошли метров десять между многолетними стволами пожелтевших бамбуков и вышли к мелким зарослям молодняка.

Бочо кивнул на дом, стоявший метрах в сорока от них. Это был белый двухэтажный дом с оцинкованной и сейчас голубеющей под лунной крышей. В нескольких окнах горел свет. Бочо показал рукой на левый край дома. Там стояла большая шелковица. Сквозь ее крону смутно виднелся балкон и распахнутое окно. Горел свет.

— Там, — кивнул Бочо.

Они стояли под бамбуковыми кустами и ждали. Грустно пели цикады. Чик почувствовал, что начинает все больше и больше волноваться.

— Чик, если сегодня опять придет лунатик, что мы будем делать? — шепотом спросил Бочо.

— Пойдем на погранзаставу, — ответил Чик, — и там все расскажем.

Было тихо-тихо. Одиноко пели цикады. Чик почувствовал, что все больше и больше волнуется. Стараясь не выдавать своего волнения, он внимательно обшарил глазами кусты бамбукового молодняка. Оглянулся на рожицу. Если там в доме, подумалось Чик, занимаются шпионскими делами, они могут выставлять одного человека, чтобы проверять, следят за ними или нет.

— Чик, — шепнул Бочо, словно угадав его мысли, — а вдруг кто-нибудь из них сейчас следит за нами?

— Нет, — сказал Чик уверенным голосом, — этого не может быть.

Он так сказал, чтобы успокоить Бочо. Чик не любил паники. Было тихо-тихо. Пели цикады. Изредка где-то за домом протарахтит машина, и снова тишина.

— Чик, — взволнованно прошептал Бочо, — мне один пацан рассказывал, что у китайцев есть такая казнь. Привязывают человека в бамбуковых зарослях, а там сквозь него прорастает бамбук. Представляешь, Чик? Сквозь живого прорастает!

Чик устало не по себе. Но он взял себя в руки, чтобы взбодрить Бочо.

— Это сказки, — ответил Чик и, кивнув на дом, добавил: — Они же не китайцы.

— Нет, Чик, это не сказки, — шепотом горячился Бочо, — ты лежишь, а сквозь тебя прет и прет бамбук! Знаешь, как он быстро растет? За день прорастет тебя насквозь! А кричать невозможно, потому что во рту кляп.

Бочо протянул руку и вдруг положил ладонь на грудь Чика. Чик от неожиданности вздрогнул. Даже волосы вздрогнули у него на затылке.

— Не имей привычки лапать! — шепотом выругался Чик и отбросил руку Бочо.

— Я хотел посмотреть, как у тебя бьется сердце, — виновато сказал Бочо.

И вдруг из дома раздалась музыка.

— Началось, Чик, началось! — шепнул Бочо и больно впился пальцами в руку Чика.

Они замерли, прислушиваясь к музыке и не сводя глаз с крыши дома. Он смотрели, смотрели, а музыка играла, играла, выманивала, выманивала и, наконец, выманила человека. На противоположном конце крыши появился лунатик весь

в белом. Он задумчиво прошел по краю крыши и скрылся за шелковицей на другом конце. Вдруг смолкла музыка, а через минуту погас свет.

— Начался допрос, Чик, начался допрос, — засипел Бочо и снова впился пальцами в руку Чика. Чик молча отбросил его руку. Он терпеть не мог все, что напоминает панику. Сам он с ужасом представил темную комнату, в углу которой сидит резидент и резким голосом гипнотизера задает вопросы военному лунатику, а тот, бедный, сонным голосом все ему рассказывает.

Они долго смотрели в сторону окна, в темноте слившегося с кроной шелковицы, и не знали, что делать. Бежать на погранзаставу или ждать, чем это все кончится? Вдруг снова зажегся свет.

— Допрос окончился, — шепнул Бочо.

Чикун захотелось во что бы то ни стало заглянуть в это окно, чтобы узнать, что там делается. Слева от бамбуковых зарослей рос большой инжир. Было похоже, что с вершины этого инжира можно заглянуть в окно.

— Я залезу на инжир, — кивнул Чик, — посмотрю в окно.

— Не надо, Чик, не надо, — засопел Бочо, — нас отрежут от реки...

Чик махнул рукой и, низко пригнувшись, выскочил из зарослей бамбука и подбежал к инжировому дереву. Чик с трудом вскарабкался до первой ветки и стал быстро продвигаться к вершине. Когда он почти докарабкался до вершины и, раздвинув листья, хотел усесться на самой верхней ветке, он увидел, что на ней стоит человек. Чик окаменел.

Это был взрослый дядя. Горбоносое лицо его, гладко выбритое и голубоватое в лунном свете, казалось зловещим. Человек жадно смотрел в окно, куда собирался заглянуть Чик. Потом он вдруг опустил глаза и посмотрел на Чика. Взгляд его был страшен уже тем, что он ничуть не удивился Чикю, как будто заранее знал, что притянет сюда Чика, и притянуло. Не удивляясь Чикю, он вдруг поднес палец к губам и показал, чтобы Чик молчал. Продолжая не удивляться Чикю, он снова перевел взгляд на окно. А Чик все смотрел на него и не мог отвести от него глаз.

Это был высокий человек в желтой, хорошо выглаженной рубашке с закатанными рукавами и черных брюках клеш. Чик мог, если бы решился, дотронуться до его блестящих, хорошо начищенных черных туфель. Но он только смотрел и смотрел на него, не в силах отвести глаз.

Вдруг человек снова опустил глаза на Чика и знаками показал, чтобы Чик следил не за ним, а за окном. Чик повернул голову и увидел между ветвями шелковицы распахнутое озаренное электричеством окно. Он увидел парня в белой рубашке, сидящего за столом. Парень ел арбуз. Чик по облику его угадал, что это тот же лунатик, только теперь он проснулся и уплетает арбуз. Чикю показалось, что он еще и раньше где-то его видел, но где, никак не мог припомнить. Вроде не на крыше, но где именно, он никак не мог припомнить.

Напротив лунатика сидела девушка в халате и, опершись на руку, уютно следила за ним. Потом лунатик что-то весело

сказал и вскочил, девушка подала ему полотенце, он вытер рот и бросил полотенце ей на плечо. Девушка улыбнулась и, не снимая с плеча полотенца, подошла и поцеловала его. Они обнялись, а потом парень разжал объятия, и они скрылись из глаз.

— Сейчас выйдет, — вдруг сказал человек.

Чик почувствовал в его голосе какое-то дружество по отношению к себе. Чика так и обдало теплом: свой! Это перодемый пограничник следит за домом!

Уже на крыше лунатик вышел из-за кроны шелковицы и пошел назад. Дошел до края, завернул, исчез.

— Почапал домой, — вздохнул человек, стоявший над Чиком, и вдруг, протянув руку, сорвал инжир, очистил от кожуры и отправил в рот.

— Дядя, вы пограничник? — спросил Чик.

Тот перестал жевать и удивленно уставился на Чика.

— Нет, — сказал он, — я не пограничник и не сторож. Так что можешь рвать инжир. Я артист драмтеатра. А она артистка. Я из нее сделал актрису. Неблагодарная! Мы любили друг друга! Мы вместе играли «Коварство и любовь»! Нам аплодировал весь город! Вся Абхазия! Мы ездили летом по колхозам! Что это было за время! «Еще раз, Луиза!» Еще раз, как в день нашего первого поцелуя, когда ты прошептала «Фердинанд» и первое «ты» сорвалось с твоих пылающих губ!! О! Словно прекрасный майский день, простиралась вечность перед нашими взорами, золотые тысячелетия весело пронеслись, словно невесты, перед нашей

душой... Я был тогда счастлив! О Луиза! Луиза! Луиза! Зачем ты так поступила со мной? Зачем ты променяла меня на футболиста?

Он посмотрел в сторону окна, словно дожидаясь ответа. Но там никого не было. Чик понял, что все рушится, все не то, что они думали.

— Он лунатик? — спросил Чик, пытаясь спасти хотя бы это.

— Лунатик? — презрительно удивился артист. — Он даже слово такое не знает. Пиндос! Это я стал лунатиком, пока их выследил. Она сказала, что меня уже не любит, но никого у нее нет. Так я и поверил! Все лето слежу за ними. Он приходит по крыше, потому что боится соседей. Ей стыдно! Я два года ходил в их дом, как честный человек! Тогда она мне играла «Лунную сонату», а я подходил к ней и вот так брал на руки!

Он вытянул руки ладонями кверху, слегка придвинул их друг к другу, словно показывая, как пристойно и точно он подымал ее и она никак не могла провалиться между его рук.

— И вот она теперь эту же музыку играет футболисту, чтобы дать знать — родители ушли в кино или в гости. Они строгие! Родители из дому, а этот по пожарной лестнице и оттуда к ней на балкон. Они с ума сойдут, когда узнают про футболиста! О женщины, женщины! Как тебя зовут, мальчик?

— Чик, — сказал Чик.

— Вот так, дорогой Чик! Теперь ты будешь знать, что такое коварство и что такое любовь!

Он протянул руку, дотянулся до инжира, сорвал его, очистил и съел, внимательно поглядывая на Чика, как бы стараясь определить, достаточно ли Чик проникся его горестной историей. И вдруг так мило, дружески улыбнулся Чику.

— Я знаю артиста Левкоева, — сказал Чик. — Он у нас в школе вел драмкружок.

— Левкоев неплохой актер, — сказал артист, — но я тебе прямо скажу — устарел. Так сейчас Отелло никто не играет! Провинция! Да и она, честно скажу тебе, бездарная, хотя внешние данные у нее есть. Я ее полгода учил в обморок падать. Валится, как мешок с кукурузой. А в «Коварстве и любви» несколько раз надо в обморок падать. Хотя бы один раз прилично упала! Но внешние данные у нее есть. Я из нее сделал актрису! А теперь она в руках пиндоса, весь ум которого в бутсах!

— Чик! Чик! — раздался снизу голос Бочо. — С кем ты там разбубнился? Слезай! Лунатик уже ушел!

— Это не лунатик, Бочо, — внятно сказал сверху Чик, — сейчас все узнаешь!

Чик стал быстро слезать, чтобы подготовить Бочо.

— Я к ней главрежа не подпускал, а она ушла к футболисту, — говорил сверху артист, слезая и аккуратно дотягиваясь длинными ногами с ветки на ветку.

— Тут не шпион, — сказал Чик, спрыгнув с дерева и подходя к Бочо, — тут совсем другое. Любовь!

— Какая еще такая любовь? — спросил Бочо, подозрительно оглядывая дерево.

Артист спрыгнул на землю. Он отряхнул свои черные, гладко выглаженные брюки клеш, плотнее заправил за пояс свою нарядную желтую рубаху и, опять не удивляясь появлению Бочо, спросил:

— Как вы думаете, мальчики, я достоин любви?

— Конечно, — сказал Чик за обоих.

— Тогда в чем же дело? — спросил артист, не то горько засмеявшись, не то насмешничая над горьким смехом. — Такое у меня третий раз в жизни. Я влюбляюсь в девушку, иду на сближение, всесторонне подготавливаю, и тут ее уводят? Может, от меня дурно пахнет?

— Нет, — сказал Чик поспешно и для полной убедительности сделал шаг к артисту и втянул воздух изо всех сил, — никакого запаха! Все нормально!

Артист рассмеялся и погладил Чика по голове.

— Как вы сюда попали, мальчики? — наконец спросил он.

— Мы на лодке, — сказал Чик.

— Ах, на лодке, — вздохнул артист, — мне все равно на ту сторону. Подбросьте!

Чик почувствовал, что артисту неохота оставаться одному. Они прошли бамбуковую рощицу и вышли на берег, Бочо стал молча отвязывать веревку.

— Я ее вот так на руках носил, — снова повторил артист и снова вытянул свои сильные руки ладонями кверху, про-

следив, чтобы они были вытянуты параллельно. По жесту его можно было понять, что предмет, который он носил на руках, был увесистый, но хрупкий.

Артист пропустил их вперед, а сам, ухватившись за нос лодки, оттолкнул ее от берега и ловко вскочил в нее. Чик сел на весла. Артист так и остался стоять на передней банке: высокий, нарядный, одинокий. Чик повернул лодку и стал грести к другому берегу. Вдруг артист продекламировал:

*Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...*

Луна сияла вовсю, но моря отсюда не было видно.

— Кто сочинил это, мальчики, знаете?

— Вы, — догадался Чик.

— Тютчев! — восторженно поправил его артист. — Но если б даже я сочинил, она бы все равно ушла к футболисту.

Чик подумал, но так и не понял, какая тут может быть связь. Лодка торкнулась о берег. Артист продолжал стоять на передней банке. Чик опять почувствовал, что ему неохота оставаться одному.

— Я слишком люблю искусство, — сказал он задумчиво, — женщины не выдерживают это. Ладно, мальчики. Я живу

на Челюскина, 12. Приходите в мою одинокую келью, я вам много чего интересного расскажу.

Он спрыгнул с лодки, помахал им рукой и исчез в тени деревьев. Чик выгреб на середину реки. Лодка легко пошла вниз по течению. Бочо немного ожил.

— Чик, по-моему, этот дядька малохоличный, — кивнул он в сторону артиста.

— Нет, нет, — уверенно ответил Чик, — он добрый. Он просто скучает по ней.

— Зачем он на дерево полез, как пацан? Ты уверен, что он был не военный и не лунатик?

— Да, — сказал Чик, — это футболист. Я теперь вспомнил его лицо. У него прозвище Фундук.

— А чего он через крышу ходит, он что, псих? — спросил Бочо. — Он потом женится на этой девушке, у них родятся дети, а он так и будет через крышу ходить?

— Нет, — сказал Чик, — она сейчас боится, что соседи расскажут родителям. Они ничего не знают. Она коварная. Она им сказала, что разлюбила артиста, а то, что полюбила футболиста, не сказала. Потом скажет. Родители поругают, поругают и впустят его в дверь.

Бочо, насупившись, сидел на корме. Ему было неприятно, что все сорвалось. Луна озаряла большеглазое и большелобое лицо Бочо, обросшие деревьями берега, бесшумно струящуюся воду.

— Чик, отчего так получается, — спросил Бочо, — только набредешь на шпиона, и вдруг какая-то глупость. Какие-то родители, какой-то футболист...

Чик это и сам несколько раз испытал, но ему не хотелось разочаровывать Бочо.

— Просто нам не везет, — сказал Чик, — но когда-нибудь повезет.

— Лучше бы мы погнались за курятником, — вспомнил Бочо, — представляешь, сколько кур! Загнали бы на базаре! Сколько денег, Чик!

— А мы еще в море его можем догнать, — сказал Чик.

— Если беспризорники его не перехватили, — сказал Бочо.

— Могли не перехватить, — вспомнил Чик, — они были заняты гусем. А курятник в один миг проплыл мимо.

— Сейчас увидим, — сказал Бочо.

— А что, выйдем на лодке в море, — спросил Чик, — если беспризорники курятник не захватили?

— Нет, Чик, — подумав, сказал Бочо, — дядя Юра меня убьет, если пограничники поймают. Ночью нельзя в море выходить.

Лодка прошла мимо полянки, где сейчас перед тлеющим костром вповалку спали беспризорные ребята. Один из них проснулся и тыкал сигарку в костер. На берегу белели разбросанные перья гуся. Курятника нигде не было видно, он явно проплыл.

Вскоре они подошли к причалу и привязали лодку. Сторож спал. Бочо не стал его будить, а сам отнес весла под навес.

Они покинули территорию причала и вышли на Собачий пляж. Город опустел. Теплоход «Абхазия» ушел на Батум.

Он горел на горизонте, как уходящий праздник. Несколько влюбленных парочек стояли внизу у самой кромки воды. Чик никак не мог найти глазами курятник.

— Вон-вон, смотри! — показал рукой Бочо.

Курятник стоял прямо на лунной дорожке. Потому-то Чик его не сразу заметил. До него было метров триста. Можно доплыть. Но сейчас было страшновато входить в море. Да и куда деть на ночь кур?

Чик и Бочо договорились встретиться в пять часов утра, так же как сегодня вечером. У Бочо был будильник, и он умел его заводить. Они знали, что утром ужасно будет хотеться спать, но ничего не поделаешь. Позже в море выйдут рыбаки, и тогда кто-нибудь из них перехватит курятник.

— Не забудь шпагат, — сказал Бочо, когда они расставались, — надо будет курам ноги перевязать, а то как мы их донесем до базара?

Чик полез в карман. Шпагат был на месте. Расставшись с Бочо, Чик благополучно дошел до своего дома и уже под балконом услышал пение дядюшки. Чик вскарабкался на балкон и, вытянувшись на полу, дополз до кровати. Дядюшка так его и не заметил.

Чик быстро разделся и лег. Дядюшка продолжал петь. Чик смутно почувствовал, что энергия песнопения как-то связана с безумием дядюшки. Ему было уютно и сладко, продрогнув от ночной прохлады, кутаться в одеяло и мягко опускаться, планировать в сон под бесхитростную песенку дядюшки.

чик — играющий судья

Был жаркий солнечный день начала лета. Ребята в парке играли в футбол. Играли улица на улицу. Третья Подгорная против Четвертой Подгорной, на которой жил Чик. Девочки и малышня с обеих улиц следили за игрой. Они были болельщиками и зрителями. Среди девочек были Сонька и Ника. Они сидели на траве. На Нике был такой широкий сарафан, что он сейчас расстился вокруг нее, как голубой парашют. Казалось, она только что с небес тихо опустилась сюда.

Воротами служили сброшенные одежды мальчиков. Некоторые мальчики разделись до трусов, но Чик, пришедший сюда в майке, в коротких штанах и сандалиях, так и играл.

Настоящую боевую форму футболиста носил только один мальчик, капитан команды Третьей Подгорной. Звали его Гектор. На нем была настоящая динамовская майка с закатанными рукавами и с голубой полосой на груди, настоящие динамовские трусы, сидевшие на нем, как юбка, настоящие гамаша и ботинки.

Дело в том, что старший брат капитана играл в местной взрослой команде и было только не ясно, сам брат выдал ему всю эту одежду или он у него ее украл на время игры.

Чик был капитаном своей команды и нападающим. Чик одинаково хорошо, а иногда и одинаково плохо бил правой и левой ногой. Он никакой разницы не чувствовал между

правой и левой ногой. Ему было все равно, какой ногой лупить мяч, что правой, что левой.

Он гордился этим. Он до того удивительно не отличал правую ногу от левой, что иногда ему приходилось сравнивать ногу с соответствующей рукой, чтобы определить, какая, собственно, это нога — правая или левая. Чик гордился таким свойством своих ног, но другие этого не замечали или из зависти делали вид, что не замечают.

Сонька и Ника внимательно следили за его игрой и, если ему удавалось красиво обвести игрока или тем более забить гол, они хлопали в ладоши и кричали:

— Молодец, Чик! Bravo, Чик!

Но Сонька чересчур восторженно следила за его игрой. «Молодец, Чик!» — кричала она, как только он ударял по воротам, еще не дождавшись результатов удара. Это было хорошо и уместно, когда Чик забивал гол. Это было уместно и тогда, когда вратарь ловил трудный мяч. Но это бывало довольно глупо, когда Чик промахивался, и мяч летел мимо ворот.

— Ненавижу, когда кричат под ноги! — говорил Чик в таких случаях, взглянув на Соньку. В такие минуты ему казалось, что ее крик или ожидание ее крика помешали ему хорошо пробить мяч.

Бочо, друг Чика, сейчас играл против него, потому что он был с Третьей Подгорной. Чик впервые играл против Бочо. Все знали, что Чик победил Бочо в честной драке, в невыгодных условиях, когда вокруг были одни друзья Бочо. Они не вмешались в драку, но Чик же не знал об этом заранее. Чик по-

беждал Бочо и в обыкновенной борьбе. Но Бочо как-то слишком быстро рос и тяжелел. Чикю это было довольно обидно, тем более что сам он рос гораздо медленнее и, кажется, совсем не тяжелел.

И вот во время игры в футбол, когда Чик прорывался к воротам противника, Бочо иногда его догонял и, как бы не нарушая правил, наваливался на него и оттеснял от мяча. Но ведь Чик был сильнее Бочо, куда же в этих случаях испарялась его сила? Да, Бочо был тяжелее Чика, и Чик как-то смутно угадывал, что тут все зависит от тяжести Бочо. Чик, в сущности говоря, был близок к открытию закона о действии массы, помноженной на ускорение. Но Чик так и не открыл этого закона. Чик воспринимал давящую тяжесть Бочо во время борьбы за мяч как тяжесть нахальства. Но какое он имеет право на тяжесть нахальства и именно во время игры?

Ведь всем известно, что Чик победил Бочо в честной драке, да еще в невыгодных условиях, когда кругом были одни друзья Бочо. Неужто прямо сейчас снова затевать драку? Но это как-то глупо и даже нечестно, все поймут, что дело в том, что Бочо часто срывает атаки Чика, переигрывает его. Это было бы нехорошо. Но сам Бочо должен помнить о той драке? Не ему ли Чик тогда поставил фонарь? Нет, ничего не помнит! Пользуясь тем, что он одинаково бьет обеими ногами, Чик уходил от Бочо с правого края на левый, но тот преследовал его и там. Видно, капитан ему заранее сказал: «Твоя задача держать Чика. И мы выиграем». Вот он и прилип к нему.

Да, странные вещи происходят в мире. Прошлым летом Чик отдыхал в горах в доме бабушки. И вот Чик в конце лета приезжает на школьные занятия в город и встречается на улице Бочо. И что он видит? Пока Чик бегал по горам и пил козье молоко, Бочо здесь так вырос, что перерос его чуть ли не на полголовы. Чику как-то стало больно и неприятно, как будто Бочо его обманул и предал.

Да, Чик чувствовал себя преданным. Как будто Бочо должен был его предупредить, прислать в Чегем телеграмму, что ли: «Чик, принимай меры. Я очень быстро расту. Все еще твой Бочо».

Да и какие меры Чик мог принять? Нажимать на мамалыгу? На копченое мясо? Или часами висеть на какой-нибудь ветке? Но ведь так только руки вытянутся? Да, Чик чувствовал, что Бочо его предал, но ему было бы ужасно стыдно в этом признаться. Чик изо всех сил сдерживался, чтобы Бочо не заметил его остоленения. Но вдруг Бочо, глядя на Чика, стал ухмыляться. До чего же неприятная ухмылка!

— Ты чего ухмыляешься? — дрогнувшим голосом спросил Чик.

— Да так, ничего, — ответил Бочо, продолжая ухмыляться.

— Нет, ты скажи честно!

— Я так просто...

— Я же знаю, что ты чего-то думаешь!

— Да ничего я не думаю, Чик.

— Нет, ты что-то думаешь и от того разлыбился.

— Не обижайся, Чик, но ты какой-то маленький стал.

Лучше бы Чик этого не слышал! Внутри у него все похолодело. Но Чик взял себя в руки и постарался вспомнить, что по этому поводу говорят в Чегеме.

— Плохое дерево быстро растет, — сказал Чик.

— Какое такое плохое дерево? — просипел Бочо с некоторой тревогой.

— Например, ольха, — пояснил Чик, — у нее слабая древесина, и она быстро растет. А грецкий орех, дуб, самшит — они растут медленно. Зато у них мощные мускулы. Даже топор затупляется, когда рубят самшит.

— То дерево, а то люди, — уперся было Бочо, но усмехаться перестал.

— Хочешь, давай поборемся?

— Давай, — согласился Бочо и усмешкой напомнил о своем теперешнем преимуществе.

— С подножкой включительно, — предупредил Чик.

— Идет.

Они вцепились друг в друга. Чик с трудом обхватил толстевшее тело Бочо. Он сразу почувствовал, что устойчивости в нем прибавилось. Но Чик хорошо помнил и о своем преимуществе: ему все равно было какой ногой ставить подножку, что левой зацепить, что правой. А Бочо надеялся, что теперь его Чик не может свалить.

Они некоторое время кряхтели, сцепившись друг с другом, и Чик пару раз для понта цеплял его ногу своей правой ногой, но Бочо успевал отцеплять. Ноги его теперь казались тяжелыми, как колонны. И когда Чику удалось отвлечь вни-

мание Бочо на свою правую ногу, он заплел его ногу своей левой ногой и изо всех сил толкнул его назад. Бочо рухнул, как гнилая ольха. Чик сел на него, показывая, что преимущество надолго, если не навсегда, остается за ним.

Чик тогда удивился, что свалил Бочо даже легче, чем раньше. Он не понимал, что обида за так неожиданно и так насмешливо выросшего Бочо придавала ему дополнительные силы. Да и горный воздух с козым молоком, видно, не прошли даром. Но Чик тогда решил, что Бочо слишком быстро нарастил мясо и это мясо еще не приспособилось к борьбе и даже мешает старым мускулам.

Но оказалось, что Чик не совсем прав. Оказалось, в футболе эта лишняя тяжесть помогает Бочо. И главное, Бочо во время игры начисто забывал, кто победил в честной драке, в невыгодных условиях, когда кругом были друзья Бочо, и кто рухнул, как гнилая ольха, когда они в последний раз боролись. Нет, только пыхтит, догоняя Чика, и довольно удачно оттесняет его от мяча нахальной тяжестью своего тела.

В сущности, иногда надо было давать штрафной за грубую игру. И Чик, когда Бочо особенно нахально отбирал у него мяч, замирал на месте в полусогнутом виде, показывая судье, что любой другой мог свалиться от этого грубого толчка и только он удержался за счет одинаковой цепкости своих ног. Но судья, ради которого Чик замирал в этой неудобной позе, или не смотрел на него, или руками показывал: мол, продолжайте игру, все правильно.

Ничего себе — все правильно! И это было тем более обидно, что игру судил Оник, сын Богатого Портного. Они жили

не только на одной улице, но и в одном доме. И сейчас Оник форсит своей честностью, показывая всем: вот мы с Чиком живем в одном доме, а я ему не подсуживаю, я честный судья.

Ничего себе честный! Да другой на месте Чика отлетал бы от Бочо, пропахав землю метров на пять! И если Чик не отлетал за счет своих ног, то значит, все честно?!

Да и какой Оник судья! Просто отец Оника, Богатый Портной, достал ему настоящий судейский свисток, и поэтому его в последнее время назначают судьей. Правда, Оник быстроног. Что есть, то есть. Везде поспекает, хотя то и дело свистит по поводу и без повода. А когда Бочо наваливается на Чика, как дикий кабан, он никак не может продуть в свой свисток.

И Чик, продолжая играть, все сильнее и сильнее злился на Оника. У него сердце не кусается! Так в Чегеме называли толстокожих, равнодушных людей.

Чик считал, что это метко замечено.

И вдруг пришло возмездие.

В парк, где они играли, явился Богатый Портной с кружкой молока и поджаристой булкой. Родителями Оника считалось, что у него слабые легкие и его надо время от времени прикармливать. Богатый Портной иногда и в школу приносил Онику пирожки с мясом или что-нибудь еще не менее вкусное. Это длилось так долго, что в классе уже к этому привыкли и почти не смеялись, когда Богатый Портной, не дожидаясь звонка, просовывал свою голову в дверь класса и предлагал Онику пирожки.

Но принести булку и кружку с молоком сюда в парк, где идет непримиримая игра улица на улицу, где многие даже

не знают о пирожках, годами носимых в класс, потому что учатся совсем в другой школе, а многие и вообще не знают, что Богатый Портной со своими закидонами — отец Оника, это было слишком.

— Оник, молоко и булочка! — крикнул Богатый Портной таким естественным голосом, как будто это общеизвестный в мировом футболе завтрак судьи.

Оник быстро взглянул на отца и, махнув рукой, побежал туда, где сцепились игроки. Он делал вид, что этот курчавый мужчина с ленточкой сантиметра на шее, с кружкой молока в одной руке и с поджаристой булкой в другой, не такое уж большое отношение имеет к нему. На что он надеялся? Трудно сказать. Во всяком случае, Оник, как и все слабохарактерные люди, пытался оттянуть то, что будет ему неприятно.

Чик ожидал, что Богатый Портной сейчас скажет: «Мой Оник симпатичка!» — и все попадают со смеха. Но Богатый Портной вел себя здесь посдержанней, чем в школе или на своей улице, хотя ленточку сантиметра с себя не снял перед тем, как идти в парк. Может быть, нарочно, чтобы удивленным встречным другие люди говорили: «Как, вы не знаете его? Так это ж Богатый Портной».

Видя, что Оник не сразу его признал, Богатый Портной решил немного переждать.

— Оник, пей молоко и суди отсюда! — крикнул через некоторое время Богатый Портной, надеясь, что нашел вариант, при котором и сын будет есть, и игра не будет останавливать-

ся. Интересно, подумал Чик, как это он будет судить, булькая свистком в молоке?

— Потом! Потом! — резко крикнул Оник, пробегая мимо отца и продолжая делать вид, что между этим человеком с ленточкой сантиметра на шее и им, строгим судьей, большой близости нет, хотя некоторая близость, может, и существует. Чик заметил, что Оник ни разу отца не назвал папой. Все еще надеялся, что пронесет.

Уже некоторые игроки и зрители стали посмеиваться над этой странной картиной, тем более что никто не подозревал, что у Оника, бегающего, как борзая, слабые легкие. Чик вообще сомневался, что у Оника слабые легкие, просто, по мнению Чика, Богатый Портной хотел иметь более упитанного сына.

Тем более никому из тех, что учились в другой школе, в голову не приходило, что сына со слабыми легкими надо ловить где попало и подсовывать ему булочку с молоком. Между тем, Оник, раздраженный присутствием отца, еще чаще стал свистеть невпопад.

— Оник, хенца не было! — вдруг громким голосом вмешался Богатый Портной в спор Оника с игроками, — клянусь твоей жизнью! Покушай булочку с молоком и тогда точнее будешь судить!

И тут стали смеяться и игроки, и зрители. Гектор, капитан Третьей Подгорной, выбрав на поле место потравянистей, повалился, как бы обессилев от смехотворности происходящего, и стал дрыгать ногами в воздухе, гордясь своими пятнистыми гамашами.

— Папа! — крикнул Оник и, покраснев от ярости, топнул ногой: — Сколько раз я тебе говорил: — Не приходи, когда я играю с ребятами!

С этими словами он, швырнув свисток на поле, побежал в глубь парка и через минуту скрылся за деревьями.

— Оник, — растерянно выдохнул Богатый Портной, глядя ему вслед и уже совершенно бесплодно протягивая туда булку и кружку с молоком. Такой силы сопротивления он не ожидал. Такого не бывало. И тут Чик почти бессознательно, пользуясь его растерянностью и желая, чтобы всем снова стало смешно, подошел к нему и смиренно сказал:

— Дядя Сурен, я поем булочку с молоком.

Раздался новый взрыв хохота. Богатый Портной окончательно растерялся и крепко задумался. Он до того крепко задумался, что лоб у него вспотел и он рукой, сжимающей булку, подобрал один конец ленточного сантиметра, висевшего у него на шее, и вытер лоб. Чик ясно видел, как он соображает, или ему казалось, что он это ясно видит.

...С кружкой молока и булкой в руках плутать по парку в поисках удравшего Оника глупо и бесполезно... Первая мысль Богатого Портного.

...Уносить домой кружку с молоком и булку еще глупей, потому что это бросит тень на его прозвище, которым он тайно гордится... Вторая мысль Богатого Портного.

...Съесть эту булку самому, запивая ее молоком, на глазах у хохочущих пацанов было бы совсем глупо... Третья мысль Богатого Портного.

И так как четвертая мысль, видимо, не последовала, он с ненавистью протянул кружку и булку Чику.

Чик взял этот тяжелый дар. Некоторые стали снова смеяться, а некоторые даже аплодировали Чику. Чик надкусил хрусткую булку и хлебнул жирное, вкусное молоко.

— Чик, оставь сорок! — крикнул кто-то в шутку, и все опять рассмеялись.

Чик прекрасно себя чувствовал. Оник сейчас был забыт. Все смеются, но это сейчас не обидный смех, смеются молодечеству Чика. Через две минуты он умял булку и, выпив все молоко, вернул кружку Богатому Портному. Сумрачно приняв кружку, тот сильно плеснул ею, по-видимому, пытаясь выплеснуть оттуда дух Чика, потому что больше оттуда выплеснуть было нечего. После этого он повернулся и, время от времени нервно взмахивая кружкой, может, все еще вытряхивая дух Чика, вышел из парка.

— Кто же будет судить? — спросил Гектор.

— Я буду судить! — крикнул Чик, как бы чувствуя, что раз он съел предназначенное судьбе, он и должен судить. Он подбежал к свистку Оника, подобрал его и вытер о штаны.

— А кто будет за тебя играть? — спросил Бочо своим сильным голосом, как бы умоляя Чика дать еще потолкать себя. Видно, не натолкался.

— Я буду играющий судья! — крикнул Чик уверенно. Столь лихо съеденная булка и выпитое молоко придавали ему уверенность в себе. Бедный Чик, он не знал, что нельзя быть судьей и игроком одновременно. Впрочем, об этом

не знали и до сих пор не знают многие взрослые люди, от чего вся мировая история скособочивалась то в одну, то в другую сторону. В зависимости от того, кто кому подсуживал.

— Восемь — восемь! Игра продолжается! — громко закричал Чик и протяжно свистнул в свисток.

Чик судил и играл. И сначала все было хорошо. Только, разыгрывая комбинацию, ему приходилось жестами показывать, кому куда бежать и кому он собирается подавать мяч, потому что изо рта у него торчал свисток. Поначалу было странно свистеть самому себе и самому пробивать штрафной или выбрасывать мяч из аута.

Несколько раз он, не нарочно, а от избытка чувств, свистком останавливал игру. Один раз так остановил игру, когда Гектор прорывался к воротам. Чик хотел крикнуть беку, чтобы он выбежал навстречу атакующему капитану, а вместо этого свистнул в свисток. Игра остановилась.

Гектор был в ярости. С криком «Что я сделал не так?!» он ринулся на Чика с тем, чтобы подраться с ним. Но Бочо вцепился в своего капитана, чтобы избежать драки. Когда игра останавливалась, Бочо иногда вспоминал, что они с Чиком друзья. Гектор был в такой ярости, что проволоком Бочо несколько шагов, истошно крича: «Что я сделал не так?!»

— За попытку драться с судьей — последнее предупреждение! — холодно сказал ему Чик, но в душе чувствовал смущение. Он неправильно остановил игру.

Команда Третьей Подгорной подняла галдеж, и Чик с трудом оправдался, что свистнул невольно, потому что хотел

предупредить бека. После этого все игроки были расставлены так, как они стояли до свистка.

Игра снова началась, но теперь и защита была внимательней, и разъяренный капитан действовал не слишком точно. Атака была отбита, а Гектор, подтягивая гамаши, злобно исподлобья взглянул на Чика, показывая, что это ему даром не пройдет.

Через некоторое время Чик не дал себя оттолкнуть Бочо, обвел его, прорвался к воротам и долбанул мяч в правый угол. Это был верный гол, вратарь даже не успел шелохнуться в сторону мяча. Но, к несчастью, Чик в момент удара от избытка чувств опять свистнул в свисток. Черт бы его побрал!

— Офсайт! — очнувшись, крикнул вратарь.

— Офсайт! Офсайт! — подхватили игроки его команды. Это было чудовищной ложью. Чик вынул свисток изо рта и крикнул:

— Какой офсайт! Я же сам прорвался! Мне никто не подавал!

— Ничего не знаю — офсайт! — крикнул вратарь, — ты свистнул! Я решил — офсайт и потому не взял мяч!

Чик задохнулся от возмущения.

— Ты и не мог его взять! — крикнул Чик, — я свистнул случайно!

Гектор радостно побежал за мячом, принес его и, поставив на штрафной площадке, приготовился выбивать.

— Когда я атакую и ты свистком останавливаешь игру — это ничего, — ехидно сказал он, — а когда из-за твоего свистка наш вратарь не прыгнул на мяч, ты не виноват!

Это была чудовищная несправедливость, но Чик им ничего не мог втолковать. Да, он во время прорыва их капитана ошибочно свистнул. Но там еще бабка надвое сказала, забьет он гол или нет. А тут готовый гол. Ну и что, что свистнул! Ясно же — вратарь даже не шелохнулся, он не мог взять этот мяч!

Все-таки после долгих споров решили, что этот мяч будет разыгран. Отстоять розыгрыш мяча было нелегко. Чик поставил всех игроков там, где они стояли до его удара по воротам. Но за это команда Гектора потребовала, чтобы он бил в тот же угол, куда он ударил тогда.

Чик до хрипоты доказывал, что это полная глупость, что, если вратарь будет ждать мяч именно в этот угол, он, конечно, его возьмет. Но на это противники дружно утверждали, что он сам говорил: тогда вратарь шелохнуться не успел. Вратарь стоит на том же месте, Чик будет бить с того же расстояния, значит, вратарь и сейчас шелохнуться не успеет. Чтобы продолжить игру, Чик вынужден был пойти на эту гнилую уступку.

Чик внимательно оглядел вратаря и ворота. Он должен был бить с места, как в атаке. Чтобы окончательно затерроризировать вратаря тем, что он одинаково бьет обеими ногами, Чик то одну ногу отставлял для удара, то другую. То одну, то другую.

— Старый фраерский номер Чика, — крикнул Гектор, — делает вид, что ударит правой, а сам ударит левой.

Чик проглотил обиду и уже вынужден был ударить правой. Чик волновался, что, может, опять сначала ударит, а по-

том свистнет. Он даже слегка обалдел от всех этих дел и про себя повторял: сначала свисток, потом удар, сначала удар, тьфу, сначала свисток, свисток!

Свисток! Удар! Вратарь и на этот раз шелохнуться не успел, но, увы, теперь мяч пролетел мимо ворот. Чик слишком круто взял, но что он мог сделать, если вратарь заранее знал, в какой угол он будет бить. К тому же Гектор своим подлым замечанием заставил его изменить отработанный прием.

Чик так долго терроризировал вратаря возможностью ударить любой ногой, что теперь, когда он промазал, все это со стороны могло показаться смешноватым. Чик это признавал.

Но Гектор дико захохотал и, найдя глазами место на поле, которое было потравянистей, шлепнулся на него и задрыгал ногами, как бы потеряв все силы от смехотворности Чика. Кое-кто из игроков заулыбался и раздался смех со стороны зрительниц. Чик быстро посмотрел на Соньку и Нику. У Ники лицо было грустное, а Сонька рванулась ему навстречу своим веснушчатым лицом и громко крикнула:

— Чик, ты все равно прав!

Гектор продолжал кататься по траве, дрыгать ногами в гамашах и делать вид, что не может остановить свой фальшивый смех.

— Я умру от этого фраерского номера Чика, — говорил он, как бы с трудом продавливая слова сквозь смех, — этот номер уже даже в Армавире не хавают...

И Чик не выдержал. Что-то лопнуло внутри. Он выплюнул свисток и громовым голосом закричал:

— Я убью тебя, гадина!

Да, у Чика был голос нешуточной силы! Гектор, до этого изнемогавший от смехотворности Чика, вдруг с необычайной бодростью вскочил и, увидев, что Чик мчится на него, побежал. Чик гнался за ним, как Ахиллес за Гектором вокруг Трои! Они дважды успели обежать поле, на котором играли, причем Гектор, надо полагать, в отличие от гомеровского Гектора, успевал оглянуться и показать язык своему преследователю. Это только раскаляло Чика. Расстояние между ними сокращалось, возмездие было неминуемо, но тут вдруг на Чика бросился Бочо и, проволочившись за ним всей своей тяжестью несколько метров, закричал:

— Чик, ты же судья!

И Чик вдруг остыл. В конце концов, все видели, как этот герой бежал от него вокруг игрового поля. Кто-то подал ему свисток, Чик вытер его о штаны, сунул в рот и засвистел в знак продолжения игры.

Игра возобновилась. Чик теперь очень боялся, как бы случайно не свистнуть в ненужном месте. Это как-то сковывало, мешало играть. И теперь иногда он опаздывал дать свисток там, где это было необходимо.

Через некоторое время два капитана схлестнулись в центре поля. Чик принял на голову мяч и так удачно, что повел его головой в сторону ворот противника. Он успел пять раз отбить мяч, подавая его себе на голову и рвась к воротам про-

тивника! Гектор, как смешной козлик, прыгал рядом с ним, стараясь собственной головой добраться до мяча, но это ему никак не удавалось. Конечно, со стороны это выглядело красиво, и Сонька, не утерпев, закричала:

— Bravo, Чик!

И тут голова Чика промахнулась, мяч упал ему на грудь, отскочил и ударился о руку Гектора, все еще подпрыгивающего возле него, как козлик. Чик свистком остановил игру, взял в руки мяч, поставил его на место, где проштрафился Гектор, и приготовился бить.

И тут вдруг многие начали смеяться. Даже Анести из команды Чика ехидно улыбнулся, а потом рассмеялся, что было особенно обидно. Гектор, который до этого пять раз неудачно пытался в прыжке боднуть мяч, сейчас зашелся в притворном хохоте, добежал до травянистого места и опять повалился, громко хохоча и дрыгая ногами. Такого фальшивого пацана Чик никогда не встречал. Если на тебя на самом деле напал неудержимый смехач, почему ты не падаешь там, где стоял, а ищешь место потравянистей?!

Кровь опять ударила в голову Чика! Чего они смеются? Он же совершенно ясно видел, как мяч ударил в руку Гектора. Штрафной! Какого черта они смеются?!

— Хенц! Хенц! — громко закричал Чик и, вложив в рот свисток, приготовился бить, одновременно руками показывая, чтобы его игроки шли вперед. Но они не двигались, и многие из них уже смеялись вместе с противниками. Измена! Бунт на корабле! Однако вместе с игроками смея-

лись и болельщицы. Чик метнул взгляд в сторону Соньки и Ники.

— Чик, ты прав! — громко крикнула Сонька и героически рванулась к нему своим веснушчатым лицом. Но Ника, Ника! Красивая Ника улыбнулась ему снисходительной улыбкой старшей сестры и покачала головой. Какое снисхождение?! Какая там старшая сестра, когда они однолетки?! Фальшь! Фальшь!

Голубой парашют сарафана все еще безмятежно расстился вокруг нее. И Чик у вдруг захотелось подбежать к ней, стать ногами на ее безмятежный парашют, схватить ее под голые руки и вырвать ее из парашюта! Но Чик не мог сделать этого. Он знал, что его неправильно поймут.

Чик, сдерживая себя из последних сил, вынул свисток изо рта и громко крикнул:

— Бью штрафной! Хенц!

Тут к смеявшимся присоединились и те, что не смеялись до этого. Гектор, катавшийся по траве, стал делать вид, что от смеха сходит с ума, и начал кусать траву.

— Чик, хенц был у тебя! — крикнул Бочо, подскочив к нему.

— У меня?! — взревел Чик. От возмущения он больше ничего не мог сказать. Он швырнул свисток на землю, показывая, что ни играть с этими варварами, ни судить их больше не намерен. Футбол для них слишком культурная игра!

— Да, Чик, у тебя был хенц! — повторил Бочо умоляющим, дружеским голосом.

И тогда Чик побежал к Гектору, который все еще катался по траве. Если даже все ослепли и никто не заметил, что мяч ударил его по руке, сам он никак не мог этого не почувствовать!

Чик схватил его за шиворот и приподнял его голову над травой.

— Мяч тебя ударил по руке или нет?! Ударил или нет?! — вопрошал Чик, держа его за шиворот и тряся его.

Тот мотал головой и делал вид, что не может ничего сказать от душащего его хохота. Наконец, он выплюнул себе на ладонь клочок травы и показал Чику. Что это могло означать? Что он сумасшедший и не отвечает за свои слова? Нет, он издевается!

Проклятье! Чик тряс его, держа за шиворот, а тот, разинув рот, тянулся к траве, словно в самом деле сошел с ума и теперь жить не может без этой травы. Тут несколько игроков вместе с Бочо подскочили к Чику и стали оттаскивать от своего капитана. Они что-то объясняли ему. Чик сперва ничего не понимал, но потом до него стало доходить. Он бросил Гектора и начал прислушиваться к ним.

— Мяч сперва ударил тебя по руке, а потом отскочил и ударил по руке Гектора, — донеслось до него сквозь шум в голове.

— Мяч ударил меня по груди! — крикнул Чик и выпятил свою широкую грудь, показывая, что было куда попасть мячу.

— Чик, ты прав. Они врут! — героически крикнула Сонька.

— Он сразу ударил тебя по груди и по руке! — сиплым голосом настаивал Бочо и даже хлопнул его ладонью по груди и предплечью, показывая, куда попал мяч. Он ударил его довольно увесисто, чтобы до Чика лучше дошло.

— Да! Да! По груди и по руке! — подхватили другие ребята, и каждый считал своим долгом как можно крепче хлопнуть Чика по тому месту, куда ударил мяч. От этих однообразных, увесистых ударов Чик как-то отрезвел и с тоской подумал: а может, так оно и было?

«Но почему, почему я не почувствовал, что он ударил меня по груди и по руке одновременно?» Чик вспомнил, с какой яростью иногда футболисты налетали на судью, который их штрафовал, они не понимали, что допустили нарушение правил. И он успокоился. Он только подумал, как, оказывается, трудно быть и судьей и игроком в одно и то же время.

Чик поднял свисток, вытер его о штаны и сунул в рот. Гектор, забыв, что он сумасшедший, жующий траву, подбежал к мячу, чтобы бить штрафной. Только теперь в обратную сторону.

Игра продолжалась. Счет был двенадцать — одиннадцать в пользу команды Чика. Чик был уязвлен. Получалось, что он, подсуживая себе, подсуживает своей команде, а это было нечестно.

Поэтому он теперь строго следил за нарушениями своей команды. Особенно строго он следил за Анести. Он помнил его ехидную улыбочку и ехидный смех, когда противники смеялись над ним. Но Чик был бы очень удивлен, если бы ему сказали, что именно этим обстоятельством вызвано его пристальное внимание к игре Анести.

По слухам, которые сам же Анести распространял и подерживал, он на Четвертой Подгорной лучше всех играл головой. Но Чик что-то не мог припомнить, чтобы Анести в атаке

пять раз подряд головой ударил мяч. Стоя на месте, он и десять, и двадцать раз мог отбить головой мяч, если в это время его никто не атакует. А ты попробуй в атаке вести мяч головой, не отпуская его пять раз, когда рядом Гектор подпрыгивает, как козлик, и толкает. Но Анести больше всего на свете любил играть головой и всю игру просил, чтобы ему накидывали мяч на голову. Но его никто не слушал. Разве что с аута подадут или иногда с корнера. А он всю игру кричит по-гречески:

— Алихора со кифале! Дос со кифале! (Скорее на голову! Давайте на голову!)

Он всегда об этом кричал по-гречески, делая вид, что скрывает от враждебной команды свой невероятно хитрый замысел. Но все и так понимали, что он кричит, да и в команде противника было несколько греков, не считая капитана Гектора.

Игра шла полным ходом, как вдруг Анести прорвался с мячом, обвел одного защитника, обвел второго, столкнулся с третьим и упал. Анести быстро подставил ногу защитнику, который отнял у него мяч, и тот тоже упал. Анести вскочил и овладел мячом. Но тут раздался строгий свисток судьи. Чик сурово показал рукой в сторону своих ворот: вот что значит — честный судья!

Но вдруг всполошилась вся его команда.

— Судью на мыло, — закричал Анести, — Чик подкуплен!

— Чик, ты ошибся! — стали кричать пацаны из его команды. Они ему объяснили, что хотя Анести лежал и подставил ногу хавбеку, но он это сделал в отместку, потому что сам хавбек, столкнувшись с Анести, сделал ему подножку, и Анести упал. А Чик проморгал этот момент.

При этом самые горячие из них подходили к Чику, представляли собственную ногу и пытались Чика завалить через нее, чтобы ему было яснее, как и почему упал Анести. Но Чик, пользуясь тем, что у него обе ноги были одинаково устойчивые, не давал себя завалить, тем самым показывая, что никакой подножки не было и Анести мог устоять на ногах. Однако в душе он был сильно смущен.

Ему вдруг показалось, что он видел, как хавбек ставит подножку Анести. Почему же он не свистнул, а свистнул тогда, когда Анести уже на земле сам подставил ногу хавбеку? Чик не мог понять, что с ним случилось: он видел, но не заметил? Или заметил, но не видел? Чик сейчас никак не мог понять, что ему очень хотелось оштрафовать Анести и поэтому так получилось. Но он этого не понимал и потому обратился к хавбеку:

— Эдик, только честно, была подножка?

Хавбек блудливо опустил глаза и, пожав плечами, сказал:

— Не знаю. Я не хотел ставить подножку.

Тут Анести подбежал к Чику и, дергая его за майку, стал кричать:

— Олух царя небесного! Разве судья спрашивает у нарушителя, ставил он подножку или нет?

За такую наглость можно было и звездануть Анести, но Чик сдержался: нельзя, чтобы судья сам начинал на поле драку. К тому же он был виноват перед Анести. Сильно виноват. Теперь ясно, что хавбек ему первым подставил подножку, а Чик этого как бы не заметил.

В конце концов решили, что этот спорный мяч надо разыграть. Спорящие игроки стали друг против друга. Чик должен был подбросить мяч между ними. Когда Чик с мячом в руке подошел к ним, Анести, как ни в чем не бывало, шепнул ему:

— Дос со кифале.

Чик сделал суровое лицо, показывая, что ни при каких обстоятельствах он не отклонит мяч в сторону Анести. И в то же время он чувствовал себя перед ним виновным. Сейчас он забыл, как ехидно улыбался Анести, но помнил, как он был близко от ворот противника, когда ему сделали подножку, а Чик этого не заметил. Чик точно подкинул мяч между игроками, но мяч сам почему-то стал падать ближе к Анести.

Великий игрок головой в прыжке достал мяч, но вместо того, чтобы перекинуть его через хавбека и ринуться в атаку, он попал мячом ему в грудь, и тот сам пошел в атаку.

Через несколько минут Чику удалось уйти от преследующего его Бочо и забить гол. И эта была самая прекрасная минута в игре! Это был чистый и честный гол, никто даже пикнуть не посмел.

Вратарь от досады так ударил по мячу, что мяч вышел в аут и застрял на мушмуле. Стали камнями пытаться его сбить, но он так плотно застрял, что не падал.

— Я залезу на мушмулу и стряхну его! — крикнул Чик. Пока Чик залезал на дерево, игроки вспомнили, что им хочется пить, и все побежали к колонке.

Этот парк когда-то принадлежал какому-то богачу. Сейчас это был государственный парк. Здесь было много деревьев

мушмулы. Когда она попевала, сюда ребят не пускали, боясь, что они оборвут все плоды. В это время по парку верхом на лошади ездил свирепый сторож с камчой, и редко кто осмеливался воровать мушмулу. Очень уж свиреп был этот сторож с камчой. Но сейчас урожай уже собрали, и парк никто не сторожил.

Чик залез на дерево. Пробираясь по ветке в сторону мяча, Чик отодвинул руками рогатульку с кожистыми листьями и вдруг увидел под ними две великолепные двойчатки мушмулы. Ярко-рыжие плоды как бы томились от своей сахаристости. Чик осторожно сорвал одну двойчатку и с удовольствием высосал каждый плод, брызжащий сладким соком. Он выплюнул скользкие косточки. Второй двойчаткой он решил угостить девочек. Он отломал черенок, на котором они росли, и взял его в зубы, чтобы руки были свободны. Он двинулся дальше по ветке, пробираясь к мячу. Два сладких плода, странно и аппетитно щекоча его губы, торчали изо рта. Мгновеньями Чику хотелось, клацнув зубами, вобрать в рот эту сладкую и сочную двойчатку, выплюнув череночек вместе с косточками. Но Чик терпел, все время чувствуя щекочущее губы прикосновение плодов, он хотел обязательно угостить девочек. Одновременно он шарил глазами по веткам в поисках забытых сборщиками плодов. Он думал, что если ему попадутся еще две мушмулы, он эти съест, а те сорвет девочкам. Но больше ни одной мушмулы не заметил.

Чик близко подполз к мячу и, сев верхом на ветку, стал ее трясти. Мяч все не падал. Рискуя вместе со сломанной веткой слететь вниз, Чик сильнее и сильнее ее тряс. Наконец

мяч тяжело скатился с ветки и упал вниз. Чик быстро дополз до ствола. Он спешил. Он хотел успеть угостить мушмулой девочек, пока ребята не вернулись с водопоя. Он не хотел, чтобы над ним смеялись за то, что он угощает девочек. Продолжая сжимать зубами черенок с плодами, щекочущими губы, Чик соскользнул с дерева.

— Это вам, — сказал Чик и, стараясь быть небрежным, подал двойчатку Нике.

— О Чик, — сказала Ника, принимая двойчатку. Она слегка покраснела и взглянула на Чика с благодарностью.

— Спасибо, Чик! — вспыхнула Сонька всеми своими веснушками и взяла у Ники свою мушмулу. Каждая из них положила сладкий плод в рот и, разжевывая его и чувствуя, какой он вкусный, каждая из них стала оглядывать ближайшую мушмулу в поисках забытых сборщиками плодов. Если бы они нашли глазами мушмулу, Чикун пришлось бы снова лезть на дерево.

Чик находил такое поведение девочек не слишком приличным. Девочки вообще должны есть более сдержанно, чем мальчики. И тем более, когда их угощают мушмулой, не зыркать глазами по дереву: «Мало! Дай еще! Чик, ты только раззудил нам аппетит!»

Но, слава Богу, они ничего не выискали на дереве. А то пришлось бы снова карабкаться по стволу, чтобы не портить первое угощение. Нет, девочки ничего не отыскали на дереве и, облизываясь, опустили глаза. Чикун просто повезло. Те двойчатки удачно прятались за листьями маленькой веточки, и сборщики забыли отвернуть эти ушастые листья.

Пришли ребята с водопоя, и игра была продолжена. Напившись воды, Бочо окончательно осатанел. Он ни на шаг не отходил от Чика. Видно, Гектор после того, как Чик забил последний гол, дал ему нагоняй и велел еще плотнее наседать на Чика. И он наседали и наседали и часто оттеснял Чика от мяча.

И Чик ничего не мог поделаться. Потное тело Бочо во время бега приобретало неостановимую, толкающую мощь. Но Чик удерживался на ногах и, уже устав от многих споров, не свистел, не назначал штрафной.

Но обида в нем копилась и копилась. Он мрачнел и мрачнел, и ему было горько, что ни один игрок его команды хотя бы не возмутится вслух, что с Чиком играют грубо, не дают ему прорваться к воротам. Может, дело в том, что он сам был судьей и сам должен наказывать за грубую игру? Должен-то должен, но себя защищать трудно, особенно, когда ты сам судья.

И Чик пошел в последнюю атаку, пытаясь изо всех сил оторваться от Бочо. Но Бочо дышал у самого уха, наседали и наседали своим тяжелым, потным телом, а Чик цепко удерживал мяч и уже был в штрафной площадке, и уже собирался ударить по воротам, безразлично, правой или левой, как вдруг Бочо его так толкнул, что Чик, отлетев на несколько метров, растянулся на пыльной траве. Обида его была столь велика, что он на мгновение задохнулся, обо всем забыл, выплюнул свисток и закричал во все горло:

— Куда смотрит судья?!

Этого уже нельзя было исправить. Смеялись обе команды, смеялись зрители. Гектор мгновенно выбрал место потравля-

нистей, ласточкой прыгнул на него и зашелся в хохоте, цапая зубами траву. Смеялась Ника, смеялась даже всегда преданная Сонька! И лишь один Бочо не смеялся, видимо, чувствуя, что на этот раз переборщил. Но Чик его не замечал.

Чик вскочил и побежал в глубь парка, куда час назад бежал Оник. Об Онике он сейчас не помнил. Добежав до самшитовой клумбы, где плотным зеленым кольцом росли корявые, густокурчавые деревца, он решил войти в это укрытие, чтобы больше никогда не видеть людей. Он вошел в клумбу и увидел Оника. Оник лежал на траве и внимательно приглядывался к чему-то на земле.

— Что ты тут делаешь? — спросил Чик.

— Слежу за муравьями, — ответил Оник, не оборачиваясь на Чика, — в сто раз интересней футбола.

Чик подошел к нему и заметил перед ним шевелившийся муравейник. Он лег рядом с Оником и стал следить за муравьями. И вдруг все, что было на футболе, отодвинулось куда-то далеко, как будто ничего и не было. Казалось, они следят за другой жизнью на другой планете. Из муравейника в муравейник деловито шныряли муравьи. Один из них тащил дохлую осу, долго, упорно, а главное, абсолютно уверенный, что дотащит.

Чик у этого муравейника показался похожим на его чегемского дедушку. Вот так и тот, бывало, с огромной вязанкой ореховых веток на плече — корм для козлят, целый зеленый холм — карабкается из котловины Сабиды. Казалось, муравьи — это люди какой-то другой планеты, где все живут дружно, каждый делает свое дело и никто ни над кем не смеется.

— Пахан ушел? — как-то безразлично спросил Оник, не отрываясь от муравьев.

— Ушел, — сказал Чик и положил руку на плечо Оника. Он сказал об этом, как о случившемся давным-давно, в другой жизни. Оник продолжал следить за муравьями.

— А где мой свисток? — спросил он, не отрываясь от муравейника.

— Там, — сказал Чик, тоже не отрываясь от муравейника. Подробней почему-то объяснять не хотелось.

— Там, — повторил Чик, и они надолго замолкли над муравейником.

страшная месть чика

Чик, уткнувшись лицом в горячую гальку, лежал на берегу моря. Хотя море было теплое и ласковое, он сильно промерз. Дело в том, что сегодня он доучивал Лёсика плавать. И это было нелегко.

Чик дней десять трудился, и наконец Лёсик поплыл. Не так уж далеко он проплыл, всего метров пять, но это не имело значения. Главное — поплыл, а еще главное то, что он перестал бояться глубины. Он уже мог плавать в таком месте, где не доставал ногами дно. Конечно, Лёсик со своей неуклюжей рукой и хромающей ногой хорошо никогда не будет плавать. Он и ходит-то неважно, а бегать совсем не может.

Зато теперь он не будет, как маленький, барахтаться на мелководье, а отплывет от берега, пусть и недалеко. Главное — теперь он не боится глубины и не тонет от испуга.

Этого Чик добивался в последние дни и наконец добился. И теперь он отдыхал в полузабытьи, прижимаясь промерзшим телом к горячей гальке. Когда учишь кого-нибудь плавать, сильно мерзнешь, потому что стоишь по пояс в воде и все время что-то показываешь и говоришь, вместо того чтобы окунуться в воду и самому поплыть. Но зато дело сделано: Лёсик плавает!

Сверху пекло солнце, снизу горячая галька, и Чик быстро согрелся. Чик любил праздник летнего моря. И сейчас он слышал голоса и смех людей, что были в воде. В море люди говорили и смеялись совсем по-другому, чем в обычной жизни. Они говорили и смеялись так, как будто сидят за большим веселым столом.

— Соук-су, холодная вода! — кричал мальчишка, проходя по берегу с кувшинчиком, горлышко которого было перевязано марлей, и с кружкой в руке.

— Вареная кукуруза! — предлагали женщины и, похрустывая галькой, проходили мимо.

— Инжир! Свежий инжир! — взвизгивали другие продавцы, пронося в плетеных корзинах, прикрытых инжировыми листьями, свои сочные, сладкие плоды.

Чик знал забавную привычку продавцов, проходящих со своим товаром по пляжу. Каждый раз, встречаясь друг с другом, они обидчиво поглядывали на соперника и спешили скорее отдалиться от него. И что было особенно смешно —

продавец инжира, скажем, встретившись с продавцом инжира, нисколько не смущаясь, проходил по пространству пляжа, уже пройденному другим продавцом.

Казалось бы, чего туда идти, там только что прошел продавец инжира, и если кто хотел купить инжир, он уже купил. Но что еще забавнее, и в самом деле вдруг находились новые покупатели, хотя за несколько минут до этого они не хотели покупать инжир. Чик еще ничего не знал о силе назойливости рекламы, но уже задумывался о ее успешных результатах.

Чик вспомнил, как он вчера обедал в доме Славика, мальчика из их класса. Он много раз бывал у Славика, но обедал впервые. Это была очень интеллигентная семья. Отец Славика был профессором, и мать его была какой-то научной шишкой, но до профессора, кажется, еще не дотягивала.

И отец, и мать, оба работали в обезьяньем питомнике. Чик заметил, что самые интеллигентные люди города занимались обезьянами. Чик слышал, что люди произошли от обезьян, и от этого испытывал легкую обиду за человечество. Но почему самые интеллигентные люди города возятся с обезьянами? Может, они хотят вывести из обезьян новую, более удачную породу людей? Кто его знает.

Войдя в столовую, Чик так и ахнул. Обедать собиралось всего четыре человека, а Чик показалось, что на столе с полтысячи тарелок. Борщ почему-то был не в кастрюле, а в какой-то белой вазе. Вилки, ножи и ложки не просто лежали на скатерти, а были разложены возле каждого под какими-то таинственными углами и напоминали римские цифры. Рядом с ложками

и вилками лежали какие-то куски белой, туго накрахмаленной материи величиной чуть ли не с наволочку. Служанка, что-то туповато вычислив, взяла Чика за плечи и усадила его рядом со Славиком с тайной, как показалось Чику, настойчивостью, как если бы Чик рвался сесть во главу стола.

Когда все уселись за стол, Чик старался исподтишка следить за тем, что будут делать другие, чтобы делать так самому. Он сразу же углядел в хлебнице аппетитную горбушку, но сдержал себя, не зная, в каком порядке в интеллигентных домах берут хлеб из хлебницы.

Вдруг все схватились за куски материи, лежавшие на столе, и, с треском раздергивая их, стали укладывать на коленях. Оказалось, что это салфетки! Чик видел в кино, как люди затыкают их за ворот рубахи, словно в парикмахерской, но он никак не мог представить, что взрослые, вроде детей, раскладывают салфетки на коленях.

Чик разодрал хрустящую, сопротивляющуюся салфетку и положил ее на свои голые колени. Он был в коротких штанах. И сразу же от этой салфетки у него ноги зачесались. Но чесаться было стыдно, и Чик терпел и, главное, боялся, что эта белоснежная тугая салфетка свалится на пол и от этого произойдет скандал. Проще было бы положить кусок фанеры на колени и обедать. Боясь, что салфетка свалится, Чик старался не шевелить ногами. Оказывается, когда стараешься не шевелить ногами, ужасно хочется ими пошевелить.

Ноги у него быстро одеревенели оттого, что хотелось ими пошевелить. Чик несколько завозился с салфеткой, то и дело

уточняя симметричность расположения ее на коленях, и упустил очередность, с которой в интеллигентных домах берут хлеб из хлебницы.

Все получилось в один миг. Когда он поднял глаза, каждый взял себе кусок хлеба, а Славик, конечно, цапнул облюбованную Чиком горбушку. Чик потянулся за хлебом, стараясь не побеспокоить салфетку, как капризную кошку, готовую в любой момент спрыгнуть на пол.

Потом служанка стала разливать борщ по тарелкам, а сидевший рядом с вазой профессор передавал их дальше. Так как Чик сидел последним, он получил первую тарелку. Этот обычай передавать друг другу тарелки Чикуну понравился. Ничего не скажешь — хороший обычай. Чик был не такой дурак, чтобы, получив тарелку, сразу же наброситься на борщ. Он выждал, когда все получили свои тарелки, дождался, чтобы все взяли за ложки, и принялся есть.

Но при этом он ни на мгновение не забывал о проклятой салфетке. Мало того, что ноги у него одеревенели и он все еще боялся ими шевельнуть, он к тому же сидел на цыпочках для полной горизонтальности салфетки на коленях.

Колени его все еще чесались в тех местах, где салфетка прикасалась к ним, словно салфетка была блохастой, хотя умом Чик понимал, что такая салфетка никак не может быть блохастой. Потом стало еще хуже. Ноги стали чесаться и в тех местах, где салфетка не притрагивалась к ним, как если бы блохи перепрыгивали с одного места на другое. Чик уже не знал, что и подумать.

Тем не менее с первым он неплохо справился и успел заметить, что хлеб из хлебницы, во всяком случае, со второго захода, берут не по старшинству, а кто как захочет. И теперь он с некоторым сожалением сообразил, что не было бы большой ошибки, если бы он ту горбушку сразу же потянул к себе.

В том же порядке раздали и второе: золотисто поджаренную картошку с сочными котлетами. Потом каждый взял себе в отдельную тарелку салат из помидоров, огурцов и всякой зелени. Все приступили ко второму. И тут, оказывается, Чик совершил крупную ошибку.

— Чик, запомни, пожалуйста, — сказала мама Славика, — вилку надо всегда держать в левой руке.

Чик был поражен, как громом. Салфетка упала на пол. Чик от смущения сначала наступил на нее, словно боясь, что она двинется куда-нибудь дальше, а потом поднял ее и опять положил на колени. Делая все это, он отчасти выигрывал время, чтобы оправдать свою ошибку.

— А я левша, — неожиданно для себя сказал Чик, — у меня правая рука вместо левой, а левая рука вместо правой.

— Ты левша?! — глупо удивился Славик, — вот уж не замечал.

Мог бы промолчать этот Славик. Чик же не говорит его родителям, что они тут разводят китайские церемонии, а их сын, когда они на работе, в носках бегают по двору и даже в футбол иногда играет в носках. А может быть, Славик любит бегать по двору в носках, потому что ему надоедают эти церемонии?!

— Да, левша, — подтвердил Чик, — но я никому об этом не говорю и стараюсь жить, как правша. Я уже так натрениро-

вал свои ноги, что мне все равно, где правая, где левая... А руки еще не дотренировал...

Чик в самом деле во время игры в футбол одинаково бил что правой, что левой ногой, но получилось это как-то само собой, без всякой тренировки. Вообще-то Чик несколько навязчиво преувеличивал значение того, что обе его ноги бьют по мячу с одинаковой силой.

— Левше тем более удобней вилку держать левой рукой, — сказала мама Славика, — так что запомни, Чик.

Чик взял вилку в левую руку и почувствовал адское неудобство есть левой рукой. Особенно когда приходится думать о салфетке, которая лежит на коленях. Когда за долгие годы твоей одиннадцатилетней жизни все, что попадало в рот, попадало при помощи правой руки, оказывается, невероятно неудобно переходить на левую руку. Кажется, легче было бы зажать вилку пальцами ноги и есть. Тем более, там ему было все равно, что правая, что левая нога.

Профессор, видно, все это понял и решил помочь Чикю.

— Сделаем для левши исключение, — сказал он и подмигнул Чикю, — можешь есть правой рукой.

Чик сразу понял, до чего этот человек добрый и скрытно веселый. Не успел он досказать свои слова, как вилка сама перелетела с левой руки Чика в правую. Чикю сразу стало легко, легко, и даже ноги под салфеткой вдруг перестали чесаться.

Вообще Чик терпеть не мог всякие там китайские церемонии. Он считал, что за едой нельзя сморкаться, чавкать, рыгать. Почему? Потому что другому это может быть противно,

и от этого у него может испортиться аппетит. Но почему у другого человека испортится аппетит, если ты вилку держишь в правой руке? Глупо, глупо! Но Чик на этом не останавливался, он шел дальше. Он даже считал, что за едой можно и чихнуть, но при одном условии — что твой чих строго направлен в твою собственную тарелку, а не в чужую. Так размышлял Чик, лежа на берегу моря на горячей гальке. Вдруг он почувствовал, что к его голой спине прикоснулось то ли перышко, то ли еще что-то и скользнуло по ней. Ощущение было необыкновенно приятное. Приятность была такая сладостная, что Чик захотелось, чтобы она длилась, длилась и длилась.

По тихой усмешке, которая сопровождала это прикосновение, Чик понял, что это Ника так шутит. Она сидела рядом. Такой сладкой шутки Чик никогда в жизни не испытывал. Но ведь она вечно так не может проводить перышком по моей спине, подумал Чик. Скоро ей это надоест, и сладость исчезнет. Что бы такое сделать, чтобы она долго-долго проводила перышком по моей спине, подумал Чик. Только он так подумал, как Ника сама подсказала ему, что надо делать.

— Он спит, а у него мурашки ходят по спине, — шепнула Ника Соньке, и они обе тихо захихикали.

Ах, они думают, что я заснул? Пусть думают. Но если я никак не буду давать о себе знать, ей это быстро надоест, и она перестанет проводить перышком по моей спине. Надо как-то поощрить ее...

— Мухи проклятые, — сонным голосом пробурчал Чик и, продолжая лежать ничком, вывернул руку и шлепнул ею по спине.

Девочки снова хихикнули, а Чик сделал вид, что снова заснул.

Теперь и Сонька какой-то палочкой стала водить по его спине, и две волны сладости растекались по ней. Чик внимательно прислушался к своей спине, чтобы определить, какая из сладостей слаще. Но оказалось, обе одинаково сладостны. Чик очень удивился. Ему нравилась Ника, а не Сонька, хотя он и ценил ее преданность. А спине, оказывается, все равно, она с одинаковой благодарностью принимала обе сладости.

— Мухи проклятые, — бубнил Чик время от времени и шлепал, якобы сонной рукой по спине. Девочки тихо хихикали и снова брались за дело. Такая игра обеспечивала длительность блаженства. Девочки все ждали: когда же Чик догадается, что это не мухи его беспокоят? Да никогда не догадается!

Блаженствуя, Чик уносился мечтами в будущее. Сейчас он хозяйственно думал, кого бы приспособить почесывать ему спину. Хотелось регулярности в этом сладостном деле. А как быть, когда станет взрослым?

Раньше Чик чаще всего мечтал стать великим революционером. Но иногда он мечтал стать великим разбойником.

Чику и в голову не приходило, что обе эти мечты недалеко ушли друг от друга. Иногда некоторые пацаны и взрослые здорово надоедали Чику своей подлостью, бесчестностью и нахальством. Ах, вы не можете жить честно, яростно думал Чик в такие минуты, тогда дрожите от страха перед великим разбойником!

Но сейчас Чик как-то отодвинул мечту о великом разбойнике или великом революционере. Сейчас Чик захотел стать

тихим, скромным царем. Он был уверен, что для царя всегда найдется человек, который время от времени будет почесывать ему спину. Скорее всего пером от жар-птицы. Чик чувствовал, что разбойнику или революционеру не подходят такого рода удовольствия. Разбойнику подавай бутылку рому, а для революционера самое сладкое удовольствие — втайне от полиции расклеивать прокламации.

А тихому, скромному царю подходит такое блаженство. И Чик решил стать царем. Вопрос о мировой революции он как-то легко отодвинул на неопределенное будущее. Все зависело от того, как долго царь может блаженствовать, подставляя спину под перо жар-птицы. Если к старости он перестанет чувствовать сладость прикосновения пера к спине, тогда можно вернуться и к вопросу о мировой революции.

Раньше Чику иногда хотелось не очень скоро, а так лет в пятнадцать погибнуть на баррикадах в борьбе за мировую революцию.

*И уложили их вдвоем,
Вдвоем у баррикады.*

Так говорилось в сладостно-горьких стихах, которые Чик любил. Там какая-то мама и ее сын погибают на баррикадах. Чика и раньше смущало, что его мама никогда не пойдет умирать на баррикады, да и его не пустит. Легче было бы ее заставить облить керосином и поджечь собственный дом, чем пойти на баррикады, и раньше в мечтах он надеялся без

разрешения сбежать на баррикады. Но сейчас ему полностью расхотелось умирать на баррикадах. К черту баррикады!

Ведь Чик раньше никогда не знал, что в мире существует такая сладость, как почесывание спины перышком или там щепочкой. Это было даже намного слаще, чем арбуз в жаркий летний день. Так думал Чик, прислушиваясь к своей спине и стараясь определить время, когда надо будет делать вид, что отгоняешь мух, чтобы подзадорить девочек на новые почесывания.

И вдруг все изменилось.

— Это Чик тут валяется? — раздался над Чиком дерзкий мальчишеский голос.

— Да, — ответила Ника.

— Эй, ты, Чик! — крикнул мальчишка.

Чик почувствовал какую-то тревогу. Но так не хотелось прерывать блаженство, что он, сонно приподняв голову, присел, всем своим видом показывая, что проснулся ненадолго и сейчас снова завалится спать.

— Чего тебе? — спросил Чик.

— Чего тебе, — передразнил его мальчишка. — Тебя отлупцевал Рыжик с горы? Отлупцевал. А ты тут нюни распустил с девчонками.

Опять эта дурацкая сплетня о Рыжике! Чик оглядел мальчишку, который стоял перед ним в сатиновых трусах. Вид у него был воинственный и угрожающий. Он был из компании мальчишек, которые купались недалеко от них. Сейчас все они сидели на берегу и поглядывали в сторону Чика. Там было пять человек. Чик еще раньше заметил среди них мальчика из своей

школы. Легко было догадаться, что это он рассказал дурацкую сплетню о том, что Рыжик якобы победил его в драке. Чем глупее слух, тем дольше он живет. Но Чик никак не мог понять, за что злится на него этот совсем незнакомый ему пацан.

А дело было в том, что мальчику из его школы, который сидел в этой компании, нравилась Ника. Ему неприятно было видеть ее в команде Чика. А когда он увидел, что Ника шуточно поглаживает перышком спину Чика, он окончательно рассвирепел. И он, конечно, рассказал про Рыжика и представил Чика этому сорванцу как очень легкую добычу. Вот в чем было дело!

— Все это глупость, — миролюбиво сказал Чик, он все еще надеялся поблаженствовать после ухода этого мальчишки, — никакой Рыжик меня никогда не лупцевал.

— Да какая там глупость! — раздраженно воскликнул мальчишка. — Да я сам тебя сейчас отлупцую!

С этими словами он вдруг наклонился и два раза подергал Чика за чуб. Это была неслыханная дерзость! Надо было вскочить и дать ему по морде! Но, расслабленный блаженством, Чик растерялся. Боевитость куда-то улетучилась. Он был уверен, что, если начнется драка, на него налетят и все остальные. Может быть, кроме мальчика, который учился в его школе, хотя именно он, конечно, рассказал про Рыжика. Да, да, Чик сдрейфил, но все это было так неожиданно, так странно, особенно после этой обволакивающей сладости, которая его размагнитила. А ведь недаром и в школе говорили, и в газетах писали, что кругом враги и надо быть всегда бдительным.

Если бы Чик сразу вскочил и врезал бы мальчишке, может быть, и драки не было бы, может быть, их растащили бы, но сейчас уже было поздно. Мальчишка этот решительными шагами пошел к своим, и даже по затылку его было видно, что он, унизив Чика, победно улыбается, а все остальные из их компании глядели на Чика и издевательски похохатывали.

— Чик, не связывайся с ними! Это хулиганы! — крикнула Сонька.

Тяжесть унижения сковала Чика. Он тоскливо оглядел пляж в поисках какого-нибудь знакомого более взрослого мальчика, который отсек бы остальных из этой компании, и Чик вступил бы в честную драку со своим обидчиком.

Но ни одного знакомого на пляже не было. Пляж был заполнен отдыхающими из других городов или незнакомыми земляками, которые только и делали, что поглаживали усы и заигрывали с приезжими девушками. Вот уж кому было не до Чика, так этим горделивым усачам!

Мир померк. Чик сидел ни жив ни мертв. Теперь его не радовало ласковое солнце, не радовало любимое море, и он с каким-то особенным стыдом и омерзением вспоминал, как он беспечно блаженствовал, когда ему почесывали спину. Тогда у него мелькала мысль, что это награда свыше за его не легкие труды по обучению Лёсика плаванию. Ведь награда совпала именно с тем днем, когда Чик, наконец, научил Лёсика плавать. Кто-то сверху присматривался к нему: интересно, хватит ли у Чика терпения научить беднягу Лёсика плава-

ню? Ты смотри, хватило терпения! Научил! Надо его наградить за это! И наградил сладостным почесыванием.

Что же случилось потом? Чик не мог понять. Может, он на слишком многие годы вперед рассчитывал эту сладость, хотя пока ничем не заслужил ее на многие годы вперед. Получилось, как в сказке о золотой рыбке, Чик оказался у разбитого корыта своей чести.

Чик так помрачнел, что вся его команда это заметила.

— Чик, не горюй, — сказала Ника, — они все просто дураки.

— Чик, — попытался утешить его Оник, — того, кто из нашей школы, ты всегда поймаешь. Это он рассказал про Рыжика.

Конечно, этого дурачка Чик всегда мог поймать и дать ему по морде. Чик удивлялся, что тот осмелился рассказать про него такое. По всем расчетам Чика он не должен был осмелиться рассказать это. Тут что-то не состыковывалось. Но Чик также знал, что, не отомстив главному обидчику, он не имеет права притрагиваться к этому дурачку. Это было бы подло и даже трусливо. «Но ведь я и так струсил», — пронзила Чика брезгливая боль.

— Пошли домой, — сказал Чик и стал одеваться. Вся команда его стала одеваться.

Когда они покидали пляж, тот, что учился в их школе, вдруг запел дразнилку, которую иногда напевали глупые пацаны при виде Лёсика:

— Лёсик, а-а-сто-рож-но, упадешь!

Вся компания расхохоталась. Лёсик, как всегда в таких случаях, глупо заулыбался. И теперь вдруг Чик понял,

что Лёсик своей улыбкой скрывает боль, которую он испытывает от оскорбления. Надо будет ему обязательно дать по морде, подумал Чик про мальчика из их школы, но только после того, как я отомщу главному обидчику. Чик обернулся на компанию, поймал глазами того, кто два раза трепанул его за чуб, и громко сказал:

— Встретимся один на один! — Но сам почувствовал, что слова его прозвучали неубедительно. Даже фальшиво.

— Да хоть со всей твоей хромоногой командой! — крикнул тот в ответ, и вся компания загоготала.

Чик покидал поле битвы с поникшей головой. Вернее, поле несостоявшейся битвы. Никогда ему не было так плохо. Почему, почему все это случилось? Почему он испугался? Конечно, они могли напасть всей сворой. Но ведь могли и не напасть. Неужели, думал Чик, ему сейчас стало необыкновенно плохо, потому что до этого было необыкновенно хорошо?

Он сейчас осознал свою первую ошибку, которая, может быть, оказалась главной. Когда его окликнул этот пацан и оскорбительно стал говорить о том, что Рыжик его отлупцевал, надо было резко его оборвать. А Чик слишком добродушно ему ответил, надеясь снова лечь и продолжить блаженство. Может, тот, кто сверху, наградив его этой сладостью за то, что он научил Лёсика плавать, сказал: «Хватит! Научил одного мальчика плавать и уже захотел, чтобы всю жизнь тебе почесывали спину. Размечтался! Получай!»

Стыд. Стыд. Стыд. Несколько дней после этого случая Чик ходил по городу, надеясь встретиться с этим пацаном

один на один. Но тот как сквозь землю провалился. Чик его так нигде и не встретил. Через некоторое время боль обиды притупилась и днем почти не чувствовалась. Но по ночам иногда и через несколько месяцев всплывало. И Чик от боли и стыда извивался на скомканной простыне.

Иногда в такие минуты ему хотелось стать сообщником какой-нибудь бандитской шайки и, поймав этого мальчика, напугать его до смерти. Да, Чик иногда чувствовал блатную романтику. И он думал: или — или. Или всеобщая честность, или, если это невозможно, пусть все дрожат от страха при виде тебя.

Прошел год. Чик со своей взрослой двоюродной сестрой, которую звали Лена, возвращался из Чегема, где гостил у дедушки.

У тети Лены было красивое лицо и могучие голые руки. Платье у нее было с короткими рукавами. По дороге в Анастасовку, и на пароме через Кодор, и в ожидании парома они встречали немало молодых людей. Взглянув на лицо тети Лены, молодые люди сами светлели лицом и выражали желание поближе с ней познакомиться. Но потом, разглядев ее могучие руки, они как бы съезжались и увядали. Тетя Лена, замечая все это, презрительно улыбалась, как бы говоря: да не бойтесь вы, приблизьтесь, может, и не ударю.

В селе Анастасовка Чик и тетя Лена подоспели к отходящему на Мухус автобусу. Тетя Лена держала корзину со всякой деревенской снедью. А Чик держал в одной руке живого петуха, а в другой живую курицу. Чик держал их за связанные лапки.

Курица вела себя смиренно, но петух снизу вверх злобно поглядывал на Чика и время от времени норовил клюнуть Чика

в ногу. Было похоже, что он не мог простить ему своего унижения оттого, что его держат вниз головой, да еще на глазах у курицы.

Чик устал от этого петуха не потому, что он был довольно тяжелый, а потому, что он все время требовал внимания и надо было держать его достаточно далеко от голых ног. Петух вдруг, ни с того, ни с сего как взорвется, как захлопает рыжими крыльями, как потянется разинутым клювом к его ноге! Чик у него надоело быть бдительным и то петуха отдергивать от ноги, то ногу отдергивать от петуха. И он был рад, когда у входа в автобус тетя Лена обернулась и взяла у него петуха и курицу и обеих зажала в одной руке. Между прочим, петух даже не пикнул и не попытался укунить ее голую руку. Продолжая держать в другой руке корзину, она вошла в автобус. Чик за ней.

— Вот свободное место, — кивнула она ему, — а я пойду сяду дальше.

Чик хлопнулся на свободное место и только тут заметил, что рядом с ним сидит какой-то мальчик. Мальчик, круто повернувшись, смотрел в окно. Автобус запыхтел и пошел в сторону Мухуса, трясясь и подпрыгивая на выбоинах шоссе.

Чик был в радостном, возбужденном состоянии. Как ни хорошо было в доме бабушки, Чик, в конце концов, был, городским мальчиком и через некоторое время начинал скучать по городу.

Кроме того, вдали от города, среди могучей горной природы Чика начинала доходить мысль о Боге, о том, кто создал Землю и кто тайно следит за всем тем, что происходит на Земле.

Научное объяснение появления нашей планеты Чик отвергал как антинаучное. Говорили, вроде наша планета образова-

лась от осколка какой-то взорвавшейся звезды. Но земля имеет форму шара, она круглая. А если разбить хоть камень, хоть кирпич, хоть что — осколки никогда не бывают круглыми. Неужели ученые сами не могли допетрить до этого? Это — во-первых. А во-вторых — откуда взялась та взорвавшаяся звезда? Конечно, они могли сказать, что та взорвавшаяся звезда образовалась от другой, еще более огромной взорвавшейся звезды. А откуда взялась эта, другая звезда? Так можно было спрашивать до бесконечности. Ответа не было и не могло быть. Чик это понимал. Все уходило в тоскливую бесконечность. Очень тоскливую. Гораздо приятней было думать, как деревенские: Бог всё создал! И всё! Чур, больше ни о чём не спрашивать!

Иногда Чику казалось, что Он сверху следит за всем, что происходит на Земле, и даже за всеми нашими мыслями. Бывало, лежишь себе на бычьей шкуре под сенью старой яблони, думаешь о чем-нибудь добром, хорошем, и вдруг — порыв ветра, и с яблони шлеп созревшее яблоко, и катится по косогору двора чуть ли не прямо тебе в рот. Ну, не чудо ли это?! Конечно, это награда за твои хорошие мысли. Иногда вроде и не было хороших мыслей в этот миг, а яблоко шлепнулось и катится в твою сторону. Никакого противоречия. Чик припоминал что-то хорошее, что он подумал или сделал вчера или чуть раньше. Всевышний просто немного опоздал, но не забыл вознаградить.

А иногда бежишь босой по горной тропе и вдруг как садают по пальцам ноги какой-то корень, торчащий над тропой, и ты извиваешься от боли и подпрыгиваешь на одной ноге: за что? Ведь я ничего плохого не думал в это мгновение!

И вдруг припоминаешь: а ведь я позавчера снял и съел вкуснейшую пенку с молока, когда все вышли из кухни. Ты смотри, даже такие мелочи замечает и наказывает!

Но иногда, и это бывало довольно часто, Чику казалось, что Бог там, наверху, все прозевал. Например, крестьяне проклинали Сталина за то, что он придумал колхозы, и проклинали, как догадывался Чик, правильно. И проклинали достаточно громко, а он там ничего не слышит. Во всяком случае, Сталин смеется себе в усы и живет. Ты же Бог, ты же всемогущий, превратись на минуту в человека-невидимку, подойди к Сталину на мавзолее и хотя бы дерни его за ус.

Нет, не дергает! А может, и дергал, но в киножурналах со Сталиным на мавзолее ничего такого не показывали. Так дергал он его за ус или не дергал? Полная неясность. Да, в горах, среди могучей природы Чик слишком часто думал о началах и концах, и от этого становилось тоскливо.

И вот сейчас, когда автобус мчал его к родному городу, Чик был весел, никакая космическая печаль его не задевала, и ему захотелось поболтать с мальчиком, сидящим рядом. Но мальчик упорно продолжал глядеть в окно.

— Ты что, первый раз в этих местах? — спросил Чик.

— Нет, — ответил мальчик тусклым голосом после тусклой паузы.

— Ты из Мухуса? — спросил Чик.

— Какая разница, — ответил мальчик таким голосом, как будто Чик его замучил своими вопросами. Он продолжал упорно глядеть в окно.

— Как какая? — удивился Чик. — Я вижу по твоему голосу, что ты из Мухуса.

Чик хорошо отличал говор сельчан от говора городских людей.

— Может, из Мухуса, а может, и нет, — уныло ответил мальчик, продолжая глядеть в окно.

— Странный ты какой-то, пацан, — сказал Чик, — чего ты все время в окно пялишься?! Так можно и башку вывернуть.

— Куда хочу, туда и смотрю, — ответил мальчик, упорно продолжая глядеть в окно.

И тут Чик понял, что этот мальчик почему-то не хочет, чтобы Чик видел его лицо. В окно можно было смотреть, и не так уж выворачивая голову.

— Может быть, — мирно предположил Чик, — у тебя родимое пятно на лице, и ты стыдишься его? У нас в школе есть такой. Ничего страшного. Я даже притрагивался к его пятну и потом этой же рукой ел хлеб с повидлом.

— Какое там еще пятно, — пробурчал мальчик, упрямо продолжая смотреть в окно.

И тут Чик догадался, что этот мальчик не хочет быть узнанным. Чик попытался по его затылку восстановить в памяти его лицо. Но лицо не восстанавливалось. Интересно, что Чик, стараясь понять, почему этот мальчик скрывает свое лицо, ни разу не подумал о том пацане, который его унизил на берегу моря. Чик столько раз мысленно встречался с ним в городе, что свыкся с тем, что только в городе его и может встретить. Но почему, почему этот мальчик скрывает от него свое лицо?

И Чик решил его перехитрить. Он замолк и больше ничего у него не спрашивал. Автобус грохотал по разбитому шоссе, мальчик упорно продолжал глядеть в окно. Так продолжалось довольно долго. Наконец автобус остановился на какой-то промежуточной станции.

Чик тихо встал и тихо вышел из автобуса. Он снаружи, с улицы посмотрел на мальчика и понял, кто это. Это был он, тот самый, который дергал его за чуб! Но какое у него было сейчас бледное, скучное лицо! Он Чика так и не заметил. Уставился в одну точку и застыл. Чик быстро впрыгнул в автобус, боясь, что новые пассажиры займут его место. Тихо уселся. Мальчик, как и прежде, безразличный к жизни автобуса, продолжал смотреть в окно. Бедняга не понимал, что теперь это глупо!

Чик почувствовал необыкновенный прилив сил. Он ощутил свое полное превосходство над этим мальчиком. Раз он так упорно отворачивается, значит, он его ужасно боится. Какое нахальное и воинственное было у него лицо там, на берегу, и какое жалкое теперь!

Автобус пошел дальше. Мальчик всё еще с глупым упорством смотрел в окно.

— Можешь не отворачиваться, — сказал Чик торжественно, — я тебя узнал. Вот мы и встретились один на один.

После долгого молчания последовали почетные условия перемирия.

— Я тебя всего два раза дернул за чуб, — сказал мальчик, всё еще глядя в окно, — можешь и ты дернуть меня за чуб... три раза...

Сравнил! Дергать его за чуб здесь, в автобусе, где его никто не знает, и дергать Чика за чуб на пляже, на виду у команды Чика и у всех своих подлых друзей!

Мальчик упорно продолжал смотреть в окно.

У Чика в голове вертелись эпизоды из гангстерских рассказов, которые обильно печатались в журнале «Вокруг света», какие-то случаи из воровской жизни диккенсовских героев и из других книг.

— Тут чубом не отделаешься, — сказал Чик. — Ты думаешь, зачем я ездил в горы? Я в шайке. Там бывают нужны такие пацаны, как я. Я пролезаю в форточку, а потом изнутри дома открываю двери.

Чик не учел, что в южных домах, в Абхазии, вообще не бывает форточек. Но и мальчик от страха, видно, об этом не подумал.

— Но сейчас мы ездил в дремучий лес, — сказал Чик, — чтобы казнить одного предателя. Наши люди здесь в автобусе. Они одеты под крестьян.

— Как казнить? — тоскливо спросил мальчик.

— Казнить самой страшной казнью, — сказал Чик, — он предал милиции малину.

— Какой казнью? — почти рыдающим голосом спросил мальчик, все так же упорно продолжая смотреть в окно.

Чик хотел сказать, что его разорвали, привязав к двум деревьям. Но потом отказался от этой мысли. Местные деревья были не настолько гибки, чтобы их наклонять друг к другу. Он хотел, чтобы всё было правдоподобно. Он вспомнил менее свирепую, но более изысканную казнь.

— Привязали его голого к дереву, в дупле которого осиное гнездо, — сказал Чик, — теперь его осы закусуют до смерти. Ты представляешь? Ты висишь, а тебя день и ночь кусают осы. Потом глаза ему выключают вороны, а тело сожрут медведи и волки...

— Шакалы тоже? — горестно полюбопытствовал мальчик, продолжая смотреть в окно.

— Шакалам тоже кое-что перепадет, — сказал Чик, — они будут догрызать косточки.

Потом Чик бодро, со множеством подробностей рассказал мальчику, как родственник Ясон, забравшись ночью в чужую квартиру, вынужден был убить проснувшегося хозяина. Все было так, как рассказывал Ясон, с той только разницей, что Чик первым влезал в окно, а уж вслед за ним Ясон. Чик долго и вдохновенно рассказывал об этом.

На следующей остановке мальчик вдруг встал и, наконец, повернувшись к Чикю бледным лицом, попросил его:

— Пропусти, пожалуйста, мне сходить.

Чикю стало жалко мальчика, но он уже не мог остановить. Изо всех сил ухватившись за железную перекладину переднего сиденья, он преградил ему путь.

— Сиди, — приказал Чик, — дольше будешь ехать, дольше будешь жить.

Мальчик покорно сел. Автобус поехал дальше. Тут Чик выложил ему условия предстоящей драки. Можно на кулаках. Можно и на ножах. У Чика, оказывается, два ножа. И он благородно предоставляет мальчику право выбора оружия. Драка

должна произойти у обломков приморской крепости. Без свидетелей. Кстати, недалеко от того места, где мальчик трепал его за чуб, а Чик вынужден был терпеть, потому что нельзя было рисковать: в ту ночь предстояло Дело.

На следующей остановке мальчик, побелев, как бумага, снова встал и пролепетал, что ему надо сходить. Чик прекрасно знал, что ему не надо сходить. Он снова изо всех сил сжал перекладину переднего сиденья и преградил ему путь. И мальчик покорно сел.

Но вот автобус въехал в город, доехал до остановки и затормозил. Люди стали выходить. Чик немного растерялся, он не знал, как быть дальше. Уже многие люди вышли, а Чик все сидел, и мальчик замер в ожидании своей судьбы.

— Чик, ну что ты там завозился! — крикнула тетя Лена на весь автобус и стала приближаться к нему. Она властно протянула ему своей богатырской рукой петуха и курицу. И Чик у ничего не оставалось, как встать и, осторожно взяв сначала в правую руку петуха, левой зажать лапки курице. Он почувствовал, что для знаменитого, хоть и маленького разбойника у него сейчас довольно глупый вид. Принимал участие в страшной казни и на тебе петуха и курицу!

Теперь мальчик глядел то на Чика, то на петуха и курицу, и словно просыпался от летаргического сна. Образ, нарисованный Чиком, как-то не вязался с обликом мальчишки, которому женщина, правда, с могучими руками, небрежно сует петуха и курицу с перевязанными лапами. Нет, человеку такой профессии не суют в руки петуха и курицу. А если даже

и сунули, он должен был со смехом бросить их в лицо тому, кто сунул. И было совсем не похоже, что Чик может бросить этой женщине в лицо петуха и курицу.

— Я тебе прощаю все, — сказал Чик, стараясь опередить пробуждение мальчика, — только не имей привычки дергать за чуб незнакомых пацанов. Можешь не на того нарваться. А это так... Для понта...

С этими словами Чик слегка развел руками, и тут петух вдруг взорвался, захлопал крыльями, заклокотал и неожиданно укусил Чика возле колена. Было больно так, как будто петух вколотил гвоздь в голень Чика! Было больно так, как будто бы сто ос ужалили его одновременно и в одно и то же место! Но мальчик, все еще просыпаясь от летаргического сна, глядел на Чика, и Чик выдержал боль, он не вскрикнул и даже не взглянул на место укуса. Он только отвел подальше от ноги петуха.

— У тебя кровь, — вдруг сказал мальчик и кивнул на ногу Чика.

Чик небрежно опустил глаза. В самом деле, струйка крови поползла по голени. Чик поднял глаза и сказал:

— Разве это кровь...

Мальчик теперь с разинутым ртом уставился на Чика. Было похоже, что выход из летаргического сна был приостановлен.

— Чик, что ты там остолбенел? — крикнула тетя Лена уже с улицы. Чик спрыгнул с подножки и легко догнал ее. Он шел быстро и плавно, стараясь не расплескать гнев петуха. Он больше не чувствовал себя оскорбленным этим маль-

чиком. Он даже удивлялся, почему ему так больно было вспоминать, как этот мальчик потрепал его за чуб.

Каким наглецом тот был на пляже и каким покорным стал в автобусе! Конечно, Чик его довел. Но ведь, еще ничего не зная о разбойничьих подвигах Чика, он уже отвернулся к окну, чтобы Чик его не заметил. Значит, уже боялся.

Чик посмотрел на ногу. Боль все еще слегка пульсировала. Полоска крови начала подсыхать. И вдруг Чика поразило неожиданное открытие. Это он, Всевидящий, наслал на Чика укус петуха, потому что Чик переусердствовал, пугая этого мальчика. А год назад наслал на Чика этого же мальчика, потому что тогда Чик переусердствовал, размечтавшись о блаженном почесывании своей спины. Как все связано! Вот мудрость того, кто все видит и слышит, да не сразу раскумекаешь, что к чему! Для этого надо иметь хорошую черепушку. Что, что, подумал Чик, а кумпешка у меня работает. Но тут Чик вдруг осекся, догадавшись, что может грянуть наказание за хвастовство, да и петух подозрительно встрепетулся и клокотнул.

ВОЗМЕЗДИЕ

Чик стоял рядом с дядей Алиханом, продававшим сласти у входа на базар, когда с базара вышел Керопчик с тремя друзьями. Чик сразу почувствовал, что Керопчик и его друзья очень весело настроены и что это не к добру.

Они выпили на базаре чачи, и желание повеселиться настигло их у выхода с базара. Чик это сразу почувствовал.

— Хош* имею пошухарить, — сказал Керопчик и остановился вместе с друзьями.

Слева от входа под навесом лавки стоял Алихан со своим лотком, набитым козинаками и леденцами, а справа от входа расположился чистильщик обуви Пити-Урия.

Только что прошел дождь. Пережидая его, Чик остановился под навесом возле Алихана, но уже сверкало солнце, и Чик собирался уходить домой, когда появился Керопчик со своими друзьями.

Небольшого роста, коренастый, Керопчик посмотрел вокруг себя своими прозрачными глазами безумной козы. Сначала он посмотрел на Пити-Урию, который барабанил щетками по дощатому помосту, куда клиенты ставят ногу, но под взглядом Керопчика перестал стучать.

Керопчик перевел взгляд на Алихана и, решив, что с Алиханом ему интереснее повеселиться, подошел к нему.

Чик почувствовал тревогу, но Алихан почему-то ничего не почувствовал. Высокий, сутуловатый, он стоял над своим лотком, уютно скрестив руки на животе.

— Салам алейкум, Алихан, — сказал Керопчик, еле сдерживая подпиравшее его веселье.

Чик понял, что Керопчик уже что-то задумал. Друзья его тоже подошли к Алихану, весело глядя на него в предчувст-

* Настроение

вии удовольствия. Алихан и тут не обратил внимания на настроение друзей Керопчика.

— Алейкум салам, — отвечал Алихан на приветствие, голосом показывая неограниченность своей доброжелательности.

— Ты почему здесь торгуешь, Алихан? — спросил Керопчик, словно только что заметил его лоток.

— Разрешениям имеем, Кероп-джан, — удивляясь его удивлению, отвечал Алихан.

— Кто разрешил, Алихан?! — еще больше удивился Керопчик, подмигивая друзьям, уже корчившимся от расправшего их веселья.

Алихан и на подмигивание его не обратил внимания.

— Милициям, Кероп-джан, — ответил Алихан, слегка улыбаясь чудаческой наивности Керопчика, — начальник базарам, Кероп-джан.

— У меня надо разрешение спрашивать, Алихан, — назидательно сказал Керопчик и легким толчком ноги опрокинул лоток. Стеклованная витрина лотка лопнула, и часть сладостей высыпалась на мокрую булыжную мостовую.

Керопчик и его друзья повернулись и пошли к центру города. Они шли, подталкивая Керопчика плечами и показывая ему, как это он здорово все проделал.

Алихан молча смотрел им вслед. Губы его безропотно шевелились, а в глазах тлела тысячелетняя скорбь, самая безысходная в мире скорбь, ибо она никогда не переходит в ярость.

Сердце Чика разрывалось от жалости и возмущения подлостью Керопчика и его друзей. О, если бы у Чика был авто-

мат! Он уложил бы всех четырех одной очередью! Он строил бы и строчил по ним, уже упавшим на землю и корчившимся от боли, пока не опустел бы диск!

Но не было у Чика никакого автомата. Он держал в руке базарную сумку и молча смотрел вслед удаляющимся хулиганам.

Алихан постоял, постоял и вдруг, опираясь спиной о стенку лавки, возле которой он стоял, сполз на землю и, сев на нее, стал плакать, прикрыв лицо руками и вздрагивая тощими сутулыми плечами.

Лавочник высунулся из-за прилавка и удивленно посмотрел вниз, словно стараясь разглядеть дно колодца, в который опустился Алихан.

— Дядя Алихан, не надо, — сказал Чик и, нагнувшись, стал подбирать леденцы и липкие от меда козинаки, сдувая и выковыривая из них соринки.

Чик подумал, что если их вымыть под краном, то еще вполне можно продать. Он собрал все, что высыпалось, и вложил обратно в лоток через пролом разбитого стекла. Он отряхнул руки, как бы очищая их от медовой липкости, а на самом деле показывая окружающим, что ничего не взял из того, что высыпалось из лотка. Он это сделал бессознательно, как так уж само собой получилось.

Вокруг Алихана сейчас столпились лавочники из ближайших лавок, знакомые и просто случайные люди.

— Он сказал: «Хош имею пошухарить», — рассказывал Пити-Урия вновь подхитившим. — Я думал, ко мне подойдет, а он прямо подошел к Алихану...

И вдруг Чик почувствовал, что по толпе прошел испуганный и одновременно благоговейный шелест. Некоторые стали незаметно уходить, но некоторые оставались, шепча вполголоса:

— Мотя идет... Тише... Мотя...

По тротуару, ведущему ко входу на базар, шел Мотя Пилипенко. Это был рослый, здоровенный парень в сапогах и матросском костюме с медалью «За отвагу» на бушлате.

Год тому назад он появился в Мухусе и сразу же настолько возвысился над местной блатной и приблатненной мелко-той, что никому и в голову не приходило соперничать с ним. Считалось, что его и пуля не берет, и потому он имел прозвище Мотя Деревянный.

О его неслыханной дерзости рассказывали с ужасом и восхищением. Простейший способ добычи денег у него был такой. Говорят, он входил в магазин со своим знаменитым саквояжем, вызывал заведующего и, показывая на саквояж, тихо говорил:

— Дефицит... Закрой двери...

Заведующий выпускал покупателей, приказывал продавцу закрыть дверь и подходил к прилавку, куда Мотя ставил свой саквояж. Мотя осторожно открывал саквояж, заведующий заглядывал в него и немел от страха — на дне саквояжа лежало два пистолета.

Заведующий подымал глаза на Мотю, и тот, успокаивая его, окончательно добивал:

— Эти незаряженные, — кивал он на пистолеты, лежавшие в саквояже, — заряженный в кармане.

После этого заведующий более или менее послушно вытаскивал ящик кассы и вытряхивал его в гостеприимно распахнутый Мотей саквояж. Мотя закрывал саквояж и, уходя, предупреждал: — Полчаса не открывать...

Так, говорили, он действовал в самом Мухусе и в окрестных городках.

Чик не только слышал о Моте, но и довольно часто видел его. Дело в том, что недалеко от улицы, на которой жил Чик, был довольно глухой переулок и в конце этого переулочка находились баскетбольная и волейбольная площадки. Между ними травянистая лужайка, на которой росла шелковица.

Мотя почему-то любил приходить сюда отдыхать. Он или спал на траве под деревом, или, опершись подбородком на руку, лениво следил за игрой, и его глаза выражали всегда одно и то же — спокойный брезгливый холод.

И глаза Моти (что скрывать!) были источником тайного восторга Чика. Чик знал, что именно такие глаза были у любимых героев Джека Лондона. Ни у одного из знакомых Чика не было таких глаз. Чик иногда украдкой всматривался в зеркало, чтобы поймать в глубине своих глаз хотя бы отдаленное сходство с этим выражением ледяного холода, и с грустью вынужден был признать, что ничего похожего в его глазах нет.

Может быть, дело в том, что глаза у Чика были темные? Кто его знает. Но до чего же Чик любил эти стальные глаза, выражающие ледяной холод или презрение к смерти. Иногда Чик думал: согласился бы он потерять один глаз, чтобы второй глаз стал таким? Чик не мог точно ответить себе на этот вопрос.

С одной стороны, ему все-таки было бы неприятно становиться одноглазым, а с другой стороны, он не был уверен, что одинокий, хотя и источающий ледяной холод, глаз может производить то впечатление, которое производили глаза Моти.

Мотя, конечно, не мог не заметить восхищенных взоров Чика, когда тот издали на спортплощадке любовался им, но, разумеется, Чик с ним никогда не разговаривал, тем более на эту тему. Однажды на спортплощадке Мотя хотел Чика послать за папиросами, но Чик не успел подойти, как один из мальчиков постарше Чика выхватил у него деньги и побежал сам.

И вот сейчас Мотя, сверкая своей медалью, приближался к ним. Говорили, что он эту медаль получил не на фронте, а каким-то темным путем. Чик этому почему-то не хотел верить, хотя одновременно и восхищался дерзостью, с которой Мотя носил эту медаль, если она не заслужена...

...Мотя подходил тяжелыми шагами усталого хозяина. Поравнявшись с толпой и не понимая, в чем дело, он остановился и сумрачно оглядел толпу. Толпа раздвинулась, и Мотя увидел Алихана, сидящего на земле и плачущего рядом со своим разбитым лотком.

— Кто? — спросил Мотя, с брезгливым холодком оглядывая толпу.

Взгляд его говорил: то, что вы не способны кого-нибудь защитить, это я и так знаю, но сделайте то, что вы можете сделать, назовите виновника.

Толпа несколько секунд смущенно молчала: все жалели Алихана, но никому не хотелось осложнять себе жизнь.

— Керопчик! — первым крикнул Пити-Урия, и сразу же все закивали, показывая, что это правда...

— Говорит: «Хош имею пошухарить», — продолжал Пити-Урия, — подошел и ногой перевернул...

— Оттягивать стариков, — сказал Мотя задумчиво и, уже двинувшись, добавил: — Он у меня получит...

Так сказал Мотя и, скользнув холодными глазами по Чикку (Чик одновременно почувствовал страх и восхищение), тяжелыми шагами хозяина прошел на базар.

— Мотя, сапоги почистить?! — крикнул ему вслед Пити-Урия, но тот ничего не ответил. — Он у меня всегда чистит, — добавил Пити-Урия, оглядывая редующую толпу, — все знают...

— Дай Бог мне столько здоровья, — сказал лавочник, сно-ва высовываясь из лавки и оглядывая сверху Алихана, словно удивляясь, что тот все еще не поднялся, — сколько крови потеряет Керопчик...

Чик шел домой, взволнованный всем случившимся и воодушевленный предстоящим возмездием, ожидающим Керопчика. Чик давно ненавидел Керопчика. Он ненавидел его еще с довоенных времен, о чем Керопчик, конечно, не подозревал.

В тот день Чик сидел на верхней трибуне стадиона и смотрел футбольный матч. Недалеко от него на верхней же трибуне сидел его старший брат. И вдруг он услышал, что дразнят его старшего брата.

— Мусульманин? Ислам-бек! — выпевали они гнуснейшими голосами.

Как настрадался тогда Чик в обиде за брата! И как гнусна была сама омерзительная бессмысленность этой дразнилки. Ну, предположим, то, что они мусульмане, это более или менее верно... Но при чем тут Ислам-бек?! В роду у Чика и его брата не было никакого Ислам-бека, и этот подлец об этом хорошо знал.

С каким горьким презрением поглядывал Чик на брата, особенно раздражала его стрижка «под бокс», которую самое время было оправдать. Поймай и избежь их, думал Чик, ты же сильнее их, я же знаю. Но брат сидел и молчал или изредка поворачивался к ним и бросал им какие-нибудь бесплодные угрозы, которые еще больше подхлестывали их.

Все удовольствие от футбольного матча было тогда для Чика испорчено. И хотя с тех пор уже прошло много лет, а брат Чика уже давно был в армии, но, как только Чик вспоминал тот день, настроение у него портилось.

Чик сам не мог понять до конца, почему это так. Может быть, дело в том, что дразнили его старшего брата. Если бы дразнили самого Чика, было бы не так обидно. Он это знал.

Но главное все-таки заключалось в самой бессмысленности этой дразнилки, в уверенном торжестве этой бессмысленности, которая была написана на воздетом вверх на трибуны лице Керолчика, в сиянии его прозрачных козьих глаз. Он как бы говорил всем своим обликом брату Чика: вот тебе кажется, что ты давным-давно забыл о своем мусульманстве, вот тебе кажется, что Ислам-бек не имеет к тебе никакого отношения, но именно поэтому мы тебя будем так дразнить, и тебе от этого будет очень обидно.

И вот сегодня этот самый Керопчик так подло обидел дядю Алихана — и вдруг появился сам Мотя и при всех сказал, что Керопчик свое получит.

Возмездие, возмездие! Ну, теперь, Керопчик, держись! Чик по-разному представлял месть Моти. Иногда ему представлялось, что тот избивает Керопчика до полного нокаута. Иногда ему представлялось, что он ставит Керопчика на колени перед самым лотком Алихана и, велев ему так стоять весь день до самого закрытия базара, сам уходит по каким-то своим делам. Чик даже представлял, что Алихан, глядя на Керопчика своими круглыми персидскими глазами, делает ему знаки, чтобы тот стал на ноги и немного поразмялся, но Керопчик продолжает стоять в униженной позе, потому что так приказал сам Мотя, по прозвищу Деревянный, потому что его не берет ни одна пуля. Чик даже представлял себе все того же лавочника, возле которого стоял Алихан, он представлял, как этот лавочник высовывается из-за прилавка и смотрит вниз на Керопчика, как бы удивляясь непомерной глубине его падения.

В течение ближайших дней Чик лихорадочно искал на улицах города, на базаре и в парках встречи с Мотей или Керопчиком.

Несколько раз он мельком видел Керопчика, но по лицу его никак нельзя было понять, что возмездие совершилось. Мотю он тоже дважды за это время встречал на спортплощадке и несколько раз бросал на него жгучие, тоскующие по возмездию взгляды. Но понимал ли его Мотя, Чик не мог сказать, а сам напомнить ему об обещанном возмездии не решался.

Примерно через неделю после случая с Алиханом Чик пришел в парк кататься на «гигантских шагах» и вдруг увидел здесь Керопчика. Тот сидел со своими дружками под огромной сосной и играл в «очко».

Увидев Керопчика, Чик почувствовал приступ тоски по возмездию. Он не стал дожидаться своей очереди, чтобы покататься, а тихонько вышел из парка, решив во что бы то ни стало найти Мотю.

В таком удобном виде, как сейчас, за это время он Керопчика нигде не встречал. До этого он его встречал мельком, а сейчас Керопчик сидел под сосной и играл в карты, и Чик знал, что это надолго.

Чик был так возбужден, что решил: будь что будет, но если он найдет Мотю, то обязательно напомнит ему об обещанной мести.

Первым делом Чик отправился на спортплощадку, где любил отдыхать Мотя. Спортплощадка была расположена совсем близко от парка, в двух кварталах от него. И надо же, чтобы Чику наконец так повезло! Только он подошел к ней, как увидел человека, спящего под шелковицей. Это был он. Чик был в этом уверен. Да там и не осмелился бы никто отдыхать, зная, что это место облюбовал сам Мотя.

Сердце у Чика бешено заколотилось. Он вошел в ворота спортплощадки. Он пошел по лужайке к шелковице, стараясь шуметь травой, чтобы Мотя его услышал.

Услышав эти шаги, Мотя приподнял голову, спросонья зевнул и посмотрел на Чика. Чик поздоровался с ним и, ничего не говоря, бросил на него взгляд, полный такого тоскливо-

го напоминания, что, кажется, Мотя догадался. Во всяком случае, он еще раз зевнул и вдруг сам спросил у Чика:

— Керопчика не видел?

— Видел, — ответил Чик, едва сдерживая прихлынувший восторг, — в детском парке в карты играет.

Чик невольно, но отчасти и сознательно придал своему голосу такую интонацию: ему ли после обещанного Мотей возмездия спокойно играть в карты?!

— Приведи его сюда, — сказал Мотя и, лениво вынув из кармана папиросы «Рица», закурил.

— Сейчас, — сказал Чик и, выбравшись на улицу, изо всех сил помчался к парку.

У входа в парк он остановился и отдышался. Он боялся, что Керопчик что-нибудь заподозрит и сбежит. Нельзя вспугивать дичь раньше времени! Он спокойно подошел к играющим в карты.

— Керопчик, — сказал Чик, — тебя Мотя зовет...

— А где он? — спросил Керопчик, не вынимая изо рта папиросы и подымая над картами свои, сейчас прищуренные от дыма, прозрачные козы глаза.

— На спортплощадке, — сказал Чик.

— А что он хочет? — спросил Керопчик.

Чик окончательно уверился, что Керопчик ничего не знает о ждущем его возмездии.

— Не знаю, — сказал Чик, — он спросил меня: «Керопчика не видел?» Я сказал: «Видел». Тогда он сказал: «Приведи его сюда».

Теперь все игравшие в карты бросили играть и прислушались к тому, что говорит Чик.

— Ты с ним дела не имел? — спросил один из игравших.

— Никогда, — сказал Керопчик и пожал плечами.

— Ну пойдя, — сказал тот, что держал колоду, — раз Мотя зовет, значит, что-то хочет узнать.

— Я сейчас прикандѣхаю, — сказал Керопчик и, сунув во внутренний карман пиджака кучу мятых денег, лежавших возле него, встал.

Он отряхнулся и, плотнее заложив в брюки сбившуюся рубашку, затянул пояс.

Чик и Керопчик вышли из парка и пошли в сторону спортплощадки. Чик заметил, что Керопчик, пока они выходили из парка, шел бодро, но потом приуныл.

— А вид у него какой? — спросил Керопчик.

— Обыкновенный, — сказал Чик.

Они свернули в глухой переулок, в конце которого была спортплощадка.

— Братуха пишет? — вдруг спросил Керопчик.

— Да, — сказал Чик и почувствовал, как что-то в нем кольнуло.

Он вспомнил, что брат его и после того футбольного матча много раз мирно встречался и разговаривал с Керопчиком. Это Чик помнил обиду, но сейчас она ему показалась не очень важной.

— Хороший парень был, — сказал Керопчик про брата. Чик промолчал.

— Не жадный, — добавил Керопчик после некоторой паузы. Они уже были совсем рядом со спортплощадкой. Они вошли в нее. Мотя сидел на траве и ожидал их.

— Привет, Мотя! — бодро сказал Керопчик, когда они подошли. Мотя ничего не ответил и продолжал сидеть. Он даже не поднял головы. Во рту у него дымилась папироса.

— Ты меня звал? — спросил Керопчик. Мотя опять ничего не ответил, а, тяжело поднявшись и не вынимая папиросу изо рта, сказал:

— Раздевайся...

— За что, Мотя?! — удивился Керопчик.

— За... — спокойно ответил Мотя и лениво наотмашь ударил Керопчика по лицу. Голова Керопчика мотнулась назад.

— За что, Мотя?! — снова спросил он.

— За... — спокойно повторил Мотя, — раздевайся...

Чик стало ужасно неприятно. Но почему он ему не говорит, за что, подумал Чик, и, главное, почему он его раздевает?!

Керопчик молча снял пиджак и протянул его Моте. Чик вспомнил, как он небрежно впихивал деньги в карман пиджака.

— Держи, — кинул Мотя Чик.

Чик стало совсем неприятно, но возразить он не посмел. До сих пор он был свидетелем возмездия, о котором так мечтал, а теперь стал как бы его соучастником. Чик держа пиджак на полусогнутой руке, стараясь как можно меньше прирагиваться к нему.

— Раздевайся, — снова сказал Мотя и отплюнул окурок.
— За что?! За что, Мотя? — отчаянно спросил Керопчик.
— Я же сказал. — Мотя снова тяжело и лениво ударил Керопчика по лицу.

Голова Керопчика опять отмотнулась. Он расстегнул рубашку и стянул ее с себя, обнажая голую грудь, на которой был наколот орел, уносящий девушку. Наколка эта сейчас показалась Чику жалкой.

Керопчик положил рубашку на пиджак.

— Корочки, — приказал Мотя.

Керопчик поспешно снял свои туфли и, не зная, как их вручить Чику, замешкался.

— Свяжи шнурками, чудило, — посоветовал Мотя, и Керопчик стал поспешно связывать шнурки туфель неслушающимися пальцами. Наконец он их связал и перекинул связанные туфли через полусогнутую руку Чика.

Чем больше тяжелела рука Чика, тем сильнее он чувствовал свое участие в том, что делал Мотя, и ему это было ужасно неприятно. Кроме этого, он еще боялся, что кто-нибудь из редких прохожих на этой улице окажется знакомым и донесет тетушке, что он принимал участие в грабеже.

Но редкие прохожие не обращали внимания на то, что происходило здесь.

В конце спортплощадки стоял домик, выходивший окнами на спортплощадку. Там жил один нервный тип, ненавидевший эту спортплощадку, потому что мяч иногда попадал в окна его домика. Это случалось очень редко, потому что домик

стоял достаточно далеко, но хозяин все равно был очень нервным и, бывало, часами следил из окна в ожидании, когда мяч перелетит в его дворик или попадет в окно.

Сейчас он стоял у окна, и даже издали было видно, что он тарашит белки глаз и как бы рвется выпрыгнуть в окно. Жена, стоя за ним, удерживала его. Чик понимал, что его не столько удерживает жена, сколько собственный страх.

Неужели он его и брюки заставит снять, с ужасом подумал Чик, когда Керопчик повесил ему на руку свои перевязанные шнурками туфли.

— Шкары, — приказал Мотя, словно отвечая Чику.

— Хоть скажи, за что! — снова отчаянно попросил Керопчик. Лицо его побледнело, и только на щеке, куда его дважды ударил Мотя, горело красное пятно.

— Я же тебе сказал, — спокойно отвечал Мотя. — Повторить?

Керопчик, расстегнув пояс, стал дрожащими руками снимать брюки и долго не мог вытащить ногу из одной штанины, наконец вывернув ее, снял брюки и положил их на уже немеющую руку Чика.

Теперь Керопчик стоял в носках и сатиновых трусиках, и орел, уносящий девушку, наколотый на его груди, казался еще более нелепым.

Чику стало его страшно жалко. Ему стало стыдно, что все это случилось благодаря его стараниям. Чтоб уменьшить этот стыд, он старался припомнить, как Керопчик дразнил его старшего брата, как тогда ему было больно и тяжело слышать

его гнусное пение, он старался вспомнить, как Керопчик нагло опрокинул лоток Алихана, но все это сейчас почему-то казалось не таким уж важным по сравнению с унижением, которому подвергал его Мотя.

«Неужели он его в таком виде заставит пройти по городу, и неужели я должен буду идти рядом и нести его одежду?» — с тоскливым отчаянием думал он.

Когда Керопчик положил, вернее, даже повесил брюки на согнутую руку Чика, нервный домовладелец схватился за голову, а потом решительным движением высунулся из окна, словно хотел прыгнуть, но жена его опять удержала. Из другого окна выглядывали трое черноглазых детишек и с большим любопытством следили за происходящим на спортплощадке.

— Ну, теперь трусы, — сказал Мотя, — а носки можешь оставить.

— Трусы я не сниму, — вдруг сказал Керопчик и еще сильнее побледнел.

В его прозрачных глазах появилось выражение смертельного упорства загнанной козы. Он приподнял голову и прямо смотрел на Мотю, ожидая удара.

Мотя не стал его ударять, а спокойно вынул из бокового кармана финский нож. Страх и ужас сковали Чика. Неужели он его будет убивать, мелькнуло у него в голове, как же это может быть?

— Сымай, — сказал Мотя и посмотрел в глаза Керопчика своим холодным, брезгливым взглядом.

— Не сниму, — сказал Керопчик тихо и еще больше побледнел. Мотя взял свой финский нож за лезвие и, оставив острие свободным пальца на три, наклонился и всадил нож в голое волосатое бедро Керопчика.

Приступ тошноты подкатил к горлу Чика. Керопчик неподвижно стоял и только слегка дернулся, когда нож вошел ему в ногу. Мотя разогнулся и посмотрел на Керопчика своими холодными глазами, и вдруг Чику показалось, что он понял смысл выражения его глаз: человеческое тело беззащитно против ножа и пули и потому сам человек достоин презрения.

Густая пунцовая капля крови появилась на том месте, куда Мотя всадил нож. И только Чик удивился, что оттуда не идет кровь, как Керопчик переступил с ноги на ногу и из ранки полилась тоненькая быстрая струйка крови. Она пошла вдоль ноги и затекла за носок.

— Сымай, — повторил Мотя.

— Не сниму, — ответил Керопчик, глядя на Мотю, и глаза его теперь были похожи на две ненавидящие раны.

Мотя наглядно перехватил лезвие финки, так что теперь он освободил его от острия примерно на четыре пальца и, наклонившись, всадил лезвие в другую ногу Керопчика. Керопчик вздрогнул, но опять не сошел с места, и только Чик услышал, как у него скрипнули зубы.

И опять Чик, как сквозь сон, удивился, что из ноги не идет кровь, и опять Керопчик переступил с ноги на ногу, и струйка крови, еще более обильная, полилась вдоль ноги,

извиваясь и набирая русло между густыми курчавящими-ся волосками.

— Негодяй, что ты делаешь! — вдруг с улицы раздался чей-то зычный голос, и через секунду в воротах спортплощадки появился высокий человек в военной форме.

Чик успел заметить, что Мотя посмотрел на него, никак не изменившись в лице, его глаза по-прежнему светились покойным, брезгливым холодом. В то же время он заметил, что Керопчик не только не обрадовался этой неожиданной помощи, а с явным раздражением смотрит в его сторону.

Не успел военный пройти и половину расстояния от ворот до того места, где они стояли, как из окна в самом деле выпрыгнул нервный домовладелец и с криком помчался в их сторону.

— Милиция! — кричал он дурным, блеющим голосом. — Я все видел! Я свидетель! Милиция!

Военный и домовладелец, сверкавший безумными глазами, почти одновременно подступали к Моте. Военный что-то возмущенно говорил Моте, но голос его полностью заглушался голосом домовладельца.

— Шакал! Гитлер! — кричал он. — Идем, милиция! Я свидетель!

Мотя в это время спокойно всовывал нож в боковой карман бушлата.

— Пирячет! Пирячет! — с торжествующим злорадством закричал нервный. — А кировь куда пирятать будешь?!

И он показал на окровавленные ноги Керопчика.

Вдруг Мотя выхватил из кармана, куда он прятал нож, пистолет и с криком:

«Ложись!» — выстрелил два раза.

В первое мгновение Чикуну показалось, что он убил домовладельца и военного, потому что оба они упали как подкошенные, и только через секунду Чикун понял, что Мотя стрелял в землю.

Почти сразу после выстрелов раздался истошный голос жены домовладельца, и Чикун увидел, что она бежит к ним, рвя на себе волосы и крича, как по покойнику. Чикун не понял, выпрыгнула она в окно или влетела через вторые ворота, которые были расположены возле их домика.

Услышав крики жены, тот приподнял голову, издали показывая, что он вполне жив-здоров и только удивляется ее странному поведению.

Увидев, что муж ее жив, жена бросилась к Моте.

— Мамочка, не убивай! Его не жалко — дети жалко! Мамочка, не убивай!

Тут Чикуну показалось, что Мотя немного растерялся.

— Ладно, ладно, — сказал он, слегка отстраняясь от нее, и, обращаясь к военному, приказал: — Встать!

Рука его, до этого свободно державшая пистолет, отвердела.

Домовладелец, лежавший рядом с военным, сейчас поглядывал на него, как бы удивляясь, откуда здесь могло появиться это чужеродное существо.

Военный молча встал.

— Кругом шагом марш! — приказал Мотя, и высокий, сильный на вид военный, посмотрев на Мотю ненавидящими глазами, молча повернулся и, опустив голову, ушел.

«Но ведь у него нет оружия, — подумал Чик, стыдясь за военного и жалея его, — а Мотя может сделать все, что захочет».

— Вставай ты тоже, — обратился Мотя к домовладельцу и, пряча пистолет, брезгливо передразнил: — «Милиция»...

Тот вскочил на ноги и слегка отряхнулся не столько от пыли, сколько показывая, что с недоразумением покончено и вообще оно было незначительным.

— Какой милиция?! — отвечал он Моте. — И гиде милиция?! Зайдем мой дом, гостем будешь, да? Гудаутское вино выпьем, да?

— Пошли, — вдруг сказал Мотя, охватывая всех глазами.

— Спасибо, мамочка! — снова запричитала женщина.

— Цыц! — прикрикнул на нее муж и пригрозил пальцем. — Иди что-нибудь приготовь!

Женщина быстрыми шагами, переходящими в побегу, пошла вперед, а следом двинулись все четверо. Впереди Мотя с хозяином, а чуть позади Керопчик в сатиновых трусиках и в носках, а рядом с ним Чик, оглушенный всем случившимся, с одеждой Керопчика, висящей на онемевшей руке.

И пока они переходили спортплощадку, и пока, выйдя на улицу, входили в дом, у ворот домов, расположенных напротив, стояли люди и молча следили за ними. Чик знал, что все они появились, как только раздались выстрелы, во всяком слу-

чае, никак не позже. Он также знал, что никто из них не пожалуется в милицию и не расскажет об увиденном.

Чик запомнил выражение лица хозяина, когда он, гостеприимно распахнув дверь, пропускал туда всех и одновременно поглядывал на улицу, как бы говоря ближайшим соседям: «Хочу — зову милицию, хочу — приглашаю в гости. Это мое дело».

Гости прошли по довольно темному коридору, хозяин открыл дверь перед собой, и они вышли на светлую застекленную веранду, где стояло несколько больших бочек, как понял Чик, пустых. На одной из бочек стоял небольшой бочонок, и по влажной втулке было видно, что в нем есть вино.

Хозяин достал висевший на стене резиновый шланг, поставил рядом с маленькой бочкой пятилитровую банку, открыл бочонок, сунул туда конец шланга, второй конец взял в рот и, втягивая щеки, стал высасывать оттуда вино. Вытянув вино, он быстро вынул изо рта конец шланга и сунул его в банку, куда мягко стала стекать розовая «изабелла». На веранде запахло виноградом.

Все это он проделывал с лихорадочной быстротой, то и дело поглядывая на Мотю, словно стараясь убедиться в правильности своих действий. Когда вино стало стекать в банку, он торжествующе посмотрел на Мотю. Теперь он сам был убежден в правильности того, что он делал.

Мотя взглянул на Чика и, кивнув на одну из бочек, сказал: — Положь...

Чик сбросил одежду Керопчика и освободил онемевшую руку. Он посмотрел на Керопчика, Керопчик посмотрел

на Мотю, может быть, ожидая, что тот предложит ему одеться, но Мотя промолчал.

Чик обратил внимание, что на противоположной стене веранды, над уютной тахтой, висел портрет Ломоносова. Точно такой же портрет висел у них в школе, и Чик никак не мог понять, откуда взялся такой портрет в этом доме.

— Красивый мужчина, да, — сказал хозяин, обратив внимание на то, что Чик смотрит на портрет Ломоносова, и как бы объясняя причину появления здесь этого портрета.

«Вот уж не сказал бы», — подумал Чик. Круглое лицо Ломоносова под париком никогда не казалось Чикю красивым.

Хозяйка внесла большую миску с нарезанными помидорами и огурцами и, поставив ее рядом с вином, вышла.

— Сейчас один-два стаканчика, пока курица будет, — сказал хозяин, разливая вино.

Пили почему-то из поллитровых банок.

Хозяин произнес тост за Мотю. Он говорил, все время повышая голос, и, как догадывался Чик, все больше и больше пьянел от радости, сознавая миновавшую опасность. В конце концов он сказал, что город не так дрожит, когда пролетает «юнкерс», как дрожит, когда проходит по его улицам Мотя. Держа банку в руке, Мотя слушал его с выражением угрюмой благодарности.

Чик все время думал, как бы ему уйти отсюда, но не знал, как это сделать. Он боялся, что, когда они напьются и уйдут отсюда, ему придется по всему городу нести одежду Керопчика, если Мотя не сменит гнев на милость.

Когда хозяин дошел до «юнкерса», Мотя попытался его остановить.

— Ладно, — сказал он, приподняв банку и показывая, что тост затянулся, а ему хочется выпить.

— Цыц! — прикрикнул вдруг на него хозяин. — Когда за тебя пьют, ты должен слушать и молчать.

И Мотя в самом деле промолчал.

— Аллаверды к нашему Керопчику! — сказал хозяин, выпив свою банку до конца, и, перевернув ее, показал, как от души до последней капли он выпил.

И Керопчик произнес тост за Мотю, стоя в своих сатиновых трусах, с кровавыми ручейками запекшейся крови на волосатых мускулистых ногах. Он говорил, всем своим видом показывая, что стоит выше личной обиды, может быть, по ошибке нанесенной ему Мотей.

Выпив свою банку, он сделал несколько шагов к бочке, поставил банку и взял из миски ломоть помидора. Когда он шагнул, Чик заметил, что от его ног остаются грязно-красные следы. Мотя тоже это заметил.

Чик молча пригубил банку. Хозяин хотел заставить его выпить, но Мотя знаком показал, что Чику пить необязательно.

Выпив свою банку с вином, Мотя тоже взял из миски большой ломоть помидора и кружок огурца, отправил их в рот и, жуя, мотнул головой на ноги Керопчику.

— Поди вымой...

— В бочке вода! — охотно отозвался хозяин, словно мытье ног Керопчика входило в его планы, только он ждал удобно-

го случая. Хозяин распахнул дверь веранды и кивнул на бочку, стоявшую под водосточной трубой.

— Можно, папиросу возьму? — сказал вдруг Керопчик, показывая Моте на пиджак.

Последовало долгое молчание. Мотя смотрел на Керопчика, словно пытаясь его узнать. Потом он медленно полез в карман и вынул оттуда пачку папирос «Рица». Он закурил сам и дал закурить Керопчику.

С дымящейся папиросой в зубах Керопчик уверенно прошел во дворик.

— Чик, попроси у хозяйки кружку! — крикнул он оттуда.

Чик прошел в темный коридор и оттуда вошел в кухню, где хозяйка ошпаривала курицу в кипятке, чтобы ощипать ее. Чик с тоскою подумал, как это долго все будет продолжаться. Он еще обратил внимание на то, что детей нигде не видно. Наверное, хозяйка их куда-то услала или спрятала в другой комнате. Хозяйка дала ему кружку и большую чистую тряпку, чтобы Керопчик мог вытереть ноги. Вид у нее был очень подавленный. Перед Чиком ей нечего было изображать гостеприимную хозяйку.

Когда Чик вышел из кухни и проходил по веранде, хозяин и Мотя пили по второй банке. Чик подошел к водосточной трубе, где рядом с бочкой стоял Керопчик. Он уже снял свои носки и, сделав несколько глубоких затажек, докурил папиросу и выбросил ее.

Чик поливал ему из бочки, а Керопчик сначала вымыл носки, повесил их на край бочки и стал мыть ноги. Он с лихора-

дочной быстротой соскребал с ног кусочки спекшейся крови. Он очень тщательно мыл ноги. Он их так мыл, словно надеялся, что все, что было, сейчас смоет и все забудется, а Мотя вернет ему одежду. Самые ранки, куда ударял его Мотя, покрылись засохшей корочкой крови, и он не стал их трогать, чтобы они не кровоточили. То ли от воды, то ли от волнения Керопчика колотил озноб. Он надел свои влажные чистые носки, и они с Чиком поднялись на веранду.

Хозяин разливал по третьей банке. Мотя курил.

Чик прошел с кружкой на кухню. Он поставил кружку на стол. Хозяйка его даже не заметила. Он тихо вышел в коридор, но повернул не на веранду, а прямо к выходу на улицу. Он распахнул дверь и, не веря своему освобождению, вышел на улицу. Он сделал несколько шагов в сторону дома, а потом не выдержал и побежал. Он бежал до самого дома, словно выныривая и выныривая, просыпаясь и просыпаясь от ужасного сна.

Дома никто ничего не знал о случившемся, люди ничего не знали о том, что происходит у них под носом. А может, вообще ничего не было? Во всяком случае, Чик перестал ходить на спортплощадку, где любил отдыхать Мотя. Зимой Мотю арестовали, и, по слухам, он получил громадный срок и больше никогда в их городе не появлялся.

С того самого дня Чик потерял интерес к людям с холодными стальными глазами. Он больше не испытывал романтического любопытства к людям преступного мира. Он даже впал в обратную крайность, то есть, увидев человека с такими

глазами, он начинал подозревать его в преступных склонностях, хотя обладатели таких глаз иногда бывали людьми даже слишком благопристойными.

Что касается Керопчика, то его тоже пару раз арестовывали по мелочам, и он в конце концов образумился и стал сапожником по модельной дамской обуви. Он работает на том же базаре, и будочка его изнутри увешана снимками кинозвезд и звезд мирового футбола.

ЧИК ЧТИТ ОБЫЧАИ

— Чик, — сказала мама Чикю перед тем, как отправить его в Чегем, — ты уже не маленький. Деревня — это не город. В деревне, если приглашают к столу, нельзя сразу соглашаться. Надо сначала сказать: «Я не хочу. Я сыт. Я уже ел». А потом, когда они уже несколько раз повторят приглашение, можно садиться за стол и есть.

— А если они не повторят приглашение? — спросил Чик.

— В деревне такого не бывает, — сказала мама. — Это в городе могут не повторить приглашение. А в деревне повторяют приглашение до тех пор, пока гость не сядет за стол. Но гость должен поломаться, должен сначала отказываться, а иначе над ним потом будут насмешничать. Ты уже не маленький, тебе двенадцать лет. Ты должен чтить обычаи.

— А сколько раз надо отказываться, чтобы потом сесть за стол? — деловито спросил Чик.

— До трех раз надо отказываться, — подумав, ответила мама, — а потом уже можно садиться за стол. Ты уже не маленький, ты должен чтить обычаи.

— Хорошо, — сказал Чик, — я буду чтить обычаи. Но почему в позапрошлом году, когда я ездил в Чегем, ты мне не сказала об этом?! Я бы уже тогда чтил обычаи.

— Тогда ты был маленький, — сказала мама, — а теперь стыдно не соблюдать обычаи. Когда кто-нибудь входит в дом, все обязательно должны встать навстречу гостю. Даже больной, лежащий в постели, если он способен голову приподнять, должен приподнять ее. А гость должен сказать: «Сидите, сидите, стоит ли из-за меня вставать!» А хороший гость старику даже и не даст встать. Только старик разогнулся, чтобы, опершись на палку, встать, как хороший гость подскочит к нему и насильно усадит его: «Сидите, ради Аллаха, стоит ли из-за меня вставать!» Вот как у нас делается!

— А если хороший гость не успел подскочить, а старик уже встал, тогда что? — спросил Чик.

— Ничего страшного, — сказала мама, — и старый человек может встать. Но хороший гость, подскочив к нему, должен извиниться за то, что потревожил старого человека.

— А соседи считаются гостями? — спросил Чик.

— Все считаются гостями, — ответила мама, — кроме домашних. И то, если твой дедушка входит в кухню, чья его возраст, все встают.

— А если дедушка десять раз войдет в кухню, — сказал Чик, — надо все десять раз встать?

— И десять, и двадцать раз надо встать, — с пафосом сказала мама, — если дедушка входит в кухню!

Чик вспомнил, какой проворный, сильный, подвижный дедушка. Тут только вставай и садись! Вставай и садись! Впрочем, Чик знал, что дедушка вообще редко бывает дома: он или с козами возится, или в поле работает, или в лесу.

— А если курица, собака или теленок входят в кухню, тоже надо всем встать? — спросил Чик, уже придураясь, но мама этого не заметила.

— Ну, Чик, — сказала мама, — ты ни в чем не знаешь меры. Кто же встает навстречу курице, собаке или теленку? Если они забредут на кухню, кто-нибудь может встать и прогнать их. Только и всего.

— А сидя можно прогнать? — допытывался Чик.

— И сидя можно прогнать, если они не слишком обнаглели, — сказала мама.

— А вот если я вхожу в дом, люди должны вставать или нет? — заинтересовался Чик.

— Должны, — ответила мама, — но не в Большом Доме, конечно, потому что ты будешь там жить. Но если ты приходишь к соседям и они знают, что ты умный и послушный мальчик, они должны встать. Но если ты шалопаистый мальчик, могут и не встать.

— Но если я первый раз пришел к ним, — не унимался Чик, — откуда они знают, я послушный и умный мальчик или шалопаистый?

— Ну, Чик, — взмолилась мама, — это же всегда видно! Ну, скажем, когда ты пришел первый раз, тебя приняли за умного мальчика, и все встали. А потом пригляделись и поняли, что ты шалопай. И вот ты подходишь к их дому второй раз, и кто-нибудь, заметив тебя издали, говорит: «Смотрите, этот дуралей приперся опять. А мы еще вставали навстречу ему, думая, что это разумный мальчик». И тебе навстречу никто не встанет, и тебе будет стыдно, что ты вошел в этот дом.

— Если я окажусь шалопаем, — уточнил Чик.

— Да, если ты окажешься шалопаем, — согласилась мама. — Но это еще не все. Бывает, хозяйка перед обедом выходит на веранду с чайником и полотенцем: «Гости, пожалуйста руки мыть». В таких случаях дурак бежит впереди всех. А надо строго осмотреться и всех, кто старше тебя, пропустить впереди себя, а потом уже самому вымыть руки.

— А если мы с кем-нибудь однолетки, тогда как быть? — спросил Чик.

— Ну, такого не бывает, — задумавшись, ответила мама, — а если случится такое, тот, кто лучше воспитан, пропустит другого вперед.

Чик поехал в Чегем с маминым братом дядей Кязымом. В Большом Доме, кроме взрослых, жили дети дяди Кязыма и тети Нуцы: самая старшая, ровесница Чика, Ризико, ее сестрица помладше Зиночка, потом мальчик Ремзик и самый младший Гулик. Кроме них и Чика, было еще четверо детей, родственники из долинных деревень. Так, седьмая вода на киселе. Их прислали сюда отдыхать, спасая от всесильной тогда

малярии. Среди них был ровесник Чика, мальчик из села Анхара. Он был рыжим. Не голова, а горящая головешка.

Тетя Нуца, обслуживая всю эту ораву, сбивалась с ног. Всех детей сажали за низенький столик у очага. Так как все они не вмещались за этот столик, их сажали в две смены. Еды, вроде бы, было достаточно, но не так чтобы очень. Большого труда да и вообще никакого труда не составляло пообедать два раза подряд. К тому же чудный воздух Чегема способствовал прекрасному аппетиту.

Долинные дети оказались довольно нахальными. То ли воздух Чегема особенно способствовал их аппетиту, то ли, кто его знает, может быть, у себя в селах они поголаживали, но некоторые из них норовили сесть за столик второй раз. Особенно в этом преуспевал Рыжик. И это было тем более удивительно, что его горящая голова была гораздо приметней остальных голов.

Тетя Нуца в обеденной суматохе никогда не могла запомнить, кто из детей уже обедал, и потому, сажая за столик вторую смену, у всех спрашивала: «Ты уже обедал?» При этом она, боясь обмана, пронзительно смотрела в глаза детей, как бы пытаясь загипнотизировать их на ответ: «Да, я уже обедал».

Дней десять Чика как самого далекого, городского гостя сажали в первую смену. А потом однажды то ли попривыкли к нему, то ли он сам зазевался, но он оказался во второй смене. Чика кольнула некоторая обида: Рыжик сел вместо него на его же место.

Чик заметил своеобразное отношение чегемцев к городу. Сначала как единственного городского мальчика его выделяли.

Но за десять дней он опростился, стал бегать, как и все дети, босиком, и они подзабыли, что он городской. Так что Чик, если б знал это слово, мог бы сказать себе: а надо ли опрощаться?

Да, к городу у чегемцев было сложное отношение. С одной стороны, чегемцы подсмеивались над городскими людьми за их дебиловатость по части знания обычаев застолья и родственных отношений. С другой стороны, они уважали городских, но не потому, что у городских людей было больше научных знаний. Это Чик счел бы нормальным. Но на самом деле чегемцы уважали городских жителей за то, что они не пашут, не сеют, не пасут скот, а живут вроде не хуже. Чегемцы считали, что сами они ишачат, а городские люди приловчились жить, не ишача, по конторам расселись. Они их уважали, потому что в них оказалось больше ловкости и хитрости. А ведь иначе не объяснишь, почему деревенские ловкачи стремятся переехать в город, а из городских никто не стремится переехать в деревню.

И вот Чик попал во вторую смену. Было обидно. И когда тетя Нуца пронзительно заглянула ему в глаза с гипнотическим желанием, чтобы он на вопрос: «Ты уже обедал?» — ответил, что уже обедал, Чик то ли от обиды, то ли чтобы угодить ей, ответил: «Я уже обедал».

Чик у вообще приятно было сделать так, чтобы людям было приятно, хотя он любил и дразнить людей. Это как-то одному другому не мешало. Сейчас он прямо почувствовал, что тетя Нуца облегченно вздохнула. А он-то думал, что последует опровержение его словам и восторженное удивление его

скромностью. Но ничего не последовало. Другие дети, еще не обедавшие, вместе с Рыжиком, уже обедавшим, со смехом побежали на кухню.

Чик чувствовал, что голод и обида резко усилились. Обида усиливала голод, а голод усиливал обиду. Как можно было тете Нуце не запомнить, что единственный рыжий мальчик во всей компании уже сидел за столом. И тут Чик вспомнил, что Рыжик — дальний родственник тети Нуцы. Ты смотри, подумал Чик, подыгрывает своим. Но почему тетя Нуца не повторила своего приглашения?! И тут Чик понял свою ошибку: там, где живешь, не надо ждать повторного приглашения, это касается только соседских и чужих домов. Он вспомнил, что никто из детей здесь не ломался и не ждал повторных приглашений. Да и что это за приглашение: «Ты уже обедал?». Очень странное приглашение. Первой смене такой вопрос не задавали.

Дети, которые уже отобедали, высыпали во двор, чтобы заняться какими-нибудь играми. Они звали с собой Чика, но он сурово отказался. Какие тупые, подумал Чик, сами налопались и теперь будут затевать игры, и меня, голодного, к себе зовут. И ни один из них не вспомнил, что я еще не обедал.

Хотя, когда тетя Нуца у него спрашивала про обед, они не слышали, но сами-то они могли заметить, что вместо Чика за столиком сидел Рыжик и теперь опять как ни в чем не бывало побежал на кухню. И никто не сказал: а ведь Чик с нами не обедал и теперь со второй сменой не обедает! Вот эгоисты! Чик снова почувствовал, что от голода усиливается обида, а от обиды голод.

А о Рыжике и говорить нечего! Чик до этого мальчишка никогда не видел рыжего абхазца. Он даже считал, что абхазцы не могут быть рыжими, рыжими могут быть только другие народы. И вот тебе на! Оказывается, абхазцы тоже могут быть рыжими. Странно, но это так. И вот Рыжик второй раз обедает, и обедает за счет Чика. Интересно было бы узнать: пообедал бы Рыжик за счет Чика, если бы он не был рыжим? Трудно установить, хотя рыжие, по наблюдениям Чика, скромностью не отличаются. Та городская рыжая команда, которую знал Чик, никакой скромностью не отличалась. Видимо, рыжие вообще не могут быть скромными, думал Чик. Видимо, они раз и навсегда решили: скромничай, не скромничай — все равно тебя будут называть рыжим. А раз так — чего там скромничать! Все равно тебя будут называть рыжим! Но все-таки Рыжик даже для рыжего поступил чересчур нахально, пообедав сам и вздумав пообедать за Чика. Сейчас, наверное, сидит, наяривает!

Был полдень. В такое время весь Чегем обедал. Дядя Сандро жил ближе всех к Большому Дому. Чик решил идти к нему и попытаться, если повезет, у него пообедать.

Он вышел со двора Большого Дома, прошел скотный двор, потом — мимо небольшой плантации табака и открыл ворота во двор дяди Сандро. Над крышей кухни вился дымок, и Чик надеялся, что там готовят обед и он вовремя пришел.

Дверь кухни была не распахнута, а чуть приоткрыта. Чик знал, что по чегемским обычаям это считалось не очень-то красивым. В теплое время года кухня всегда должна быть

распахнута, если хозяева дома, что означает: гостя принимаем в любое время.

Дядя Сандро, несмотря на славу великого тамады, главы многих застолий, у чегемцев считался не очень гостеприимным. Видимо, в промежутках между многлюдными застольями он не любил общаться с людьми, отдыхал от них, набирался сил. И сейчас кухня была полуприкрыта, и со стороны могло показаться, что хозяев нет дома. Но Чик понял, что это не так. Собака дяди Сандро сидела, сунув голову в приоткрытую дверь. Вернейший признак, что хозяева дома: или обедают или готовятся к обеду.

Все собаки ближайших домов Чика хорошо знали. Он любил их, и они его любили. Почуяв, что Чик вошел во двор, собака с притворной яростью залаяла и бросилась в сторону Чика, хотя сразу его узнала. И это было верным признаком, что на кухне обедают. В таких случаях собаки особенно яростно лают, иногда по выдуманым причинам, чтобы показать хозяевам, что они не даром едят свой хлеб. В таких случаях хозяин обязательно должен выйти и унять собаку. Но этого не последовало, что укрепило Чика в мысли: на кухне заняты обедом.

Собака подбежала к Чику, несколько раз попрыгала возле него и очень деловито направилась в сторону кухни, как бы приглашая и Чика за собой: не будем терять времени, как бы говорила она, может, и нам что-нибудь перепадет. Чик бодро отправился за собакой и смело распахнул кухонную дверь.

И он увидел такое зрелище. Дядя Сандро и тетя Катя, его жена, сидели за низеньким столом и обедали. При этом дядя Сандро один сидел во всю ширь стола, а тетя Катя скромно угнездилась возле узкого его торца. На столе громоздились две порции дымящейся мамалыги, рядом в блюдечках было разлито коричневое, густое ореховое саживи. Середину стола занимала миска с курятиной. В двойной солонке в одной чашечке белела соль, а в другой чашечке пурпурилась аджика. На столе были разбросаны кучки зеленого лука и свежие огурцы.

— Здравствуй, Чик, — сказала тетя Катя и, отдавая его теплом своей улыбки, привстала.

Дядя Сандро тоже как бы приподнялся, но, дождавшись, когда Чик движением руки попросил их не двигаться, он как бы опустился на свое место.

— Сидите, сидите, — сказал Чик, — я тут мимо проходил и решил поведать вас.

— Вот и хорошо, — сказала тетя Катя, улыбаясь и вытирая руки о передник, — сейчас пообедаешь с нами.

Первое приглашение, волнуясь, отметил про себя Чик.

— Нет, спасибо, — сказал Чик, глотая слюнку при виде курятины, — я уже обедал.

— Ну и что ж, что обедал, — опять улыбнулась ему тетя Катя, — у нас сегодня курица, пообедай с нами. Я сейчас тебе полью руки вымыть.

Второе приглашение, еще больше волнуясь, отметил про себя Чик.

— Спасибо, тетя Катя, не хочу, — мягким голосом, чтобы не отпугнуть третье приглашение, ответил Чик.

Но тут вмешался дядя Сандро, и третьего приглашения не последовало.

— Оставь его в покое, — загремел он. — Чик уже, видно, от пуза наелся в Большом Доме! Что ему твоя курица! Чик — городской мальчик. Захочет есть — сам сядет к столу без наших церемоний. Просто так посиди, Чик, а я тебе что-нибудь расскажу такое, что ты и в кино не увидишь.

И Чик сел на скамейку, напротив низенького стола, за которым сидел дядя Сандро, а теперь присела и тетя Катя.

— Что ж мы будем есть на глазах у мальчика, — сказала тетя Катя с виноватой улыбкой.

— Что ему твоя курятина! — снова загремел дядя Сандро и с хрустом перекусил сочное оперенье зеленого лука, — он небось хочет послушать что-нибудь из того, что случилось со мной. Хочешь, Чик?

— Да, конечно, — ответил Чик, скрывая уныние. Он любил слушать рассказы дяди Сандро, но сейчас его красноречию явно предпочел бы курятину.

И дядя Сандро приступил к своему рассказу, шумно причмокивая, хрустя огурцами и зеленым луком, ломая зубами куриные кости и высасывая из них костный мозг. Иногда, вероятно, находя, что костного мозга в косточке мало и она не стоит трудов, он ее отбрасывал собаке, молча стоявшей у дверей, сунув голову в кухню. Собака всегда на лету хватала эти кости, жадно перегрызала их и причмокивала при этом

не хуже дяди Сандро. Крепость зубов дяди Сандро, по наблюдениям Чика, не уступала клыкам собаки.

Чик вообще чувствовал в дяде Сандро необыкновенную жизненную силу. Он поневоле любовался им. Дядя Сандро сейчас был одет в простую крестьянскую сатиновую рубашку, подпоясанную тонким кавказским ремнем, в темные брюки галифе и мягкие черные чувяки. Под сатиновой рубашкой угадывались мощные плечи и тонкая талия. Лицо у него было правильным и довольно красивым, над губами нависали чуть изогнутые вниз седоватые усы, и такие же седоватые волосы прямо зачесаны вверх.

Большие голубые глаза были довольно выразительными, но, на вкус Чика, чересчур выпуклыми. Когда дядя Сандро разламывал кости во рту и высасывал из них костный мозг, глаза у него делались невероятно свирепыми, словно у хищника, который разрывает живую дичь. Если кусок курятины, которую он брал из миски, ему почему-то не нравился, он небрежно бросал его назад и брал другой.

Тетя Катя, если брала из миски курятину, никогда ее не заменяла другим куском. Тетя Катя ела тихо, никаких костей на зубах не разламывала. Она ела с несколько виноватым видом, словно женщине приличней совсем не есть, но если уж изредка приходится, то она, так и быть, поклюет немного.

Чик, глядя на то, как ест дядя Сандро, чувствовал такие приступы голода, что завидовал даже собаке, хватавшей на лету кости.

— Я тебе расскажу, — начал дядя Сандро, — как я с одним абреком однажды расправился. Это случилось за год до германской войны. Я уже был крепкий молодой мужчина, и уже многие знали, какой я тамада. Многие, но не все. Теперь все знают...

— Не слушай его, Чик! — вдруг вскричала тетя Катя. — Все это он выдумал или услышал от кого-то. Расправился с абреком! Тебя, рано или поздно, за эту выдумку арестуют!

— Кто арестует, дурочка? — насмешливо спросил дядя Сандро. — Это было при Николае, а сейчас Сталин. Ты разве не знаешь об этом?

— Знаю не хуже тебя. Эта власть за что хочешь может арестовать. И все ты выдумал!

Дядя Сандро снова насмешливо посмотрел на жену и покачал головой. Потом махнул рукой и решительно обратился к Чику:

— Слушай меня... Твоей матери тогда было лет десять. Она была помладше тебя. Однажды к нам в дом приходит один знакомый мне лаз. Мы с ним за год до этого в Цебельде во время греческого пиршества сидели за одним столом. Я был главным тамадой, а он моим помощником. Хорошо провели ночь. Он был расторопный и понятливый. Я только поведу бровями, а он уже знает, что делать. Пьяных тихо, без скандала уводит из-за стола, а трезвых приближает ко мне. Одним словом, я вел стол, рассказывал смешные истории, и люди хохотали. Потом подымал тост за очередного родственника хозяина, строго отмечая степень родственной

близости. А греки обидчивые, не дай Бог пропустить кого-то, такой базар подымут, что с ума сойдешь. Тем более у них и женщины вмешиваются. У них так принято. Но я все заранее знал и прекрасно провел стол. Пели греческие песни, абхазские песни и турецкие песни.

Теперь ты спросишь: а на каком языке вы говорили? И правильно спросишь. Отвечаю: на турецком. Греки, армяне, абхазцы тогда все понимали турецкий язык, как сейчас русский. Даже лучше. И что интересно: тогда, чем старше человек, тем он лучше понимал по-турецки. Сейчас, чем моложе человек, тем он лучше говорит по-русски. И потому большевики победили. Молодых они уговорили, обещали им райскую жизнь с гуриями, а старые не могли угнаться за большевиками, потому что из старых тогда мало кто знал русский язык, и они не понимали, что большевики наобещали молодым. А пока разбирались что к чему, тут колхоз нагрянул, и все поняли, чего хотели большевики, но было уже поздно.

— И за это тебя посадят, — как бы сообразив, прервала его тетя Катя. Но дядя Сандро на этот раз не обратил на нее внимания.

— Но я не об этом, — продолжал он. — И вот человек, который на греческом пиршестве был помощником главного тамады, значит, моим, приходит в наш дом и говорит: «Прошу как брата, спрячь меня у себя дома недели на две, а потом откроется перевал, и я уйду на Северный Кавказ. Меня полиция ищет».

Тогда принимать у себя дома абрека и прятать его считалось почетной и опасной обязанностью. По делу в том, что твой дед терпеть не мог абреков. Он их всех считал бездельниками. Он и большевиков, которые иногда прятались в лесу, считал бездельниками. Слава Богу, никто из них к нам не напрашивался спрятать его, и потому мы им не отказывали. А то бы с нас сейчас голову снесли. Твой дед всех, кто держал в руках винтовку, а не мотыгу, считал бездельниками. И сейчас так считает.

И вот теперь как мне быть? Отец его в доме не потерпит, тем более, что даже не родственник. Гнать человека, с которым всю ночь сидел за одним столом, принимал вместе хлеб-соль, тоже неудобно. И я так решил: пусть сидит в кукурузном амбаре. Еду я ему туда буду приносить. Амбар стоял довольно далеко от дома, в кукурузном поле. Твой дед туда не заглядывал. А чего ему туда заглядывать? Когда загружали амбар новым урожаем кукурузы, пол-амбара еще было наполнено старой кукурузой. Так мы тогда жили. Благодать! И вот я его устроил в наш амбар. Отец, конечно, ничего не знает. Дал ему матрац, постельное белье, и он там живет. Отец дома почти не бывает, придет на обед, а там ужинать и ложится спать.

И вот мой лаз спит по ночам, постелив на кукурузных початках постель, а днем я ему приношу еду. Пару раз вместе с едой я ему приносил вино, и мы с ним вместе выпивали, сидя на кукурузных початках. И тут я за ним заметил странную дурость. Чуть зашуршит что-нибудь в амбаре, он хватается кукурузный початок и швыряет его в сторону шума.

— Что ты делаешь? — говорю.

— У вас тут, оказывается, водятся белые мыши, — отвечает он.

— Ну и что, — говорю, — у нас в самом деле водятся белые мыши.

— Я, — говорит, — никогда не думал, что мыши могут быть белыми. Это не к добру.

— Ты же знаешь, — говорю, — сколько скота у моего отца. Как видишь, белые мыши нам не мешают.

— Нет, — говорит, — это не к добру. Ночью первый раз, когда я от шороха проснулся, думал, полицейские ползут, чуть стрелять не начал.

— Хорош абрек, — говорю, — который по мышам пальбу подымает! Да тебя люди засмеют.

— Они меня замучили, эти мыши, — говорит, — главное, белые. Я и слыхом не слыхал, что бывают белые мыши.

Он, дурак, даже не знал, что белые мыши среди серых мышей, как рыжие между людьми. Редко, но встречаются.

И тут раздался шорох в углу амбара, и он начал хватать початки и кидать в этот угол. Ну, думаю, он от страха психом стал. Но вообще швыряться кукурузными початками, да еще чужими, по нашим обычаям грех. Кукуруза — наш хлеб. А швыряться хлебом, да еще чужим, не положено. Но я стерпел, ничего ему не сказал. Все-таки абрек, попросил убежище, и когда-то я сидел с ним всю ночь за греческим столом, и мне в голову тогда не могло прийти, что он белых мышей боится.

Да и почему человек, который боится белых мышей, прячется от полиции, я так и не узнал. До этих белых мышей я думал, что он убил какого-нибудь писаря и за ним полиция охотится. А теперь не знал, что и думать.

В те времена спрашивать у абрека, почему он прячется от властей или от какого-то рода, считалось некрасивым. Если сам скажет — хорошо. Но если он не считает нужным сказать, спрашивать неприлично.

— Не к добру, не к добру эти белые мыши, — говорит, — я это чувствую всей шкурой.

Однако присидел он у нас в амбаре с белыми мышами дней пятнадцать, а потом однажды поблагодарил меня и ушел в ночь. Я ему объясняю, как дойти до первого, до второго, до третьего перевала, чтобы спуститься на Северный Кавказ. Объясняю, где какие опасности.

— Уж если я пережил белых мышей, — говорит он мне в ответ, — я все переживу. Но я еще не уверен, что пережил белых мышей.

Ну, думаю, парень совсем тронулся от белых мышей. Там, на перевалах, думаю, какой-нибудь бурый медведь вправит ему мозги. Забудет о белых мышах. Все-таки мы обнялись по-братски и расстались.

Прошло два года. Летом мы с отцом и двумя братьями гоним своих коз на альпийские луга. Коз было больше тысячи. Мы уже сделали одну ночевку. По велению отца отвели трех коз подальше от стада и оставили там — жертва Богу гор.

И вот позавтракали и гоним стадо дальше. Тропа узкая, стадо растянулось примерно на километр. Я замыкал стадо, остальные все впереди. В одном месте недалеко от тропы я увидел несколько кустов черники, сплошь осыпанных черными ягодами. Я полез за черникой. Жарко. Черника хорошо идет. И я от сладкой черники так забылся, что с полчаса провозился в кустах.

Стадо ушло вперед. Спешу его догнать. И вдруг что я вижу? Навстречу мне, с той стороны, куда ушло стадо, идет этот лаз, который две недели сидел у нас в кукурузном амбаре. За плечом винтовка, а перед ним козел из нашего стада. Он снял с себя поясной ремень, перевязал им шею козла и, пошлепывая другим концом, спускается вниз.

Я сразу узнал нашего козла. Он был очень здоровый, с большими рогами и черными пятнами на шерсти. Задержись я еще минут на десять с черникой, этот лаз прошел бы по тропе, и я ничего не заметил бы. А он, видно, следил за тропой из кустов. Видит, идет огромное стадо, впереди люди, а сзади никого. И вот он украл нашего козла и спускается вниз. И вдруг видит меня. И ему стало неприятно, что мы хорошо знакомы, а он попался. С другой стороны, у него за плечом боевая винтовка, а у меня в руке только палка.

- Здравствуй, — говорю ему.
- Здравствуй, — отвечает. Но в глаза не смотрит.
- Чего волочишь моего козла? — говорю.
- Я, — говорит, — не знал, что он твой.
- Но теперь знаешь, — говорю, — отвяжи свой ремень.

Ему и стыдно, но он наглый, гордый. Видно, все еще прячется в лесах, иначе как объяснить, что взрослый, сильный мужчина украл козла. Понятно, если бы он угнал лошадь, быка. Это лихость. А тогда козла украсть — все равно что сейчас курицу украсть. И он, видно, решил: если я сейчас отдам козла, Сандро расскажет об этом людям, и люди будут смеяться: козлокрад. А если не отдам козла, видно, решил он, Сандро постесняется сказать, что на его глазах увели его козла. Ведь если он расскажет об этом людям, они могут спросить: «А чего ты не отобрал у него своего козла? Да ты, видно, Сандро, трусоват!» — Сандро трусоват! Вот на что он надеялся. И он решил не отдавать козла, тем более, видит, что у меня никакого оружия нет. Палка в руке.

Дядя Сандро так увлекся своим рассказом, что перестал есть, и косточки перестали лететь в пасть собаки. И собака, видимо, решив, что ее перестали замечать, совсем влезла в кухню. Дядя Сандро наконец заметил ее и, вынув из миски аппетитное, совсем не обглоданное крылышко курицы, бросил собаке. Собака, поймав на лету добычу, мигом перегрызла ее и проглотила.

— Теперь пошла! — гаркнул дядя Сандро.

Собака покорно вышла из кухни и, только всунув голову в приоткрытую дверь, замерла. Я бы тоже такое крылышко мог поймать ртом, подумал Чик, хотя до этого он был так увлечен рассказом дяди Сандро, что почти забыл о голоде.

А тетя Катя, как бы стесняясь есть, продолжала поклевывать свою мамалыгу, окуная ее в ореховую подливу и осто-

рожно подкусывая курятину. Поклевывать-то она поклевывала, но от ее мамалыги почти ничего не осталось. Чик и это заметил.

Дядя Сандро разгладил усы и продолжил свой рассказ.

— Я не отдам тебе козла, — говорит он, — я абрек. Право мое за моим плечом. — И рукой хлопает по плечу, где у него винтовка. Ну, думаю, дело плохо.

— Ты две недели принимал хлеб-соль нашего дома, — напоминаю ему, — мы, рискуя свободой, прятали тебя. Ты что, не знаешь закон гор: в доме, который тебя приютил, иголки тронуть не смей?!

— То, что я съел у вас, — говорит он нахально, — давно превратилось в дерьмо. А ты даже в дом меня не пустил. Я жил в амбаре, где всю ночь шуршали мыши. Да еще белые. Так что вы ничем не рисковали. Абрек мог заночевать в любом амбаре. Никакого вашего риска не было.

— Вот уж, — говорю, — никогда не слышал, чтобы абрек на своих плечах тащил за собой матрац и постельное белье.

Он понял, что перехитрить меня не смог и сам кругом виноват. И он разозлился. Снял винтовку с плеча и взял в руки.

— Прочь с дороги! — кричит. — Иначе не только козла не досчитается сегодня твой отец!

Он ударил козла ремнем и пошел прямо на меня. Что делать? Когда говорит ружье, палка должна молчать! Я уступил тропу, и он вместе с моим козлом прошел мимо меня.

Я стою злой, как черт! Но есть Бог, я в Бога поверил с тех пор. Я вспомнил, что за нами, догоняя нас, идет мой товарищ

с ружьем. Ну, думаю, подойдет мой товарищ, возьму у него ружье и догоню этого занюханного абрека. Я тогда ходок по горам был изрядный, а у этого еще и козел упирается.

Он пошел назад нашей тропой. Тропа через полкилометра круто спускалась вниз к реке. Шумная горная река. Через нее был перекинут висячий мост.

Когда я увидел, что абрек с моим козлом исчез там, где тропа спускалась к реке, я пошел за ним. Думаю, быстрее встречу своего друга. И прямо там, где тропа круто спускалась вниз, я залег и смотрю вперед. Вижу, абрек с моим козлом у самой реки, уже подбирается к висячему мосту. А с той стороны реки приближается мой товарищ с ружьем, он тоже спускается с горы. Он только начал спускаться к реке, а этот абрек уже внизу. И мы с моим товарищем почти на одном уровне.

Тогда мне в голову пришло другое решение. Когда мой товарищ на высоте сравнялся со мной, а та гора, с которой он спускался, была повыше, я вскочил на ноги и, махая руками, изо всех сил крикнул ему обо всем, что со мной случилось. И о том, кто идет ему навстречу.

В те времена голос у меня был невероятный: криком я мог сбросить всадника с седла. Такой голос у меня был. Но я все учел. Голос мой идет поверху, а внизу, где козлокрад, шумит река, и он его не слышит. Товарищ мой увидел меня и все услышал. Рукой показывает: мол, понял тебя. И в самом деле, все правильно понял. Недалеко от тропы залег в кусты с ружьем.

Я смотрю сверху: кино! Хотя мы тогда, что такое кино, не знали. Вижу, уже козлокрад близко подошел к тому месту, где залег мой товарищ. Он уже давно закинул винтовку за плечо, ему бы с моим упрямым козлом справиться. Я волнуясь: что будет?! И вдруг козлокрад останавливается возле кустов, где залег мой товарищ. Оттуда выходит мой товарищ с ружьем, нацеленным на него. Близко подходит и что-то говорит.

Я, конечно, ничего не слышу, но все вижу. И тут козлокрад тряхнул плечом, и винтовка его падает на землю. Правильно, думаю, так его! Товарищ мой рукой показывает ему: мол, отойди от винтовки. Он отходит на несколько шагов, но, между прочим, козла продолжает держать за ремень. Ну, думаю, без винтовки ты недолго удержишь козла. Я понял, что мой товарищ ему ничего обо мне не сказал. Так оно и оказалось. Козлокрад решил, что какой-то другой абрек отнял у него винтовку.

Товарищ мой подошел и поднял его винтовку. А потом вижу, они оба уселись под тень бука. Выше, шагов на десять, сидит мой товарищ, положив рядом с собой оба ружья, а ниже сидит тот абрек, все еще придерживая за ремень моего козла. Не знает, что смерть свою на своем ремне придерживает.

Я сбежал по тропе. Я так бежал по висячему мосту, что он, раскачавшись, чуть меня в реку не сбросил... Ша! — вдруг остановил дядя Сандро сам себя, — кажется, кто-то кричит.

Тетя Катя, между прочим, во время рассказа дяди Сандро время от времени морщилась и подавала Чику тайные

знаки, чтобы Чик не верил его рассказу. Чику это было неприятно, тем более, что рассказ дяди Сандро ему нравился. Сейчас дядя Сандро замолк, прислушиваясь к чему-то. В кухне стало тихо.

— Эй, Сандро! — раздался чей-то далекий голос. Дядя Сандро вскочил и быстро вышел на кухонную веранду. Вслед за ним озабоченно вышла и тетя Катя.

— Эй, Бахут, это ты? — закричал дядя Сандро таким мощным голосом, что Чику показалось вполне правдоподобным, что он голосом может скинуть всадника с седла. Особенно если всадник в долгой дороге задремал в седле.

— Я! Я! — донесся далекий голос. — Сегодня жду почетных гостей! Хочу, чтобы ты был тамадой!

— Притворись больным, притворись больным, — вдруг быстро и тихо запричитала тетя Катя, словно Бахут мог ее услышать.

— Чего я должен притворяться больным, — назидательно заметил дядя Сандро, — что меня пахать зовут, что ли?

— Приду! Приду! — зычно дал согласие дядя Сандро. — Но кто будет? Перечисли!

И тут Чику пришла в голову довольно невинная, но соблазнительная мысль. Пока дядя Сандро и тетя Катя на кухонной веранде, хотя бы заглянуть в миску с курятиной и посмотреть на нее.

Он быстро встал и подошел к столику. В миске еще много было курятины: одна ножка, одно мясистое крыло и еще несколько бескостных кусков белого мяса. Все это выгля-

дело так аппетитно, что Чик не удержался от того, чтобы хотя бы понюхать кусок курятины. Он взял из миски кусок белого мяса и стал с наслаждением принюхиваться к нему, как любитель цветов к цветку. Запах был такой ароматный, что Чик, как бы незаметно для себя, приложил прохладную курятину к самому носу и снова с наслаждением втянул воздух.

И вдруг он со всей ясностью понял: до чего же будет нехорошо вернуть в миску кусок курятины, который он уже приложил к своему носу! А дядя Сандро или тетя Катя потом возьмут и съедят его?! Нет, этот кусок должен быть уничтожен! И Чик уже не сомневался, каким образом. Он — была не была! — макнул этот кусок курятины в ореховую подливу и сразу весь сунул в рот, и с трудом стал прожевывать.

Это было так невероятно вкусно, а от стыда, что хозяйева его застанут за этим занятием, курятина казалась еще вкусней! Он даже молниеносно решил: если тетя Катя и дядя Сандро внезапно войдут в кухню, немедленно прикрыть руками оттопыренные щеки и изображать глухонемого, пока не проглотит все, что во рту. А потом сказать, что у него внезапно разболелись все зубы.

Но дядя Сандро с видимым удовольствием все еще переключался с Бахутом, уточняя личности гостей и время предстоящего пиршества.

— Скажи, что я больная, что ты не можешь прийти, — тихим голосом, словно там ее могли услышать, безнадежно упрасивала тетя Катя своего мужа.

— Какая ты больная, — резко оборвал ее дядя Сандро, — на тебе мешки можно таскать!

— Но ты ведь перепьешь, — грустно напомнила ему тетя Катя.

— Я могу перепить людей, — строго заметил ей дядя Сандро, — потому я и знаменитый тамада. Но себя перепить даже я не могу, куриная голова.

Пока дядя Сандро переговаривался с женой и перекликался с Бахутом, Чик прожевал и проглотил тот самый кусок курятины. Он оказался до того вкусным, что Чик с еще большей силой ощутил голод. Чик подумал, что, раз уж согрешил один раз, можно согрешить и второй раз. Стыд от этого не удваивается, а, наоборот, уменьшается в два раза, он делится между двумя кусками курятины. Значит, соображал Чик, если взять десять кусков курятины, на каждый останется маленький стыденок. Чик сильно задумался над этим.

Собака, стоявшая в дверях и продолжавшая смотреть в кухню, все видела и теперь с укором глядела на Чика: мол, раз сам взял, мог бы и мне подкинуть. Но Чик ей ничего не подкинул, а только выразительно посмотрел ей в глаза, стараясь внушить: а мне хорошо было смотреть, как тебе кидают вкусные косточки и ты хрумкаешь ими? То-то же!

Наконец дядя Сандро, уточнив, что пиршество начнется, как только солнце занырнет за землю, возвратился с тетей Катей на кухню. Так что Чик не успел проверить свою теорию о том, что с повторением греха стыд уменьшается во столько

раз, сколько раз повторяется грех. Он слишком замешкался, обдумывая ее.

Дядя Сандро уселся на свое место и стал рукой шарить в миске, выбирая кусок курятины. Он так долго его выбирал, что у Чика даже екнуло сердце: а не тот ли кусок ищет дядя Сандро, который он съел?

Дядя Сандро, так и не выбрав курятины, подозрительно покосился на собаку, а потом взял огурец, ножом разрезал его вдоль и, густо, как повидлом, намазав одну долю аджикой, откусил, с удовольствием крякнув от остроты.

— Так на чем я остановился? — спросил он у Чика, бодро причмокивая.

Огурец всегда едят бодро, подумал Чик, а помидор задумчиво.

— Вы перебежали висячий мост! — радостно воскликнул Чик, чувствуя, что вопрос о курятине отсечен навсегда.

— Да, — продолжил дядя Сандро, хрустя огурцом и постепенно вдохновляясь, — я перебежал висячий мост. Козлокрад не видел меня, потому что он, повернув голову вверх, разговаривал с моим товарищем. И только когда я уже был в десяти шагах от него, он услышал мои шаги и обернулся. Если бы ты, Чик, видел его в это мгновенье! По лицу его ясно было, что он начинает догадываться, что мы как-то сговорились с товарищем, но он никак не мог понять, каким путем мы сговорились. То, что мой крик проплыл над ним, он не догадался. Долинный человек. Одним словом, у него было такое лицо — краше человека из петли вынимают. Я подошел к моему

товарищу и поднял винтовку козлокрада. Затвор лежал отдельно, как вырванный язык. Я вложил затвор на место и крикнул козлокраду:

— Так, значит, хлеб-соль моего дома давно превратился в дерьмо?! А право твое за твоим плечом?!

Он вскочил на ноги и стал пятиться к реке. Я снял ремень со своего козла и кинул ему.

— Теперь, — говорю, — если черта скрадешь в аду, этим же ремнем вяжи его!

И так я шел на него, а он пятился. Я шел на него, а он пятился к реке. Но слова не сказал и милости не просил. Чего не было, того не было. И уже над самой рекой, у обрыва, он, знаешь, что крикнул?

— Что? — спросил Чик с нетерпением.

— Ни один человек в мире не догадается, что он сказал! — воскликнул дядя Сандро.

— Что, что он сказал?! — в нетерпении повторил Чик, думая, что последние слова абрека раскроют какую-то великую тайну.

В это время он как-то случайно взглянул на тетю Катю и увидел, как она, брезгливо сморщив лицо, качает головой, стараясь внушить Чикю, чтобы он ни одному слову дяди Сандро не верил. Чик быстро отвел от нее глаза. Ему не хотелось принимать участие в предательстве рассказа дяди Сандро.

— «Белые мыши!» крикнул он, — продолжал дядя Сандро, сам возбуждаясь, — и я выстрелом сбросил его в реку. Он так пятился, что я мог бы и не стрелять, он бы сам свалился в ре-

ку и утонул. Но я хитрить перед судьбой не хотел, я сам его сбросил выстрелом. Потом в эту же реку я сбросил его ремень и винтовку. Винтовку было жалко, но мы боялись, что отец, увидев чужое оружие, что-нибудь заподозрит. Отец ненавидел такие дела...

— Но почему же он вспомнил белых мышей?! — воскликнул Чик. — Он еще в амбаре предчувствовал, что от них исходит какая-то опасность?

— Ерунда все это, Чик, — сказал дядя Сандро, успокаиваясь, — он погиб от своей бессовестности, а не от белых мышей. Я много об этом думал.

— А, может, он не знал, что это ваше стадо? — спросил Чик, сам не понимая, чего он ищет: оправдания для абрека или оправдания для выстрела.

— И это его не спасает, — сказал дядя Сандро, улыбаясь Чику крепкими зубами. — Знаешь, что мой товарищ сказал, когда мы быстро двинулись вперед, догоняя стадо?

— Что? — спросил Чик.

— Он, думая, что и мой товарищ абрек, сказал ему: мол, тут сейчас прошел богатый крестьянин со своим огромным стадом. Там всего четверо мужчин, и только один из них с оружием. Так оно и было. Ружье было только у Кязыма. И он моему товарищу говорит: мол, перебьем их всех, а стадо перегоним на Северный Кавказ и там продадим. Значит, он откуда-то из-за кустов следил за стадом и теми, кто его вел. Братьев моих он прекрасно знал, а отца, хоть лично и не знал, но за две недели из-за плетенки амбара он не мог не уви-

деть моего отца, вечно покрикивавшего на коз и на людей, и тех, и других он всегда укорял в лени. Но во всем этом, Чик, все равно был великий Божий замысел.

— Как так? — спросил Чик. Уши у него горели.

— А вот слушай меня дальше, — продолжил дядя Сандро с удовольствием. — Наконец мы догнали свое стадо. Мой отец! Такого хозяина в Чегеме нет и не будет. Он только взглянул на нашего чернявого козла и сразу спросил: «Чего это вы ему шею ремешком стягивали?» Мы не замечали след от ремня, а он одним глазком взглянул и заметил. «Да заупрямился, — говорю, — не хотел идти. Мы его еле затащили сюда. Оттого так и опоздали». Отец подумал, подумал и сказал: «Это моя ошибка, мой грех. Когда мы Богу гор оставляли трех коз, я хотел и этого оставить. Но потом пожалел. Старый он, я привык к нему. Вот он и не хотел идти, чувствуя, кто его хозяин теперь. Надо его сегодня же зарезать и съесть в честь Бога гор». Ты видишь теперь, Чик, какой узорчатый замысел выполнил Бог?

— Какой? — спросил Чик, удивляясь, что у Бога бывают узорчатые замыслы.

— Бог наказал отца за то, что он пожалел чернявого козла и не оставил его в лесу, — дядя Сандро загнул на руке мизинец: первое наказание. — Но в конце концов, отец сам догадался принести этого козла ему в жертву. Бог наказал меня страхом смерти за то, что я, губошлеп, вместо того, чтобы все время следовать за стадом, соблазнился черникой, — дядя Сандро загнул на руке безымянный палец: второе наказание. — Но самое главное, Бог наказал этого абрека за то, что

он плюнул на наш хлеб-соль, и за то преступление, из-за которого он прятался у нас. Видно, это было очень подлое преступление, но мы о нем теперь никогда не узнаем, — дядя Сандро безжалостно загнул средний палец: третье наказание.

Чик невольно обратил внимание на то, что сила наказания Бога как бы соответствовала величине загнутого пальца. Средний палец был самый длинный, и самое тяжелое наказание пало на абрека.

— Бог восстановил порядок, — продолжал дядя Сандро, — в этот же вечер мы зарезали чернявого козла. Перед этим отец помолился Богу гор и попросил его простить свою ошибку. Потом мы долго варили в котле этого козла и наконец съели свое жертвоприношение.

— Вкусным оказался? — полюбопытствовал Чик, представляя, как в альпийском шалаше едят горячее, дымящееся мясо.

— Да нет, не особенно, Чик, — признался дядя Сандро, — хотя мы были очень голодными.

— Это Бог гор сделал его мясо не очень вкусным? — спросил Чик не без доли школьной атеистической насмешки. Но дядя Сандро этого не заметил.

— Бог гор такими мелочами не занимается, — важно напомнил дядя Сандро, — просто козел этот был очень старый.

— А вы потом, когда ты убил этого абрека, видели его труп в воде? — спросил Чик.

— Нет, — ответил дядя Сандро, — там было такое течение, что его тут же унесло.

Чик представил, как буйный горный поток несет труп, иногда больно стучая его о камни головой, и ему стало жалко труп, который уродуется бешеным, равнодушным течением.

— А винтовка, — спросил Чик, — она пошла на дно или ее тоже течением унесло?

— Конечно, пошла на дно, — сказал дядя Сандро и добавил: — Винтовка для любого течения слишком тяжелая.

— Она и сейчас там лежит? — спросил Чик, задумавшись.

— А куда ей деваться, — ответил дядя Сандро, — я ее с середины моста сбросил.

— Теперь ее можно достать, — сказал Чик.

— Да что ты, Чик, — ответил дядя Сандро, улыбаясь его наивности, — если она там и лежит, ее всю ржавчина проела.

Чику все-таки было жалко этого злосчастного абрека. Особенно почему-то было жалко, что его труп, излупцованный камнями, тащило холодное, равнодушное течение.

— А если бы ты не уступил ему дорогу и требовал бы у него вернуть козла, — спросил Чик, — ты уверен, что он убил бы тебя?

— Так же уверен, как то, что ты сейчас сидишь передо мной, — сказал дядя Сандро, — ты бы видел его лицо тогда. Да что о нем говорить, если человек в ярости швыряется кукурузными початками в белых мышей. Как будто его отец вырастил эти початки. Тогда уже было видно, что это конченный человек, но я сдержался тогда. Все-таки гость...

Чику стало меньше жалко этого абрека, но все-таки было жалко. Он так ясно представил, как тот молча пя-

тится к реке и даже не пытается попросить у дяди Сандро прощения.

— Все-таки он храбрым был, — вздохнул Чик, — он даже перед смертью не попытался попросить у тебя прощения.

— Храбрый не будет швыряться кукурузными початками в белых мышей, — усмехнулся дядя Сандро. — Он прекрасно знал, что я ему не прощу, иначе стал бы на колени и умолял меня. Он нарушил главный закон гор: в доме, который тебя приютил, иголки тронуть не смей!

— Ну, а когда ты стрелял в него, — продолжал допытываться Чик, — тебе хоть чуточку-пречуточку было жалко его?

— Да что ты, Чик! — воскликнул дядя Сандро. — Если бы ты знал, что такое сладкое чувство мести! Он унизил не только меня, но и весь наш дом и весь наш род. Он получил по заслугам!

— Чик, покушай яблоко и перестань слушать его выдумки, — вдруг сказала тетя Катя, вытирая о подол большое, краснобокое яблоко и подавая ему.

Чик уже так наголодался из-за желания быть верным обычаем, что теперь ему было особенно жалко нарушать их. Тогда получалось бы, что он напрасно голодал. И он решил, что сначала опять нужно трижды отказаться.

— Спасибо, тетя Катя, — сказал Чик, — я уже кушал.

— А ну, возьми сейчас же яблоко! — вдруг, полыхнув глазами, загремел дядя Сандро, — клянусь Аллахом, кто-то нашептал ему не принимать еду в нашем доме! Что ему ни ска-

жешь — я уже кушал. Уж не мать ли твоя запретила тебе есть в моем доме?!

Глаза дяди Сандро теперь целенаправленно полыхнули на маму Чика, и он испугался: а вдруг дядя Сандро испытает к ней сладостное чувство мести?

— Нет, — замотал Чик головой, — мама мне ничего такого не говорила.

Он поспешно взял яблоко из рук тети Кати и крепко надкусил его в знак того, что он с удовольствием ест в доме дяди Сандро.

— Нуца?! — гневно кивнул дядя Сандро в сторону Большого Дома.

— И тетя Нуца не говорила, — ответил Чик, проглатывая прожеванный кусок яблока.

— Попробовала бы, — пригрозил дядя Сандро, — набрала в дом детей своих голодранцев, а наш, небось, недоедает.

Ты смотри, подумал Чик, и он подозревает, что она подыгрывает своим. Иначе как бы она не заметила, что Рыжик два раза подряд сел за стол. Чик решил, что беседа принимает опасный оборот. Ему неприятны были такие разговоры, и он старался быть от них подальше.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Чик, вставая.

— Заходи к нам почаще, Чик, — улыбаясь, сказала тетя Катя, — мы теперь одни без Тали. Нам скучно.

— Нуца там на целую ораву готовит, — успокаиваясь, заметил дядя Сандро, — что тебе ее вареву! Приходи прямо к нам обедать. А если нас нет, сам посуетись на кухне и поешь.

— Хорошо, — сказал Чик, жалея, что он тогда не ухватил еще один кусок курятины, но теперь уже было поздно об этом думать.

Он вышел из кухни, прошел двор и закрыл за собой калитку. Чик вспомнил Тали, дочь дяди Сандро. Она была на несколько лет старше него. Она была такая веселая, такая подвижная, такая красивая! И она примечала Чика.

Она могла в табачном сарае бросить низальную иглу, полную табачных листьев и похожую на гармошку, шлепнуться спиной на пол сарая, устланный папоротниками, и, схватив гитару, лежа, сыграть что-нибудь огневое или такое грустное, что в глазах начинало щипать. Такие, как Тали, долго в девушках не ходят, подумал Чик и со вздохом выбросил объедок яблока: Тали вышла замуж.

Чик снова почувствовал неприятный приступ голода. И как это некоторые терпят голод и по многу дней ничего не едят, подумал Чик. Неужели у них сильная воля, а у меня слабая, горестно подумал Чик.

Он решил сходить к тете Маше и попытаться там пообедать. Тетя Маша со своими бесчисленными великанскими дочерьми была доброй неряшливой женщиной. И Чик сейчас рассчитывал на эту неряшливость. Может, по неряшливости у нее запаздывает обед. Но если уж и там пообедали, он будет закалять свою волю и потерпит до вечера. Чик покосился на солнце. Оно высоко стояло в небе. Это сколько же еще придется терпеть!

Он прошел табачную плантацию, скотный двор Большого Дома, стараясь быть не замеченным детьми, игравшими

во дворе, и стараясь сам их не замечать, хотя промельк рыжей головы и заметил, переступил через перелаз и по тропинке дошел до ворот двора тети Маши.

Над крышей кухни подымались ленивые клочья дыма, а из кухни доносились не только голоса и смех ее дочерей, но доносился и вкуснейший запах жареного копченого мяса.

Справа от кухни посреди двора под странным, неведомым зонтичным деревом стояла богатырская люлька, которую, лежа в ней, сама раскачивала очередная богатырская дочка тети Маши.

Большая рыжая собака, стоявшая у распахнутых дверей кухни, бросилась в сторону Чика с громким лаем. Значит, там обедают или готовятся к обеду, подумал Чик. Надежда озарила душу Чика, и он стал гладить подбежавшую к нему и узнавшую его собаку.

Девочки и девушки тети Маши (их трудно было различить, потому что они рано начинали богатыреть), путаясь ногами и руками в дверях кухни и не давая друг другу выйти, радостно кричали:

— Чик пришел! Чик пришел!

Чик было приятно, что они так весело встречают его. Но еще больше его веселил запах жареного копченого мяса. До чего же пахучий! Завяжите глаза Чикю повязкой, закружите его по двору, а потом отпустите, не снимая повязки! Он сам по запаху жареного копченого мяса пройдет на кухню, нигде не сбившись с дороги и даже не задев дверного проема!

Чик вошел на кухню. Цветущие, смеющиеся девушки окружили его. Даже его сверстница Ляля была почти на голову выше него. Когда столько рослых девушек, да еще из одной семьи, да еще и улыбающихся тебе, нисколько не обидно за свой скромный рост. Ты просто попал в семью великанш. Хотя сама тетя Маша была крепкой, широкобедрой женщиной, она была вполне обычного роста. И муж ее был вполне обычного роста. А девушки — все как на подбор богатырши.

Чик даже придумал теорию, отчего это происходит. Дело в том, что муж тети Маши пастух Махаз работал на ферме, а ферма находилась далеко от дома на окраине Чегема. Он домой приходил редко, жил при ферме. И Чик решил, что редкость встреч мужа с женой порождает обильную плоть детей. Но он ни с кем не делился этой теорией, ему было стыдно. Пусть взрослые думают, что он об этом ничего не знает.

У тети Маши был по старинке открытый очаг среди кухни на земляном полу. Это был большой, довольно плоский, слегка отточенный камень. Сухие толстые и тонкие ветки головной своей частью накладывались на камень, и, по мере горения костра, ветки подтягивались. Дым, в зависимости от направления ветра, иногда распространялся по кухне, но чаще подымался прямо под крышу, где был дымоход, уходящий вбок и сверху от дождя прикрытый козырьком крыши. С угольно закопченной балки, проходящей прямо над костром, свисало несколько очажных цепей с крючками, чтобы подвешивать котлы с молоком, мамалыгой или еще с чем-нибудь.

Сейчас одна из дочерей тети Маши, а именно Маяна, кончала готовить мамалыгу и перекручивала в чугунном котле мамалыжной лопаточкой тугой и упругий замес. Обычно хозяйки с трудом прокручивают уже готовую, густую мамалыгу. Маяна делала это играючи.

Сама тетя Маша сидела на скамеечке, слегка развалилась и щурясь от дыма. Она сидела за очажным камнем и время от времени небрежно отгребала кончиком вертела жар из огня. И снова на вертеле дожаривала мясо. Чикун захотелось закрыть глаза и, забыв обо всем, вдыхать и вдыхать запах горячего, задымленного мяса. Из шипящего мяса время от времени капали капли растаявшего жира и, пыхнув на красных угольках, сгорали голубоватым пламенем. Чикун показалось, что нельзя так задарма тратить этот вкусный жир. Надо бы подставить сковородку под шипящее масло, а потом во время обеда этим вкусным жиром поливать мамалыгу. Но он не решился поделиться своим полезным советом, потому что получалось бы, что он намекает на соучастие в обеде.

Когда Чик вошел, тетя Маша поднялась со своего места, продолжая держать в руке вертел с шипящим мясом. Остальные девушки и так стояли.

— Сидите, сидите, тетя Маша, — сказал Чик, подсакивая к ней и рукой приглашая ее на место.

Девушки расхохотались, они думали, что Чик как городской мальчик не должен был знать таких тонкостей в отношениях между гостем и хозяевами.

— С радостной встречей, Чик, — сказала тетя Маша, усаживаясь на свою низкую скамеечку, — вот и пообедаем вместе.

Первое предложение, волнуясь, отметил Чик.

— Спасибо, я уже обедал, — сказал Чик, с тревогой дожидаясь второго приглашения и даже подумывая, не остановиться ли на нем.

— Цыц! — гаркнула тетя Маша. — Пообедаешь еще с нами, не лопнешь!

— С нами! С нами! С нами! — радостно загромыхали все девушки. Все это можно было приравнять к десяти приглашениям. Больше нельзя было пытаться судьбу.

— Хорошо, — отчетливо сказал Чик, стараясь, однако, не выдавать свою радость.

Чик сел на скамейку. Через несколько минут тетя Маша перестала крутить вертел.

— Мясо готово, — сказала она и приподняла шипящий вертел, слегка наклоненный вперед, чтобы горячий жир не капал на нее, — девки, дайте Чикю помыть руки.

Девушки ринулись к ведру с водой, но первой успела схватить выпотрошенную кубышку, играющую роль кружки, Ляля. Другая, особенно могучая девушка Хикур успела схватить полотенце, и все девушки со смехом высыпали на кухонную веранду. Чик огляделся и вспомнил, что руки моют по старшинству. Все девушки, кроме Ляли, были старше Чика.

— Сначала ты, — сказал Чик, значительно взглянув на Машу, как бы проявляя привычную патриархальную деликатность.

Тут все девушки снова дружно расхохотались, а сама Маяна от хохота даже не удержалась на ногах и свалилась на дрова, сложенные на кухонной веранде. Дрова явно были не готовы принять такую тяжесть, и сами рухнули. Грохот раздался такой, как будто упало дерево. Девушки захохотали еще громче, а Маяна как растянулась на дровах, так от хохота долго еще не могла встать, сотрясаясь всем телом и сотрясая увесистые ветки, упавшие ей на грудь. От общего грохота, пытаюсь восстановить порядок, залаяла собака.

— Девки, что там случилось?! — крикнула из кухни тетя Маша.

— Чик, — только и могла выдавить одна из них, и снова все неудержимо захохотали.

Чик смутился, хотя смех был добродушный. Может, он что-нибудь не так сделал?

— Разве не она старше всех? — кивнул Чик на Маяну, хохочущую и пытающуюся встать, разгребая ветки.

Девушки, давясь от смеха, закивали ему: дескать, ты прав Чик, но все равно это очень смешно. Но что же тут смешного?

— Конечно, она старше всех, — наконец внятно вымолвила одна из девушек, — но ты же гость, Чик! А мы тут все свои!

Ах, вот в чем дело: это гости друг другу уступают по старшинству. С хрустом, проламывая ветки под собой, наконец поднялась Маяна.

Чик вымыл руки, делая вид, что сильно озабочен их чистотой. Это, по мнению Чика, несколько оправдывало весь

этот шум. Потом он вытер руки о полотенце, висевшее на плече Хикур. Полотенце было коротковатым, и край его едва прикрывал могучую грудь девушки. Чик осторожно вытер руки.

Наконец все вымыли руки и вошли в кухню. Маяна легко, как пушинку, сняла со стены державшийся верхними ножками за край чердачного перекрытия длинный, низенький стол и поставила его вдоль очага. После этого она, мамалыжной лопаточкой поддевая мамалыгу, наляпала дымящиеся порции прямо на чисто выскобленную доску стола. Причем одну порцию она сделала особенно большой. Девушки дружно догадались:

— Это для Чика! Это для Чика! Он единственный мужчина среди нас!

Видно было, что они сильно скучают по мужчинам. И при этом все хохотали, как бы от самого обилия своей телесности. Тетя Маша ножом стянула с вертела прямо на стол куски жареного копченого мяса. И уже со стола, раздумчиво, чтобы никого не обидеть, прямо рукой втыкала в каждую порцию мамалыги кусок мяса. Особенно дразнящий своей поджаристостью кусок она воткнула в порцию Чика.

В это время Ляля разливала из бутылки по блюдечкам острую алычевую подливу. Другая девушка раскидывала по столу пучки зеленого лука, как пучки стрел.

С шумом и смехом все девушки расположились на низеньких скамеечках вокруг стола и принялись есть. У многих колени, как круглые плоды, торчали на уровне стола.

Девушки то и дело, впрочем, без особого успеха, натягивали на колени юбки.

Чикуну показалось, что он никогда так вкусно не обедал. Ветер переменялся, и дым ел глаза, но еда от этого казалась еще вкусней. Пахучее копченое мясо он окунал в острую алычовую подливу (акоху) и отправлял в рот. Отгрызал смоченный в подливе кусок, потом отщипывал горячую мамалыгу и тоже отправлял в рот. А потом еще вминал в рот хрустящие перья зеленого лука. От дыма у всех слезились глаза, но никто на это не обращал внимания.

Когда все съели мясо, очистили блюбочки от подливы и выгребли всю зелень со стола, тетя Маша сказала:

— Теперь дай нам мацони, Маяна! А ты, Ляля, взгляни, не опрокинул ли ребенок люльку!

Ляля выскочила из-за стола и вышла на кухонную веранду.

— Все качается! — крикнула она оттуда и вернулась к столу. Одна из девушек собрала со стола пустые блюбочки и косточки, оставшиеся от мяса. Она переложила все это на кухонный стол. Чик заметил, что все девушки почти доели свои порции мамалыги. Но из какого-то такта, возможно, вызванного присутствием Чика, каждая так ела мамалыгу, что от достаточно высокой порции оставалось тонкое подножие, похожее на блин. Каждая сохранила диаметр порции, а сколько было выше — не считается.

— У нас буйволиное мацони, — сказала тетя Маша, — пробовал его?

— Нет, — сказал Чик, чтобы угодить хозяйке.

Но дело было сложнее. Чик пробовал буйволиное мацони, но в тех домах, где он его пробовал, хозяйки подливали воды в буйволиное молоко, тем самым увеличивая его количество, но доводя его жирность до обыкновенного коровьего молока. Эти же хозяйки, как о чудачестве, говорили, что тетя Маша не подливает в буйволиное молоко воды. Поэтому Чик был прав, говоря, что не пробовал настоящее буйволиное мацони, или, проще говоря, кислое молоко.

Маяна подала Чикю железную миску с мацони. Костяная ложка над ней торчала довольно странно, не подчиняясь законам физики. Она торчала криво, но при этом не притрагивалась к краю миски, как криво вонзенный в сыр нож.

Чик попробовал ложку густейшего мацони. Это, подумал он, вкуснее, чем сливки. Хотя Чик сливки никогда не ел, он полагал, что у них вкус пенек. Чик положил в мацони остатки мамалыги, размешал ее там ложкой и стал есть вкуснейшую кашу. Все ели буйволиное мацони. А может, они от настоящего буйволиного мацони все такие здоровые, подумал Чик о дочках тети Маши. В это время он подзабыл о своей теории их обильной телесности.

— Ну, теперь персики, а там девочки — на прополку кукурузы! — сказала тетя Маша. — Ты, Маяна, натруси персиков! А ты, Ляля, взгляни, не опрокинула ли девочка люльку!

Ляля выскочила на кухонную веранду и крикнула оттуда:

— Перестала раскачиваться! Притихла!

— Уснула, — сказала тетя Маша.

Маяна, прихватив таз, пошла на огород. Дом тети Маши славился тем, что здесь все лето ели персики. Почти весь огород был огорожен персиковыми деревцами. Но доспеть им не давали. Ели полуспелые, состругивая ножиком кожуру. Маяна уже трясла персики. Слышно было, как они с глухим шумом падают на землю. Дерево жалобно поскрипывало под ее руками.

— Дерево не сломай! — рявкнула из кухни тетя Маша.

Вскоре Маяна вошла в кухню, неся полный таз зарумянившихся персиков. Девушки, вооружившись ножами, как разбойницы, налетели на таз. Чику тоже достался нож домашней выделки с костяной ручкой. Персики были вкусные, хоть и недозрелые. Девушки уплетали их, хохоча, словно это было не только вкусное, но и смешное занятие. Каждая старалась одной ленточкой состругать кожуру. Если это ей не удавалось, все остальные смеялись. До чего веселый дом, думал Чик, уплетая персики.

— Все, девки! — наконец крикнула тетя Маша. — Пора на прополку кукурузы. А ты, Ляля, убери со стола, накорми собаку и займись девочкой. А то она или люльку ломает, или люлька ее раздавит!

Девушки вместе с матерью вышли из кухни, похватали мотыги, прислоненные к огородной изгороди, и, посмеиваясь друг над другом, перекинув мотыги через плечо, покинули двор, хлопнув воротами.

Ляля тщательно соскребла со стола всю оставшуюся мамалыгу и вместе с костями от копченого мяса швырнула со-

баке, терпеливо ждавшей своего часа у дверей. Собака, как бы давясь от жадности, сначала съела всю мамалыгу, а потом стала перемалывать кости. Костей было много, но она их с удивительной быстротой перемолола своими неимоверными челюстями.

Ляля мокрой тряпкой протерла длинный стол, за которым они сидели. Потом, легко приподняв, подвесила его передними ножками за чердачный выступ. Потом она вымыла все миски, из которых ели мацони, все блюдецки, протерла полотенцем и, сложив их горкой, поставила на кухонный стол.

— Пойдем, посмотришь нашу малышку, — сказала Ляля, и они вышли во двор.

К удивлению Чика, переходящему в ужас, он увидел, что огромная собака сейчас стоит возле люльки, а ребенок, высунув свою увесистую ручонку, крепко держит ее за ухо. Собака, как бы прислушиваясь к действию кулачка ребенка, неподвижно стояла возле люльки. Судя по напряженной руке ребенка, он довольно основательно тянул собаку за ухо.

— Она же укусит девочку! — крикнул Чик.

— Да что ты, Чик! — рассмеялась Ляля. — Она любит нашу малышку больше нас. Если теленок, или буйволенок, или даже курица слишком близко подходят к люльке, она их гонит! Она их отучила пастись возле люльки!

И в самом деле, теленок и буйволенок паслись в самом конце двора, а куры, хоть и разбрелись по двору, близко к люльке не подходили. Под странным зонтичным деревом, где стояла люлька, трава была свежее и гуще, чем во всем дворе.

— Что интересно, Чик, — сказала Ляля, — даже когда мы вечером убираем люльку в дом, теленок и буйволенок не смеют пастись здесь, под деревом. До того собака их запугала. Она без ума от нашей малышки.

Ляля, быстро мелькая голыми ногами, подошла к люльке, не без труда оторвала кулачок девочки от уха собаки, а потом извлекла девочку из люльки. Она прижала ребенка к груди. Ребенок был в одной коротенькой рубашонке, и Чик поразился его мощной лягастости. Чик охватил их обоих взглядом, и ему стало как-то даже не по себе: молодая мать прижимает к груди своего ребенка! А ведь она была не старше Чика! Черт его знает, что делает это буйволиное молоко, подумал Чик, окончательно забыв о своей теории, объясняющей обилие телесности дочерей тети Маши.

Ляля поставила босого ребенка на траву и, придерживая его за предплечья, стала учить ходить. Ребенок довольно быстро перебирал своими лягастыми ногами, ступая голыми ступнями по траве. Он даже хотел идти быстрее, это было видно по его телу, решительно наклоненному вперед, но Ляля крепко придерживала его. И самое забавное было, что огромный пес, как добрый и покорный отец семьи, осторожно шел за ними.

— Топ! Топ! Топи! Топи! — повторяла Ляля и прогуливала свою толстоногую, стремящуюся оторваться от нее сестренку.

— Ну, ладно, я пойду, — сказал Чик.

— Чик, заглядывай к нам почаще! — крикнула Ляля и снова: — Топ! Топ! Топи! Топи!

Огромный пес продолжал следовать за ними, как бы признавая всем своим видом полезность для ребенка таких прогулок.

Когда Чик возвратился в Большой Дом, там никого не было, кроме тети Нуцы. Она проницательно посмотрела ему в глаза, точно так, как перед обедом, и сказала:

— Чик, я сообразила, что ты не обедал. Покормить тебя? Долго же ты соображала, подумал Чик.

— Не хочу, — сказал Чик, — я уже пообедал у тети Маши.

— Да что ты там среди этих прожорливых девок мог ухватить, — удивилась тетя Нуца. — Я тебя сейчас накормлю.

— Честное слово, не хочу, — сказал Чик искренне, — я там очень хорошо поел.

— И как они тебя самого не слопали, эти девки, — еще раз удивилась тетя Нуца. — А почему ты меня запутал, сказав, что уже обедал? За тебя два раза этот бессовестный Рыжик поел. Ну, прямо из голодного края! Хоть бы впрок ему шло: кожа да кости! Но почему ты мне тогда сказал, что уже обедал, вот чего я никак не пойму!

— Мне тогда не хотелось, — сказал Чик, чувствуя, как трудно объяснить, что он своим отказом хотел угодить тете Нуце, которая глазами так и выпытывала у него такой ответ.

— Зато я сейчас тебя чем-то угощу, — таинственно прошептала тетя Нуца и скрылась в кладовке, всегда запертой на ключ, который булавкой был прикреплен к ее карману.

Любопытство вернуло Чику аппетит. В кладовке всегда что-нибудь вкусное хранилось. Чик считал, что слово «кла-

довка» происходит от слова «клад». Там всегда хранится клад вкусных вещей: грецкие орехи, мед, сыр, чурчхели, сушеный инжир, золотые тяжелые круги копченого сыра.

Тетя Нуца вынесла ему темно-багровую чурчхелину величиной с хорошую свечку. Вот это подарок! Чик обожал чурчхели!

Для тех, кто не знает чурчхели, мы опишем, что это такое. Пусть хоть оближутся. Сначала на нитку с иголкой нанизывают дольки грецкого ореха. Потом, держа за кончик нитки, всю эту низку опускают в посуду, где вываренный виноградный сок загустел, как мед. Даже еще гуще. И этот загустевший виноградный сок облепливает низку с орехами. А потом хорошо облепленную густым виноградным соком низку вынимают и вешают на солнце. Там она высыхает. Получается южная сосулька: орехи в сладкой шкурке высохшего виноградного сока. Говорят, в древности абхазские воины, когда шли куда-нибудь в поход, брали с собой чурчхели — и сытно, и вкусно, и легко нести.

— Вот тебе, — сказала тетя Нуца, — а Рыжик ничего не получит. Я когда эту ораву посадила за стол, только тогда догадалась, что Рыжик уже сидел. Клянусь, думаю, моим покойным братом, я же только что видела за этим же столом, на этом же месте этот бессовестный рыжий затылок! Но не гнать же ребенка из-за стола! Грех! Он из села Анхара. А там все такие. За ними нужен глаз да глаз! И тут-то я догадалась, что ты не обедал! Выскочила на веранду и спрашиваю у детей: где Чик? А они: не знаем, куда-то ушел!

Чик с удовольствием уплетал чурчхели и слушал тетю Нуцу. Он в очередной раз удивился глупому свойству взрослых людей все обобщать. Вот Рыжик схитрил и два раза пообедал, значит — все жители села Анхара только тем и заняты: кого бы перехитрить и переобедать у него два раза!

И еще Чик с удивлением убедился, что тетя Нуца совсем не подыгрывает своим. Вот Рыжик ее родственник, а чего только она про него не наговорила. А он думал — подыгрывает! Даже дядя Сандро думал, что подыгрывает. Она просто ужасно устает и многое забывает.

Тут Чик вспомнил, что сам забыл три раза отказаться от чурчхелины, прежде чем ее взять. А он сразу — цап! Нехорошо. Но чурчхелина такая вкусная... Да нет же, поправил себя Чик, отказываться нужно в других домах, а не в доме, где ты живешь! Вечно я путаю! И потом чурчхелина, в сущности, не угощение, а награда. Награда потому и награда, что ты ее заслужил. Значит, тебе дают твое! Чурчхели — награда Чикку за скромный отказ от обеда.

Чик с удовольствием уплетал чурчхелину. Вот житуха, думал Чик, то — ничего, то — все! Было так приятно надкусывать чурчхелину, потом надкушенную часть, придерживая зубами, провести по нитке до самого рта, после чего выдернуть нитку изо рта и чувствовать, как сочные дольки ореха пережевываются с кисло-сладкой кожурой виноградного сока. Тут самый вкус во рту, это вкуснее и отдельного ореха, и отдельного высшего виноградного сока. Они перемешиваются, и возникает совершенно особый третий вкус! До чего гениальный был че-

ловец, который в древности придумал чурчхели! Жаль, его имя не сохранилось. Можно было бы посреди Мухуса поставить памятник Неизвестному Изобретателю Чурчхели.

А то стоят повсюду памятники Сталину. Он придумал Днепрогэс, он придумал Магнитогорск, он придумал колхозы, он защитил Царицын. Большой Дом изнутри вместо обоев был оклеен листами старых газет и журналов. Чик от нечего делать прочел всю эту настенную библиотеку. В тех местах, где он не доставал до текста, он ставил на лежанку табуретку и добирался до него. И там была статья о том, как Сталин в гражданскую войну, пользуясь еще не разгаданной врагами своей мудростью, отстоял город Царицын. А потом якобы народ по этому случаю назвал этот город Сталинградом. Сколько Чик ни перечитывал эту статью, он никак не мог понять, в чем заключалась мудрость защиты Царицына. Да не было там никакой мудрости! Статья — самый настоящий подхалимаж!

Чик и раньше не очень доверял Сталину, хотя и не верил, когда дедушка вдруг сказал ему, что Сталин разбойник, ограбивший пароход до революции. Но с тех пор, как арестовали любимого дядю Чика и выслали отца, Чик окончательно возненавидел Сталина.

Бедняга Чик! Если б он тогда знал, что больше никогда в жизни не увидит ни дядю, ни папу, как ему тогда грустно было бы жить. Но он был уверен, что эту ужасную ошибку рано или поздно исправят и он увидится с ними.

Чик иногда ловил себя на хитрой мысли, что хочет, очень хочет, чтобы Сталин в самом деле был великим и добрым че-

ловеком. Тогда на душе стало бы спокойнее, стало бы ясно, что все плохое в нашей стране — результат вредительства или ошибок глупых людей. Но Чик чувствовал фальшь Сталина, и от этого некуда было деться. Он мошенник, думал Чик, обманувший всех и даже Ленина.

Но что же делать? Чик не видел выхода. Тут был какой-то тупик. Чик терпеть не мог тупики. Он любил ясность. Поэтому Чик больше всего на свете не любил думать о вечности и о политике. И там, и тут был тупик. Политика казалась копошащейся вечностью. Но иногда невольно приходилось думать и о том, и о другом.

Как это вечность? Все должно иметь начало и конец. Но тогда что было до начала вечности и что будет после ее конца? Опять вечность?! Тогда зачем она кончалась? От этих мыслей Чик всегда чувствовал горечь и одиночество.

И сейчас, доедая чурчели, Чик вдруг ни с того ни с сего подумал о вечности. И ему сразу стало тоскливо. Тут не решен вопрос о вечности, а он себе уплетает чурчели. Глупо. Чик сразу почувствовал горечь бессмысленности и одиночества. От этой горечи ему даже во рту стало горько. И ему мучительно захотелось к ребятам. Он знал, он точно знал, что только в азарте игр улетучивается эта горечь бессмысленности и одиночества.

— А где ребята? — спросил Чик у тети Нуцы.

— Дети наверху, — кивнула тетя Нуца в сторону взгорья за Большим Домом, — они там играют и пасут козлят.

— Я пойду к ним, — сказал Чик и встал.

— Иди, Чик, иди, — ответила тетя Нуца, пододвигая дровишки под котел с похлебкой, висевший на очажной цепи.

Чик вышел во двор, поднялся к верхним воротам, вышел из них, закрыл их на щеколду и стал пробираться по пригорку.

Вскоре Чик услышал шорохи в кустах, иногда как бы раздраженный шелест, и он угадывал, что такой шелест вызван тем, что какая-то ветка не поддается, а козленок тянет ее. Замелькали в кустах беленькие козлята, быстро-быстро вбиравшие в рот листья лещины, сассапарилия, ежевики. Время от времени они переблеивались, чтобы не отстать от стада, чтобы чувствовать своих поблизости.

Чик давно заметил, что, когда коза отбивалась от стада, она издавала дурное, паническое блянье, она теряла всякое желание пастись и шарахалась по кустам в поисках своих. Чик даже подумал, что коза в такие минуты чувствует одиночество вечности, хотя сама этого не понимает.

Так и Чик сейчас, услышав радостные голоса детей там, на холме, понял, что они беспечно играют и ему с ними будет весело. И оттого, что он знал — сейчас в бешеной беготне, в азарте игр уйдут от него все неприятные мысли, ему сразу стало хорошо, и он почувствовал прилив сил. Ему прямо-таки захотелось переблеяться с ребятами, как с козлятами.

— Я здесь! — крикнул Чик изо всех сил и стал быстро пробираться к вершине холма.

Он уже слышал смех мальчиков и взволнованные крики девочек, но они были невидимы за зарослями склона.

— Чик, иди к нам! — раздался веселый голос Рыжика. — Где ты пропадал? А мы бегаем наперегонки!

В голосе Рыжика Чик почувствовал такую дружественность, такое искреннее желание видеть его, что он сразу все простил ему. Какой обед? При чем тут обед? Все это чепуха! Сейчас досыта набегаться с ребятами — вот сладость жизни, и она от него никуда не уйдет!

чик и белая курица

Чик играл с ребятами во дворе, когда мама его вышла на крыльцо и позвала его:

— Чик, — сказала она, — нарежь мне курицу.

В одной руке она держала белую курицу за перевязанные лапки, а в другой столовый нож.

Мама примерно раз в месяц покупала на базаре живую курицу, и Чик ей перерезал глотку. Но в последний год Чик заметил, что ему все неприятней и неприятней перерезать глотку курице. Глотки у всех куриц были жилистые, и приходилось изо всех сил надавливать ножом. Прямо перепиливать. Почему-то становилось жалко курицу, но Чик даже самому себе старался не признаваться в этом.

А года три назад, когда мама впервые поручила ему зарезать курицу, он очень гордился этим и ему было совершенно не жалко курицу. А теперь становилось жалко, но он стыдился самому себе признаться в этом.

Чик неохотно подошел к крыльцу и взял у мамы нож и курицу. Курица была совершенно белой, такой курицы он никогда не резал. И сейчас он представил кровь на белых перьях, и ему стало очень неприятно. Но он не мог маме признаться в этом, тем более рядом стояли пацаны с его двора да еще из соседского. И он решил пойти на хитрость. Он попробовал пальцем острие ножа и попытался вернуть маме курицу и нож.

— Нож тупой. Не могу, — сказал он.

Мама как-то нехорошо усмехнулась, но взяла у него только нож. Она наклонилась и стала точить нож о боковую стенку крыльца. Она проводила лезвием ножа о шершавую цементную стенку крыльца то с одной стороны, то с другой.

Долгий, скребущий звук. Через несколько минут мама разогнулась, попробовала пальцем острие ножа и сказала:

— Бери. Теперь он острый.

Чик в это время держал курицу обеими руками, и она доверчиво притихла, прижавшись к его животу. Чик сквозь майку чувствовал ее такое горячее тело, как будто у нее была температура. Теперь ему курицу было еще жалче. Лучше бы он ее держал вниз головой за перевязанные лапки.

Чик взял у мамы нож, положил курицу на землю и наступил ногой на ее лапки. Но так наступил, чтобы ей было не очень больно. Курица лежала в доверчивом ожидании, и это было особенно неприятно Чикю. Если бы она кричала, трепыхалась, вырывалась, было бы не так жалко. Чик схватил ее левой рукой за белоснежную шею, слегка вытянул ее,

чтобы сподручней было резать и вдруг, представив на этой белоснежной шее кровь, которая брызнет из-под ножа, замер. Он подумал, что его, может быть, даже стошнит. Но он в то же время еще сильнее почувствовал, что стыдно признаться в этой жалости и перед мамой, и перед всеми ребятами. Он бросил шею курицы и большим пальцем левой руки провел по острию ножа, якобы еще раз проверяя, насколько он наточен.

— Нож тупой. Не могу, — сказал Чик очень решительным голосом, стараясь скрыть свою нерешительность. Пожалуй, если бы курица была не такая белая, он ее все-таки прирезал бы. Но нельзя было об этом говорить, это было бы совсем смешотворно.

Когда он протянул маме нож и курицу, мама горько усмехнулась.

— Чик, дай я зарезу курицу! — радостно крикнул Оник и подбежал к нему, чтобы успеть перехватить ее.

— Чик, дай я! — крикнул даже хромой Лесик и подковылял к нему.

— Обойдемся без вас! — резко сказала мама, явно обиженная за Чика. Чик почувствовал, что ее особенно оскорбило то, что хромой Лесик оказывался решительней его. Если б только один проворный Оник предложил зарезать курицу, она бы не так обиделась. Она слезла с крыльца и взяла у Чика курицу и нож.

— Там у меня бутылка на столе в кухне, — властно сказала она Чику, — отнеси ее Софье Дмитриевне.

Это прозвучало так: отнеси бутылку, раз уж ты ни на что более сложное не способен. Чик быстро вынес бутылку, но решил сначала посмотреть, как мама будет резать курицу. Сейчас ему хотелось, чтобы мама проявила какую-нибудь неловкость. Но она слезла с крыльца, наступила одной ногой курице на перевязанные лапки, вывернула ей шею и мгновенно перерезала ее. Мама сделала шаг назад, держа в руке окровавленный нож. Оставшись без головы, белая курица попрыгала немного и притихла. Она даже не очень испачкалась своей кровью. Сейчас Чик сожалел, что не проделал все это сам.

Пока обезглавленная курица прыгала, мама молча и грустно дожидалась, когда та затихнет. Потом она взяла ее за лапки, не забыв прихватить и отрезанную головку, выпрямилась, тяжело вздохнула и сказала:

— Эх, Чик, трудно будет тебе в жизни!

Чик так и знал, что она что-то такое скажет, полоснет его по сердцу.

— Что я Хахамом собираюсь стать, что ли?! — закричал Чик, — почему мне трудно будет?!

Хахамом называли старого еврея, который жил на углу. Грузинские евреи носили ему резать своих кур. Но русские евреи почему-то не носили. Чик даже точно не знал, Хахам — это его имя или профессия. Вернее, ему казалось, что это имя, постепенно превратившееся в профессию. Хахам и все! Так все говорили.

Мать на его слова ничего не ответила. Вернее, она устало сказала:

— Отнеси бутылку Софье Дмитриевне.

Это опять прозвучало так: раз ты больше ни на что не способен. Было неприятно.

— Чик, а что в бутылке? — спросил Абу, мальчик из соседнего двора. Чик не стал ничего отвечать, а пошел во флигель, где жила Софья Дмитриевна. Она сидела на своем месте на веранде, глядя в открытое окно. Конечно, она видела все, что происходило у крыльца. Она всепонимающе, грустно улыбнулась Чику и сказала:

— Спасибо за укус, Чик.

Чику сейчас совершенно не нужна была всепонимающая, грустная улыбка. Только не это!

Он поставил бутылку на столик и пошел назад.

Когда он сходил с крыльца, он услышал дружный гогот всех ребят — и своих, и чужих. Чик почему-то догадался, что этот хохот связан с ним, вернее, с ним и с белой курицей и даже, может быть, с этой бутылкой. Было неприятно. Когда он подошел к ребятам, хохот уже предательски смолк.

Вдруг Сонька с болезненной жалостью взглянула на Чика и сказала:

— А я знаю, почему Чик не смог зарезать курицу!

— Почему? — спросил Оник.

Чик настороженно прислушивался.

— Потому что курица была белая! — выпалила Сонька.

Слова ее прозвучали, как точный ответ в задачнике. О, догадливость влюбленных! Ничто так в мире не раздражает, как догадливость влюбленных!

— При чем тут белая или черная! — заорал Чик, — просто ножик был тупой!

— Не обижайся на Соньку, — примирительно сказал Оник, — она же глупая.

— Но нельзя же быть такой глупой! — в сердцах воскликнул Чик, стараясь сразу отмести такое позорное предположение, и при этом продолжая мысленно удивляться ее проницательности.

— Чик сердится, значит, Сонька права, — таинственно улыбнулась Ника. Она сидела у окна своей комнаты и вышивала, как взрослая, прислушиваясь к тому, что делается во дворе.

И тут Чик удивился неприятной догадливости Ники. Но ведь она же не влюбленная? Красивая девочка сидит у окна и вышивает, неприязненно подумал Чик. Слишком картинно, подумал Чик. Когда Чик сердился, он проявлял строгий вкус.

— Я не сержусь, — сказал Чик как можно спокойней, — но это просто глупо.

— Я же знаю, — с грустным упрямством вздохнула Сонька.

Она это сказала с интонацией его мамы, как будто смотрела далеко вперед. Настроение Чика окончательно испортилось. Теперь он сам не понимал, почему не смог зарезать курицу. Неужели только потому, что она была белая?

...Оник, Сонька, Лесик и Чик ходили в школу во вторую смену. Они вместе вышли со двора и направились в школу,

которая находилась через квартал. Почему курицу резать жалко, а есть ее совсем не жалко, думал Чик и никак не мог понять, в чем дело. Чик так глубоко задумался, что стал переходить улицу, не заметив мчащийся грузовик.

— Чик, Чик, беги! — кричали ему ребята, уже перебежавшие на тротуар. Но он ничего не слышал.

Он очнулся, когда грузовик, заскрежетав тормозами, остановился перед его носом, дохнув огненным радиатором. Шофер, высунувшись в окно, его матюгнул, и Чик перебежал на тротуар.

— Чик, ты оглох что ли?! — закричал Оник, — мы же орали тебе!

— Он думал о курице, — снова вздохнула Сонька.

Боже, куда деться от ее догадливости! Но надо, надо делать вид, что он давно забыл об этом, тогда и другие в самом деле забудут. И Чик промолчал. Через минуту прихрамывающий Лесик спросил у Соньки:

— О курице вообще или о белой курице?

Долго же он раздумывал над этим вопросом! Видно, мысль его тоже прихрамывала. Кажется, они его сведут с ума, как, может быть, когда-то свели с ума его дядюшку. Не они, конечно, а совсем другие люди, еще до революции. Чик смутно подумал, что люди мало меняются даже после революции. Он подумал об этом с некоторым беспокойством за революцию.

...Два урока прошли нормально. Почти никто не заметил, что Чик был необычайно задумчивым. И только его любимая

учительница литературы Александра Ивановна подошла к нему, потрогала его лоб и спросила:

— Чик, что ты так притих? Не заболел ли?

— Нет, — ответил Чик, — просто скучно.

— Тебе скучен наш урок? — удивилась Александра Ивановна.

Чик очень любил Александру Ивановну и любил ее уроки. И он не хотел ее обидеть.

— Не урок, а жить скучно, — поспешно ответил Чик.

— Ну, это бывает, — почему-то улыбнулась Александра Ивановна, может быть, радуясь за урок, — только ты знай заранее, что это обязательно пройдет.

И Чику сразу же стало легче. Как он забыл об этом! Сколько раз и раньше портилось настроение, а потом все, все забывалось!

Но Чик рано обрадовался. На большой перемене к нему подошел Шурик, нервный сын школьной уборщицы.

— Что, Чик? — сказал он, ехидно улыбаясь, — курицу не мог зарезать?

— Почему не мог? — только и сказал Чик от растерянности.

— Конечно, не мог, — уверенно ответил Шурик, — вся школа уже об этом знает.

У Чика екнуло сердце.

— Ножик был тупой, потому и не зарезал, — как можно равнодушной ответил Чик. Он решил держаться этой версии и ни шагу не делать в сторону.

— Ножик был тупой! — передразнил его Шурик, — если ножик был тупой, отнес бы курицу Хахаму, и он бы тебе ее зарезал!

Он это сказал с далеко идущим ехидством.

— Шурик, — проникновенно ответил Чик, — сколько раз я тебя лупцевал за ехидство? Еще раз хочешь?

Но тут прозвенел звонок, который явно взбудрил Шурика.

— Случайные победы, — нагло воскликнул он и, уже поворачиваясь, чтобы идти в класс, бодро добавил: — еще неизвестно, кто кого!

Чик ушел в свой класс, уныло утешаясь, что хотя бы о том, что курица была белая, Шурик ничего не знает. Но кто рассказал о курице в школе? Его дворовая команда или ребята из соседнего двора? Слишком много было свидетелей.

Чик знал, что он никогда не будет допытываться, кто именно сказал. Гордость мешала. Это было унижительно. Это означало бы, что он слишком большое значение придает случившемуся.

На следующей перемене, когда Чик, одинокий и грустный, похаживал по школьному двору, к нему вдруг подскочили братья-рыжики. Один из них выпалил:

— Чик, мы придем на похороны твоей курицы. Когда будут похороны?

Это было так глупо, что Чик не удостоил его ответом. После чего оба Рыжика расхохотались, потом, став в затылок друг к другу, сделали постные физиономии, каждый припод-

нял согнутую руку к плечу, и они мрачно стали ходить вокруг Чика. Чик даже растерялся, до того все это было глупо и непонятно. Но вдруг они фальшиво стали мурлыкать траурный марш Шопена, и Чик с ужасом понял, что они изображают похороны курицы. Несколько школьников, которые были поблизости и слышали слова Рыжика, стали хохотать. Слава Богу, их было только четверо. Слава Богу, что Рыжики хотя бы не знали, что курица была белая.

— Глупая шутка, — сказал Чик, делая вид, что его не тронула насмешка, — ничего смешного. Просто ножик был тупой.

— Просто курица была белая, — насмешливо сказал один из Рыжиков, — потому и не зарезал.

Так они и про это знают, помрачнел Чик. Неужели Сонька все рассказала? Нет, Сонька не могла рассказать. Хотя именно Соньку следовало проучить, что она первая громко сказала про белую курицу. Ну, хорошо. Догадалась. Молодец. Но ведь могла бы подойти к нему и на ухо шепнуть о своей догадке. И Чик шепотом сказал бы ей всю правду, но предупредил бы, чтобы она об этом никому не говорила. А теперь что?

— Видно, Чик любит беляков, — сказал второй Рыжик, — потому он жалеет белую курицу.

Рыжикам и другим четырём школьникам это показалось ужасно смешным, и они опять расхохотались. Шутка была не только глупая, но и политически опасная. Чик это понимал.

— Чья бы корова не мычала, да твоя бы молчала, — сказал Чик, многозначительно взглянув в глаза Рыжика. А тому хоть бы что!

В Мухусе беляками считались люди исключительно дворянского происхождения. А отец этих Рыжиков был хиромантом, ездил по городу на осле и во всю глотку кричал:

— Последний русский дворянин и первый советский хиромант!

И вот сейчас один из этих Рыжиков напоминает ему про беляков. С ума сойти!

— По крайней мере, я не воровал кур, — сказал Чик, чтобы унижить Рыжиков. Все знали, что они всюду воруют соседских кур. Но Чик от волнения допустил ошибку. Рыжики не только не стыдились этого, наоборот, гордились.

— Я для тебя украду белую курицу, — сказал один из них, смеясь, — так что не горюй по белой курице!

А между тем к ним присоединялись все новые мальчишки. Чик подумал, что бы смешного про них вспомнить? И вспомнил!

В Мухусе до войны был такой обычай. Во время пролетарских праздников на всех домах вывешивали красные флаги, чтобы показать, что жители этих домов радуются Советской власти. Самые подозрительные начинали радоваться за несколько дней.

Так вот. Старый хиромант, вместе со своими Рыжиками живший на горе в пещере, тоже перед пролетарскими праздниками вывешивал красный флаг, как будто пещера — настоящий советский дом.

Чик рассказал об этом собравшимся. Но почему-то в рассказе Чика эта смехотворная привычка никому не показалась

смешной. Глупые? Или он от волнения плохо рассказал? Никто даже не улыбнулся, хотя все знали рыжебородого хироманта.

— Ну и что? — сказал один из пацанов, — мой старший брат на руле своего велопа всегда держит красный флажок.

Чик догадался, что он, воспользовавшись случаем, похватался велосипедом брата. Тогда велосипед был роскошью.

— Я тебе поймаю белую курицу, — не унимался Рыжик, — можешь держать ее завернутой в красный флаг.

Глупо! Но всем показалось это смешным, и все в который раз расохотались. Но тут, слава Богу, прозвенел звонок, и ребята разошлись по своим классам.

Чик сейчас прямо ненавидел белую курицу. Он готов был ее убить, чтобы потом не пришлось ее зарезать. После уроков Чик первым выбежал из класса и один побежал домой, чтобы ни с кем не видеться. Но на перекрестке между школой и их кварталом его окликнул один пацан на велопе. Это был тот самый богатый игрок, с которым Чик когда-то играл на деньги и проиграл ему все, что до этого выиграл у других. Но Чик уважал этого пацана за исключительную смелость ставки, когда тот играл на деньги.

— Чик, я сейчас от хохота дважды чуть не свалился с велопа, — сказал игрок, подъехав к Чику, и, остановив велосипед, одной ногой уперся в землю, — мне про тебя такое рассказали... Это правда?

Он был весь такой ладный, в длинных брюках со сверкающими велосипедными зажимами. Сама ладность его казалась следствием богатства.

— Что рассказали? — спросил Чик.

— Один пацан рассказал, — продолжал знаменитый игрок, — что ты не можешь зарезать белую курицу, до того тебе ее жалко. И перед тем, как зарезать ее, обрызгиваешь ее чернилами, чтобы она почернела, а потом режешь. Да на тебя... ха! ха! ха! чернил не напасешься.

— Глупость! Глупость! Глупость! — горячо возразил Чик, одновременно удивляясь наивности богачей. Они думают, что в семье Чика чуть ли не каждый день едят курицу, а мама в лучшем случае ее покупает раз в месяц.

— А что, разве этого не было? — спросил великий игрок.

— Конечно, нет, — сказал Чик и подумал, что все отрицать будет неправдоподобно, — просто тогда ножик, который дала мне мама, был тупой, и я отказался резать курицу.

— Выходит, она вся в чернилах так и бегаёт? — спросил игрок, — так даже смешней!

— Да нет! Мама ее сама зарезала, — раздраженно пояснил Чик.

— После того, как ты курицу облил чернилами?

— Тьфу ты! Да не обливал я курицу чернилами! — закричал Чик, — все это выдумки каких-то дураков!

— Зачем же ты приперся во двор с бутылкой чернил?

— Да не было никаких чернил! — закричал Чик, — просто я стоял с бутылкой уксуса, пока мама резала курицу.

— А-а-а, — сообразил велосипедист, — я все понял! Ты поливаешь уксусом место, где пролилась куриная кровь. А моя мама всегда смывает кровь водой. Может, уксус лучше?

Конечно, если каждый день резать курицу, можно жить по колено в крови, подумал Чик, сам не понимая, что проникается гневным классовым чувством.

— Укус в бутылке я должен был занести соседке и занес, — сделал Чик последнее пояснение, — а все остальное — вранье, вранье, вранье!

— Как, и белой курицы не было? — поразился велосипедист.

— Нет, белая курица была, но ее зарезала мама. Все! — закричал Чик.

— Тогда совсем не интересно, — разочарованно сказал мальчик, придерживая велосипед между ногами, — а я столько времени потратил!

Он вынул из верхнего кармана рубашки монету, положил ее на ноготь большого пальца правой руки и сказал:

— Сыграем сейчас в «орла» и «решку» на рупчик?

— У меня нет денег, — сказал Чик и попытался уйти.

— Постой, постой, — попросил его знаменитый игрок, — один раз кинем. Выиграешь — у тебя будет рупчик. А проиграешь — будешь должен рупчик. Я тебе доверяю, ты честный.

Этот легкий бальзам сейчас для Чика был в самый раз.

— А когда отдавать, если проиграю? — спросил Чик.

— Когда-нибудь! — щедро сказал богач.

Чик у показались такие условия очень выгодными.

— Хорошо, кидай! — сказал Чик. Монета, вращаясь, полетела вверх.

— «Орел»! — сказал Чик.

Монета в самом деле упала на «орла», но потом, словно раздумывая, не добить ли Чика, лениво отскочила и перевадилась на «решку». Не везет, так не везет!

— Пока, Чик, — сказал богатый везунок, поднял монету, поцеловал ее и вбросил в верхний карман. Подтолкнув ногой педаль, поехал: — С тебя рупчик, не забывай!

Когда Чик пришел домой, обед был готов. Мама сделала мамалыгу, сварила курицу, приготовила ореховое сациви и салат. У мамы на лбу был приклеен кончик огурца с хвостиком. Это был верный признак того, что она поскандалила с соседкой. Они чаще всего оспаривали место для своих примусов. После скандала мама, чтобы успокоиться, приклеивала ко лбу конец огурца с хвостиком. Он успокаивал ее нервы.

Чик никак не мог понять, каким образом он держится у нее на лбу. Ведь она при этом не пользовалась никаким клеем. Конец огурца с хвостиком как-то сам всасывался ей в лоб. Чик как-то попробовал приклеить его к своему лбу, но, как только он шевельнул головой, кругляшок огурца с хвостиком слетел на пол. Чик решил, что он всасывается в лоб, когда человек нервничает, а так не всасывается. Пожалуй, после белой курицы он бы всосался ему в лоб. Но, конечно, было бы совершенно глупо, если бы он в таком виде пошел в школу.

Обед был славный. Чик отрывал пальцами куски горячей мамалыги, макал их в густую ореховую подливу и отправлял

в рот вместе с мясом белой курицы. Мясо белой курицы казалось особенно вкусным, и Чик хищно разгрызал косточки и высасывал из них нежный костный мозг. Чику казалось, что с исчезновением белой курицы за обедом сама собой улетучится и история о ней. Это придавало ему дополнительный аппетит: ну ищите, ищите белую курицу, где она? Нет курицы — не о чем говорить. Мама молодец, она ничего не сказала брату и сестре о том, что он отказался резать белую курицу. А то бы брат долго смеялся над ним.

Чик налегал и на салат. Вернее, на огурцы. Помидоры он терпеть не мог. Но огурцы любил. Тем более, думал Чик, раз огуречный сок через лоб успокаивает маму, то скорее всего он и Чика будет успокаивать через желудок.

После обеда Чик, предупредив маму, что идет на море, воровато, стараясь не привлекать внимание, вышел во двор и, незамеченный, выскочил на улицу. Он был сердит на свою дворовую команду, потому что кто-нибудь из них, наверное, и рассказал в школе о белой курице, хотя это могли сделать и ребята из соседнего двора. Во всяком случае, сейчас Чик ни с кем не хотел иметь дело.

Чик любил море. Ничего в мире он так не любил, как море. Все больше и больше волнуясь, он приближался к нему. Белая курица его теперь совсем не беспокоила. Возможно, это огурцы уже действовали на его нервы. Он много огуречных пятачков съел за обедом. А, может, и близость моря его успокаивала. Вернее, и то, и другое, подумал Чик. Он нарочно, для проверки себя, вспоминал о белой курице и почти ни-

чего не чувствовал. Ну и что? Ну и что? Говорил он сам себе, гордясь своим бесчувствием.

Уже на Портовой улице вдруг рядом с ним остановился грузовик, и оттуда выглянул его троюродный брат Сафар. У него был орлиный нос и горящие глаза. Это был, честно говоря, довольно вздорный человек с невероятно развитым чувством семейной гордости. Казалось, на своей полуторке он преследует всех, кто, по его мнению, оскорбил их семейную честь. Вечно он своим орлиным носом вынюхивал оскорбление семейной чести.

— Чик, поди сюда! — крикнул он, выглядывая в окошко.

Чик подошел.

— Что это у вас там за история приключилась? — раздраженно спросил Сафар.

Чик и в голову не пришла белая курица. Он думал, Сафар имеет в виду, что тетюшка несколько дней назад выставила из дому Баграта за то, что тот продолжает якшаться с уголовниками. Баграт был Сафару двоюродным братом. Сафар мог увидеть оскорбление чести рода и в том, что Баграт продолжает якшаться с уголовниками, и, наоборот, в том, что его выставили из дома. До того вздорным был Сафар.

— Какая история? — спросил Чик.

— Чик, только не притворяйся! — вспыхнул Сафар, — говорят, ты сегодня погнался за белой курицей, забыв обо всем на свете, и тебя чуть не раздавила машина. Ты в своего сумасшедшего дядюшку пошел, что ли? Что тебе сделала эта белая курица, что ты гонял ее по всему городу и чуть не попал

под машину? Откуда у тебя привычки сумасшедшего дядюшки? Раньше, вроде, не было.

Чик объяснился, как мог. Он поклялся мамой и папой, что белая курица со двора не выходила, да и не могла выйти, потому что ноги у нее были связаны. А под машину он в самом деле чуть не угодил, потому что сильно задумался на улице.

— О белой курице? — раздраженно угадал Сафар.

— Да, — признался Чик, не в силах больше сопротивляться. Черт бы ее побрал! Чуть дело коснется белой курицы — все делается угадчивыми. Даже вздорный Сафар.

— Вот видишь, — успокаиваясь, заметил Сафар, — ты идешь по стопам сумасшедшего дяди.

Сафар, как всегда, все напутал. Сумасшедший дядюшка Чика гонялся за кошками и собаками, если они заскакивали в дом. А за курами никогда не гонялся. Мимо кур и даже индюков он проходил, как совершенно нормальный человек.

— Зачем тебе надо было думать о белой курице, — продолжал Сафар, — лучше бы ты думал о чести рода или об уроках. Но главное не это. Мне говорили, что шофер тебя матюгнул. Это правда?

— Правда, — сказал Чик.

Глаза у Сафара зажглись, как фары. Сафар достал откуда-то клочок бумаги, химический карандаш и облизнул его, чтобы тот лучше писал.

— Номер машины? — резко спросил он.

— Какой машины? — спросил Чик.

— Типичный племянник типичного сумасшедшего дяди, — брезгливо проговорил Сафар, — разумеется, не моей машины. Машины того шофера, который тебя матюгнул.

— Я не помню, — признался Чик, — я даже не посмотрел.

— Как, этот негодяй матом выругал тебя! Ну, конечно, ты его избить не мог. Хотя я и в твоём возрасте его избил бы. Но запомнить номер его машины — мог?

— Я не догадался, — сказал Чик.

Вообще Чик считал все эти разговоры о чести рода полной липой. Подумаешь, герцог на полуторке! Да Чик и настоящим герцогам из книг не верил, что они начинают дрыгать ногами, когда дело касается их рода. Форсят, и больше ничего!

— У тебя нет гордости за свой род, — продолжал Сафар, — а у нас старинный крестьянский род. Мы чистокровные крестьяне! Спроси у мамы! Чистокровные! Никогда не были в прислужниках князей!

Чик в деревне слышал разговоры о чистокровности того или иного крестьянского рода. Он сначала удивлялся этому, а потом объяснил это себе так. В Абхазии до революции было столько князей, что именно чистокровность крестьянского рода особенно ценилась.

— Учти, — продолжал Сафар, — если еще раз так случится, я тебя вычеркну из нашего рода. Хватит, что его позорит твой сумасшедший дядюшка! Но это природный случай! Ничего! Я сам вычислю этого шоферюгу... В день две-три машины проезжают по вашей задрипанной улице, и ты чуть не попал под одну из них... А сейчас куда чапаешь?

— На море, — сказал Чик.

— Иди, — немного подумав, словно взвесив, насколько море может покуситься на их род, сказал Сафар, — но учти, что и на море надо думать о чести рода. А этого шоферюгу я вычислю, и он получит за оскорбление нашего рода.

— Но, может, он не знал, что я отношусь к чистокровному роду? — не без тайной насмешки спросил у него Чик.

— Еще одно оскорбление, — заметил Сафар, — город у нас маленький. И не так трудно запомнить всех людей нашего рода. Он у меня получит. Иди!

И Сафар рванул с места на машине, словно взял след оскорбителя рода.

Чик вышел на дикий пляж. Купающихся было мало, потому что был сентябрь. Вот еще одна удивительная загадка моря. Каждый год Чик замечал, что с первого сентября, когда кончается купальный сезон, море делается чуть-чуть холодней. С ума сойти! Вчера, в конце августа, еще было совсем теплое, а с первого сентября чуть-чуть похолодело. Откуда море узнавало, что кончился август? Можно сойти с ума от этой загадки. Чик не понимал, что это ложный эффект конца сезона.

Сейчас уже была вторая половина сентября, а Чик вместе с некоторыми пацанами продолжал купаться в море. Первого сентября море чуть-чуть холодело, а потом уже Чик этого не замечал.

Чик снял майку, короткие штаны и сандалии. Остался в одних трусах. Он огляделся. Шагах в десяти от него сидела

компания пацанов его возраста. Занятые собой, они на Чика не смотрели. Чик быстро зарыл одежду в гальку и засыпал ее, чтобы никто не украл. Внимательно взгляделся в место, где засыпал галькой одежду, чтобы потом не забыть его.

Чик вошел в море. Оно было теплое и тихое, как горное озеро. Песок под водой светился, как рябь окаменевших волн. Чик никак не мог понять, почему в тихую погоду песок на мелководье напоминает ряды застывших волн. Чик шагал по воде и смотрел на дно. Вдруг из-за зеленых водорослей, как из-за крепостной стены, пыхнули мальки и разлетелись, как стрелы.

Чик поплыл. Метров через десять Чик увидел, как впереди него из воды появился нырок. Головка нырка на длиннее торчала из воды, как вопросительный знак. Чик поплыл на него. Чик, с одной стороны, знал, что нырок унырнет от него, но, с другой стороны, он никак не мог понять, нырок замечает его или сам по своим надобностям ныряет. До того у него был самостоятельный вид. Когда Чик приблизился метров на пять, нырок преспокойно клюнул воду и исчез в глубине. Минут через пять нырок вынырнул метрах в десяти впереди Чика. Чик снова поплыл на него. Но нырок, медленно поводя головой, как будто бы присматривался к небу: нет ли поблизости морского ястреба, а Чик его совершенно не интересовал. Чик поплыл на него. Метрах в пяти от Чика нырок снова клюнул море и исчез под водой как бы по собственным рыболовным надобностям. Чик подплыл к тому месту, где он нырнул, и стал ждать. Нырок дол-

го не появлялся. Очень долго. Уж не дышит ли он еще и жабрами, подумал Чик. А может, его схватила черная морская акула — катран? Маленькая такая акула, не опасная для людей. Только Чик об этом подумал, как нырок появился над водой впереди Чика. Он поворачивал голову во все стороны. Только не в сторону Чика: мол, этот не представляет из себя опасности. Чик самым плавным брассом, почти не высывая голову из воды, поплыл на него. На этот раз до нырка оставалось метра два, и Чик хотел могучим броском накрыть его. Но нырок опять, ничуть не обеспокоенный Чиком, клюнул море и исчез. Так повторялось еще несколько раз, и нырок каждый раз — клюк! — клюнет море и исчезнет в глубине, как бы совершенно не замечая Чика. Или в самом деле не замечал?

— Мальчики! — вдруг раздался зычный голос над тихим морем. Чик посмотрел по сторонам и увидел метрах в тридцати от себя лодку, на которой сидел молодой мужчина в красных плавках и девушка в купальнике с длинными волосами. Мужчина сидел на средней банке, а девушка на корме. Но почему он крикнул: мальчики! И тут Чик увидел позади себя какого-то пацана. Видно, он был из той компании, что сидела на берегу.

— Мальчики, плывите на помощь! — крикнул еще раз мужчина. Чик и этот пацан поплыли в сторону лодки.

— Я уже полчаса слежу за тобой, — сказал мальчик, плывя рядом с Чиком саженками, — неужели ты такая кумпешка, что не понимаешь — нырка в воде нельзя поймать?

— А я и не думал его ловить, — холодно ответил Чик. Он подумал, что, когда плывешь деревенскими саженками, надо повежливей обращаться с человеком, который давно уже плавает настоящим брассом.

— Да ты только об этом и думал! — перебил его мальчик, нисколько не стыдясь своих саженок, — только раненого нырка можно поймать в воде. Балбес!

— Сам ты балбес! — ответил Чик, прислушиваясь к себе и стараясь понять, что он защищает: честь рода или собственную честь? Честь рода тут ни при чем, решил Чик после короткого анализа. Они подплыли к лодке.

— У меня, ребята, на часах ремень порвался, и они свалились в воду, — сказал мужчина. — Кто достанет, тому в награду пять рублей.

— Где именно упали? — спросил Чик.

— Точно здесь, — ответил мужчина и указал на весло, торчавшее над водой.

— Если глубина больше семи метров, я не донырну, — предупредил Чик.

— Зато я донырну, — нагло сказал этот мальчик.

В конце «Динамки», где была вышка для прыжков в воду, Чик доныривал, правда с трудом, до дна. Настоящие спортсмены говорили, что там глубина семь метров.

Чик набрал воздух всей грудью, перевернулся и нырнул. Он изо всех сил греб в сторону дна. Вода становилась все темней и темней. Уши начинали болеть. Вода пружинисто и больно нажимала на них. Чик уже даже собирался

всплыть, когда почти в полной темноте нащупал песок. Он несколько раз перебирал его руками, стараясь нашарить твердый предмет, но ничего не нашаривалось. Каждый раз, когда он переставал грести руками и щупал дно, вода пыталась вытолкнуть его вверх, но он сильным гребком приближался ко дну. Наконец, поняв, что еще миг и он задохнется, Чик сильно оттолкнулся ногой от дна и стремительно пошел вверх. Солнечный свет радостно ударил по глазам. Чик показалось, что он вдохнул небо. Рядом выплыл этот мальчик. Он завистливо и жадно посмотрел Чик в глаза, но, поняв, что и Чик ничего не нашел, успокоился.

— Ну что? — спросил мужчина из лодки.

— Пока ничего, — ответил Чик.

— Я найду, — сказал мальчик и, стараясь опередить Чика, нырнул. Чик набрал воздуха и тоже нырнул. Опять дошел до дна, щупая растопыренными пальцами донный песок. Он даже случайно столкнулся на дне с этим мальчиком, и тот брезгливо дернулся от него, как от какого-то морского чудища. Он даже на дне злится на меня, с удивлением подумал Чик. Он нервный, как сын школьной уборщицы Шурик. Чик терпеть не мог нервных мальчиков. От них всего можно было ожидать.

Они опять вынырнули ни с чем. Теперь мужчина, который потерял часы, держал в руке пятерку, чтобы воодушевлять их. Он ее держал двумя пальцами, и бумажка шевелилась, как флажок.

Чик отдышался, вытряхнул из ушей воду и снова нырнул. Этот пацан его снова опередил, до того он спешил заработать деньги. Чик опять ощупал дно немного в стороне, и опять ничего не нащупал. Пацан этот тоже ничего не нащупал. Так они еще несколько раз бесполезно ныряли. Чик почувствовал, что начинает уставать, да и воды наглотался.

И вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль. Хотя море сегодня было совершенно спокойным, как горное озеро, но Чик знал, что даже в такую погоду течение, хоть и слабо, продолжает работать. Лодку, конечно, сносило в сторону востока. Хоть и очень медленно. Она же не стояла на якоре.

Чик набрал как можно больше воздуха, нырнул, пронырнул под лодкой и уже с другой стороны пошел ко дну. Но и на этот раз он ничего не нащупал. Выныривая, Чик хотел опять поднырнуть под лодкой, чтобы этот мальчик ни о чем не догадался, но он так стремительно шел вверх, что у него не хватило сил поднырнуть под лодкой. Он вынырнул вправо от лодки.

— Как ты там оказался? — сказал мужчина, услышав Чика, пыхтящего с другой стороны лодки.

— Случайно отнесло, — сказал Чик.

Он услышал, как тот мальчик вынырнул. Судя по отсутствию радостных возгласов, он тоже вынырнул пустой. Мужчина в лодке теперь держал свои пять рублей в приподнятой руке, чтобы воодушевлять их с обеих сторон лодки.

Чик здорово устал, но он снова нырнул еще дальше от лодки, пощупал дно, но ничего не нашел. Выныривая, он вдруг

увидел, что в сторонке на дне что-то блеснуло. Или ему показалось? Чик вынырнул, стараясь никак не терять ориентировку и донырнуть до блеснувшего места.

Он с такой силой набрал воздух, что в груди что-то треснуло. Он точно донырнул до блеснувшего предмета, цапнул его и понял, что это часы. Оттолкнулся от дна и вынырнул.

Он хотел закричать от радости, но сдержался. Нежно, как пойманную птицу (может быть, нырка?), он зажимал в ладони часы с одним ремешком. И тихо подплыл к лодке. Этот мальчик может оспорить его удачу, поняв, что лодку снесло. Как будто Чик нарочно снес лодку. От нервных пацанов всего можно ожидать. Тем более — он здесь не один.

— Нашел! — крикнул Чик, подплыв к лодке.

— Молодец! — радостно сказал мужчина, поворачиваясь в сторону Чика и беря у него часы. Он передал Чику пятерку, и Чик взял ее, работая одними ногами в воде, аккуратно сложил и сунул в рот, зажав ее зубами.

Девушка в лодке заулыбалась Чику.

— Я за тебя болела, — сказала она радостно. Чику это слышать было приятно. Чику вообще нравились девушки в купальниках с длинными, распущенными волосами. Особенно, если эти волосы на ветру хлестали их по спине. Но и так было хорошо. Мужчина осторожно протирал платком часы.

— Часы все равно заржавеют от морской воды! — злобно воскликнул мальчик с той стороны лодки, намекая, что мужчина мог бы побережь свои пять рублей.

— Не заржавеют, — улыбнулся мужчина, не отрываясь от своих часов, — они у меня заграничные, водонепроницаемые.

Ты смотри, подумал Чик с уважением к часам, водонепроницаемые, как подводная лодка. Чик не слышал о таких часах. Мужчина сунул часы в карман брюк, валявшихся на носу, и уже осторожно положил брюки обратно.

— До свиданья, мальчики, — радостно сказала девушка и взглянула на Чика. Чик не мог ей ответить, потому что у него в зубах были зажаты деньги. Он, оскалившись, как немой, закивал ей, а пацан, который нырял с Чиком, промолчал.

Они поплыли к берегу. Пацан время от времени злобно глядел на Чика.

— Если б не я, — вдруг сказал он, — ты бы до сих пор гонялся за нырком.

Чик ничего не ответил ему и потому, что зажимал зубами деньги, и потому, что был благостно настроен от своей счастливой находки.

Через некоторое время этот пацан сказал:

— Я первым нашел эти часы и перепрятал их в другое место, чтобы, когда эти фраера уплывут, достать. А ты, как балбес, отдал им часы! Ненавижу!

Чик от изумления перед таким враньем чуть не раскрыл рот, чтобы изобличить его во вранье, но вовремя вспомнил о своей пятерке. Он только ответил ему долгим, возмущенным мычанием, что этого пацана окончательно вывело из себя, и он резко поплыл в сторону своей компании.

Какой же он врун! Чик в десяти метрах от лодки достал часы. Получалось, что этот врун нырнул с той стороны лодки, нашел часы, прошел больше десяти метров под водой, зарыл их в песок и, главное, обратно под водой прошел еще больше десяти метров, и выплыл с той стороны лодки. Прямо чемпион мира! Только по вранью!

Чик вышел на берег озябший. Он с волнением, теперь у него не было никакого доверия к этой компании, разрыл место, где оставил одежду. Слава Богу, все уцелело. Чик с удовольствием лег на теплую гальку и, положив перед глазами пятерку, любовался ею, время от времени нюхая ее. А еще говорят, что деньги не пахнут! Еще как пахнут! Чик может лежать с закрытыми глазами, а вы ему подносите к носу, хоть тетрадь, хоть промокашку, хоть газету, а запах денег он ни с чем не спутает! Почему же говорят, что деньги не пахнут? И тут Чика осенило! Так пошло с древнегреческих времен! Тогда деньги были только золотые и серебряные, и они не пахли. А теперь по привычке продолжают так говорить. Ничего в мире так не пахнет, как деньги!

Вдруг Чик услышал со стороны компании пацанов дружный хохот. Чик почему-то понял, что этот хохот относится к нему, и ему стало неприятно. Чтоб улучшить настроение, Чик понюхал деньги. Да, запах денег улучшил настроение. Чик вспомнил про свой долг. Рупчик отдам, подумал он, а остальные деньги могу тратить, как хочу.

Но тут снова раздался дружный хохот, и вся компания посмотрела в его сторону. Чик внимательно взгляделся в паца-

нов, стараясь определить, не учится ли кто-нибудь из них в его школе. Нет, вроде, таких нет.

Вдруг поднялся и, хрупая по гальке, направился к нему тот самый мальчик, который с ним нырял. Теперь он был одет. Он остановился перед лежащим Чиком.

— Спорим на пятерку, что я лучше тебя ныряю, — сказал он. — Прямо с берега нырнем, кто дальше!

Чик знал, что сам он ныряет хорошо. Что в длину, что в глубину. Но сейчас ему нырять было ужасно неохота. Он очень устал. И он подумал вдруг, что, наверное, они все-таки смеялись не над ним. Если бы они над ним смеялись, этот мальчик сейчас не подошел бы. Чику даже на одно мгновение стало жалко его. Все-таки он трудился, ныряя, и ничего не заработал. Он подумал, а не поделить ли с ним наградой? Дать ему два рубля, указав, что они делятся поровну, а рубль Чик должен отдать пацану, которому он проиграл в долг. Это прозвучало бы красиво. И сразу видно было бы, как Чика уважают, что играют с ним в долг.

— Неохота, — сказал Чик мирно. Видно, сказал слишком мирно.

— Сыграем! — азартно повторил пацан и даже сделал движение, чтобы скинуть майку. Впрочем, движение было липоватое.

— Я же сказал: неохота, — более твердо повторил Чик.

— Если бы не я, — презрительно прошипел мальчик, — ты бы до сих пор гнал за нырком. Балбес!

— Сам ты балбес! — ответил Чик и, продолжая лежать, сунул деньги в карман штанов, что одновременно означало, что ни о какой игре не может быть и речи. Он даже удивился самому себе: с чего это ему пришла в голову мысль поделиться с ним деньгами? Уж не испугался ли он этой компании?

— Ты трус! — вдруг крикнул этот мальчик. Чика словно ошпарило: а вдруг это правда?! Он вскочил.

— Это почему я трус? — грозно спросил Чик и встал перед пацаном, прямо глядя ему в глаза.

Друзья этого мальчика, увидев, что они стоят друг против друга, готовые к бою, сбежались. Но они не производили особенно воинственного впечатления.

— Потому ты трус, — громко пояснил мальчик, — что сегодня, когда твоя мама поручила тебе зарезать курицу, ты почувствовал бздунеус и не зарезал ее.

Чик понял, что худшие подозрения его оправдались. Вот почему они хохотали! Терпение Чика почти лопнуло, но он еще изо всех сил держался. Слава Богу, что этот пацан явно не знает, что курица была белая.

— Я не почувствовал никакого бздунеуса, — ответил Чик с отвращением, — просто ножик был тупой, и потому я не резал курицу.

— Да ты сам тупой! — заорал мальчик и ударил Чика кулаком по лицу.

Удар мгновенно выхлестнул ярость Чика! Обо всем забыв, даже забыв о пяти рублях, которые были сунуты в ва-

ляющиеся штаны, он ринулся в драку. Чик сам не догадывался, что мстит за все сегодняшние страдания. Он только ощущал во время драки, что удары его сильнее, чем удары этого мальчика. В конце концов, он так саданул его кулаком в лицо, что тот опрокинулся на спину и глухо ударился головой о гальку. И вдруг упавший пацан застыл в той позе, в которой упал. И глаза у него были закрыты. Чик просто не знал, что подумать.

— Пацаны, — истошно заорал какой-то мальчик из этой компании, — он курицу не мог зарезать, а человека убил!

Как убил, подумал Чик, окаменев. Ужас! Ужас! Такого ужаса он никогда не испытывал. Но вдруг мальчик шевельнулся и тут же притих. Потом снова шевельнулся и поднял голову.

— Пацаны, завтра пойдем на охоту за крабами? — неожиданно спросил он, как ни в чем не бывало. А потом, увидев Чика, встряхнул головой и все вспомнил:

— Чем ты меня ударил?

— Ничем, — сказал Чик, готовый разрыдаться и разводя пустыми руками.

— Да, да, Ленька! — горячо подтвердил слова Чика один пацан, — у него ничего не было в руках! Я бы заметил! Ты просто поскользнулся и ударился о камни затылком.

Ты посмотри, подумал Чик с умилением, среди них даже честный есть!

— Пацаны, пошли домой, — вдруг встал и деловито сказал противник Чика, — сам же я во всем виноват. Он гнался

за нырком, не понимая, что его нельзя догнать. А я его пожалел и остановил. А один пацан-москвич утонул, полдня гоняясь за нырком. Вот так, делай людям хорошее.

Чик сразу почувствовал, что он в последней фразе явно повторяет глупые слова взрослых. Пусть повторяет, продолжая умиляться, подумал Чик, лишь бы не умер.

Шумно споря, компания стала уходить. Они все уже были одеты. Чик долго следил за своим противником, боясь, что тот внезапно упадет и умрет. Когда компания исчезла за углом, Чик вздохнул. Он решил, что дальше он не отвечает за его жизнь. Ему стало легко, легко. Он посмотрел на море. Оно порозовело от закатного солнца. Золотая полоса воды, идущая от солнца, золотилась сильнее, чем солнце. Флотилия чаек отдыхала на воде. Недалеко от берега какая-то девочка гнала гусей. Гуси торопливо, явно зная, что день вот-вот кончится, вытянув шеи, морковными клювами обгладывали листья с неведомых кустов. Диск солнца неуклонно закатывался за море. Чик знал, что на самом деле это земной шар прямо на его глазах всей своей громадой поворачивается и заграждает солнце. Что перед этим великим зрелищем какая-то белая курица?

И что интересно — ни в этот день, ни во все последующие дни Чик больше никто не напоминал о курице, тем более белой. Примерно в месяц раз мама приносила с базара живую курицу, Чик с покорным отвращением резал ее, но белую курицу мама больше никогда не покупала. То ли белая курица ей не попадалась, то ли слова Соньки запали ей в душу.

Чик возвратил свой долг богатому игроку на следующий же день. Они случайно встретились. Узнав, что у Чика еще четыре рубля, тот немедленно предложил сыграть на них, обещая, если Чик проиграет, он продолжит с ним игру в долг. Но Чик нашел в себе твердость отказаться. С богатыми невозможно играть. Если они проигрывают, они в каждую новую ставку включают всю сумму проигрыша и, в конце концов, выигрывают.

Это черт его знает что получается!

Содержание

Ночь и день Чика	8
Чаепитие и любовь к морю	172
Животные в городе	217
Защита Чика	251
Чик и Пушкин	294
Чик знал, где зарыта собака	344
Чик на охоте	385
Подвиг Чика	452
Чик идет на оплакивание	485
Чик и лунатик	527
Чик — играющий судья	557
Страшная месть Чика	584
Возмездие	609
Чик чтит обычаи	635
Чик и белая курица	686

Литературно-художественное
издание

искандер фазиль абдулович
собрание
детство чика

Редактирование и корректура
Мария Богданович, Татьяна Тимакова

Художественный редактор
Валерий Кальвиньш

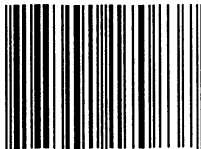
Верстка
Роман Терешин

Изд. лиц № 0985 от 17.02.2000
Подписано в печать 08.06.2004
Формат 70×108^{1/2} Бумага для ВХИ
Гарнитура Петербург Печать офсетная
Тираж 3000 экз
Заказ № 322

Издательский дом «Время»
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25
Телефон (095) 231 1877

Отпечатано на ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

ISBN 5-94117-083-1

9 795941 170837